

А.Т. ТОЛЕУБАЕВ

РАНЕСАКСКАЯ
ШИЛИКТИНСКАЯ
КУЛЬТУРА

Archaeological Library of Kazakhstan

УДК 902/904
ББК 63.4
Т 52

АКИМАТ ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. АЛЬ-ФАРАБИ

Т 52 А.Т. ТОЛЕУБАЕВ. Раннесакская шиликтинская культура. - Алматы: ИП «Садвакасов А.К.», 2018. - 528 с.

ISBN 978-601-04-3121-8

С 2003 года Восточно-Казахстанская археологическая экспедиция Казахского национального университета им.аль-Фараби изучает сакские памятники Шиликтинской долины, расположенной на территории Зайсанского района Восточно-Казахстанской области. Бессменным руководителем экспедиции является д.и.н., профессор А.Т. Толеубаев. С 2004 года Шиликтинский археологический комплекс изучался в рамках государственной программы «Культурное наследие». Именно в это время были открыты и исследованы шиликтинский «золотой» человек и многие раннесакские элитарные памятники предгорий Тарбагатая. В последние годы благодаря инициированной Президентом Казахстана Н.А. Назарбаевым программе «Рухани жанғыру», с поддержки акимата Восточно-Казахстанской области с новой силой возобновились исследования в этом уникальном культурном микрорайоне. Программная статья Елбасы «Семь граней Великой степи» еще более детализирует задачи, стоящие перед гуманитарной наукой Казахстана, и определяет ее приоритеты.

Богато иллюстрированная монография профессора А. Толеубаева является результатом его многолетних полевых и кабинетных исследований. В ней на конкретном фактологическом материале раннесакского времени восточного региона Казахстана отражены многие замечательные грани Великой степи.

Книга предназначена для археологов, этнологов, историков, культурологов и широкого круга читателей.

УДК 902/904
ББК 63.4

© Толеубаев А.Т. 2018
© ИП «Садвакасов А.К.» 2018

А.Т. ТОЛЕУБАЕВ

РАНЕСАКСКАЯ
ШИЛИКТИНСКАЯ
КУЛЬТУРА

АЛМАТЫ
2018

Семь граней Великой степи

Пространство - мера всех вещей, время - мера всех событий. Когда смыкаются горизонты пространства и времени, начинается национальная история. И это не просто красивый афоризм... История Казахстана также должна быть понята с высоты современной науки, а не по ее отдельным фрагментам.

Во-первых, большинство протогосударственных объединений, о вкладе которых пойдет ниже речь, образовались на территории Казахстана, став одним из элементов этногенеза казахской нации.

Во-вторых, те выдающиеся культурные достижения, о которых пойдет разговор, не были привнесены в степь, а в большинстве случаев родились именно на нашей земле и лишь затем распространились на Запад и Восток, Север и Юг.

В-третьих, исторические находки последних десятилетий отчетливо подтверждают неразрывную связь наших предков с самыми передовыми технологическими новациями своего времени и позволяют по-новому взглянуть на место Великой степи в глобальной истории....

К тому же принципиально важно отметить, что речь идет об истории Казахстана, которая является общей для многих этносов, проживающих на нашей территории длительное время. Это наша общая история, вклад в которую внесли многие выдающиеся деятели разной этнической принадлежности.

Президент Казахстана Н.А. Назарбаев

Archaeological Library of Kazakhstan

*Посвящается памяти моей супруги – д.и.н. Гульжазире Мейрамовны,
она была для меня образцом казахской женщины.*

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

15

I. ПАМЯТНИКИ ШИЛИКТИНСКОЙ ДОЛИНЫ РАЗНЫХ ЭПОХ

39

- 40 Группа Шиликты-1
- 54 Группа Шиликты-2
- 76 Группа Шиликты-3
- 83 Группа Шиликты-4
- 88 Группа Шиликты-5
- 96 Группа Шиликты-6
- 98 Группы Кос-оба, Торт-оба
- 102 Группа Кокбастау
- 105 Группа Шаган-оба
- 108 Мазар Зейноллы Бутабаева
- 112 Карашоки
- 114 Кергентас
- 116 Окей

II. «ЗОЛОТОЙ» КУРГАН БАЙГЕТОБЕ МОГИЛЬНИКА ШИЛИКТЫ-3

119

- 121 Земляная насыпь (первый строительный слой).
- 143 Каменная насыпь (второй строительный слой)
- 153 Деревянно-каменная усыпальница
- 183 Дромосы
- 195 Раскоп в погребальной камере
- 205 Процесс обнаружения золотых изделий из погребальной камеры

III. ШИЛИКТИНСКОЕ ЗОЛОТО И КОСТЮМ «ЗОЛОТОГО ЧЕЛОВЕКА»

217

- 218 Характеристика золотых украшений
- 249 Золотоносность Шиликтинской долины
- 263 Костюм шиликтинского «золотого человека» в контексте одежды сако-скифского мира

IV. ШИЛИКТИНСКИЕ ЭЛИТАРНЫЕ ПАМЯТНИКИ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ САКО-СКИФСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

307

- 308 Вопросы, связанные с погребальными сооружениями шиликтинских саков
- 319 Похоронно-поминальные обряды шиликтинцев в свете традиций сако-скифов
- 328 Некоторые историко-культурные выводы и культурогенетические параллели по Геродотовским рассказам о скифах
- 338 Сако-скифские и казахские параллели в похоронно-поминальных обычаях

V. РАНЕСАКСКАЯ ШИЛИКТИНСКАЯ КУЛЬТУРА (культурно-хронологический аспект)

351

ПРИЛОЖЕНИЕ

389

- 390** 1. Технология и некоторые вопросы техники изготовления золотых украшений из кургана Байгетобе некрополя Шиликты (к.и.н. Минасян Р.С., г.Москва)
- 404** 2. Результаты антропологических исследований костных останков из кургана Байгетобе (к.и.н. Исмагулова А.О.)
- 424** 3. Микроскопические и физико-химические исследования проб из погребального комплекса Байгетобе (к.в.н. Кашкинбаев К.А.)
- 447** 4. Результаты исследования костных останков животных из кургана № 36 группы Шиликты-1 (к.в.н. Кашкинбаев К.А.)
- 452** 5. Геология и золотоносность Шиликтинской долины (д.г-м.н. Жаутиков Т.М.)
- 462** 6. Результаты металлографических исследований (Институт геологии)
- 482** 7. Консервация дерева с живописью и исследование краски (Алтынбеков К.)
- 488** 8. Компьютерная реконструкция кургана (архитектор Шадьяров А.С.)
- 490** 9. Результаты радиоуглеродных и дендрохронологических исследований (Слюсаренко И., Новосибирск, Панушкина И., США)
- 500** 10. Результаты дендрохронологического анализа (Скрипкин В., Ковалюх Н., г.Киев)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

503

- 510** Список использованной литературы

Automatological Library of Kazakhstan

ВВЕДЕНИЕ

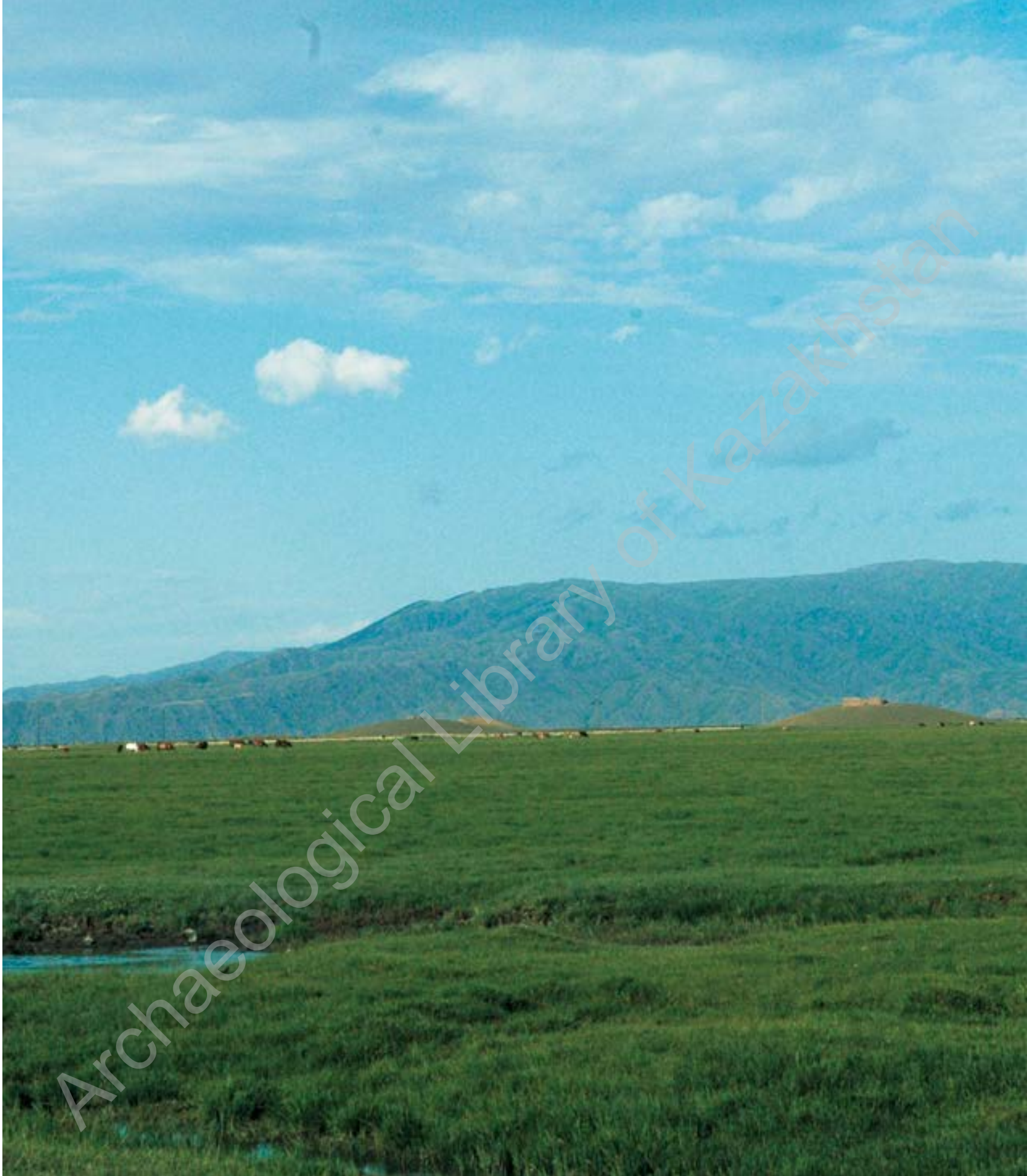

Сако-скифский период в истории Евразии представляет самую яркую ее страницу. Ранний железный век в пространстве великого пояса степей в основном связан с жизнедеятельностью племен и племенных союзов под условным названием саков и скифов. Дело в том, что письменные источники не всегда дают возможность точно локализовать их в пространстве от Забайкалья на востоке до Дуная на западе, от среднего течения Оби и Енисея на севере до Амударьи и Памирских гор на юге. Поразителен тот факт, что на такой огромной территории существовала единая в своей основе культура сако-скифских племен. Вероятно, это, наряду с другими причинами, объясняется, и мобильностью жизни кочевых этносов и, соответственно, активной диффузией их культуры.

Именно в этот период происходят важные сдвиги в области производственной жизни населения: увеличивается поголовье скота, зарождается, развивается и расширяется кочевое и полукочевое скотоводство, в отдельных районах происходит рост и совершенствование земледельческого хозяйства. Особым достижением раннего железного века является продолжение развития металлургии бронзы, и, конечно же, внедрение в производство железа и дальнейшее расширение его роли в хозяйственной жизни. Правда, в азиатской части, в особенности на территории Казахстана, бронзовые орудия долго оставались в активном применении, железные орудия не вытеснили их быстро. Это было связано не отсталостью племен на территории Казахстана и сопредельных районов, чем этот факт пытаются объяснить некоторые исследователи, а тем, что металлургия бронзы на территории Казахстана была развита достаточно высоко, и сырья этого сплава было предостаточно, чем во многих районах Евразии. К тому же первые железные орудия по своей прочности и остроте ненамного превосходили бронзовых, а иногда даже уступали им.

Яркими достижениями скифо-сакской культуры были их специ-

Вид курганов на фоне гор

фические инновации в области изготовления конской сбруи и оружия, а также совершенно новых образцов произведений искусства на мотивы «звериного стиля».

У истоков археологического изучения Казахстана стояли крупные ученые, как Н.К. Витзен, Д.Е. Мессершмидт, Ф. Страленберг, Г.Ф. Миллер, П.С. Паллас, В.В. Радлов и др. В конце XIX - начале XX вв. такие краеведы-любители, как С.И. Гуляев, А.П. Аниховский, М. Копалов, В. Никитин, Н.А. Абрамов, Н. Коншин, А.А. Козырев, И.А. Кастанье, А. Адрианов и др. через свои служебные сообщения и специальные статьи внесли определенный вклад в дело изучения памятников казахских земель.

Сравнительно небольшие раскопки курганов были произведены В.В. Радловым (1865 г.), В.Н. Каменским (1910 г.) и А.В. Адриановым (1911 г.). Они дали весьма ценные материалы по эпохам бронзы и ранних кочевников.

В 1910 году Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии была отправлена в верховья Иртыша экспедиция под руководством В.Н. Каменского при участии студентов Н. Бобкова, Г. Бокия и В. Пилетича, которая может считаться первой археологической экспедицией в эти районы. В восточной окраине Шиликтинской долины в местности Шаган-оба было раскопано несколько курганов под руководством

Вид кургана Байгетобе до раскопа

Бокия. Эти материалы частично хранятся в Музее антропологии и этнографии АН СССР, частично они изданы С.А. Теплоуховым и М.П. Грязновым [1; 2].

Планомерные археологические исследования скифо-сакских памятников территории Казахстана и сопредельных районов начались с 30-40-х годов прошлого столетия. Это раскопки М.П. Грязнова и С.И. Руденко на пазырыкских курганах Алтая, первые раскопки С.С. Черникова на шиликтинских курганах. В эти же и последующие годы памятники эпохи бронзы и раннего железного века Казахстана стали изучаться И.В. Сеницыным, А.Х. Маргуланом, А.М. Оразбаевым, К.А. Акишевым, Г.А. Кушаевым, А.Г. Максимовой, Н.Г. Бернштамом, М.К. Кадырбаевым и др.

В 1949, 1959, 1961, 1962 и 1971-ых годах в могильнике Шиликты раскопки вели археологи Ленинградского отделения института Археологии АН СССР под руководством профессора С.С. Черникова [3]. Ими в общей сложности было раскопано 13 курганов и опубликованы опубликованы материалы двух курганов (курганы № 5, 7).

К числу выдающихся открытий черниковской экспедиции следует отнести результаты раскопок пятого и седьмого шиликтинских курганов. В книге, посвященной публикации и анализу шиликтинской кол-

Вид лагеря Шиликтинской экспедиции 2003 года

лекции [4], ставится ряд проблем скифо-сакской археологии. Она привлекает новизной некоторых идей, а главное – поисками путей решения ряда традиционно спорных вопросов. Очень важен значительный материал, полученный экспедицией С.С.Черникова по другим памятникам (Усть-Буконь, Славянка, Юпитер, Кула-Журга, Баты и др.).

В настоящее время на основе анализа конструктивных особенностей и предметного комплекса некоторые исследователи определяют хронологическую позицию раннесакского кургана № 5 могильника Шиликты между курганами Аржан-1 (рубеж IX – VII вв. до н.э.) и недавно исследованным Аржаном-2 (середина - 2 половина 7 в. до н.э.) [5, с.70]. По мнению А.Бейсенова, материалы таких удивительных памятников раннесакского времени, как Аржан-2, Шиликты, Талды-2, Жалаулы, позволяет наметить основные направления культурных контактов в этот период [6, с.15].

Особое место в истории изучения археологии раннего железного века Казахстана, в частности, Центрального Казахстана занимают труды М.К. Кадырбаева. Им впервые на достаточно богатом материале из памятников Центрального Казахстана (Тасмола, Нурманбет, Ботакара, Карамурун и др.), удалось воссоздать историю культуры и хозяйства сакских племен центральной части Сарыарки. М. Кадырбаев для обозначения восточного ареала степных культур скифского времени в свое время в научный оборот ввел условный термин «сакская культурная общность». Ядром сакской общности он считал племена Казахстана и Алтая, и сходство культур внутри сакской общности, по его мнению, объясняется их базированием на андроновской основе [7, с.32].

Большой вклад в разработку сакской археологии внес К.А. Акишев. Он известен не только замечательным открытием иссыкского «Золотого человека» (8), его научной реконструкцией и введением в мировой научный оборот, но и многими аналитическими и теоретическими разработками по проблемам сако-скифской культуры Евразии [8]. Именно он впервые предпринял попытку доказательства достаточно высокого уровня развития саков Евразии, наличия у них государственности. Достаточно на высоком аналитическом уровне интерпретировал искусство, мировоззрение и мифологию саков Алишер Акишев [9]. Правда, я не совсем согласен с его научной позицией, и методологией сравнительно-сопоставительного анализа иссыкского материала. Дело в том, что А. Акишев всю идеологию и мировоззренческие основы костюма и всего наряда иссыкского золотого человека связывает и увязывает с индоиранской мифологией и идеологией, выводит из недр этой культуры. Мой опыт научной реконструкции и интерпретации внутреннего смысла, мировоззренческой и идеологической основы костюма раннесакского шиликтинского золотого человека показывает, что в основе

Восьмикаменное поминальное сооружение. Группа Шиликты-4

всего этого высококультурного явления, изобретения, шедевра лежит прототюркская основа, тюркский субстрат. В результате культурно-сопоставительного анализа материалов сако-скифского мира с данными культуры древних и поздних тюрков я все больше убеждаюсь в прототюркском и тюркском характере культуры сакских племен.

Большую работу по исследованию памятников раннего железного века Восточного Казахстана проводит профессор З.С. Самашев. Его исследования берельских памятников дали достаточно серьезный результат по историко-культурной реконструкции и интерпретации позднесакского периода Казахстана и сопредельных регионов. Мультидисциплинарные исследования З. Самашева по существу являются

Курган № 11 группы
Шиликты-1

новой вехой в изучении берельского этапа (варианта) пазырыкской культуры Алтая [9].

Своими интересными фактологическими материалами и их хорошим обобщением выделяются исследования М.Г. Хабдуллиной по раннему железному веку Северного Казахстана [10], А.З. Бейсенова по сако-скифской археологии Центрального Казахстана [6]. Особый интерес для наших дальнейших изысканий в этих направлениях вызывает открытие в последнее время А. Бейсеновым талдинских материалов в районе Каркаралинских гор.

Разработкой классификации погребального обряда населения Восточного Казахстана раннесакского времени в свое время занимались Н.А. Боковенко [12, с. 46-48], П.И. Шульга [13, с. 245-250], Г.К. Омаров [14] и др. В их работах были даны основные характеристики разделения и группировки раннесакских погребальных сооружений на основе различных категорий погребальной обрядности.

В настоящее время в сакской археологии сложилась парадоксальная ситуация: несмотря на значительные достижения по изучению раннекочевнического общества историками, лингвистами, представителями естественных наук, основные проблемы истории этого периода остаются либо нерешенными, либо остро дискуссионными. К тому же, необходимо обозначить отсутствие по истории скифо-сакских племен Казахстана комплексных обобщающих трудов во второй половине XX - начале XXI вв. [15, с.134].

С 2003 года сакские памятники в Шиликтинской долине, расположенной на территории Зайсанского района Восточно-Казахстанской области, изучала археологическая экспедиция Казахского Национального университета им. аль-Фараби. Руководил научным проектом и экспедицией д.и.н., профессор А.Т. Толеубаев.

Шиликтинская долина — уникальнейшее творение природы, издавна служившая превосходным ландшафтом для древних кочевников. Мягкие зимы, слабый снежный покров, хороший разнообразный травостой и достаточная орошаемость ценились кочевниками уже в глубокой древности, о чем свидетельствуют огромные, величественные курганы, являющиеся наиболее характерными приметами здешнего пейзажа.

Шиликтинская долина представляет собой равнину длиной 80 км и шириной около 30 км, окруженную с юга и юго-запада горами Тарбагатай, с востока — Сауыр-Сайхан и горами Манырак с севера. Преобладающая абсолютная высота хребтов 1300-2000 м; максимальную отметку — 2716 м — имеет гора Шакпактас (хребет Сауртау). Речные долины в горах, как правило, узкие. Часть из них представляют собой ущелья с отвесными стенками и дном, заваленным крупными валунами и облом-

ками скал. Шиликтинская долина имеет плоское или слегка волнистое дно, расчлененное многочисленными реками, стекающими с соседних гор. В центре Шиликтинской долины размещено большое солончаковое болото с отдельными открытыми водоемами в виде незначительных озерков с соленой или горько-соленой водой. В крупных межгорных долинах широко распространены суглинки (в том числе лессовидные), а в центре Шиликтинской долины преобладают также щебеночно-суглинистые и щебеночно-супесчатые, кроме того, глины сильно заболоченные и засоленные, грунтовые воды нередко выходят на поверхность в виде мощных родников или артезиана с пресной, чистой и прозрачной водой. Грунтовые воды находятся очень близко от поверхности земли, всего на глубине 0,2 - 0,3 м.

На большей части территории господствует сухая, полынно-злаковая степь (ковыль, типчак, мятлик, полынь, различные виды солодки). В хребте Сауртау и горных массивах к северу от него (в основном по их северным и восточным склонам) встречаются небольшие массивы лиственных лесов и участки редколесья. Высота деревьев 15 - 20 м, толщина 0,25 - 0,30 м.

Зима в горах длится с ноября по начало марта. Дневная температура в межгорных долинах — 5 -10°. Весна длится с марта до середины мая. Дневная температура в долинах 10-20°. Лето длится с середины мая до середины сентября; погода здесь стоит в это время жаркая и сухая. Температура воздуха в полуденные и послеполуденные часы держится около 27-30°, опускаясь по ночам до 5-10°. Осадки в долинах редки и нерегулярны. Осень два с половиной месяца — с середины сентября по конец ноября. Погода в этом сезоне повсеместно преобладает ясная и сухая. Дневная температура воздуха 5-15°.

Ветры в течение года преимущественно западные и восточные; их преобладающая скорость 2-3 м/сек. Из местных ветров для межгорных долин (в особенности зимой) характерны фены — теплые ветры с гор.

В целом географические условия Шиликтинской долины очень благоприятны для жизнедеятельности человека. Это способствовало успешному развитию в здешних местах скотоводства начиная с эпохи бронзы. Особый расцвет культуры в Шиликтинской долине приходится на ранний железный век. С начала 1 тысячелетия до нашей эры эту долину и окружающие ее горы населяли сакские племена. Они оставили после себя большое количество величественных памятников, которых можно сравнить разве что с такими памятниками ранних кочевников, как Пазырык, Аржан, Бешатыр, Берел и др.

Курган №1 группы Шиликты-4

Природно-климатические условия Восточного Казахстана сыграли очень благоприятную роль в процессе формирования в здешних местах хозяйственно-производственной, культурной деятельности. Восточный Казахстан изобилует и разнообразными пастбищами, в том числе зимними, плодородными почвами в долинах рек, многочисленными месторождениями многих металлов, в частности, таких, как медь, олово и золото, ценными породами камня и дерева, разнообразными видами промыслового зверя и рыбы.

По нашим нынешним сведениям, в Шиликтинской долине известно более 200 памятников раннего железного века, из них около 120 курганов сако-скифского времени расположены в центре долины, на территории, охватывающей менее одного километра в ширину и около 6 км в длину. Из них около четырех десятков памятников относятся к царским и элитарным курганам, высота их колеблется в пределах 4 - 7 метров, а диаметр 40 - 100 метров. Датируются эти памятники VIII - I вв. до н.э.

Такая плотная концентрация элитарных памятников сако-скифской культуры на небольшой площади встречается очень редко не только на территории Казахстана, но и во всем пространстве Евразии. На окраинах долины и в предгорьях имеются поселения и могильники эпохи бронзы и раннего железного века, огады, курганы и каменные изваяния тюркского времени. Окружающие долину горы богаты наскальными изображениями, относящимися к периодам, начиная с эпохи бронзы до позднего средневековья.

По результатам наших исследований, сакские памятники центральной части Шиликтинской долины условно подразделены на шесть групп. Первую группу (Шиликты-1) составляют курганы, тянущиеся с севера на юг от аула Тасбастау до южной оконечности поселка Шиликты. Эта группа выборочно была изучена экспедицией С.С. Черникова и в научной литературе носила имя Шиликты без номера. В связи с открытием и исследованием еще нескольких крупных групп могильников в центре Шиликтинской долины нам пришлось их соответственно нумеровать. Могильнику, в свое время изученному проф. Черниковым, мы дали самый первый номер, и в дальнейшем он будет носить имя — Шиликты-1. Группа по новым подсчетам насчитывает 72 памятника.

Вторая (Шиликты-2) и третья (Шиликты-3) группы расположены к югу от могильника Шиликты-1 и тянутся в этом направлении на расстояние до 3-х километров. Еще три группы Шиликтинских памятников расположены к северу от Шиликты-1, у подножья горы Манырак. Эти группы впредь нумеруются как Шиликты 4, 5, 6.

Карта расположения памятников групп Шиликты-1, 2, 3

Нашей экспедицией за пятнадцатилетний период методом раскопок исследовано четыре больших кургана, один средний и около двадцати малых курганов.

Вообще, раскопки больших курганов, особенно так называемых «царских» курганов с особо крупными размерами часто сопряжены с большими рисками. Ибо, в конечном результате, многомесячный упорный и напряженный труд участников экспедиции, затраченные большие материальные средства могут не оправдаться полученной информацией.

В последние годы археологические исследования памятников раннего железного века привели к качественному сдвигу не только в деле накопления материалов, но и в осмыслении, обобщении и широкой пропаганде этих историко-культурных ценностей. Этому, несомненно, дала мощный толчок Государственная программа «Культурное наследие» и «Рухани жанғыру», инициированные Президентом Республики Казахстан Н.А. Назарбаевым. Буквально на днях Елбасы опубликовал свою программную статью «Семь граней Великой степи», где дал достаточно объективную оценку вкладу кочевников-степняков в мировую цивилизацию. Конечной целью всех этих программ является не только глубоконаучное исследование наших знаковых археологических памятников и восстановление исторического прошлого нашей Родины, но и их сохранение, реконструкция и использование в качестве наглядного материала исторического туризма. Нынешний уровень развития исторической науки и археологии позволяет реконструировать конкретную историческую реальность в социально-экономическом, политическом и этнокультурном аспектах, ибо сохранение, охрана и использование памятников ранних кочевников является приоритетным направлением археологии.

В этом многосложном деле реальную помощь и программное направление нашим исследованиям дает акимат Восточно-Казахстанской области во главе с Даниалом Кенжетеавичем Ахметовым.

Изучаемая нами на протяжении многих лет Шиликтинская долина была зимовкой саков. Обычай захоронения своих умерших только вблизи зимовок сохранился до казахов этнографического периода. Курганы саков резко различаются по размерам. Чем богаче и знатнее был умерший, тем величественнее был памятник, сооруженный в честь него.

Очень близкую картину тому, как сооружались курганы над могилами знатных людей скифского общества, дает И. Брашинский: «Тысячи соплеменников неделями и месяцами тянулись нескончаемыми цепочками к месту погребения, неся землю в мешках и корзинах,

Вид двух больших курганов из группы Шиликты-1

погоня коней, запряженных в волокуши и тащивших землю. Ее ссыпали на могилу вождя и шли за новой ношей. Земляной холм постепенно рос, достигая иногда огромных размеров до 20 и более метров в высоту и сотен метров в окружности. Это был памятник умершему, свидетельствующий о его могуществе, власти и богатстве» [16, с.4].

Археологические открытия, как и открытия в других отраслях науки, связаны с кропотливыми многолетними исследованиями. Очень часто многомесячный упорный труд десятков людей заканчивается обнаружением методично и начисто разграбленных памятников. Наши деды и прадеды очень точно охарактеризовали кропотливую трудоемкость занятия наукой. Они сравнивали занятие наукой раскапыванием иглой целого колодца. Эта характеристика наших предков науки точно подходит к археологической науке. Раскопки в больших курганах вкратце можно представить как работу вначале с помощью лопаты и носилок, затем при помощи ножей, скальпеля, совочек и щеток.

Но я также уверен, что в археологии, как и во всякой науке, нередко присутствует фактор счастливой случайности. Думается, и мне посчастливилось с выбором кургана Байгетобе. В центре Шиликтинской долины на сравнительно небольшом пространстве было разбросано огромное количество курганов. Выбор из этого огромного ряда величественных памятников, похожих друг на друга не только размерами и формой, но и планировкой в общем месторасположении могильника, представлял архисложную задачу. Я уже потом понял, что, не выбери я уже в первом полевом сезоне такого «удачливого» кургана, как «Байгетобе», нам бы не и снилось дальнейшее финансирование проекта. Поэтому я считаю, что выбор кургана для раскопа в первом полевом сезоне имел огромное, возможно, и судьбоносное значение для исследований моей экспедиции в Шиликтинской долине. А ведь могло случиться и так, как в последующих нескольких сезонах раскопок в Шиликтинской долине, когда мы в результате нескольких месяцев упорных работ наткнулись на полностью и беспощадно разграбленные памятники. Это я сейчас могу благодарить судьбу за удачный выбор первого кургана. В нашем деле, не меньше, чем в какой-либо другой отрасли науки, играет свою роль «госпожа удача». Но я также уверен, что это в определенной степени результат долголетнего профессионального опыта и внутреннего чутья.

В последние годы вместо ранее принятой «кочевой цивилизации» выдвигается концепция «степной цивилизации». На мой взгляд, отказ от терминов «кочевая культура», «кочевая цивилизация» порождены пороками европоцентристских негативно оценочных взглядов этой формы хозяйственно-культурного, общественно-политического типа. На мой взгляд, термин «степная цивилизация» не вполне адекватно отражает всю хозяйственную, культурную и общественно-политическую

сущность той формы цивилизации, которая была основана: а) на преимущественно скотоводческом хозяйстве, в стадах которого преобладали овцы и лошади; б) общественные отношения складывались на основе многовековых родоплеменных принципов, сочетающих в себе глубокие социальные и имущественные законы сложившегося своеобразного классового общества; в) внутренние и внешние политические отношения регулировались степными законами обычного права, кочевой моралью и идеологией; г) одной из главных ценностей считалась земля, на которой основывается вся хозяйственно-экономическая деятельность кочевника-скотовода, поэтому привязанность к земле, то есть к пастбищной территории, у кочевника сильнее, чем у земледельца; часть кочевников Евразии, особенно в ксеротермические периоды раннего железного века, обитали и создавали свою цивилизацию в предгорных, горных районах или же на контактных зонах степей и гор. Об этом ярко свидетельствуют цивилизации древних кочевников на Алтае, на Тарбегатае, в предгорьях Алатау и т.п.

Древнюю историю Восточного Казахстана удалось наметить, и то лишь в самых общих контурах, только в последние годы, благодаря систематическим археологическим раскопкам, которые проводятся на территории области. Роль письменных источников здесь ничтожна, т.к. страны, где люди впервые начали записывать те или иные исторические события, находятся за много тысяч километров на юго-восток.

Цель данной работы – определение места и исторической роли раннесакской шиликтинской культуры в системе культур сако-скифского мира через обобщение и анализ существующих фактологических материалов.

Работа состоит из пяти глав, Приложения и Списка использованных источников. В Приложении работы даны статьи специалистов разных отраслей наук, которые были привлечены для мультидисциплинарного исследования шиликтинских памятников.

В годы исследования шиликтинских памятников мне большую помощь в кино-фотофиксации, в ведении скрупулезных дневниковых записей раскопок оказал историк с широкими научными интересами, профессор Амантай Иса.

Свою особую теплую благодарность выражаю моим ученикам, ныне вполне сложившимся специалистам в области археологии, к.и.н. Гани Омарову, к.и.н. Улану Умиткали, Ринату Жуматаеву, Ердену Оралбаю, Галымжану Киясбеку, Айнур Сегизбаевой, Жазире Терекбаевой, Улану Жангалиеву и др. Эти мои молодые соратники, несмотря на зной и холод Табагатайских предгорий, неустроенность полевой жизни каждый из них в разные годы оказали неоценимую помощь в организации и проведении раскопок, в разведочных поездках. Я сегодня с определен-

Курган № 48 группы Шиликты-1

ным чувством долга педагога-учителя вспоминаю тот факт, что за эти пятнадцать лет работы через Шиликтинскую экспедицию как школы полевых археологических исследований прошли не менее двух тысяч студентов-практикантов. Конечно, основной костяк экспедиции составляли студенты археологи-этнологи, историки моего родного университета – КазНУ им. аль-Фараби. В отдельные годы активное участие в моих экспедициях принимали студенты государственного университета им. Шакарима, госуниверситета им. Аманжолова, ЖГУ им. Жансугурова, КазНПУ им. Абая, Казахского гуманитарно-юридического инновационного университета Семей.

Огромную человеческую благодарность выражаю своему однокласснику, талантливому художнику-дизайнеру Алибеку Садвакасову. Он вместе со мной в течение нескольких лет выполнял дизайнерские работы в процессе научной реконструкции шиликтинского золотого человека. Дизайнерское оформление моих прошлых книг и настоящего издания также выполнены им. Огромное спасибо редактору этой книги – коллеге из КазНУ им. аль-Фараби к.ф.н. Инкар Какильбаевой.

Каменные стелы в западной части кургана № 2 группы Шиликты-4

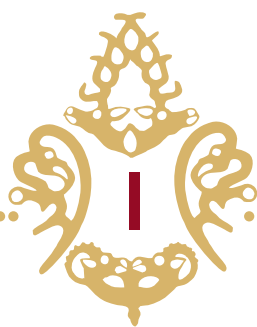

Группа курганов западнее аула Шиликты

Archaeological Library of Kazakhstan

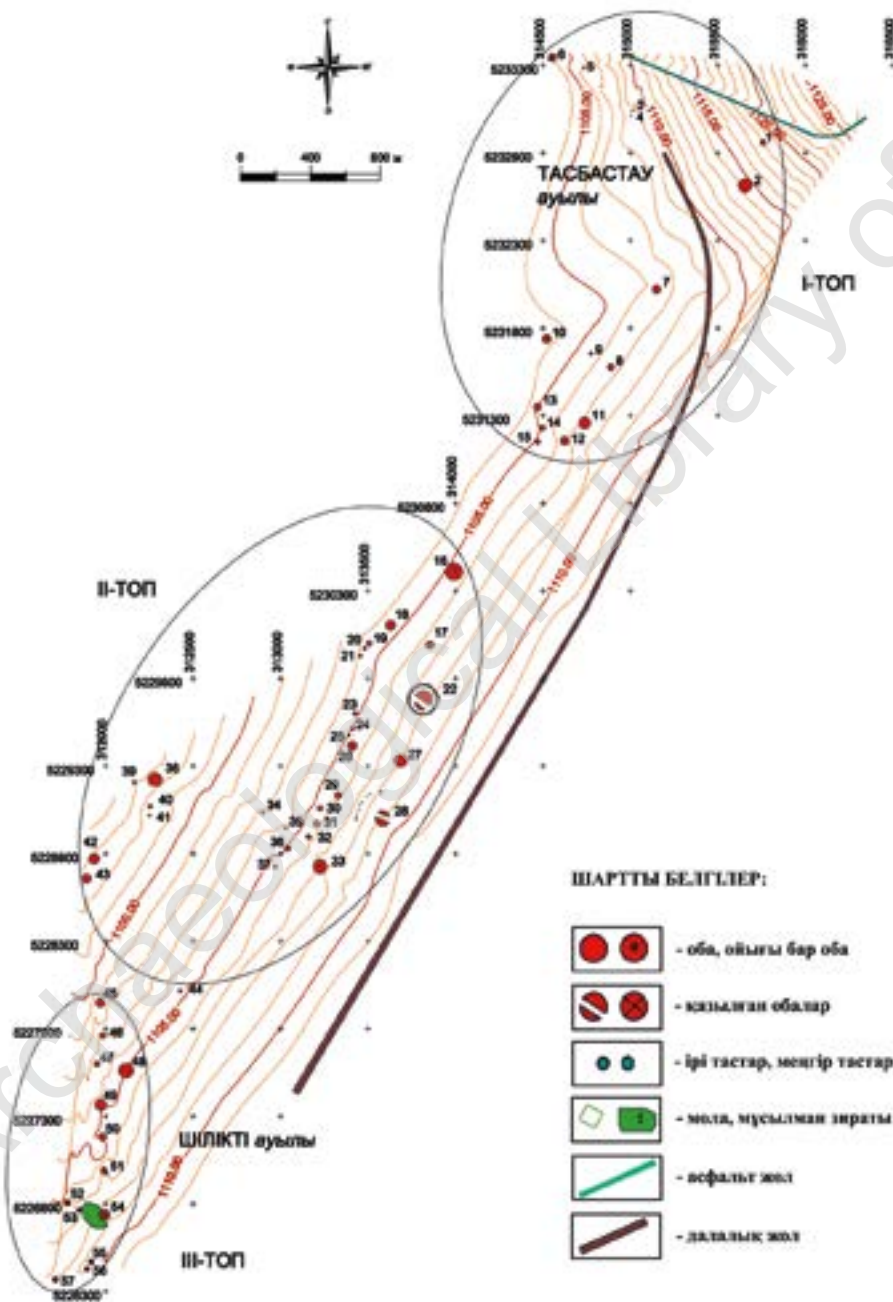
ПАМЯТНИКИ ШИЛИКТИНСКОЙ ДОЛИНЫ РАЗНЫХ ЭПОХ

Archaeological Library of Kazakhstan

ГРУППА ШИЛИКТЫ-1

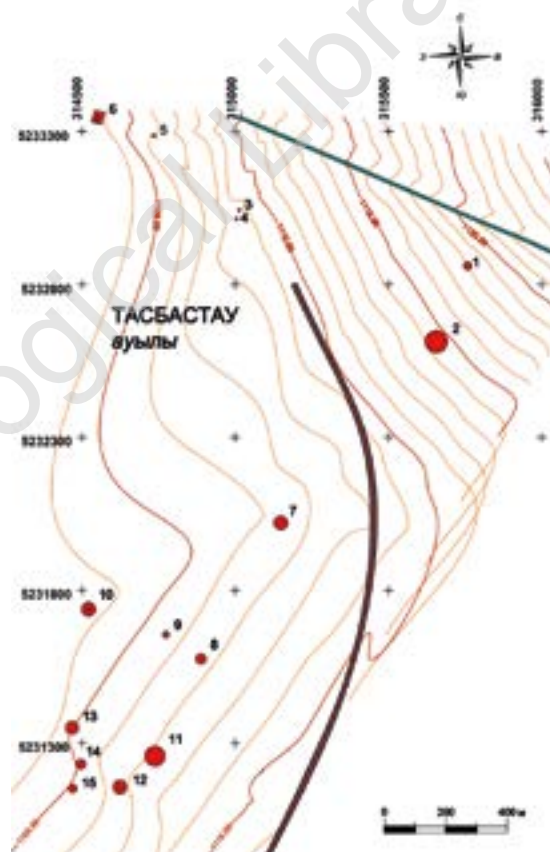
При изучении памятников Шиликтинской долины профессор С.С. Черников учитывал только 51 памятник центральной части долины, расположенные между аулами Шиликты и Тасбастау, и дал им общее название «Шиликтинские курганы». В результате наших пятнадцатилетних исследований памятников этого культурного микрорайона только лишь в центральной, восточной, южной, отчасти северной половине Шиликтинской долины выявлено и зааспортизировано более 300 отдельных памятников, из них более 50 единиц курганов относятся к категории элитарных или царских.

Сакские памятники Шиликтинской долины нами условно подразделены на следующие большие группы. Шесть могильников, занимающие центральную часть долины и ее северные оконечности, носят общее для всех их название «Шиликты», но различаются по нумерации. Большая группа памятников, расположенная в восточной оконечности Шиликтинской долины, носит общее для них название «Шаган-оба». Небольшие, но самостоятельные группы составляют могильники, расположенные в южной части долины, такие, как «Торт оба», «Кос оба», «Кокбастау». Южнее реки Кандысу расположен интересный памятник тюркского времени «Кергентас».

Группе курганов, которая выборочно была изучена экспедицией С.С.Черникова, мы дали условное название «Шиликты-1». По нашим последним подсчетам, эта группа насчитывает всего 76 единиц памятников. Итак, Могильник Шиликты-1 расположен между аулами Шиликты и Тасбастау, растягивается с юга на север на расстояние более, чем на 6 км, с шириной расположения на разных участках от 300 до 800 м. Большинство из них составляют элитарные курганы раннесакского времени. Из них курганы с диаметром от 30 до 106 м - 31 единиц, с диаметром от 45 м – 22 единицы, 18 курганов могильника имеют высоту в промежутке от 2,5 до 9 м.

Показатели инструментальных обмеров высоты и диаметра курганов следующие:

- Курган №1: d=25,73м, h=1,40м;
- Курган №2: d=72,06м, h=6,36м;
- Курган №3: d=9,67м, h=?м;
- Курган №4: d=10,75м, h=?м;
- Курган №5: d=10,37м, h=?м;
- Курган №6 ограда: 39,31x34,55м;
- Курган №7: d=44,51м, h=2,90м;
- Курган №8: d=33,90м, h=1,37м;
- Курган №9: d=20,82м, h=0,68м;
- Курган №10: d=45,72м, h=2,67м;
- воронка d=10,50м, h=-0,70м;
- Курган №11: d=65,80м, h=5,30м;
- Курган №12: d=45,64м, h=2,87м;
- воронка d=4,20м, h=-0,32м;
- Курган №13: d=41,92м, h=1,72м;
- Курган №14: d=30,70м, h=1,74м;
- Курган №15: d=27,31м, h=1,13м

Вереница камней в группе Шиликты-4

Archaeological Library of Kazakhstan

Большие курганы группы Шиликты-1 с высоты птичьего полета

Большие курганы группы Шиликты-1 по отдельности с высоты птичьего полета

Курган № 33 группы Шиликты-1

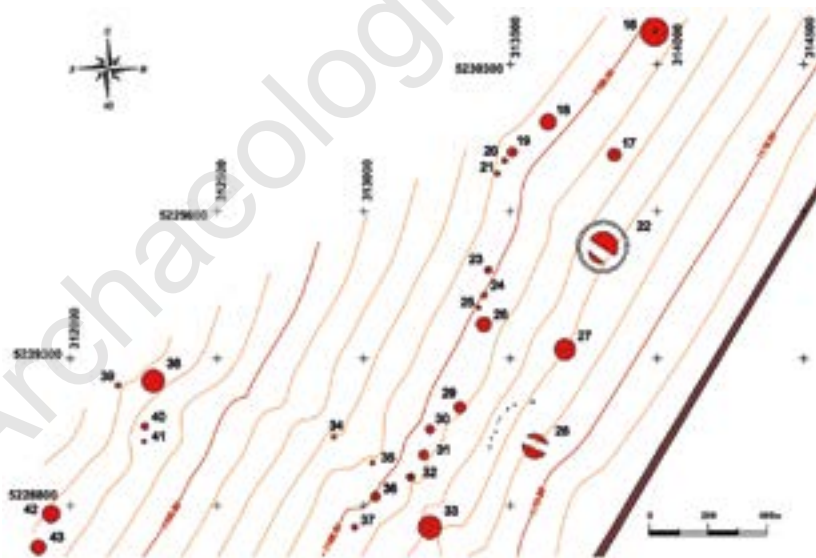

Курганы №14, 13 группы Шиликты-1

Вид кургана № 22 после раскопок северной и центральной части группы Шиликты-1

Курган №16: $d = 94,78$ м, $h = 7,92$ м;
 Воронка: $18,52 \times 9$ м, $h = -0,83$ м;
 Курган №17: $d = 44,82$ м, $h = 2,28$ м;
 (кладбище с 4 ушками: $6,77 \times 6,44$ м);
 Курган №18: $d = 54,18$ м, $h = 3,71$ м;
 Курган №19: $d = 32,20$ м, $h = 1,37$ м;
 Курган №20: $d = 18,07$ м, $h = 0,48$ м;
 Курган №21: $d = 17,86$ м, $h = 0,37$ м;
 Курган №22: $d = 106,28$ м,
 Ров: $d = 176,81$; ширина = 9 м,
 $H = -0,09 - 0,18$ м;
 Раскопанный курган №23: $d = 24,28$
 м, $h = 1,09$ м; воронка: $6,88 \times 5,31$ м,
 $h = -0,71$ м;
 Курган №24: $d = 19,51$ м, $h = 0,38$ м;
 Курган №25: $d = 13,23$ м, $h = 1,09$ м;
 Воронка: $d = 3,50$ м, $h = -0,45$ м;
 Курган №26: $d = 50,39$ м, $h = 0,57$ м;
 Воронка: $d = 3,70$ м, $h = -0,31$ м;
 Курган №27: $d = 71,22$ м, $h = 3,17$ м;
 Воронка: $d = 6,75$ м, $h = -0,40$ м

Вид кургана №16 группы Шиликты-1

Процесс обнажения каменных набросков кургана №16

Курган №16

Курган №16 группы Шиликты-1 расположен между аулами Шиликты и Тасбастау. До раскопа курган представлял собой земляное сооружение округлой формы, высотой 8,6 м, диаметром около 88 м по основанию. Раскоп кургана был произведен Т-образными траншеями, по 20 м, впоследствии траншея была расширена до 22 метров по направлению юг-север. В результате раскопа выявлено, что курган состоит из трех слоев. Первый слой – деревянная гробница, которая была построена на земляной платформе толщиной около 1 м. Платформа была возведена на дневной поверхности земли. Второй слой – каменный покров. Третий слой – покров из дерна и земли. К могиле с восточной стороны был пристроен дромос.

Внутри деревянной гробницы обнаружено захоронение двух человек. Центральное захоронение сильно потревожено. Умерший лежал он на спине, в вытянутом положении, головой на северо-восток. Второе захоронение было осуществлено в деревянном прямоугольном саркофаге, кости были разбросаны по днищу ящика. По расположению отдельных костей можно предположить, что он был головой направлен на запад. Могила была разграблена еще в древности. Рядом с костями покойников найдено большое количество уцелевших золотых украшений. Они следующие:

Украшения в виде оленей из пластинчатого золота. Основу украшения составляют головы двух оленей, смотрящих в разные стороны. Рога оленей переплетаются между собой и образуют единую композицию, напоминающую ветки разросшегося тальника. На хорошо сохранившихся украшениях видно, что рот, ноздри и уши оленей инкрустированы синей бирюзой. Аналогичное украшение было выявлено при раскопках кургана Байгетобе С.С. Черниковым, а также описано в работах А. Толеубаева. Точных аналогий этих вещей пока нигде больше не обнаружено. Правда, близкий в некотором смысле сюжет был найден в Семиречье, в составе Жалаулинскогоклада.

Золотые украшения с кургана №16 группы Шиликты-1

Каменные наброски, дромос кургана №16
группы Шиликты-1 с высоты птичьего полета

Украшение в виде беркута (орла-грифона) также изготовлено из тонкого пластинчатого золота. Представляет собой изображение свернувшейся головы на правый или левый бок хищной птицы. Клюв сильно согнутый, подчеркнута надклювье, глаза большие и круглые. Верхняя часть тела и крыла сильно стилизована, состоит из выпуклой стеблеобразной полосы в виде разомкнутого полукруга, сужающегося к концу. Нижняя часть тела, ноги, хвост также сильно стилизованы. Они также сделаны из волнообразно изогнутой выпуклой золотой полосы, идущей вниз от шеи птицы к хвосту. Орлиная лапа также стилизована и заканчивается кольцом. При тщательном рассмотрении можно увидеть змею, вцепившуюся в лапу орла. Хвост змеи одновременно образует нижнюю часть туловища птицы. Аналогичные украшения были обнаружены С. Черниковым в кургане 5-ой группы Шиликты 1 и нами в кургане Байгетобе в

Золотые украшения и костяная застёжка с кургана №16 группы Шиликты-1

Вид южной части каменных набросков кургана №16 группы Шиликты-1

могильнике Шиликты 3. За пределами Тарбагатая аналогичная, но бронзовая бляшка была найдена в Зуевском могильнике на Каме, датированном А.В. Сбруевой VI в. до н.э. Дальним отголоском шиликтинского стиля изображения орла являются фигуры орлов из Минусинской котловины.

Украшение в виде свернувшегося кошачьего хищника. Такие украшения широко распространены на всей территории Евразии и в основном датируются VII - VI вв. до н.э. Шиликтинский вариант свернувшегося кошачьего хищника имеет очень близкие аналоги среди находок Майемира и Уйгарака.

Еще одной находкой из кургана №16 можно считать **украшение в виде горловидной трубочки.** Аналогичные золотые рифленные трубочки ранее были найдены в кургане Байгетобе.

Среди прочих золотых изделий особого внимания заслуживают миниатюрные украшения, к которым с нижней стороны было припаяно ушко для нашивки к одежде. Курган датируется концом VIII - началом VII - VII века до н.э.

Золотые бляшки с кургана №16 группы Шиликты-1

Золотые украшения с кургана №5 группы Шиликты-1
(раскопки С.С.Черникова, левая колонка – копии, правая колонка - натуральные)

Курган №5 *

Расположен в группе Шиликты-1. Имел правильную круглую форму с уплощенной вершиной и пологими скатами. Диаметр его 66 м., высота 6 м. Раскопки велись сквозной траншеей шириной 25 м.

В результате раскопок удалось воссоздать картину сооружения кургана. Сначала на совершенно ровной поверхности земли была выкопана точно ориентированная по сторонам света яма размером 7,10 x 8,30 м, глубиной около 1 м. От центра ямы, немного ближе к восточной стенке, была выкопана прямая канава-дромос шириной 2 м и глубиной 1 м, идущая с востока на запад. Выявленная длина его 12 м.

В могильной яме было сложено квадратное сооружение площадью 4,8 x 4,6 м и высотой 1,2 м. Стены сооружались из двух рядов толстых (до 70 см) лиственничных бревен, а потолки из одного ряда таких же бревен. Никаких дверных проемов нет. Дромос был забит камнем и перекрыт сплошным накатом бревен. В западной части могильной ямы был пол из толстых строганных досок. На этот пол почти у западной стенки, посередине, были положены два погребенных там человека: мужчина – 40-50 и женщина 50-60 лет. Мужчина андроновского типа, женщина с примесью монголоидности.

Находки:

Бронзовые наконечники стрел – 13 экземпляров и остатки колчана. Все наконечники однотипные, массивные, ассимитрично-ромбической формы, двуперые, с слегка выступающей выпуклой втулкой, без шипа. Остатки колчана из меха.

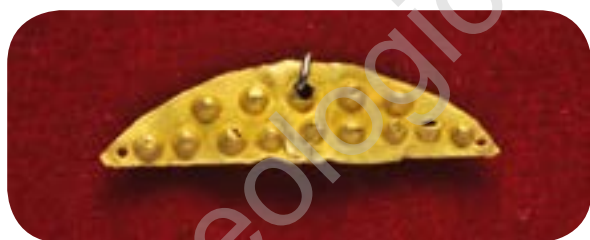
Бляшки в виде оленей. Они по всей вероятности украшали колчан – 14 экземпляров. Из золотого листа, выбиты плоским барельефом на матрице. Все олени изображены в профиль, вправо, с поджатыми ногами, с заостренными копытами. Рога закинута на спину. Морда слегка заостренная. Уши и глаза вставные, инкрустированы бирюзой. С.С.Черников позу этих оленей образно охарактеризовал как «летающий олень» (Чер., с.31).

Бляшки в виде орлов – 9 экземпляров. Сделаны в той же технике: изображена голова орла с сильно загнутым клювом и надклювьем. На пяти бляшках головы обращены влево, на четырех – вправо. От шеи поверх головы и огибая ее, идет, плавно закругляясь вниз, узкая и выпуклая стеблеобразная полоса, опускающаяся на 1 см ниже клюва. Можно думать, что она изображает приподнятое крыло и хвост. Шея образована такой же полосой. Орлиная лапа трактована в виде двух колец.

Пантеры – 29 экземпляров. Изображен свернувшийся в кольцо хищник кошачьей породы.

Кабаны – 5 целых экземпляров и 7 обрывков. Вырезаны из золо-

* По материалам С.С. Черникова

Вид кургана № 7 после раскопа. Золотые украшения с раскопок С.С. Черникова

той фольги. Животное изображено идущим, с характерной головой и хвостиком. Изображение рыбы – 1 экземпляр. Сделана из длинного сужающегося к хвосту толстого золотого листа, согнутого пополам вдоль.

Из листовых золотых вещей также были найдены: бляшка в виде птицы (1 экз.); нашивные бляшки вытянутой ромбической формы из тонкого листа, покрытые пунсонным орнаментом (18 экз.); бляшка в виде равносторонних треугольников (3 экз.); бляшка сегментовидной формы. Из фигурных форм нами были найдены: подвеска четырехгранная пирамидальной формы; обоймица для ремня; обломок украшения, сделанного техникой перегородчатой эмали; миниатюрные подвески полушаровидной формы (59 экз.); гантелеобразное штампованное украшение (1 экз.).

Всего в кургане было найдено 524 золотых предмета.

Курган №7 *

Относится к центральной курганной группе Шиликты. Диаметр 42 м., высота 3 м. Земляная насыпь правильной круглой формы. На вершине кургана на глубине 30 см обнаружены сильно истлевшие остатки деревянного столба диаметром 0,1 м, стоявшего вертикально. Курганная насыпь состоит из мелкой гальки с землей и битой глины с прослойками галечника.

На глубине 2,4-3 м от вершины обнаружены концы лиственничных бревен диаметром 0,15-0,40 м, которые перекрывали могильное сооружение. Могильная яма расположена немного к западу от центра кургана, имеет круглую форму диаметром 3,5 м. Глубина 1,5 м. В виду сырости почвы строителями кургана яма была вновь засыпана на высоту 0,60 м. На этом уровне и было устроено погребение. От ямы прямо на восток отходит дромос длиной 5 м, шириной 1-1,10 м, глубиной 0,9-1,2 м. Восточный конец дромоса заканчивается ямой шириной 1,90 м и длиной 3,4 м.

В различных слоях курганной насыпи были найдены: обломок мраморного предмета в виде круглого в сечении стерженька, оканчивающегося круглой головкой (длина 2,5 см); бронзовое шило длиной 6 см; 4 астрагала барана. В могильной яме обнаружены разрозненные кости мужчины старческого возраста. Антропологический тип – андроновский. Кроме того, в могильной яме найдены золотые украшения, штампованные и вырезанные из тонкого золотого листка: бляшка в виде оленя с поджатыми ногами; бляшки, изображающие орлов, той же формы, что в кургане №5, но более грубо сделанные (3 экз.); изображение рыбы, вырезанное из золотой фольги; бляшки сегментовидной формы с пунсонным орнаментом (2 экз.); железный нож, со следами деревянных ножен, конец которых обернут золотым листочком; кабаньих клык с просверленным в широкой части отверстием; проколка из трубчатой кости.

* По материалам С.С. Черникова

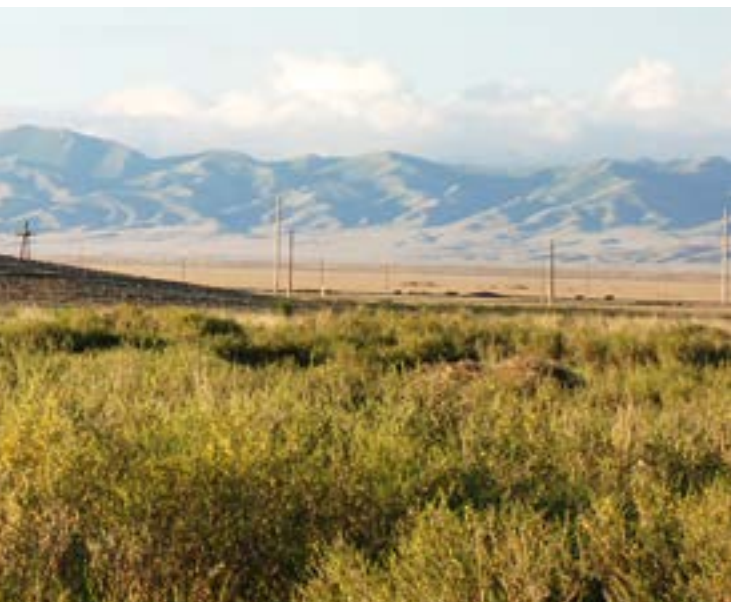
Виды с раскопок кургана № 22 (Жалпак-оба) группы Шиликты-1

Жалпак оба

Находится в составе могильника Шиликты-1. Это один из самых больших по диаметру курганов в Шиликтинской долине. Наша археологическая экспедиция занималась раскопками этого кургана несколько сезонов в 2010 – 2011-ых годах.

Ширина кургана в направлении восток-запад составляет 113 м, а в направлении юг-север – 115 м. Высота кургана – 4,6 м. Если учитывать, что в середине кургана имеется небольшая выемка-воронка, то можно предположить, что первоначальная его высота была больше еще на 1,5 - 2 м, чем сохранившаяся. Вокруг кургана в 20 м от его подола зафиксирован ров шириной 3,7 – 4 метра. Ров сплошной, только в восточной части оставлен проход шириной 6 метров. Общий диаметр кургана вместе со рвом с востока на запад составляет 178 м, с юга на север – 181 м.

Внутренняя конструкция кургана: по краям кургана сооружена кольцевая ограда из больших каменных плит и блоков. Камни ограды достаточно хорошо и системно выступали на поверхности земли в его восточной половине. В центре кургана на дневной поверхности была сооружена могила из камней больших и средних размеров. Построен также дромос в восточном направлении. Курган полностью ограблен. Датирован он нами VII - VI вв. до н.э.

Виды больших курганов группы Шиликты-1

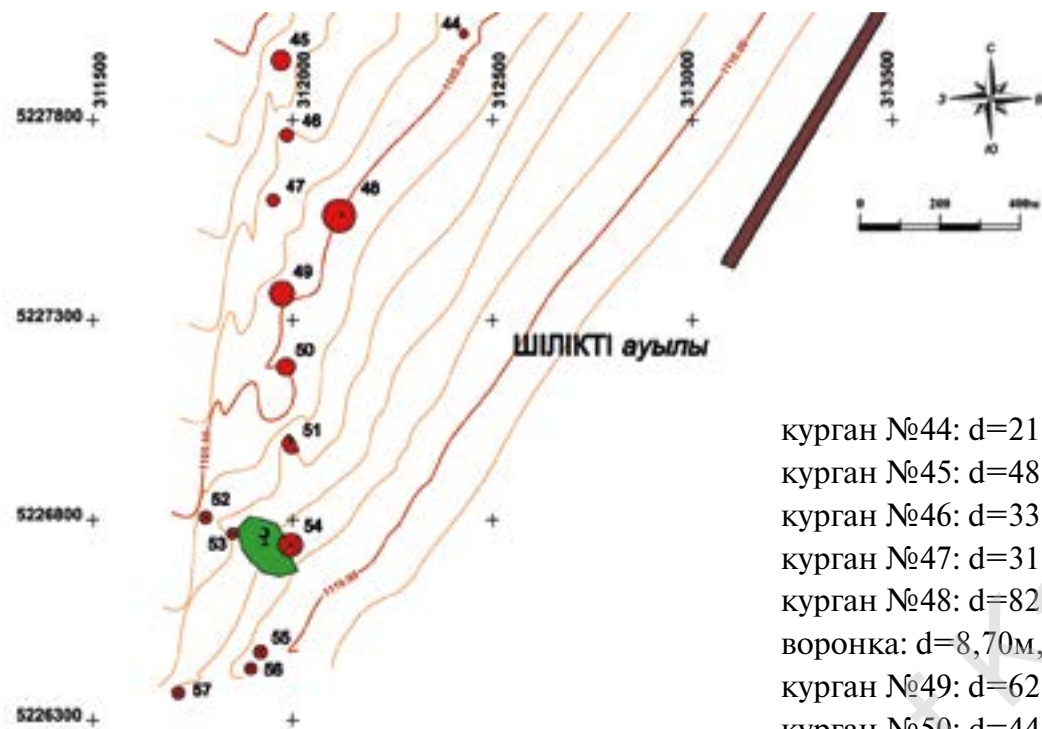
- Курган №28: d=84,96м; раскопан;
 Курган №29: d=38,88м, h=2,91м;
 Курган №30: d=29,33м, h=1,22м;
 Курган №31: d=32,48м, h=1,51м;
 Курган №32: d=26,63м, раскопан;
 Курган №33: d=78,14м, h=5,91м;
 (мусульманское кладбище 9,60x8,18);
 Курган №34: d=16,08м, h=0,54м;
 Курган №35: d=16,25м, h=0,47м;
 Курган №36: d=31,47м, h=1,40м;
 воронка: d=4,20м, h=-0,23м;
 Курган №37: d=20,89м, h=0,75м;
 Курган №38: d=76,83м, h=5,09м;
 Курган №39: d=18,48м, h=0,43м;
 Курган №40: d=23,70м, h=0,79м;
 Курган №41: d=14,48м, h=0,55м;
 Курган №42: d=58,90м, h=4,07м;
 Курган №43: d=50,15м, h=2,07м;

Вид с высоты птичьего полета ограды-кургана типа херексура группы Шиликты-1

Виды больших курганов группы Шиликты-1

План курганов южной оконечности группы Шиликты-1

курган №44: $d=21,22\text{м}$, $h=0,57\text{м}$;
 курган №45: $d=48,83\text{м}$, $h=3,20\text{м}$;
 курган №46: $d=33,46\text{м}$, $h=1,91\text{м}$;
 курган №47: $d=31,88\text{м}$, $h=1,75\text{м}$;
 курган №48: $d=82,37\text{м}$, $h=7,10\text{м}$;
 воронка: $d=8,70\text{м}$, $h=-1,23\text{м}$;
 курган №49: $d=62,51\text{м}$, $h=3,34\text{м}$;
 курган №50: $d=44,81\text{м}$, $h=2,66\text{м}$;
 курган №51: $d=47,10 \times 31,44\text{м}$,
 $h=3,11\text{м}$;
 воронка: $d=12 \times 7,23\text{м}$, $h=-1,35\text{м}$;
 курган №52: $d=31,72\text{м}$; раскопан
 курган №53: $d=27,68\text{м}$; раскопан
 курган №54: $d=59,70\text{м}$; раскопан
 курган №55: $d=33,27\text{м}$; раскопан
 курган №56: $d=27,56\text{м}$; раскопан
 курган №57: $d=31,81\text{м}$; раскопан

В этот список не вошли отдельные ограды, курганы-ограды, поминальные камни-ограды и курганы очень маленьких размеров. Большинство памятников относится к раннесакскому времени. Они в основном представлены курганами больших и средних размеров и датируются VIII-IV вв. до н.э. Большинство невысоких (до 0,9 м) и с небольшим диаметром (от 5 до 10 м) курганов относятся к пазырыкскому или усунь-кулажоргинскому времени. На территории аула Тасбастау среди домов встречаются небольшие ограды эпохи бронзы. Большая четырехугольная курган-ограда, построенная из массивных каменных блоков, расположенная у северо-западной оконечности могильника (на краю современного казахского кладбища), представляет памятник переходного этапа от эпохи бронзы к раннему железному веку. Возможно, этот памятник относится к херексурам.

Наверху отдельных больших курганов есть мазары современных казахов.

ГРУППА ШИЛИКТЫ-2

Курган №1. Это самый большой в этой группе памятник. Диаметр кургана с востока на запад 77 м, с юга на север - 71 м. Высота - 6,08 м. Без заметных следов ограбления.

Основное тело кургана была сооружено из дерна и земли с примесью гравия. Захоронение производилось в могильной яме глубиной 1,2 м. Человеческого костяка нет, унесены грабителями. От могильной ямы в восточном направлении построен дромос. По следам деградированных деревянных материалов можно предположить, что над могильной ямой была сооружена легкая деревянная конструкция типа шалаша.

Гребенка-заколка. Сделана из трубчатой кости крупного животного, в хорошей сохранности. Лицевая сторона светло-желтого, тыльная - коричневого цвета. Размеры гребенки-заколки: общая длина 9,5 см, ширина самой широкой части основания - 3,5 см, длина зубьев - 4,4 см, толщина 4,5 - 5 мм, диаметр отверстия - 5мм. Основание изделия - неповрежденное, целое. Гребенка имела 6 зубчиков, из них два зубчика целы, один сломан наполовину и три зубчика сломаны у основания. Все сломанные зубчики хорошо читаются благодаря удлиняющим узорным имитациям зубчиков у основания. В целом гребенка-заколка изображает голову какого-то хищника-зверя, где хорошо «читаются» вытянутая морда, бугорчатый лоб, глаза, узорная грива и отходящие от основания назад зубчики, иллюстрирующие экспрессию.

Аналогичный гребень сакского времени был найден на правом берегу реки Чилик Алматинской области [2]. Костяные гребни V в. до.н.э. найдены в скифских памятниках Северного Кавказа [3], гребень с односторонними и с двухсторонними зубьями в могильниках Черновая 1, Гришкин лог, Подгорное озеро в Минусинской котловине [4], во втором Пазыракском кургане [5], в памятниках Южной Сибири тагарской эпохи [6].

Бусина из минерала, форма бочкообразная, цвет молочный, диаметр - 1,1 см, ширина в самом широком месте - 1,1 см, в самой узкой противоположной части - 7,5 мм, диаметр дырки посередине 2 мм. Сильно полированная.

Бронзовая заколка четырехугольная, длиной 7,6 см, с небольшим изгибом всего корпуса и у основания, конец заковки несколько тоньше, чем основание. Толщина у основания 5 мм, толщина кончика заковки - 2 мм.

Черепки маленькие, размером 5x3,5 см, 3,5x2,5 см, 1,5x1 см. Все фрагменты от боковины сосуда. Внутренняя сторона черепков коричневого цвета с красноватым оттенком, внешняя - темно-серое. Видимо,

сосуд был изготовлен ручной лепкой жгутовым способом, ибо остались еле заметные следы от лепки. Состав теста: известь, шамот, глина с примесью песка. Без орнамента. Фрагменты не соединяются.

Поделка из рога оленя. Предмет очень похож на молоток. Рабочая головка молотка имеет выбоины. Рукоятка достаточно отшлифована, возможно, от продолжительного использования. Общая длина - 51,5 см, длина рукоятки - 38 см, длина головки - 20 см, ширина 6,5 - 7 см, диаметр средней части рукоятки 5,5 см. Возможно, использовался в качестве кола.

Поделка из рога оленя. Общая длина 41,5 см. Длина основания 11,5 см, ширина - 7,5 см. Конец рога с завиточком.

Курган не дал датирующих материалов. По конструкции внутренней структуры и найденным отдельным артефактам этот памятник датирован VII в. до н.э.

Вид кургана № 1 группы Шиликты-2 до раскопа

Пирамидальная основа кургана № 1 из дерна и битой глины (группа Шиликты-2)

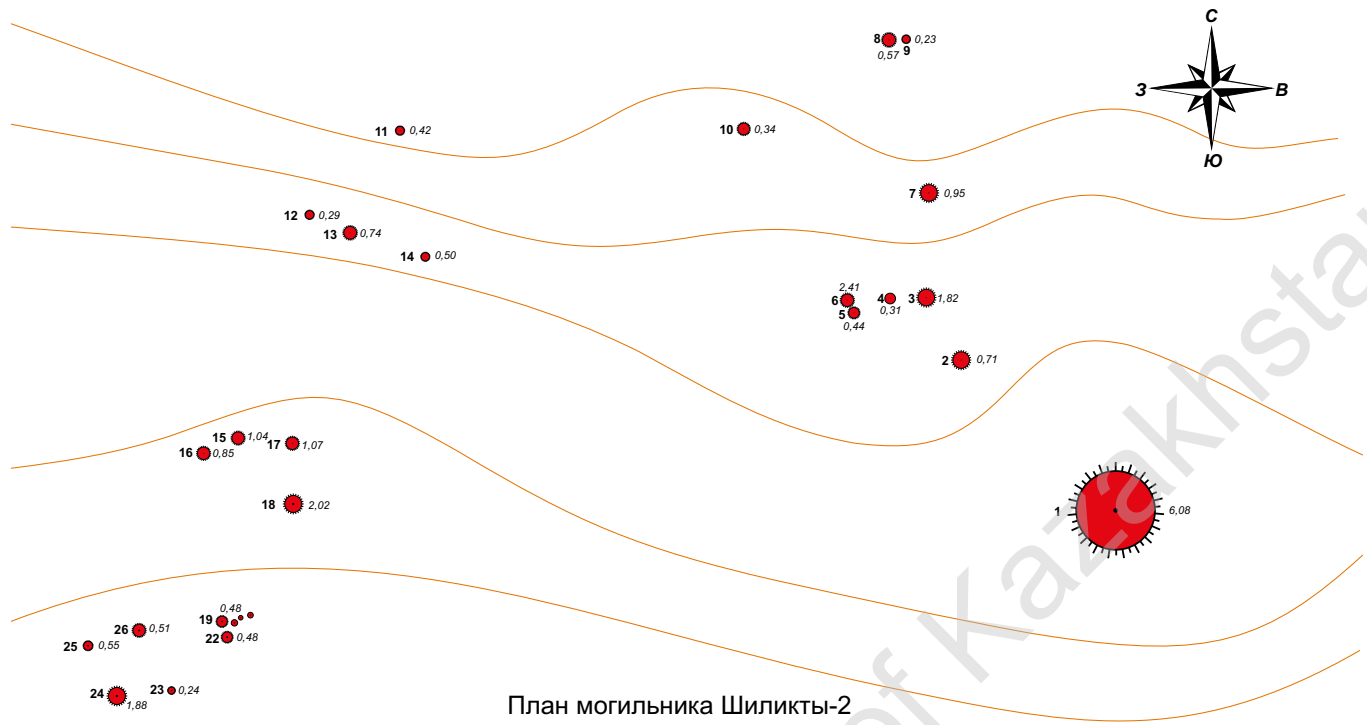

Панорама раскопа пола и могильной ямы кургана № 1 группы Шиликты-2

Панорама раскопа кургана № 1 группы Шиликты-2. В центре вид могильной ямы и дромоса

Курган № 1 группы Шиликты-2 после рекультивации

Могильник Шиликты-2 находится в 3-х км к юго-западу от с. Шиликты и к востоку от с. Жалши. Причем юго-западные курганы группы расположены на расстоянии 1 км от с. Жалши. Курганная группа как бы образует две подгруппы, тянущиеся с юга на север. В первой подгруппе насчитывается 10, а второй - 16 курганов.

Общий план группы составляет трапецию, направленную узкой стороной на север. Длина южной - широкой стороны - 1875 м, западной - 1250 м, восточной - 1100 м, северной - 1000 м.

Курган № 2. Находится в 409 м северо-западнее от кургана №1. Высота - 0,71 м, диаметр СЮ-31 м, В-3-33 м. Поверхность ровная. Покрывается редкой степной растительностью. Покров из глины с примесью щебня.

Курган № 3. Круглый в плане, средней высоты (1,82 м), диаметр СЮ-30,8 м, В3-31,8. Расположен в 139 м к ССЗ от кургана №2. Покрывается степной ковыльной растительностью. Структура покрытия глина с щебнем.

Курган № 4. Находится в 69 м к западу от предыдущего, h-0,31, d-СЮ-19 м, В3-17 м. Глина с щебнем. Без внешних признаков потревоженности. Растительность редкая, степная.

Курган № 5. В плане эллипсоидный. Из глины и щебня. Расположен к юго-западу от кургана №4. Высота - 0,44 м, диаметр с севера на юг - 14 м, с востока на запад - 19 м. Расстояние от кургана № 4 - 75,5 м.

Курган № 6. Высота 2,41 м. Диаметр СЮ-2 м, В3-23 м. Находится в 22 метрах северо-западнее от кургана №5. Растительность редкая. Поверхность ровная, из глины с щебнем.

Курган № 7. Расположен от кургана №6 в северо-восточном направлении, на расстоянии 262 м. Высота небольшая, около одного метра (0,95 м), ширина с Ю на С - 29 м, с В на З - 28 м. Поверхность без западин. Структура - глина с щебнем. Редкий растительный покров.

Курган № 8. Расположен к северо-западу от кургана №7, на расстоянии 304,5 м. Высота - 0,57 м, d-СЮ-25, В3-30 м. Поверхность ровная. Покрывается редкой низкорослой растительностью.

Курган № 9. Расположен рядом с предыдущим курганом, в 25 метрах к западу. Ширина кургана 8 м, высота - 0,23 м.

Курган №10. Находится в 353 метрах юго-западнее от кургана № 9. Не возвышается над поверхностью земли (0,34 м), диаметр с В на З - 19,1, с Ю на С - 22 м. Верхнее покрытие - глина с мелким щебнем. Без признаков потревоженности.

Курган №11. Находится в 670 метрах к западу от кургана № 10. Этот курган как бы является северной оконечностью западной подгруппы. Размер кургана средний (d-СЮ-15 м, В3-13 м), но очень приземистый (h-0,42 м).

Курган №12. Расположен в 216 метрах к юго-западу от предыдущего кургана. Диаметр ВЗ-26, ЮС-27 м, h-0,74 м. Без признаков ограбления. Структура покрытия - глина с мелким гравием. Низкая ковильная растительность.

Курган №13. В 155 м к юго-востоку от №12. Круглый, приземистый (h-0,5 м), диаметр -15,5 м.

Курган №14. В 240 метрах к ВВЮ от №13. d - СЮ-12,2, ВЗ-16,45 м. Высота - 0,29 м. Поверхность ровная, без западины.

Курган №15. Расположен в 454 метрах к юго-западу от предыдущего памятника, h - 1,04 м, d - СЮ -22, ВЗ - 20 м. Без признаков ограбления. Структура - глина с щебнем. На поверхности редкая низкорослая степная растительность.

Курган №16. Находится в 70 м к юго-западу от памятника за номером 15, d - СЮ - 27, ВЗ - 25 м. Высота - 0,85 м.

Курган № 17 отступает на 175 м от кургана №16 в восточном направлении, h - 1,07 м. d-СЮ-23, ВЗ-25 м. Глина с гравием. Поверхность ровная.

Курган № 18, в 120 м к югу от предыдущего кургана. Высота - 2,02 м. Ширина с юга на север - 32,15 м, с востока на запад 36,6 м.

Курган № 19. Находится в 264 м к юго-западу от №18, небольшой высоты (0,48), с диаметрами - СЮ-17,8, ВЗ - 14 м. Без признаков потревоженности.

Курган № 20. Расположен рядом в 27 метрах к северо-востоку от памятника №19, h - 0,75 м, d - СЮ - 15, ВЗ - 14 м.

Курган № 21, маленький (d - 8), приземистый (0,35 м), находится между курганами №19 и №20. Без западин на поверхности.

Курган № 22. Находится в 19 м юго-западнее от памятника №21. Эллипсоидной формы в плане, диаметры с СЮ 6,5 м, ВЗ - 9 м, h-0,46 м.

Курган № 23. Расположен в юго-западной части от кургана №22, на расстоянии 113 м, h - 0,24 м, d - 7 м.

Курган № 24. Находится в 80 м западнее памятника №23. Высота 1,88 диаметр в направлении ЮС - 29,9, ВЗ - 33,3. Воронки нет.

Курган № 25. Высота 0,55 м, d - СЮ - 18,8, ВЗ - 17,1 м. Расположен в 90 м к северо-западу от кургана №24.

Курган № 26. Расположен на расстоянии 62 м от кургана №25, в северо-восточном направлении. Высота - 0,61 м. Диаметр - СЮ - 22,4 м, ВЗ - 23 м. Без западин и следов потревоженности.

Курган №26.

ГРУППА ШИЛИКТЫ-3

Курганная группа в целом представляет собой вереницу памятников, расположенных цепочкой с юга на север. При этом большие и средние курганы как бы образуют правый (восточный) ряд с небольшими отклонениями вправо и влево. В расположении малых курганов не прослеживается четкой планировки, хотя их общая конфигурация также протягивается с юга на север с небольшой дугой в западном направлении.

Всего в группе насчитывается 17 курганов. Нумерация курганов произведена по порядку расположения с юга на север. План местности и курганов выполнен способом мензуальной съемки. Сплошные горизонтали проведены через 1 метр.

Курган № 1 (Байгетобе) группы Шиликты-3 в панораме гор Тарбагатай

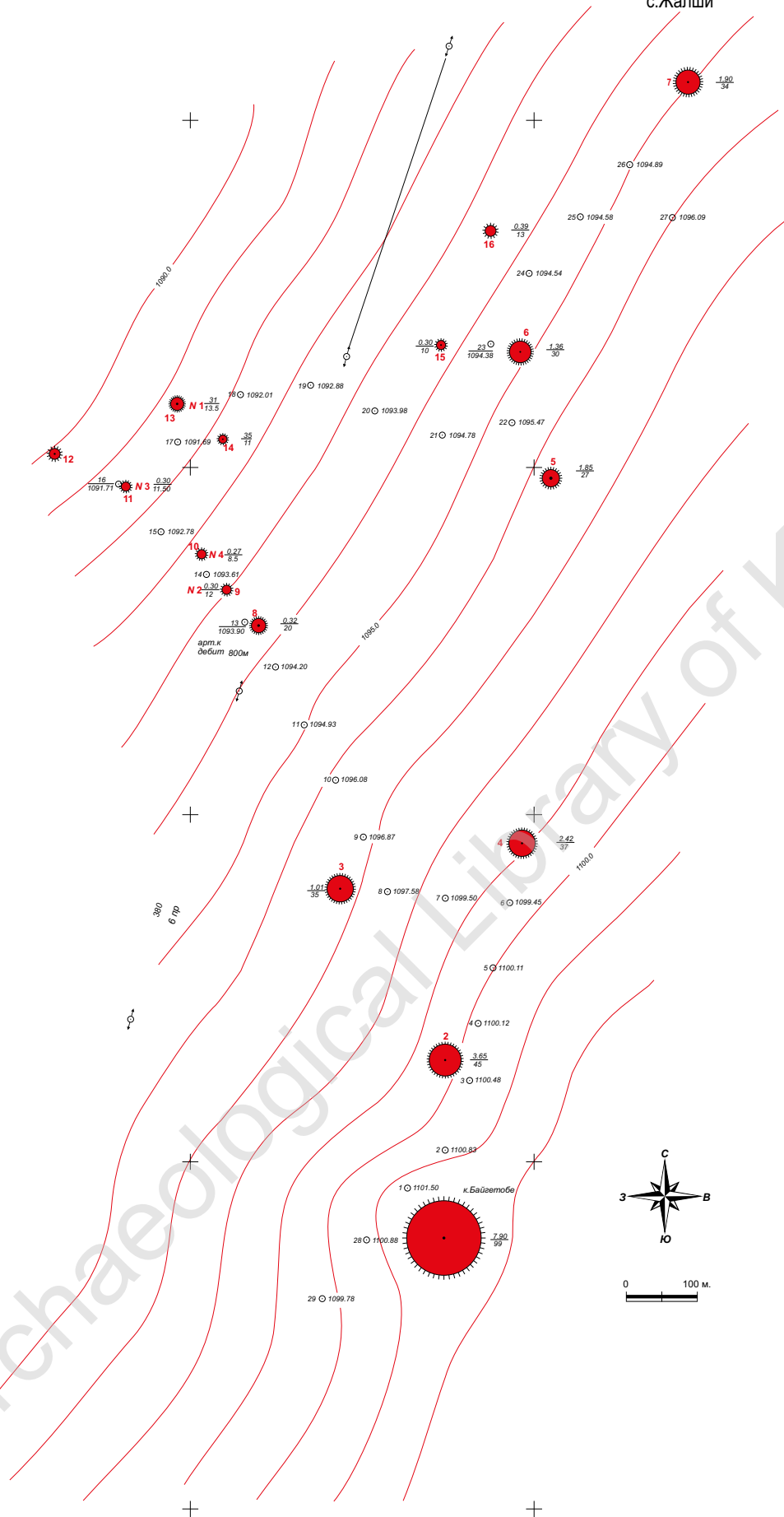

Курган № 1. Расположен на самой южной оконечности курганной группы, как бы возглавляет всю семейно-родовую группу. Особое расположение, величественные размеры выделяют этот курган среди памятников данной группы. Высота ее - 7,9 м, диаметр с юга на север 99 м, с востока на запад - 97,4 м.

Покрытие кургана земляное, с небольшим примесью щебня. Поверхность кургана покрыта степной растительностью. Верхняя часть кургана представляет собой круглую площадку диаметром 16 - 17 м. В ее СЗМ части есть небольшое сплошное понижение, не похожее на воронку.

Курган № 2. Находится в 180 метрах к северу от кургана

План могильника Шиликты-3

№ 1. Диаметр 45 м, высота - 3,65 м. Курган правильной концентрической формы. На поверхности следов ограблений нет. Земляной.

Курган № 3. Расположен в 250 метрах к северо-западу от кургана № 2. Сооружен из земли и щебня. На поверхности следов ограблений нет. Высота 1 м, диаметр - 35 м.

Курган № 4. Находится на расстоянии 285 м к северу от кургана № 2. Форма - правильный круг, верхнее покрытие составляет земля с щебнем. Диаметр 37 м, высота кургана 2,42 м. Воронки нет.

Курган № 5. Находится на расстоянии 490 м к северу от кургана № 4. Курган щебеночно-земляной, без заметных углублений в центре. Высота его 1,85 м и диаметр 27 м.

Курган № 6. Расположен в северной стороне 5-го кургана с небольшим креном на запад. Расстояние между ними 155 м. Курган из земли и щебня. Высота 1,36 м, диаметр - 30 м. Небольшая воронка.

Курган № 7 находится на самой северной оконечности группы. Расстояние от кургана № 6 в северном направлении с небольшим отклонением на восток - 425 м. Курган сооружен из земли и щебенки, высота 1,9 м, диаметр - 34 м. Поверхность кургана ровная.

Курганы № 8-17, небольшой высоты (от 0,2 до 0,4 м) и диаметром в пределах от 8,5 до 20 м. Курганы № 9, 11, 13 и 16 по границе насыпи имеют кольцевую ограду из речной гальки шириной от 0,8 до 1 м. Остальные курганы сооружены из земли и щебня. Признаков ограбления памятники не имеют.

Вид кургана № 2 группы Шиликты-3

Древнеусуньские курганы с кольцевой оградой

Вид раскопа древнеусуньских курганов

Курган № 2 группы Шиликты-4

Вид больших курганов группы Шиликты-4 с высоты птичьего полета

ГРУППА ШИЛИКТЫ-4

Расположен на расстоянии одного километра к северу от аула Тасбастау, на склоне у подножья горы Манырак. Состоит из 43 памятников. Из них пять курганов большие. Их размер следующие:

- Курган № 1: $d = 29 \times 23,60$ м; $h = 1,17$ м, с воронкой, диаметр воронки 10 м, глубина - 0,55 м;

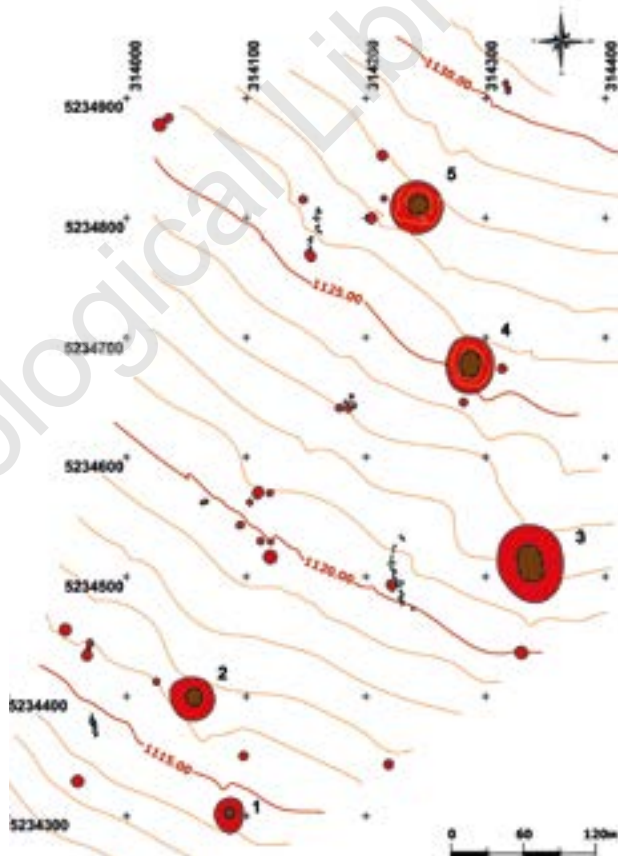
- Курган № 2: $d = 36 \times 30$ м; $h = 1,84$ м; диаметр воронки 14,50 м, глубина - 1,23 м;

- Курган № 3: $d = 64,23 \times 54,25$ м, $h = 4,53$ м; с воронкой, диаметр воронки $30,77 \times 21,11$ м, глубина - 3,15 м;

- Курган № 4: $d = 46 \times 75 \times 39,67$ м, $h = 2,96$ м; с воронкой, диаметр воронки - $21,73 \times 17,34$ м, глубина - 2 м;

- Курган № 5: $d = 43 \times 15$ м, $h = 2$ м; с воронкой диаметром 16,50 м, глубиной - 2,14 м.

Курганы № 2, 3, 5 с юго-западной (ЮЗЗ) стороны, на расстоянии 50 - 60 м имеют ряды из вертикально установленных каменных столбцов высотой от 0,5 до 1,8 м. Каменные ряды перед курганом № 2 насчитывают 16 единиц столбцов, расположены они в одну шероховатую линию по направлению юг-север. С западной стороны от кургана № 3 таких каменных столбцов 30 единиц. Курган № 5 на западной стороне имеет таких столбцов 18 штук. Вероятно, такие каменные стелы-столб-

План могильника Шиликты-4

Раскопки кургана № 7 пазырыкского времени группы Шиликты-4 и артефакты из кургана

цы первоначально имели и курганы №1 и 4. Особенно это заметно по остаточным нескольким каменным столбцам перед курганом №4.

У юго-восточного подножья кургана №3 очень много небольших каменных скоплений, внешне напоминающих могилки людей, умерших во время голода 30-х годов прошлого столетия.

Большие курганы с могильника Шиликты-4 полностью разграблены, об этом наглядно свидетельствуют большие и глубокие воронки в их центральной части. По внешним признакам курганы эти, вероятно, можно отнести к памятникам древнетюркского времени.

Кроме них, в группе насчитываются 38 сравнительно небольших курганов, диаметром в пределах 6 – 18 м и высотой от 0,1 до 0,6 м. Нами был раскопан курган №7. На глубине 2 м был найден скелет лошади, расположенный вдоль северной стены ямы. Голова лошади ориентирована на северо-восток, ноги согнуты под брюхом. За спиной лошади на противоположной стороне могильной ямы найден скелет человека в вытянутом положении, лежит на спине, голова так же, как у лошади, ориентирована на северо-восток, лицом повернута на запад. Анатомический порядок скелета сохранен не полностью. Над головой скелета обнаружены остатки железа (нож?) и бронзовая заколка длиной 12 см. Чуть выше головы погребенного, ближе к голове лошади обнаружены два сосуда хорошей сохранности. Несомненно, курган относится к пазырыкскому времени.

Прямо у подножья горы обнаружены небольшие четырехугольные и круглые ограды бронзовой эпохи. Поверхность сильно задернована, камни ограды еле «читаются».

Курган №7

До начала раскопок курган представлял собой плоскую каменно-земляную насыпь высотой около 0,3 м, диаметром с севера на юг 12 м 95 см, с запада на восток 11 м 20 см.

Курган относится к памятникам пазырыкской культуры и может быть датирован IV - III вв. до н.э.

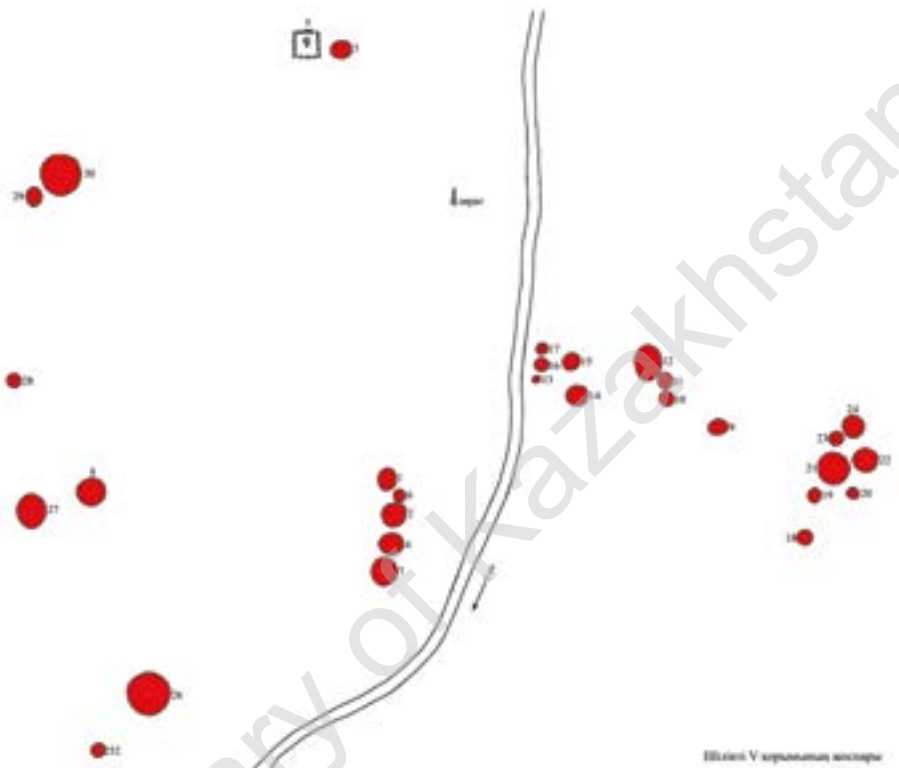
Курганы с поперечными каменными грядами могильника Шиликты-4

ГРУППА ШИЛИКТЫ-5

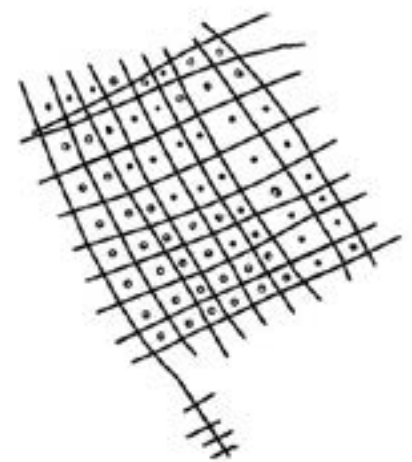
Южные границы могильника начинаются в 3 км от аула Тасбастау, могильник расположен у подножья горы Манырак, по обе стороны дороги Шиликты – Зайсан. Он насчитывает 30 отдельных памятников. Большинство памятников относится к поздне-сакскому и усуне-кулажоргинскому периоду.

Курган № 3

Курган с кольцевой оградой. Среди камней в юго-западной части кургана был обнаружен невысокий керамический сосуд бомбовидной формы, с незначительно выделенной шейкой, различными геометрическими и символическими прочерками по тулову.

План могильника Шиликты-5

Керамический сосуд из кургана № 3 группы Шиликты-5

Курганы-ограды группы Шиликты-5

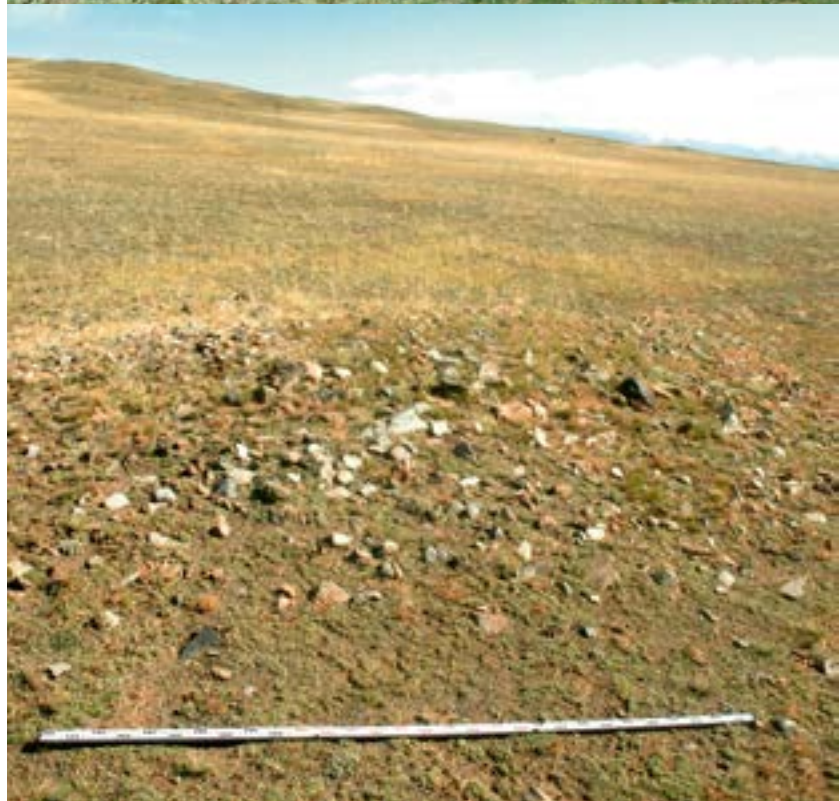
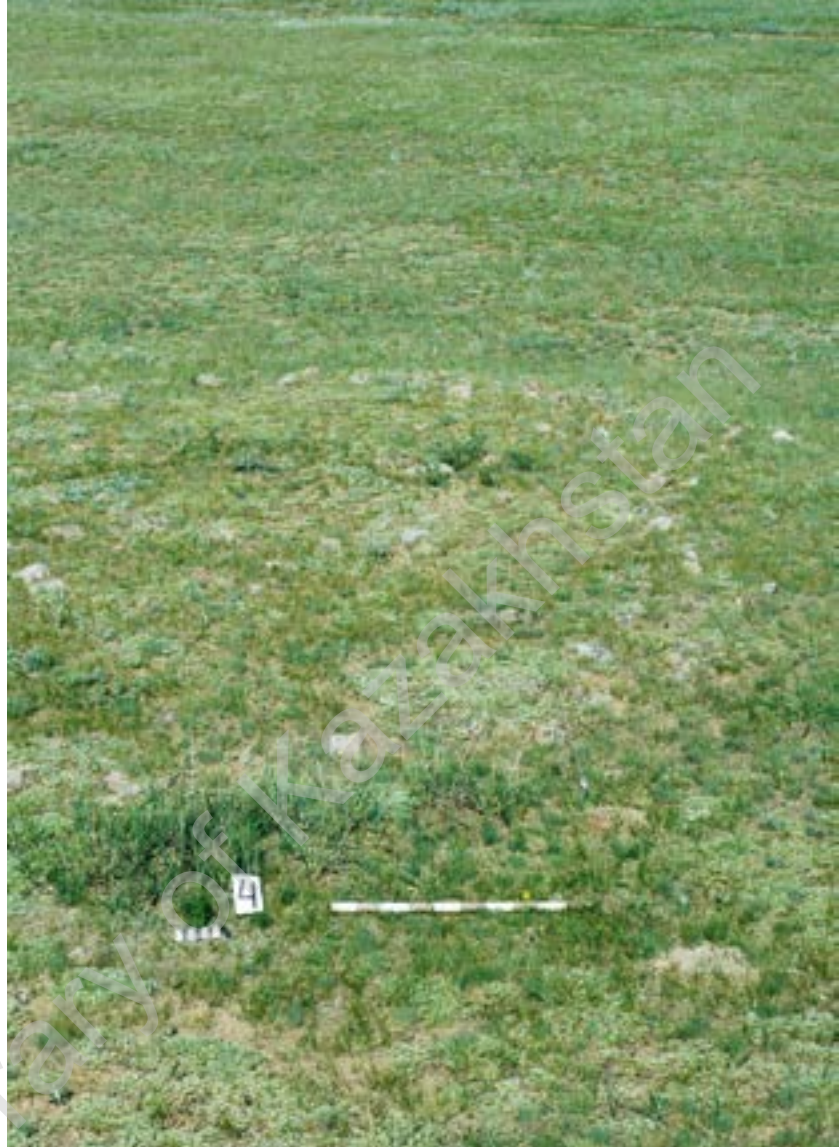
Курган № 4

Курган с каменной кольцевой оградой. Захоронение было на глубине 2,2 м, в каменном ящике, сооруженном из камней средних размеров. Найдены два черешковых трехгранных наконечника стрелы. Три экземпляра бляшки из тонкого листового золота в виде конфигурации лежащего тигра (протомы кошачьего). Аналогичные бляшки часто встречаются в конце сако-скифского времени. Найдена золотая серьга из нескольких кольцевых звеньев, со стреловидно-листовидным окончанием и камнями-бусинками. Аналогичные серьги обычно датируются VI - V вв. до н.э.

Кроме них обнаружены остатки железного ножа и обломок украшения-амулета из кабаньего клыка. Памятник датирован нами V - III вв. до н.э.

Золотая серьга из нескольких кольцевых звеньев (курган № 4 группы Шиликты-5)

Курган № 12

На глубине 190 см у северной стенки обнаружены кости лошади. Захоронение человека было в каменном ящике, сооруженном из крупных камней. Найден керамический сосуд с высоким туловом и ручками по обе стороны. Выявлены 4 золотые украшения в виде фестончика. Одно украшение каплевидной формы. Памятник относится к концу пазырыкского времени и датируется IV - III вв. до н.э.

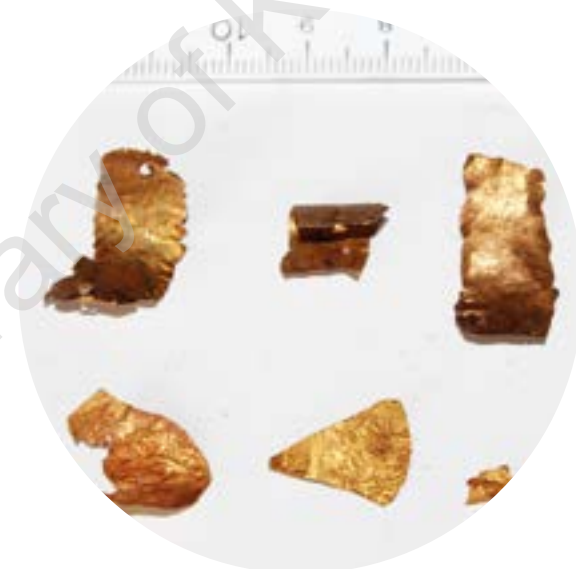

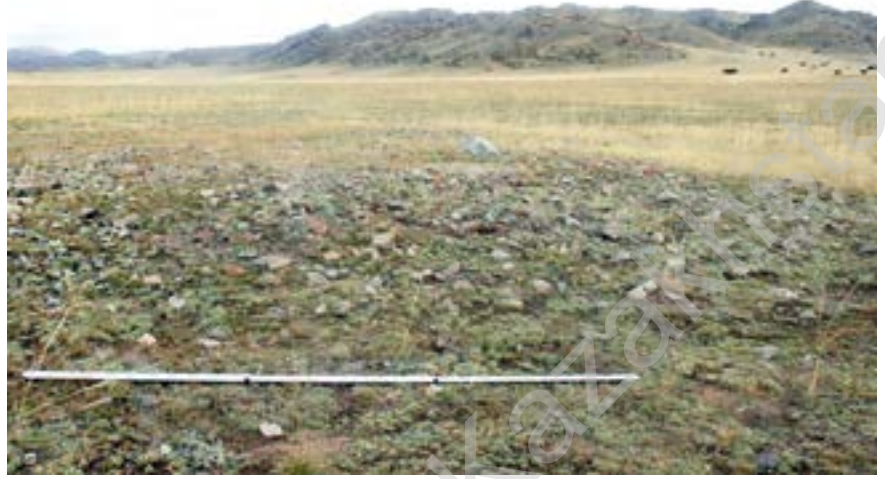
Артефакты, найденные в курганах № 4 и № 12 группы Шиликты-5

Курган № 27

На глубине 1 м были обнаружены два керамических сосуда пазырыкского типа, с высокой шейкой, также остатки в виде следов от сильно деградированного деревянного блюда. Рядом копчик барана и сильно деградированные остатки железного ножа. Сосуды желто-красноватого цвета. У шейки сосуда украшение в виде равнобедренного треугольника. Рядом с сосудами обнаружены украшения в виде листочков из тонкой золотой фольги.

На глубине 210 см у ног покойного был встречен небольшой железный предмет неизвестного назначения. На глубине 240 – 270 см обнаружены остатки сильно деградированного железного предмета, золотые украшения из фольги. На этом уровне, в подбое у северной стенки обнаружен скелет человека в вытянутом положении, лежащего на спине, головой на запад. На этом же уровне найдены нетолстые бревна. Вероятно, ими под наклоном прикрывался подбой, по аналогии с усуньскими традициями. Памятник этот датируется II – I вв. до н.э.

Артефакты, найденные в кургане № 27 группы Шиликты-5

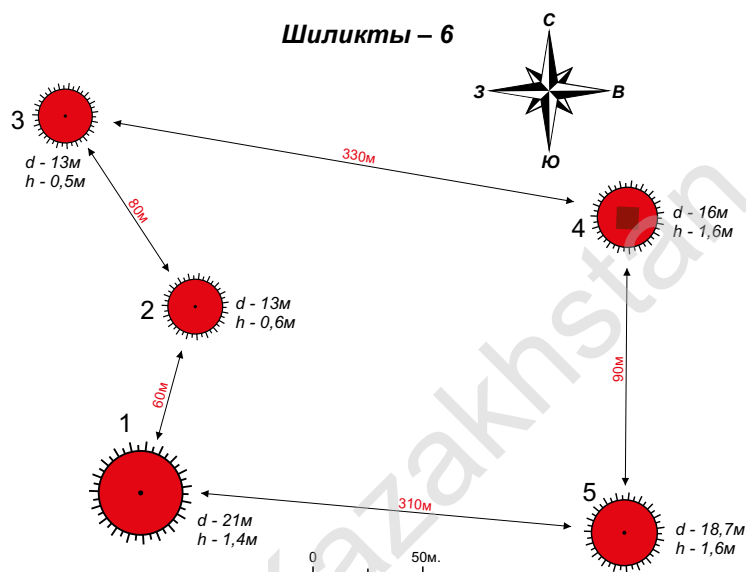
Курганы и курганы-ограды могильника Шиликты-5

ГРУППА ШИЛИКТЫ-6

Могильник состоит из пяти курганов небольших размеров, с земляным покрытием. Расположен в двух километрах от природного холма «Бакыштың кара обасы» («Черный холм Бакиша»). Внешние данные:

- Курган №1: $d - 21 \text{ м}$, $h - 1,4 \text{ м}$;
- Курган №2: $d - 13 \text{ м}$, $h - 0,6 \text{ м}$;
- Курган №3: $d - 13 \text{ м}$, $h - 0,5 \text{ м}$;
- Курган №4: $d - 16 \text{ м}$, $h - 1,6 \text{ м}$;
- Курган №5: $d - 18,7 \text{ м}$, $h - 1,6 \text{ м}$;

Курган №4 в центре представляет собой свежую четырехугольную яму, что является явным признаком недавнего ограбления.

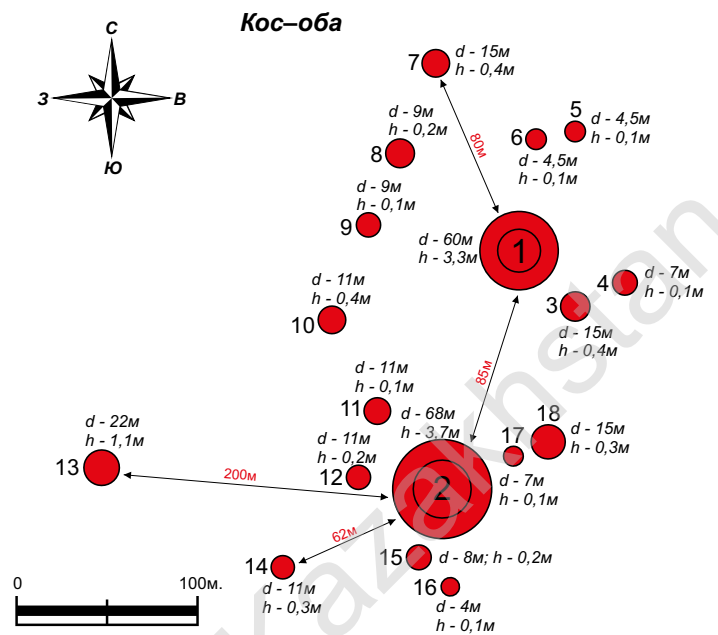

План могильника Шиликты-6, курганы, следы свежего ограбления кургана № 4

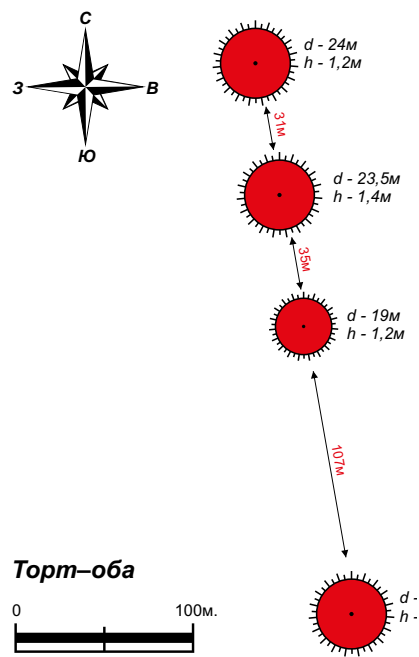
ГРУППЫ Кос-оба, Торт-оба

Могильник Кос-оба

Группа состоит из различных на поверхности земли 18 памятников. Особо выделяются два больших кургана, откуда и пошло название Қос-оба. Размеры больших курганов следующие: курган № 1: диаметр 60 м, высота - 3,3 м; курган № 2: диаметр 68 м, высота 3,7 м. Один курган в юго-западной части имеет диаметр 22 м и высоту 1,1 м. Диаметр остальных курганов колеблется в пределах 4,5 - 15 м, высота тоже небольшая - от 0,1 до 0,5 м. Два больших кургана сильно разграблены, в середине большая и глубокая воронка.

План могильника Кос-оба. Вид могильника Кос-оба с дрона. Воронка в кургане №2

Могильник Торт-оба

Расположен в 2,5 км к востоку от большого кургана группы Шиликты-2. Состоит из почти одинаковых четырех курганов, вереницей тянущихся с северо-запада на юго-восток. Данные о размерах следующие:

- Кургan №1, d- 24м, h – 1,2 м
- Кургan №2, d- 23,5м, h – 1,4 м
- Кургan №3, d- 19м, h – 1,2 м
- Кургan №4, d- 25м, h – 1,8 м

План могильника Торт-оба. Курганы Торт-оба

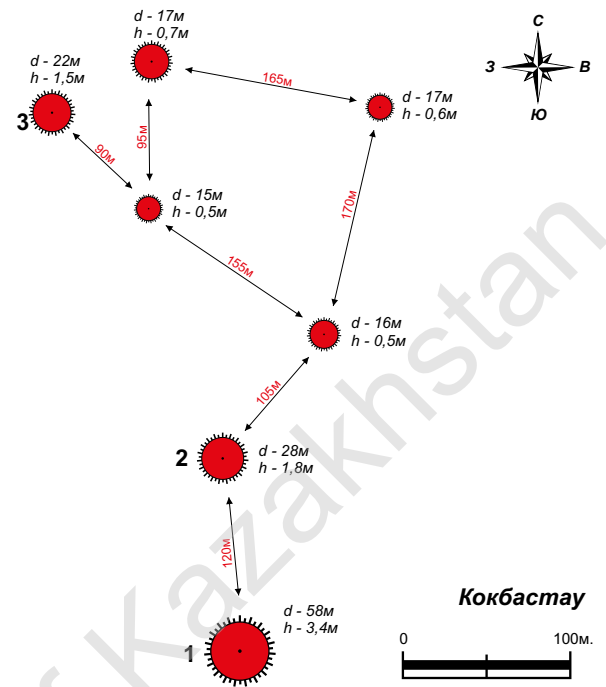
Курганы Кос-оба

ГРУППА КОКБАСТАУ

Могильник Кокбастау

Расположен в 3,5 км к юго-западу от могильника Шиликты-3. Состоит из семи отдельных памятников. Из них три кургана довольно внушительных размеров. Курган №1 высотой 3,4 м, диаметром 58 м. По окружности кургана имеется ров шириной 2-2,2 м и глубиной 0,7 м.

Второй по величине курган №2 по ширине 28 м и по высоте 1,8 м. Третий курган при диаметре 22 м имеет высоту 1,5 м. Диаметр остальных курганов колеблется в пределах 15-17 м, по высоте от 0,5 до 0,7 м. Если шесть курганов этой группы расположены компактно, то курган №1 находится от них на расстоянии 1,2 км. Вокруг этого кургана других памятников не обнаружено. Поэтому нами было решено включить его в состав основной группы Кокбастау.

Курганы группы Кокбастау

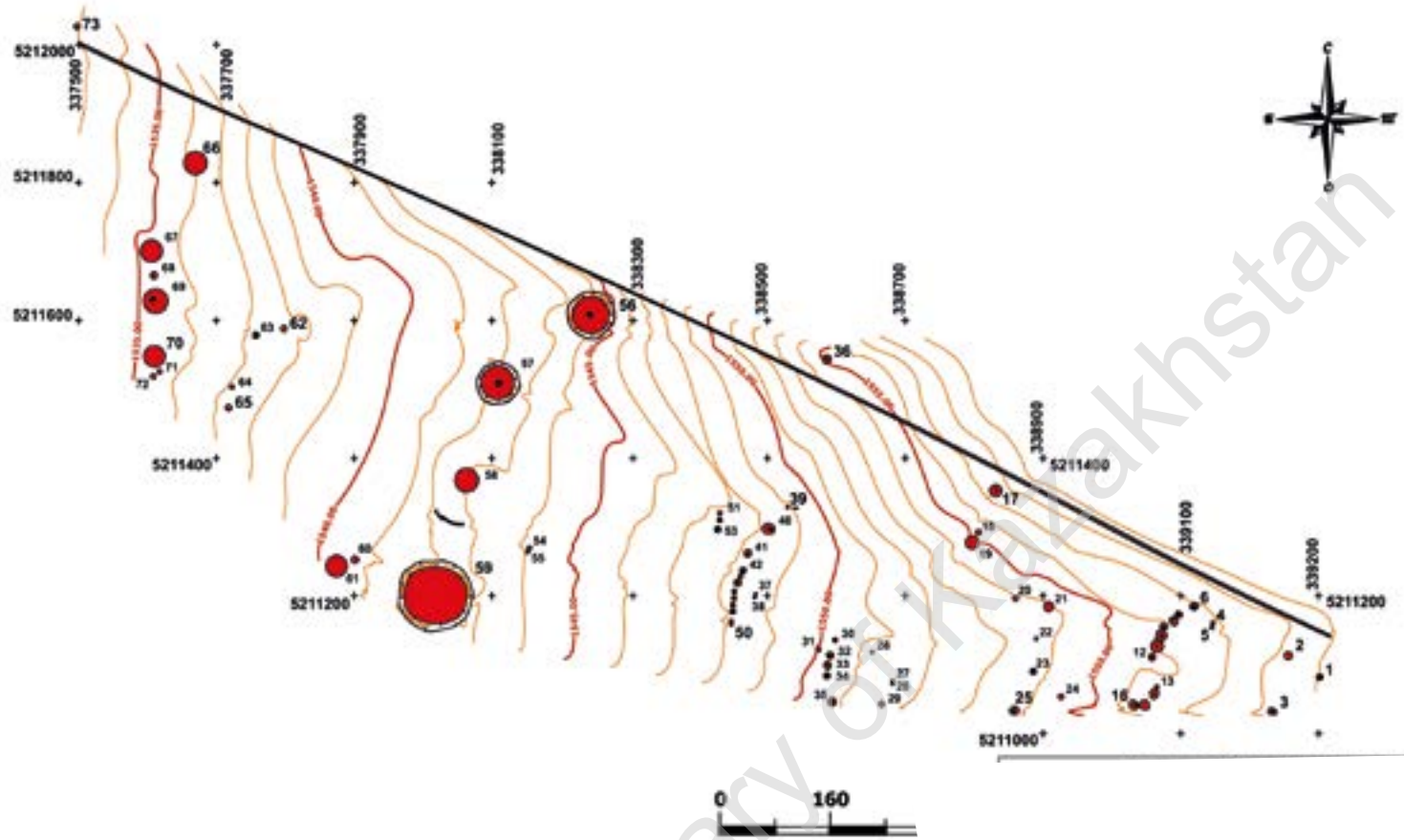
ГРУППЫ ШАГАН-ОБА

Находится на самой восточной окраине Шиликтинской долины, на правом берегу реки Кандысу. Расстояние от аула Шиликты до Шаган оба 25 км. Всего в могильнике 73 памятника. Все они - погребально-поминальные памятники. Исключение составляют первый и второй памятники, которые представляют собой древние металлургические печи. Большинство из них относится к эпохе саков и усуней. Есть также отдельные памятники древнетюркского времени. В курганной группе особо выделяются три больших и шесть средних курганов. Данные габаритов некоторых из этих памятников следующие:

- Курган № 59: $d=90$ м, $h=5,90$ м; ширина рва вокруг кургана 10,45 м, глубина от 0,25 - 1,28 м;
- Курган № 56: $d=52,90$ м, $h=5,17$ м; ров вокруг кургана шириной 8,50 м, глубиной 0,52-1,25 м; имеет воронку диаметром 9,76 м, глубиной 1м;
- Курган № 57: $d=48,30$ м, $h=4,25$ м; ров шириной 7,15 м, глубиной 0,20-0,8 м; воронка: $d=9,10$ м, глубина - 1,63 м;

Царские курганы могильника Шаган-оба

План могильника Шаган-оба. Вид кургана № 66

- Курган № 58: $d=34,60$ м, $h=3,9$ м;
- Курган № 66: $d=33,25$ м, $h=2,15$ м;
- Курган № 69: $d=35,50$ м, $h=2$ м;
воронка: $d=7,80$ м, $h=-0,45$ м;
- Курган №1: $d=9,20$ м, $h=0,10$ м;
воронка: $d=2,63$ м, $h=-0,06$ м;
- Курган №17: $d=17,20$ м, $h=1,27$ м;
воронка: $d=2,63$ м, $h=-0,11$ м;
- Курган № 50: $d=5,85$ м, $h=0,33$ м;
- Курган № 65: $d=8,90$ м, $h=0,34$ м.

Остатки металлургической печи. Шлаки руд. Вид кургана № 57

Мазар Зейноллы Бутабаева

Мазар из красного кирпича известного казаха из рода бурымбет Зейноллы Бутабаева расположен в 300 м севернее аула Жалши. Он был построен архитектором-строителем Баязитом Сатпаевым в 1920 году. Известно, что им было сооружено в разные годы много архитектурных зданий в г.Зайсан.

Купольные мазары XVIII-XIX века

В Шиликтинской долине нами обнаружены два купольных мазара XVIII-XIX века. Построены из сырца. Принадлежность их кому-либо из известных личностей местных казахских родов не установлена. Один находится на юго-западной окраине аула Шиликты, прямо на макушке сакского кургана. Второй расположен в 4-4,5 км южнее от зимовок Кокбастау.

КАРАШОКЫ

Поселение-зимовка Карашоки

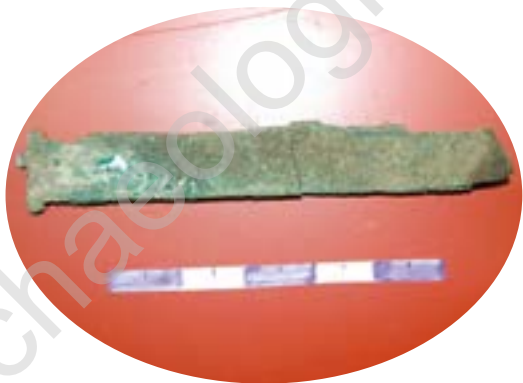
Расположена в 300 м слева от трассы Шиликты-Зайсан, неглубоко в ущелье горы Манырак. Для зимовки была выбрана местность, защищенная от северо-западных ветров. На поверхности земли хорошо читались дугообразные остатки каменного основания домостроения и хозяйственных построек.

В результате раскопок было найдено очень много костей домашних животных. Встречались и кости диких зверей.

Керамика встречалась фрагментарная в виде сколов от тулова, венчика и основания. Аналоги артефактам зимовки Карашоки встречаются в поселениях Центрального Казахстана и Горного Алтая (А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан; П.И. Шульга). Датируются VII-VI вв. до н.э.

Недалеко от этой зимовки были раскопаны два кургана раннего железного века. Найдены отдельные артефакты. Курган датируется V-IV вв. до н.э.

Поселение-зимовка и курган-ограда эпохи ранних кочевников Карашоки. Артефакты из этих объектов

КЕРГЕНТАС

Памятник древнетюркского времени. Состоит из небольшого курганчика с каменным балбалом. К востоку от кургана идут ряды вертикально установленных камней. Памятник находится в нейтральной с Китаем пограничной зоне.

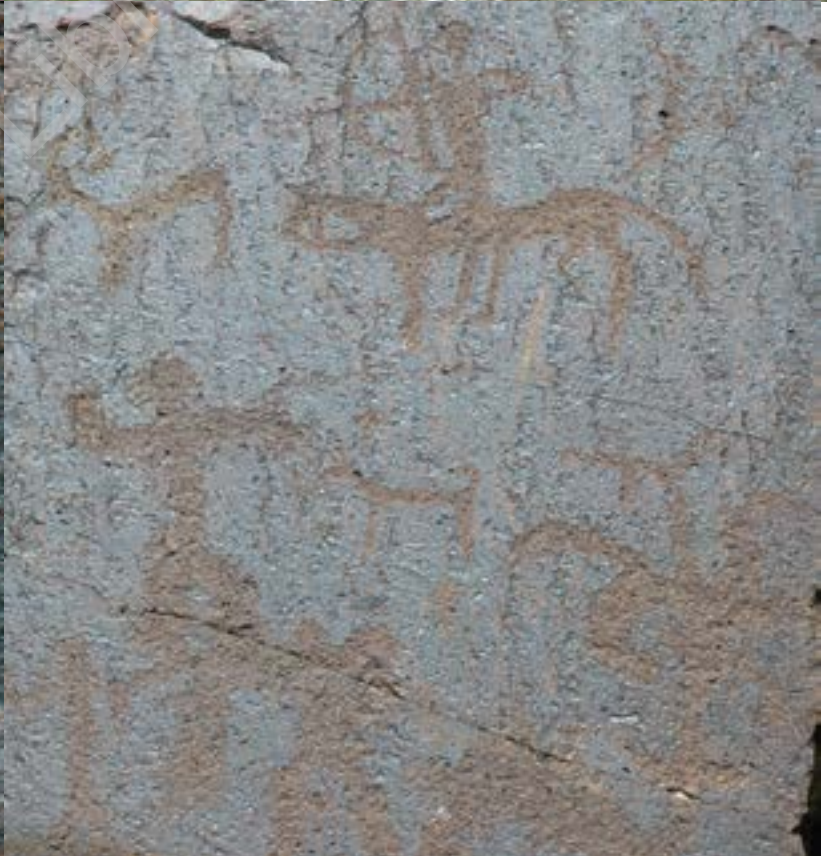

ОКЕЙ

Петроглифы Окей находятся в 10 километрах от Шиликтинской долины в северо-восточном направлении, недалеко от отгонного населенного пункта Талды. Наскальные изображения разных эпох, начиная от неолита, энеолита и кончая тюркским временем. Зафиксировано более 350 камней с почти 2 тысячами петроглифов. По оценке З. Самашева, эта группа по степени концентрации изображений - одна из самых богатых в регионе после Мойнака. Древнее население, оставившее эти уникальные памятники, несомненно участвовало в создании величественных памятников Шиликтинской долины.

Archaeological Library of Kazakhstan

«ЗОЛОТОЙ» КУРГАН БАЙГЕТОБЕ МОГИЛЬНИКА ШИЛИКТЫ-3

(Полное описание процесса раскопа)

Рис.1. Участники экспедиции

Рис.2. Вид кургана № 1 (Байгетобе) могильника Шиликты-3 до раскопа

Рис.3. Вид раскопа кургана № 1 (Байгетобе) могильника Шиликты-3

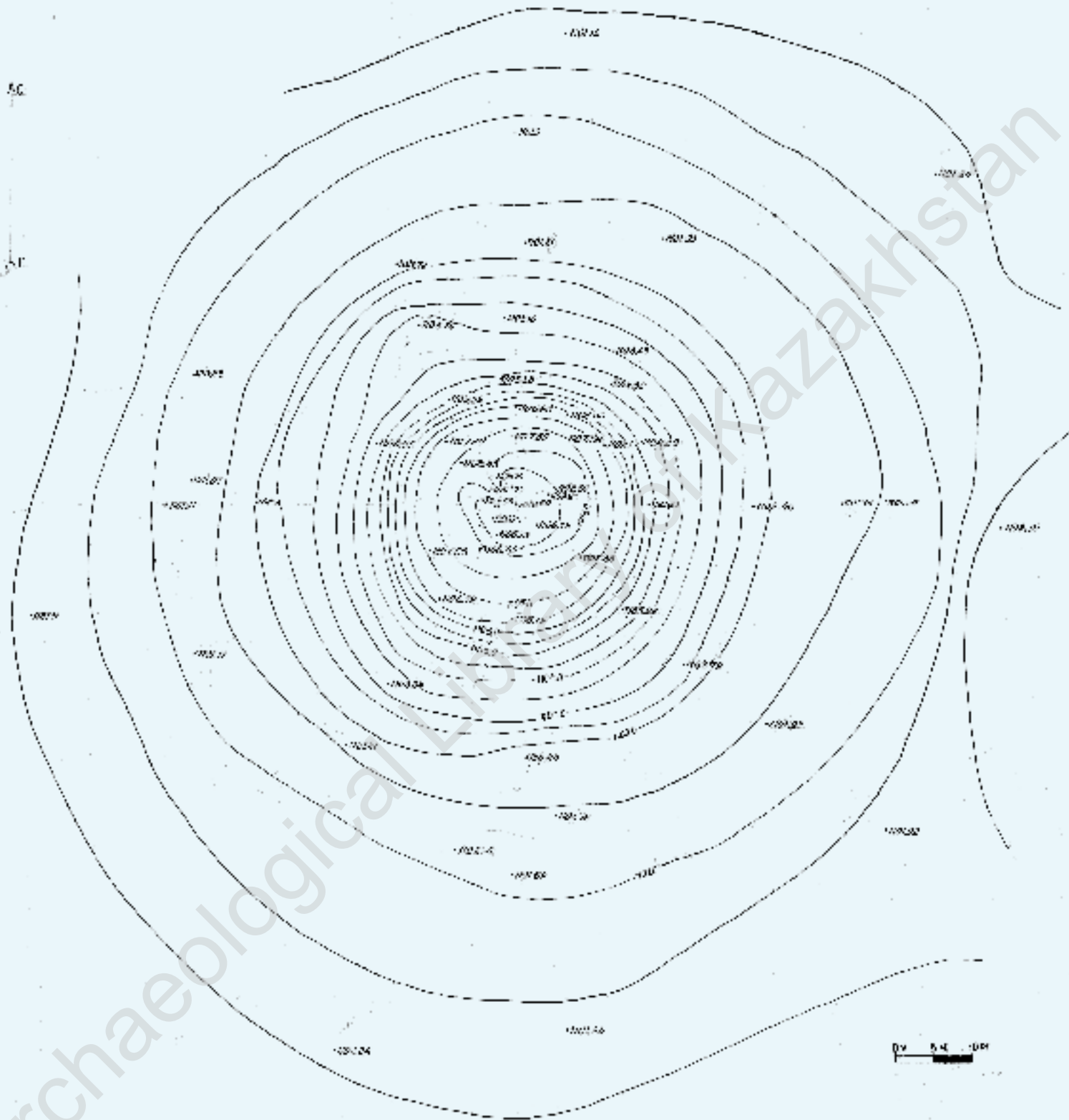

Рис.4. План мензуальной съемки кургана Байгетобе

драт ГВ-3И) были выявлены следы окопа площадью 3x4 м. В дальнейшем окоп продолжался до глубины 1,8 м. Местные люди нам сообщали, что в 60-е годы прошлого столетия солдаты-пограничники на вершине кургана сооружали дозорные укрытия. На месте окопа были найдены черенки лопат, отстрелянные гильзы и прочие предметы.

На глубине 0,6 - 0,8 м в южной половине траншей (квадраты И - XIII, XIV М-ХV, XIV) были обнаружены зольные пятна размерами 2,3x1 м и 3,9x1,3 м, длинной стороной направленные на ЮС. Толщина слоя 0,35 м. На этой глубине в западной половине кургана, в квадрате ДГ-ИК был найден небольшой керамический сосуд с бомбовидным туловом, короткой шейкой и отогнутым наружу венчиком. Внешняя поверхность сосуда была сильно закопчена открытым огнем.

На уровне 0,9 - 1 м в районе квадратов БД - ЗК было замечено изменение грунта в виде овала, размером 6,0x3,2 м, длинной осью направленного на ВЗ. Это пятно, отличающееся от окружающего грунта серо-коричневым цветом, явно продолжалось до уровня 2,60 м. Очертание пятна и его размеры на различных уровнях менялись незначительно. По нашему предварительному предположению, это были следы грабительского лаза. Это наше предположение подтвердилось при раскопе каменной части кургана и изучении кровли деревянной погребальной камеры.

На уровне 1,2 м в западном секторе в квадрате Б1 были найдены сгнившие остатки древесины, диаметром 5,5 см и длиной 0,6 м. На этом же уровне в квадрате ДГ-НО обнаружено зольное пятно размером 1,4x0,7 м, длинной осью направленное на СВС.

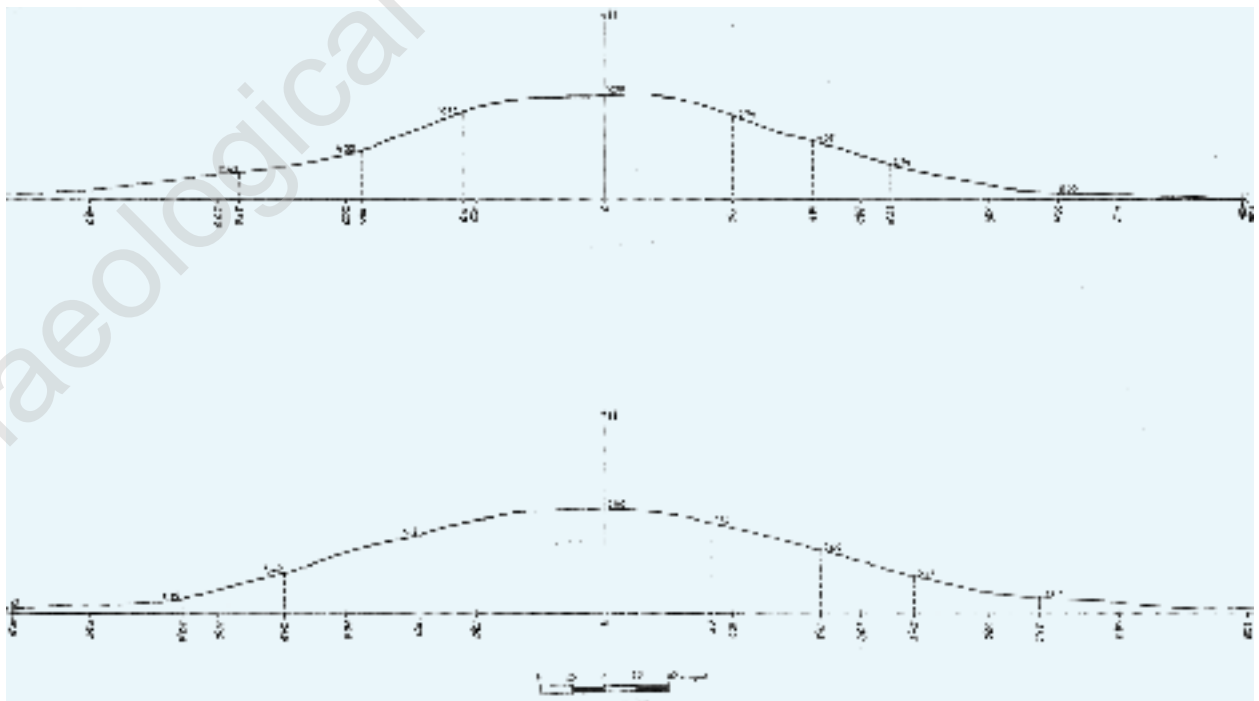

Рис.5. Вид начала раскопок. Впускное захоронение на глубине 1,9 м

На глубине 1,1 м в квадрате АК было выявлено ярко-серое пятно размером 1,2x0,8 м. Аналогичные пятна были обнаружены на глубине 1,4 м. В западном секторе в квадратах ЖЕ -1,2 (размер 0,4x0,9 м), ДГ- 5,6 (размер 0,9x1,6), в северном секторе в квадратах ЗИ - III, IV (размер 1,3x2,1 м), ИК-V (размер 0,9x1,6м), в центральной части в квадрате ГВ-НО (размер 0,3x1,2).

На уровне 1,6 м в восточном секторе в квадратах Ж-15, 16, ДГ-17, 18 обнаружены золистые пятна размерами 2,1x2,8 м и 1,8x2,4 м, в центральной части в квадратах БВ-НО (размер 0,8x1,5 м), НО-ДГ (размер 0,2x0,8м), в северном секторе в квадрате М-I, II (размер 1x1,6 м) выявлено серое пятно.

На глубине 1,9 м в западном секторе в квадрате БВ-2,3 было обнаружено скопление камней средних размеров (25x30x15 см, 20x40x20 см, 17x35x15 см), они лежали почти в куче. Раскопки на этом участке продолжились вручную. После снятия восьми камней и углубления на 1,5-20 см выявлены человеческие кости. Человек был похоронен в лежащем на спине положении, головой на ЗСЗ. Около головы покойника был найден сгнивший остаток круглого железного предмета в виде пуговицы. Предполагается, что это было впускное захоронение (Рис.5).

На уровне 2,9 м в южной части раскопа в квадрате Н-XVI было обнаружено зольное пятно с обугленными костями животных. Диаметр пятна около 1,5 м.

На глубине 3,1 м в западном секторе в квадрате БА-9 найдено бледно-серое золистое пятно шириной 1 м и длиной 1,7 м. Глубина слоя достигала 0,4 м. Пятно длинной осью располагалось с юга на север.

На уровне 3,40 м обнаружен кончик вертикально установленной жерди диаметром 12 см. При расчистке земли вокруг жерди на глубине 40 см стали появляться камни. Дальше работа в центральной части раскопа также продолжалась вручную.

На глубине 4,15 м в квадрате ЕК был выявлен кончик бревна, лежащего длинной осью в направлении ССВ. На уровне 4,20 м обнаружено еще одно бревно в квадрате ДИ, затем при углублении на 0,1 м - еще один кончик бревна в квадрате ЖЛ.

В 20 см к северо-западу от вертикально установленной жерди на уровне 3,8 м лежали голова и один небольшой рог жертвенного животного. Предположительно, это голова дикого жвачного животного, судя по рогу, это молодой горный козел (Рис. 34). Остеологический материал был сдан на экспертизу биологам. На глубине 4,7 м на расстоянии 0,7 м к юго-западу от жерди стояло керамическое плоское блюдо, вокруг него и в нем лежали полуобугленные и не тронутые огнем кости мелкого животного, рядом чуть ниже (-25 см) лежала трубчатая кость лошади.

Рис.6.
Вид раскопок

Вокруг всего этого были следы закопчения от открытого огня.

В результате инструментальных обмеров определено, что вертикальная жердь установлена точно в топографическом центре кургана. Оставление головы жертвенного животного у вертикального столба, керамическое блюдце, кости животных, следы огня – все это наталкивает на мысль, что после возведения каменного кургана совершали тризну по умершему. Об этом также свидетельствуют разбросанные по всей поверхности каменного сооружения кости мелких и крупных животных. После окончания поминальной трапезы на вершине каменного сооружения воздвигали траурный шест, сохранившаяся высота которого около 1 м (Рис. 34).

В процессе очистки верхней площадки кургана от земли постепенно обнажились бревна перекрытия и отдельные бревна стен сруба. Бревна перекрытия длинной осью лежали с юга на север с небольшим уклоном на восток. Причем выступали только концы бревен перекрытия, а средняя часть явно находилась еще под осевшим в центральной части грунтом и камнями.

После очистки от земли верхней площадки раскопочно-очистительные работы продолжались на боковых площадях и склонах каменного кургана. Земля у границы кургана очищалась вручную, выносилась носилками подальше от каменных насыпей, а дальше отодвигалась бульдозером.

Рис.7. Керамический сосуд из впускного захоронения

Рис.8. Вид кургана с выявленными каменными набросками и сохранившимися стенками траншеи

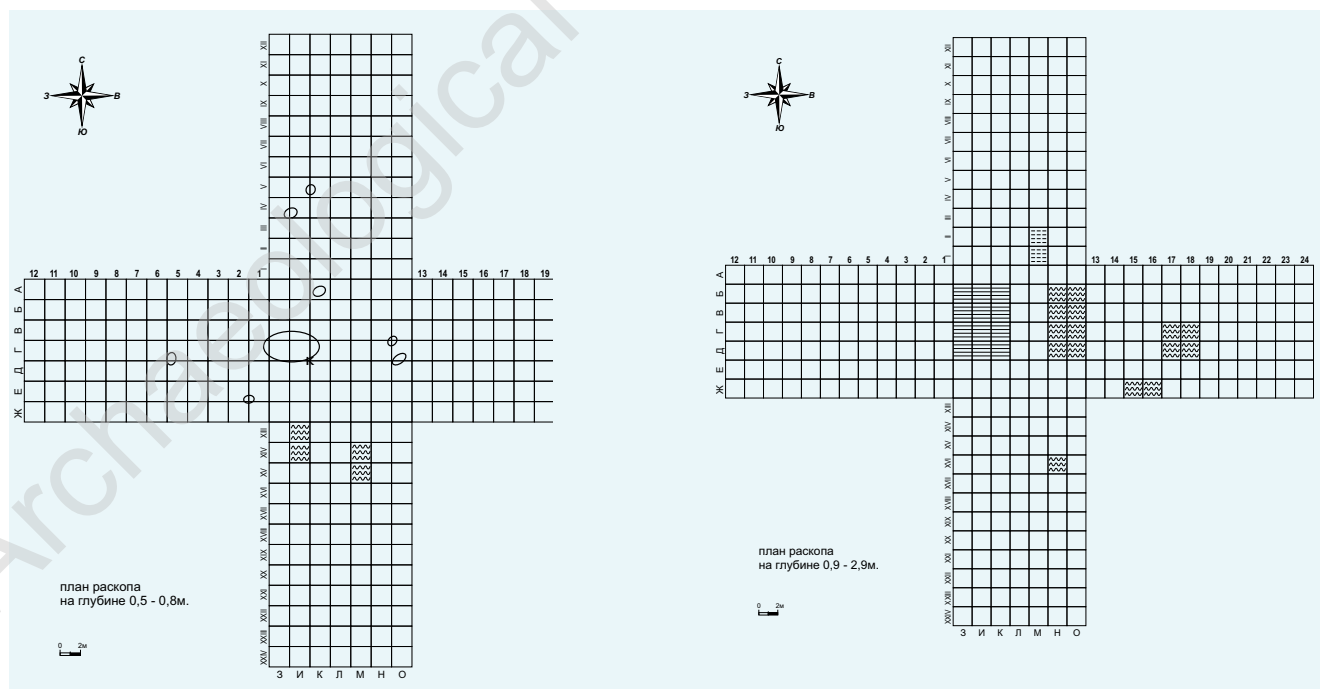

Рис.9. Сетка квадратов площади раскопа на разных уровнях

Стратиграфия земляной насыпи

В процессе раскопа земляного кургана широкими траншеями с юга на север и с востока на запад по краям сооружения образовались четыре сохранившихся земляных сегмента с восьми бровками. По достижении глубины раскопа до материка инструментально были сняты вертикальные профили всех восьми стен бровок. Они достаточно хорошо отображали стратиграфию различных частей земляной насыпи кургана.

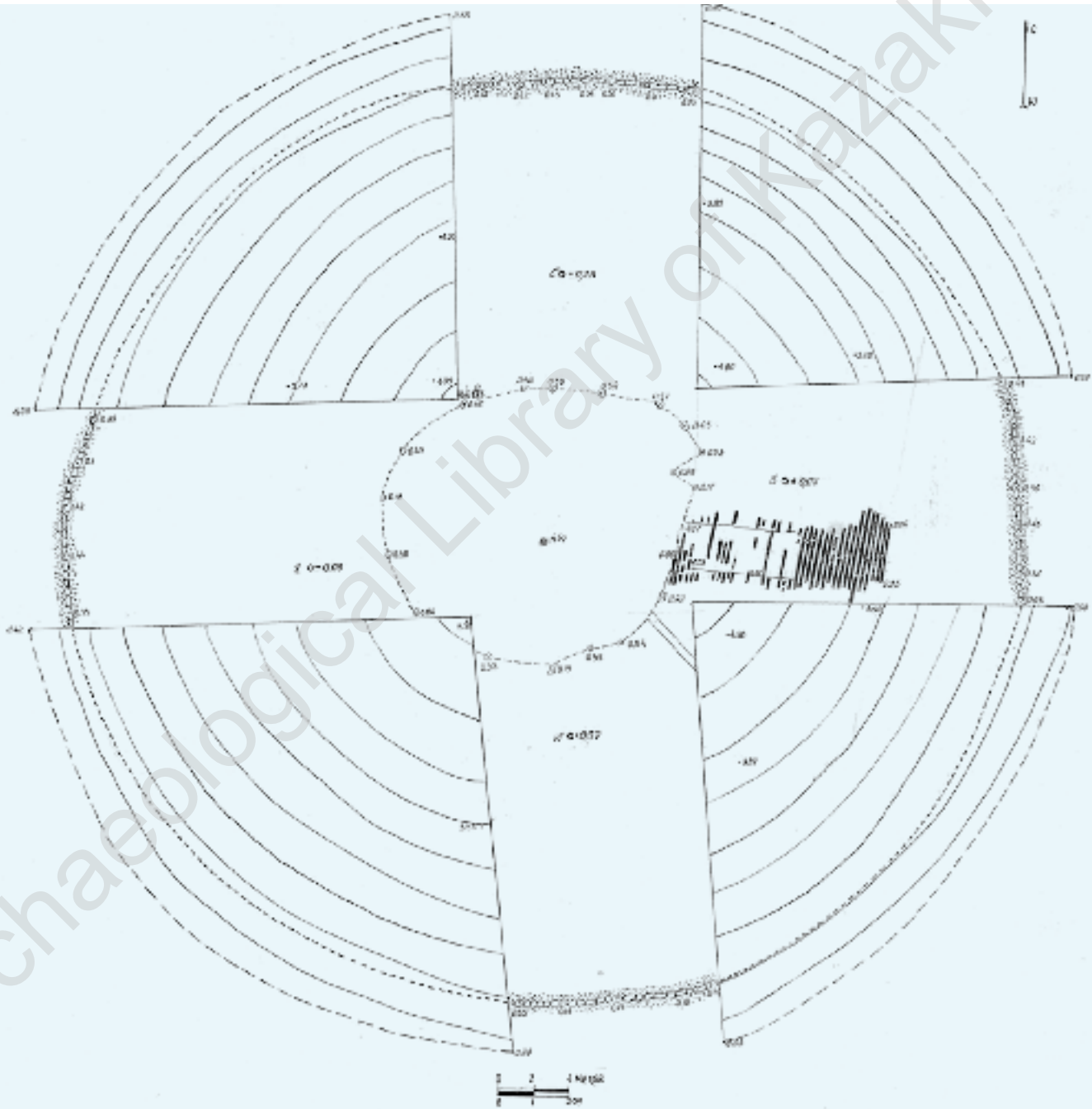

Рис.10. Общий план раскопа

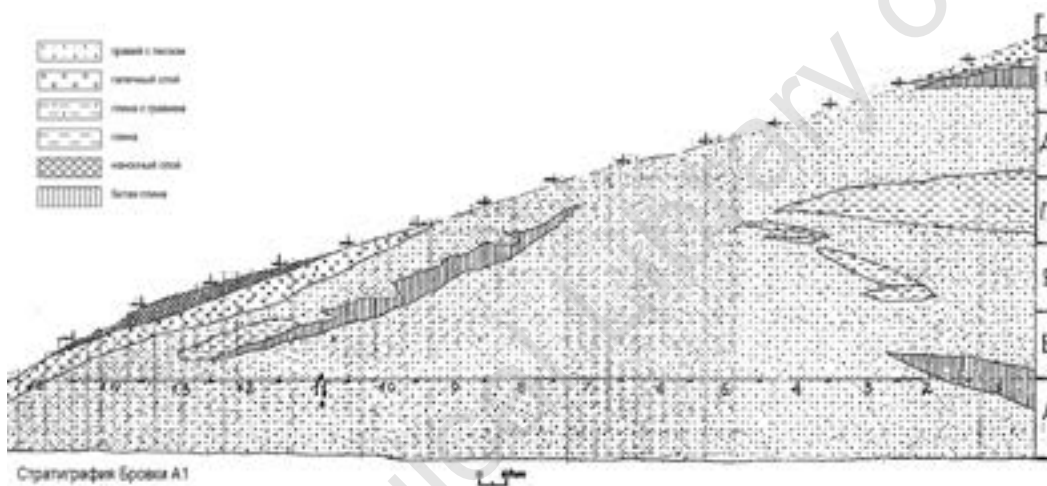

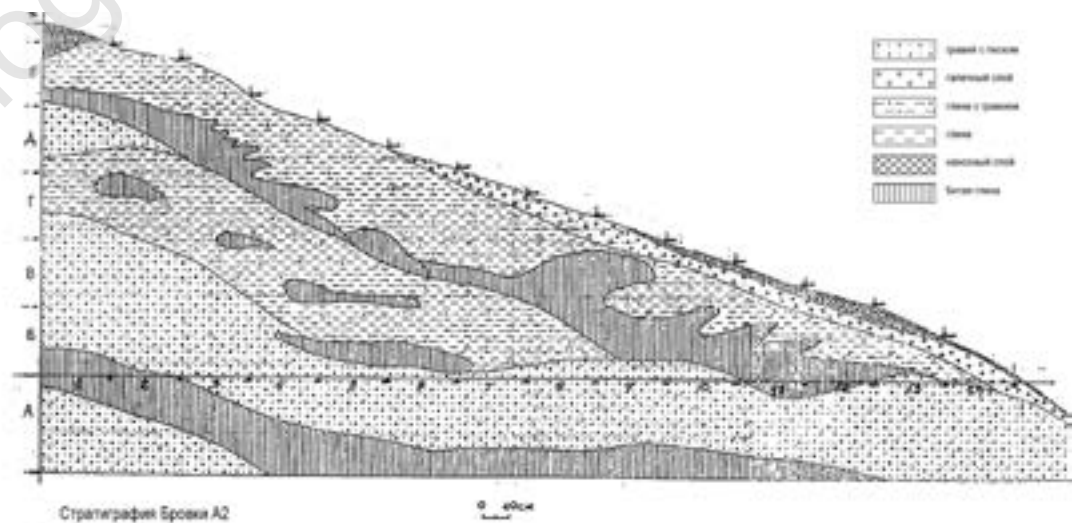
Рис.11.
Стратиграфия
бровки А-1

Бровка А1. Высота составляет 5,3 м, от репера т. «Север» 6,58 м. Длина основания 15 м. В основном состоит из гравия с глинистым песком. Восточная часть сверху начинается с галечного слоя, длина которого 208 см и толщина 46 см. Затем с уровня 436 см до 334 см клином идет слой глины и глины с примесью гравия. Его общая длина 3,8 м. Ближе к основанию на уровне 134 -70 слой битой глины идет клином в западном направлении, длина 2,3 м. В квадратах 2-5 - БВ встречаются небольшие слои гравия с глиной. В квадратах 11-13 х АБ по наклонной кургана выступает глиняный слой длиной 1,84 м и шириной 0,28 м. У подножия стены в квадратах 9-15 х А-В залегает слой из речной гальки длиной 7 м и толщиной от 0,2 до 0,36 м. Наносный слой имелся в квадратах 11-15 х АБ, длиной 4,4 м, толщиной от 0,1 до 0,3 м (Рис. 11).

Бровка А2. Структура стены А2 намного сложнее. Эта стена в отличие от всех других стен бровок в составе имеет много битой глины. Она двумя непрерывными и одним прерывистым слоем проходит по всей длине стены. Наносный слой имеется на вершине бровки (Е1) и в квадрате АГ х 9-15, толщина от 0,1 до 0,2 м. Следующим идет галечный слой. Он начинается с высоты 4,6 м и продолжается до основания кургана. Толщина от 16 до 25 см. Следующий сплошной слой - глина с гравием и песком. Он охватывает квадраты Г- Е х 1-3, Б-Г х 4-14. Далее идет слой гравия с песком (квадраты Б-Г х 1-4, АБ х 4-15). Следующий сплошной слой - дерн (битая глина). Он начинается с высоты 1,24 м и заканчивается на высоте 1,85 м, затем толщиной 0,6 - 0,7 м по наклонной идет до точки 3,3 м в северном направлении, далее по горизонтали с толщиной 0,4 - 0,7 м продолжается до отметки 12,6 м. Общая высота стены бровки - 6,6 м, длина 15 м (Рис. 12).

Рис.12.
Стратиграфия
бровки А-2

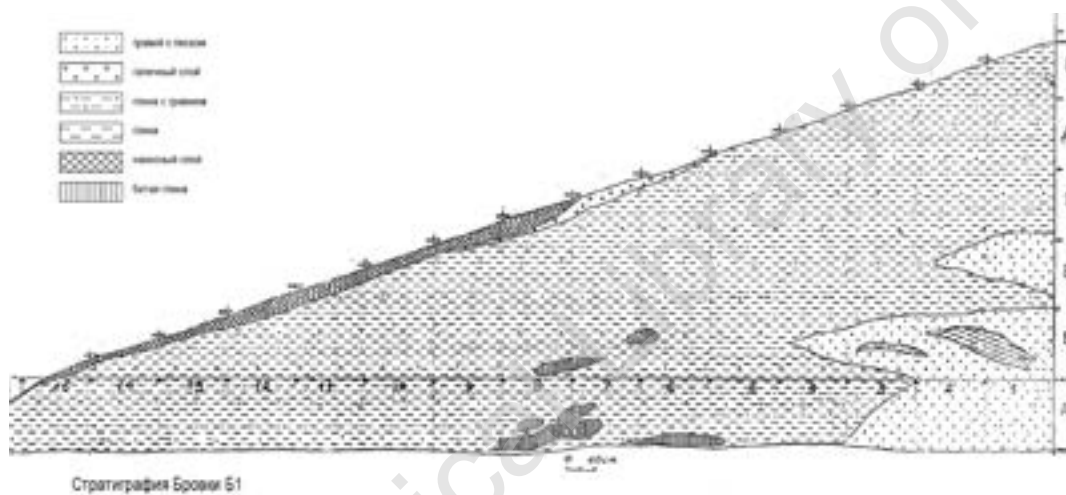

Рис.13.
Стратиграфия
бровки Б-1

Бровка Б1. Высота 5,8 м, длина - 15 м. Структура несложная, в основном состоит из гравия с песком и глиной. Сплошные гравиевые слои встречаются в квадратах Вх1,2; АБ х 1-4. Внутри нижнего гравиевого слоя есть два небольших участка с глинистым слоем. Слой битой глины отдельными кусочками встречается в квадратах АБ х 5-8. Наносный слой начинается с подола кургана и продолжается до высоты 3,94 м, толщина его 0,1 - 0,3 м. Галечный слой встречается только на склонах между отметками 1105,13 и 1106,40, это промежуток между высотами 3,25 - 4,52 м (Рис. 13).

Бровка Б2. Структура стены сложная. В основном построена из гравия с песком и небольшой примесью глины. Слой битой глины отсутствует вообще. На самом верху наносный слой. Он начинается с уровня 1,26 м и продолжается до точки 3,84 м. Толщина его от 0,1 до 0,22 м. Слой гальки начинается прямо с основания стены и продолжается до уровня 4,7 м. Толщина этого слоя в основном районе 20 см, но местами доходит и до 30 см. Следующий сплошной слой - слой гравия с глиной. Он охватывает квадраты Б-Е х 1-4, В х 4-7, Б х 7-9, АВ х 9-15. В следующих уровнях островками в квадратах А-В х 1-12 расположены слои гравия с темным песком. Внутри этого сплошного слоя просматривается клюшкообразный слой из глины. Небольшой слой из глины замечен в квадрате Б х 1,2. Высота стены бровки 6,09 м (Рис. 14).

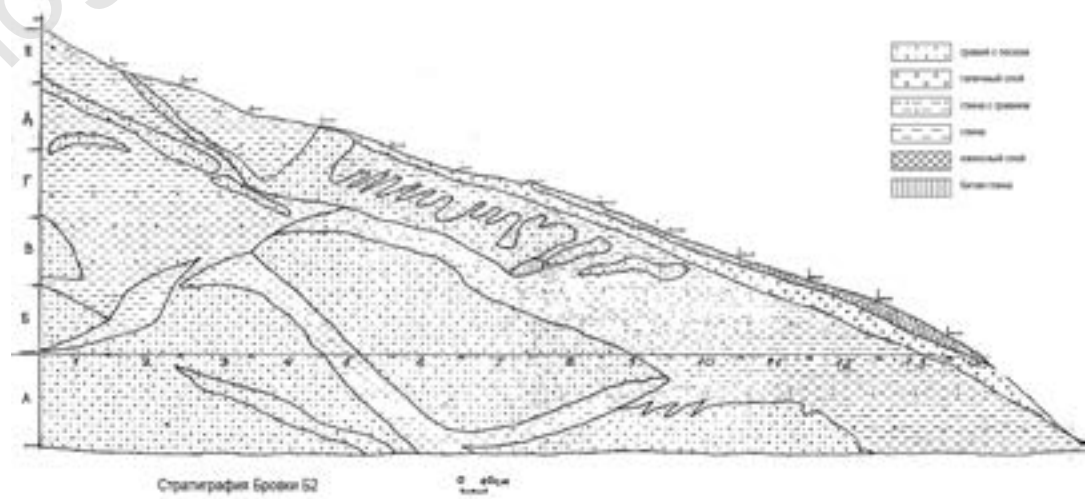

Рис.14.
Стратиграфия
бровки Б-2

Бровка В-1. Профиль стены В-1 также сложный. У подножья, начиная с высоты 2,2 м до нижней точки кургана, есть наносный слой толщиной 15-20 см. Начиная с высоты 3,56 м до 4,96 м, залегает слой из глины, толщина слоя 18-25 см. У подножья под наносным слоем лежит галечный слой, он также начинается с самой нижней точки треугольной стены и заканчивается у высотной точки 1104,27. Длина его равна 4,88 м, толщина 20 см. Между квадратами АХ 12,13 галечный слой сильно расширяется вниз. Рядом в полтора метра на север расположен вход в дромос. По всей вероятности, углубление галечного слоя в этом месте указывает на вход в дромос, точнее, «галечная западина» является южным краем входа в дромос.

Следующий слой сплошную охватывает весь склон стены, начиная с самого верха и кончая ее самой нижней точкой. Причем, начиная с квадрата Е1, он постепенно расширяется (с 0,8 м до 2,56 м) до квадрата А-Г х 1-7. Далее сужается до 1,5 - 1 м. Внутри этого слоя в районе квадратов БВ х 8-11 встречаются слои битой глины (дерна) и глины.

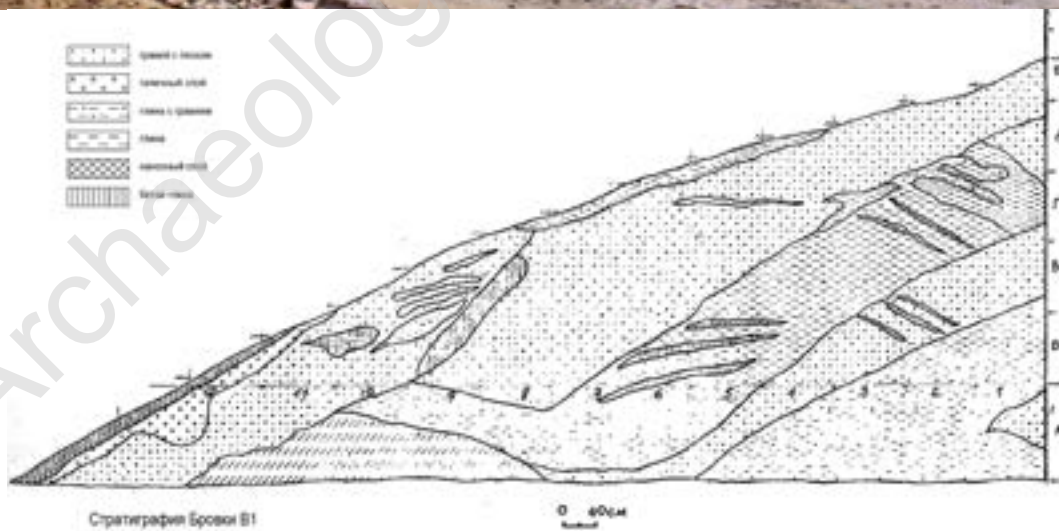
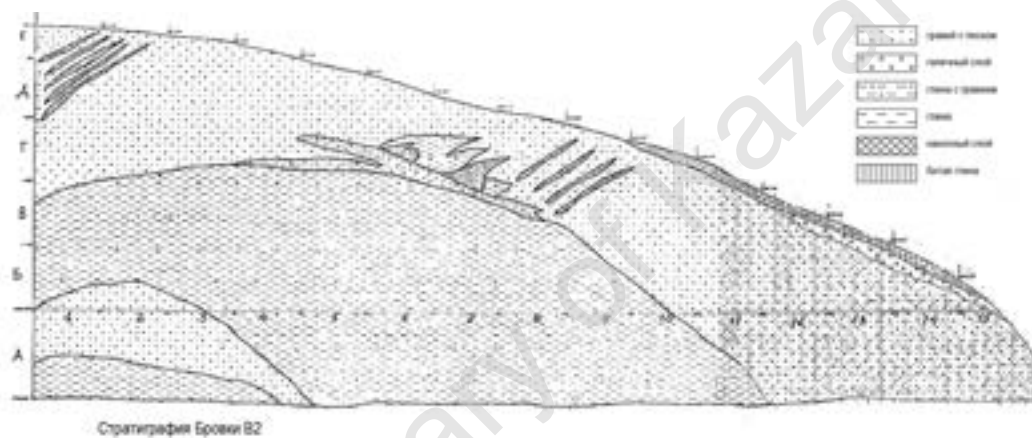

Рис.15.
Стратиграфия бровки
В-1

Рис.16.
Стратиграфия
бровки В-2

Следующим сплошным слоем, идущим с самого верха до уровня 2,4 м, является слой гравия с глиной. Этот слой, начиная с квадратов ГД -1, по склону кургана с одинаковой толщиной (1,4 - 1,6 м) опускается до квадрата А7. Далее узкой полоской (0,6 - 0,7 м) продолжается еще на 2,8 м в восточную сторону. Внутри этого слоя прослеживаются отдельные узкие (горизонтальные, косые) полоски дерна и глины. В районе квадрата А x 8-12 имеется мощный слой дерна толщиной в самом толстом месте около 1 м и длиной 5 м. Очередной слой гравия с песком начинается с уровня В, имеет форму удлиненного башмака и заканчивается в квадрате А7. Самый нижний слой расположен в квадратах АБ x 1-5, его состав - гравий с глиной. В целом эта стена бровки оказалась самой слабой, самой неустойчивой. Во время раскопок и после под влиянием дождя имели место случаи обвала краев стен. Высота стены - 5,94 м, длина - 14,5 м (Рис. 15).

Бровка В-2. Высота 5,76 м, длина 15,6 м. Наносный слой толщиной 10 -12 см расположен между высотными точками 1102,52 и 1105,38. Галечный слой толщиной 10 -15 см также лежит у подножья кургана между высотами стен 1,2-3м. Далее полудугой по всей стене идет слой гравия с песком. Он начинается с квадратов А-Вx10-15 и продолжается в квадратах В-Е x 1-9. Внутри этого слоя в квадратах Г x 5-9, ДЕ x 1,2 встре-

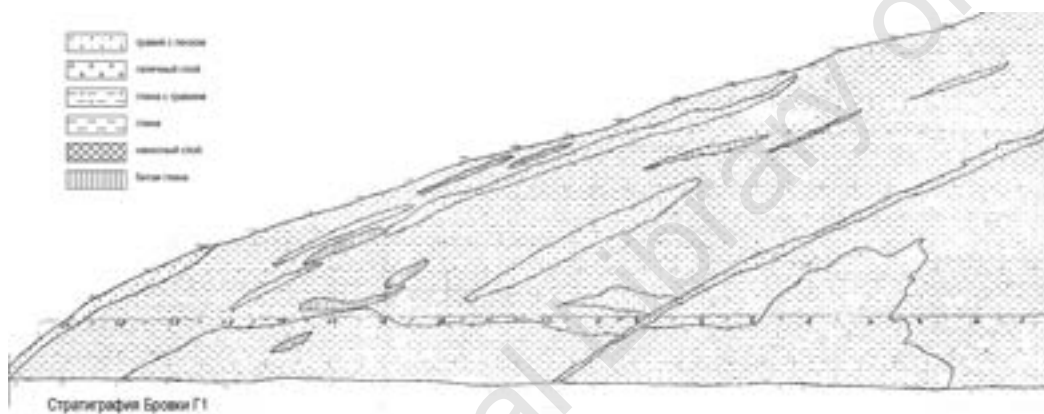

Рис.17.
Стратиграфия бровки
Г-1

чаются небольшими полосками слой глины, дерна, глины с гравием.

Следующий слой - слой глины с гравием. Он охватывает квадраты А-В х 3-11 и Б, В х 1,2. В этом слое в районе квадратов БВ х 5,6 встречаются косые полоски слоя глины с гравием, гравия с глиной и гравия. Длина полосок 1,8 м, ширина 1,5 м.

Далее идут слои гравия с песком и глины с гравием. Они охватывают квадраты АБ х 1-5 (Рис. 16).

Бровка Г-1. Это самая высокая и самая мощная стена бровок. Высота - 7,34 м. Длина - 19,8 м. Около 85% структуры стены составляет суглинистая глина с незначительной примесью песка.

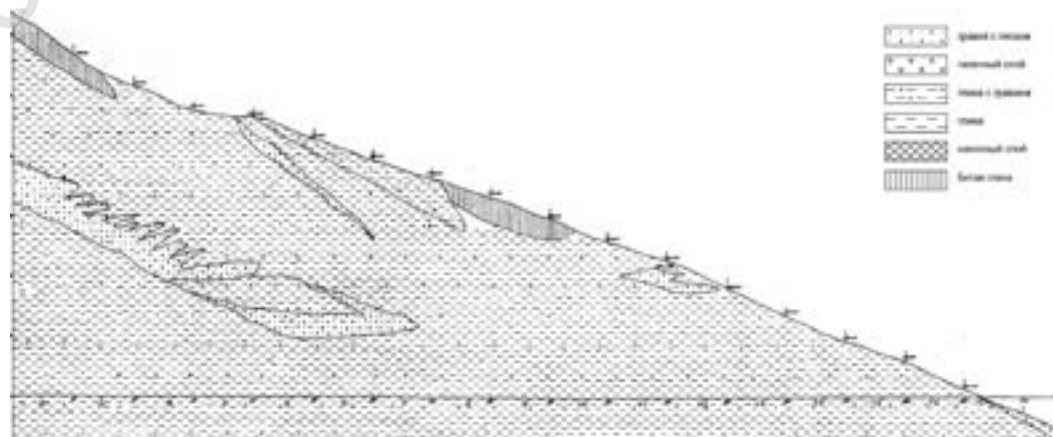
У подножья кургана с нулевой отметки до высоты 2,5 м на поверхности расположен слой речной гальки толщиной 10 -12 см. На глубине 0,6 - 0,7 м начиная с высоты 2,6 м параллельно со скатом кургана до высотной точки 1107,48 м тянется полоска слоя гравия с песком. Толщина слоя - 10-20 см. Следующий сплошной слой - гравий с песком - начи-

нается с квадрата Д1 и опускается небольшой полоской до отметки 10 м длины кургана. Толщина слоя от 6 до 18 см. Между этими двумя длинными слоями есть один толстый слой и три небольших полосок гравия с песком. В квадратах БВ х 13-15 расположены несколько полосок слоя дерна (Рис. 17).

Бровка Г-2. Высота стены - 7,53 м, длина - 19,1 м. Бровка состоит в основном из суглинка с небольшой примесью песка. У подножья стены до высоты 1,4 м есть слой речной гальки, толщина 10 - 20 см. На поверхности кургана между высотными точками 1106,20 и 1106,87 есть сорокасантиметровый слой дерна, такой же слой дерна есть и в самой высшей точке стены. В средней части стены есть слой гравия с песком, который по наклонной растягивается на 7 м с толщиной 50-80 см. Стена мощная, хорошо читаются строительные яруса (Рис.18).

Рис.18.
Стратиграфия
бровки Г-2

Стратиграфия Бровки Г-2

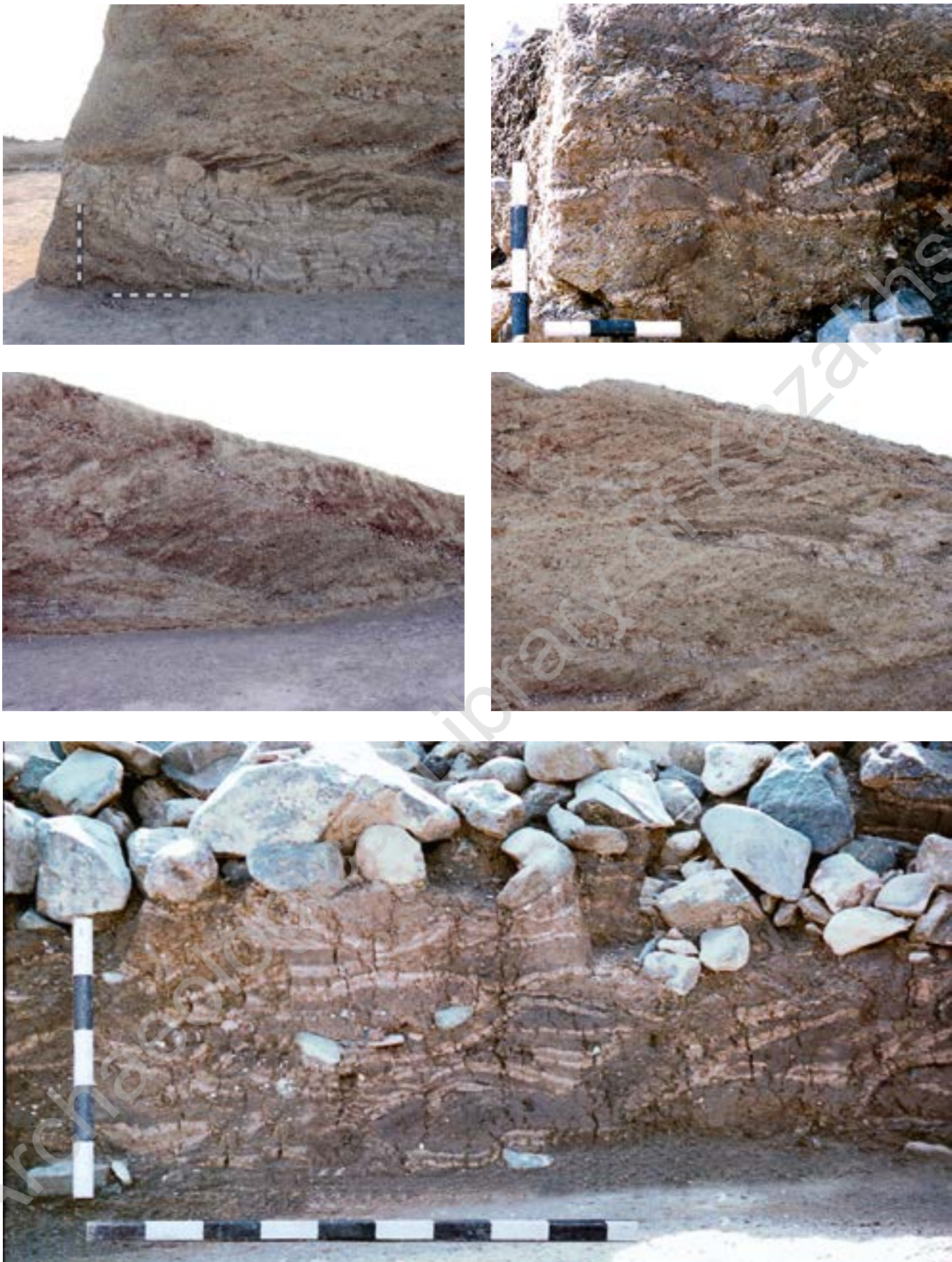

Рис.19. Следы дерна в структуре земляной насыпи.

В процессе изучения структуры профилей стен было обращено внимание на наличие строительных напластований. Строительные ярусы очень хорошо читались в стенах бровок Г-1, 2, А-2, Б-2, В-2. В результате были определены четыре строительных яруса (Рис. 33). Между строительными ярусами четко проходит непрерывная граница, на границах иногда имеется незначительный наносный слой, что указывает на временные перерывы в строительстве. Судя по одинаковости количества строительных ярусов и их толщины с разных сторон каменного сооружения, земляной курган строился в течение пяти периодов. Строительство земляного кургана на каждом этапе производилось с одинаковой толщиной со всех сторон. Этим достигалась правильная форма сооружения.

Рис.20.
Использование
шиликтинцами
дерновых валеков в
современном
строительстве

Рис.21. Общий вид каменного кургана с севера

Рис.22. Процесс снятия верхних камней. Прогибы бревен перекрытия

КАМЕННАЯ НАСЫПЬ (второй строительный слой)

В результате очистки от земли полностью был выявлен и внешний вид каменного строения. Каменный курган был сооружен из речной гальки и битого горного камня размерами: 25x30x20, 35x30x40, 20x25x20, 20x15x18, 15x18x12, 10x12x10, 9x8x6 см и т.д. При этом соотношение галек и битого камня было примерно в соотношении 3:1. По краям у основания кургана положены сравнительно большие камни размерами 60x50x30, 50x45x40, 40x60x35 см. Это в основном битые горные камни.

Курган представляет собой круглое строение, только северо-восточная часть несколько расплывчатая, возможно, в результате поздних оползновений камней. В средней части кургана замечены три зоны отсутствия камней (Рис. 25). Одна зона в районе деревянного шеста, размеры ее составляют 1,15x0,75 м, вторая зона в виде полукруга, длина которого равна 3,9 м, ширина от 1 до 0,6 м. Третья зона отсутствия камней находится в западной части верхней площадки кургана, размеры 2x1,3м. При тщательном изучении порядка залегания камней на границах между второй и третьей зонами было замечено, что, во-первых, камни здесь расположены неплотно, во-вторых, они были потревожены грабителями с первоначального состояния. Эти свободные от камней зоны, непременно, следы грабительского лаза. Предполагавшийся ход грабительского лаза в земляном слое по вертикали полностью совпадает с двумя западными зонами отсутствия камней в каменном кургане. Таким образом, нет сомнения в том, что это следы грабительского лаза.

Рис.23. Процесс выявления верхней части каменного кургана

Рис.24. Вид верхней части каменного кургана

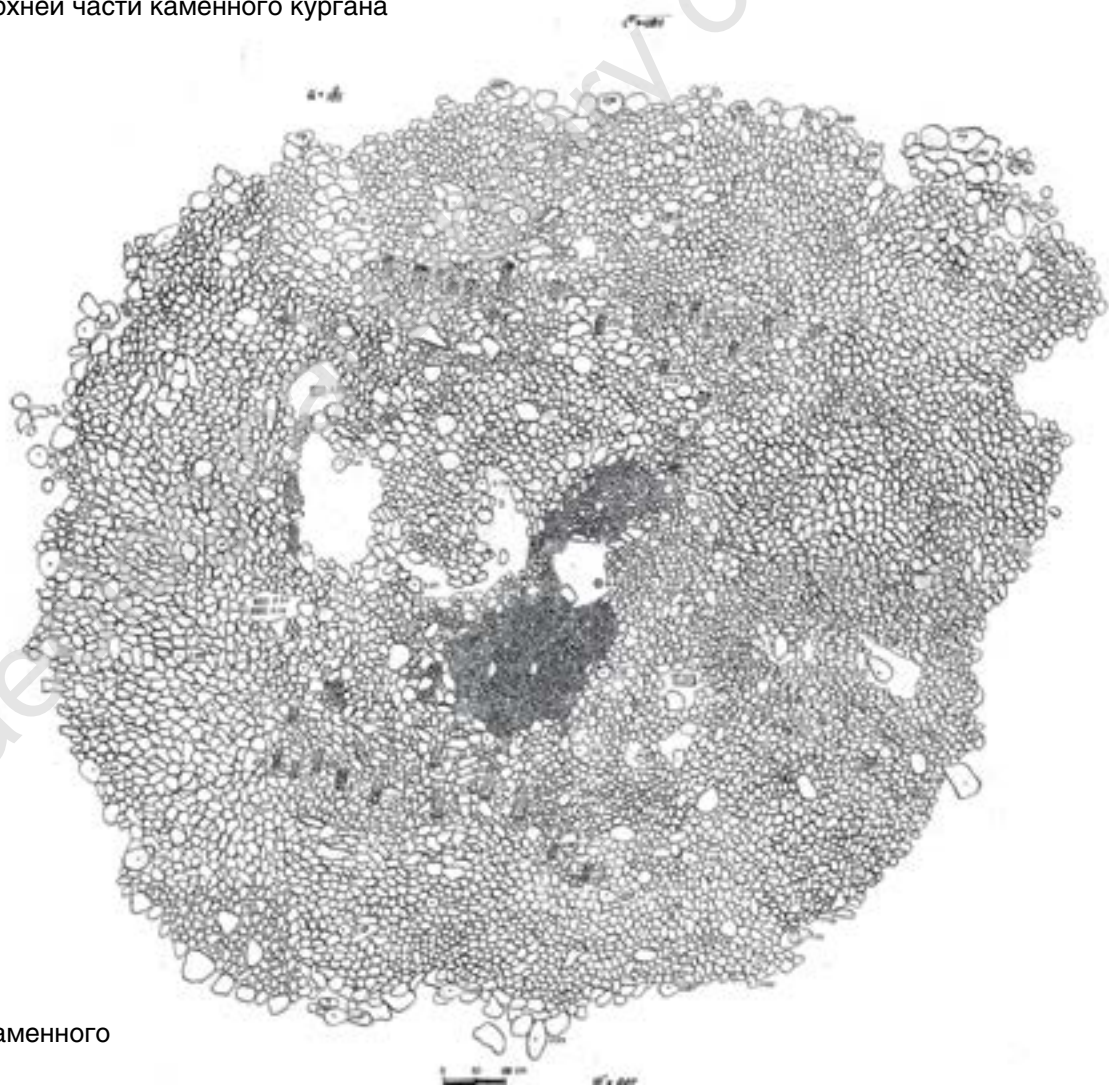

Рис.25. План каменного кургана сверху

В восточной части поверхности каменной насыпи прослеживается скопление маленьких камней речной гальки, диаметром от 4 до 7 см (Рис. 25). В других местах каменной насыпи их нет. Обычно таким слоем речной гальки покрывалась самая верхняя часть земляного кургана. На раскопе слои гальки видны в разрезе всех стен кургана. Предполагается, что галька с поверхности земляного кургана попала на поверхность каменных набросков в результате грабительских раскопок.

Полная картина плана каменного кургана после очистки от земли дана на рисунках 27, 29, 30, 31, 33. На поверхности наряду с камнями выступают концы бревен наката. На чертеже цифрами указаны высота их залегания (расположения). Выступающие за пределы стен деревянного сруба концы бревен перекрытия покоятся на земляных подпорках. Это особенно хорошо прослеживается в южной и северной сторонах кургана.

Методом нивелирования была определена высота каменного сооружения, она равнялась 4,09 м. Диаметр каменного сооружения равен с севера на юг 16 м, с запада на восток - 17,6 м.

Раскоп у основания кургана достиг материкового слоя. После этого на материке закрепили точку центр («Ц»), нивелировкой определили ее высоту относительно точки «Север». Она составила 1,93 м (отметка 1102,93 м). На материке эту точку «Ц» приняли за ноль. Относительно т. «Ц» для всех съемочных работ по сторонам света закрепили точки съемочного обоснования т. «Север», т. «Юг», т. «Запад», т. «Восток». Относительно т. «Ц» их высоты равны: т. «Север» - 0,26 м; т. «Юг» - 0,07 м; т. «Запад» - 0,03 м; т. «Восток» - 0,04 м. Относительно т. «Север» (временного репера) их высоты: т. «Север» - 1,67 м; т. «Юг» - 2,04 м; т. «Запад» - 1,90 м; т. «Восток» - 1,97 м.

В процессе полного очищения кургана от земли были сделаны

Рис.26. Снятие камней с юго-западной части кургана

Южная сторона каменной пирамиды

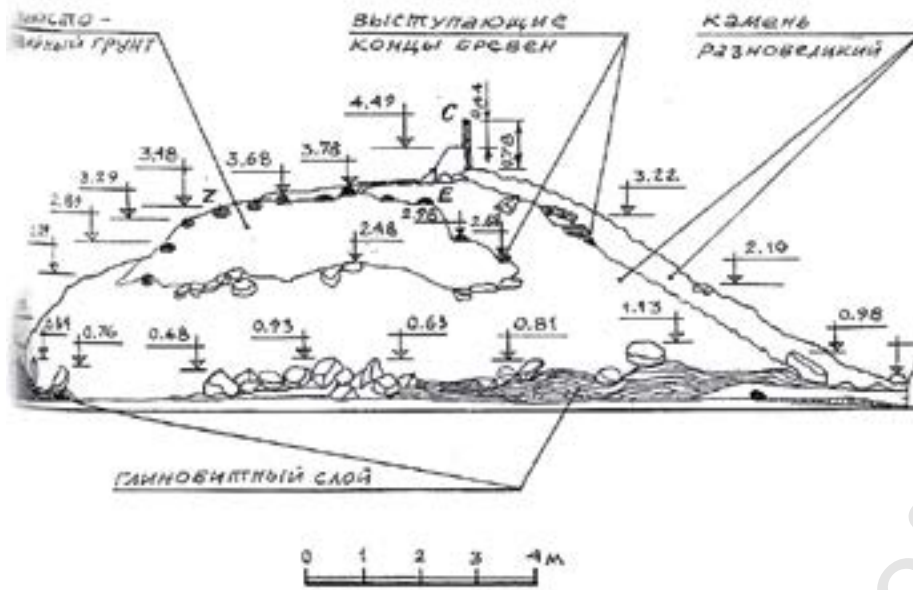

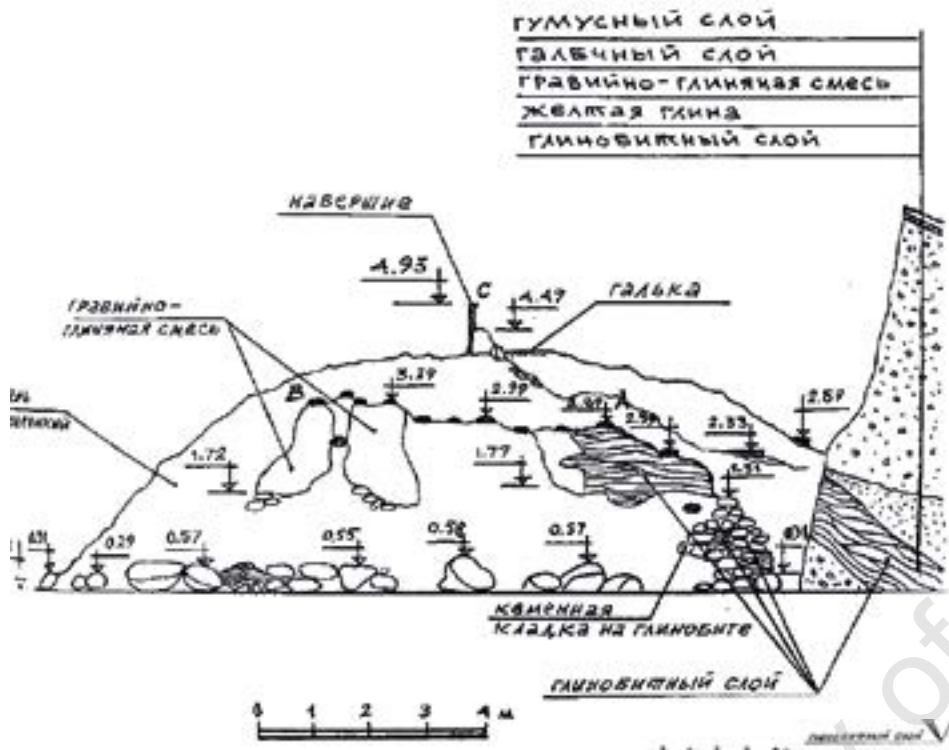

Рис.27. Вид каменного кургана с юга (чертеж, фото)

Рис.28. Вид каменного кургана с юга после очистки верха от земли

Северная сторона каменной пирамиды

Западная сторона каменной пирамиды

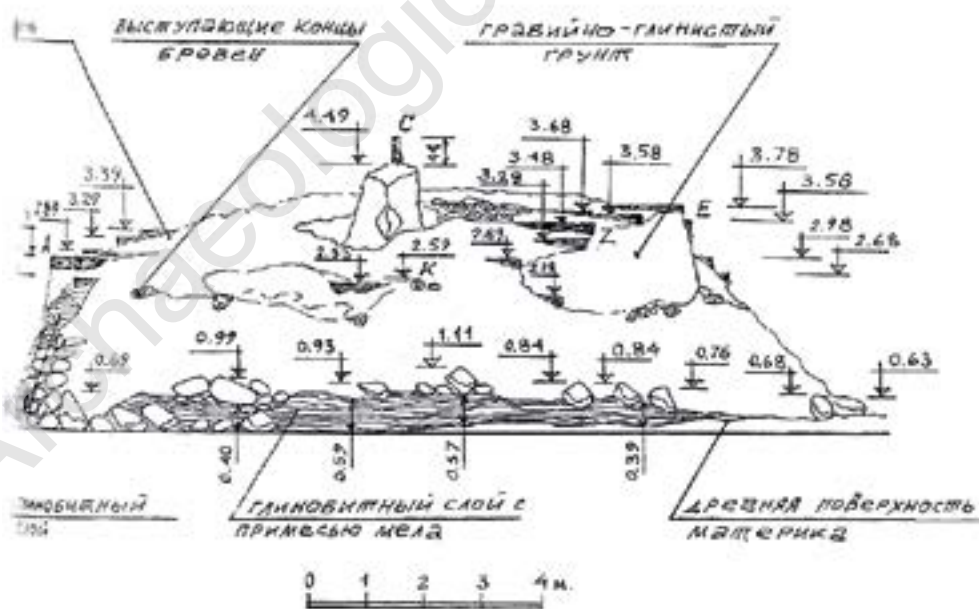

Рис.29. Вид каменного кургана с севера (чертеж, фото)

Рис.30. Вид каменного кургана с запада (чертеж, фото)

Восточная сторона каменной пирамиды

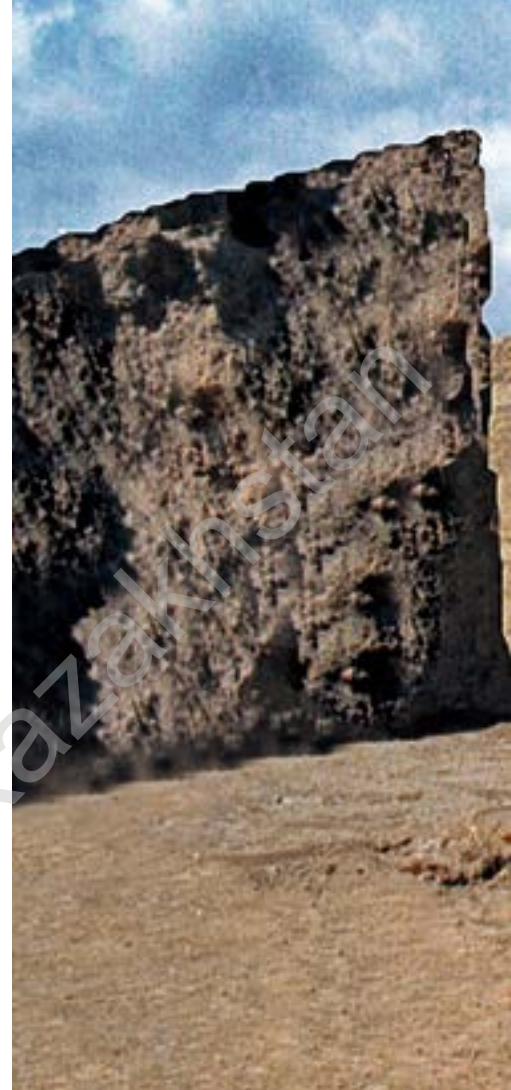
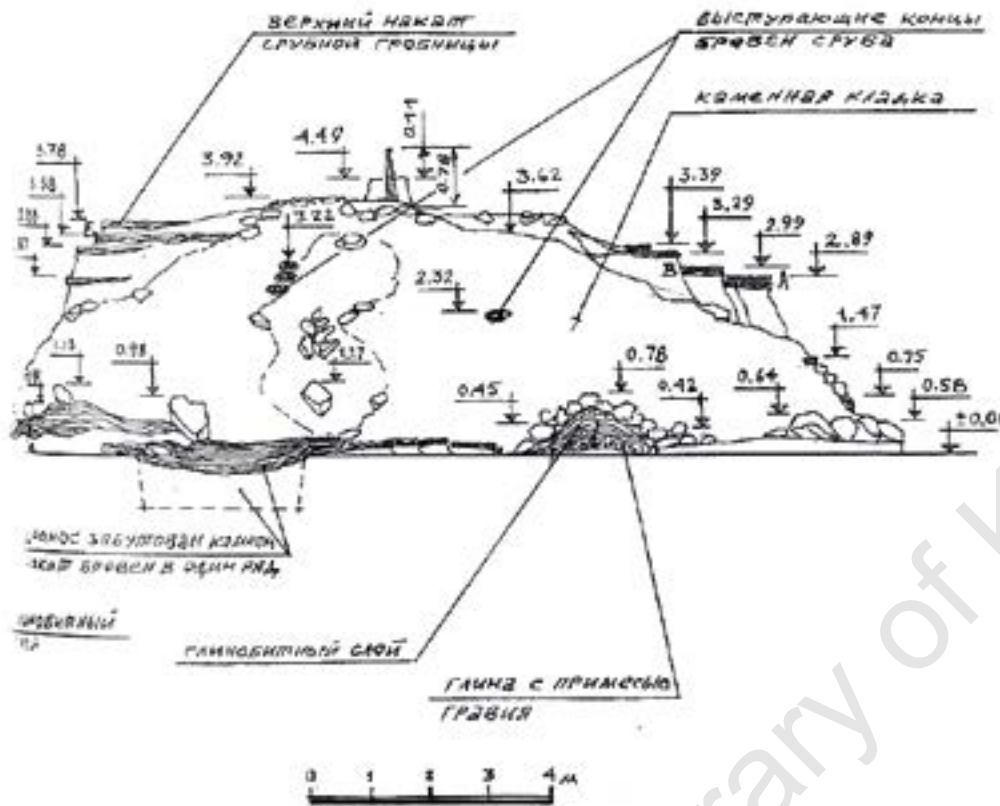

Рис.31. Вид каменного кургана с востока (чертеж, фото)

Рис.32. Остатки деревянной стелы наверху каменного кургана

чертежи-зарисовки всех четырех сторон и верха. Были определены высота и размеры видимых деревянных конструкций, места расположения больших камней, принцип каменной кладки, вертикальный профиль каменного сооружения.

Вид с востока. Это каменное сооружение в виде усеченной пирамиды кверху, и у основания которой местами установлены сравнительно большие камни. Южная грань конуса несколько круче, чем его северная. В южной половине каменных набросков наблюдается запал камней шириной 1,5 м и глубиной 0,5 - 0,8 м по вертикали на всю высоту сооружения (Рис. 33).

Вид с запада. Профиль каменного кургана с запада представляет собой также форму усеченного конуса с заметным запалом в средней части. Если высота середины восточной части кургана составляла в среднем 4 м, то середина западной стенки кургана была сильно опущена и составляла около 1,8 м. Основание западной части кургана покоилось на платформе из битой глины и дерна. Толщина ее местами составляла от 40 до 60 см. Камни у основания крупные, как бы составляют крепиду (Рис. 33).

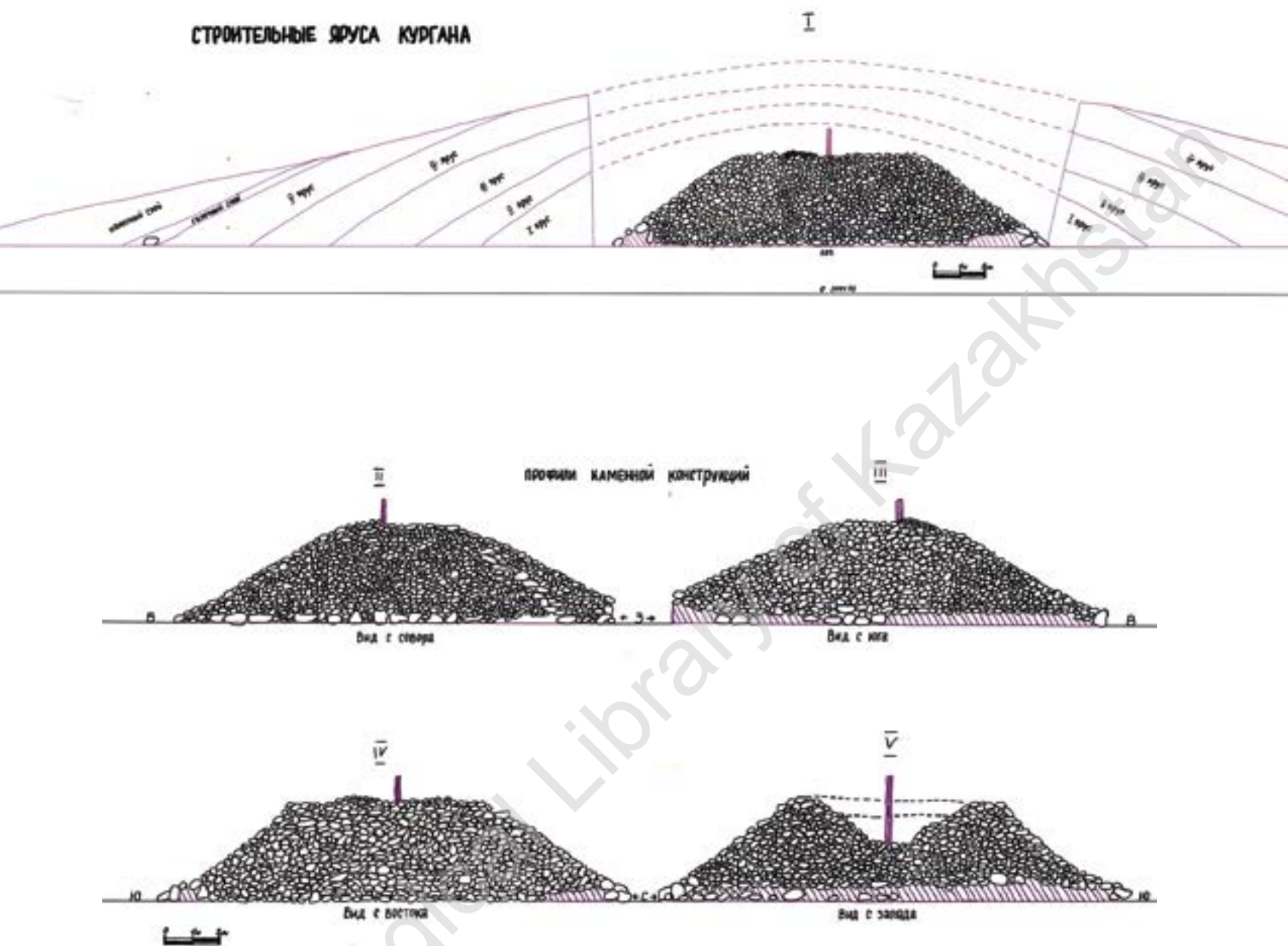

Рис.33. План строительных ярусов земляного покрова кургана. Вид каменного кургана с разных ракурсов

Вид с севера. Профиль в форме овального кургана правильной формы, с явно выступающими большими креpidными камнями у основания. Выступающие концы бревен перекрытия покоятся на платформе из дерна. Северо-западный угол укреплен кладкой. Кладка была сделана на глинобите (Рис. 33).

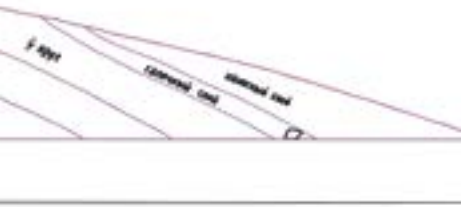
Вид с юга. Овальный курган правильной формы. У основания есть платформа из дерна и битой глины толщиной 25 - 35 см. Границы у основания каменных набросков местами укреплены крупными камнями. Выступающие концы бревен перекрытия подпирают глиняно-дерновую платформу (Рис. 33).

После полного очищения каменной насыпи от земли был снят полный план раскопа и сделана зарисовка каменного кургана.

Камни кургана послойно разбирали, начиная с основания. В процессе раскопок полнее выявлен план деревянной конструкции. На уровне 3 м в самой высшей точке кургана был снят полный план каменного сооружения. На этом уровне крупных камней стало больше, особенно много их по краям кургана. Видны поперечные и продольные жерди стен усыпальницы, жерди перекрытия. Бревна наката более или менее хорошо сохранились в восточной части, а в западной половине отсутствуют вообще. Вид кургана сбоку северной стороны представляет собой несколько покатое с востока на запад сооружение. Высота восточной части кургана в пределах 3-х метров, а западная половина - на 1 метр ниже ее (Рис. 36, 37, 39).

После того, как верхняя часть кургана была очищена от камней, и бревна перекрытия были обнажены, разборка камней сооружения продолжалась по бокам кургана (Рис. 38). В южной стене кладка камней чередовалась с простым набросом и слоями из дерна и битой глины. В результате снятия каменного покрова постепенно обнажалось деревянное сооружение (Рис. 41). В самую последнюю очередь снимали камни с углов, ибо именно на углах камни укладывались тщательно, укреплялись битой глиной и дерном. Деревянная усыпальница представляла собой прямоугольное строение, обращенное длинной стороной с востока на запад. Затем с углов и у основания сооружения были сняты камни, представляющие собой простые навалы и наброски, а также земляные — дерновые фортификации. Были оставлены только каменные кладки у основания и каменные заполнения между бревнами стен.

Как видно из описания, наземное строение кургана состоит из трех слоев (уровней). Первый слой составляет земля с примесью щебня и битой глины. Толщина этого слоя в средней части равнялась 3,8 м, ибо под ним находилось каменное сооружение. За пределами каменного сооружения толщина земляного слоя достигала 7 м, постепенно уменьшалась ближе к краям кургана.

Второй слой наземного сооружения составлял каменный набросок. Высота каменного сооружения в самой высшей ее точке составляла 4,09 м, диаметр в направлении СЮ - 15,6 м, ВЗ - 17,4 м. В плане он был немного продолговатый с востока на запад. Топографический центр земляного кургана и находящегося внутри него каменного кургана не совпадал, в направлении СЮ он смещен на юг около 2 м, а в направлении ВЗ на запад - на 2,6 м.

Третий слой (уровень) составляла деревянно-каменная усыпальница, которая была сооружена прямо на уровне древней дневной поверхности.

Рис.34. Следы поминальных обрядов наверху каменного кургана

Итак, надмогильное сооружение кургана «Байгетобе» комплекса Шиликты-3 представляло собой сложное и грандиозное архитектурное строение, что предусматривало социально-культурные и естественно-охранительные цели. Размеры кургана, без сомнения, являются социальным знаком. Кроме того, захоронение в таком огромном кургане одного единственного человека указывает на его особый, избранный социальный статус. Месторасположение кургана «Байгетобе» в общей планировке курганной группы также подчеркивает особое положение похороненного там человека. Захоронение покойника в золотом облачении является свидетельством царственного статуса данной особы. На наш взгляд, сооружение усыпальницы прямо над землей, не в могильной яме имеет также социально-культурное значение и, возможно, связано с идеологической санкцией раннего кочевого государства.

Надмогильное покрытие, состоящее из двух слоев, представляло собой своеобразное естественное хранилище, внутри которого сформировался особый сухой микроклимат, способствовавший хорошей сохранности деревянной усыпальницы на протяжении около трех тысячелетий.

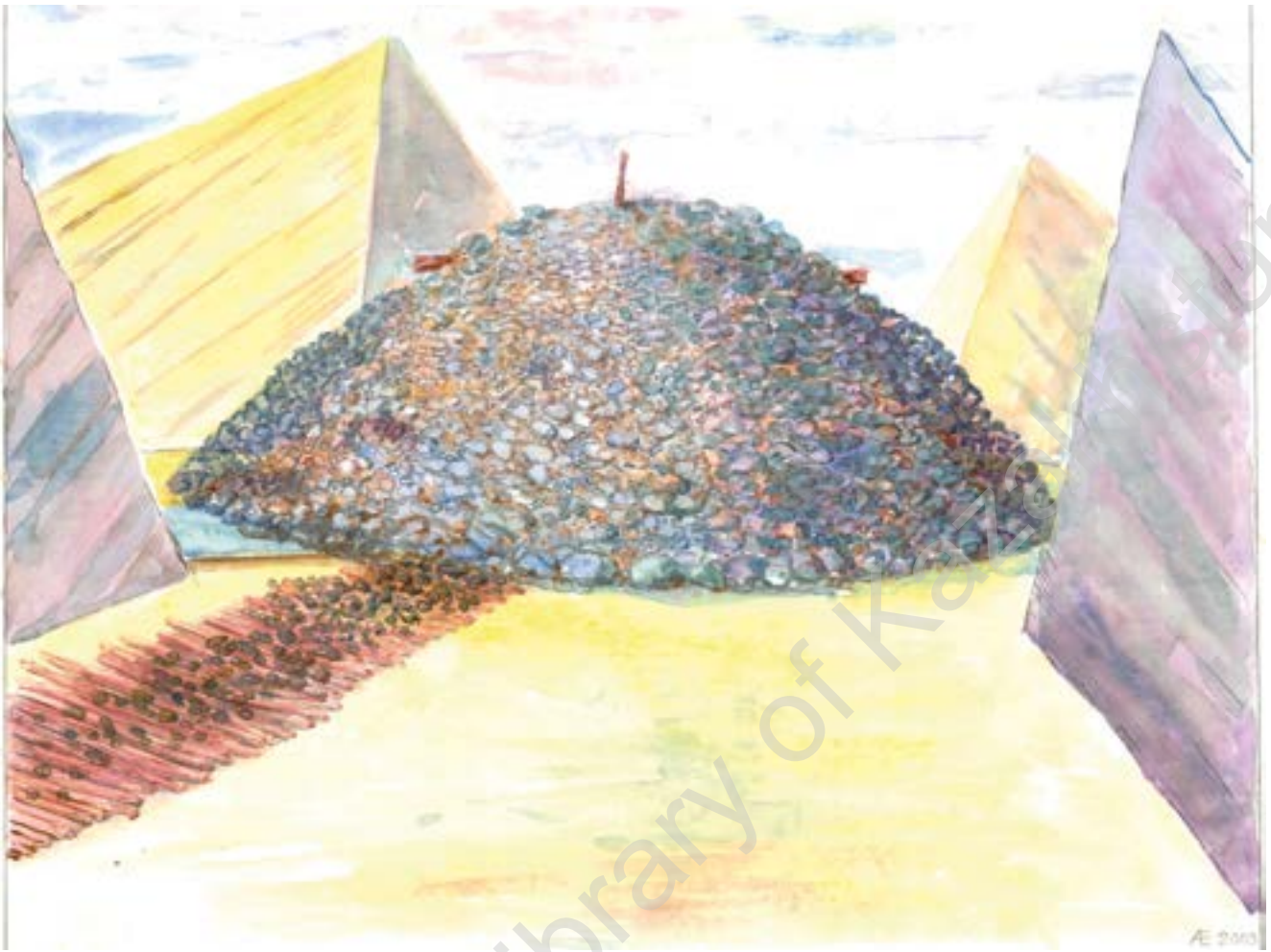

Рис.35. Общий вид каменного кургана (фото - вид с севера, зарисовка - вид с востока)

ДЕРЕВЯННО-КАМЕННАЯ УСЫПАЛЬНИЦА

После разборки надмогильного каменного сооружения полностью обнажилась усыпальница, построенная из толстых бревен лиственницы. Стены усыпальницы были построены из двух рядов параллельно уложенных толстых бревен. Причем бревна положены друг на друга без всяких креплений и вырубок. Открытое пространство между бревнами было заполнено битым камнем. Таким образом, это строение хотя сооружалось по принципу скрещивания бревен на углах стыка, но оно не было срубом, а являлось клеточным строением из бревен. Бревна усыпальницы достаточно хорошо сохранились в восточной стене, неплохая сохранность бревен в южной и северной частях, очень плохо сохранились бревна западной стены. Это, по всей вероятности, связано с тем, что ход грабительского лаза был проложен именно прямо над западной половиной усыпальницы, поэтому эта часть деревянного сооружения больше подвергалась влиянию внешней атмосферной среды и осадков (Рис. 41-45).

Все деревянное сооружение полностью было изучено и с внешней, и с внутренней сторон. Определены диаметр и длина каждого бревна, графически зафиксировано место их расположения, замерена высо-

Рис.36. Процесс снятия каменного покрова

Рис.37. Обнажение бревен перекрытия

Рис.38. Процесс очистки деревянной гробницы от каменного покрова

Рис.39. Процесс очистки верха деревянной гробницы от каменного покрова

Рис.40. Следы грабительского лаза

Рис.41. Вид деревянной гробницы после первичной очистки от каменного покрова

Рис. 42. План каменного кургана и деревянного перекрытия

Рисунки. 43. Процесс постепенного обнажения деревянной гробницы

A

Б

Рисунки. 44. Процесс обнажения деревянной гробницы

Рис. 45. Пирамидальный восточный фасад гробницы

Рисунки. 46. Современные деревянные могилы в китайской части Алтая

та, длина, ширина стен.

Восточная стена (Рис. 49Б). Состоит из семи рядов продольных и семи рядов поперечных бревен. Причем самый верхний ряд продольных бревен, возможно, составляют бревна перекрытия. Кроме самого нижнего слоя все уровни бревенчатых стен составлены из попарно уложенных бревен. Между двумя самыми нижними, поперечно уложенными бревнами установлена распорка. На чертеже 49Б даны цифровые показатели бревен, где s - означает его длину, d - диаметр, h - высоту залегания, b - длину выступа конца бревна от стены. Продольные столбы в чертеже отмечены римскими, а поперечные арабскими цифрами. Чертеж стены выполнен в масштабе 1-20.

Цифровые показатели продольных бревен восточной стены:

Бревно V = s - 13 м, d - 0,25 м, b - 2,8 м, h - 0,45; бревно VIII = 8-7,5 м, d - 0,32 м, h - 0,92; бревно IX = s - 8,4 м, d - 0,28 м, h - 0,9; бревно XII = s - 9,1 м, d - 0,26 м, h - 1,48 м; бревно XIII = s - 6,8 м, d - 0,31, h - 1,48 м; бревно XV = s - 7,88 м, d - 0,27 м, h - 2,16 м; бревно XVI = s - 7,38 м, d - 0,25 м, h - 1,83 м; бревно XVIII = s - 6,82 м, d - 34, h - 2,43 м; бревно XIX = s - 5,8 м, d - 0,32 м, h - 2,29 м; бревно XXI = s - 5,62 м, d - 0,22 м, h - 2,67 - 2,87 м; бревно XXII = s - 3,92, d - 0,2 м, h - 2,89 - 3,01 м.

Поперечные бревна восточной стены:

Бревно 1 = d - 0,25, b - 0,58; бревно 2 = d - 0,3, b - 0,93; бревно 3 = d - 0,31, b - 0,38; бревно 4 = d - 0,32, b - 0,15; бревно 5 = d - 0,23, b - 0,8; бревно 6 = d - 0,23, b - 0,81; бревно 7 = d - 0,33, b - 0,37; бревно 8 = d - 0,26, b - 0,37; бревно 9 = d - 0,2, b - 0,22; бревно 10 = d - 0,44, b - 0,85; бревно 11 = d - 0,29, b - 0,02; бревно 12 = d - 0,24, d - 0,9; бревно 13 = d - 0,26, b - 0,86; бревно 14 = d - 0,29, b - 0,62; бревно 15 = d - 0,28, b - 0,63; бревно 16 = d - 0,25, b - 0,75; бревно 17 = d - 0,25, b - 0,46; бревно 18 = d - 0,31, b - 0,7; бревно 19 = d - 0,22, b - 0,05; бревно 20 = d - 0,35, b - 0,03; бревно 21 = d - 0,22, b - 0,23; бревно 22 = d - 0,21, b - 0,54; бревно 23 = d - 0,18, b - 0,1; бревно 24 = d - 0,2, b - 0,05; бревно 25 = d - 0,21, b - 0,12; бревно 26 = d - 0,2, b - 0,09.

Проушины имеют бревна под номерами 1, 2, 5, 7, 10, 14, 15, XII, XVI, XVIII. Самые маленькие - размерами 0,08 x 0,1 м, средние - 0,1 x 0,17, большие - 0,16 x 0,27 м.

Восточный разрез внутреннего пространства усыпальницы хорошо читается по концу торцовых бревен. Он представляет собой бочонкообразное пространство, расширенное в средней части и заметно суженное кверху. Пространство между бревнами одного уровня противоположностей следующее: первый уровень - 3,9 м, второй - 4 м, третий - 4 м, четвертый - 3,42 м, пятый - 3,12 м, шестой - 2,94 м, седьмой - 2,52 м. Причем следует отметить, что все бревна, за исключением №12, находились в непотревоженном состоянии. Только у этого бревна замечено небольшое сползание вовнутрь (Рис. 49Б).

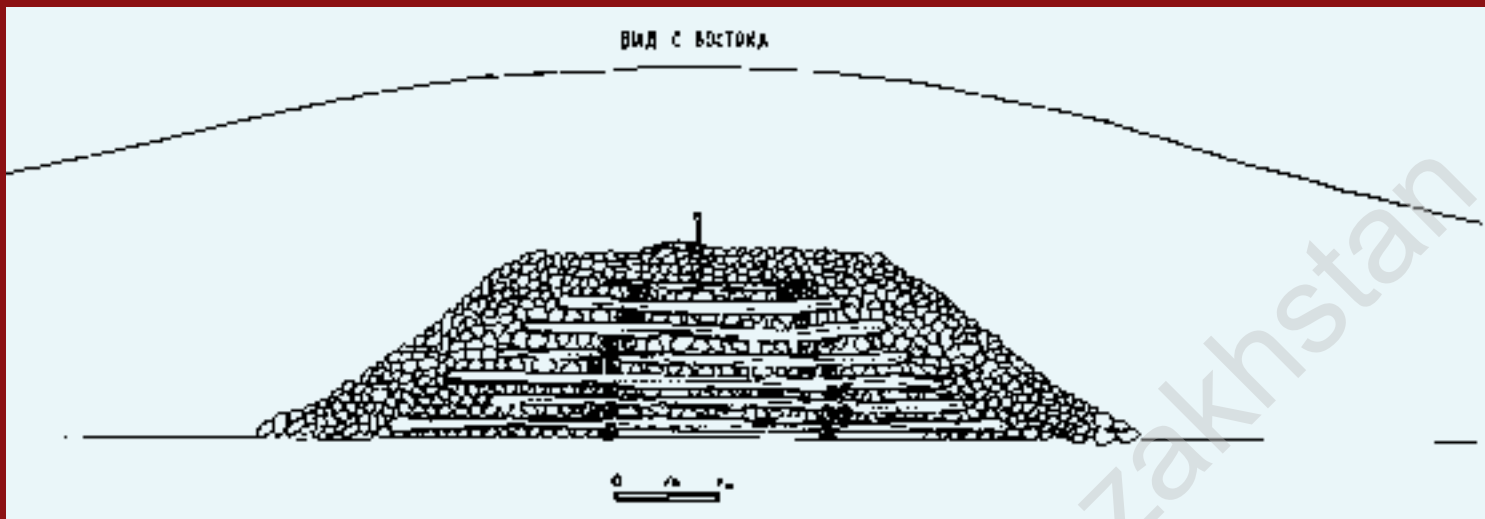
Рис. 47.

Проушина на толстой части ствола для транспортировки

Рис. 48.

Принцип соединения бревен и каменных закладок между бревнами

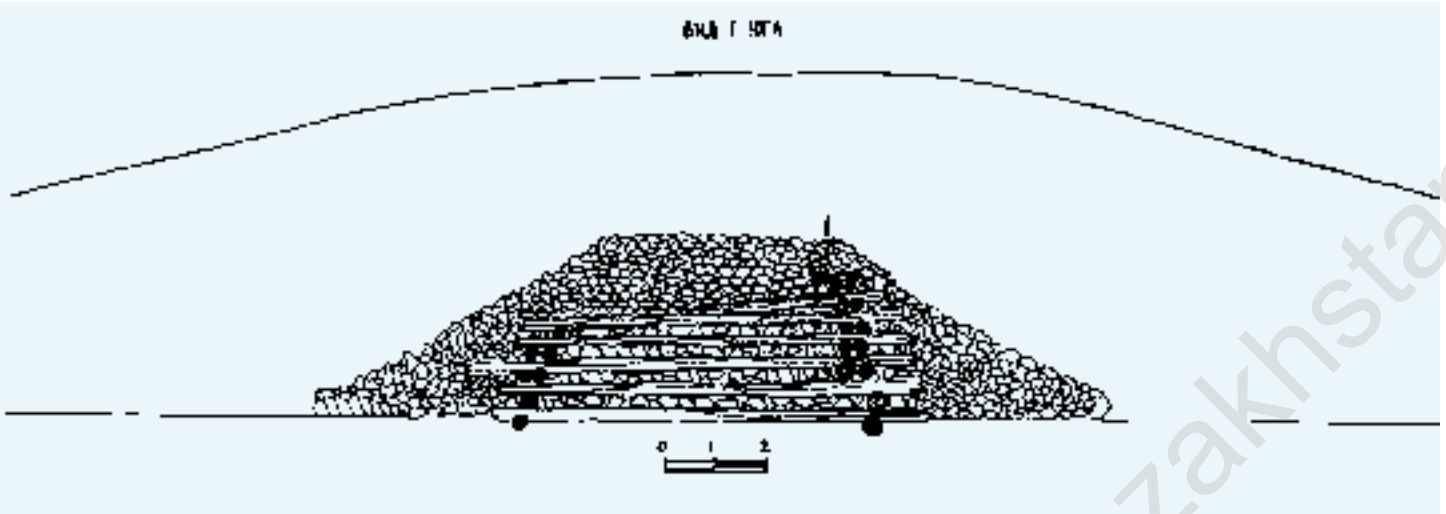

49А

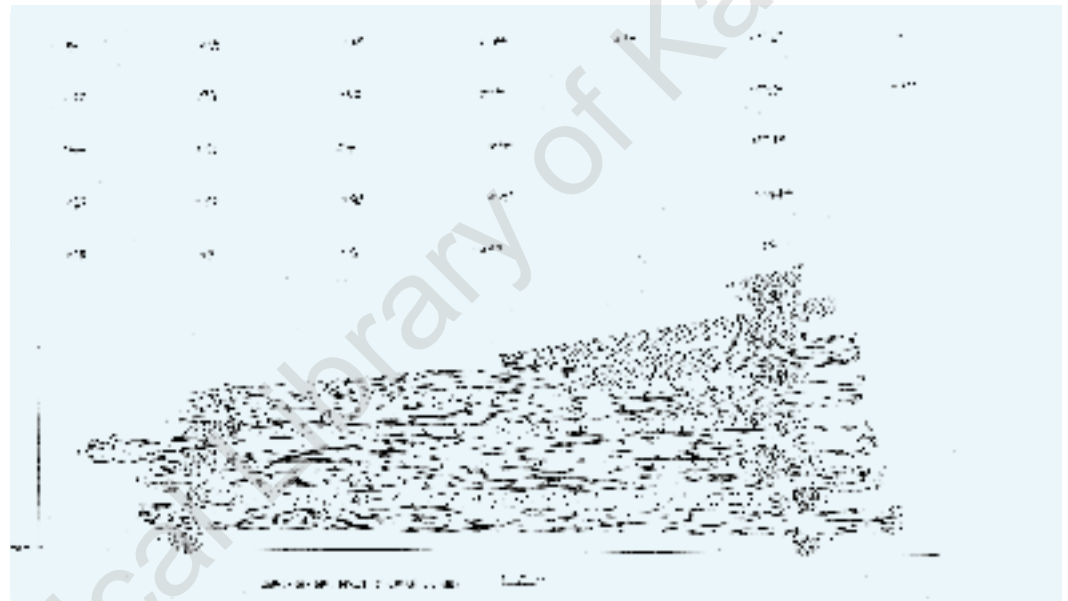

49Б

49В

49Г

49Д

49Ж

Рисунки. 49 А,Б,В,Г,Д,Ж. Чертежи, обмеры бревен с разных сторон

Рис. 50.
Вид стыка (соединения) бревен пролетов

Рис. 51.
Вид затески конца бревна

Общий вид восточной стены деревянного сооружения напоминает пирамидальное сооружение, ступенями суживающееся кверху. Пирамидальный вид восточной стене усыпальницы был придан специально с помощью каменных кладок и заполнений из битой глины. Видимо, строители усыпальницы в соответствии с своим мировоззрением, связанным с культом Востока, особо подчеркивали архитектуру восточного фасада усыпальницы. Следует отметить, что такая пирамидальность не наблюдается в других сторонах деревянного мавзолея. Правда, конфигурация западного торца также имела форму усеченной пирамиды, но такой четкости и правильности, как в восточной стороне, здесь не наблюдается.

Западная стена сильно повреждена (Рис. 49В). Сохранились столбы шести вертикальных рядов. До третьего ряда бревна стен сохранились полностью, в четвертых - пятых рядах сохранились только края бревен, середина отсутствовала, на шестом ряду сохранилась только северная половина бревна.

Длина, диаметр и уровень залегания продольных бревен - следующие (отчет с нижнего бревна):

Бревно I = s - 9,05 м, d - 0,3-0,44 м, h - 0,44 м; бревно III = s - 8,8 м, d - 0,26-0,36 м, h - 0,86; бревно V = s - 8,6 м, d - 0,27 м, h - 1,17; бревно X = s - 7 м, d - 0,27 м, h - 1,56 м; бревно XIV = s - 6,2 м, d - 0,26, h - 1,82 м; бревно XVII = s - 5,9 м, d - 0,22 м, h - 1,92 м.

Диаметр и длина выступающей за стену части поперечных бревен:

Бревно 1 = d - 0,35, b - 0,66; бревно 2 = d - 0,2, b - 0,46; бревно 3 = d - 0,23, b - 0,37; бревно 4 = d - 0,25, b - 0,61; бревно 5 = d - 0,32, b - 0,49; бревно 6 = d - 0,3, b - 0,58; бревно 7 = d - 0,23, b - 0,37; бревно 8 = d - 0,34, b - 0,23; бревно 9 = d - 0,26, b - 0,2; бревно 10 = d - 0,28, b - 1,31; бревно 11 = d - 0,21, b - 0,31; бревно 12 = d - 0,32, d - 45; бревно 13 = d - 0,19, b - 0,58; 14 = d - 0,23, b - 0,32; 15 = d - 0,25, b - 0,05; бревно 16 = d - 0,23, b - 0,02; бревно 17 = d - 0,34, b - 0,66; бревно 18 = d - 0,2, b - 0,02.

Расстояние между бревнами противоположных стен следующее: бревна первого уровня - 5,96 м, второго уровня - 5,6 м, третьего уровня - 5,3 м, четвертого уровня - 5 м, пятого уровня - 4,28 м. Таким образом, каждая последующая пара бревен установлена с напуском вовнутрь в пределах 30 - 60 см. В результате разница длины между южной и северной стенами на полу и у потолка составляет 1,68 м, т.е. камера постепенно сужается кверху.

Северная стена (Рис. 49Ж). Состоит из шести рядов вертикальных бревен, пространство между которыми заполнено камнями. Каждый последующий ряд бревен стен уложен с небольшим напуском вовнутрь. Западные концы двух верхних бревен опущены вовнутрь погребальной

камеры, остальные бревна стены находятся в первоначальном состоянии.

Уровень залегания, длина, диаметр продольных бревен - следующие:

Бревно I = s - 8,28 м, d - 0,25-0,35 м, hв (высота востока) - 0,54 м, hз (высота запада) - 0,5 м; бревно III = s - 8,20 м, d - 0,21-0,23 м, hв - 1 м, hз - 0,94 м; бревно VII = s - 8,18 м, d - 0,23-0,33 м, hв - 1,29 м, hз - 1,28; бревно XI = s - 7,68 м, d - 0,21-0,29 м, hв - 1,7 м, hз - 1,68; бревно XV = d - 0,28, h - 1,79 м; бревно XIX = s - ?, d - 0,22 м, h - 2 м.

Диаметр и длина выступающей наружу части столбов северной стены:

Бревно 1 = d - 0,4, b - 0,69; бревно 2 - разрушено; бревно 3 = d - 0,36, b - 0,65; Бревно 4 - разрушено; бревно 5 = d - 0,3, b - 1,15; бревно 6 = d - 0,27, b - 1; бревно 7 = d - 0,27, b - 0,1; бревно 8 = d - 0,44, b - 0,6; бревно 9 = d - 0,28, b - 0,8; бревно 10 = d - 0,27, b - 0,04; бревно 11 = d - 0,3, b - 1,3; бревно 12 = d - 0,26, b - 0,8; бревно 13 = d - 0,27, b - 0,47; бревно 14 = d - 0,28, b - 0,39; бревно 15 = d - 0,2, b - 0,2; бревно 16 = d - 0,15, b - 0,4; бревно 17 = d - 0,22, b - 0,3; бревно 18 = d - 0,32, b - 0,19; бревно 19 = d - 0,22, b - 0,27.

Длину помещения на разных уровнях можно определить по профилю торцовых (поперечных) бревен стены. Расстояние между первыми рядами бревен восточной и западной стен - 6,94 м, вторыми рядами -

Рисунки. 52.

Вид стыков на углах гробницы, проушина (крупным планом)

6,72 м, третьими - 6,66 м, четвертыми - 6,46 м, пятыми - 5,88 м. Западные концы продольных бревен пятого и шестого рядов (№15, 19) полностью повреждены. Поэтому установить их полную длину не удалось.

Южная стена (Рис. 49Д). Восточная половина стены сохранилась неплохо, здесь удалось зафиксировать все бревна стены. Западная половина стены, как и вся западная часть деревянной усыпальницы, отчасти разрушена сверху. Самое нижнее основание южной стены, как и стен других сторон, составляет одинарное бревно, заложённое и с внешней, и с внутренней стороны камнями.

Параметры продольных бревен стен следующие:

Бревно II = $s - 8,9$ м, $d - 0,2-0,3$ м, $h_3 - 0,32$ м, $h_b - 0,3$ м; бревно VI = $s - 8,6$ м, $d - 0,23-0,3$ м, $h_3 - 0,73$ м, $h_b - 0,7$ м; бревно X = $s - 9,2$ м, $d - 0,28-0,44$ м, $h_3 - 1,03$ м, $h_b - 1,1$; бревно XIV = $s - 7,9$ м, $d - 0,23-0,29$ м, $h_3 - 1,33$ м, $h_b - 1,4$; бревно XVIII = $s - 7,8$ м, $d - 0,2 - 0,31$ м, $h_3 - 1,6$ м, $h - 1,64$ м; бревно XXII = $s - ?$, $\varnothing - 0,21$ м, $h - 2$ м; бревно XXVI = $S - ?$, $d - 0,2$ м, $h - 2,44$ м.

Рисунки. 53.

Вид стыков на углах гробницы, проушина (крупным планом)

Диаметр и длина выступающих за стену частей поперечных бревен:

Бревно 1 = $d - 0,44$, $b - 1,65$; бревно 2 = $d - 0,25$, $b - 2,7$; бревно 3 = $d - 0,26$, $b - 1,6$; бревно 4 = $d - 0,28$, $b - 1,23$; бревно 5 = $d - 0,78$, $b - 3,1$; бревно 6 = $d - 0,26$, $b - 1,5$; бревно 7 = $d - 0,27$, $b - 1,4$; бревно 8 =

Рис. 54. Вид стыков бревен

Рис. 55.
Зарисовка гроб-
ницы и дромоса
Байгетобе

$d - 0,44, b - 1,54$; бревно 9 = $d - 0,32, b - 1,23$; бревно 10 = $d - 0,27, b - 0,8$;
бревно 11 = $d - 0,3, b - 0,32$; бревно 12 = $d - 0,26, b - 1,36$; бревно 13 = $d - 0,31, b - 1,18$;
бревно 14 = $\varnothing 0,26 / B - 1,95$; бревно 15 = $\varnothing 0,2 / B - 0,66$;
бревно 16 = $d - 0,27, b - 0,67$; бревно 17 = $d - 0,22, b - 0$; бревно 18 = $d - 0,32, b - 0,27$;
бревно 19 = $d - 0,34, b - 0,2$; бревно 20 = $d - 0,22, b - 0$;
21 = $d - 0,22, b - 0$.

Длина внутреннего пространства южной половины усыпальницы на разных уровнях поперечных бревен: первый уровень – 6,9 м, второй уровень – 6,6 м, третий уровень – 6,12 м, четвертый уровень – 5,96 м, пятый уровень – 5,98 м. Расстояние между бревнами пятого и шестого рядов установить не удалось из-за полной разрушенности поперечных бревен западного торца южной стены.

ДРОМОСЫ

Одним из конструктивных элементов элитарных курганов северных предгорий Тарбагатая являются дромосы. Дромосы – это подземные или наземные ходы, связывающие гробницу с внешним миром. Через дромос время от времени проникали в гробницу для совершения обряда поклонения умершему, ритуального кормления. Через дромос также осуществлялись подзахоронения в гробницу очередных умерших членов семьи или близких людей.

На основе материалов двух элитарных курганов из комплексов Шиликты-3 и Шиликты-2 мы будем рассматривать конструкцию ритуальных подземных коридоров – дромосов. Так как дромосы составляют одну из конструктивных частей кургана, в краткой форме дадим общую характеристику памятника.

Курган № 1 группы Шиликты-3 представляет собой сложное в конструктивном отношении сооружение. Высота кургана - 7,9 м, диаметр - около 100 м. Курган состоит из трех слоев: первый - земляной слой, толщина которого около 3,5 м в средней части кургана; второй слой - из каменных набросков, толщина его в средней части около 1 м; третий слой составляло сооружение в виде гробницы, возведенной из двух рядов толстой лиственницы.

В процессе очистки основания кургана в его восточной и юго-восточной стороне были выявлены два дромоса, один большой и второй малый. Большой, главный подземный ход к мавзолею был сооружен с восточной стороны (Рис. 59, 61, 64, 65). Верхняя часть дромоса находилась на уровне дневной поверхности земли и первоначально предстала в виде рядов горизонтально положенных бревен в направлении ЮС (Рис. 58, 65). В процессе очистки от земли были полностью выявлены контуры дромоса и жердей перекрытия. Длина дромоса от подола каменного сооружения до последних бревен составляла 13 м. Позднее при снятии каменного покрова с поверхности и краев гробницы была установлена полная длина дромоса, она равнялась 15,65 м. Он был перекрыт бревнами, диаметр которых колебался в пределах 20-30 см. Длина бревен перекрытия дромоса разная, от 4,25 до 6 м. В средней части бревна наката редкие, их остатки сохранились лишь местами в середине и по краям дромоса. В целом бревна плохой сохранности. В восточной части дромоса жерди наката уложены плотнее, в средней и западной - реже.

Средняя часть дромоса на протяжении 5,6 м была тщательно забутована камнями больших и средних размеров (Рис. 65). Ширина земляной части дромоса 2,5 - 3 м. Для выяснения места входа в дромос и глубины подземного коридора был заложен шурф размером 3х1,8 м в самой

Рис. 56.

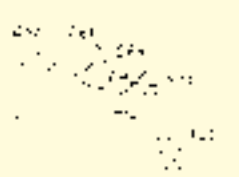
Подземный коридор-дромос, сооруженный с восточной стороны гробницы

Рис. 57.

Чертеж плана раскопок (вид сверху. Контур каменного кургана, бревна деревянного перекрытия, дромос)

1. Общая характеристика памятника
 2. Историческое значение
 3. Описание памятника
 4. История исследования
 5. Источники

1. Общая характеристика памятника
 2. Историческое значение
 3. Описание памятника
 4. История исследования
 5. Источники

1. Общая характеристика памятника
 2. Историческое значение
 3. Описание памятника
 4. История исследования
 5. Источники

Archaeological Institute of Kazakhstan

Рис. 59. Забутованный крупными камнями вход в гробницу-склеп

восточной оконечности дромоса. Глубина шурфа достигала 1,5 м, глубина дромоса была равна 0,8 - 0,9 м. Четкого входа в дромос обнаружить не удалось (Рис. 64). Затем проводились работы по очистке дромоса от каменных забутовок и земли. Никаких находок в очищенных участках дромоса не было. Глубина подземного коридора на этих участках составляла 0,9 - 1 м.

Отсутствие входа в дромос, его слишком низкая высота (0,9 - 1 м), полная забутованность камнями большого участка подземного коридора - все это говорит о том, что дромос этот имел чисто ритуальный характер. По традиции строители памятника обязаны были строить дромос с восточной стороны и именно такой конструкции. Поэтому это громадное и функционально необходимое сооружение практически не использовалось, а лишь играло ритуальную роль. Что касается забутовки средней части дромоса, уже при строительстве погребального сооружения, по всей вероятности, это свидетельствует об изначальных мерах по предохранению его от ограбления. Ведь одним из уязвимых мест в таких капитальных сооружениях были именно дромосы.

Рис. 58.
Вид бревен
перекрытия
дромоса

Рис. 60. Место соединения двух дромосов

Рис. 62. Забутованный переход от потайного дромоса к главному

Рис. 63. Конец узкого потайного дромоса уходит под земляной курган

Во время выравнивания пола у юго-восточной границы каменного сооружения был обнаружен еще один подземный ход шириной 0,8 и глубиной 1,4 м. Этот узкий дромос вел к главному подземному ходу с юго-востока под углом 40° . Обследовано 8 метров участка малого дромоса (Рис. 57, 62, 63, 67). Северо-западный конец малого дромоса ближе к входу в дромос соединяется с основным дромосом. Место перехода от малого к большому дромосу было заложено некрупными камнями (Рис. 62). Предполагается, что этот дромос был функциональным. Через него строители похорон проникали в усыпальницу. Об этом свидетельствует находка на полу дромоса асыка, фрагмента трубчатой кости крупного животного. О чисто практическом назначении малого дромоса также говорят оставление дромоса полым и обмазывание жидкой глиной его потолка с внешней и внутренней сторон.

Западный конец большого дромоса в районе подхода к усыпальнице расширяется и углубляется. Меняется и характер перекрытия. Здесь жерди перекрытия толстые (диаметр 30 - 45 см), подгонка их к друг другу плотная (Рис. 44В). В средней части бревен наката брусья местами разрушены, отсутствуют. Внутреннее пространство дромоса на этом участке без забутовки. Если ширина дромоса в других его частях около 2,7 м, а глубина 1 м, то на этом участке ширина дромоса расширяется и достигает 3,6 м, глубина до 1,5 м. На брусьях перекрытия (в средней части) были замечены следы огня. Этот участок представлял собой там-

Рис. 61.
Вид очищенного
главного дромоса

Рис. 64. Входная яма на восточной оконечности основного дромоса

Рис. 65. Вид дромоса сверху. Сохранившиеся бревна перекрытия дромоса. На участках без бревен перекрытия видны каменные забутовки внутреннего пространства дромоса

Рис. 66. Вид гробницы и дромоса

бур перед входом в гробницу. Вход в усыпальницу осуществлялся через небольшой дверной проем в нижней части гробницы. Его размеры: ширина 1,2 м, высота — 1 м. Он был заложен двумя рядами камней средних размеров. Так как уровень дромоса был ниже уровня пола гробницы на 1,3 м, нижняя часть дверного проема была несколько скошена в ее восточной половине (Рис. 71).

Курган № 1 группы Шиликты-2 представляет собой огромное сооружение диаметром 77 м с востока на запад и 71 м с юга на север, высота кургана чуть больше 6 м. В процессе раскопок в восточной стороне от могильного пятна были выявлены остатки бревен. Бревна были уложены длинной осью с юга на север. Длина их колебалась в пределах 4 - 5 метров. Вереница бревен продолжалась на восток, их общая длина составляла около 15 метров. Это были бревна перекрытия дромоса. Бревна более или менее хорошо сохранились на бровках дромоса, а на отдельных участках были обнаружены лишь сильно перегнившие остатки перекрытия. В яме дромоса также изредка встречались следы перекрытия. По всей вероятности, плохая сохранность остатков деревянных сооружений в углублениях в материке объясняется тем, что в них больше накапливается влаги и тем самым способствует более интенсивному разложению дерева. Плохая сохранность надмогильных деревянных сооружений, местами их полная деградация, по всей вероятности, объясняется характером и свойствами материала покрытия. Дело в том, что курган почти полностью был построен из влажного дерна и битой глины. Вся выжимка влаги постепенно оседала на поверхности материкового слоя или наполняла его углубления, что и способствовало интенсивному разложению деревянной части конструкции.

У входной части дромоса четко сохранились следы перекрытия (наката) бревнами в два слоя. Бревна расположены параллельно, т.е. в одном направлении как верхний, так и нижний ряды. В остальных частях дромоса такое двойное перекрытие трудно проследить из-за плохой сохранности деревянной конструкции перекрытия над дромосом. Концы бревен перекрытия дромоса покоятся на выбросах земли, образующих бровку по обе стороны. Над выбросом по обе стороны дромоса проложены бревна в несколько рядов. Таких бревен на северной бровке четыре. В южной бровке таких продольных бревен насчитали пять. Бревна эти служили постелью под бревна наката и обеспечивали их ровное залегание по всей длине дромоса.

Общая длина дромоса по сохранившимся остаткам деревянных конструкций и ямы подземного коридора - 15,5 м, ширина ямы - 1,8 м. Ориентирован с запада на восток, но с небольшим уклоном (10 - 15°) к юго-востоку.

С профиля дромос представлял собой длинный подземный кори-

дор. По уровню пола и некоторым характерным особенностям перекрытия и внутреннего пространства подземный коридор имеет три участка. Это коридорчик у входа в дромос. Длина этого участка около 3 м, ширина - 2 метра. Второй участок – сам дромос. Длина основного участка дромоса 7,8 м. Ширина коридора на этом участке в пределах 1 - 1,25 м. Уровень пола входной части на 0,3 м выше уровня пола основного участка дромоса. Непосредственно у входа в могильную яму, на участке длиной около 2,5 - 3 м наблюдается очередное понижение пола на 0,25 - 0,3 м. По всей вероятности, этот участок у входа в могильную яму представлял собой тамбур. У входа в тамбур с обеих сторон были установлены два камня, само пространство тамбура расширено по ширине и составляет 2,75 - 2,8 м.

В целом дромос был перекрыт бревнами диаметром от 12 до 18 сантиметров. Судя по следам, длина бревен была не меньше 6 метров, а самые длинные достигали до 8 м. Бревна укладывались плотным сплошным слоем. Высота дромоса на разных его участках колебалась в пределах 1-1,30 м.

Дромос с восточной стороны был обнаружен в кургане №5 группы Центральный Шиликты, раскопанном С.С. Черниковым в 1960 г. По мнению исследователя, покойника пронесли через дромос, затем после совершения погребальных обрядов плотно уложили бревна, образующие крышу.

Дромос-коридор в Бесшатырских курганах уже не длинный и не подземный, сооружен с восточной стороны гробницы в форме узкого коридора и является как бы продолжением погребальной камеры.

Могильная яма с дромосом под насыпью крупного кургана № 1 могильника Кенес (VI–V вв. до н.э.) и кургана № 6 могильника Берлик, относящегося к IV-II вв. до н.э., известны в Северном Казахстане. Коридорообразные длинные дромосы известны на Нижней Сырдарье в курганах VII–V вв. до н.э. Во второй половине I тысячелетия до н.э. погребальные камеры с дромосами, предназначенные для коллективного захоронения, широко распространились в восточном степном регионе.

В целом, дромосы как конструктивный элемент погребальных сооружений известны в материалах раннесакских и сакских памятников Восточного, Северного Казахстана, Семиречья, Нижней Сырдарьи и Арало-Уральского степного региона. Изученные материалы дают основание для предварительных выводов о том, что из всех известных нам памятников раннего железного века Казахстана и сопредельных регионов Евразии самыми ранними курганами с дромосом являются Шиликтинские царские курганы. Дромосы в курганах под номером 1 группы Шиликты-3 и Шиликты-2, представляющие собой сложную конструк-

Рис. 67. Вид основного и потайного дромосов

цию, имеют как функционально-практическое, так и ритуально-мировоззренческое значение. Традиция сооружения входных коридоров с восточной стороны мавзолея, на мой взгляд, берет свое начало с бегазинских некрополей эпохи поздней бронзы. Эти и многие другие вопросы, связанные с дромосами в памятниках сако-скифского мира, представляют определенный интерес в плане изучения генезиса архитектурно-конструктивных особенностей курганов раннего железного века евразийских степей и их идеолого-мировоззренческих основ.

Раскоп в погребальной камере

После полной очистки внешних частей деревянно-каменной усыпальницы раскопочные работы продолжились в ее верхней части. Как мы знаем, в верхней части деревянно-каменного некрополя были явные следы грабительского лаза. Об этом свидетельствовало отсутствие камней и бревен перекрытия в западной части и, отчасти, в восточной половине сооружения. Раскопка началась с изучения западного хода грабительского лаза, в этом месте был заложен шурф глубиной около 1 м, длиной 5,6 м, шириной 4,6 м. Затем раскоп был расширен в западном направлении еще на 1 м. Заполнение участка составляла земля с примесью песка и щебня, изредка встречались случайные камни. Находок вещей нет. По профилю этого разреза установлено, что бревна перекрытия состоят из одного слоя (Рис. 25, 40).

Далее были сняты сохранившиеся в средней части три бревна наката, остатки бревен перекрытия и камни вдоль южной и северной стен. С целью установления внутренних границ стен первоначальный шурф был расширен в восточном, северном и южном направлениях. В итоге выяснилась общая картина верхней части внутреннего пространства погребальной камеры. Глубина очищенного от земли внутреннего пространства погребальной камеры наиболее хорошо сохранившейся восточной части составляла 1,65 м. Находок не было.

Дальнейший раскоп во внутреннем пространстве погребальной камеры проводился послойно, по 20-25 см каждый. Вся внутренняя часть камеры была разбита на сетку квадратов (Рис. 83 А, Б, В, Г). Уровень залегания находок на чертежах был инструментально определен с нулевой точки «Запад», который был равен + 0,03 м относительно нулевой точки «Центр».

Последующие углубления в средней части погребальной камеры производились послойно, толщина каждого слоя равнялась 20 - 22 см. Причем раскопки велись с отступлением на 0,8 - 0,9 м от внутренних стен деревянных конструкций погребальной камеры. Это делалось в целях безопасности стен от обвала во время раскопок. Дело в том, что сгнившие бревна стен держались очень плохо, легко разрушались.

На глубине 1,4 м в восточном конце северной стены была обнаружена отколовшаяся часть каменной стелы длиной 0,6 м (Рис. 70). Обломок стелы целым концом был направлен на запад. На глубине 2,16 м прямо под этим обломком у стены (параллельно стене) лежала вторая

Рис. 68. Кости человека, специально уложенные грабителями на земляном карнизе у восточной стенки гробницы

Рисунки. 69. Виды этапов процесса очистки (обследования) внутренней части гробницы

Рисунки. 70.
Каменная стела
(момент обнаруже-
ния частей, восста-
новленный вид)

половина каменной стелы. Стела обломившимся концом была направлена на восток.

Стела каменная длиной 2,8 м представляет собой достаточно хорошо обработанное четырехгранное надгробие. Оно должно было быть установлено на вершине погребального сооружения. Что касается его обнаружения внутри погребальной камеры, по всей вероятности, это объясняется его падением туда через грабительскую яму. Думается, стела была разломана в результате падения с не менее пятиметровой высоты.

Дальнейшая расчистка земли у стен погребальной камеры требовала снятия одного ряда самых верхних бревен северной и южной стен. Потому что они сильно выступали вовнутрь и перекрывали слой земли у северной и южной стен на толщину более, чем 1 метра. Мы не стали полностью разбирать этот ряд бревен, оставили их восточные оконечности на месте, а лишь осторожно сняли свисающие их западные части над слоями земли у стены. Надо заметить, что бревна в этой части были сильно сгнившие.

Расчистку и снятие слоев земли начали с западного конца северной стены. В северо-западном углу на уровне 1,7 м была обнаружена голова человека (Рис. 73). Она была как бы установлена вертикально, лицом на восток. Под головой, прямо в районе стыка головы с шейным позвонком, находился один шейный позвонок. На расстоянии 65 см к

Рис. 71. Небольшой вход в склеп-гробницу со стороны дромоса

Рис. 72. Нижняя челюсть человека, найденная у северо-западного угла, на высоте 1,2 м от пола

юго-востоку от местонахождения головы на уровне -1,9 м обнаружена нижняя челюсть.

При расчистке от земли северо-восточного угла на уровне 1,95 м прямо на углу были найдены одна бедренная и одна большеберцовая кость человека. Они лежали под углом друг к другу.

У юго-восточного угла вплотную к стене, на уровне 1,8 м лежали в анатомическом порядке подвздошная кость, крестец, копчик, поясничный, грудной, шейный позвонки, грудинка, ребра и по одной большеберцовой и малоберцовой кости (Рис. 68).

У южной стенки, в квадрате Е4, под четвертым по вертикальному ряду бревном была обнаружена кость копыта лошади (Рис. 76).

В самую последнюю очередь был снят кусочек земляной стены у северо-восточного угла. При послойной разборке стены, начиная с уровня 1,2 м до 0,5 м, были найдены остатки неизвестной деревянной конструкции. Они обнаружены отдельными кусками, на разных уровнях.

Рис. 73.

Череп покойного в северо-западном углу гробницы, на высоте 1,2 м от пола

Рис. 74. Кости человека, беспорядочно расположенные на полу могилы и на ее стенах

Рис. 75. Внутренняя часть гробницы после полной вычистки от земли и обследования

Рис. 76.
Копыта лошади на
стенке гробницы

Всего их 15 экземпляров, разной величины (Рис. 77). На одной досочке размером 39,4x16,9 см изображена лань. Уши нарисованы красной краской. Голова, шея, туловище выделены рельефной западиной и одновременно выделены светло-коричневой краской. В области передней части туловища красной, темно-коричневой краской нарисовано, по всей видимости, сердце (Рис. 79, 81). Аналогичная композиция из светло-желтого, коричневого, красного и зеленоватого света имеется и в задней части туловища. Второй фрагмент досочки, размером 22,2x8,8 см представляет собой изображение головы травоядного животного. Очень четко выделены уши, силуэт головы. Остальные части досок также имеют фрагментарные изображения, совмещающие рельефные рисунки с рисунками с помощью красок (Рис. 77).

Фрагменты досок по мере извлечения из земляного слоя сразу же были сфотографированы, обработаны антигрибковым раствором и замурованы. В настоящее время эти фрагменты изучаются специалистами.

После полной очистки внутренних стен от земли и достижения материкового слоя на полу был изучен вход в усыпальницу из дромоса.

Вход в усыпальницу из дромоса был оставлен в средней части восточной стены. Ширина входа 1,2 м, высота 1 м (Рис. 71). В разделе, посвященном дромосам, было указано, что глубина преддверной площадки равна 1,5 м. Никаких ступенек, ведущих к дверному проему усыпальницы, не обнаружено, в усыпальницу проникали через небольшой и некрутой откос у входа.

Рисунки. 77.
Момент обнаруже-
ния деревянных
досочек с рисунка-
ми внутри гробницы

Рисунки. 78. Деревянные досочки после предварительной консервации

Рис. 81. Зарисовка оленя

Рис. 80. Место находок деревянных досочек с рисунками

Рис. 79. Живопись на доске с изображением оленя

ПРОЦЕСС ОБНАРУЖЕНИЯ ЗОЛОТЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ПОГРЕБАЛЬНОЙ КАМЕРЫ

Золотые изделия стали встречаться с уровня -130 см от потолка погребальной камеры. Раскоп внутри камеры велся пластами 15-20 см. Внутреннее пространство камеры было разделено на сетки квадратов, золотые находки и кости человека в дневник заносились послойно и по сетке квадратов (Рис. 83 А,Б,В,Г).

В отчете мы посчитали наиболее оптимальным подразделение вертикального пространства камеры на четыре стратиграфических слоя. Это первый слой - 130-180 см, второй - 180-247см, третий - 247-261см, четвертый - 261-291см. На уровне -291 см от потолка находки прекратились.

Находки первого стратиграфического слоя 1: квадрат А2 – 2 волчонка; А4 - 2 барса; А5 - 1 барс; квадрат Б1 - 1 барс, 1 бубенчик; Б2 - 4 барса, 2 рифленные трубочки; Б3 - 2 рифленные трубочки, 1 беркут; Б4 - 1 барс; Б5 - 1 барс; В1 – 2 барса, 1 рифленная трубочка, 1 беркут; В2 - 2 барса, 1 рифленная трубочка, 1 олень; В3 - 1 барс, 1 рифленная трубочка, 1 бубенчик; В4 - 3 барса, 1 беркут, 1 проволока; В5 - 1 барс; Г1 - 2 барса, 1 олень, 1 рифленная трубочка; Г2 – 1 барс, 2 рифленные трубочки, 1 беркут, 1 бубенчик; Г3 - 1 барс, 5 рифленных трубочек, 2 волчонка; Г4 - 5 барса, 1 рифленная трубочка, Г5 - 1 барс; Д1 - 1 рифленная трубочка, 1 олень, 1 бубенчик; Д2 - 3 барса, 1 рифленная трубочка; Д3 - 1 барс, 2 рифленные трубочки, 2 беркута, 2 волчонка, 2 полоски; Д4 - 10 барсов, 2 полоски, 2 проволоки; Д5 - 3 барса; Е3 - 1 бубенчик; Е4 - 1 барс (Рис. 83 А).

Золотые находки второго стратиграфического слоя: А2 - 2 барса; А3 - 1 барс; А4 - 1 барс; Б1 - 1 барс; Б2 - 2 барса, 1 беркут, 1 олень; Б3 - 2 барса, 1 олень; Б4 - 1 беркут, 1 бубенчик; В1 - 1 олень; В2 - 1 барс, 1 рифленная трубочка; В3 - 2 барса, 2 беркута, 4 волчонка; В4 - 4 барса, 1 беркут, 2 волчонка, 1 олень, 1 полоска; Г1 - 1 барс, 1 беркут, 1 бубенчик; Г2 - 1 барс, 1 рифленная трубочка, 1 беркут, 1 волчонок; Г3 - 4 барса, 1 рифленная трубочка, 2 беркута, 5 волчонка, 1 бубенчик, 1 полоска; Г4 - 10 барсов, 3 рифленные трубочки, 1 беркут, 1 волчонок, 1 бубенчик, 1 полоска, 1 проволока; Д1 - 2 барса, 1 рифленная трубочка; Д2 - 2 барса, 1 беркут;

Рис. 82. Момент обнаружения золотых бляшек

Д3 - 6 барсов, 3 рифленные трубочки, 2 бубенчика, 1 полоска; Д4 - 11 барсов, 5 рифленных трубочек, 1 волчонок, 1 бубенчик, 1 полоска, 2 проволоки; Е2 - 1 барс; Е3 - 1 барс, 3 рифленные трубочки, 1 бубенчик; Е4 - 2 барса, 1 рифленная трубочка (Рис. 83 Б).

Золотые находки третьего стратиграфического слоя: Б2 - 4 барса, 1 полоска; Б3 - 1 барс, 1 беркут; Б4 - 1 полоска; В1 - 1 барс; В2 - 1 барс, 1 беркут; В3 - 4 барса, 1 рифленная трубочка, 1 олень, 1 полоска; В4 - 1 беркут; Г1 - 1 барс; Г2 - 2 барса, 1 беркут; Г3 - 2 барса, 2 рифленные трубочки, 3 беркута, 3 оленя; Г4 - 2 барса, 1 беркут; Д2 - 4 барса, 1 рифленная трубочка, 3 волчонка, 1 полоска; Д3 - 2 барса, 6 рифленных трубочек, 5 волчонка, 1 проволока; Д4 - 1 барс, 3 рифленные трубочки, 1 беркут, 2 волчонка, 1 бубенчик, 1 полоска; Е3 - 2 барса; Е4 - 1 барс, 1 рифленная трубочка, 1 волчонок, 1 бубенчик (Рис. 83 В).

Золотые украшения из четвертого стратиграфического слоя: Б2 - 1 беркут; В1 - 1 барс, 1 беркут, 1 полоска; В2 - 1 волчонок; В3 - 2 рифленные трубочки, 1 бубенчик, 1 волчонок; В4 - 1 рифленная трубочка, 1 беркут, 1 полоска; Г1 - 1 олень; Г2 - 4 барса, 1 рифленная трубочка, 2 беркута, 1 волчонок, 1 звезда, 1 олень, 1 бубенчик, 1 полоска; Г3 - 5 барсов, 2 рифленные трубочки, 1 беркут, 2 бубенчика, 1 полоска; Г4 - 6 барсов, 3 рифленные трубочки, 5 оленей, 1 бубенчик; Г5-1 волчонок, 1 архар; Д1 - 1 барс, 1 беркут, 1 олень, 1 бубенчик; Д2 - 3 барса, 1 рифленная трубочка, 1 волчонок; Д3 - 1 барс, 1 волчонок; Д4 - 1 волчонок (Рис. 83 Г).

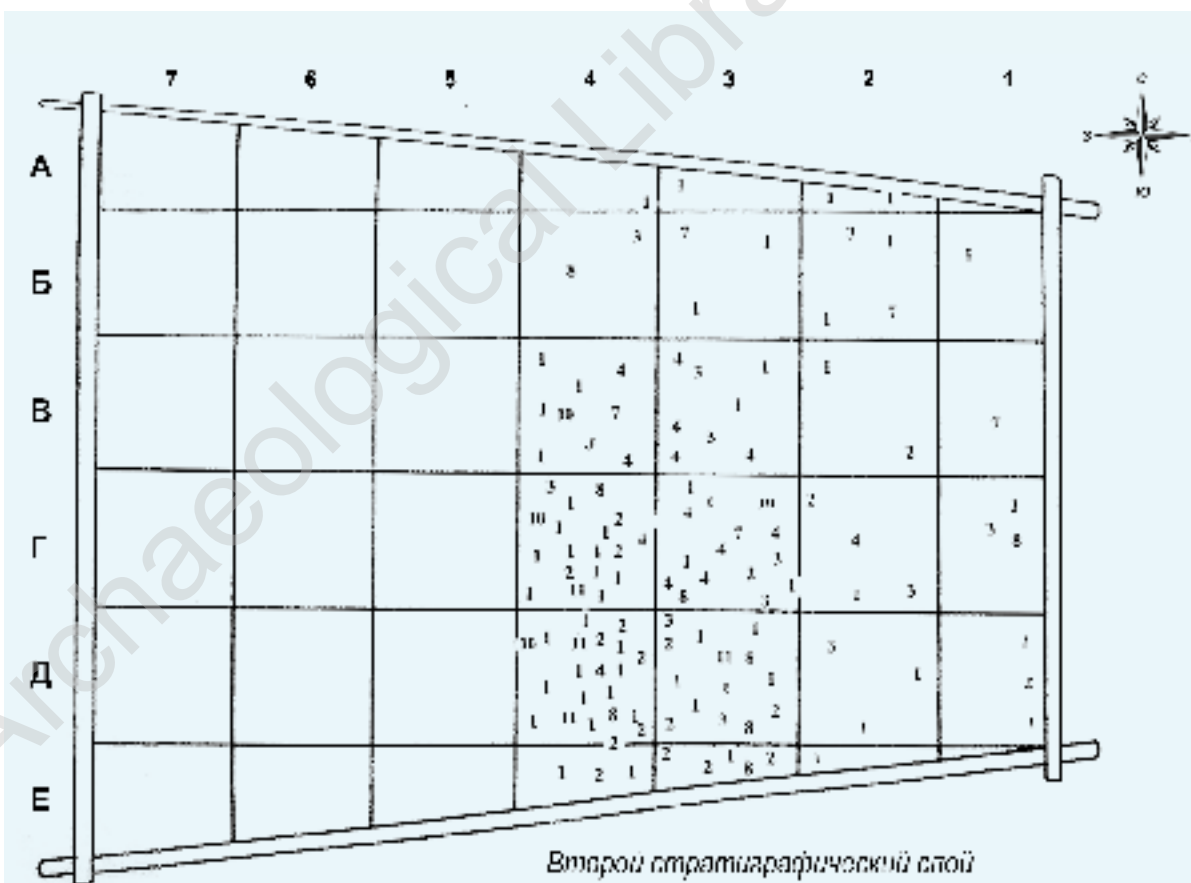
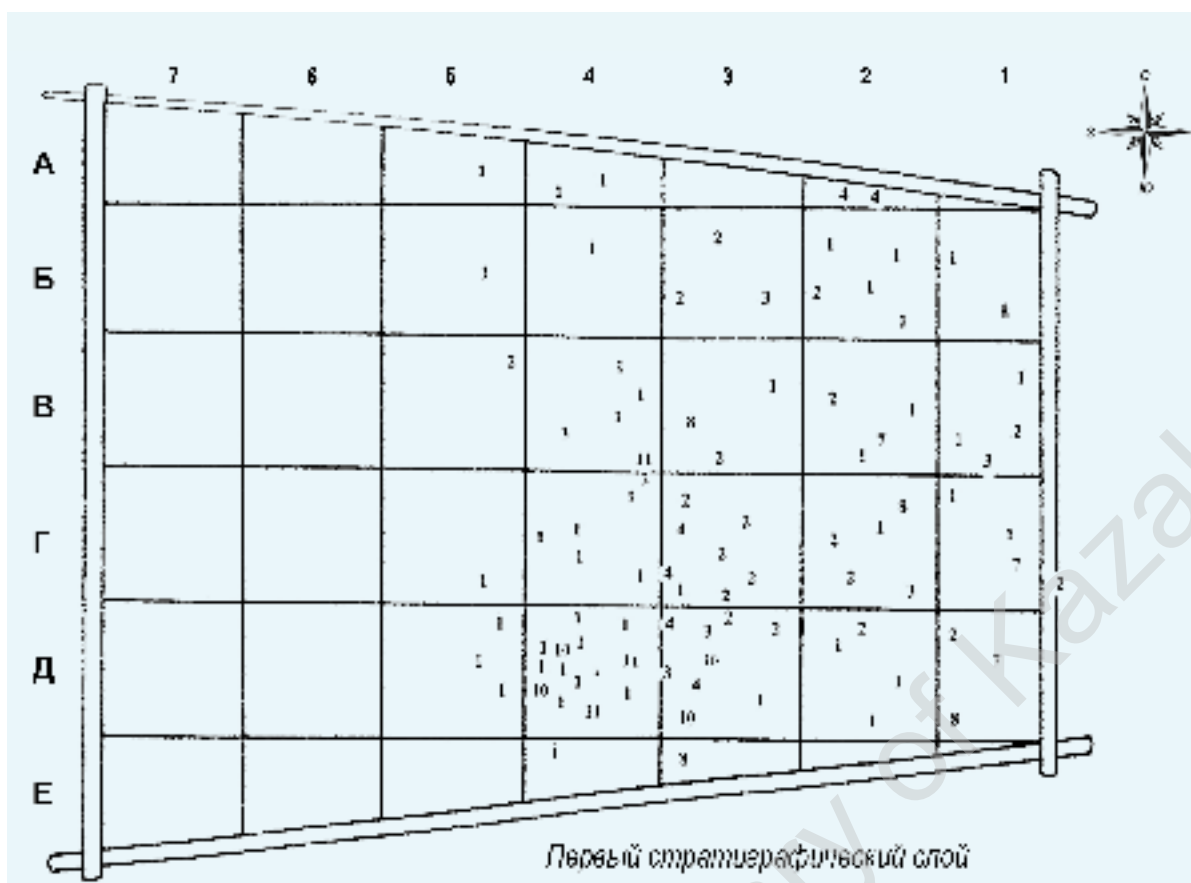
В раскопе на разных уровнях было обнаружено большое количество миниатюрных золотых изделий. Но основное количество золотого бисера было найдено на дне погребальной камеры - на полу.

На уровне пола, рядом с тазовой костью покойного был обнаружен один двулопастный втульчатый наконечник стрелы (Рис.87, 88).

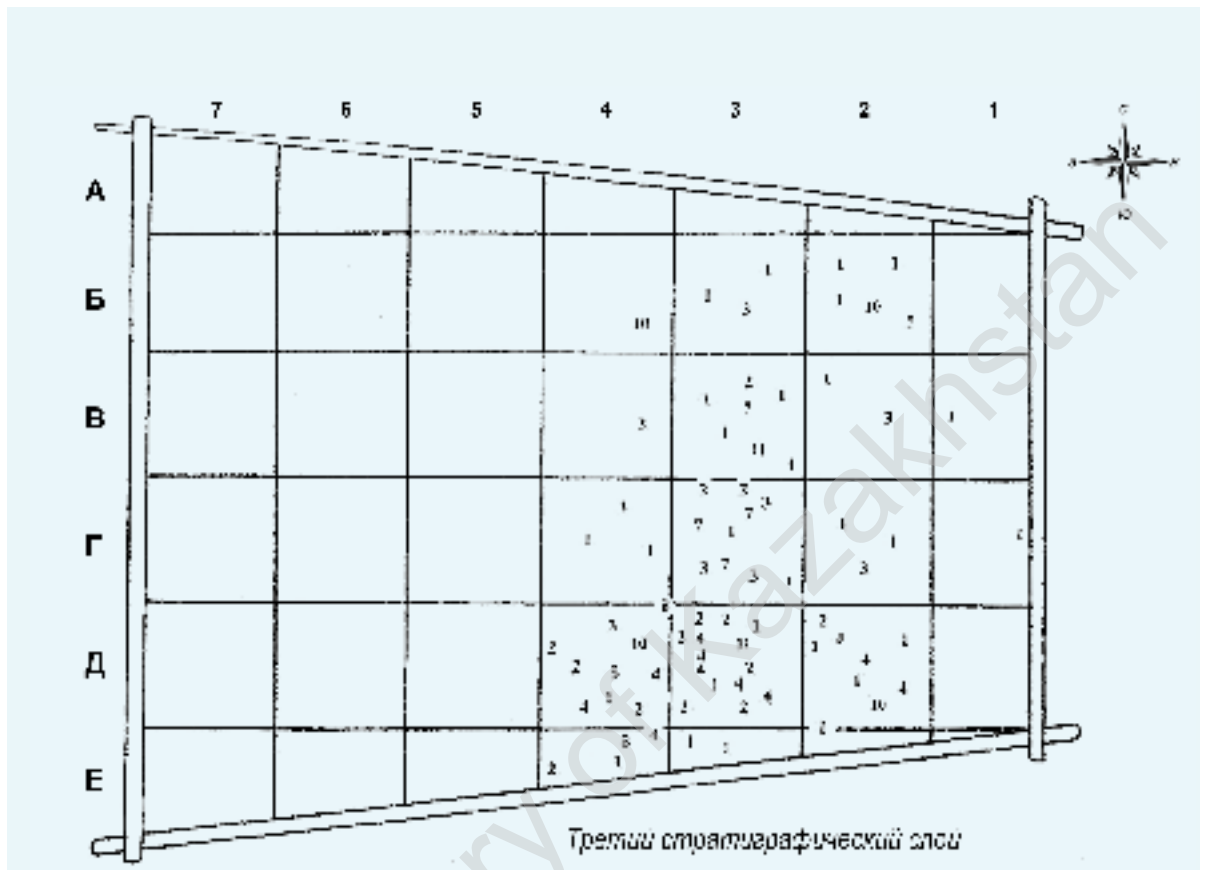
Вообще, история раскопок многих скифских и сакских царских курганов связана с невероятными легендами, рассказами, приключениями. В истории археологии исследования так называемых «царских курганов» зачастую, в первую очередь, связываются с драгоценными находками, преимущественно золотыми изделиями. Поэтому археологическая наука после открытий таких богатых курганов, как Куль-оба, Чертомлык, Солоха и др., на глазах у обывателей превратилась в ремесло кладоискателей. На самом деле, это неверный подход, неправильное понимание сути и задач науки о древности.

Грабители обычно совершали свои неблагоприятные дела часто вслепую (без знания внутреннего строения и структуры кургана, могилы) и в страшной спешке, ибо боялись быть застигнутыми на месте пре-

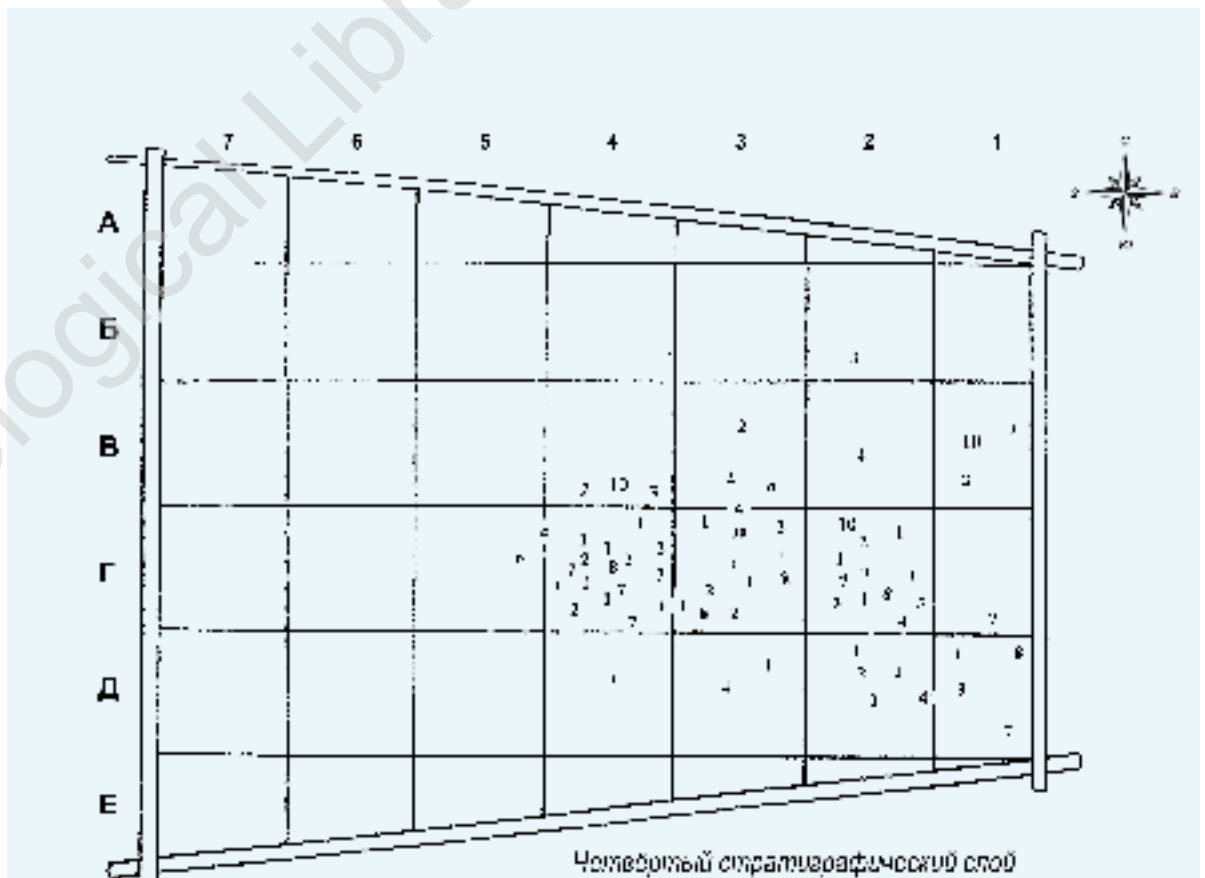

В

Г

Рисунки. 83.
(А,Б,В,Г.)

Процесс находок золотых бляшек был зафиксирован условными четырьмя уровнями, по сетке квадратов

Рис. 84. Момент находок золотых бляшек

Рис. 85. Момент находок золотого архара

Рисунки. 86.
Момент находок
золотых бляшек

ступления. Этим и, наверное, объясняется неполное ограбление некоторых курганов.

Часть нашивных бляшек, найденных на разных уровнях земляного слоя внутри погребальной камеры, думается, были обронены грабителями во время ограбления.

Рисунки. 87. Двугранный втульчатый наконечник стрелы

Рис. 88. Момент обнаружения двугранного наконечника стрелы вместе с золотыми бляшками

ШИЛИКТИНСКОЕ ЗОЛОТО И КОСТЮМ «ЗОЛОТОГО ЧЕЛОВЕКА»

ХАРАКТЕРИСТИКА ЗОЛОТЫХ УКРАШЕНИЙ

Всего в кургане Байгетобе могильника Шиликты–3 найдено 4303 экземпляра золотых изделий, из них: 153 бляхи в виде маски барса, 36 блях в виде беркута, 20 блях в виде оленей, 39 блях в виде волчонка (медвежонка), одна бляха в виде скульптурного изображения архара, одна пуговица-бляха в виде пятиконечной звезды, 23 украшения в виде бубенчика, 63 рифленых трубчатых украшений, 17 листовых золотых полосок, 7 штук золотых листовых проволочек, 141 штука миниатюрных подвесок полушаровидной формы, 2835 миниатюрных чашеобразных подвесочек с припаянным ушком, 223 штуки миниатюрного трубчатого бисера, 743 штук кольцевидного бисера и одна миниатюрная скоба.

Трасологический анализ этих вещей позволяет не только понять, каким образом они делались, но даже исправить или уточнить некоторые ошибочные заключения, высказанные прежде по поводу состояния обработки металлов у ранних кочевников Центральной Азии.

Изучением технологии и техники изготовления золотых украшений из Шиликты по нашему заказу занимался приглашенный из Государственного Эрмитажа Российской Федерации известный специалист

Рисунки. 89. Золотые полоски

Рис. 90. Миниатюрные чашеобразные подвесочки с припаянным ушком

Рис. 91. Миниатюрный трубчатый бисер

Рис. 92. Золотой архар

по древним золотым изделиям Р.С. Минасян.

Общая характеристика и техника изготовления золотых вещей из Шиликты следующая:^{*}

Бляшка-архар (инв. № 26860/1). В одном экземпляре представлено украшение в виде архара из чистого литого золота. Самая крупная из всех найденных золотых украшений. Это самая настоящая нашивная бляха, с тыльной стороны имеет две петельки для нашивки к одежде. Глаза, уши, ноздри, рот, копыта выделены бирюзовой вставкой. Оригинальная модель для этого украшения вырезалась ножом. Об этом говорят резкость и лаконичность очертаний анатомических деталей тела животного. Под грудью фигурки имеется маленькая каверна – литейная раковина. На оборотной стороне имеется четкий негативный рельеф, копирующий позитивный рельеф на лицевой стороне. Гнезда под бирюзовые вставки сформированы уже на модели. При зачистке отливки гнездо для глаза было прорвано насквозь. Литейная поверхность на лицевой стороне зачищена тонким абразивным материалом, поэтому на ней образовался слабо мерцающий эффект.

Судя по тому, что холка небольшая, рога полукругом и не сильно рифленые, изображен молодой самец архара. Мускулы шеи, предплечья, нижней челюсти и крупа выделены. Копыта приподняты вперед. Животное изображено в позе последнего момента ожидания опасности, готовое к прыжку. Скульптура очень изящная, пропорции тела соблюдены строго.

Рис. 93.
Золотой архар.
Тыльная сторона
бляшки с двумя
петельками для
пришивки к
одежде

^{*}

В разделе «Характеристика золотых украшений» описание техники и технологии изготовления золотых бляшек взято из следующих источников: Отчет «Исследование, реконструкция и публикация шиликтинского золотого человека». - Алматы, 2008. - С.23-31; Толеубаев А.Т., Минасян Р.С. Характеристика золотых ювелирных изделий из шиликтинского кургана Байгетобе // Материалы международной конференции «Дулатовские чтения» - 31марта -1 апреля 2011. - Алматы, 2011. - С.41-47.

Горный баран в искусстве саков и скифов встречается часто. Он известен нам из Пазырыка [1], на предметах тагарского времени из Минусинской котловины [2], в Северном, Центральном Казахстане [3], в Аржане [4].

Бляшка «Пятиконечная звезда». Найдено в одном экземпляре (инв. 26861/1). Это одна из самых уникальных находок. На круглом фоне изображена пятиконечная звезда. Основа из рогов, они образуют фон звезды. Звезда очень правильной формы, в лучи звезды вставлен темно-синий лазуритовый камень. В середине звезды установлена круглая выпуклая вставка из рога. Края лучей звезды подчеркнуты тонким обрамлением из золотой полоски. Задняя часть и края пуговицы-бляшки обернуты золотым листом. На оборотной стороне имеется золотая петелька, установленная в середине бляшки.

Пятиконечная звезда очень редко встречается в сако-скифском искусстве. Нам известны всего два случая изображения пятиконечной звезды. Одна — в сережке из Ольвии VI в. до н.э. [5], другая в Золотом кургане под Симферополем [6], Уйбатском Чаатасе таштыкской эпохи [7].

Все эти пятиконечные звезды — не такой строгий правильной формы, как Шиликтинская. Материал, из которого изготовлено украшение, строгость и правильность формы, специальная предназначенность вещи отличают шиликтинскую звезду от себе подобных.

Украшение спаяно из нескольких деталей, вырезанных из золотого листа.

На круглое основание по окружности и в центре припаяно два кольца, согнутые из полосок. В промежутках между кольцами из обрезков полос уложена пятиконечная звезда. Каждый луч сделан из двух обрезков. Работа выполнена нетщательно: лучи ассиметричные, между частями перегородок остались щели. На оборотной стороне украшения припаяно колечко. После пайки между перегородками уложили вставки. В лучах уложены плоские лазуритовые вставки, между лучами костяные, а в центре роговые. Вставки подогнаны тоже не совсем плотно, между ними остались щели. После этого перегородки, выступающие над вставками, выровняли на крупнозернистом камне, о чем свидетельствуют царапины на золоте. От этого действия местами на золотых полосках образовался заусенец, заваленный на вставки. На последнем этапе изготовления в центральное круглое гнездо вставили роговый кабошон. Никаких механических действий по закреплению вставок не производили. Скорее всего, они были приклеены.

Ажурные литые выпукло-вогнутые бляшки, так называемые «маски барса» (инв. № 26862/1). Украшения со сложной композицией. В этом украшении в одну форму заложено три содержания. Общий фон

Рис. 94.
Бляшка
«Пятиконечная
звезда»

украшения при первом взгляде напоминает маску зверя кошачьей породы. Поэтому мы условно назвали эту подвеску маской барса. При пристальном рассмотрении нетрудно заметить, что украшение составлено из голов двух соприкасающихся мордами горных козлов с выразительными частями лица и рога. Глаза, нос, рот, уши инкрустированы бирюзой. Мускулы шеи и лица выразительны, отражают сильное напряжение. Глаза большие, круглые, ноздри сильно вздутые. Чувствуется экспрессия. Бугорки рогов выражены достаточно четко, рельефно, их семь. С профиля бляха напоминает парящего в небе орла – беркута. Четко выражены несколько закругленный клюв, голова со слабо выделенными срезами глаз. Крылья орла составляют шеи горных козлов. Напряженно-выразительные мускулы шеи козлов одновременно отображают перья крыльев птицы. Крылья орла широко распростерты, переход от загривка к туловищу выделен бугорком мускулов.

На оборотной стороне бляшек припаяно по три колечка, свернутых из полосок золота. Петельки установлены с таким расчетом, что после пришивки к одежде они не меняли свое положение. Несмотря на ближайшее сходство всех бляшек, они подразделяются на две серии, отличающиеся друг от друга слабо уловимыми изгибами шей, конфигурацией анатомических деталей на мордах и, возможно, весом. Самым явным отличительным признаком этих серий является количество бугорков на рогах: 7х2 или 8х2. Округлые бугорки на передних сторонах рогов у козлов являются зонами их годового роста. В первый год вырастает 1 бугорок, затем 1-2, после десятого года их количество уменьшается. Если мастер, изготовивший две почти одинаковые модели, с помощью которых делались литейные формы и тиражировались отливки,

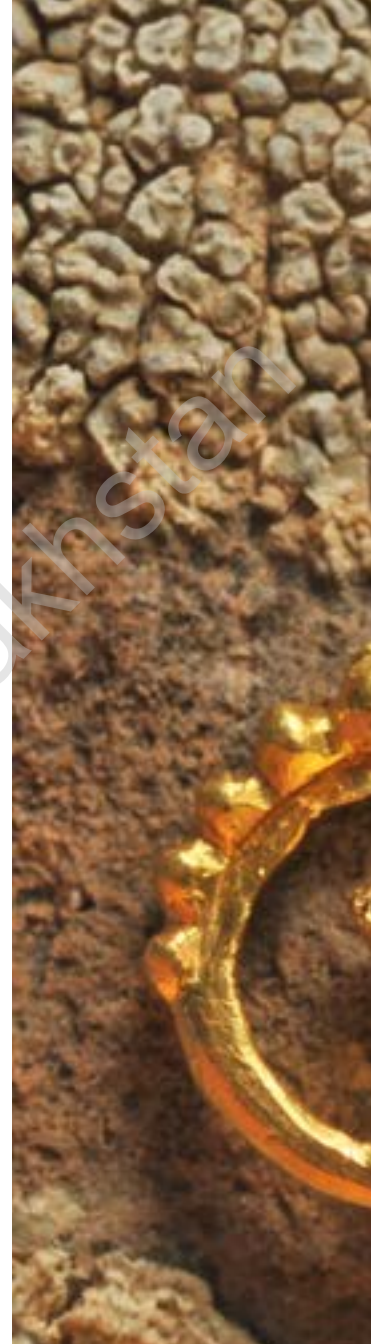

Рис. 95. Бляшка «маска барса»

определял количество бугорков на рогах сознательно, то козлы на его бляшках имеют разный возраст. В любом случае эта разница не произошла случайно, скажем, из-за механической обработки отливок. Литейного брака на рогах нет — местоположение и число бугорков в каждой серии бляшек неизменно. Гнезда для вставок обозначались уже на моделях в виде толстых бортиков или бугорков, а окончательно подгонялись под вставки механически путем разворачивания стенок гнезд или чеканки. В каждой серии есть бляшки, украшенные бирюзовыми вставками, и не имеющие таковых. Большая часть вставок выпала из своих гнезд, но о былом наличии вставок свидетельствуют остатки клея в виде белого налета, оставшегося в гнездах. Помимо бляшек со вставками есть бляшки с фальшивыми гнездами, так и необработанными под вставки.

Литейная поверхность на лицевой стороне у всех бляшек выскоблена до появления металлического блеска, но местами между бугорками на рогах она осталась в виде мелкозернистой матовой корки. На оборотной стороне поверхность более зернистая. Здесь по периметру изредка просматривается слабый уступ от смещения створок двусторонней формы (инв. №№ 73, 74, 77). Если литейный шов был грубым, его срезали ножом. Но есть также много бляшек, у которых оборотная сторона зачищена минимально. У них срезан только крошечный участок под клювом птицы. Ноздри, губы, глазницы, уши (они же гнезда под вставки) оконтурены тоненькими валиками. Есть несколько бляшек, у которых эти гнезда залиты полностью (литейный брак), но, как правило, фальшивые гнезда, оставшиеся без вставок, отлиты чисто, что говорит о высокой точности литья. Размеры камней подгонялись под конфигурацию гнезд. Технически обе серии этих бляшек сделаны единообразно, но регулярность в различиях зачистки отливок на оборотной стороне, скорее всего, говорит о том, что отливали бляшки и обрабатывали отливки два человека.

Бляха прямых аналогий в сако-скифском искусстве долгое время не имела. Позднее аналогичной формы бляхи, но менее изящные по исполнению, были найдены при раскопках кургана Талды в Карагандинской области [8]. Изображение барсов встречается и в Берельских, Пазырыкских курганах, памятниках Уландрыка и Юстыда.

Бляшка-беркут (орел-грифон) (инв. № 26865/1). Найдено в количестве 36 штук. Они сделаны литейным способом. На бляшке изображена свернувшая голову на правый бок хищная птица. Клюв сильно согнутый, но не спиральный, как в изображениях грифонов. Подчеркнутое надклювье. Глаза большие и круглые. Верхняя часть тела и крыла сильно стилизованы, составлены из выпуклой стеблеобразной полосы в виде разомкнутого полукруга, сужающиеся к концу. Нижняя часть тела, ноги, хвост также сильно стилизованы. Они также составлены из волнообраз-

Archaeological Library of Kazakhstan

но изогнутой выпуклой полосы, идущей вниз от шеи птицы к хвосту. Орлиная лапа также стилизована и заканчивается кольцом. При тщательном рассмотрении можно увидеть змею, вцепившуюся в лапу орла, хвост змеи одновременно образует нижнюю часть туловища птицы.

Все бляшки выпукло вогнутые и одинаковые. Литник, определенно, подводился к хвосту «птицы». Гнезда под вставки формировались уже на модели, а на отливках подгонялись под вставки механически, но есть бляшки, отлитые с браком. У них гнезда не отлились, остались в виде бугорков, так и не подготовленных под вставки. На оборотной стороне бляшек припаяны колечки для крепления.

В данной бляшке мы видим изображение беркута-орла в состоянии смертной агонии. Одно крыло приподнято, голова повернута в сторону смертельно ранившей его змеи, хвост опущен, раненая лапа прижата к телу. В этом сюжете отражено мировоззрение саков, борьба двух начал, земного и небесного, борьба представителей двух стихий — земли и неба.

С.С. Черниковым в кургане №5 могильника Шиликты было найдено 9 экземпляров бляшки в виде орлов. Но они были изготовлены из золотого листа, путем выбивки плоским барельефом на матрице, поэтому сохранность их хуже, чем бляшки из Байгетобе. Кроме того, если в байгетобинской бляшке у лапы орла есть змеиная голова, то в черниковской находке этот сюжет почти утрачен и на его месте дырочка. У черниковского орла бирюза в глазнице с тонким сквозным отверстием, конец клюва не соединен с нижней полоской и не имеет нашивных петелек с обратной стороны. Кроме того, если наши орлы повернуты головой

Рис. 96. Бляшка – беркут (орел-грифон)

только в одну сторону (направо), то часть орлов пятого кургана головой ориентирована вправо, часть – влево. В остальном наш и черниковские орлы схожи. Таких украшений на территории Казахстана больше не встречается. За пределами Тарбагатай бронзовая аналогичная бляшка была найдена в Зуевском могильнике на Каме, датированном археологом А.В. Сбруевой VI в до н.э. Дальним отголоском шиликтинского стиля изображения орла являются и фигуры орлов из Минусинской котловины [9].

Сравнивая все известные изображения орлов, можно сделать следующее заключение. Орел из кургана №1 могильника Шиликты-3 является самой совершенной, самой ранней из всех известных изображений орла на нашивных бляшках сако-скифской культурно-этнической общности. Все они выпукло вогнутые и одинаковые. На оборотной стороне бляшек припаяны колечки для крепления.

Мы полагаем, что на шиликтинской бляшке изображен орел-грифон, а не гриф. С.И. Руденко определяет образ грифа как птицы с телом орла, звериными ушами, гребнем и нередко с хохолком. С. Черников под грифоном подразумевал не только мифическое чудовище с туловищем льва и головой орла, но и орла с ушами и гребнем на голове. В сущности, «образы орла, грифа и грифона несут различную смысловую нагрузку, которая и определила их иконографические различия» [10].

Бляшки – «волчонок-медвежонок» (инв. № 26864/1). Это миниатюрное украшение. Их найдено 38 штук. Сделаны по той же технике. Из всех литых украшений эти бляшки самые маленькие, тонкие и легкие. Они выпукло-вогнутые, одинаковые, зачищены только с лицевой стороны тонким абразивным материалом, поверхность мерцает как у бляшки-архара. Литник, вероятно, подводился к одной из ног фигурок. Отливка бляшек этой серии производилась в таком же порядке, как и выше у рассмотренных украшений. Вырезалась модель, на которой были обозначены гнезда под вставки. Окончательная конфигурация гнезд оформлялась уже на отливках. Но, наряду с бляшками, украшенными

Рис. 97. Нижний ряд. Золотые украшения, найденные С.С. Черниковым в Шиликтинских курганах № 5, 7

вставками, остались бляшки без вставок и с неотлившимися и незачищенными гнездами. Есть бляшка с трещиной на крупе и ноге, образовавшейся в процессе литья.

Украшение изображает детеныша хищного зверя. Трудно определить, кого именно хотел изобразить древний художник. По некоторым деталям, особенно, по форме головы и пасти, украшение похоже на только что родившегося волчонка. По форме тела, лапы и хвоста украшение напоминает медвежонка. В первобытном искусстве, в особенности, в искусстве саков и скифов изображение волка и медведя настолько схожи, что исследователи часто их путают. Но мы предпочтение отдали волчонку.

Голова зверя по отношению к его телу огромная, вместе с шеей составляет больше одной третьей части всей формы. Голова опущена на уровень лапы, глаза большие, круглые, уши овальные, большие, скулы сжатые. Мускулы предплечья сильно выделены. Хвост короткий. Лапы огромные, с выделенными сильными когтями. На оборотной стороне две петельки.

Бляшки-олени (инв. № 26866/1). Найдено 20 штук. Бляшки почти одинаковые, но при внимательном рассмотрении они подразделяются на две разновидности – одни бляшки более тонкие, нежели другие. Разница также прослеживается в конфигурации рогов, в размерах голов, наклонах шеи и в весе. Бляшки зачищены только с лицевой стороны. Гнезда под вставки вычищались механически, но некоторые бляшки так и остались с незачищенными гнездами. Иногда при зачистке гнезда прорывались насквозь. Местоположение литника не прослеживается. Не исключено, что он подводился к центральному гнезду. Зачем делали две почти одинаковые серии бляшек, объяснить трудно. Скорее всего, и эту партию вещей лили два человека, работавшие вместе.

Рис. 98. Бляшка – «волчонок-медвежонок»

Украшение литое. Основу бляхи создают шея, голова и рога оленей. Два оленя, как бы сросшиеся у основания шеи, головами направлены в разные стороны. Головы несколько приподняты, за счет чего рога оленей соприкасаются и составляют одну сросшую композицию. Глаза, губы, ноздри, уши инкрустированы бирюзой. В области соприкосновения шеи (тела) оленей есть овальное углубление с острым верхом. Здесь также установлен бирюзовый камень. Рога оленей имеют по четыре ответвления. По тому, как шея и морды оленей приподняты, уши растопырены, мускулы сильно напряжены и выступают, можно судить, что олени изображены в состоянии какой-то напряженности, в позе ожидания. На мой взгляд, в этом украшении отражено мировоззрение саков, связанное с культом плодородия. Овальное отверстие на стыке тел оленей символизирует детородный орган, соединенные рога – древо жизни, мировое древо, т.е. сюжет в целом отражает идею рождения и роста.

Бляха с обратной стороны имеет три пришивные петли. Очень близкие по сюжету бляхи были найдены в Семиречье, в составе Жалаулинского клада.

Рис. 99.
Бляшки – олени

В свое время М.П. Грязнов доказывал, что в древнем искусстве кочевников Саяно-Алтая изображали не северного оленя или оленя

вообще, а именно марала. Бляшки, составленные из изображения оленей, представляют один из важных образов шиликтинского искусства. Образ достаточно реальный, приближенный к натурализму. Шиликтинские олени всеми своими внешними признаками: высоко поднятая голова, длинная шея, форма рогов и т.п. - изображают благородного оленя (*Cervus elaphus Zinnaeus*), точнее, его разновидности на Алтае – марала (*Cervus elaphus sibiricus*).

При раскопках кургана помимо литых предметов было найдено множество мелких украшений, сделанных из листового металла.

Полоски неизвестного назначения (инв. 26869/1; 26870/1-16; 26871/1-7) вырезаны из тонкого листового золота. Размеры и ширина у них разные. У полосок (инв. 26870/1, 10) есть прочерченные линии на концах.

Листовые проволочки (8 экз.). Способ изготовления проволоки из скрученных полосок в древности был широко распространен не только у кочевников, но и в странах с гораздо более развитой ювелирной техникой.

Трубчатый бисер (инв. 26874/1) сделан из свернутых узких полосок фольги, иногда скрученных в несколько оборотов. Рельефные трубочки с заходящими концами свернуты из толстой фольги (инв. №

26868/1). По мнению Р.С. Минасяна, судя по отсутствию следов, рифление наносилось давлением с лицевой стороны деревянной палочкой. Трубки надевались на рифленый деревянный стержень, на который золото и осаживалось. Двумя концами сквозь обе продольные кромки трубочки прибивались гвоздиками, скорее всего, к тому же деревянному стержню, на котором выполнялось рифление.

Вероятно, такие золотые предметы украшали края одежды. Аналогичные золотые рифленые трубочки нами были найдены и в памятниках, относящихся предсакскому периоду.

Подвески в форме бубенчиков сделаны из трех спаянных вместе

Рис. 100. Трубчатый бисер

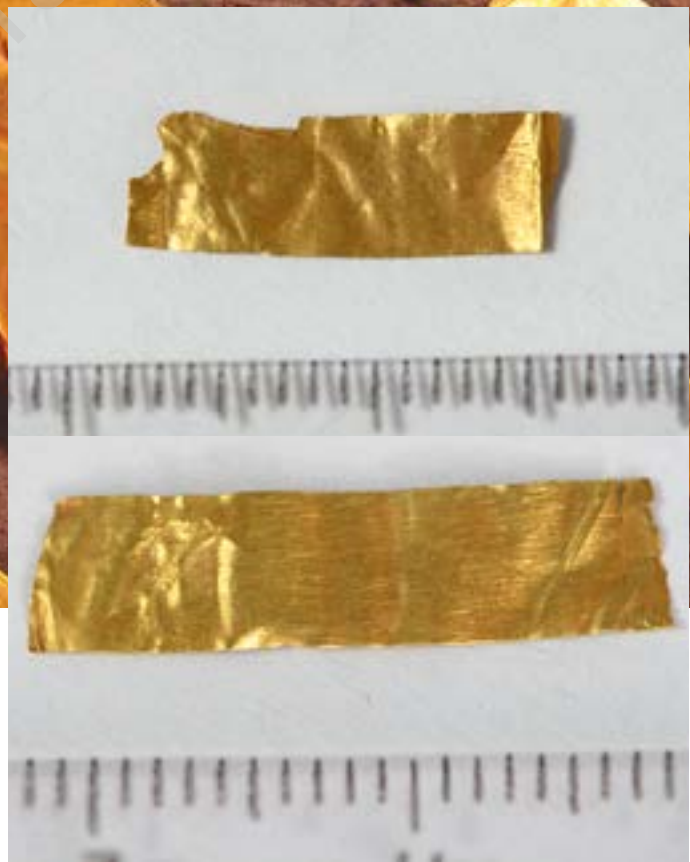

Рис. 101. Золотые полоски и листовые проволочки

Рис. 102. Рифленые трубочки

деталей: двух тисненных из фольги бляшек и колечка (инв. № 26872/1). Они сделаны так же, как подобные им предметы из Чиликтинского кургана №5. В отличие от колечка из кургана №5 колечки на байгетобинских подвесках сделаны не из крученой полоски (крученой проволоки), а из золотой полоски.

Миниатюрные полушаровидные бляшки — самые маленькие вещи из всех, сделанных с помощью пайки (инв. 26873/1). Диаметр бляшек — 1-2 мм, вес где-то в пределах нескольких десятков мг. Они сделаны из полушаровидных тисненных бляшек, на оборотной стороне которых припаяны колечки из полосок, отрезанных от фольги. Аналогичные украшения были найдены в курганах, раскопанных С. Черниковым. А.С. Семенов высказал предположение, что пайка таких предметов производилась в горне [11]. По мнению Р.С. Минасяна, это исключено. В горне такая масса металла немедленно расплавится и превратится в шарик. Их паяли на кусочке раскаленного угля, а раздували жар дутьем сквозь трубочку. Только таким способом и без каких-либо других приспособлений совершали деликатную пайку все ювелиры еще в XI в. То, что это было именно так, есть и доказательство. Чтобы от дутья

Рис. 103. Золотые бубенчики-колокольчики

Рис. 104. Миниатюрные подвески полушаровидной формы

Рис. 105. Гантелеобразные подвески

бляшка не улетела с уголька, мастер придерживал ее иголочкой, продев ее сквозь колечко, из-за чего на противоположных краях бляшек очень часто появлялись деформированные вмятины.

Миниатюрные подвески полушаровидной формы (инв. 26875/1). Такие же изделия и таких же размеров были найдены в кургане № 5 Черниковского раскопа. По мнению А.С. Семенова, кольца для таких подвесок делались путем пробивания золотых шариков инструментом в виде иглы. Это делалось на матрице, имеющей тонкое отверстие, а припаиваемые к кольцам шарики представляют зернь. Судя по описаниям А.С. Семеновым вещей, также делался и бисер. По мнению Р.С. Минасяна, это ошибка. Колечки у них аккуратные, бляшечки, к ним припаянные, действительно представляют расплюснутые и выгнутые зерна золота. Здесь можно только преклоняться перед искусством мастеров, освоивших столь совершенный способ микропайки.

Круглый бисер (инв. 26877/1-743). Как уже говорилось, А.С. Семенов полагал, что колечки делались пробиванием расплюснутых шариков. Однако, на его фотографиях, а также на бисере из Байгетобе, эти колечки представляют собой согнутые округлые стерженьки с сомкнутыми или сваренными вместе концами. По мнению Р.С. Минасяна, такие колечки делались иначе. На металлический стержень наматывалась узкая полоска золота и разрезалась на кольца. Среди прочих золотых изделий особого внимания заслуживают миниатюрные украшения, самые маленькие из которых имеют диаметр менее 1 мм. К сожалению, простым глазом этим микроизделиям с нижней стороны были припаяны ушки для нашивки к одежде. Такой тонкий ювелирный процесс, как изготовление самих этих очень миниатюрных украшений и тем более пайки к нему петельки еще меньших размеров, невозможно без использования бинокля и знания сложных технологических приемов микропайки. По большому счету, следует заметить, что до сих пор секрет древней технологии и техники микропайки микроскопических золотых украшений из Шиликты не разгадан.

Золотые изделия из Шиликтинского могильника, все без исключения, являются украшениями для одежды и представляют собой уникальные украшения, большинство из которых не имеют аналогов в сакско-скифском культурном пространстве.

Рис. 106.
Круглый бисер

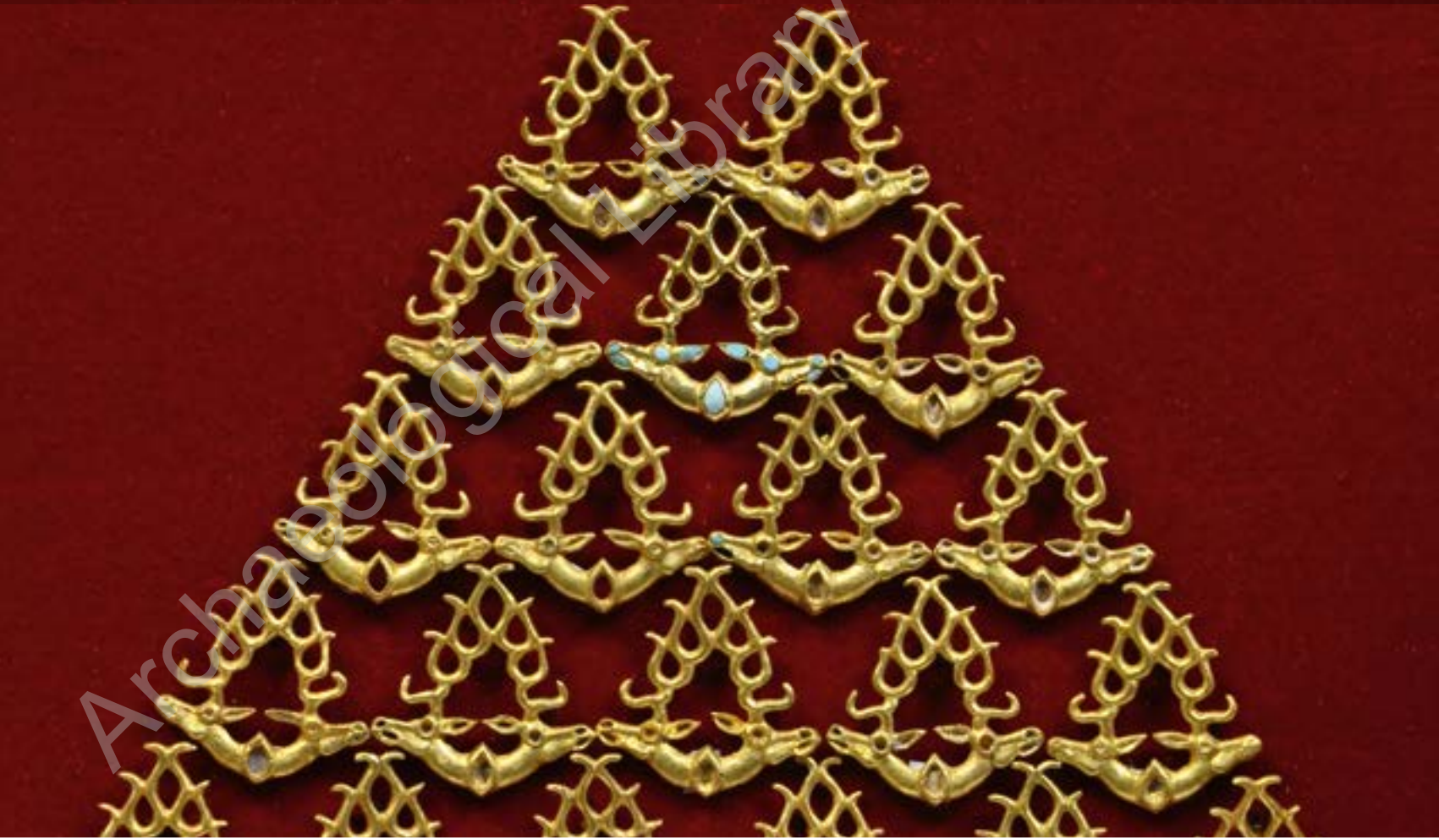

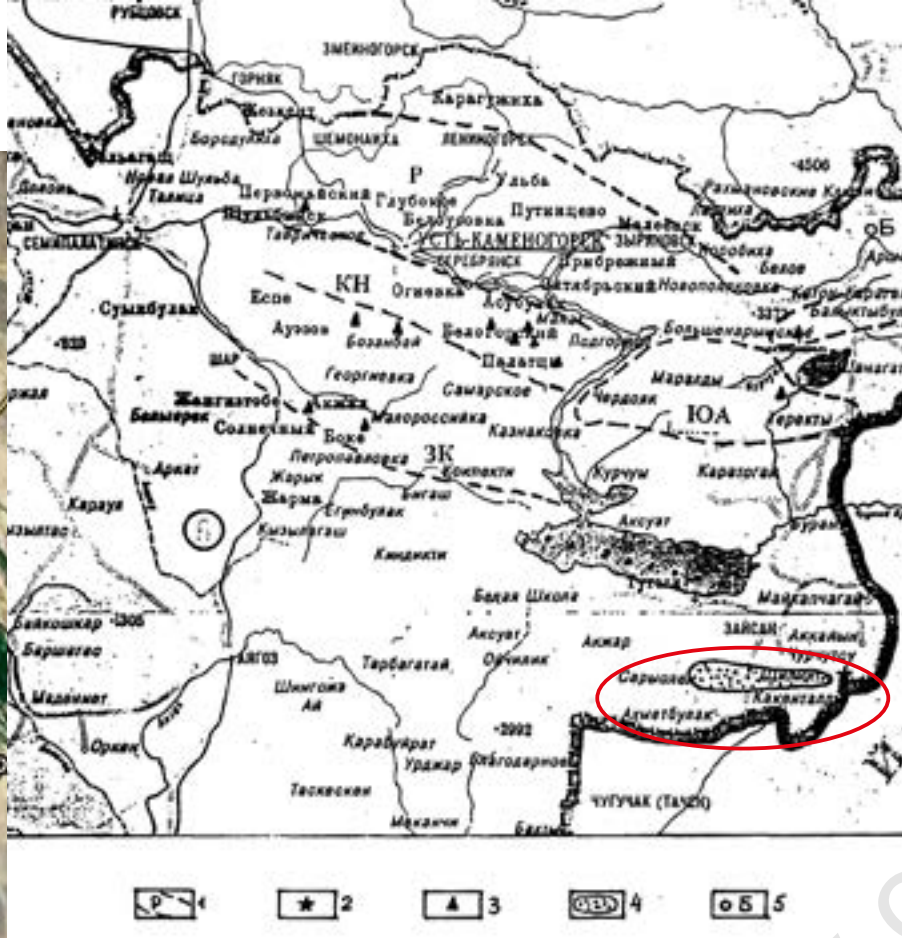

Рис. 107. Бирюзовые вставки

Рис. 108. Золотая скоба

Рис. 109. Фрагмент деревянной поделки с синей краской

ЗОЛОТОНОСНОСТЬ ШИЛИКТИНСКОЙ ДОЛИНЫ

(к вопросу о происхождении сырья золотых украшений из Шиликты)

В связи с находками большого количества золотых украшений из Шиликтинской долины закономерно возник вопрос о происхождении сырья и самих золотых изделий. Среди ученых высказывались мнения и об импортном происхождении этих исторически ценных и уникальных артефактов. Поводом для этого служили два факта. Во-первых, очень высокая проба (930-970) шиликтинского золота. Ибо до сих пор на территории Казахстана не были найдены золотые украшения в большом количестве с такой одинаково высокой пробой. Во-вторых, нельзя не признать влияние десятилетиями сложившейся однобокой, необъективной традиции приписывать все высокие технологические, производственные, социально-политические и культурные достижения азиатских кочевых народов, в том числе и саков, цивилизациям Передней, Южной Азии, Китая и Причерноморья и т.п. Поэтому в процессе изучения памятников этого культурного микрорайона нам пришлось обратиться к вопросу о генезисе сырья шиликтинского золота, золотоносности недр Шиликтинской долины. Для этого была изучена литература по истории золотодобычи на территории Казахстана в целом, Восточного Казахстана и окрестностей Шиликтинской долины, в частности. Кроме того, для выяснения золотоносности Шиликтинской долины и ее окрестностей современными методами был приглашен признанный в республике специалист по цветным металлам, геолог, профессор Т.М. Жаутиков, который со своей группой работал в составе нашей экспедиции несколько полевых сезонов. Целью полевых геологических исследований являлось установление в данной местности месторождений золота, а прежде всего россыпного золота, которое могло бы послужить источником сырья для изготовления золотых изделий из шиликтинских памятников.

Как известно, одним из важных факторов развития цивилизации в древности был металл. Металлические орудия труда, оружие порой определяли направление, ход и темп развития многих древних обществ. А металлические предметы быта, в особенности, украшения из драгоценных металлов были одним из показателей богатства, социально-экономического уровня развития, технических и технологических достижений древних обществ.

Территория Казахстана – казахские земли были одним из древнейших центров металлургии. По мнению А.Х. Маргулана, появление первого металла (меди) на территории Центрального Казахстана относится к концу III - началу II тыс. до н.э. [1].

В свое время исследователь А.А. Локерман, описывая биографию русского горняка, первооткрывателя золотых россыпей на Урале Л.И. Брусницына, писал: «Надежду на успех особенно подогревали раскопки «бугров» - древних, условно называемых скифскими, могил в Западной Сибири, на Урале и Алтае. Своеобразный «звериный стиль», а главное, щедрость, с какой расходовалось золото на эти украшения, и утверждал о том, что оно «домашнее, не покупное, залегают где-то поблизости» [2]. И, действительно, они оказались правы. Там, где было найдено большое количество скифских золотых изделий, недалеко располагались богатые залежи этого драгоценного металла.

Золото – очень редкий металл на Земле. Поэтому и он очень высоко ценился во все времена и у всех народов. В Древнем Египте золото начали добывать с медного века, это примерно, 3900 - 2100 гг. до н.э. Символами этой древней цивилизации стали два великих нововведений – это пирамиды, воздвигнутые в 28 - 26 вв. до н.э. и золотые произведения искусства. В Аравийско-Нубийской золотоносной провинции добыча золота увеличилась в эпоху бронзы. За 900 лет бронзового века здесь добывали 1600 т золота [3].

По справедливому мнению исследователя истории древнего золота А.С. Марфунина, «египетское золото явилось первым минеральным богатством, сыгравшим выдающуюся роль в росте могущества государства, определившим его исключительное положение. По своему художественному влиянию на древний мир и последующие века, по символическому значению золото Древнего Египта сопоставимо с пирамидами. Кроме пирамид, золото Египта в своей массе и в произведениях искусства явилось вещественным выражением воли и величия фараонов, символом вечности перед лицом времени, которым недоступны только пирамиды и золото. Но тогда золото еще оставалось металлом царей и храмов [4].

На мой взгляд, исследователь А.С. Марфунин, говоря о золотых шедеврах скифо-сибирского «звериного стиля», несколько по-иному объясняет их назначение, чем в Египте, Вавилонии, Персии и Македонии. «Здесь, - пишет автор, - золото выражает не роскошь царей, не одежду богов, не утонченность и великолепие украшений, в нем отлита и отчеканена поступь зверя, прыжок волка, оленя, полет птицы, и место ему в упряжи коня и колчане воина» [5]. Да, саки не строили дворцов, а всю роскошь перенесли на вещи. Но в целом, золото и у народов Сибири имело то же значение, что и в древних государствах Северной Афри-

ки и Передней Азии. Оно и здесь было мерилom богатства, символом власти и вечности. Золото Алтая-Тарбагатая также сыграло немаловажную роль в усилении славы и могущества сакских государств.

В древности, да и сегодня, в основном существуют два способа добычи золота. Это получение золота из россыпей и из руды. В древние времена и до конца XIX века около 96 процентов золота получали из россыпей. Самые древние разработки золота на территории Евразии были на землях Казахстана, Средней Азии и Закавказья [6].

Добыча золота по историческим материалам на территории западной половины Евразии производилась с III тыс. до н.э. Уже в III - II тысячелетиях до н.э. золото добывали на Алтае, Урале, Сибири и Средней Азии, Закавказье [7].

С.С. Черников изучил древние горные работы по добыче золота в районе г.Степняк, а также в Нарымском и Калбинском хребтах Западного Алтая. Исследователем на основе изучения остатков керамических и бронзовых изделий, каменных, бронзовых, костяных орудий труда установлено, что эти древние разработки добычи металла, в том числе золота, осваивались с эпохи бронзы и очень продолжительное время (не менее 500 лет), о чем свидетельствуют выработки мощных золотоносных жил в сотни метров в длину и 30 м в глубину [8].

Известные в районе г. Степняк золотоносные месторождения – Бестюбе, Желамбет, Майкаин и др. впоследствии были уничтожены старательскими работами. В этих месторождениях добыча руды велась открытым способом, а также подземными выработками. При подземных работах выработки имели форму дудок, рассечек, подбоев, уклонок и пр. Даны описания техники проходки, объема выработанных руд, производительности труда древних рудокопов, методов переработки золотосодержащих руд (дробление, промывка и т.д.), характеристик собранных орудий производства. Золото, добываемое в Степняке, удовлетворяло нужды не только местного населения, но и шло на обмен с соседними племенами [9].

В Центральном Казахстане и Семиречье также обнаружены следы «чудских» разработок в виде разносов, закопушек, уклонов, шурфов и пр. Добыча благородных металлов проводилась в Тургайском и Улытауском районах, на северо-восточном побережье оз. Балхаш, в горах Джунгарского Алатау [10].

Широкие исследования, проведенные геологической службой Казахстана, выявили богатство этого региона на проявление золота и серебра. Они приурочены к разнообразным геологическим структурам, локализованы в разных по возрасту (протерозой - триас), составу и происхождению рудовмещающих породах. В Семиречье и Южной Джунгарии разработки золота имели по геологическим данным «тысячелетний

возраст», что подтверждается отдельными находками орудий труда и золотых изделий. В частности, одна из выработок имела длину 80, ширину 7 и глубину 1,5 м. В обрамляющих Алакольскую впадину Тарбагатайском, Северо-Джунгарском, Кетменском и других горных районах также известны рудопроявления золота, на которых в широких масштабах производилась его добыча в древности. Исследователи Е.Ф. Кузнецова, С.Ш. Мадина указывают: «Этим, видимо, и обусловлено обилие на указанной территории памятников с золотыми захоронениями» [11]. На основании историко-технологических данных исследователи пришли к выводу о местном производстве многочисленных украшений из драгоценных металлов, обнаруженных в памятниках Казахстана, отмечая при этом самобытность искусства древних мастеров-ювелиров [12].

Главная масса пунктов древних разработок золота расположена в Кокчетавском и Калбинском золоторудных районах. Кроме того, древние работы по добыче золота велись на северо-восточном побережье оз. Балхаш, на реке Террс-Айрык (Северный Тарбагатай), по рекам Калжир, Курчум и Бухтарме, в районе Березовского (на р.Шульбе) и Змеиногогорских рудников.

Судя по типам найденных на древних золотых приисках медных и бронзовых орудий и глиняной посуды, прииски эти разрабатывались, начиная с так называемой андроновской эпохи, т.е. с начала или середины II тысячелетия до н.э. Главная масса найденных на приисках предметов датируется временем от начала II тысячелетия до н.э. и по первые века до н.э. Древние работы велись на россыпях, так и на коренных месторождениях. Последние разрабатывались не только разносами, но и неглубокими подземными выработками. В некоторых случаях работы велись в безводных участках степи, где, судя по наличию отвалов переработанной породы, применялся сухой способ добычи золота (провеиванием). Следовательно, древние рудокопы разрабатывали и такие месторождения золота, которые находились вдали от водных источников, а потому были малодоступны для золотопромышленников недавнего прошлого.

Работы велись только в наиболее обогащенных участках золотоносных жил. На местах древней добычи золота могут быть выработаны только поверхностные горизонты месторождения (обыкновенно не глубже 15-20 м) до и то не полностью. Кроме того, после ручного отбора золота из шлиха в отвалах переработанной породы оставалось еще достаточно большое количество мелкого золота. Таким образом, древние работы на крупных месторождениях затрагивали лишь самую незначительную часть месторождения и только те золотоносные жилы, которые имели непосредственный выход на дневную поверхность [13].

Зарождение добычи золота в Восточном Казахстане относится к

глубокой древности. Есть сведения, что его промыслом здесь занимались 4500 лет назад [14].

В Казахстане наиболее древние изделия из золота, датируемые XIV-XII веками до н.э., найдены в могильниках Аксу-Аюлы (серьги в полтора оборота) и Айшрак (обоймы) в Центральном Казахстане. В то же время добыча золота на рудниках Алтая (Казаншункур, Боко, Акжал) и Центрального Казахстана (Степняк, Аксу) велась примерно 4500 лет назад, где обнаружены небольшие шахты и большее количество каменных орудий труда. По мнению С. Черникова, «...древние выработки олова, золота и меди в Западном Алтае датируется андроновским этапом и периодом ранних кочевников, т.е. концом второго и первым тысячелетием до н.э.» [15].

Различные бронзовые орудия находились при разработке золотых росыпей Калбы и Нарыма в непосредственной близости от месторождений олова. Эти орудия, вероятно, попали в землю при добыче россыпного золота в древности. Предметы, так или иначе связанные с древними горными работами, С. Черников классифицирует, начиная от андроновской (I-этап), карасукской (II-этап) до майэмирской на Алтае и первой стадии тагарской культуры (III-этап). Другим элементом для датировки выработок Калбы и Нарыма служат древние работы на золоте и связанные с ним поселения в районе г.Степняка. По формам выработок, принципам проходок и орудиям горного дела они совершенно аналогичны и могут быть датированы тем же временем. Все орудия добыты при промывке старателями золотосодержащего культурного слоя поселения [16].

С. Черников датирует начало Калбинских древних работ с оловом временем около 1400 г до н.э. Окончание древней металлургии бронзы на Западном Алтае С. Черников относит к III - II вв. до н.э. Ответственный редактор книги А.Х. Маргулан, не соглашаясь с такой датировкой, отмечает: «Это в корне противоречит данным древних письменных источников (китайских и византийских), подтверждающих наличие производства металла на Алтае в V-VIII вв. н.э. и в более позднее время (XII-XIV вв.)» [17].

В средние века аль-Идриси, сообщая о Кимакском (кимекском) каганате, охватывающем земли Северного, Восточного и Центрального Казахстана, отмечает, что царь кимеков носил одежду, шитую золотом, и золотую корону. Он описывал также технологию плавки золота у кимеков: «По обычаю (кимеки) золото собирают и моют в воде, промывая его, затем смешивают крупы золота с ртутью и сплавляют смесь в коровьем помете. И таким путем собирают значительное количество золота» [18].

По мнению А.Х. Маргулана, казахи и их предки издавна были

знакомы с золотопроизводством, о чем свидетельствуют названия отдельных местностей, например, такие названия, как Алтынқазған (Золото копали), Алтынсу (Золотая вода), Алтынтау (Золотая гора), Алтын шоқы (Золотая горка). По обычаю тюрков, золотоносная гора считалась собственностью хана, информация о золотоносных местах содержалась строго секретно, если кто разглашал эту государственную тайну, то карался смертной казнью. Эти законы очень строго соблюдались в период правления ханов Тауке и Аблая. Они обеспечивали защиту золотых рудников от жунгар и китайцев, скрытно добывали золото, которое сбывали через караванных торговцев, временами организовывали большие торговые караваны в Бухару и Кашгарию [19].

Несомненно, Восточный Казахстан с его уникальными по запасам и качеству руд месторождениями, размещенными в отчетливо выраженных металлогенических поясах, как Cu - Pb - Zn – Au - Ag - Рудный Алтай, редкометальный (Sn, W, Mo) - Калба-Нарымский и золоторудный – Западно-Калбинский, является одним из важнейших центров древнего горнорудного и металлургического производства. Об этом свидетельствуют многочисленные археологические находки, выявленные на этой территории. Наиболее представительные археологические находки были обнаружены на оловянных месторождениях Мыншункур, Урунхай, Каракаин, Шалшы, Баймырза, Кырыкшурук, Чердожак, Карасу и др. Найденные древние выработки полностью отражают строение и параметры разрабатываемых рудных тел. В пологозалегающих крупных рудных телах проходили открытые разрезы с дудками и целиками. На крутопадающих жилах на склонах гор находились штольни шириной 2,5 м и высотой 2 м. Иногда древние выработки представляли собой цепочки ям вдоль простирания рудного тела, где выборочно разрабатывались наиболее богатые участки [20].

Древние выработки золота встречаются на месторождениях Казаншункур, Акжал, Боко, Жумба и др. Множество следов древних разработок находили на россыпных месторождениях золота по рекам Былкылдак, Агыныкатты, Шар, Буконь, Кулуджун и др. С.С. Черников еще в 1949 году отмечал, что наиболее интересные коллекции археологических предметов собраны с древних стоянок Семипалатинска и Мало-Красноярки. Следует отметить, что косовые отложения и береговые отмели близ Семипалатинска промывались в поисках золота в 40-х годах прошлого столетия и до сих пор в государственном кадастре имеются много россыпных проявлений золота, приуроченных к аллювиальным отложениям реки Иртыш [21].

Несмотря на длительную отработку древними рудокопами россыпей Восточного Казахстана, эти месторождения все еще остаются богатыми и до сих пор представляют промышленный интерес в связи с ус-

вершением техники промывки песков и методов извлечения золота. Так, по первым статистическим данным В.А. Обручева (1911 г.), в 1891-1907 гг. на Южном Алтае было добыто 4600 кг золота, а количество приисков доходило до 144. Это были весьма богатые россыпи, в которых часто встречались самородки массой 0,9 – 2 кг с высокой (905-948) пробностью. Здесь же были выявлены самые крупные самородки Казахстана. В 1912 году на Касаткинском ключе прииска Жумба был найден самородок массой 6,5 кг, а в 1914 г. - на ручье Карооткель (Курчумский хребет) – самородок «Конская голова» весом 16,8 кг, в последующем подаренный императору России Николаю II хозяином приисков золотопромышленником Меновщиковым [22].

В петровское время основной целью отправленных в казахские степи, особенно в Восточный Казахстан, экспедиций был поиск золота. На это сильно повлияла и легенда о золотоносных песках Жаркента. Сибирский генерал-губернатор Гагарин в свое время отправлял Петру I донесение о том, что в реке Амударье и в окрестностях города Жаркента местное население производит добычу золота из песка [23].

С целью уточнения этой информации администрация Петра I организовала две военные экспедиции. Экспедиция Бековича-Черкасского начала изучать побережья Каспийского моря, но не достигла поставленных целей. Одной из целей экспедиции, направленной в восточные районы Казахстана под руководством майора царской армии Л. Лихарева, были поиски золотоносных мест, в случае обнаружения построить на побережье озера Зайсан военное укрепление [24].

Вообще, одной из главных целей изучения восточных земель были, как известно, последующие колонизаторские задачи. Поэтому перед большинством исследователей казахского края была поставлена задача изучения его природных и хозяйственно-человеческих ресурсов.

Первые сведения о наличии золота в составе алтайской меди и полиметаллов дал П.С. Паллас [25]. Экспедиция А. Гумбольда, работавшая в верхнем течении р.Ульба, описал богатый золотом и серебром состав здешних рудных месторождений [26]. Один из известных исследователей А.И. Левшин дал сведения о ряде золотоносных земель казахского края [27]. В 30-х годах XIX века выходец из сибирской купеческой семьи С. Попов обнаружил следы золотоносных жил в Кокпектинском округе в окрестностях р.Чар. Позднее он в здешних местах открыл ряд золотодобывающих артелей [28].

В связи с обнаружением и открытием золотых месторождений на территории Восточного Казахстана активизировался и расширился процесс их дальнейшего поиска. Так, например, в 1836-1839 годах для золотопоисковых работ в здешних местах получили разрешительные документы 48 человек, в 1851-1852 годах – 85, 1853-1854 годах – 76 чело-

век [29]. В результате в 1834-1839 годах в Кокпектинском округе было открыто 87 месторождений россыпного золота, а в 1952 году их количество достигло 193 единиц [30].

В 80-х годах XIX века были открыты многочисленные месторождения россыпного золота в правобережных районах Иртыша. По побережью реки Курчум и его небольших притоков Кенсай, Караоткел, Большой и Малый Кагадай, Бетигелды, Мойылшды, Каракойтас, Орта-терек, Киынсу, Буланды, Токбура, Курчум, Жудеу было открыто около 220 месторождений золота.

В окрестностях Зайсана в 1882-1905 годах были известны 62 золоторудных места [31].

В приисках золото встречалось в основном в виде россыпи, а иногда и большими золоторудными кусками. Например, в 1880 году в прииске Никольск был обнаружен золотоносный кусок весом 11 пудов 32 фунта, из которого было извлечено 18 фунта (7 кг 371 гр) чистого золота. У подножья горы Аюжаткан в прииске Крестовоздвиженск был найден кусок золота весом 10 фунтов (4кг 095 гр) [32].

С начала XX века в Восточном Казахстане в связи с истощением приисков россыпного золота стали больше обращать внимание на освоение рудного золота. Инженер А. Москвин открыл вблизи гор Толагай рудный прииск Благодарюемый, Г. Хотимский - золотые месторождения Кызылка, Жантас, Куперли, А. Наумов – месторождение Лайли, С. Меньшиков - Беттигелди, А. Проскураков - месторождение Майкапчагай, И. Коровин – Караоткел. В 1908 году были открыты самые богатые в здешних местах золоторудные месторождения Акжал, Боко, Алайгыр. В 1880 году по Восточно-Казахстанскому региону было всего зарегистрировано 795 мест добычи россыпного золота. В 1913 году всего официально зарегистрированных золотых месторождений по Восточному Казахстану было 395 единиц. В 1907 году был составлен атлас золоторудных месторождений и приисков Зайсанского и Усть-Каменогорского уездов Семипалатинской области. По географическому расположению золоторудные места были подразделены на три района, это Кабинская, Курчумская и Зайсанская системы. В 1849 и 1851 годах штабс-капитан А.Г. Влангали провел геологические обследования по побережью реки Иртыш, досконально изучил горную систему в прибрежных районах Иртыша. В 1866 году горнорудный ревизор К. Гебриель провел исследования угольных и золотых месторождений в Зайсанском, Сергиопольском и Капальском уездах [33]. В 1910 году В.М. Пилетич (сотрудник экспедиции Каменского) впервые обследовал древние выработки золота в Боко и Акжале. Ему удалось обнаружить две вертикальные и одну наклонную шахту. На глубине от 2 до 26 м им найдено большое количество каменных орудий [34].

Особое внимание уделялось изучению залежей золота в окрестностях Зайсана. В 1913 году в целях определения месторождения золота было снаряжено несколько экспедиций. В их числе были профессор Г. Чечот, Г. Деринг, И. Гудков, А. Покопаев, С. Кузнецов [35]. Среди полезных ископаемых Тарбагатая А.А. Стоянов нашел следы золота в местности Тамырсык [36].

В отчете поисковых партий по Алтайскому горному округу за 1850 год член этой группы инженер-геолог А. Татаринев писал о том, что в рассыпных золотых месторождениях Семипалатинской области золотоносные слои располагались неглубоко и пробы золота были высокими (выделено нами. - А.Т.) [37].

В этих районах золотоносный слой залегал равномерно. Слои земли, покрывающие золотой песок, были не толстыми, всего составляли около четверти аршина, в некоторых местах его и вовсе не было, то есть золото лежало близко к поверхности земли. Поэтому добыча велась открытым способом. К тому же вокруг было достаточно речной воды для промывки золота. Все это облегчало работу золотодобытчиков и не требовало лишних финансовых расходов [38].

Ученые З.Ф. Кузнецова и С.Ш. Мадина провели специальные физико-химические исследования археологического золота на территории Казахстана на предмет выяснения их химического состава, качества и происхождения. Проанализировав материалы по древнему золоту из различных районов Казахстана, авторы статьи делают очень важный для нас вывод: «На основании аналитических и геохимических параметров археологического материала сделан вывод об использовании для их изготовления сырьевых источников различных мест добычи золота, но принадлежащих единому Казахстанскому региону» [39].

В целом археологическое золото на территории Казахстана имеет сравнительно высокую пробность. Например, золотые серьги, височные кольца, браслеты, бусины эпохи бронзы из Центрального Казахстана имели пробу в районе 660-860, с Северного Казахстана – 530-780, золотые изделия из кургана Иссык имели пробность в интервале 660-820, подвеска V-IV вв. из Бешатыра – 780 [40].

Известно, что цена золота зависит от его качества – пробы. Золотоносные системы восточных областей Казахстана особо притягивали предпринимателей своей особой высокопробностью. В составе здешнего золота из других металлических примесей был высок удельный вес серебра, что в целом также способствует повышению качественных показателей этого драгоценного металла. Пробы золота в здешних золотоносных жилах были следующими: в месторождении Алканбек – 960, в Буланды – 940-961, в Нарыме – 911, в Киынсу – 946-947 и в Куршиме – 933. *В этих местах редко встречалось золото ниже 950 пробы* (выделено нами. - А.Т.) [41].

К примеру, в 1902 году предприниматель Нурахан Жубашев добыл 364 фунтов золотых примесей. Средняя проба их составляла от 939 до 961 [42].

Как известно, шиликтинские золотые украшения изготовлены из золота особо высокой пробы. Металлографический анализ крупных и микроскопически миниатюрных золотых украшений из Шиликты сделан по заказу Центрального Государственного музея РК в лаборатории Отдела цветных металлов Института Геологии им. К.И. Сатпаева. Ниже приводятся результаты металлографического анализа лишь отдельных предметов:

Образец 1 - архар

Все результаты в весовых %

Спектр	Cu	Ag	Au	Итог
Спектр 1	1,77	3,62	94,61	100,00
Спектр 2	1,48	4,44	94,08	100,00
Спектр 3	1,37	4,67	93,96	100,00
Среднее	1,54	4,25	94,22	100,00
Станд. отклонение	0,21	0,55	0,34	
Макс. 1,77	4,67	94,61		
Мин. 1,37	3,62	93,96		

Образец 2 - Бляшка

Все результаты в весовых %

Спектр	Cu	Ag	Au	Итог
Спектр 1	0,86	2,19	96,96	100,00
Спектр 2	1,21	2,06	96,72	100,00
Спектр 3	0,73	1,79	97,48	100,00
Среднее	0,93	2,01	97,05	100,00
Станд. отклонение	0,25	0,20	0,39	
Макс. 1,21	2,19	97,48		
Мин. 0,73	1,79	96,72		

Образец 3 - Бляшка

Все результаты в весовых %

Спектр	Ag	Au	Итог
Спектр 1	2,18	97,82	100,00
Спектр 2	3,34	96,66	100,00

Спектр 3 2,90 97,10 100,00

Среднее 2,81 97,19 100,00

Станд. отклонение 0,59 0,59

Макс. 3,34 97,82

Мин. 2,18 96,66

Образец 4 - медведь

Все результаты в весовых %

Спектр	Cu	Ag	Au	Итог
--------	----	----	----	------

Спектр 1	0,36	3,90	95,75	100,00
----------	------	------	-------	--------

Спектр 2	0,22	3,66	96,12	100,00
----------	------	------	-------	--------

Спектр 3	0,17	4,27	95,56	100,00
----------	------	------	-------	--------

Среднее	0,25	3,94	95,81	100,00
---------	------	------	-------	--------

Станд. отклонение	0,09	0,31	0,28	
-------------------	------	------	------	--

Макс.	0,36	4,27	96,12	
-------	------	------	-------	--

Мин.	0,17	3,66	95,56	
------	------	------	-------	--

Образец 5 - медведь

Все результаты в весовых %

Спектр	Cu	Ag	Sn	Au	Итог
--------	----	----	----	----	------

Спектр 1	1,19	6,02	0,77	92,01	100,00
----------	------	------	------	-------	--------

Спектр 2	1,09	4,39	0,36	94,16	100,00
----------	------	------	------	-------	--------

Спектр 3	2,18	7,34	0,00	90,48	100,00
----------	------	------	------	-------	--------

Среднее	1,49	5,92	0,38	92,22	100,00
---------	------	------	------	-------	--------

Макс.	2,18	7,34	0,77	94,16	
-------	------	------	------	-------	--

Мин.	1,09	4,39	0,00	90,48	
------	------	------	------	-------	--

Образец 6 - олень

Все результаты в весовых %

Спектр	Cu	Ag	Au	Итог
--------	----	----	----	------

Спектр 1	2,38	5,45	92,18	100,00
----------	------	------	-------	--------

Спектр 2	1,59	5,81	92,60	100,00
----------	------	------	-------	--------

Спектр 3	0,95	5,07	93,98	100,00
----------	------	------	-------	--------

Среднее	1,64	5,44	92,92	100,00
Станд. отклонение	0,71	0,37	0,94	
Макс.	2,38	5,81	93,98	
Мин.	0,95	5,07	92,18	

Опираясь на результаты металлографического анализа 116 образцов украшений (в основном крупных), выбранных методом случайного отбора, можно констатировать, что все золотые изделия из кургана Байгетобе изготовлены из золота особо высокой пробы – 930-970.

Что интересно, как показывают вышеприведенные нами данные пробности производимого золота дореволюционными старателями и артелями, такое особо высокопробное золото в конце XIX и начале XX веков добывалось лишь только на золотоносных месторождениях в окрестностях Зайсана. На мой взгляд, это является убедительным доказательством местного происхождения сырья шиликтинских золотых украшений. Если учесть еще тот факт, что особо высокопробные золотые жилы встречаются очень редко, и даже в пространстве Восточного Казахстана, то нахождение и добыча золота 930-970 проб именно в окрестностях Зайсана и Шиликтинской долины на заре раннего железного века и в новое и новейшее время не являются случайностью.

Территория Восточного Казахстана была одним из основных районов добычи золота в конце XIX века. С 1888 по 1892 гг. в Семипалатинской области было добыто золота: в 1888 году – 200 пудов, в 1890 – 400 пудов, в 1891 – 300 пудов и в 1892 году – 400 пудов. Так, если в целом с территории Казахстана с 1836 года по 1917 год было произведено 1371 пуд золота, то из них 1144 пуда были добыты с восточных регионов микроскопических [43].

В восточной части Шиликтинской долины в урочище Чаганоба (террасированная долина одноименной речки) расположены 3 кургана и одна яма с многочисленными шлаками древнего металлургического производства. В самом большом из этих курганов в 1909-1910 гг. семипалатинским гидротехником Г.Н. Бокием были произведены раскопки. В 300 м севернее от этого кургана расположена яма со шлаками металлургического производства. Предварительно следует отметить, что здесь обнаружены в разной степени обожженные, спекшиеся и в разной степени отшлакованные породы различного состава (гранит, слоистые осадочные породы, порфириды и др.), имеющие окатанную поверхность т.е. это были речные валуны. Похоже, что все стенки выработки были выложены этими валунами. Остатков или каких-либо следов руд золота и меди не обнаружено. Скорее всего, обнаруженная яма являлась плавильной печью для выплавки шлихового золота. Само устройство печи

сходно с медеплавильными, т.е. округлой формы плавильная печь с диаметром не менее 5,5-6 м, к которой с востока подходит широкая (2,8 м) и длинная (21 м) канавка для обслуживания, а с запада – канавка шириной 2,2 м и длиной 9,3 м, послужившая, вероятно, для размещения устройства продувки. Описываемый район также богат каменными и бурыми углями, горючими сланцами (Кендерлыкское месторождение), а в непосредственной близости (в 3-5 км восточнее) имеются проявления бурого угля. Так что проблем с топливом для плавильной печи не было.

Выше от отмеченных курганов по речке Чаганоба наблюдаются хорошо выраженные террасы высотой 50-70 м, 12-17 м, 5-7 м и пойма (рисунок 5). Нами в 2006 году взято 5 шлиховых проб весом до 40-50 кг, которые были промыты тут же на речке. Одной пробой были охарактеризованы косовые отложения поймы реки, а остальные взяты из базальных слоев отложений террас. Во всех пробах установлены знаки золота различной величины.

Однако «промышленная» добыча золота древними рудокопами производилась, вероятнее всего, выше по р. Шаганоба (в 14 км от кургана Шаганоба на восток), в ее правом притоке – на р. Алтынказган. Здесь золотоносные россыпи установлены в отложениях ее первой и второй надпойменных террас. Длина россыпи порядка 5-6 км. Кроме того, богатые россыпи установлены в водораздельной части хребта Саур. Здесь в пробе весом 15 кг из щебнисто-галечных аллювиально-деллювиальных отложений установлено до 35 знаков золота. Эти данные указывают, что добыча золота производилась здесь и здесь же плавилась [44].

Полученные результаты позволяют сделать вывод, что Шиликтинская долина и окружающие ее горы и реки издревле были источниками добычи золота.

Все эти данные показывают, что золото из курганов древних кочевников имеет местное происхождение. Несомненно, следует произвести тонкие аналитические исследования образцов золотых изделий с целью уточнения морфологии их внутренней структуры и элементного состава примесей для последующей идентификации их с микро- и макроэлементным составом руд ближайших к Шиликтинской долине месторождений золота. Кроме того, археологические находки пока что ограничиваются эпохой андроновской культуры, хотя возможна золотодобыча и в более ранние периоды. Установление их следов должно стать одной из задач последующих археологических исследований [45].

Таким образом, в настоящее время у нас нет никакого сомнения в том, что сырье высокопробного золота из Шиликтинской долины еще на заре раннего железного века было добыто в золотоносных системах Зайсанского региона, а точнее, Шиликтинской долины и ее окрестностей.

КОСТЮМ ШИЛИКТИНСКОГО «ЗОЛОТОГО ЧЕЛОВЕКА» В КОНТЕКСТЕ ОДЕЖДЫ САКО-СКИФСКОГО МИРА

Традиция наряджения представителей высших слоев общества в так называемую «золотую одежду» была характерна в основном для общества сако-скифского времени. Ни до, ни после сако-скифов эта традиция не встречается в таком полном объеме, хотя украшение одежды золотыми бляшками, золотым шитьем, позолоченной аппликацией имело продолжение и в последующие эпохи. Например, в одном из самых древних поэтических произведений тюркских народов Центральной Азии, которому насчитывается более 2000 лет — в поэме «Манас» мы встречаем следующие строки:

*«Алтын күрме киемін Золотую шубу (халат) одену.
Айтулы төре боламын, Стану известным правителем.
Көзатаға тағынып Богато украшусь кораллами-бляшками,
Көріне төре боламын» [1] Стану видным правителем»*

(Перевод наш — А.Т.).

Казахи при восхвалении хорошего человека применяли пословицу: «Алтын да тонның жағасы», что означает «И золото - ворот шубы». Археологическое золотое одеяние эпохи ранних кочевников, на наш взгляд, в известных до сих пор находках имеет двойное проявление. Первый вид — это по-настоящему обшитая золотыми бляшками парадная одежда ранних правителей сако-скифского общества. Они порой были погребены в такой одежде. Второй вид — имитация богатой, обшитой золотом одежды, предназначенной сугубо для погребального наряда, она по существу представляла собой бутафорию.

Главной причиной отнесения одеяния человека из кургана Байгетобе к золотой одежде является золотой декор одежды, найденный среди его костей в гробнице. По сообщению Геродота, «массагеты носят одежду, подобную скифской, и ведут похожий образ жизни... из золота и меди у них все вещи. Но все металлические части копий, стрел, боевых секир они изготавливают из меди, а головные уборы, пояса и перевязи украшают золотом. Также и коням они надевают медные панцири, как и нагрудники. Уздечки же, удила и начешники инкрустируют золотом. Железа и серебра у них совсем нет в обиходе, так как этих металлов вовсе не встретишь в этой стране. **Зато золота и меди там в изобилии**» (выделено нами — А.Т.) [2]. По нашему мнению, костюм шиликтинского человека

представлял собой сформировавшийся десятилетиями во всех деталях ансамбль. В процессе становления он вобрал в себя самые лучшие, самые красивые элементы из костюмного комплекса сако-скифского мира, соответствующие вкусам и представлениям человека о красоте и величии. Он отражал уровень материальной культуры, технические и технологические возможности раннего и классического сако-скифского общества.

Методика реконструкции. При восстановлении одежды ранних саков шиликтинской долины мы старались рассматривать одежду саков на фоне других сакских и современных им родственных и соседних народов, обращаться к материалам скифов архаического и классического времен. Факт общего сходства и близкого родства скифов и саков в области искусства и культуры признается многими исследователями. Еще Геродот отмечал общность одежды скифских племен, несмотря на большую территорию их распространения и отдаленность их друг от друга. Вероятно, при всей схожести состава и общих черт, одежда скифов и саков имела свои локально-временные особенности, что выражалось, на наш взгляд, в элементах украшения, в незначительных особенностях материала изготовления, покроя, цвета и т.п. Поэтому мы считаем, реконструкция костюма шиликтинского человека нам позволяет наглядно восстановить облик правителя саков - тигрохауда, прежде всего, раннесакского общества.

Реконструкция костюма древних народов Алтая - Тарбагатая, в том числе Шиликтинский долины, принципиально важна с точки зрения отражения местных деталей в costume. На наш взгляд, удаленность этого региона от культурных центров иранского и античного мира, а также отсутствие или слабость китайского влияния в то время на сако-скифскую культуру алтайско-тарбагатаяйского региона и особенности хозяйственно-климатических условий здешних мест в общей совокупности способствовали формированию местных, автохтонных элементов формы, кроя, материала и цвета одежды. Несомненно, во внешнем облике человека, который главным образом формируется через одежду, выражаются вкусы, ценностные ориентации, мировосприятие народа и его конкретных представителей. На наш взгляд, костюм шиликтинского человека по своим социально-знаковым функциям соответствует статусу царя, хана или другого правителя, в то же время их знаковый костюм отражает модель мира в мировоззрении их создателей и носителей.

Образы священных животных, украшающие одежду шиликтинского человека, выполненные золотом, несут в себе особую знаковость, святость, являются своеобразным оберегом и т.п. Объектом изучения при восстановлении костюма шиликтинского человека стали костюмы

скифов Северного Причерноморья, Иссыкского кургана, Пазырыка, Катанды, Аржана, ахеменидского Ирана и др. В своей научной реконструкции одежды и наряда шиликтинского человека мы часто обращались и к находкам из Уландрыка, которые позволяют объяснить назначение целого ряда уникальных предметов, ибо они хорошо сохранились в древнем льду, заполнявшем погребальные сооружения. Большим подспорьем и ориентиром в наших исследованиях в этом направлении были труды видных исследователей костюма древних народов Евразии С.А. Яценко [3], М.Ф. Горелик [4], Г.М. Майтдиновой [5], Н.П. Лобачевой [6] и др. При восстановлении украшений, определения места их расположения, семантических значений шиликтинских золотых изделий одежды нами тщательно изучены ювелирные изделия таких уникальных находок, как иссыкский человек, аржанский человек в золотом одеянии.

В настоящее время большинство этнографов склонно к мнению, что покрой одежды и другие ее отличительные черты во многом формируются не в границах расселения того или иного народа, а в пределах одного региона [6, с.35]. Соглашаясь с таким мнением относительно истории костюма нового времени, известный исследователь древнего костюма С.А. Яценко выражает свое сомнение о правомерности перенесения подобных выводов на более ранние эпохи [3]. В принципе, мы с таким мнением согласны, ибо этнокультурные контакты и заимствования в древности были менее интенсивны, чем в средневековье и в новое время.

При реконструкции одежды шиликтинского царя мы также принимали во внимание одежду таких кочевых, скотоводческих и воиствующих народов, как гунны, кангюи, усунь, ранние тюрки, вплоть до этнографических казахов. Такая методика позволяет, как мы убедимся ниже, восстановить атрибуцию нашего объекта, опираясь на фасон одежды сако-скифского мира, описанный в древних исторических сочинениях и зафиксированный в древних иллюстрациях, будь то наскальная фреска или рисунки на археологических артефактах.

Мы также понимаем, что при использовании деталей и отдельных частей более поздних костюмов для реконструкции древней одежды нужно быть предельно объективными и соблюдать «корректность приводимых исторических и этнографических аналогий» [3, с.19]. Одежда шиликтинского правителя, на наш взгляд, выполняла несколько сакральных функций. Во-первых, она была парадно-ритуальной одеждой правителя одной из ранних групп саков. Поэтому костюм сплошь обшит золотыми бляшками, которые, наряду с красочностью и парадностью, были не совсем практичны. Эту парадную одежду носили в особых случаях, после захоронения она приобретала похоронно-ритуальный характер.

Таким образом, источниками при восстановлении костюма шиликтинского золотого человека являлись: а) остатки предметов костюма в виде золотых нашивных бляшек, найденных в погребальной камере; б) изображения костюма саков тиграхауда в настенных рельефах ахеменидского Ирана; в) костюм саков Алтая в условиях мерзлых курганов, где элементы одежды сохранились более полно; г) данные письменных источников об одежде саков, скифов и других племен более позднего периода; д) костюм времен тюркских и ираноязычных народов Средней Азии, в особенности, его архаичные элементы; е) материалы, полученные в результате физико-химических, макро- и микроскопических исследований органических остатков одежды в гробнице кургана Байгетобе. Как утверждает один из крупных исследователей древнего костюма Евразии С. Яценко, «современное состояние формирующейся дисциплины – палеокостюмологии заключается, прежде всего, в отсутствии детально разработанной методологии и конкретных методик... Еще не обоснована детально методика реконструкции по материалам погребений и памятников изобразительного искусства» [3, с.16].

Методологическая сложность изучения костюма по археологическим данным связана с сохранностью самого источника. Многие ученые ставят обязательным условием для правдивой реконструкции одежды скрупулезную фиксацию украшений и элементов костюма в полевых условиях, наличие многочисленных детальных планов. Выводы делаются на основании погребений, содержащих значительное количество разного вида нашивок. По этому принципу была проведена реконструкция одежды иссыкского и аржанского человека. Условия, при которых были обнаружены шиликтинские золотые изделия, отличаются от иссыкского и аржанского. Если последние были найдены в неповрежденном, первозданном состоянии, то шиликтинские золотые бляшки вместе с костями похороненного человека были кем-то переложены и не сохранили первоначальный вид.

От одежды шиликтинского человека до нас дошли лишь металлические костюмные аксессуары. А все другие составляющие костюма из органического материала полностью подверглись деградации и в силу этого не могут служить источником для специальных физико-химических макро-микроскопических исследований. В условиях кургана без мерзлоты текстиль и кожаные аксессуары одежды полностью превратились в органику, и поэтому мы полностью лишены возможности получить из шиликтинского раскопа хоть какие-нибудь конкретные сведения о составе, покрое, материале одежды, о расположении украшений на одежде шиликтинского человека.

При реконструкции одежды важное значение имеют письменные источники с описаниями одежды конкретных народов, изобразитель-

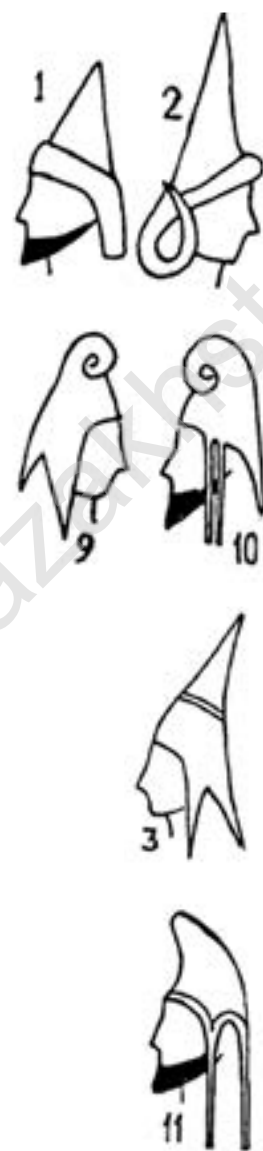

Рис. 110.
Головной убор
предполагаемых
ранних скифов
(по С.А. Яценко)

ные памятники по их костюму. К сожалению, история саков представлена в письменных памятниках весьма ограниченно. Поэтому при реконструкции костюма шиликтинского человека мы посчитали возможным использование дополнительных источников по истории и культуре этнически близких к сакам народов, прежде всего, скифов. Поэтому мы обратились к изучению изображений скифов на предметах греко-скифской торевтики, каменных надгробных изваяний, созданных самими скифами, и каменных рельефов с греко-скифскими сюжетами.

Исследование показало, что отдельные элементы костюма саков, обитавших на территории Казахстана, имеют больше сходства с костюмом соседних племен степей Азии раннего железного века. Это прослеживается в покрое, в отдельных деталях, декоре костюма. Наиболее достоверный материал по костюму сако-скифов дали раскопки таких мерзлых курганов Алтая, как Пазырык, Катанды, Туякты и Ак-Алаха, Уландрык и др. По времени существования и территориальному расположению больше сходства к шиликтинским находкам обнаруживают также материалы из кургана Аржан II.

Таким образом, методологической и методической основой научной работы по реконструкции костюма правителя из шиликтинского золотого кургана был выбран комплексный подход. В результате раскопок шиликтинского кургана Байгетобе мы получили огромное количество золотых изделий, представляющих собой исключительно украшения для нашивки на одежду. В результате раскопок на разных участках и на разных уровнях земляного наполнения гробницы вместе с золотыми украшениями был обнаружен полный комплект костей похороненного там в свое время человека. Сохранность костей достаточно хорошая. В целом, мы не исключаем в определенной мере гипотетичность нашей реконструкции. Но в то же время хотим заметить, что историческая реконструкция и в таких сложных для исследователя случаях имеет право на существование.

Главное условие при этом – не противоречить исторически доказанным фактам и выводам по данному вопросу. Наша научно-гипотетическая концепция о составе и отдельных частях костюма, о стиле и форме, о качестве материала и цветовой гамме одежды шиликтинского правителя в целом находит подтверждение в конкретных археологических и палеоэтнографических материалах о культуре и быте сако-скифской эпохи. Трудность восстановления костюма раннесакского времени сопряжена еще и с тем фактом, что научный материал «архаического» периода (скифов, саков) представлен неизмеримо скромно [3, с.51]. Сведения об одежде персов, о которых в науке известно сравнительно много, относятся к VI веку до н.э. Более ранние упоминания, к сожалению, отсутствуют.

На наш взгляд, костюм шиликтинского человека по своим социально-знаковым функциям соответствует статусу царя, хана или другого правителя, в то же время этот костюм отражает модель мироздания в мировоззрении их создателей и носителей. Образы священных животных, украшающие одежду шиликтинского человека, выполненные золотом, несут в себе особую знаковость, святость и одновременно являются своеобразным оберегом.

Мы также считаем, что костюмный комплекс саков долгое время существенно не менялся. По крайней мере, в рамках сакской этнокультурной общности, которая имеет не менее тысячелетнюю историю, значительных изменений в костюме не происходило. Тем более, мало менялось мужское одеяние. Общеизвестно, что мужская одежда была более консервативна, чем женская. Тысячелетиями приспособленная к местным условиям жизни, роду деятельности, являющаяся главным носителем этнических знаков, она выполняла роль символа своего народа [5, с.178]. Реконструкция костюма шиликтинского человека позволяет нам наглядно восстановить облик правителя раннесакского общества.

Мы специально не затрагивали в этой работе вопроса мировоззренческих основ и идеологии костюма шиликтинского золотого человека. Ибо, на наш взгляд, это сложная и на сегодняшний день достаточно запутанная проблема. В то же время сам процесс реконструкции костюма не обходился без учета картины мира, общих мировоззренческих установок создавшего их этноса, идеологических систем эпохи. Идеология и семантика костюма иссыкского человека описаны и проанализированы К.А. Акишевым и А.К. Акишевым. Исследователи объясняют (расшифровывают) семантику костюма иссыкского человека, исходя из индо-иранской мифологии [7; 8; 9]. Надо отметить, что до сих пор в науке господствует точка зрения об индо-иранской основе культуры скифов и саков. Но, как нам кажется, нельзя преувеличивать роль индо-иранского субстрата в культуре сако-скифов, тем более на раннем этапе их истории.

Наши исследования археологического наследия древнего населения Алтая - Тарбагатая указывают на не меньшую долю прототюркского субстрата в материальной и духовной культуре этих народов. Поэтому мы считаем, что индо-иранские и алтайско-тюркские элементы в культуре сако-скифских народов были близко переплетены, синтезированы уже в ту раннюю эпоху, что порой трудно выделить в качестве первоосновы какой-либо субстрат в древней культуре народов Евразии. Правда, мы не скрываем, что наши взоры при исследовании идеологии и мировоззренческой основы костюма и атрибутов шиликтинского золотого человека, в первую очередь, были направлены на тюрко-алтайские кор-

ни, ибо эта сторона медали исследователями до сих пор полностью игнорировалась. В результате исследования костюма сако-скифских народов мы, вслед за нашими предшественниками, пришли к выводу, что мастерство при изготовлении одежды и его украшений было настолько совершенно, а стиль так развит, что позволяет задуматься о том, что эти вещи создавались не внезапно и даже не в короткий промежуток времени, а прошли через определенный эволюционный ряд развития в предшествующую эпоху. Поэтому для реконструкции одежды пастушеских племен начального этапа раннего железного века мы часто обращались и к артефактам из памятников андроновской культуры на территории Казахстана, северо-западного Китая (Синьцзяна), Средней Азии, Сибири, Урала и других соседних регионов.

Материалы андроновских памятников из Средней Азии свидетельствуют, что жители этого региона одевались в шерстяные одежды, женщины носили налобные повязки с подвесками. На наш взгляд, исследователь этой проблемы Г. Майтдинова делает правильное заключение, когда отмечает: «...на обширной территории заселения андроновской культурной общности был распространен относительно сходный набор украшений, что предполагает и близость одежды» [5, с.164]. По мнению Е.Е. Кузьминой, в андроновскую эпоху у скотоводческих племен Евразии появился характерный костюм: мягкие сапоги, длинные брюки, куртка-кафтан и войлочный островерхий колпак. Этот костюм восстановлен на основе находок в могилах вязаных конических шапок, кожаных островерхих колпаков и сапог, предполагающих ношение штанов [10, с.17].

Пожалуй, самыми уникальными находками, относящимися к предшествующему раннему железному веку периоду, считаются мумифицированные останки из погребений Синьцзяна, датируемые III тыс. до н.э. В 1979 году в Лобноре в древнем могильнике было обнаружено погребение девочки. На ней был островерхий головной убор типа капюшона, завязанный под подбородком, с двумя птичьими перышками, воткнутыми по бокам. В остальных могилах также были обнаружены головные уборы с плюмажами из перьев. На многих погребенных были обнаружены сапоги с длинными голенищами выше колен [11].

Полный комплекс мужской и женской одежды II тыс. до н.э. был обнаружен в 1992 г. недалеко от Турфана, в Пичанском районе, в могильнике Субеши. Мальчик был одет в шубу мехом вовнутрь. Штаны заправлены в кожаные сапоги с длинными голенищами с выступом над коленями и с двумя отверстиями для шнурков, которыми они прикреплялись к поясу. Концы голенищ у колен обшиты мехом наружу, видимо, для защиты от холода, ветра. Сапоги утеплялись изнутри войлоком [12]. По мнению Г. Майтдиновой, «материалы Субеши дают возможность рекон-

струировать конструктивное решение древней одежды, конкретизировать декор костюма, способ ношения, а самое главное – определить материал, используемый для одежды и технику его изготовления, а также уточнить состав костюма...» [5, с.26]. Она также замечает: «Новые находки китайских археологов в Субеши подтвердили нашу гипотезу о распространении в Бактрии и Согде костюмов, сходных с данными в изобразительных памятниках Амударьинского клада, Персополя, Халчаяна, Дальверзинтепа, в коропластике» [5, с.178].

Первые детальные изображения костюма древних времен мы получаем из знаменитых рельефов Персополя в Иране, где наряду с представителями других народов запечатлены изображения саков, несущих дань персидскому царю Дарию. В изображениях на Бехистунской (правильно Бисутун) стеле покоренных народов также находим сюжеты о саках. Эти материалы являются бесценными источниками при изучении костюма народов Центральной Азии VI-V вв. до н.э. Для исследования костюма народов Средней Азии V-III вв. до н.э. важное источниковедческое значение имеют таблички с изображениями человека из знаменитого Амударьинского клада. Костюмы из этого клада известный исследователь М. Горелик подразделил на несколько типов: бактрийский, дрангианский, парфянский, арийский. Последние три группы он относит к дрангианскому комплексу.

Для дрангианского комплекса, как пишет М. Горелик, характерны глухие рубахи и пояса без пряжек. Штаны широкие и даже очень широкие, особенно у бактрийцев. Они заправлены в высокие сапоги, стянутые у колен. Они имеют много общего с костюмом скотоводческих племен Средней Азии саков [13]. По оценке некоторых исследователей, «в период энеолита и бронзы в Средней Азии украшения входят только в состав женского костюмного ансамбля. Начиная только с I тыс. до н.э. осуществляется переход к украшениям иного художественного стиля. Если в IX-VIII вв. до н.э. сосуществуют украшения современные и предшествующего времени, то с VII в. до н.э. в погребальных комплексах уже встречаются изделия сакского звериного стиля, украшения появляются и в мужской одежде» [5, с.114]. В целом соглашаясь с мнением Г. Майтдиновой, мы хотим заметить, что, судя по материалам курганов Аржан в Туве и нашим шиликтинским материалам, украшения на мужской одежде в виде золотых бляшек в форме звериного стиля появились уже в начале I тыс. до н.э.

Традиция саков и скифов наряжать своих правителей и вождей в богатую золотыми украшениями одежду приходится в основном на период с VIII по III вв. до н.э. Этот период истории развития сако-скифских племен можно условно назвать «золотым веком», «золотым периодом», ибо именно этому времени соответствует строительство грандиоз-

ных по своим размерам и богатству царских могил. К таким памятникам можно отнести изученные в той или иной степени известные знаковые могильники и курганы сако-скифов, как Аржан, Шиликты, Уйгарак, Пазырык, Бесшатыр, Иссык, Берель, Катанды, Чертомлык, Солоха, Курган трех братьев и т.д.

В могильнике Уйгарак, датированном VII-V вв. до н.э., встречаются мужские украшения: в нескольких мужских погребениях обнаружены серьги. Мужчины носили серьгу в левом ухе [14, с.82]. Украшения из чистого литого, пластинчатого золота или других материалов, обернутых листовым золотом, становятся широко распространенным элементом одежды мужчин так называемого пазырыкского времени, который хронологически определяется V-II-I вв. до н.э. Украшения представлены в коллекции знаменитого Амударьинского клада, датированного VI-IV вв. до н.э. По мнению Г. Майтдиновой, «массовое распространение украшений в мужском костюме в VI в. до н.э. в Средней Азии было обусловлено доминированием в обществе стиля мидийского костюма, который был генетически связан со сако-скифским костюмным комплексом, где бытовали серьги, ожерелья, гривны, браслеты, перстни, эгретки, нашивные бляшки, выполненные в зверином стиле» [5, с.115-116].

Начиная с конца II в. до н.э. - I в. до н.э. изменяется стилистика декора костюма. Одежда пышно украшается нашивными бляшками, бусами. Особый акцент делается на декорировке верхней части одежды и набедренной одежды [5, с.137]. Ансамбль мужских украшений достаточно представлен в Тилля-тепе. В погребении обнаружены часть парадного головного убора типа диадемы, украшенного моделью дерева и золотой фигурой козла, золотая пектораль, кафтан, полы, борта, манжеты и рукава которого были расшиты разнофигурными золотыми бляшками, золотой плетёный пояс. Ворот нижней рубахи тоже обшит полусферическими бляшками. Длинные штаны украшены спереди двумя параллельными рядами золотых квадратных рельефных бляшек, которые как бы плавно продолжают в расшивке кожаной обуви с квадратными носками, обшитой бляшками того же типа, что и штаны. Датруется этот памятник I в. до н.э. По мнению В.И. Сарияниди, покойника перед захоронением обряжали в пышные погребальные одеяния, которые они, видимо, носили при жизни в особых случаях — на официальных приемах, культовых пиршествах [15].

В связи с развитием художественного ткачества в V в. многие мотивы нашивных бляшек переходят в тканый орнамент. Крупный пятнообразующий орнамент одежды уже не требует многочисленных украшений. Отпадает необходимость декорировать всю поверхность нашивными бляшками и бусами. Если в V — начале VII вв. украшения в составе костюма немногочисленны, то с середины VII — нач.VIII вв. в

Рис. 111. Вид меховой накидки раннего железного века со спины (по С. А. Яценко)

Рис. 112. Казахский шапан XVII века со спины

Рис. 113.

Вид шиликтинской
золотой одежды с
перед и со спины

женском костюме Согда и Ферганы опять появляются пояса и становятся более сложными ручные и шейные украшения. К концу VII в. до н.э. в костюме среднеазиатского населения древнеиранские и пришлые тюркские элементы в ювелирном искусстве нивелируются и образуют цельную художественную композицию [5]. Изучение истории одежды непосредственно связано с историей происхождения таких материалов, как кожа, ткани, шелк и т.п.

В неолите в древнеземледельческих оазисах подгорной полосы Копетдага (Джейтунская культура) появились ткацкие станки. В археологических слоях найдены первые орудия ткачества – грузила, пряслица. Ко II тыс. до н.э. относятся остатки одежды из целлюлозы в древнеземледельческих поселениях Сапалитепа. В том же поселении в нескольких погребениях были обнаружены шелковые ткани полотняного переплетения [16]. В свое время один из первых исследователей одежды азиатских саков С.И. Руденко замечал: «Известные экземпляры одежды в основном изготовлены из меха, кожи и войлока, и это в то время, когда ткачество и изготовление самых разнообразных тканей им были хорошо известны» [17].

На наш взгляд, основная масса одежды протонародья в раннем железном веке, особенно в сако-скифское время, изготавливалась из наиболее доступных и массовых материалов в жизни кочевников, как мех, кожа и войлок. Алтайские саки знали способ изготовления одежды из полотняных и шерстяных тканей, но редко использовали их, потому что в те времена полотно и шерсть считались сравнительно малодоступными и дорогими материалами и применялись только для шитья одежд для высших слоев общества. К тому же надо учитывать тот факт, что ткань, особенно изготовленная из животной шерсти, по сравнению с другими материалами (мех, кожа, войлок) быстро деградирует и превращается в органику [3, с.67].

Ткачество в Средней Азии является одним из древнейших ремесел. Об этом свидетельствуют отпечатки тканей на керамике из могильника Бургулюк (II тыс. до н.э.) и многочисленные находки прясел и ткацких грузил. Население юга Центральной Азии использовало для одежды шелковые и целлюлозные ткани еще во II тыс. до н.э. Как известно, к этому времени шелководство прошло определенный этап развития в Китае. С применением шелка предки китайского народа были знакомы уже в неолитический период. Это доказывают раскопки китайских археологов в Сиинцуне (провинция Шаньси), где в стоянке новокаменного периода был найден окаменелый шелковый кокон [18]. Самая ранняя шелковая ткань размером 10x15 см желтого цвета, датированная концом II тыс. до н.э. – нач. I тыс. до н.э., найдена в знаменитом могильнике Загунлук [19].

Этим же временем датируются находки дурдуна (лучший сорт китайского шелкопряда), шелковых тканей и кимхабов (парчовых тканей) из других памятников таримской впадины [19, с.23]. Все эти данные свидетельствуют о развитии в самом Синьцзяне шелкоткачества и широком использовании шелковых тканей в costume еще во II тыс. до н.э. [5, с.27].

О применении шерсти населением Средней Азии в быту свидетельствуют остатки шерстяных нитей в погребениях Чакк и Миминабад (Самарканская область), датируемых II тыс. до н.э. Один из исследователей Загунлука Абдукаюм Ходжа пишет, что в погребении сохранились вышитые одежды, сшитые из разноцветных лоскутов, из тонкого разноцветного и неокрашенного войлока, целиком выполненные одежды или части (головные уборы, обувь). Из шерстяных тканей и войлока были выполнены островерхие головные уборы, облегающие шапки, колпаки. Многие головные уборы украшались перьями [5, с.28].

Распространенным материалом одежды скифов классического периода является овечья шерсть. Она сохраняется хуже, чем растительные ткани. Наряду с простыми дешевыми тканями зафиксированы ажурные, гобеленового переплетения и парчовые ткани. Местные ткани всегда украшались цветной вышивкой. Известны импортные атласные ткани. Части одежды из шерстяных тканей хорошо сохранились в камере 1 царского кургана Аржан [20, с.19]. Мы заранее осознаем, что восстановление одежды шиликтинского правителя по культурно-исторически близким аналогам и имеющимся в нашем распоряжении золотым украшениям - дело не совсем благодарное и недостаточно надежное. Такие попытки в археолого-палеоэтнографических исследованиях имеются. Исследователи М.А. Сабурова и О.А. Щеглова реконструировали одежду по составу ювелирных украшений в кладах [21; 22].

Специалистам приходится этим заниматься не от хорошей жизни. Например, от древней одежды сако-скифского времени текстиль вообще не сохранился, за исключением некоторых сакских мерзлых курганов на Алтае. Известный исследователь древнего костюма народов Евразии С.А. Яценко, не соглашаясь со скептиками о возможности реконструкции древней одежды при отсутствии текстиля с кроем, замечает, что вообще отрицание возможности реконструкции при отсутствии полностью сохранившихся костюмных образцов является «максималистским, односторонним и методически не вполне корректным: специалист может и обязан работать с наличными видами источников, а не предъявлять к ним заведомо невыполнимые требования и затем отказываться от их изучения» [3, с.21].

С.А. Яценко также очень справедливо замечает: «Сегодня реконструкция одежды по незначительным остаткам тканей, кожи и нашив-

ных украшений в древних погребениях и даже характер их наиболее оптимального описания – темы, методически почти совершенно не разработанные. Обычно авторы не пытаются сколько-нибудь детально методически обосновать свои реконструкции и описания, опираясь лишь на обыденный «здоровый смысл» [3, с.19]. Мы старались максимально обосновывать свои исследовательские гипотезы известными научными фактами, мнениями авторитетных в области древней одежды ученых. Надо честно признаться, что реконструкция одежды раннесакского правителя из Шиликты нам, в частности, мне, далась с большим трудом. Я потратил на это без малого 5-6 лет времени. Большим подспорьем в моих изысканиях в этом направлении были мои фундаментальные знания и в области этнографии.

Итак, на основе осуществленных нами многолетних исследований мы пришли к следующим выводам. Состав одежды шиликтинского человека следующий: чапан типа кандиса, кафтан, штаны, обувь, головной убор и наборный пояс. Основным материалом для изготовления одежды у саков были мех, кожа и войлок. Наряду с этими материалами сакам были хорошо известны самые разнообразные ткани. Они встречаются почти во всех курганах, где только могли сохраниться [23, с.112]. Украшения представлены в виде гривны, амулета, серьги на левом ухе, перстня. Аксессуары и вооружение состоят из акинака, меча и вотивного жезла. Чапан-кандис в составе традиционной одежды саков и скифов халат как верхняя распашная одежда упоминается редко. О нем нет сведений и в письменных источниках.

По данным С.А. Яценко, у архаичных скифов европейской части документированы длинный мужской халат, мужской кафтан [3, с.107]. Мы полагаем, что шиликтинский царь поверх кафтана обязательно носил чапан. Этому обязывал его социально-политический статус правителя. Аналогия чапана саков в ахеменидское время имела место у персов. У них он назывался кандис. Это широкая одежда длиной обычно до щиколоток, с рукавами длиннее руки, носившаяся на плечах в накидку [3, с.38-39]. Прототип кандиса-чапана, относящийся еще к эпохе бронзы, найден в Синьцзяне. Здесь он имел туникообразный крой. Стан был сшит из двух вертикальных полотнищ, перегнутых на плечах. Эта верхняя одежда имела полосу отделки по бортам и подолу [5, с.161].

Аналог чапана был найден на Алтае в кургане сакской культуры Катанда (Рис. 114, 116). Чапан длинный до пят, с длинными декоративными рукавами, на собольем меху, с верхом из чешуйчатого мозаичного узора, составленного из лоскутов горностаевого меха. Мех выкрашен в зеленый и красный цвет со вставками кожи. Покрой одежды широкий в подоле и сужающийся в плечах. На спине нашито оплечье из кожи, переходящее спереди к полам широкими полосами. Наружный мех отделан

полосками кожи, кожаными квадратиками, круглыми деревянными, крытыми золотом бляшками. Оплечья, полы и рукава украшены узором из нашитых на них деревянных квадратиков и вырезанных из толстой кожи треугольников. Они тоже покрыты листовым золотом. В целом, этот чапан украшали более 3000 кожаных квадратиков зеленого и красного цвета и более 8000 золоченых пуговиц в форме круга и квадрата [24, с.34-35].

С.И. Руденко по поводу этой одежды в свое время замечал: «Мною уже обращалось внимание на сходство как по покрою, так и по оформлению этой одежды с древним кандис, одеждой, характерной для персидской знати ахеменидского времени» [25]. Вообще, аналоги катандинского чапана мы находим в Пазырыке, в рельефах Персополя и Ликии и в золотых пластинах Амударьинского клада. Чапан типа кандиса из катандинского кургана был взят нами за основу при воссоздании верхней одежды шиликтинского человека (Рис. 114, 116). К такому историческому заключению мы пришли не только по причине близкого географического расположения Катандинских и Шиликтинских могильников, здесь сыграло и то, что эти памятники созданы примерно в одно время и представителями близкородственной этнокультурной общности. Шиликтинский чапан тоже достаточно длинный, широкий и предназначен для ношения в накидку.

В отличие от катандинского шиликтинский чапан представляет собой летний вариант, и рукава у него шире и короче. Материал, из которого был сшит чапан, – грубоотканая шерсть. Подкладка из светло-желтого шелка с рисунками, создающими еле заметный узорный фон. При восстановлении шиликтинского чапана мы наряду с катандинским халатом в качестве близкой аналогии использовали верхнюю одежду из кургана Пазырык-2. В знаменитых барельефах Персополя (V в. до н.э.) изображены представители различных народов, этническая принадлежность которых удостоверена надписями того же времени (Рис. 121). По данным Персополя, в Западной Азии преобладала распашная одежда. И только саки и хорезмийцы были одеты в распашные халаты. Для народов Дальнего Востока (японцы, корейцы, китайцы, монголы), Приморья и Южной Сибири характерна только распашная одежда [26, с.35-36].

При реконструкции раннесакского исторического костюма мы установили достаточно интересные исторические параллели нашего материала с хорошо сохранившимся подлинным костюмным материалом эпохи бронзы и начала раннего железного века из соседнего Синьцзяна. В захоронении в Загунлуке обнаружена верхняя распашная одежда, сшитая из грубой толстой шерстяной ткани. Она коричневого цвета, края рукавов у запястья и подол обшиты широкой полосой крас-

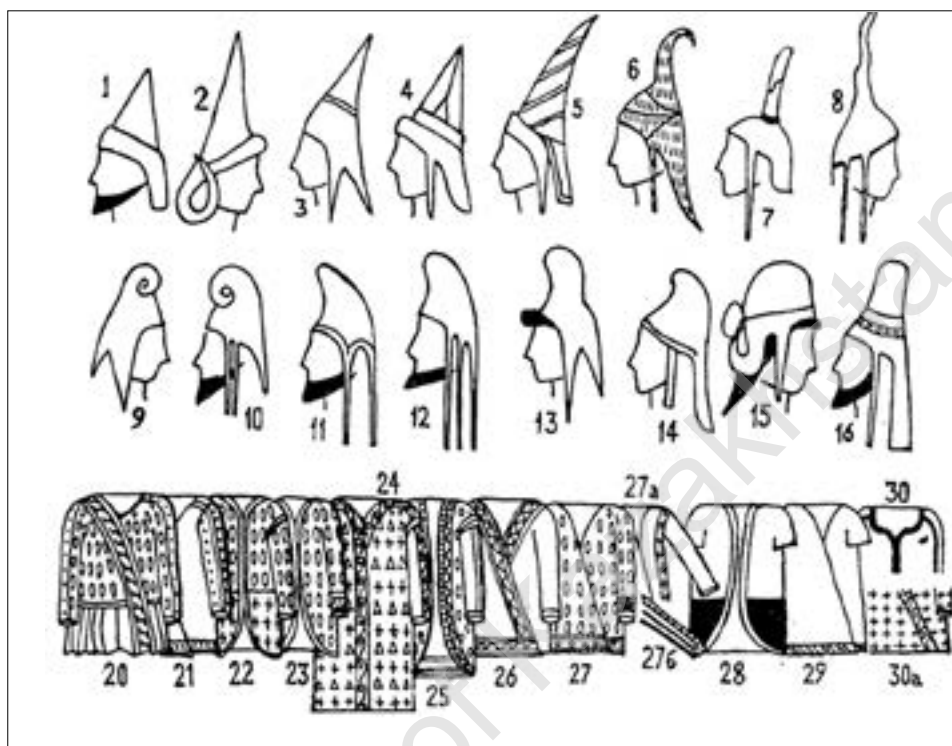
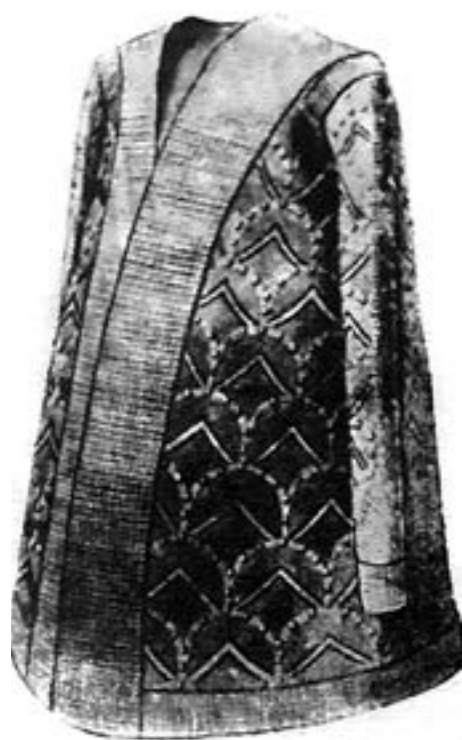

Рис. 114. Катандинский шапан

Рис. 115. Костюм предполагаемых ранних скифов (по С.А. Яценко)

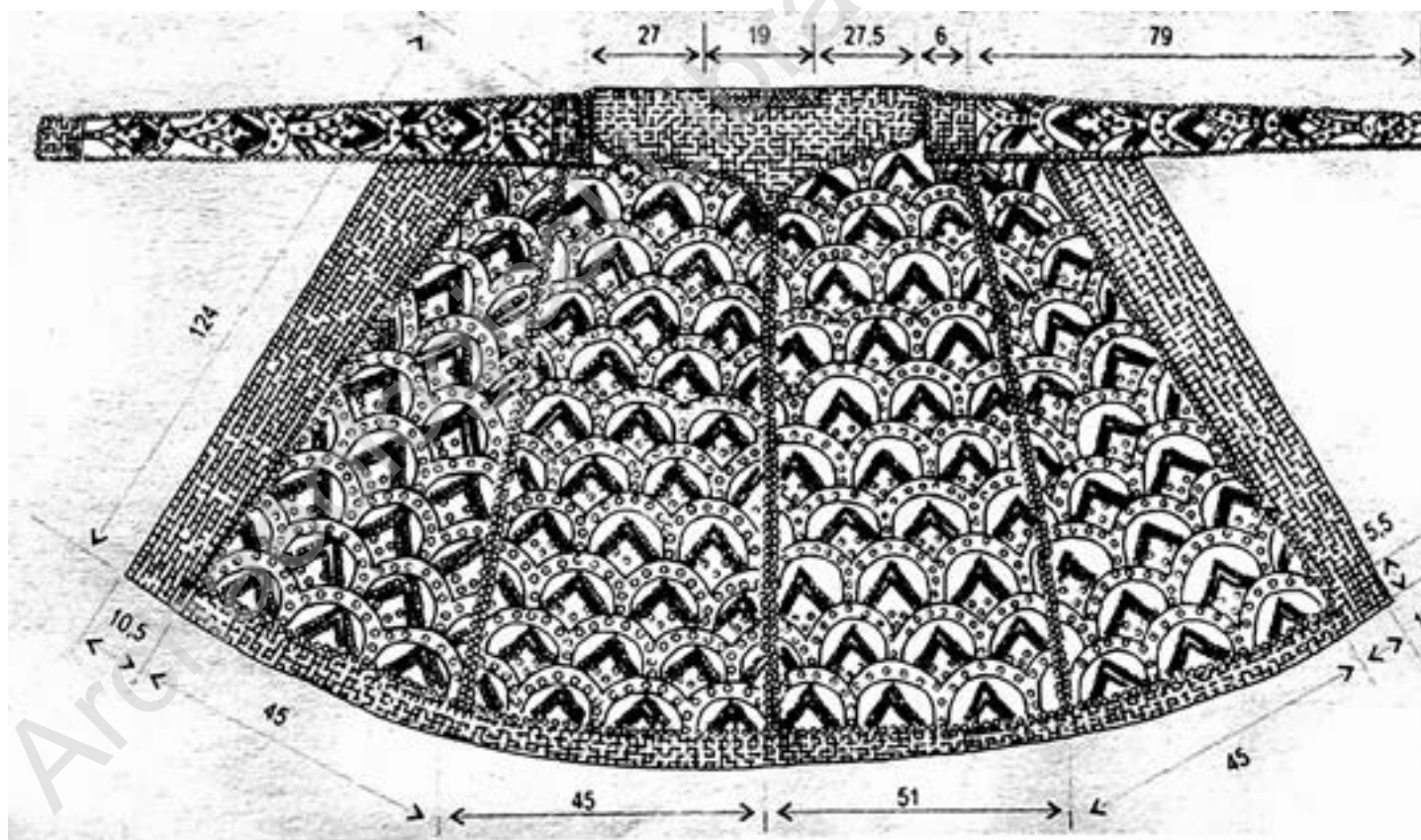

Рис. 116. Вид катандинского шапана в развороте

ной ткани. Халат не был надет на покойника, а просто наброшен на погребение. Исследователь Саемгани считает, что, видимо, при жизни его носили как накидку, т.е. это была одежда типа кандиза, который широко известен в иранском мире [27, с.22]. Одежда из Загунлука подтвердила, что в эпоху энеолита и бронзы бытовала традиция обшивать конструктивные швы декоративными элементами. Узкие длинные декоративные рукава типичны не только для мужской, но и для женской парадной одежды, и не только в горном Алтае, но и у западных причерноморских скифов, насколько об этом можно судить по известному изображению богини на золотой пластине из Чертомлыцкого кургана. Привлекает внимание одежда сидящей на троне богини, изображенной на войлочном ковре, из пятого Пазырыкского кургана. Перед ней стоит конный воин. На самой богине очень длинная, до пят, широкая, но с узкими рукавами одежда с узорчатым оплечьем и узорчатыми полосами, нашитыми на полы. С.И. Руденко связывает происхождение катандинского кафтана с мидо-парфянской одеждой [23].

Манера ношения одежды тоже имела определенную символическую семантику. У персов был обычай ношения кандиса в накидку. Обычно надевали рукава кандиса только перед правителем. У поздних скифов-пазырыкцев явно был распространен носившийся в накидку длинный парадный халат, шуба типа мидийско-персидского покроя — кандис. Манера носить одежду в накидку у местного населения Восточного Туркестана (Хотана, Кучара, Турфана) встречается в росписях Пенджикента, Балалык-тепе, Варахши, на изделиях согдийской короластики и торефтики [28, с.198]. Мы предполагаем, что высшая элита и правители ранних саков также носили чапан в накидку (Рис. 121а). Борта и полы верхней одежды из Юстыдских курганов Алтая украшались изящными кожаными аппликациями в виде длинного ряда стилизованных голов грифов. По мнению В.Д. Кубарева, эти приемы, равно как и традиция украшать одежду разнообразными аппликациями, наиболее характерны для пазырыкской культуры [29, с.92-93].

Аналогичная традиция украшения одежды ранее нередко встречалась в элитарных курганах Алтая, в частности, во Втором Пазырыкском кургане, в Уландрыке [30]. Поэтому чапан шиликтинского человека по подолу мы украсили аналогичными стилизованными головами грифов. Борта и подол шиликтинского чапана выделены широкой полоской из светло-коричневого материала. Вообще, по бортам одежды очень даже вероятно аппликация. Потому что мы знаем, что скифы и саки с такой точностью и мастерством создавали аппликацию, что она иногда походила на самую изысканную вышивку [31, с.61]. В улан-

дрыкских одеждах аппликации нашивались на рукава, оплечья, на грудь и даже на спину. Они украшали и передний подол куртки [32, с.85]. Возможно, в некоторых случаях, обшлага рукавов, подол одежды были декорированы широкой полоской позолоченной кожи. Ведь скифам была знакома технология золочения этого материала [3, с.68]. Края полосы шиликтинского чапана обшиты золотыми бляшками в виде рифленой трубочки. Бляшки в виде трубчатого бисера, по всей вероятности, украшали линии конструктивных швов одежды. Середина полос украшена четырьмя бляшками типа «маска барса», установленными по кругу. Внутри круга вставлено по одной бляшке скифской пантеры (Рис. 113, 121a).

Таким образом, серия таких одинаковых узоров окаймляет борта и подол чапана. Узоры-кружочки отделены друг от друга полосками, составленными из трубчатого бисера. Плечи костюма окаймлены аналогичными широкими полосками темно-золотистых лент, края которых также оформлены трубчатыми бляшками. Спереди полоски предплечья полукругом соединяются с полосками бортов. Они украшены бляшками беркута-грифона и скифской пантеры (Рис. 113, 121a). Халаты архаического времени часто богато орнаментировались вертикальными рядами, в которых треугольники сочетаются с крестами, а на бортах, вдоль плечевого шва и швов рукавов – бегущей спиралью [3, 62].

В отдельных случаях в шиликтинских находках в земляных слоях был точно зафиксирован контур орнаментальной зоны бисера в форме равнобедренного треугольника. Наличие таких композиций из мелкого бисера больше всего предполагается на не мешающих движению видимых частях штанов или же в области ворота рубахи или тунки, которые одевались как рубашка поверх тела под кафтан. Чапан спереди сплошь покрыт бляшками. При этом в основном использовались бляшки в виде «маски барса». Такие или близкие к ним украшения в виде хищных и нехищных «великих зверей» не известны в сако-скифском искусстве Евразии, а среди шиликтинских находок являются самыми массовыми и, вероятно, имеют очень сложное мировоззренческое и сакральное значение. Маска барса или зверя кошачьей породы украшает весь передний борт чапана сплошными горизонтальными нашивками в шахматном порядке. Края между сплошными нашивками барса и подола и борта также оформлены S-образными сплошными узорами, составленными из бляшек грифона-беркута (Рис. 113, 121a).

Между подолом и сплошными рядами бляшек маски барса оставлено чистое поле. Оно занимает пространство шириной 25 см по всему подолу чапана. В этом пространстве мы разместили изображение рыбы породы сом, вырезанное из листового золота. Семантически нижняя часть чапана соотносится с нижним миром. Сюжет рыбы этой поро-

Рис. 117. Одежда древних саков. Реконструкция по археологическим материалам художника М.В. Баста

Рис. 118. Казахский шапан XVII века с золотым шитьем

Рис. 119. Казахский шапан XIX века

Рис. 120. Казахский женский камзол нач. XX века с металлическими украшениями

ды взят из находок С.С. Черникова в шиликтинских курганах [33, с.64]. Вообще, изображение рыбы «жайын» - сом часто встречается в искусстве саков Алтая и за ее пределами, в частности, в материалах Пазырыка, Башадара, Туэкты, Береля, Аржана, Укока [34].

Тыльная часть чапана состоит из двух бортов. Они также расшиты аналогичными с передними бляшками украшениями (Рис.113). Но следует отметить, что чапан-халат, как и вся одежда правителя, настроена на создание особого эффекта именно в передней, парадной части. В тыльной стороне бляшек меньше, они расположены не сплошь, а участками и в основном состоят из бляшек в виде маски барса. Плечевая часть шиликтинского чапана украшена достаточно плотно.

Вообще, бляшечный декор плечевой одежды в элитных курганах скифского мира встречается крайне неравномерно. В кургане Дорт-Оба около 500 треугольных бляшек располагались на плечах [35, с.174]. В шиликтинском чапане плечевая полоска темно-золотистого цвета, переходя на спину, формирует узорную ленту в виде фигурной скобки в районе лопатки, как в катандинском чапане [3]. Вообще, украшение тыльной части верхней одежды в области лопатки большим узорчатым покроем или просто узором широко документировано в сако-скифском костюме. В качестве примера можно привести изображение бегущего лучника на амфоре «мастера из Мюнхена 1410» из Эрмитажа. Здесь деталь кроя спинки изображена четко: верхняя часть имеет вшитый элемент в виде фигурной скобки «{» [3]. По данным С. Яценко, этот элемент кроя распашной одежды известен в изучаемое нами время на парадных длинных халатах-кандисах как у персов (статуэтка из Амударьинского клада), так и у пазырыкцев Алтая. На кафтане такой элемент неоднократно зафиксирован у саков Юго-Западной Сибири (золотая пластина «Охота в лесу» и ручка сосуда в виде фигурки всадника в Сибирской коллекции Петра I) и Семиречья (алтарь со всадниками из святилища под Алма-Атой, 1980 г.) [36].

При реконструкции украшения спинки шапана мы за основу брали мужскую одежду из второго Пазырыкского кургана (Рис. 111). В этом кургане найдена спинка мужской верхней одежды из собольего меха, которая была украшена аппликацией из тонкой кожи с наклеенными на нее золотыми кружками. Узор аппликации представляет собой пару голов оленя, обращенных друг к другу спинами, с необыкновенно длинными рогами-деревьями, отростки которых соединяются со стилизованными головками грифонов [30, с.105-106]. Таким образом, мы посчитали наиболее вероятным украшение спинки шиликтинского чапана аппликацией из кожи в виде головы оленя с длинными рогами (Рис. 113). Рукава шиликтинского чапана украшены в предплечьях и на концах рукавов бляшками в виде маски барса. Вообще, украшение рукавов

верхней одежды только у его края было характерно для скифских и сакских племен древности [3]. Отдельные группы саков и скифов уже в архаический период достигли такого искусства в шитье одежды, что швы в соединениях отдельных частей были почти незаметны. Например, в Уландрыке найдены небольшие фрагменты шерстяных и полотняных тканей, обрывки выделанной кожи, прошитые тонкими сухожильными нитями, настолько аккуратно, что швы почти незаметны [32]. Материал, из которого была сшита одежда шиликтинского человека, можно восстановить по аналогичным данным, полученным из захоронений Алтая, особенно, из мерзлых курганов. Судя по результатам археологических исследований, саки и скифы для изготовления одежды в основном использовали мех, кожу и войлок. Наряду с указанными материалами, одежда элитного, богатого слоя общества шилась также из текстильной продукции. Вообще, сакам были хорошо известны самые разнообразные ткани. Почти во всех курганах Алтая данной эпохи, где только могли сохраниться ткани, их образцов найдено в достаточном количестве. Ткани местной работы одной и той же техники встречаются в различных курганах, и притом нередко отдаленных один от другого. Самые ранние образцы пазырыкских тканей датируются V - IV вв. до н.э. В основном ткань шерстяная ткань из растительных волокон известна только в материале мужской рубахи из второго Пазырыкского кургана [30, с.112]. Образцы тканей и техника вязаных изделий из второго Пазырыкского кургана сходны с приемами выработки шерстяных изделий из Загунлука. Возможно, как полагают исследователи, часть изделий изготовлена у соседних народов [37].

По мнению Н.В. Полосьмак и Л.П. Кундо, пазырыкцы шерстяные ткани часто привозили из Восточного Средиземноморья [38]. Волокна пряжи этих шерстяных тканей чрезвычайно тонки. Максимальная толщина шерстинок только в редких случаях доходила до 50 микрон. Главную массу шерсти составляют шерстинки толщиной от 12 до 27 микрон, а в некоторых нитях толщина шерстинок не превышает 14 микрон. Таким образом, шерсть, употреблявшаяся для изготовления местных тканей, состояла только из пуха [30]. Найденные в ряде курганов лоскуты красной шерстяной ткани имеют простое полотняное переплетение с числом нитей на 1 кв.см в двух направлениях в среднем 11x17. Найдены также ткани, основа и уток которых переплетаются в саржевом (киперном) двустороннем переплетении с диагональным рисунком. При одной и той же технике изготовления такой ткани различные ее образцы существенно отличаются один от другого по плотности основы. Так, в одних тканях на 1 см приходится основы 15 нитей, утка 28 нитей, в других при 20 нитях основы около 35 нитей утка [30].

Особенно интересна плотная шерстяная ткань шириной всего 15

см, но в отрезках длиной до 2,7 м. Ткань эта двусторонняя, переплетение ее также саржевое, но она настолько плотная, что 1 кв. см при 15 нитях основы нитей утка 60. Нити утка так плотно прибиты одна к другой, что нитей основы совершенно не видно. Это дает особую прочность ткани [30]. В низовьях Сырдарьи в джетыасарских могильниках найдена богатая коллекция тканей из хлопка, шерсти, шелка [39]. Подкладка чапана, кафтана и нижней рубахи, по всей вероятности, была шелковая. Полихромный шелк, узорчатые ткани служат, как нередко было в Нойн-Уле и Пазырыке, покрытием шерстяных или войлочных частей одежды [40]. Происхождение шелка у пазырыкцев Алтая: исследователь Н.В. Полосьмак склонна связывать эту проблему с далекой Индией, а не с Китаем. Не соглашаясь с таким мнением, С.А. Яценко правильно, на наш взгляд, замечает, что местное шелководство существовало гораздо ближе к границам Алтая, чем таковое в Китае и Индии, и намного раньше, чем принято думать. Здесь ученый ссылается на коконов шелкопряда, найденных в погребении конца эпохи бронзы в районе Хотана (Синьцзян) [3]. По мнению Г. Майтдиновой, можно с уверенностью утверждать, что во II – нач. I тыс. до н.э. в Синьцзяне вырабатывались местные шелка, такое предположение можно сделать и относительно распространения шелка в Средней Азии [5]. При раскопках в Старой Нисе были найдены образцы шелковых тканей, изготовленных в Средней Азии и датируемых II-I вв. до н.э. [41]. Шелк широко применяли и гунны. Китайские авторы отмечали, что у гуннов женщины вышивают шелком по коже и ткнут шерстяные материи [31, с.188].

В древние времена в Средней Азии широко использовался шелковый материал. Археологические остатки шелка, парчи и др. текстиля рубежа н.э. и II в н.э. на территории Западного Туркестана достаточно хорошо охарактеризованы в работе Г.М. Майтдиновой [5, с.32-33]. Цвет чапана – любимый и часто встречающийся у саков и скифов красно-бордовый [31, с.78]. В цветовой гамме раннескифского костюма часто встречается красный цвет. Излюбленным цветом персов ахеменидо-скифского времени были пурпурный и другие оттенки красного цвета [3]. В Уландрыке детская кожаная куртка была красного цвета, в Юстыде для нижней одежды использовались тонкие шерстяные ткани, окрашенные в красный цвет [32].

Из памятников джетыасарской культуры также можно отметить текстильную одежду темно-розового или коричневого цвета. Большинство хлопчато-бумажных, шерстяных и шелковых наплечных одежд в мужских погребениях из могильника Алтынасар 4 окрашено в розовый цвет [42]. Основной тон и мужской и женской одежды джетыасарцев был розовый, красный [5, с.35]. По мнению Е.Е. Кузьминой, у индоиранских народов издревле каждый цвет соответствовал определенному

рангу человека в обществе: сословие жрецов избирало белый цвет, сословие рядовых общинников – желтый и синие цвета, воины, к которым принадлежал и царь, предпочитали красный цвет [43, с.93-94]. По данным С.А. Яценко, скифы архаического периода и классического времени предпочитали яркие расцветки – алый и пурпурные цвета, а также сочетание красного и зеленого, оранжевого [3]. Эти цвета также наблюдаются в отделке субешинских одежд из Восточного Туркестана [5].

У казахов, возможно, излюбленными цветами также были красный и зеленый. В казахском языке понятия «многоцветье», «красота», «торжественно» часто обозначались одним словосочетанием «кызылды-жасылды», т.е. «красно-зеленый», «красный и зеленый». Действительно микро- и макроскопические исследования органических остатков от одежды в Шиликтинской гробнице дали красный и зеленые цвета [44].

Таким образом, наиболее распространенной верхней одеждой сако-скифских племен Западного, Восточного Туркестана и Алтая была длинная верхняя одежда типа персидского кандиса. В. Шильц, исследуя историю появления кандиза, пришла к выводу, что кандиз был заимствован персами у мидийцев еще во времена царствования Кира [45]. Исследователь среднеазиатского костюма Г.М. Майтдинова, утверждая мысль о генетической связи мидийцев и центральноазиатских народов, полагает, что кандизы носили оседлоземледельческие народы Центральной Азии еще эпохи бронзы. При этом она ссылается на результаты раскопок китайских археологов 1991-1992 г. близ Турфана, в могильнике Субеши, которые дали важные материалы по костюму оседлого населения V–III вв. до н.э. [5].

В связи с этим вопросом нелишне будет привести мнение С.А. Яценко, который считает, что «вряд ли кандис был одеждой оседлых народов, так как в скифское время он надежно документируется у кочевников и полукочевников (скифы, пазырыкцы) или у персов, бывших в то время более чем на половину кочевым этносом». Вообще, по мнению того же ученого, кандисом корректно называть только одежду ниже колен, которую носили в накидку [3]. В одно время Н.В. Полосьмак высказывала мнение, что пазырыкский костюм, в особенности приемы кроя всех меховых изделий, включая шубы-кандис и нагрудники, по своему происхождению относится к аборигенному сибирскому фасону [46]. Правда, позднее исследователь изменила свое мнение в пользу иранского происхождения пазырыкского костюма [47, с.145].

В Синьцзяне в могильниках Загунлук и Субеши найдены также халаты, по всем основным параметрам соответствующие кандису скифской эпохи [48]. По мнению Г.М. Майтдиновой, сакские, бактрий-

ские, согдийские, хорезмийские верхние одежды длиннее, чем субешинские, а глухие воротники и длина одежд бактрийцев более сближаются с иранскими [5]. На амударьинских пластинах персонажи в кандизах держат в руках пучки прутьев – барсом, или барэсман (атрибут жрецов-магов), но иногда рядом с барсом на боку жреца изображались мечи, т.е. персонаж мог быть не только жрецом, но и военным. Верхняя одежда типа кандиза найдена в Пазырыкских курганах в мужском и женском костюмном комплексе [49]. По мнению Г. Майтдиновой, мода на эту одежду настолько была сильна, что с середины V в. до н.э. она трансформируется в Аттике в легкую льняную накидку, декорированную золотыми пластинами [5]. По ее мнению, в среднеазиатском же ансамбле кандиз используется на протяжении всей истории костюма [5, с.247].

Кафтан – широко распространенная у саков и скифов форма одежды. У шиликтинского человека кафтан был ярко-красного цвета с открытым воротом, запахивался справа налево. Длина до низа бедер, подол горизонтальный. Основное украшение кафтана составляют бляшки в виде орла-грифона. Борта и подол кафтана подчеркнуты открытой красной полоской, которая обрамлена мелким трубчатым бисером. Полоски ворота и бортов украшены бляшками оленя, а между ними по горизонтали идут золотые листовые полоски. Полоса подола по краям украшена также трубчатым бисером и листовыми полосками. Среднюю часть полосы подола декорируют бляшки в виде волка-медвежонка (скифская пантера) (Рис. 121а). Подол всех вариантов кафтанов у скифов архаического периода имел декоративную полосу. Обычные орнаментальные мотивы – зигзаг, «бегущая волна», ряд круглых бляшек между двумя горизонтальными полосками. У классических саков кафтаны украшались в основном вдоль бортов, у края подола и у проймы рукавов [3].

Вообще, у саков кафтаны были различных типов. Один кафтан, найденный в захоронении третьего Пазырыкского кургана, сшит из тонкого, в два слоя, белого войлока, с разрезом на груди сверху донизу. Правая его пола запахивалась на левую сторону и завязывалась при помощи специальных лент [30]. В ряде случаев кафтаны безрукавные документируются у персов и саков Центрального Тянь-Шаня. Например, в изображении перса из Амударьинского клада [3]. По-другому оформлен костюм иссыкского воина. Его кожаная куртка-кафтан сплошь обшита мелкими треугольными золотыми бляшками на бронзовой основе [50]. Вообще, скифо-сакские кафтаны традиционно были длиннее иссыкского, доходили до колен. Скифы обязательно запахивали кафтан справа налево, либо полы не сходились и держались лишь при помощи пояса. Архаичные мужские кафтаны иногда шились из пестрой ткани одного вида, с вертикальными рядами крестиков или удлинённых

овалов и ромбов. Плечевой шов подчас закрывала полоска ткани, иногда украшенная рядом круглых бляшек [3].

Мужской комплекс одежды из Загунлука состоял из короткого кафтана коричневого цвета с V-образным воротом, борта, концы рукавов, а также конструктивные швы были обшиты тонкими, красными витыми шнурами. Мужчины носили кафтан с длинным поясом с завязкой спереди [5, с.161]. Мужской костюм Субеши V в. до н.э. состоит из кафтана с V-образным вырезом, борта которого обшиты тонкой кожаной тесьмой и скреплены шерстяными нитками, рукава до запястья имеют широкий обшлаг (кожа сдублирована на рукаве), длина до середины бедер. Кафтан сшит из тончайшей кожи мягкой выделки, которая по эластичности не уступала текстилю [5, с.171].

Здесь интересно отметить прямую преемственность костюма из могильников Субеши и мумий эпохи бронзы начала нашей эры, одежда которых прекрасно сохранилась в условиях пустынного климата [3, с.109]. По мнению Е.Е. Кузьминой, в андроновскую эпоху у скотоводческих племен Евразии появился характерный костюм: мягкие сапоги, длинные брюки, куртка-кафтан и войлочный островерхий колпак [51, с.17]. В сако-скифском мире нижняя нераспашная одежда типа рубахи документирована очень редко. Мужская рубаха из первого Пазырыкского кургана сшита из довольно тонкой белой ткани полотняного переплетения с нитями из волокон кендыря. Она длинная, доходит до колен и широкая. Характерно отсутствие разреза на груди и пришивного воротника. Ворот круглый, обшит довольно широкой полоской красной шерстяной тесьмы, такой же тесьмой обшиты и концы рукавов [52].

Среди органических остатков одежды в гробнице кургана Байгетобе были выявлены элементы шелка. Мы предполагаем, что нательная рубаха шиликтинского правителя была сшита из шелка. Ведь ученые доказали, что в исследуемом регионе из шелка были сшиты женская рубаха из Ак-Алахи 3, мужская рубаха из могильника Уландрык 1, нагрудник из Катанды [3, с.86]. Среди снаряжения и одежды, которой обеспечивались мертвые для жизни в мире ином, долгое время не находили штанов. В.Д. Кубарев в свое время полагал, что «эта особенность, характерная для погребальной обрядности населения пазырыкской культуры, возможно, отражает широко распространенное в древности представление о продолжении деятельности человека и после его смерти. Поэтому отсутствие штанов в курганах, очевидно, объясняется желанием обезвредить «живого мертвеца», не дав ему двигаться и появляться среди живых людей» [32]. Позднее штаны впервые были найдены в Ак-Алахе [53]. По данным С.А. Яценко, такой обычай был присущ только для населения восточной части горного Алтая, в других частях Алтая в действительности штаны были найдены в могильнике Катанда 1 в 1865-

ом, в могильнике Туэкта в 1954 году [3].

Для нас особый интерес представляют штаны из туэкта, сшитые из замши, с широким шагом и широкие внизу. Кроились эти штаны из более чем 400 разноцветных лоскутов. На каждой штанине было нашито вертикально по семь ажурных кожаных золоченных полосок с прорезным орнаментом внутри в форме кругов и квадратиков [3]. Реконструированные шиликтинские штаны неширокие, плотно прилегающие к телу. В этом отношении они схожи с катандинскими [54]. Такие штаны заправлялись в широкую в голенищах, выше колен обувь. Штаны шерстяные, декорировались бисерным золотом, формирующим полосочные узоры по вертикали, как в туэктинских штанах. Узоры в виде кружочков, S-образных сплетений и прямых полосок (Рис. 113, 121а). В скифском мире встречаются костюмы, в которых шаровары украшались бляшками в виде крестика или кружка. У рядовых саков штаны чаще были из меха или войлока, длинные, суженные к низу, заправленные в сапоги. В материалах из могильника Субеши встречаются штаны шерстяные, длиной до колен, которые в свою очередь заправлялись в длинные, выше колен, кожаные сапоги [55]. По нашему мнению, сакская элита носила штаны с лампасами по внешним швам. Лампасы встречаются у пазырыкцев, ахеменидских персов, ранних скифов и саков [3]. Головной убор шиликтинского человека имел овально-конусовидную форму. Овал внутреннего проема шапки повторял форму головы человека. Длина шапки колебалась в промежутке 30-40 см. Верхняя часть конуса имела твердую основу и небольшой наклон вперед (Рис. 121а). В нижней части убора имелся назатыльник и наушники в виде широких и продолговатых клинов-полей на мягкой основе. Головной убор такой формы и фасона достаточно широко встречается у саков, скифов и персов ахеменидского периода. По Геродоту, «кирбасии» саков – это остроконечные шапки из войлока, стоявшие прямо [2, с.64]. «В такие головные уборы одеты саки в сцене битвы с персами на персидском цилиндре», – пишет один из исследователей скифского головного убора [56]. По мнению Т.В. Мирошиной, башлыкообразные высокие головные уборы существовали у скифов и их ближайших соседей со времен архаики [56, с.82-83]. Головным убором андроновцев были островерхие шапки или колпаки с отдельно пришитыми наушниками [57]. Как видим, головные уборы скифов очень разнообразны, начиная от золотых, украшенных драгоценными камнями диадем, ажурных ободков высотой до 4 дюймов или золотых шапок на подкладке из кожи или красного войлока и кончая резными деревянными коронами или рельефными кожаными башнями, приделанными, как в Пазырыке, к верху войлочных колпаков [31, с.154].

Вообще, на Алтае в сакское время было распространено два основных типа головных уборов. Одни имели конусовидную форму с

Рис. 121.
Рельеф Персополя.
V-IV вв. до н.э. Изображение саков

Рис. 121а. Шиликтинский
«золотой» человек

высоким и узким верхом и широкими полями, прикрывающими затылок и уши. Другие - в виде плотно облегающей голову шапочки с лопастьями [32, с.94]. По мнению К.А. и А.К. Акишевых, в древнем кочевом обществе головной убор человека, «корона, кулах или инвеститурные эмблемы... играли ту же роль, что и герб страны» [58], то есть головной убор служил этническим определителем. Эта традиция дошла до поздних времен. Например, среди восточных казахов тумак (островерхий шапки) по форме делились на «найман тымак» и «керей тымак» (Рис. 123, 124, 126). На больших сборищах люди внешне по тумакам легко определяли родоплеменную принадлежность того или иного человека. Мужские головные уборы найдены во втором и третьем Пазырыкском кургане. Головной убор из второго кургана высоковерхий, с широкими полями, прикрывающими уши и затылок, сшит из войлока [52, с.98].

Особый интерес представляет меховой головной убор с богато орнаментированной парчовой облицовкой, выставленный в музее г. Урумчи. Артефакт найден с памятника Алара и датируется в промежутке времени 960-1279 гг. По нашему мнению, этот головной убор принадлежит представителю из раннесредневековых скотоводческих народов тюркской группы. Здесь представлена какая-то переходная форма головного убора между островерхими, конусовидными сакскими и высоковерхими казахскими тумакми (Рис.122).

Основу высокого конусовидного калпака, по-видимому, составлял плотный войлок, который держал форму. Такие головные уборы точно документируются в персидских изображениях саков на большом фризе в Персополисе (Рис.121) и в греческих изображениях скифов. В Куль-Обской вазе изображены трое мужчин. Их башлыки имеют заостренную верхушку с боковыми и задними лопастьями до плеч. По краям и по низу башлыка идет орнамент из точек, опускающихся на плечи. Шапка остроконечная с назатыльником из кожи или войлока [56, с.80]. По нашему мнению, поздние казахские тумакми с высоким верхом, назатыльником и наушниками, а также летне-осенний легкий головной убор «кулапара», «желбегей» своими корнями восходят к высоким конусообразным шапкам саков.

Казахский тумак (тымак) – это шести-, четырехгранный островерхий головной убор, с длинным, широким назатыльником и коротким наушником (Рис.123, 124, 126). Основание этого убора часто составляет тонко отделанная, плотная кошма. По нашим представлениям, головной убор шиликтинского человека декорирован достаточно богато. Восстановить порядок размещения на головном уборе золотых украшений оказалось делом очень сложным. При решении этого вопроса мы часто обращались к материалам иссыкского золотого человека. Мы считаем, что иссыкский и шиликтинский золотой человек по

многим культурно-историческим параметрам относятся к одной этнической группе саков – саков-тиграхауда. В свое время К.А. Акишев в ареал распространения саков тиграхауда, наряду с регионами Шаша (Ташкента), Северной Киргизии, Южного Казахстана и Семиречья включал Южное Приаралье и горный Алтай [59].

При составлении композиции рисунка, при размещении золотых фигур и сюжетов на различных частях головного убора мы руководствовались семиотическим, знаковым содержанием и составляющими тех или иных образов из арсенала шиликтинских находок. Для конструирования колпака шиликтинского человека наряду с уже вышеуказанными украшениями были использованы отдельные экземпляры почти всех основных зооморфных и «птичьих» сюжетов, таких, как архар, олень с поджатыми ногами, олени со сросшимися рогами, волко-медвежонок, орел-грифон. При этом порядок размещения нарядных форм, определение их месторасположения производились на основе конкретных историко-культурных, типологических аналогий из известных, в той или иной степени документированных артефактов сако-скифского времени. В некоторых случаях такая работа производилась чисто интуитивным путем, где наряду с семантическим значением украшений принимались во внимание и пространственная симметрия на поверхности той или иной части одежды, и эстетическое соответствие украшения локализованному пространству (Рис.121а).

При восстановлении украшений головной убор по горизонтали условно был разделен на четыре орнаментальные зоны. Первая зона – срединная, анфасная (лицевая) часть колпака, вторая – тыльная (задняя) часть конуса и затылочный клинок-поле, третья и четвертая – правый и левый бока убора (Рис.121а). Вообще, вся одежда золотых людей сако-скифского времени была создана по принципу особого эффекта и парадности именно с переднего плана. Исходя из этого, древний художник особо старался придавать «впечатляющую картину вычурности, пышности и парадности» именно лицевой стороне шапки [59, с.45].

Руководствуясь такими принципами древнего художественного оформления, по середине лицевой стороны шапки по вертикали установили две костяные прямоугольные пластины с треугольными окончаниями. Эти костяные пластины, покрытые листовым золотом, были найдены на мужском черепе в захоронении сакского кургана № 4 этой же эпохи, расположенной в 400 м к северо-западу от Байгетобе. Сердину лицевой части головного убора иссыкского человека по вертикали украшают очень похожие на наши две длинные прямоугольные пластины, заканчивающиеся по обоим концам пластинами треугольной формы. Мы между этими пластинами в одной из самых видных частей убора

установили пятиконечную золотую звезду с лазуритовыми и костяными вставками. Вообще, и в этом сюжете наряд шиликтинского головного убора почти повторяет иссыкский. Дело в том, что в иссыкском головном уборе на центральной пластинке краской схематично нарисованы пятиконечные звезды [60].

Я полагаю, что пятиконечная звезда, установленная на самом видимом месте головного убора шиликтинского человека, непременно была связана с символикой власти, была предметом особого инвестирующего знака, указывающим на высокий ранг его носителя в социально-политической лестнице кочевого сакского социума. Край лобной части головного убора несколько вывернут наружу. Чуть выше лба установлена бляшка в виде птицы с распростертыми крыльями. Такая бляшка, но меньшего размера, была найдена в Шиликты в кургане № 5 во время археологических раскопок экспедицией С.С. Черникова. По обе стороны от крыльев птицы с небольшим уклоном в разные стороны установлены украшения в виде перьев птицы. Вообще, украшение красочного головного убора птичьими перьями встречается широко как в сако-скифской культуре, так и у поздних народов на территории Казахстана. При размещении украшений в боковых орнаментальных зонах соблюдался принцип парности однотипных бляшек на обеих сторонах шапки. В качестве украшения верхней части боковых половин шапки мы использовали украшения в виде дерева (Рис.121а).

Это вырезанные из листовой пластины изображения дерева с пришитыми дырочками на концах ветвей. Такие украшения широко встречаются в сако-скифском культурном пространстве и в казахских головных уборах типа «қалпақ» (Рис.121б) и расшифровываются как символ мирового дерева [61]. Золотые массивные архары украшают бока второго уровня убора. Третий уровень – участки в районе темени и уха - декорирован оленем с поджатыми ногами, оленями со сросшимися рогами, волком-медвежонком и горными козлами. Олени с подогнутыми ногами на головном уборе были задокументированы в скифском кургане Синявка. Голова человека из кургана Синявка была покрыта золотыми пластинами с изображением лежащих золотых оленей [31, с.153], а бляшки были даны в виде горного козла в кургане у с. Бобрицы [56].

Такие раннескифские персонажи, как баран, дикий кабан, тигр, совершенно исчезают в позднескифском искусстве: «фигурки баранов, очевидно, равнозначны фигуркам коней как по смыслу, так и по композиционному расположению их на головных уборах», – пишет В.Д. Кубарев [32]. Золотые фигурки архаров венчали головные уборы погребенных в уникальных памятниках тилля-тепе [62]. Головной убор из выделанных меховых шкур, найденный во втором кургане группы

Рис. 121б.

Казахский войлочный калпак

Уландрык 1 с наружной стороны был желто-коричневого и красного цвета. В лобной части шапочки был заложен небольшой листик золота. Шапочка из Уландрыка своей формой и покроем напоминает мужской головной убор из второго Пазырыкского кургана [32].

Бляшки из дерева, обернутые в золотой лист в виде полусферической формы, вырезанные в виде цветка с семью вихреобразными лепестками, были обнаружены в мужском погребении кургана 1 могильника Ташанта 1. Эти бляшки, судя по их расположению в погребении, нашивались не только на одежду, но и на головной убор. Нахождение их рядом с черепом свидетельствует о том, что бляшки были нашиты на нижний край войлочного высоковерхого калпака, подобного головному убору из второго Пазырыкского кургана», — пишет В.Д. Кубарев [32]. По нижнему краю полей головного убора из Пазырыка пришит ряд кожаных кружков, крытых листовым золотом [63]. В Уландрыке нашивные бляшки были нашиты на нижний край войлочного высоковерхого колпака (подобно головному убору из Второго Пазырыкского кургана) [32].

Очень вероятно, что нижние поля высокой шапки-ушанки шиликтинского человека также были украшены плотными рядами круглых бляшек (Рис.121а). В Алтынасаре (IV в. до н.э.) головные уборы украшались по краям перевитыми толстыми нитями и сплошным рядом бронзовых и серебряных нашивных полушарных бляшек. Спереди они дополнительно украшались различными нашивными, плоскими или выпуклыми круглыми металлическими орнаментированными бляшками. У некоторых головных уборов по бокам на нитях, с нанизанными на них бисеринками, были подвешены бронзовые круглые пластинки. Иногда на головные уборы спереди нашивались сделанные из тонких рифленых бронзовых листиков своего рода «ромашки». Головной убор украшали пять «ромашек, и состоял он из чередующихся двуслойных полос красного шелка, полосок позолоченной кожи и рядов позолоченных кожаных треугольных фестонов» [5, с.118]. По мнению Г. Майтдиновой, сакская одежда отличается от согдийской и хорезмийской формой головных уборов: у саков более высокий остроконечный вертикальный верх [5, с.169]. В короластике, найденной в Гиссарской долине, отражен местный тип головного убора — островерхий головной убор с завязкой под подбородком [5, с.191]. Мы предполагаем, что высоковерхая коническая шапка должна была иметь внутри какую-нибудь твердую основу.

Из материалов раскопок известны специальные палочки или рифленые, с небольшим изгибом палки, удерживающие форму высоковерхих шапок или причесок. Кубарев по этому поводу замечает, что, «возможно, резные дощечки одновременно служили каркасом для шапок, сшитых из мягкого материала, и являлись своеобразным «золотым» обрамлением пышной прически» [32, с.94-95]. Такие палочки,

найденные во многих погребениях Юстыда, Кубарев также считает элементами жесткого каркаса убора. Нам думается, такую роль в шиликтинской шапке играл деревянный зубец, крытый листовым золотом, украшавший заднюю часть шапки по вертикали. Или же такую роль в шиликтинской шапке играли длинные вертикальные гребешки-зубцы из золотой пластины, пришитые к соединению в задней части калпака, которые кроились из симметричных лопастей цельного куска войлока по вертикали.

Традиция украшать головной убор деревянными зубцами, пришитыми к верху шапки, нашла отражение на одном из головных уборов из Пазырыка. По этому поводу Т. Райс пишет: «Очень соблазнительно считать ее отличительным знаком высокого положения или ранга, по сути чем-то вроде короны» [31, с.63]. Нам кажется, деревянный или пластинчатый зубец, обрамляющий шиликтинскую шапку сзади, играл не только роль жесткой опоры высокого убора, но и вместе с тем на верхней оконечности этой опоры могла быть установлена фигура оленя. По мнению исследователя костюма Древней Евразии С.А. Яценко, макушку островерхих уборов, аналогичных нашим шиликтинским, могли венчать три различных животных: чаще кони, иногда быки или орлы [3].

Из известных нам сюжетов шиликтинских золотых украшений больше всех на эту роль подходил сюжет, связанный с фигурой оленя, рога и хвост которого изображены в виде орлиных голов. Такой сюжет был найден в 7-ом кургане группы Шиликты (Рис.121а). На макушке шапки установлена фигура оленя, откинутого на спину. Рога оленя выполнены в виде стилизованного грифона, пожирающего его заднюю часть. Эта золотая бляшка встречается среди шиликтинских находок С. Черникова [64, с.63]. Вообще, такая традиция не чужда для памятников алтайских саков. Например, деревянные наверхия подобны уландрьским, кожаные наверхия напоминают изделия из юстыдских курганов. Они, как правило, представляли одиночные скульптурные изображения коней, птиц, обернутые в листовое золото.

По мнению того же В.Д. Кубарева, мастерски выполненные скульптурные изображения коней из Катандинского кургана нужно рассматривать «в качестве наиглавнейших атрибутов сакрального головного убора». Известному иссыкскому кулаху в виде наверхия крепилась золотая фигурка архара. Вообще, наверхия-украшения в виде зооморфных или птичьих фигур широко известны в сако-скифском мире. Дальняя реминисценция этой традиции дошла до казахских тумачков, украшенных пучком птичьих перьев на макушке. До настоящего времени казахи из племенной группы керей, проживающие на Алтае (территория Монголии и Китая), самый верх головного убора тымак украшают пучком перьев филина (Рис.121).

Форма головного убора и зубчатые гребешки, украшающие высоковерхую шапку шиликтинского человека, имеют дальнюю параллель с тиарой персонажа на «кратере Дария» из Национального музея в Неаполе [3]. Зубчатые гребешки на задней стороне шиликтинской шапки можно сравнить с культом солнца [58]. Зубчатые золотые пластины найдены в кургане № 4, № 8 могильника Юстыд XII [65]. Зубчатые золотые пластины известны по находкам Иссыкского и Чертомлыкского курганов [59]. Клины подбородочной части убора украшают бляшки в виде беркута-грифона. Украшения в виде шпилек, с фигурками коня, оленей, горного козла, головы хищной птицы, найденные на Пазырыке, Уландрыке, в могильниках Тувы, тагарских и таштыкских курганах, по мнению В.Д. Кубарева, служили не только для скрепления прически, но и являлись украшениями [32]. Мы думаем, традиция украшения самого верха головного убора аналогичными зооморфными фигурками берет свое начало именно с женских шпилек. В Уландрыкских и Юстыдских мужских захоронениях В.Д. Кубаревым были найдены деревянные гребневидные навершия, увенчанные объемными изображениями коней, покрытыми листовым золотом.

По мнению исследователя, эти пластины-навершия непременно типично мужские и, вероятно, они очень схожи с позднейшим вариантом настоящего боевого шлема сако-юэчжийских кочевых племен Центральной Азии [32]. Самый верх головного убора шиликтинского человека, по всей вероятности, имел навершие в виде зооморфного образа. Деревянные наконечники шпилек с навершием в виде фигур животных или деревянные гребневидные навершия с фигурой коня в мужских головных уборах встречаются в Уландрыке [2]. Подобные «гребневидные» деревянные пластины найдены в двух курганах Юстыд. Как и в уландрыкских, они обложены тонкими листами золота и увенчаны объемными изображениями коней. В.Д. Кубарев утверждает, что аналогичные пластины-навершия были типичны только для мужских головных уборов. Эти материалы обосновывают навершие и гребень в головном уборе шиликтинского золотого человека, хотя, конечно, уландрыкский и юстыдский материал относится более позднему периоду сако-скифской эпохи.

В джаркутанском могильнике исследователи обычно находили в черепе шпильки с навершиями в виде архара, розеток, птиц, граната [5]. Весьма вероятно, что нижний край лицевой части головного убора шиликтинского человека был украшен диадемой, аналогично украшениям, найденным в Уландрыкских могильниках [32]. В эпоху бронзы диадемы в виде гладких, узких или более широких бронзовых полосок были известны в минусинской котловине. Они продолжают бытовать там и в скифское время [66]. Точно такие же гладкие и узкие золотые

Рис. 122.

Меховой головной убор с парчовой облицовкой. 960-1279 гг. Памятник Алара (Синьцзянь)

Рис. 123. Казах в головном уборе «тымак», украшенный парчовой облицовкой

Рис. 124. Одна из разновидностей казахского головного убора «тымак»

Рис. 125. Типы головного убора скифского времени (по С.А. Яценко)

Рис. 126. Казахский головной убор «тымак», украшенный парчовой облицовкой

диадемы, которые А.Д. Грач назвал пекторальями, найдены в Туве [67]. Вообще, этнографический казахский тымак, в особенности его молодежный вариант, был покрыт шелковой или другой блестящей тканью со сплошными узорами в виде кружочков, лепестков, крестиков, треугольников, ромбиков и т.д. Не мудрено, что украшения эти также являются далеким отголоском традиций ранних сако-скифских кочевников украшать головной убор различными сверкающими бляшками. По данным В.Д. Кубарева, головные уборы всех категорий погребенных (мужчин, женщин и детей) часто украшали наряду с резными фигурками зверей, птиц и подвески, покрытые листовым золотом [32].

Среди шиликтинских золотых изделий встречаются золотые подвески в виде колокольчиков. Думается, аналогичные подвески-колокольчики украшали нижний край лицевой части убора. Они висели плотными рядами, как сосульки, в лобной части убора. Правда, традиция украшать лобную часть убора такими подвесками у поздних народов сохранилась только в женском и детском наряде. В связи с этим мы пришли к мнению, что многие древние традиции в оформлении одежды, ее украшения в средневековье и новое время быстро исчезли, в первую очередь, у мужчин. Это было связано с идеологическими установками мировых религий (ислам, христианство, буддизм), новыми традициями в материальной и духовной культуре народов. Но даже в таких новых условиях традиционные, тем более архаичные, чуждые для последующих эпох, формы одежды и ее украшения в той или иной мере, в несколько видоизмененном виде сохранились, прежде всего, в детской и, частично, в женской одежде (Рис.120, 128, 130).

В головном уборе шиликтинского человека зооморфное изображение выделяется реалистичностью персонажей, большими размерами и сложной конструкцией, что служили своеобразным символом высокого социального положения его носителя. Среди многообразных фасонов головных уборов согдийцев особой популярностью пользовались островерхие шапки-клобуки, как в древности [5]. По мнению М.И. Артамонова, на амударьинских пластинах даны изображения саков в головных уборах с завязками под подбородком [68]. Шапки эти похожи на субешинские. Общеизвестно, что головные уборы часто выступают главными этническими показателями. У саков-тиграхаудов – остроконечные высокие войлочные шапки, но, судя по рельефам Накши-Рустам, верхняя одежда согдийцев, хорезмийцев, саков-хаумаварка, саков-тиграхауда идентична. Страбон отмечает, что согдийцы и бактрийцы мало отличались от номадов. Геродот пишет, что массагеты одеждой и образом жизни походят на скифов, и что головные уборы, пояса и перевязи украшают золотом, а в другом месте подчеркивает, что у бактрийцев головные уборы очень похожи на индийские, а саки-скифы носят на голове прямые шапки с острым верхом [69]. По мнению Г.

Майтдиновой, в характере одежды субешинцев отражается кочевническая идеология тех народностей, которые уже вели оседлый образ жизни, но не порывали связи с прежним образом жизни [5]. Во время раскопок, проводимых экспедицией В.Д. Кубарева, в более чем 20 погребениях были найдены обрывки головных уборов. От них остались многочисленные нашивные бляшки из золота, диадемы, деревянные навершие, шпильки, большое число фигурок различных животных. «Одни из них, очевидно, – пишет В.Д. Кубарев, – были в виде кулаха – конического колпака с полями-лопастями, прикрывающими уши и шею. Высота их варьировалась от 35 до 50 см. Для удержания таких высоких головных уборов в вертикальном положении делалась жесткая основа из листов бересты или каркас из двух-трех тонких палочек, которые были найдены во многих погребениях Юстыда [32; 65]. Головные уборы рядовых кочевников Юстыда и Уландрыка в основных чертах совпадают с головными уборами, найденными в алтайских погребениях кочевой знати [65]. Шлемевидные головные уборы Юстыда иногда имели навершия в виде деревянных пластин длиной 8 - 9 см, толщиной 0,5-0,6 см. Одно навершие увенчано скульптурной фигуркой коня [65]. В кургане 2 Юстыд 1 было обнаружено кожаное навершие. Аналогичные навершия были найдены и в курганах Уландрыка [32].

Все эти навершия были полностью покрыты листовым золотом [65]. Эти головные уборы и деревянные «гребневидные» навершия, впервые найденные в непо потревоженных погребальных комплексах Алтая, имеют для нас несравненно важное фактологическое значение. Островерхие шапки сако-скифского времени вообще берут свое начало с эпохи бронзы. Так, они известны уже в эпоху ранней и развитой бронзы у племен Прибайкалья [70].

Е.Е. Кузьмина считает конусовидные высокие головные уборы и высокие кожаные сапоги, отчасти нагрудники традицией андороновцев [71]. В.Д. Кубарев, рассматривая головные уборы из Юстыда, Уландрыка, Пазырыка, делает вывод: «Именно здесь, в центрально-азиатских степях, в среде кочевников зародилась идеологическая основа и многие изобразительные символы инвеститурного головного убора» [65]. По мнению исследователя, у древних алтайцев головные уборы украшались также массивными золотыми кокардами, многочисленными золотыми бляшками в виде птиц, розеток и стилизованных бычьих голов, нижний край головных уборов в отдельных случаях обрамляли налобные повязки или деревянные диадемы [65, с.114].

Мужской комплекс одежды из Загунлука состоял из островерхой войлочной шапки или облегающей вязаной шапочки с воткнутыми птичьими перьями сбоку [5, с.161]. Начиная с VII-V вв. до н.э., именно в сакской среде на севере среднеазиатского региона впервые в мужском костюмном комплексе встречаются украшения – серьги в левом ухе,

ожерелья из бус, декорировка головных уборов бусами. Но браслеты оставались сугубо женским украшением [5, с.137]. Серьги – обычное украшение у мужчин и женщин в скифскую эпоху. На правом ухе носили юго-восточные, пограничные с Монголией и Тувой районы (Уландрык, Юстыд, Барбургазы, Бугузун, Коксу), серьгу в левом ухе – мужчины центральных и северо-западных районов (Пазырык, Большой Еломан и др. и др.) На левом ухе носили скифские, сакские войны и вожди, т.е. у населения регионов, прилегающих к Алтаю с запада [32, с.122].

В Уйгараке в мужских погребениях из курганов 21, 22, 26 и 83 были обнаружены серьги. Мы полагаем, что серьга шиликтинского человека по аналогии больше напоминала серьгу из мужского погребения кургана 83 [72]. Эти серьги сопоставимы с тагарскими и большебереческими серьгами с конусовидной подвеской [73] и серьгой из Сростинского могильника на Алтае [74]. Из материалов мерзлых курганов горного Алтая известно, что мужчины были похоронены с одной серьгой в левом ухе.

В восточных областях Центральной Азии существовал еще один архаичный способ ношения мужчинами серег. Он заключался в ношении двух разнотипных серег. Обычно это были кольчатые серьги с напаянным конусовидным колпачком или коническим утолщением на нижнем конце. Они определенно датируются VII–V веками до н.э. [32, с.122]. Мы полагаем, что у шиликтинского человека сережка была в левом ухе, и это была кольчатая серьга с напаянным конусовидным утолщением на нижнем конце, которая, как считают специалисты, является более ранней формой сережек. К такому заключению нас подталкивает и тот факт, что у шиликтинской культуры, как правило, больше параллелей с культурой регионов Пазырыкского Алтая и саков Средней Азии. Гривна на шее шиликтинского человека была унесена грабителями. Она не найдена и в раскопках С. Черникова в Шиликтах. Поэтому мы надели на шею шиликтинского человека гривну из родственного культурного региона – Алтая, что, по нашему мнению, не противоречит исторической действительности.

Нашейные украшения – гривны выполняли роль оберегов (Рис.121а). Сакрально-магическое значение имели и зеркала. По правильному утверждению В.Д. Кубарева, носители пазырыкских культур «имели развитую мифологию, богатый фольклор и сложные космогонические представления, в которые воедино слились различные индоиранские культы, местные древние верования и инокультурные заимствования» [32, с.129]. Гривны в курганах Уландрыка представлены деревянными наконечниками, выполненными в виде парных барельефных фигур барсов и волков [32, с.116]. В Уландрыке было найдено девять пар целых наконечников. Вообще, гривны находятся очень редко.

Например, за более чем сто лет во всех раскопанных на Алтае курганах древних кочевников было найдено всего три гривны [75]. Гривны у многих ираноязычных народов служили знаком отличия и символом верховной власти [76]. В позднескифскую эпоху они, вероятно, утратили свое первоначальное значение и были уже широко известны в качестве украшения у скифов, меотов, ананьинцев, саврамаатов и саков [32].

Судя по параллелям с находками в аналогичных царских захоронениях сако-скифского мира (Солоха, Пятибратный курган, Иссык и др.), руки шиликтинского царя были украшены золотыми браслетами, перстнями, а шея - золотой гривной.

Обувь шиликтинского человека кожаная, цельная, с твердой подошвой, с невысоким каблуком, высоким, выше колен, расширяющимся кверху голенищем. Аналогичная обувь была найдена в алтайских курганах Башадаре, Уландрыке, Ак-Алаха, Пазырыке [3]. В таких же сапогах с длинным, расширяющимся кверху голенищем (Рис.130а) изображены саки в персепольских рельефных рисунках, на пластине из Амударьинского клада (Рис.127) [77]. На золотых пластинах из Амударьинского клада саки переданы в одеянии подобно персепольскому, но сапоги отличает одна деталь: выделенный задник [78]. Обувь с длинными голенищами найдена в каракольском кургане на Алтае, а в Пазырыкском кургане - длинные войлочные чулки с орнаментированным верхом [79]. Внутри таких кожаных сапог надевали войлочные чулки такой же конфигурации. Обычно края войлочных чулок чуть выступали за голенище. В области соединения голенища с носовой частью в районе щиколотки были прострочены декоративные ремешки. Такой ремешок перебрасывался также через подъем носков. По утверждению исследователя скифской обуви Клочко, «... в I тысячелетии до н.э. широко распространяется мягкая детально кроенная обувь закрытого типа (сапоги)» [77, с.27].

Детские сапоги из Уландрыка сшиты из тонкой, выделанной кожи желто-коричневого цвета, с расширяющимися кверху длинными, косо срезанными поверху голенищами. Подошва из толстой кожи, наружная часть подошвы окрашена в красный цвет [32, с.86]. Такая же обувь с длинными, покрывающими колени голенищами встречается из второго Башадарского кургана. Последняя обувь имеет новую деталь — кожаный ремешок длиной 37 см, закрепленный на верхней части голенища [79, с.52].

В материалах из могил Субеши сапоги с такими ремнями привязывались к поясу [5, с.171]. В мужском захоронении Субеши набедренная одежда заправлена в высокие сапоги выше колен, с толстой подошвой. В свою очередь, сапоги привязываются ремнями, закрепленными на выступ голенища сверху, к поясу штанов, причем сапоги у лодыжек обвязаны ремешками [5, с.172]. Джетыасарцы иногда стягивали под

коленями сапоги ремешками с пряжкой [5, с.193]. По нашему мнению, факт стягивания голенища сапога ремнем к поясу как раз и указывает на то, что обувь эта использовалась в основном кочевниками. Ремнем стягивали сапоги для того, чтобы сапог с широкими голенищами не выпадал при верховой езде. Мы знаем, что у конных кочевников в сакское время не было стремян, на что можно было бы опираться ногами при верховой езде.

Мужская обувь из Загунлука состоит из высоких сапог с выступом выше колен, изнутри этих сапог одевали войлочные, орнаментированные по верхнему краю чулки, выступающие из кромки кожаной обуви [5, с.161]. По мнению К.А. Акишева, для саков были характерны высокие сапоги [59, с.46]. У саков внутри кожаной обуви носили цельнокроенный кошемный башмак-чулки со швом с тыльной стороны. На плато Укок известны войлочные сапоги. По всей вероятности, здесь речь идет о войлочных чулках, о которых мы узнаем из раскопок Н.В. Полосьмак в Ак-Алахинских курганах [53, с.40]. У пазырыкцев на сапоги надевались длинные войлочные чулки со сшитой войлочной подошвой. По верхнему краю чулок нашивалась иногда полоса орнамента, выполненная из разноцветных лоскутов войлока. Поверх войлочных чулок надевались сапоги с мягкой кожаной головкой, без подметок, с длинными, но все же только до колен голенищами, так что поверх голенищ был виден узор верхнего края чулок. Кожаные голенища, как это мы видим на обуви второго Башадарского кургана, обшивались снаружи мозаичным узором [52, с. 91-92]. Детские сапожки из Уландрыка своей формой и покроем повторяют длинную, прикрывающую колени обувь из второго Башадарского кургана [79, с.52].

В.Д. Кубарев относительно такой обуви замечает: «Обувь с косо срезанным верхом голенища, подвязными ремнями, мягкой головкой и толстой подошвой особенно характерна для кочевников, ездивших верхом на коне. Она получила в дальнейшем широкое распространение сре-

Рис. 127. Чулки из войлока с длинным голенищем пазырыкского времени (Алтай)

Рис. 128. Казахские женские сапоги с золотым шитьем

Рис. 129. Казахские мужские сапоги с длинным голенищем и чулками из войлока

Рис. 130а. Нижняя часть одежды шиликтинского золотого человека

Рис. 130. Казахские женские сапожки (кебис), украшенные металлическими бляшками

Рис. 131. Изображение сака на золотых пластинах с Амударьинского клада

Рис. 132. Казахские мужские сапоги с длинным голенищем и чулками из войлока

ди многих скотоводческих народов Центральной и Средней Азии, оставшись практически неизменной до наших дней у кочевого населения Саяно-Алтайского нагорья» [32, с.86]. По этому поводу мы хотим также утвердительно заметить, что обувь азиатских саков с длинными расширяющимися кверху голенищами с косо срезанным верхом, с войлочными чулками, выступающими своим верхним концом за голенища сапога, у казахских кочевников была распространена до 50-60-х годов XX в. В сако-скифском культурном пространстве известны факты украшения обуви золотыми бляшками. Например, в мелитопольском кургане обувь декорирована бляшками с изображением цветов арацеи, в толстом ургане – крестами, в таймановской могиле – бляшками-треугольниками и псевдозернью.

По мнению Л.С. Ключко, «в скифской обуви используется декор: золотые бляшки, возможно, бусы, а также аппликация и вышивка» [77, с.32]. На основе этих фактов сапоги шиликтинского человека в верхней части мы украсили узорчатой аппликацией в виде звериного стиля. Пластинчатыми треугольными и прямоугольными бляшками украсили перед голенища. По данным Л.С. Ключко, «в скифской обуви используется декор: золотые бляшки, возможно бусы, а также аппликация и вышивка» [77, 32]. Вообще, традиция украшения женской и мужской обуви сплошным золотым шитьем, различными металлическими вставками типа фестончика, полосок геометрических форм у казахов встречалась еще в начале XX века (Рис.128). Саки Шиликты, без сомнения, носили сапоги с высоким чулком, доходящим до колен, а нижняя часть штанов были заправлены в сапоги. В Пенджикенте в храме II, датированном VI–VII вв., можно встретить высокие, до колен, сапоги с широкой полосой темно-красного цвета под коленями. В Джетыясарских могильниках Томпакасар и Косасар также обнаружены сапоги, которые стягивались ремешками в районе голени и щиколоток и украшались бронзовыми бляшками [5, с.120]. У казахов вплоть до 20-30-ых годов XX века, в некоторых местах до 50-60-ых годов, бытовали очень похожие на сакские длинные сапоги с войлочными чулками. Думается, позднеказахские длинные сапоги типа «саптама» являются прямым продолжением традиции, уходящей корнями в сако-скифское время (Рис.129, 132).

По мнению исследователей, пояс был одной из главных частей костюма древних кочевников. Неподпоясывание для кочевников во все времена было не вполне прилично. У классических саков и скифов были широкие мужские пояса, которые крепились пряжкой, украшались набором однотипных золотых бляшек [5].

В одном из погребений в известных могильниках Субеши к поясу прикреплены ремешками маленькие кожаные мешочки, в которых хранились какие-то лекарства, порошки, камень, дерево для высекания огня [5, с.173]. Следует заметить, что аналогичные пояса традиционно

широко применялись древнетюркскими, тюркскими и казахскими кочевниками. Поясные пластинчатые бляхи, украшенные в зверином стиле, известны в курганах родо-племенной аристократии сако-скифского времени Пазырыка, Иссыка, Катанды и др. По мнению В.Д. Кубарева, «пояса, обложенные золотом или серебром, украшенные сюжетами звериного стиля, могли иметь и носить только представители родоплеменной верхушки» [32, с.80-81].

В алтынасарских курганах зафиксированы пояса, состоящие из бронзовых и серебряных бляшек, закрепленных на кожаном ремешке. К основному поясу подвешивались различные поясные наборы на коротких ремешках [80]. У саков и скифов также существовали подвесные ремни с небольшими накладными бляшками, которые служили для подвешивания оружия – кинжалов, чеканов и луков. Поясные пластинчатые пряжки были прямоугольной формы и всегда парные [32]. Сами пояса изготавливались из толстого кожаного ремня. Вместе с остатками поясов найдены различные застежки, обоймы, бляхи [81]. Пояс является неотъемлемой частью парадной одежды саков. Мы полагаем, что царские особы типа шиликтинского правителя носили наборный пояс из широкого ремня, украшенный нашивными пластинками и поясными накладками в виде треугольников, ромбиков, прямоугольников.

Пояс шиликтинского человека также украшен золотыми треугольными, ромбовидными накладками. Две пряжки в форме свернутых пантер соединены поясными крючками. Парадные пояса также выполняли и портупейную функцию. С правой стороны к поясу через декоративный ремень закреплялся кожаный акинак, с левой стороны – ножны меча. Вообще, меч в сакском обществе, особенно у пазырыкцев, был привилегией знати [82]. В средневековые золотые пояса были признаком сословной принадлежности к среднеазиатской знати. Д. Ласло на основе анализа погребений аварских могильников установил, что рангу воина соответствовал определенный металл – золото, серебро с золочением, бронза с серебрением, бронза [83]. У средневековых согдийцев золотой пояс являлся одним из признаков царской власти [83, с.214].

В Авесте упоминается и боевой пояс – *камара*. По всей вероятности, слова «*камар белдік*» или «*кемер белдік*», существующие до сих пор в казахском языке, берут свое начало с упомянутого авестийского слова. Казахские наборные пояса XIX - начала XX веков тоже изготавливались из толстого и широкого ремня, имели накладки квадратной, прямоугольной, Х-образной форм, которые, по мнению исследователей, ассоциируются с поясными бляхами эпохи раннего железа и тюркского времени [84]. Шиликтинский правитель на правой руке держит вотивный жезл. Форма и навершие вотивного жезла взяты из сако-скифских прототипов этих вещей.

Archaeological Library of Kazakhstan

ШИЛИКТИНСКИЕ ЭЛИТАРНЫЕ ПАМЯТНИКИ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ САКО-СКИФСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

4.1. Вопросы, связанные с погребальными сооружениями шиликтинских саков

Шиликтинская долина представляла собой своеобразный Геррос одной из групп раннесакских племен Алтайско-Тарбагатайского этнокультурного микрорайона. По всей вероятности, Шиликтинская долина служила зимним пастбищем. Здешние места очень удобны под зимовку. Зимой в долине не только снега мало выпадает, но и выпавшие снега долго не задерживаются, происходит быстрое их таяние. Шиликтинская долина выделяется своим особо мягким климатом в этой округе. Если в окружающих Шиликтинскую долину землях Зайсанской котловины зимние холода порой достигают до 50 градусов ниже нуля, то в Шиликтинской долине зима мягкая, и люди даже не имеют обыкновения одевать валенки.

Говоря о похоронных обычаях скифов, Геродот сообщает следующее: Гробницы царей находятся в Геррах. Когда у скифов умирает царь, то там вырывают большую четырехугольную яму. Приготовив яму, тело поднимают на телегу, покрывают воском; потом разрезают желудок покойного; затем очищают его и наполняют толченым кипером, благовониями и семенами селдерея и аниса. Потом желудок снова зашивают и везут на телеге к другому племени. Жители каждой области, куда привозят тело царя, при этом поступают так же, как и царские скифы... После объезда всех областей они снова прибывают в Герры к племенам, живущим в самых отдаленных пределах страны, и к царским могилам. Там тело на соломенных подстилках опускают в могилу, по обеим сторонам втыкают в землю копья, а сверху настилают доски и покрывают их камышовыми циновками (Геродот, IV, 71). Из сообщения Геродота можно полагать, что Герры, где обычно хоронили царей, находились в самых отдаленных пределах страны, под которыми, возможно, подразумеваются их святилища, расположенные в северных и северо-восточных границах сако-скифского мира, в таких местах, как Алтай и граничащие с ним области.

Своих родных обычно хоронили в зимних пастбищах и пазырыкцы. «...Этот обычай, - писал С.И. Руденко, - прошел сквозь века: казахи и киргизы до недавнего времени хоронили своих умерших только в зимовках» [1].

Пазырыкские зимники могли быть похожи на те, что видел во

время своих путешествий по Алтаю в 1860-1870 гг. В.В. Радлов: восьмиугольная бревенчатая постройка с крышей такой же формы, сужающейся кверху, покрытая слоями березовой коры [2]. Похожие, но шестиугольные бревенчатые постройки на Алтайских зимниках были описаны С.С. Сапожниковым [3].

По мнению В.Д. Кубарева, у кочевников вплоть до этнографического времени сохранился обычай возить с собой тело покойного на время перекочевок на новые пастбища. Особенно зимой, когда чрезвычайно было трудно выкопать могилу в каменистом, да еще в мерзлом грунте. Знакомые с приемами мумификации трупов умерших, они могли хранить тело длительное время. Хоронили обычно весной или летом, и к тому времени, возможно, еще кто-то умирал в семье. Может быть, этими обстоятельствами объясняются парные и коллективные погребения [4].

Курган Байгетобе особо выделялся на фоне других подобных памятников своим большим размером. Ему не было равных в близлежащих памятниках. Несомненно, это говорит об особом статусе похороненного там человека. Также очевидно, что у саков существовал неписанный, а возможно, и созданный кем-то закон или обычай, определяющий размер надгробного сооружения в соответствии с общественным положением и социальным рангом умершего человека в обществе. В эпоху Хань (III в до н.э. — III в н.э.) у китайцев был закон, определяющий размер могильных сооружений в соответствии со степенью знатности умершего человека [5]. Для каждого сословия, социального ранга определялся предельный объем надмогильного сооружения [6]. Сейчас трудно утверждать, кто у кого перенял обычай или закон, определяющий размер кургана. Но, судя, во-первых, более ранней практикой внедрения этого обычая у саков (начиная с XI-VIII вв. до н.э.), во-вторых, по строгой ранжированности размеров сако-скифских курганов, можно с большей долей вероятности полагать, что этот обычай ханьцами был перенят у своих соседей - саков, постепенно вошел в их обычай, а потом отразился в их письменных законах.

Курган Байгетобе, построенный в честь особо почитаемого члена данной группы сакского сообщества, располагается в начале всей курганной группы — помещен в самой южной оконечности могильника. Особое почитание социально продвинутых членов рода или племени, отраженное в топографии памятников, мы наблюдаем и в других памятниках сако-скифской культуры, Например, в Уландрыке памятники глав больших семей или родоначальников располагались в начале или в середине курганной цепочки [7], выделялась большими размерами. Исследователь В.Д. Кубарев очень правильно указывает на то, что «... погребальный обряд неизбежно отражает конкретные социально-экономические условия, в которых жил умерший, поэтому погребальные соо-

ружения до мельчайших деталей моделируют те реальные условия и формы жизни, в которых существовал древний кочевник» [8]. Планировка могильника с определенной условностью повторяет порядок размещения жилищ живых. У азиатских кочевников юрту главы аула обычно ставили с подветренной стороны, молодые не могли ставить свою юрту впереди старших [9]. Практически учитывая юго-западное и западное направление ветра в Центральной Азии, богатые люди ставили свои юрты в юго-западной части стойбища [10].

Курган Байгетобе и почти все элитарные курганы Шиликтинской долины земляные. И действительно, наиболее ранние курганы на Алтае и Тарбагатае имели насыпи из земли. Это в свое время замечал и С.И. Руденко [11].

Вся поверхность земляной насыпи кургана Байгетобе была обложена панцирным покрытием из мелкой гальки. Со временем эта галька под действием дождя, ветра, снеготаяния сползала вниз к подножию кургана, что и было зафиксировано во время раскопок. Такие панцирные обкладки насыпи существовали у ранних скифов степного и предгорного Крыма до V в. [12].

Вообще многие элитарные курганы сако-скифского времени имеют толстое покрытие, нередко многослойное. Многослойность способствует созданию сухого микроклимата, необходимого для предохранения в данном случае деревянной конструкции от влаги.

Диаметр кургана в момент раскопа равнялся: СЮ - 99 м, ЗВ - 97,4 м. В курганах, в особенности, в земляных высоких сооружениях со временем происходит постепенное естественное расползание. Мы полагаем, что первоначальная ширина кургана Байгетобе без оплыва была намного меньше, чем современные размеры насыпей. Нам представляется, что первоначально границы подола кургана определялись кольцами-крепидами. Если за первоначальное основание кургана брать кольца-крепиды или подол кургана, слегка покрывающий этот элемент кургана, то диаметр кургана при строительстве равнялся не более 58 – 59 м, но соответственно увеличивается первоначальная его высота, которая при раскопке была равна 7,9 м.

Шиликтинские кольца-крепиды возводились из довольно крупных камней. Их практическое назначение — препятствие оплыванию насыпи. В то же время, можно полагать, что эта традиция свои истоки берет с обычая племен эпохи бронзы, которые вокруг своих погребальных сооружений возводили круглые ограды. Во время раскопок эти каменные кольца лежали под земляной насыпью. Несомненно, это объясняется тем, что со временем расползавшаяся насыпь с центральных высотных частей кургана перекрывала эту крепиду. Такие каменные кольца-крепиды широко встречаются в скифских памятниках

европейской части [13].

Стратиграфия бровок траншеи была тщательно задокументирована на восьми стенках четырех сохранившихся секторов земляного кургана после его раскопок. На чертежах разрезов были указаны малейшие изменения состава грунта, послойное расположение земли, щебня и дерна. Поэтому картина строительства земляного кургана, на наш взгляд, получилась достаточно полная.

На основе этих и других материалов мы пришли к выводу, что шиликтинские погребальные сооружения представляют собой сложное архитектурное сооружение, со своими предварительными расчетами и специфическими технологическими приемами строительства. В отличие от срубных строений в могильной яме, которые по существу дополняют или просто оформляют большие четырехугольные погребальные камеры, шиликтинские гробницы представляют собой самостоятельные сооружения, они построены над землей, имеют свой план и архитектуру. Несомненно, строительству таких сложных надмогильных сооружений предшествовала традиция строительства жилых и хозяйственных построек, как замечает по этому поводу Н.В. Полосьмак [14].

По мнению ученых, вообще бревенчатые камеры-срубы часто встречаются в царских погребениях скифо-гунской культуры. Они известны в Пазырыке, Башадаре, Туэктинских, Берельских курганах Алтая. В этих курганах гробницы-срубы опущены в большие квадратные ямы. Гунские погребения (Ноинулинские курганы Северной Монголии) по форме и технике постройки повторяют горноалтайские [15].

Вообще район распространения строительства могильных камер из бревчатого сруба очень широкий, его пределы – на востоке Северной Монголии, на западе – Венгрии. Большинство погребальных камер подземные. К.А. Акишев отмечает два случая, когда деревянное строение – наземное или почти наземное. Это – раскопанный Бобринским на Киевщине Жаботинский курган и шатровый деревянный навес около Ульского аула на Прикубанье [16].

При строительстве земляного покрова кургана Байгетобе в основном использовался грунт окружающей местности. Он состоял из глины со смесью гравия. Состав грунта разных сторон кургана оказался неодинаковым. Юго-западный сектор кургана содержал больше суглинистой глины, а сыпучий материал остальных секторов содержал больше песка и гравия. Поэтому при строительстве восточных, северных секторов и северо-западного сектора чаще использовались дерновые вальки. На разных уровнях и на разных участках покатой части кургана из дерновых подквадратных кирпичиков строились вальки – преграды от сползания сыпучего грунта. Они хорошо видны с разреза секторов. По данным Ольховского, прием дерновых вальков в европейской Скифии появляется в V веке и использовались при строительстве таких больших курганов, как Огуз, Хомина Могила, I Мордвиновский курган и др. [17]. В Шиликтах до сих пор сохранилась традиция сооружения стен ограждения или хозяйственных построек из дерновых вальков.

Судя по строительным ярусам, которые дотаточно четко фиксируются в стратиграфии разрезов всех четырех секторов, земляная насыпь шиликтинского кургана имела две, а то и три фазы строительства. Причем между первым и вторым строительными ярусами есть хоть и небольшое естественное наслоение (наносный слой), достигающий местами толщины 1-2 см. Такой естественный наносный слой непременно указывает на перерывы в строительстве. По сообщению Геродота, похоронные процедуры для рядовых скифов совершались на сороковой день, а для царей после похорон спустя год вновь совершаются такие погребальные обряды (Геродот, IV, 72). Возможно, строительство небольшого холма над гробницей начиналось сразу же после смерти человека, второй этап строительства кургана происходил в момент похорон на сороковой день, а полное завершение курганной насыпи и его строительства производилось большим количеством людей, собравшихся через год на завершающий похоронный обряд.

Погребальное сооружение шиликтинского кургана Байгетобе состоит из трех последовательных строительных частей: а) деревянная гробница; б) над ней каменный курган; в) над ними земляная насыпь. Деревянная гробница построена из толстых, впритык уложенных двурядных лиственничных бревен по принципу сруба. По вертикали гроб-

ница имеет семь рядов, причем бревна уложены друг на друга без всяких креплений и вырубок. Открытое пространство между бревнами были заполнены битым камнем. Таким образом, это строение хотя сооружалось по принципу скрещивания бревен на углах стыка, но она не была срубом, а являлась клеточным строением из бревен. Общий вид деревянной гробницы с востока напоминает пирамидальное сооружение, ступенями суживающееся кверху. Следует отметить, что именно эта конструкция надгробного сооружения оказалась наиболее исторически стойкой и почти неизменном виде дошла до середины XX века. Будучи в среде казахов Китайского Алтая, мы были свидетелями бытования таких несколько упрощенной формы деревянных надгробных сооружений.

Над деревянно-каменной гробницей был сооружен каменный панцирь. Толщина панциря над гробницей составляла около полуметра, по краям гробницы увеличивалась до 2-3 м. Каменный панцирь — это не всегда беспорядочный навал камней, а строение местами с определенными приемами кладки. По мнению исследователей, аналогичные каменные панцири защищали гробницу от грызунов и представляли собой своеобразное архитектурное решение, которое также придавало прочность всему сооружению.

В структуре насыпи северной стены юго-восточного сектора, в районе восточной оконечности дромоса были замечены следы грабительского лаза. Они выражались в смещении с первоначальным грунтом мелкого гравия и мелкой речной гальки, которой при сооружении была покрыта вся поверхность кургана. Следы в форме воронкообразного углубления приводили точно в преддромосную яму. Видимо, грабители, дойдя до забутованного большими камнями пространства дромоса, вернулись назад. Конечно, попасть в гробницу через основной дромос было невозможно, ибо внутренняя часть дромоса изначально в целях предохранения от нежелательных действий грабителей была забутована большими глыбами камней на протяжении 5-6 метров длины подземного коридора [18].

В целом, вся эта многослойная, сложная строительная конструкция способствовала не только прочности и безопасности сооружения, но и создавала особый сухой микроклимат внутри гробницы, способствующий более долговечному сохранению трупа, костей и вещей, сопровождающих покойника в мир иной.

У шиликтинских саков был достаточно развит культ Востока. Об этом свидетельствуют такие факты, как сооружение дромоса с восточной стороны гробницы, придание восточной стороне гробницы особого вида — формы усеченной пирамиды.

Небольшая смещенность месторасположения гробницы в общем плане кургана в сторону запада, на наш взгляд, имеет мировоззренче-

ский смысл, ибо запад в представлениях многих древних народов связывался со страной мертвых. Вообще, особое подчеркивание западной стороны через строительство небольших поминальных сооружений из камней нередко прослеживается в памятниках сако-скифской традиции.

В кургане Байгетобе погребение производилось на древнем горизонте. По нашему предположению, есть два возможных пути объяснения этого факта. Во-первых, возможно, это было связано со специфическими мировоззренческими, идеологическими представлениями сако-скифских племен, по которому персон с особо высоким социальным статусом полагалось хоронить над землей. Вторая причина могла быть связана с близостью грунтовых вод в здешних местах, по причине которой они были вынуждены хоронить над землей.

Погребения на древнем горизонте известны в элитарных захоронениях и других территориях Казахстана. Например, они наиболее распространены на Уйгараке, встречаются на Тагискене [19]. В раннесакских могильниках Уйгарак погребений на древнем горизонте намного больше [20]. Захоронения на древнем горизонте или в неглубоких могильных ямах (не более 0,5 м) нередко встречаются в памятниках VIII - V вв. до н.э. Северного Казахстана [21]. По мнению некоторых исследователей, истоки обряда погребения на поверхности горизонта следует искать, очевидно, в степных могильниках эпохи поздней бронзы, где такие захоронения встречаются в комплексах карасуской культуры, а также и на западе степного региона – у срубников, погребение на горизонте появляется в Западной, Южной Сибири, Казахстане и Средней Азии в конце бронзового века, но особенно характерно для переходного (VIII - VII вв. до н.э.) этапа и раннескифского (VII-VI вв. до н.э.) [22].

В шиликтинских гробницах стены, возможно, имели драпировку циновками или тканью, как это было замечено в пазырыкских склепах. Столбик из жерди, установленный в южной половине восточной стены шиликтинской гробницы, возможно, служил вешалкой для оружия или других вещей покойника.

Одним из конструктивных частей элитарных курганов северных предгорий Тарбагатая являются дромосы. Дромосы – это подземные или наземные ходы, связывающие гробницу с внешним миром. Через дромос время от времени проникали в гробницу для совершения обряда поклонения умершему, ритуального кормления. Через дромос также осуществлялись подзахоронения в гробницу очередных умерших членов семьи или близких людей.

Так как дромосы составляют одну из конструктивных частей кургана, в краткой форме дадим общую характеристику памятника. В процессе очистки основания кургана в его восточной и юго-восточной стороне были выявлены два дромоса, один большой и второй – малый.

Большой, главный подземный ход к мавзолею был сооружен с восточной стороны. Верхняя часть дромоса находилась на уровне дневной поверхности земли и первоначально представляла ряд горизонтально положенных бревен в направлении ЮС. В процессе очистки от земли был полностью выявлен контур дромоса и жердей перекрытия. Длина дромоса равнялась 15,65 м. Он был перекрыт бревнами, диаметр которых колебался в пределах 20 - 30 см. Длина бревен перекрытия дромоса разная, от 4,25 до 6 метров. В средней части бревна наката редкие, их остатки сохранились лишь местами в середине и по краям дромоса. Средняя часть дромоса на протяжении 5,6 м была тщательно забутована камнями больших и средних размеров. Ширина земляной части дромоса 2,5 - 3 м. Глубина дромоса была равна 0,8 - 0,9 м. Четкого входа в дромос обнаружить не удалось. Никаких находок в очищенных участках дромоса не было.

Отсутствие входа в дромос, его слишком низкая высота (0,9 - 1 м), полная забутованность камнями большого участка подземного коридора - все это говорит о том, что этот дромос носил чисто ритуальный характер. По традиции строители памятника обязаны были строить дромос с восточной стороны и именно такой конструкции. На самом деле, это громадное и функционально необходимое сооружение практически не использовалось. Что касается забутовки средней части дромоса уже при строительстве погребального сооружения, по всей вероятности, она свидетельствует об изначальных мерах по предохранению его от ограбления. Ведь одним из уязвимых мест в таких капитальных сооружениях были именно дромосы.

Во время выравнивания пола у юго-восточной границы каменного сооружения был обнаружен еще один подземный ход шириной 0,8 и глубиной 1,4 м. Этот узкий дромос вел к главному подземному ходу с юго-востока под углом 40°. Обследовано 8 метров участка малого дромоса. Северо-западный конец малого дромоса в районе входа в гробницу у тамбура соединяется с основным дромосом. Место перехода от малого к большому дромосу было заложено некрупными камнями. Предполагается, что именно малый дромос был функциональным. Через него устроители похорон планировали проникновение в усыпальницу. Об этом свидетельствует находка на полу малого дромоса асыка, фрагмента трубчатой кости крупного животного.

Западный конец большого дромоса в районе подхода к усыпальнице расширяется и углубляется. Меняется и характер перекрытия. Здесь жерди перекрытия толстые ($d = 30-45$ см), подгонка их к друг другу плотная. В средней части бревен наката брусья местами разрушены, отсутствуют, на поверхности местами есть следы огня. Внутреннее пространство дромоса на этом участке без забутовки. Если ширина дромоса

в других его частях около 2,7 м, а глубина 1 м, то на этом участке ширина дромоса расширяется и достигает 3,6 м, глубина до 1,5 м. На брусках перекрытия (в средней части) были замечены следы огня. Этот участок представлял собой тамбур перед входом в гробницу. Вход в усыпальницу осуществлялся через небольшой дверной проем в нижней части гробницы, Его размеры: ширина 1,2 м, высота 1 м. Он был заложен двумя рядами камней средних размеров.

Дромос с восточной стороны был обнаружен нами и в курганах № 1 группы Шиликты-2, № 36 группы Шиликты-1. В свое время С.С. Черников аналогичный дромос выявлял в кургане №5 группы Шиликты-1. По мнению С.С. Черникова, покойника пронесли через дромос, затем после совершения погребальных обрядов плотно уложили бревна, образующие крышу [23], что мне кажется маловероятным. Дромос-коридор встречается и в Бесшатырских курганах, но он уже недлинный и не подземный, сооружен с восточной стороны гробницы в форме узкого коридора и являясь как бы продолжением погребальной камеры [24].

Могильная яма с дромосом под насыпью крупного кургана №1 могильника Кенес (VI-V вв. до н.э.) и кургане №6 могильника Берлик, относящегося к IV-II вв. до н.э. известны в Северном Казахстане [25].

Коридорообразные длинные дромосы известны в Нижней Сырдарье в курганах VII-V вв. до н.э. Во второй половине I тысячелетия до н.э. погребальные камеры с дромосами, предназначенные для коллективного захоронения, широко распространились в восточном степном регионе [26].

В целом, дромосы как конструктивный элемент погребальных сооружений известны в материалах раннесакских и сакских памятников Восточного, Северного Казахстана, Семиречья, Нижней Сырдарьи и Арало-Уральского степного региона. Изученные материалы дают основание для предварительных выводов о том, что из всех известных нам памятников раннего железного века Казахстана и сопредельных регионов Евразии, самыми ранними курганами с дромосом являются Шиликтинские царские курганы. Дромосы в курганах под номером 1 группы Шиликты-3 и Шиликты-2 представляют собой сложную конструкцию, имеющие как функционально-практическое, так и ритуально-мировоззренческое значение. Традиция сооружения входных коридоров с восточной стороны мовзолея, на мой взгляд, берет свое начало с бегазинских некрополей эпохи поздней бронзы [27]. Эти и многие другие вопросы, связанные с дромосами в памятниках сако-скифского мира, представляют определенный интерес в плане изучения генезиса архитектурно-конструктивных особенностей курганов раннего железного века евразийских степей и их идеолого-мировоззренческих основ.

Как известно, у сако-скифов длинный дромос сооружался исклю-

чительно для богатейших захоронений. Склепы, устроенные на дневной поверхности, имеют длинные - до 15 м - горизонтальные дромосы. По данным В.С. Ольховского, дромосы, примыкающие к восточной стенке камеры, встречены в 24 случаях. Трижды они примыкают к северо-восточной и юго-восточной стенкам и лишь дважды – к южной. По мнению В.С. Ольховского, в сакской традиции склеп обычно использовали для неоднократных захоронений. Дромос облегчал отыскание склепа при подзахоронениях. Он же позволял вести отделочные работы внутри склепа параллельно с насыпкой кургана [28].

По всей вероятности, у восточной стенки ближе к южному углу было узкое возвышение шириной 0,5-0,7 м и длиной 1,4-1,8 м. Такое же возвышение, возможно, было у западной стенки ближе к северному углу. На этих возвышениях, которые выполняли роль пристенной полки, позднее грабители укладывали корпусный скелет и голову покойника.

Курганные могильники - не только кладбища, но и своеобразные культовые места, где в момент похорон и в последующее время совершались различные обряды. Вообще, каменные кладки в один ряд длиной 1-3 м в западной части курганов, восьмикаменные поминальные жертвенники достаточно широко известны в сако-скифских памятниках Евразии [29]. В Шиликты аналогичные внекурганные сооружения встречаются в памятниках, относящихся не ранее VII в. до н.э.

В кургане Байгетобе обнаружена хорошо обработанная каменная стела длиной 2,8 м. Она разломана на две половины во время раскопа, была обнаружена внутри гробницы. Стела без изображения. В.Д. Кубарев отмечает поминальный характер таких жертвенных стел [30]. По данным исследователей, вообще традиция установления каменных стел, иногда даже с признаками антропоморфности, в сако-скифских памятниках встречается с VII в. до н.э. [31]. Для памятников степного и предгорного Крыма обычай установки изваяния на вершине кургана в IV-III вв до н.э. получает незначительное развитие [32]. По нашему мнению, Шиликтинский материал придает зарождению традиции установления памятных стел в сако-скифской культуре некоторую древность.

В целом обычай установки изваяния, стелы или камня-менгира в погребальных или поминальных комплексах в эпоху раннего железа практикуются также населением Предкавказья, Южной Сибири и Монголии [33]. Уландрыкские срубы, как и шиликтинские, имеют пирамидальный характер кладки бревен – в виде усеченной пирамиды (34).

Лиственица для строительства гробницы в Шиликты была привезена с урочища Карасай, расположенного в восточной оконечности долины, на расстоянии приблизительно 25 км. Транспортировку осуществляли путем волочения с помощью волов, лошадей и верблюда. Следы волочения стволов диаметром 35-40 см и длиной 10-11 м видны

на тонком конце ствола, которая имеет заметные следы скошенности. Кстати, таким же образом транспортировали стволы и в 30-40-е годы XX столетия, о чем нам сообщали старейшие посетители наших раскопок.

Курганы служили своеобразными знаками, закрепляющими право на владение отдельными семьями и родами определенной территории [35]. Этот обычай продолжал иметь место и у поздних кочевников. По обычному праву казахов, маркерами, обозначающими границы земельных владений (пастбищ), были именно могилы известных предков рода, племени.

Пол гробницы кургана Байгетобе был земляной. Вообще, в сако-скифских памятниках на полу погребальной камеры подстилка встречается из камыша, тростника, дубовой, березовой коры, травы, из кожи, войлока, шкур, листьев, ткани, соломы. Для высшего слоя применяли деревянные настилы, иногда именуемые ложами, щитами, помостами [36]. В связи с этим может возникнуть мысль о том, что, возможно, традиция подстилки пола погребальной камеры различными настилами появляется в среднесакский период.

В Байгетобе пол тамбура перед погребальной камерой имел следы костра, размером около полтора метра. Обугленные кости мелкого и крупного скота были встречены рядом с шестом на макушке каменного панциря. Отсюда можно полагать, что у шиликтинцев в погребально-поминальном обряде огонь играл также определенную роль.

Хорошая сохранность кургана Байгетобе дает возможность реконструировать полную картину погребального сооружения и связанных с ним представлений раннесакского населения Шиликты и ее окрестностей. В целом, погребальная обрядность в Байгетобе ярко свидетельствует о представлениях ранних саков о потусторонней жизни после смерти, о заботе живых об умершем сородиче, о взаимоотношениях мира мертвых и живых и т.п.

В целом, как видно из вышеизложенного материала и археологических параллелей к ним, Шиликтинский «золотой» курган Байгетобе по своим конструктивным характеристикам представляет собой памятник раннего периода сако-скифской культурно-исторической общности.

4.2. Похоронно-поминальные обряды шиликтинцев в свете традиций сако-скифов

Обряд захоронения шиликтинского золотого человека по результатам раскопок восстанавливается только частично. Ибо захоронение разрушено грабителями, кости покойного разбросаны на разных участках и уровнях гробницы. Такая же картина наблюдается и в отношении сопровождавшего умершего инвентаря: оружие, украшения и другие аксессуары. Крупные вещи были унесены грабителями. Поэтому полная картина внутреннего пространства гробницы, место расположения покойника, обряд захоронения, полный перечень сопровождающего инвентаря - все это восстанавливается по аналогиям с раннесакскими и среднесакскими памятниками, как Зевакино, Измаиловка, Тасмола, Тогискен, Уйгарак, Бесшатыр, Иссык, Берель и др. Для реконструкции парадно-ритуальных аксессуаров мы также использовали материалы из скифских памятников Евразии, таких, как Аржан, Пазырык, Катанды, Укок и другие.

В связи с полным беспорядком, учиненным грабителями внутри гробницы, определить первоначальное положение умершего, и невозможно было установить детали обряда его захоронения. Но по тому, как лежали отдельные непо потревоженные кости умершего, и по материалам не ограбленных аналогичных сакских погребений этого периода и региона можно с полной уверенностью восстановить ориентировку и положение умершего при первоначальном захоронении. Голова погребенного во время раскопок была обнаружена у северо-западного угла гробницы. Одна непо потревоженная берцовая и тазовая кости, лежащие в восточной половине и в средней части гробницы, указывали на ориентацию погребенного длинной осью в направлении восток-запад, головой на запад. На такую первоначальную ориентацию покойного также указывало расположение головы человека в северо-западном углу гробницы. Вообще у сако-скифов преобладают широтная ориентировка умерших и в большинстве случаев головой на запад, лежащих на спине. Исходя из этих аргументов, мы полагаем, что шиликтинский человек был похоронен в середине гробницы, на спине, длинной осью в направлении восток-запад и головой на запад.

По имеющимся данным, у саков и скифов существовал обычай погребения своих умерших сородичей только в определенное время года - в начале лета или осенью [1]. Обычай этот достаточно хорошо зафиксирован у населения пазырыкской культуры [2]. Следует заметить, что

обычай этот в пережиточном виде сохранился и у тюрков. О тюрках тюгу китайские хроники пишут следующее: «Умершего весной и летом хоронят, когда лист на деревьях и растениях начнет желтеть и опадать; умершего осенью и зимою хоронят, когда цветы начинают разворачиваться» [3]. По-моему, эта традиция под собой имела природно-климатическую причину и была связана с хозяйственно-производственным циклом жизни кочевников. Умершего зимой человека в виду трудности рытья могилы до весны сохраняли способом «аманат кою», т.е. из трупа извлекали все внутренности и временно содержали в небольших пещерах, тщательно заложив камнем ее вход. С уходом снега и оттаиванием мерзлоты хоронили человека на территории зимника – кыстау. Летом кочевники вслед за скотом в поисках свежих пастбищ уходили далеко от постоянной стоянки – зимовки. Поэтому обычай временного содержания покойника «аманат кою», вероятно, практиковался и в летнее время. Летом из трупа также извлекали все внутренности, затем вместо них заполняли внутренности умершего антисептическими травами, и труп с вновь зашитой брюшной полостью временно хоронили высоко в горах, во временно построенных из камня небольших могилах на поверхности скальных камней. По мнению исследователей, бальзамирование преследовало цель сохранения трупа в период временного содержания умершего человека [4]. Затем осенью по возвращении в зимник или приближении к нему совершали окончательное захоронение умершего летом человека.

Вообще, этот обычай имел широкое значение и в пространственном, и во временном отношениях. Например, в Древнем Египте, в Китае существовал культ тела умершего, оно было связано с представлением о необходимости сохранения тела для существования в ином мире [5]. У тагарцев С.В. Киселев отмечает обычай захоронения человека после освобождения костей от мышечной ткани [6].

Об аналогичных обычаях достаточно хорошо и определенно говорится в сообщениях Геродота: «Когда у скифов умирает царь, то там вырывают большую четырехугольную яму. Подготовив яму, тело поднимают на телегу, покрывают воском; потом разрезают желудок покойного; затем очищают его и наполняют толченым кипером, благовониями и семенами сельдерея и аниса. Потом желудок снова зашивают и везут на телеге к другому племени. Жители каждой области, куда привозят тело царя, при этом поступают так же, как и царские скифы. Затем везут покойника на повозке в другую область своего царства. Сопровождают тела те, к кому оно было привезено раньше. После объезда всех областей они снова прибывают в Герры к племенам, живущим в самых отдаленных пределах страны, и к царским могилам. Там тело на соломенных подстилках опускают в могилу, по обеим сторонам втыкают в землю

копья, а сверху настилают доски и покрывают их камышовыми циновками. В остальном обширном пространстве могилы погребают одну из наложниц царя, предварительно задушив ее, а также виночерпия, повара, конюха, телохранителя, вестника, коней, первенцев всяких других домашних животных, а также кладут золотые чаши (серебряных и медных сосудов скифы для этого вовсе не употребляют). После этого все вместе насыпают над могилой большой холм, причем наперебой стараются сделать его как можно выше» [Геродот, IV, 71].

Спустя год скифы вновь совершают такие погребальные обряды [Геродот, IV, 72]. «Когда же умирают все прочие скифы, то ближайшие родственники кладут тело на повозку и возят по всей округе к друзьям. Все друзья принимают покойника и устраивают сопровождающим угощение, причем подносят и покойнику отведать тех же яств, что и остальным. Простых людей возят таким образом по округе сорок дней, а затем передают погребению [Геродот, IV, 72]. Из этих сообщений можно заключить, что у скифов похороны совершались не сразу, а через определенное время (через 40 дней и еще больше).

По данным Т. Райс, после того, как могилу засыпали, но еще до возведения кургана, над погребальной камерой проводились поминки [7]. По мнению некоторых исследователей, тризна совершалась дважды: первый раз после совершения похорон над перекрытием могилы, второй раз в ходе строительства насыпи, о чем свидетельствуют следы кострищ, находки керамики и костей животных [8]. Большое число участников поминок позволяло досыпать курган, ремонтировать крепиды и т.д. [9]. По авторитетному утверждению С.И. Руденко, поминки у скифов в честь отца устраивал сын [10].

В Шиликты на поверхности каменных набросков были встречены кости домашних животных, в основном, мелкого рогатого скота. Под ритуальным шестом, установленным в топографическом центре кургана, на самой высшей точке каменного панциря были обнаружены череп и один рог горного козла. Несомненно, это следы погребально-поминальной трапезы. По всей вероятности, после сооружения каменного панциря над деревянной гробницей была проведена погребально-поминальная трапеза. Было забито многочисленное поголовье мелкого рогатого скота, несколько лошадей и горный козел. По всей вероятности, последний был своеобразным тотемом-сопроводителем покойника в иной мир — в мир мертвых.

По мнению В.Д. Кубарева, самым устойчивым признаком погребального обряда, характерного для населения Алтая в скифское время, являются сопроводительные захоронения коней [11].

Традиция помещения коней рядом с умершим человеком в одной могильной яме — самая характернейшая черта погребального обряда

пазырыкской культуры Алтая, ярко определяющая ее самобытность среди синхронных культур Центральной Азии. Вместе с тем на Алтае, да и в Уландрыке, встречается второй вариант погребений пазырыкской культуры – без коня. Отмечая эти особенности, В.Д. Кубарев допускает предположение о возможной связи такого обычая с половозрастными особенностями или социальным положением погребенных, далее ученый заключает: «Подобный факт пока необъясним и тем более необычен» [12].

По данным В.Д. Кубарева, нет коней и в курганах с западной ориентацией погребенных, т.е. в инокультурных погребениях, где коней и не должно быть по канонам погребального обряда, бытовавшего в другой этнической среде. В связи с этим он делает следующее заключение: «Можно предполагать, что отличающиеся по обряду погребения памятники пазырыкского времени с тувинской и алтайской стороны хребта Чихачева, как это уже указывалось в литературе, были оставлены разными в этническом отношении группами населения, что не исключало возможность взаимного проникновения иноплеменников», - пишет В.Д. Кубарев [13].

Для нас также являлся достаточно проблемным вопрос отсутствия сопроводительного захоронения коней в шиликтинских памятниках раннесакского времени. Возможно, этот факт объясняется сравнительно поздним появлением аналогичной традиции в предгорьях Тарбагатай, да и на Алтае, чем в Туве. Дело в том, что в раннесакских памятниках Аржана, датируемых примерно раннешиликтинским временем, захоронения с конем встречаются повсеместно. В то же время следует отметить, что в шиликтинской гробнице были обнаружены три копыта лошади, а в другом соседнем кургане - голова коня.

По нашему мнению, очень древняя традиция сопровождения покойника конем связана с практической ролью коня при жизни и в потустороннем мире кочевника [14]. О практической роли коня в качестве транспортного животного в потустороннем мире дополнительно свидетельствуют еще и обычаи древних тюрков Алтая, когда на втором заседланном коне были приторочены переметные сумы с пищей и различными предметами, которые могли понадобиться в дороге в потусторонний мир [15].

В Пазырыке существовал обычай выстилать погребальную камеру умершего вождя отрезанными хвостами и гривами лошадей [16]. На мой взгляд, это связано с обычаем саков отрезать хвосты и гривы у посвященных умершему лошадей. Действительно, сопровождающие покойника лошади имели постриженные гривы и хвосты. Вообще, этот обычай так ярко сохранился у поздних тюркских народов, в частности, у казахов.

У древних племен, населявших территорию Казахстана и сопредельные районы, существовал обычай в знак траура срезать косы у женщин. Косы были срезаны, а головы сбриты у женщин из курганов Пазырыка [17]. Свыше 120 обрезанных кос было извлечено из трех курганов гунских шаньюев в Ноин-Уле [18]. Там же находились пряди человеческих волос, зашитые в кожу или войлок, ногти, хранившиеся в специальном мешочке [19]. Рядом с женщиной в пятом Пазырыкском кургане была найдена ее отрезанная коса. Геродот писал о западных скифах, что они в знак траура «стригут кругом волосы» [20].

С.А. Теплоухов в свое время высказывал, на наш взгляд, правильное предположение, что они являлись знаками траура [21]. Данный обычай в несколько измененной форме встречается у тюркских народов Средней Азии, в частности, у казахов. Казахские женщины в знак горя и траура царапали себе лицо, рвали волосы. Обычай «тұл, тұлдау», связанный с годичным периодом траура у казахов, указывает на укорочение (срезание) в былые давние времена и косы «тұл женщины», как и «тұл» у коня [22].

Обычай сопровождения покойника в золотом одеянии с золотыми изделиями и украшениями из золота - один из характернейших черт сако-скифской культуры. В свое время С.В. Киселев писал: «Пазырыкское время на Алтае представляется каким-то золотым веком...» [23]. При этом нужно отметить, что если ранние саки со своими умершими хоронили золотые изделия в виде литых звериных образов, то чуть позже, особенно начиная с пазырыкского периода, сакское золото стало невесомо, «в погребениях не было найдено ни одного литого изделия из золота» [24]. Описывая убранство шибинских погребенных, С.В. Киселев отмечал, что «при всем блеске золота оно часто граничило с бутафорией» [25]. Поэтому, в отличие от средне- и поздне-сакского времен в раннесакский период рядом с умершими ставили полноценные, настоящие золотые украшения.

По мнению Т. Райс, с VII по IV или III в. до н.э. скифы находились в зените своего процветания, тогда они своих царей и цариц хоронили в самых лучших одеждах и ювелирных украшениях [26]. Мне кажется, обычай захоронения своих самых уважаемых людей в золотом одеянии был характерен только для сако-скифов и, в особенности, для их архаического и классического периодов. Люди, полностью наряженные в золотое одеяние, не встречаются ни до, ни после сако-скифских культур. Хотя следует отметить и тот факт, что украшенные отдельными золотыми украшениями-бляшками предметы встречались и раньше, и позже сако-скифских времен.

В пятом Пазырыкском кургане было найдено решетчатое устройство, которое М.П. Грязновым было определено как деталь крыши

юрты. Во время этнографических экспедиций по Восточно-Казахстанской области нами перед входом в могилу был обнаружен шанырак - круг верхней куполообразной крыши юрты. Местные старейшие информаторы объясняли это тем, что в случае смерти последнего представителя семьи у его гроба или могилы оставляют специально разбитый в этом случае шанырак или казан [котел]. Мы считаем этот обычай далекой реминисценцией обычая саков.

В одном из уландрыкских курганов В.Д. Кубаревым было обнаружен решетчатый настил под покойным, очень близко напоминающий решетчатый остов юрты – кереге [27]. Алтайцы и казахи в этнографической современности иногда покойника переносили до могилы на кереге – решетчатом остове юрты. Великого казахского поэта Абая после смерти везли из летовки Шакпактас на зимовку Жидебай, уложив [поместив] его на кереге. У казахов также существовал обычай: после смерти последнего мужского представителя семьи шанырак оставлять на его могиле. Этот обычай нами был зафиксирован в 70-е годы прошлого столетия в Восточном Казахстане.

Вообще, традиция устройства могил по подобию жилищ характерна для многих народов мира. Человек сначала строил жилище, крышу для себя. Потом по подобию жилища живых стали строить дом для мертвых. Несомненно, купольные мавзолеи XVIII-XIX вв. были построены по форме и аналогии юрты. В Восточном Казахстане до сих пор сохранились стены бывшего купольного мавзолея, построенного в честь сына одного представителя тобыктинского племени. Местные старики в свое время присутствие на найманской территории могилы тобыктинца объяснили следующей легендой. Молодой человек из рода тобыкты путем сватовства взял в жены девушку из рода Мурун племени найман. Жених с приданым вез к себе домой невесту. По дороге он заболел болезнью сузек (желтухой). Тогда свадебный поезд остановился на некоторое время для ухода за больным. В степи возвели для невесты юрту. Но жених скоро умер. Тогда прямо внутри юрты вырыли могильную яму и там похоронили его. Затем поверх деревянного остова юрты из сырцового кирпича возвели могилу. По рассказам очевидцев, еще в 30-40-е годы прошлого столетия можно было увидеть внутри могилы отдельные сохранившиеся части остова юрты. Этот мазар до сих пор стоит у трассы Аксуат - Аягуз недалеко от отгонного аула Базарка. Аналогичный этнографический сюжет из жизни казахов XIX века несомненно отражает древнюю традицию протоказахов и их потомков, понимающих могилу как второе жилище, как жилище мертвых. Действительно, у казахов юрта и ее части очень часто присутствуют в похоронно-поминальной обрядности [28]. При перевозке тела Абая из местности Шакпакты в Шингистауских горах в зимовку Жидебай в качестве вьючного средства

использовали кереге – решетчатый остов.

Гробница Байгетобе было построено по подобию жилища. В.Д. Кубарев в Уландрыкских срубх также видит подобие жилищ в уменьшенном виде [29].

Лиственница для строительства гробницы в Шиликты была привезена с урочища Карасай, расположенного в северной оконечности долины, на расстоянии около 25 км. Транспортировку осуществляли путем волочения с помощью волов, лошадей и верблюда. Следы волочения длинных стволов видны на тонком конце ствола, который имеет скошенность. Кстати, таким же образом транспортировали стволы и в 30-40-е годы XX столетия, о чем нам сообщил один из старейших наблюдателей наших раскопок.

В этой связи можно отметить тот факт, что иногда тело покойника в Пазырыке и Уландрыке также устанавливали на решетчатом остове юрты, что очень напоминает обычай казахов «өлікті керегеге салу», т.е. «уложить покойника на решетчатый остов юрты». Теленгиты снимали с юрты один-два шеста и оставляли их в могиле умершего для того, чтобы тот мог построить себе жилище в потустороннем мире [30].

У сако-скифов амулетами нередко служили бусины, клыки кабанов. В шиликтинской гробнице среди вещей также обнаружен амулет из клыка кабана. По материалам Ольховского, кабаньи клыки в степных комплексах обнаружены трижды [31].

По данным того же Ольховского, саки и скифы вместе с покойным в могилу иногда помещали овальные подносы для жертвенного мяса [32]. По форме и материалу, технологии изготовления эти овальные подносы точно повторяют позднеказахские деревянные овальные подносы для мяса - астау.

В кургане 2 Уландрык 1 обнаружены кусок засохшего мяса и небольшие «лепешки», приготовленные из плохо протертых зерен дикорастущего волоснеца. «Они по форме и размерам напоминают баурсаки современных казахов», - пишет В.Д. Кубарев [33].

На Кубани в Карагоденашхе на стенах могил делали фрески с рисунками пасущегося оленя [34]. Не исключено, что рисунок оленей на дощечках из шиликтинской гробницы является останком аналогичного рисунка...

Возможно, дощечки с рисунками, найденные в Шиликтах, являются частями погребальной ложи. Такие погребальные ложи типа кроватей у древних кочевников найдены в курганах Ташанта [35].

Пол гробницы кургана Байгетобе был земляной. Вообще, в сако-скифских памятниках подстилка пола погребальной камеры встречается из камыша, тростника, дубовой и березовой коры, травы, из кожи, войлока, шкур, листьев, ткани, соломы. Для высшего слоя приме-

няли деревянные настилы, иногда именуемые ложами, щитами, помостами [36]. В связи с этим приходит мысль, возможно, традиция подстилки пола погребальной камеры различными настилами появляется в среднесакский период.

В Байгетобе пол тамбура перед погребальной камерой имел следы костра, размером около полтора метра. Обугленные кости мелкого и крупного скота были встречены рядом с шестом на макушке каменного панциря. Вообще, следы огня или специального сожжения встречаются в гробницах VII-V вв. до н.э. Можно полагать, что у шиликтинцев в погребально-поминальном обряде огонь играл также определенную роль.

В последние века 1 тыс. до н.э. погребения в каменных ящиках становятся преобладающими не только в Монголии и Туве, но и на Алтае. В.Д. Кубарев далее утверждает, что традиция сооружения каменных ящиков проникла на Алтай с востока [37].

В.А. Могильников справедливо и обоснованно относил погребения в каменных ящиках с восточной ориентацией умерших к пазырыкской культуре Алтая [38]. Людей, погребенных в каменных ящиках, Могильников считает выходцами из Восточного Казахстана, которые в скифское время проникают также в соседние с Алтаем районы Западной Монголии [39]. Погребения в каменных ящиках были обнаружены в небольших курганчиках Шиликты, относящихся к III - I вв. до н.э.

Курганы служили своеобразными знаками, закрепляющими право на владение отдельными семьями и родами определенной территории [40]. Этот обычай продолжал иметь место и в жизни поздних кочевников. Например, по обычному праву казахов, одним из главных маркеров, обозначающих границы земельных владений (пастбищ) были именно могилы известных предков рода и племени.

В Шиликты в кургане Байгетобе обнаружена хорошо обработанная каменная стела длиной 2,8 м. Стела без изображения. В.Д. Кубарев отмечает поминальный характер жертвенных стел. По данным исследователей, вообще традиция установления каменных стел, иногда даже с признаками антропоморфности, в сако-скифских памятниках встречается с VII в. до н.э. [41]. Для памятников степного и предгорного Крыма обычай установки изваяния на вершине кургана в IV-III вв до н.э. получает незначительное развитие по сравнению с V в. до н.э. Изваяния находят, как правило, в грабительской воронке, в засыпи погребального сооружения, изредка во рву [42]. В целом, обычай установки изваяния, стелы или камня-менгира на погребальных или поминальных комплексах в эпоху раннего железа практикуется также населением Предкавказья, Южной Сибири и Монголии [43].

По нашему мнению, Шиликтинский материал делает несколько

древним зарождение традиции установления памятных стел в сако-скифской культуре. В кургане 1 группы Шиликты 2 в небольшой камере-пристройке к основной могильной яме с северо-западной стороны были обнаружены череп и отдельные кости собаки. Курган этот датируется в пределах VII в. до н.э. Полный скелет специально захороненной собаки нами также обнаружен в кургане №1 могильника Коктубек в Тарбагатайском районе Восточно-Казахстанской области, который датируется примерно этим же временем. Вообще, обычай захоронения собаки вместе с умершим человеком встречается в памятниках раннего железного века. Обычай погребения собак в могилах скифо-сибирского круга известны по статье А.К. Абетекова [44]. Ухуаньцы и сяньбийцы вместе с умершим хоронили и собаку [45]. Ухуаньцы верили, что собака и лошадь, погребенные вместе с умершими, должны были проводить душу покойного до Красной горы [46].

Сопроводительные захоронения собак были обнаружены В.Д. Кубаревым и в могильниках Юстыд 1, Балык-Соок 1 [47]. В трех погребениях Ильмовой пади обнаружены и черепа собак [48].

По мнению В.С. Ольховского, обрядность архаического времени отличается от более поздней главным образом следующим. Чаше устраивали впускные захоронения; погребальные сооружения с деревянными конструкциями часто сжигали или обжигали. Кольцевые ровики и каменные крепиды использовали реже. Для слуг и коней отдельных сооружений не устраивали; конских захоронений вообще нет; нет ассинхронных и коллективных захоронений; погребальные пиры устраивали реже, они были значительно менее пышными; установка каменного антропоморфного изваяния, устройство каменных гряд, жертвенников в архаических комплексах степного Причерноморья пока не отмечены, но они более чем вероятны [49]. Сохранение западной ориентировки – еще один факт, указывающий на генетическую связь с древними захоронениями эпохи бронзы [50]. В Тагискене очень четко выделяется группа богатых захоронений V в. до н.э. [51], для конструкции которых характерно наличие дромоса, ориентированного на юго-восток, длиной 5-12 м. Могильная яма довольно глубокая, примерно 2 – 2,3 м. Ориентировка расположения покойника иная, т.е. на восток-северо-восток. Яма ориентирована по странам света углами, а не сторонами, как в более ранних курганах. Могильник и дромос имели плоское перекрытие, были случаи, когда перекрытие поджигали, в потом насыпали курган. В одном случае курган представлял собой наземное сооружение с дромосом. Этот тип авторы сближают с Бесшатырским погребением [52].

4.3. Некоторые историко-культурные выводы и культурогенетические параллели по Геродотовским рассказам о скифах

Вот как описывает быт, воинскую доблесть, богатство золотом и медью массагетов Геродот: «Массагеты носят одежду, подобную скифской, и ведут похожий образ жизни. Сражаются они на конях и в пешем строю (так и этак). Есть у них обычно также луки, копья и боевые секиры. Из золота и меди у них все вещи. Но все металлические части копий, стрел, боевых секир они изготавливают из меди, а головные уборы, пояса и перевязи украшают золотом. Также и коням они надевают медные панцири, как и нагрудники. Уздечки же, удила и нащечники инкрустируют золотом. Железа и серебра у них совсем нет в обиходе, так как этих металлов вовсе не встретишь в этой стране. *Зато золота и меди там в избытке* (выделено нами.— А.Т.)» (Геродот, I, 215). Действительно, сако-скифское время некоторые ученые называют «золотым веком». Золота скифы и саки потребляли очень много, у них существовал развитый культ золота. Об этом ярко свидетельствуют золотые изделия сако-скифской культуры, так называемые «золотые люди» сако-скифского времени.

В своей Истории Геродот пишет, что «на севере же Европы, по-видимому, есть очень много золота. Как его там добывают, я также не могу определенно сказать. Согласно сказанию, его похищают у грифов одноглазые люди - аримаспы. Но я не верю, что от природы вообще существуют одноглазые люди...» (Геродот, III, 116). Хотя Геродот в начале своего текста указывает на «север Европы», но по тому, как он упоминает об аримаспах, нетрудно заметить, что речь идет об Алтае. В археологической литературе можно считать более или менее доказанным факт локализации аримаспов на Алтае или в юго-западных предгорьях Алтая. Действительно, на Алтае и прилегающих к нему отрогах и предгорьях в период раннего железного века и в последующие эпохи очень много добывали золота [1]. Не случайно, что одна из самых богатых коллекций древнего золота — «Сибирская коллекция Петра I», хранящаяся в Государственном Эрмитаже Российской Федерации, по мнению большинства современных исследователей, родом из Алтая.

В послании Томирис Киру есть следующие слова: если ты не уйдешь с моей земли подобру-поздорову, «то клянусь тебе богом солнца, владыкой массагетов, я действительно напою тебя кровью, как бы ты ни был ненасытен» (Геродот, I, 212). В конце концов Томирис перебила

войска Кира и «велела всунуть его голову в мех. Затем, издеваясь над покойником, она стала приговаривать так: «Ты все же погубил меня, хотя я осталась в живых и одолела тебя в битве, так как хитростью захватил моего сына. Поэтому-то вот теперь, я как и грозила тебе, напою тебя кровью» (Геродот, I, 214). У скифов, вероятно, существовал обычай «насытить человеческой кровью» своего проклятого врага.

В другом месте книги читаем: «Военные обычаи скифов следующие. Когда скиф убивает первого врага, он пьет его кровь» (Геродот, IV, 64). Из данного текста мы узнаем, что высшей формой исполнения мести у массагетов являлся обычай выпивания крови своего проклятого врага. Вообще, такой обычай и связанные с ним представления, вероятно, универсальны для многих народов мира. В то же время хотелось бы заметить, что такой обычай широко бытовал у древних тюрков и дошел в вербальной форме до многих современных тюркоязычных народов. Например, казахи как высшую угрозу своим врагам используют изречение: «Қанынды ішемін» / «Выпью твою кровь».

Слова Томирис: «Клянусь тебе богом солнца» - непременно означает, что верховным богом массагетов было Солнце. В другом месте своей книги Геродот так характеризует бога массагетов: «Единственный бог, которого они почитают, это - солнце. Солнцу они приносят в жертву коней, полагая смысл этого жертвоприношения в том, что самому быстрому богу нужно приносить в жертву самое быстрое существо на свете» (Геродот, I, 216). Действительно, Солнце и связанные с почитанием этого божества культы – культ востока, культ огня, культ коня и другие священнодействия широко представлены в сакском мировоззрении и обрядности [2].

Геродот рассказывает легенду о том, как скифы по возвращении из Верхней Азии, где правили 28 лет, встретили сопротивление детей своих рабов. Содержание легенды таково: «Когда затем после 28-летнего отсутствия спустя столько времени скифы возвратились в свою страну, их ждало бедствие, не меньше, чем война с мидянами: они встретили там сильное вражеское войско. Ведь жены скифов вследствие долгого отсутствия мужей вступили в связь с рабами» (Геродот, IV, 1). Войско рабов было очень грозное, и непросто было их одолеть. Вначале они готовились к войне с ними. Тогда один скифский мудрец сказал следующее: если мы пойдем против них с оружием, они непременно будут воевать с нами. Надо идти к ним с плетью в руках, тогда им вспомнится их рабское прошлое, и они побегут прочь, и мы их снова подчиним себе. Таким образом скифы снова подчинили своих рабов (Геродот, IV,3). Отголоски этого весьма древнего сюжета мы встречаем в казахских богатырских и лиро-эпических поэмах, где после долгого отсутствия героя-богатыря страной его правят вчерашние слуги, рабы.

Геродот пишет: «Всех своих рабов скифы ослепляют. [Поступают они так] из-за молока кобылиц, которое они пьют... После доения молоко выливают в полые деревянные чаны. Затем, расставив вокруг чанов слепых рабов, скифы велят им взбалтывать молоко. Верхний слой отстоявшегося молока, который они снимают, ценится более высоко, а снятым молоком они менее дорожат. Вот почему ослепляют всех захваченных ими пленников. Скифы ведь не землепашцы, а кочевники» (Геродот, IV, 2). Вряд ли соответствует действительности сообщение о том, что именно из-за сливок кобыльего молока или вообще из-за молока скифы ослепляют своих рабов. Эту часть текста Геродота можно опустить как сказочный сюжет, а обратить внимание на утверждение автора, что скифы - не землепашцы, а кочевники, что они кобылье молоко содержат в деревянных чанах, и на технологию приготовления кумыса скифами, описанную Геродотом. Содержание кобыльего молока или вообще молочных продуктов в деревянных чанах, наряду с кожаной посудой, подтверждается археологическими материалами. Эта традиция сако-скифов, особенно ярко проявляется в богатых лесом регионах, как Алтай и его окрестности [3]. В целом из этого текста мы узнаем, что скифы, как и древние тюрки и их потомки-кочевники: казахи, киргизы, башкиры - много разводили лошадей, одним из основных напитков их было заквашенное кобылье молоко - кумыс, который по технологии приготовления требует периодического и долгого взбалтывания (пісу) и хранится в деревянных чанах типа казахского күбі.

По рассказам скифов, народ их моложе всех. А произошел он таким образом. Первым жителем этой еще необитаемой страны был человек по имени Таргитай. Родителями этого Таргитая, как говорят скифы, были Зевс и дочь реки Борисфена. Такого рода был Таргитай, а у него было трое сыновей: Липоксаис, Арпоксаис и самый младший - Колаксаис. В их царствование на скифскую землю с неба упали золотые предметы: плуг, ярмо, секира и чаша. Первым увидел эти вещи старший брат. Едва он подошел, чтобы поднять их, как золото запылало. Тогда он отступил, и приблизился второй брат, и опять золото было объято пламенем. Так жар пылающего золота отогнал обоих братьев, но когда подошел третий, младший, брат, пламя погасло, и он отнес золото к себе в дом. Поэтому старшие братья согласились отдать царство младшему (Геродот, IV, 5). В этой легенде определенным культуро-генетическим ядром являются три вещи. Во-первых, несколько искаженные греками имена первых скифов Таргитай, Липоксай, Арпоксай, Колаксай, где-то, хоть далеко созвучны с тюркскими именами людей и местностей (например, сравни: Тарғылтай, Бурылтай, Жирентай, Жұматай, Қарасай, Арпайсай, Көлсай, Жетісай и т.п.). Несомненно, имя Таргитай в правильном тюркском звучании имело бы форму Тарғылтай. В этом случае невольно

на ум приходит общий предок тюркских народов – Алаш, Алаша. Для знакомого с тюркским языком человека между словами «тарғыл» и «ала» есть несомненная связь в смысловом отношении. В названии масти лошадей они оба обозначают разновидности пегой масти. Во-вторых, упавшие с неба все предметы золотые. Это еще раз доказывает особую приверженность сако-скифов золоту и культу золота. В-третьих, золотое наследство достается именно младшему сыну. По обычаю древних тюрков, позднее тюркских народов, в частности казахов, старших сыновей отец наделяет отдельным хозяйством еще при жизни, а отцовский шанырак и его основное богатство, наследство полностью передается младшему сыну.

По легендам скифов, со времени первого царя Таргитая до вторжения в их в землю Дария прошло как раз только 1000 лет. Мне кажется, легенда имеет под собой определенную историческую подоплеку. Возможно, в основе этой скифской легенды о том, что история этого народа начинается за тысячу лет до Таргитая, лежит эхо, дальний отголосок исторической памяти древнего населения Евразии эпохи бронзы и сако-скифского времени. По историко-культурным параметрам предшествующая сакской андроновская, или в целом, бронзовая культура на территории Евразии имела продолжительность около одной тысячи лет. Большинство исследователей признает, что между бронзовой и сако-скифской культурой существует достаточно тесная культурно-историческая связь и приемственность.

Далее Геродот сообщает: «Так как земли у них было много, то Колаксаис разделил ее, по рассказам скифов, на три царства между своими тремя сыновьями. Самым большим он сделал то царство, где хранилось золото. В области, лежащей еще дальше к северу от земли скифов...». Вообще, такое троичное деление земли, племен, войска после сако-скифов нашло историко-генетическое продолжение в традиции гуннов, древних тюрков и дошло в такой яркой форме до поздних казахов.

В плане поиска этнокультурных истоков скифов интересна легенда, по которой Геракл от женщины, получеловека-полузмеи, занял трех сыновей. Перед возвращением в свою страну Геракл жене дает следующее наставление: когда дети вырастут, дай им по очереди этот лук и пояс. Оставляешь в стране только того, кто, как я, натянет лук и, как я, оденет пояс. «С этими словами Геракл натянул один из своих луков (до тех пор Геракл носил два лука). Затем, показав, как опоясываются, он передал лук и пояс (на конце застежки пояса висела золотая чаша) и уехал (выделено нами – А.Т.). Когда дети выросли, мать дала им имена. Одного назвала Агафирсом, другого Гелоном, а младшего Скифом. Затем, помня совет Геракла, она поступила, как велел Геракл. Двое

сыновей – Агафирс и Гелон не смогли справиться с задачей, и мать изгнала их из страны. Младшему же Скифу удалось выполнить задачу, и он остался в стране. От этого Скифа, сына Геракла, произошли все скифские цари. И в память о той золотой чаше еще и до сего дня скифы носят чаши на поясе (выделено нами.– А.Т.) (Геродот, IV, 10). Как мы замечаем, и здесь победа в соревновании достается младшему сыну, как в древнетюркских и позднетюркских традициях. В плане поиска культурогенетических связей нам интересно сообщение Геродота о том, что «скифы носят чаши на поясе». Не требует доказательства тот факт, что скифская традиция носить чашу на поясе нашла продолжение у древних тюрков, которая достаточно ярко представлена в их балбалах.

Далее Геродот пишет: «Вплоть до области этих скифов вся упомянутая выше страна представляет равнину с толстым слоем почвы. А отсюда земля уже твердая, как камень, и неровная. После долгого перехода по этой каменистой области придешь в страну, где у подножья высоких гор обитают люди. Как передают, все они, как мужчины, так и женщины, лысые от рождения, плосконосые и с широкими подбородками. Говорят они на особом языке, одеваются по-скифски, а питаются древесными плодами... Каждый живет под деревом. На зиму дерево всякий раз покрывают плотным белым войлоком (подчеркнуто нами – А.Т.), а летом оставляют без покрывки. Никто из людей их не обижает, так как они почитаются священными, и у них даже нет боевого оружия. Они улаживают распри соседей, и если у них найдет убежище какой-нибудь изгнанник, так его никто не смеет обидеть. Имя этого народа - агриппеи» (Геродот, IV, 23). Если убрать с текста некоторые чисто сказочно-легендные, вымышленные, мифологические моменты, то можно в общем предположить, что Геродот понаслышке (именно понаслышке) пишет о прототюркских и монголоидных племенах горного Алтая и Сибири. Таким образом, если следовать историческим сведениям Геродота, то племена агриппеи, относящиеся современными исследователями к народам скифо-сакской группы, во-первых, были монголоидами (плосконосые и широким подбородком), жили в деревянных жилищах, покрытых войлоком. Вообще, результаты антропологических исследований последних лет о людях послесакского и сакского времени из северо-восточных районов Казахстана и Сибири указывают и на значительную степень монголоидных черт в их антропологическом облике [4].

С нашей точки зрения, определенный интерес представляет следующее сообщение Геродота. Гипербореи свои священные дары в Делос отправляют завернутыми в пшеничную солому через соседей... (Геродот, IV, 33). Две молодые женщины Арга и Опис несли Илифии священные дары, обещанные за быстрые и легкие роды. Как передают, Арга и Опис прибыли из гиперборейской страны вместе с самими божествами [Аппо-

лоном и Артемидой], и делосцы им также воздают почести. В их честь делосские женщины собирают дары [в их честь сочиняют гимны – А.Т.]. В гимне, сочиненном ликийцем Оленом, (сравни: тюркский «өлен») женщины призывают их поименно...Этот Олен пришел в Делос из Ликии и сочинил также и другие древние гимны, которые поются в Делосе. Пепел от бедер жертвенных животных, сожженных на алтаре, они рассыпают на могиле Опис и Арги... (Геродот, IV, 35). Из текста видим, что у гипербореев существовал обычай приносить дары святилищам в честь женских божеств, способствующих облегчению родов. По всей вероятности, сако-скифские женские божества, помогающие женщинам при беременности и родах, были прототипами таких покровитель-божеств, как Умай-ана, Айсыйт у древних и поздних тюрков [5]. В честь этих женских божеств поют гимны, сочиненные автором по имени Олен. На мой взгляд, Геродот ошибочно называет Оленом автора гимна. Более вероятно, что сам гимн этот назывался «оленом - өлен», что в современных тюркских языках, в частности, на казахском означает «песня».

Говоря о военном искусстве скифов, Геродот пишет: «Среди всех известных нам народов только скифы обладают одним, но зато самым важным для человеческой жизни искусством. Оно состоит в том, что ни одному врагу, напавшему на их страну, они не дают спастись; и никто не может их настичь, если только сами они не допустят этого. Ведь у скифов нет ни городов, ни укреплений, и свои жилища они возят с собой. Все они конные лучники и промышляют не земледелием, а скотоводством; их жилища – кибитка. Как же такому народу не быть неодолимым и неприступным?» (Геродот, IV, 46). Описанный Геродотом образ жизни, военная тактика, хозяйственная деятельность и быт нашли определенно точное продолжение у прототюрков, тюрков и у последующих кочевых тюркоязычных народов Евразии. В связи с этим хотелось бы заметить, что почти все существующие до сих пор исследования по культуре и языку скифов, да и саков считают их представителями индо-иранской культуры и языка. Относительно языковой принадлежности саков, да и скифов, я не могу сказать ничего утвердительного. Но судя по результатам и направлению языковых исследований по этой проблеме [6], я уверен, что прототюркоязычность, тюркоязычность, по крайней мере, азиатских саков, будет доказана в недалеком будущем. Мой опыт многолетних исследований сакской культуры все больше убеждает в том, что сакская культура по своим главным культуроформирующим, узловым, стержневым характеристикам в большей степени является протюркской, тюркской, нежели индо-иранской. Мы уверены, что культурогенетическая связь между саками и последующей древней, средневековой тюркской цивилизацией прослеживается не эпизодически, а

системно. В исследовании этой проблемы я прогнозирую два возможных пути развития. Или будет доказана в большей степени тюрко-язычность саков и тюрко-профильность сако-скифской культуры. Или же мы придем к более близкой к исторической действительности истине, выводам и заключениям о том, что сако-скифский язык и культура сформировались из естественно-исторического скрещивания, взаимодействия, симбиоза, с одной стороны, тюркского, с другой, индо-арийского (индо-иранского) языков и культуры.

По Геродоту, «все договоры о дружбе, освященные клятвой, у скифов совершаются так. В большую глиняную чашу наливают вино, смешанное с кровью участников договора (для этого делают укол шилом на коже или маленький надрез ножом). Затем в чашу погружают меч, стрелы, секиру и копье. После этого обряда произносят длинные заклинания, а затем как сами участники договора, так и наиболее уважаемые из присутствующих пьют из чаши» (Геродот, IV, 70). Точно такими обрядовыми действиями скрепляли договор древние тюрки и тюркские народы Средней Азии. Договор о дружбе — «тамырство», договор о сватовстве казахи скрепляли точно таким образом [7].

«Гробница царей находятся в Геррах. Когда у скифов умирает царь, то там вырывают большую четырехугольную яму. Подготовив яму, тело поднимают на телегу, покрывают воском; потом разрезают желудок покойного; затем очищают его и наполняют толченым кипером, благовониями и семенами сельдерея и аниса [8]. Потом желудок снова зашивают и везут на телеге к другому племени. Жители каждой области, куда привозят тело царя, при этом поступают так же, как и царские скифы. Они отрезают кусок своего уха, обстригают в кружок волосы на голове, делают кругом надрез на руке, расцарапывают лоб и нос и прокалывают левую руку стрелами. У древнетюркских и позднетюркских народов этнографически засвидетельствован факт расцарапывания оплакивающими женщинами своего лица. Затем отсюда везут покойника на повозке в другую область своего царства. Сопровождают тело те, к кому оно было привезено раньше. После объезда всех областей они снова прибывают в Герры к племенам, живущим в самых отдаленных пределах страны, и к царским могилам. Там тело на соломенных подстилках опускают в могилу, по обеим сторонам втыкают в землю копья [9], а сверху настилают доски и покрывают их камышовыми циновками. В остальном обширном пространстве могилы погребают одну из наложниц царя, предварительно задушив ее, а также виночерпия, повара, конюха, телохранителя, вестника, коней, первенцев всяких других домашних животных, а также кладут золотые чаши (серебряных и медных сосудов скифы для этого вовсе не употребляют). После этого все вместе насыпают над могилой большой холм, причем наперерыв стараются сделать его

как можно выше» (Геродот, IV, 71). Обычай сооружения больших курганов в соответствии с общественным положением и рангом умершего известен и по другим источникам о скифах и саках. Этот скифский похоронный обычай за исключением некоторых неуловимых археологическими материалами конкретных деталей зафиксирован в результате раскопок сако-скифских элитарных курганов [10]. Спустя год они вновь совершают такие погребальные обряды: из остальных слуг покойного царя выбирают самых усердных (все они коренные скифы: ведь всякий, кому царь прикажет, должен ему служить; купленных же за деньги рабов у царя не бывает). Итак они умерщвляют 50 человек из слуг удушением (также 50 самых красивых коней), извлекают из трупов внутренности, чрево очищают и наполняют отрубями, а затем зашивают. Потом на двух деревянных стойках укрепляют половину колесного обода выпуклостью вниз, а другую половину — на двух других столбах. Таким образом они вколачивают много деревянных стоек и ободьев; затем, проткнув лошадей толстыми кольями во всю для туловища до самой шеи, поднимают на ободья. На передних ободьях держатся плечи лошадей, а задние подпирают животы у бедер. Передние и задние ноги коней свешиваются вниз, не доставая до земли. Потом коням надевают уздечки с удилами, затем натягивают уздечки и привязывают их к колышкам. Всех 50 удушенных юношей сажают на коней следующим образом: в тело каждого втыкают вдоль спинного хребта прямой кол до самой шеи. Торчащий из тела нижний конец кола вставляют в отверстие, просверленное в другом коле, проткнув сквозь туловище коня. Поставив вокруг могилы таких всадников, скифы уходят» (Геродот, IV, 72). Аналогичные обычаи сопровождения покойника лошадьми, иногда и слугами, достаточно хорошо документированы археологическими материалами сако-скифского периода. А об обычае вывешивания трупа коня или его чучела из шкуры с головой и хвостом у могилы свидетельствуют палеоэтнографические материалы и исторические документы древних и средневековых тюрков. Вообще яркие пережитки обычая сопровождения покойника конной процессией среди современных тюркоязычных и индоарийских народов Евразии сохранились у казахов [11] и осетин [12]. Думается, такая устойчивость древней традиции именно у этих народов исторически объяснима. Ибо, на мой взгляд, именно казахи среди тюркоязычных народов и осетины в среде индоевропейских этносов, в силу объективных исторических причин, в большей степени сохранили культууроформирующие элементы древней сако-скифской историко-культурной общности.

«Когда же умирают все прочие скифы, то ближайшие родственники кладут тело на повозку и возят по всей округе к друзьям. Все друзья принимают покойника и устраивают сопровождающим угощение, причем подносят и покойнику отведать тех же яств, что и остальным. Про-

стых людей возят таким образом по округе сорок дней, а затем предают погребению. Вообще универсальный для многих тюркских, отчасти славянских народов [13] обычай устраивать поминки на сороковой день, по всей вероятности, своими корнями восходят к обычаям древних племен Евразии.

После похорон скифы очищают себя следующим образом: сперва умащивают тело и промывают голову, а тело [очищают паровой баней], поступая так: устанавливают три жерди, верхними концами наклоненные друг к другу, и обтягивают их затем шерстяным войлоком; потом стягивают войлок как можно плотнее и бросают в чан, поставленный посреди юрты, раскаленные докрасна камни» (Геродот, IV, 73). Аналогичный способ водно-парового очищения в точно таких же конусовидных шалашах, каркас которых составлялся из трех или более жердей, скрепленных наверху и покрытых плотным слоем кошмы, существовал у древних, средневековых тюрков и дошел. У казахов Восточного Казахстана такие бани существовали до середины XX века.

«Проникнув в землю будинов, персы нашли там город, окруженный деревянной стеной... и персы передали его огню. После этого персы продолжали следовать все дальше за отступающим противником, пока, пройдя через эту страну, не достигли пустыни. Пустыня эта совершенно необитаема, расположена она севернее страны будинов и тянется в длину на семь дней пути. Севернее этой пустыни живут фиссагеты. Из их земли текут четыре большие реки через область меотов и впадают в так называемое озеро Меотиду. Названия этих рек: Лик, Оар, Танаис и Сиргис» (Геродот, IV, 123).

Описанная Геродотом территория, на мой взгляд, соответствует землям северо-западных областей Казахстана, реки, указанные в его произведении, соответствуют по звучанию названиям и расположению рек Илек (у Геродота Лик), Ор (Оар), Иргиз (Сиргис у Геродота) на территории Актюбинской области. Отсюда, мне кажется, напрашивается вопрос пересмотра локализации реки Танаис. Во многих известных работах Геродота Танаис приравнивался реке Дон. Мне кажется, в данном случае Геродот под Танаисом подразумевает рядом лежащих с перечисленными реками (Илек, Ор, Иргиз) реку Жайык (Урал).

Для нас интересно и следующее сообщение Геродота: «Так как война затягивалась и конца ей не было видно, то Дарий отправил всадника к царю скифов Иданфирсу с приказанием передать следующее: «Чудак! Зачем ты все время убегаешь, хотя тебе представлен выбор? Если ты считаешь себя в состоянии противиться моей силе, то остановись, прекрати свое скитание и сразись со мною. Если же признаешь себя слишком слабым, тогда тебе следует также остановить бегство и, неся в дар твоему владыке землю и воду, вступить с ним в переговоры» (Геро-

дот, IV, 126). На эти слова царь скифов Иданфирс ответил так: «Мое положение таково, царь! Я и прежде никогда не бежал из страха перед кем-либо и теперь убегаю не от тебя. И сейчас я поступаю так же, как обычно в мирное время. А почему я тотчас же не вступил в сражение с тобой - это я также объясню. У нас нет ни городов, ни обработанной земли. Мы не боимся их разорения и опустошения и поэтому не вступили в бой с вами немедленно. Если же вы желаете во что бы то ни стало сражаться с нами, то вот у нас есть отеческие могилы. Найдите их и попробуйте разрушить, и тогда узнаете, станем ли мы сражаться за эти могилы или нет. Но до тех пор пока нам не благорассудится, мы не вступим в бой с вами... Владыками же моими я признаю только Зевса и Гестию, царицу скифов. Тебе же вместо даров – земли и воды – я пошлю другие дары, которых ты заслуживаешь. А за то, что назвал себя моим владыкой, ты мне еще дорого заплатишь! Таков был ответ скифов» (Геродот, IV,127). Развитый культ умерших предков и связанное с ним особое почитание могил предков было особо характерно для кочевых, в частности для древнетюркских и средневековых тюркских племен и народов [14].

Некоторые обычаи ливийских племен насамонов сходны с массагетскими. «Обычаи же при клятвах и гаданиях вот какие: они приносят клятвы, упоминая самых справедливых и доблестных мужей древности, и при этом возлагают руки на их могилы. Для гадания они также приходят к могилам предков и, помолившись, ложатся спать на могиле. И всякому сновидению гадающий верит» (Геродот, IV, 172). Такой обычай мы фиксируем в этнографических исследованиях древних и поздних тюрков. Аналогичные обычаи при даче клятвы известны у казахов и у других тюркоязычных народов. Для гадания и прошения помощи казахи также ночевали на могилах своих знаменитых предков, и сон, увиденный при ночевке (ночлеге), считался предзнаменованием будущей судьбы.

Геродот, описывая бактрийцев, дает сведения об их головном уборе, луках и копьях: «Саки же (скифское племя) носили на головах высокие островерхие тюрбаны, плотные, так что стояли прямо. Они носили штаны, а вооружены были сакскими луками и кинжалами. Кроме того, у них были еще сагарисы – [обюдоострые] боевые секиры. Это племя (оно было собственно, скифским) называли амиргийскими саками. Персы ведь всех скифов зовут саками. Бактрийцами и саками предводительствовал Гистасп, сын Дария и Атоссы, дочери Кира» (Геродот, VII,64).

4.4. Сако-скифские и казахские параллели в похоронно-поминальных обычаях

Время существования сако-скифской этнокультурной общности, по примерным оценкам исследователей, относится хронологической рамке VIII – III в. до н.э., т.е. они от этнографической культуры казахов XVIII – нач. XX века находятся во временном расстоянии около 2,5-3 тысячи лет. Если следовать научным установкам и методике некоторых археологов советского, да и постсоветского времен, то сравнивать культурные явления древности и нового времени научно неоправданно, это приводит к ошибочным выводам. Мне думается, это не совсем правильный подход.

Дело в том, что такая жесткая установка сильно ограничивает источниковедческие и аналитические возможности культурно-генетических исследований. Почему же не сравнивать палеоэтнографические (археологические) и поздние этнографические материалы, явления и артефакты, если традиционная связь между ними налицо, и, главное, не только по форме, но и по содержанию и смысловой нагрузке.

Мы постарались с большой осторожностью и, по возможности, со скрупулезностью вести поиски затерянных культурных нитей, золотой жилы, связывающих древнюю культуру архаических, древних и поздних сако-скифов с традициями казахов средневековья и нового времени. Само собой разумеется, что эти связи были не прямые, а опосредованные. Указанные традиции от саков к казахам переходили от (через) древнетюркских (хунну, юэчжи, усунь) и ранних тюркских племен и народов. В лоне тысячелетий были утеряны или до неузнаваемости преобразованы многие традиции, были привнесены совершенно новые культурные ценности. Поэтому культурно-генетические исследования представляют собой архисложное и не всегда благодарное занятие.

Как исследователь этнографических традиций древних, средневековых и поздних этносов центральной степной, предгорной и горной части Евразии, я все больше убеждаюсь в том, что на этом сложном культурно-историческом пространстве во все эти времена (по крайней мере, начиная с эпохи бронзы) существовали достаточно тесные взаимосвязи, взаимодействия, взаимовлияния, приведшие к хозяйственно-культурному и языковому симбиозу и синкретизму. Мы считаем, что это результат тысячелетних хозяйственных, этнокультурных и языковых процессов между представителями, в основном, древней алтайской, индоевропейской, уральской семей языков. До сих пор при решении проблем культурно-исторической и языковой принадлежности ски-

фо-сибирских и сакоидных этнических общностей господствовали индо-арийская, индо-иранская, славянская, в целом, индоевропейская концепции и научные разработки. Я считаю, что все это было связано с незаслуженной, иногда предвзятой недооценкой роли и места прототюркских (алтайских), тюркских племен в культурогенезе народов древней и средневековой Евразии.

Похоронно-поминальные обычаи и обряды являются достаточно устойчивыми составляющими культуры этноса, о чем свидетельствуют достаточно системные реликтовые параллели между разноэпохальными этносами.

Аристей – один из героев греческой мифологии, живший в VII-VI вв. до н.э., по свидетельству Геродота, в своем путешествии на север дошел до владений народа исседонов и написал о них поэму «Аримаспейский эпос». О самом Аристее в античных источниках имеется много легендарных рассказов. Например, о его душе, покидающей тело и летающей, подобно птице, «обозревая все внизу – землю, море, реки, города, народы... затем душа вернувшись, оживляла его тело, и оно рассказывало о разных вещах, которые душа видела и слышала в различных местах [1, с.96]. Содержание легенды очень созвучно с казахскими легендами и представлениями. По моим полевым материалам середины 70-х годов прошлого столетия, старшие по возрасту казахи-информаторы человеческую душу представляли в трех видах: шыбын жан (душа-«муха»), ет жан (телесная душа) и рухи жан (дух). Шыбын жан – душа в виде маленькой мухи; во время сна она оставляет человека и странствует, и человек видит во сне то, что видит эта душа: если она сядет на капельку воды, то человек во сне видит воду, реки и моря; если она сядет на маленький бугорок – человек видит горы. Утром душа-муха снова вселяется в человека, и он просыпается. Считается опасным резко будить человека, «душа не успеет вселиться» [2, с.88-89].

Древние пазырыкцы своих родных обычно хоронили в зимних пастбищах. «Погребениями родных на зимних пастбищах пазырыкцы как бы закрепляли за собой территорию, которую покидали на лето... Этот обычай, - писал С.И. Руденко, - прошел сквозь века; казахи и киргизы до недавнего времени хоронили своих умерших только в зимовках» [3, с.9; 4, с.14]. Действительно, казахи своих умерших хоронили в родовом кладбище, которое обычно находится вблизи их зимовки – қыстау.

Курганы служили своеобразными знаками, закрепляющими право на владение отдельными семьями и родами определенной территории [5, с.124]. Этот обычай продолжал иметь место в быту поздних кочевников-казахов. По обычному праву казахов, маркерами, обозначающими границы земельных владений (пастбищ), были именно могилы известных предков рода, племени.

Пазырыкские зимники могли быть похожи на те, что видел во время своих путешествий по Алтаю в 1860-1870 годах В.В. Радлов: восьмиугольная бревенчатая постройка с крышей такой же формы, сужающейся кверху, с дымовым отверстием и покрытая слоями березовой коры [6, с.139]. Похожие, но шестиугольные бревенчатые постройки на Алтайских зимниках были описаны С.С. Сапожниковым [7, с.53]. Аналогичные бревенчатые постройки у казахов Алтая до недавнего времени служили в качестве тошала – прохладного хозяйственного помещения для хранения мяса и других продуктов.

Деревянная гробница в Шиликты построена из толстых, впритык уложенных двурядных лиственничных бревен по принципу сруба-клетки. По вертикали гробница имеет семь рядов, причем бревна уложены друг на друга без всяких креплений и вырубков. Открытое пространство между бревнами были заполнены битым камнем. Общий вид деревянной гробницы с востока напоминает пирамидальное сооружение, ступенями суживающееся кверху [9, с.329]. Следует отметить, что именно эта конструкция надгробного сооружения оказалась наиболее исторически стойкой и почти в неизменном виде дошла до середины XX века. Когда мы общались с казахами Китайского Алтая, были свидетелями бытования таких, в несколько упрощенной форме деревянных надгробных сооружений.

Лиственница для строительства гробницы в Шиликты была привезена с урочища Карасай, расположенного в северной оконечности долины, на расстоянии около 25 км. Транспортировку осуществляли путем волочения с помощью волов, лошадей и верблюда. Следы волочения длинных стволов, диаметром 40-60 см и длиной до 12 м видны на тонком конце ствола, которая имеет явные следы скошенности. Все стволы в самом толстом конце имели проушины. Кстати, таким же образом казахи Шиликтинской долины транспортировали стволы и в 30-40-е годы XX столетия, о чем нам сообщил один из старейших жителей села Жалши, наблюдавший за вскрытием бревен гробницы [10].

Использование дерна для строительства земляного кургана широко встречается в сако-скифских курганах, например, в курганах Шиликты, Байгара, Салбык и др. Их в основном использовали как укрепляющий, опорный материал. В предгорьях Тарбагатая и в Шиликтинской долине местное население до сих пор использует вальки дерна в качестве строительного материала.

В погребальной камере Байгетобе и в сакском кургане Базаршаты были обнаружены сланцевые подушки. В памятниках пазырыкской культуры встречается обычай подкладывания продолговатого валуна или сланцевой плитки – каменной подушки под голову умершего, иногда такую подушку изготавливали из дерева /Уландрык, Юстыд/ [11, с.28]. Овальные деревянные и войлочные подушки встречаются в боль-

ших пазырыкских и других курганах Алтая [12, с.86-87, рис.37-39, с.89, рис.42; 4, с.25]. Очень близкий обычай до сих пор существует у некоторых групп казахов. Когда начинают рыть могилу, сначала выкапывают небольшой кусочек из задернованной поверхности земли, и этот валец откладывают в сторону, называется он «бас жастык», т.е. «подушка для головы». Во время укладывания человека в могильную яму этот валец земли подкладывают ему под голову. На мой взгляд, этот обычай казахов является поразительным реликтовым обычаем, берущим свое начало с сакских времен.

Вообще, близкие по культуре и языку к казахам алтайцы хоронили шаманов до недавнего времени по скифской традиции – в скорченной позе и с каменной подушкой под головой [13, с.88].

В условиях мерзлоты уландрыкских курганов В.Д. Кубаревым был хорошо задокументирован обычай расположения мужчин в южной половине сруба, а женщин - в северной половине. Алтайские саки мужчину всегда хоронят в правой части сруба, иногда вплотную к его южной стенке, а женщину в северной или центральной части сруба, ближе к «хозяйственному отсеку». Такой порядок расположения мужчины и женщины неизменно повторяется в десятках памятниках пазырыкской культуры [5, с.26]. У хуннов правая от входа – хозяйственная половина юрты, левая от входа была мужской [14, с.85]. Такое подразделение внутреннего пространства сруба на мужскую и женскую половины, по мнению В.Д. Кубарева, соответствует традиционному подразделению современных монголов и алтайцев пространства жилища, где правая сторона от входа считалась женской, а левая – мужской [15, с.293; 5, с.125-127]. Отсюда нетрудно заметить, что расположение покойников внутри погребальной камеры строго соответствовало их месторасположению внутри жилого помещения при жизни. Аналогичная традиция распределения внутреннего горизонтального пространства юрты существовала и у казахов. У них правая сторона юрты считалась мужской, а левая – женской (отсчет велся от человека, сидящего на «төр» - самом почетном месте в юрте, лицом к двери) [16, с.323-324].

Курган Байгетобе, построенный в честь особо почитаемого члена данной группы сакского сообщества располагается в начале всей курганной группы – помещен в самой южной оконечности могильника. Особое почитание социально продвинутых членов рода или племени, отраженное в топографии памятников, мы наблюдаем и в других памятниках сако-скифской культуры, Например, в Уландрыке памятники глав больших семей или родоначальников располагались в начале или в середине курганной цепочки и выделялись большими размерами. Исследователь В.Д. Кубарев очень правильно указывает на то, что «...погребальный обряд неизбежно отражает конкретные социально-экономические условия, в которых жил умерший. Поэтому погребальные

сооружения до мельчайших деталей моделируют те реальные условия и формы жизни, в которых существовал древний кочевник» [5, с.123]. Планировка могильника с определенной условностью повторяет порядок размещения жилищ живых. У азиатских кочевников юрту главы аула обычно ставили с подветренной стороны, молодые не могли ставить свою юрту впереди старших [17, с.182; 18, с.30].

Одним из обязательных требований для участников похорон у саков было полное физическое очищение. Перед участием в похоронах и после они тщательно умывались в банях [19]. Конструкция и принцип работы сакской бани был очень прост. Недалеко от водного источника собирали кучу камней и над ней разводили большой костер. После того, как камни сильно нагревались, а от костра оставались лишь угольки, над ними из трех-шести шестов строили небольшой конусовидный шалаш с очень маленьким дымовым отверстием сверху. Шалаш был так плотно укутан со всех сторон, что тепло не уходило за пределы. Затем путем брызгания воды на камень получали пар и умывались. В конце банной процедуры или в перерывах входили в холодный горный ручеек или в речку для ополаскивания и освежения. Такую банную процедуру на основе геродотовских сообщений в свое время описывала Тамара Райс. Точно такие шалаша, построенные из шести шестов, покрытые сверху кошмой и шкурами, с каменным казаном в центре и коноплянными семечками вокруг, найдены в Пазырыкских элитных курганах [20, с.92-93].

Аналогичный способ водно-парового очищения в точно таких же конусовидных шалашах, каркас которых составлялся из трех или более жердей, скрепленных поверху и покрытых плотным слоем кошмы, существовал у древних и средневековых тюрков и дошел до этнографического периода. У казахов Восточного Казахстана такие бани существовали до середины XX века.

По имеющимся данным, у саков и скифов существовал обычай погребения своих умерших сородичей только в определенное время года - в начале лета или осенью. Обычай этот достаточно хорошо зафиксирован у населения карасукской, тагарской и пазырыкской культур [21, с.106-107; 12, с.326; 20, с.90; 5, с.128]. Следует заметить, что обычай этот в пережиточном виде сохранился и у тюрков. О тюрках тюгу китайские хроники пишут следующее: «Умершего весной и летом хоронят, когда лист на деревьях и растениях начнет желтеть и опадать; умершего осенью и зимою хоронят, когда цветы начинают разворачиваться» [22, с.230].

По-моему, эта традиция под собой имела природно-климатическую причину и была связана с хозяйственно-производственным циклом жизни кочевников. Умершего зимой человека в виду трудности рытья могилы сохраняли до весны способом «аманат кою», т.е. из трупа извлекали все внутренности и временно содержали в небольшой пеще-

ре, тщательно заложив камнем ее вход. С уходом снега и оттаиванием мерзлоты человека хоронили на территории зимника — кыстау. Летом кочевники вслед за скотом в поисках свежих пастбищ уходили далеко от постоянной стоянки — зимовки. Поэтому обычай временного содержания покойника «аманат кою», вероятно, практиковался и в летнее время. Летом из трупа извлекали все внутренности, затем вместо них живот заполняли антисептическими травами, и труп с вновь зашитой брюшной полостью временно хоронили высоко в горах, во временно построенных из камня небольших могилах на поверхности скальных камней. По мнению исследователей, и бальзамирование преследовало цель сохранения трупа при временном содержании умершего человека [20, с.90]. Затем осенью по возвращении в зимник или приближении к нему совершали постоянное захоронение умершего летом человека.

По мнению В.Д. Кубарева, ранние кочевники хоронили обычно весной или летом, и к тому времени, возможно, еще кто-то умирал в семье. Может быть, этими обстоятельствами объясняются парные и коллективные погребения [23, с.26].

По мнению исследователей, самым устойчивым признаком погребального обряда, характерного для населения Алтая в скифское время, являются сопроводительные захоронения коней. По нашему мнению, очень древняя традиция сопровождения покойника на конях связана с практической ролью коня при жизни и в потустороннем мире кочевника. О практической роли коня в качестве транспортного животного в потустороннем мире дополнительно свидетельствуют еще и обычаи древних тюрков Алтая, когда на втором заседланном коне были приторочены переметные сумы с пищей и различными предметами, которые могли понадобиться в дороге в потусторонний мир [5, с.130].

Захоронения лошадей широко встречается в Аржанских, Пазырыкских и Берельских и других курганах азиатских сако-скифов. Высокопородистые кони рыжей масти преобладали в сопроводительных захоронениях лошадей больших курганов Пазырыка. Захоронения с конем, иногда в очень большом количестве, встречаются и у европейских скифов [24].

В Пазырыке существовал обычай выстилать погребальную камеру умершего вождя отрезанными хвостами и гривами лошадей [25, с.46]. На всех известных пазырыкских изображениях коней на войлочном ковре, на костяных накладках на луках седла показаны лошади с стриженными гривами. Исследователи считали это просто признаком верховой лошади [26, с.64; 27, с.178; 4, с.80]. На мой взгляд, это связано с обычаем саков отрезать хвосты и гривы у посвященных лошадей для умершего человека. Действительно, сопровождающие покойника лошади имели стриженные гривы и хвосты. Этот обычай ярко сохранился у поздних тюркских народов, в частности у казахов. Например, казахи

посвященному для умершего коню (обычно это был его «собственное седло») коротко стригли гривы и хвост и отпускали на волю до годовых поминок [28, с.35-40].

По сообщению многих дореволюционных авторов [29, с.6; 30, с.154; 31, с.205] и наших старых информаторов, казахи после смерти хозяина отрезали гриву и хвост (тұлдау) у его личного коня и выпускали в табун до годовых поминок. За это время никто не пользовался этим конем. В этом табу относительно коня умершего нетрудно увидеть его принадлежность, посвященность именно покойнику. По истечении года со дня смерти человека снова седлали его личного коня, навьючивали на него всю одежду умершего и покрывали черной попоной. После этого самые близкие умершего: жена, дочь, сыновья и братья – по очереди плакали по покойнику (көрісу) над лошадьё, обращаясь к ней со словами: «На кого ты нас оставляешь? Передай привет хозяину!» («Бізді кімге тапсырып, қайда тастап кетесің, иеңе сәлем айт») [32]. Аналогичный обычай оплакивания коня Б.Х. Кармышева обнаружила у узбеков-локайцев [33, с.103]. После церемонии коня закалывали на поминки.

По сообщению многих дореволюционных авторов и наших информаторов, кости заколотых для тризны животных, тем более личного коня, обычно не разламывались [34, с.91-92] и не выбрасывались собакам: их аккуратно собирали и закапывали в землю [35, с.132-133; 37] или сжигали [36, с.9-10; 38, с.111].

Следует отметить, что этот обычай с определенными видоизменениями сохранился до сих пор у отдельных групп казахов, в особенности, у восточных. Начиная где-то с 50-х годов прошлого столетия, у здешних казахов появился обычай вывешивания головы посвященной лошади на углах зирата «төрт кулаков» или же установление головы посвященных коней на надгробной земляной насыпи. Вообще-то обычай захоронения в могиле конских черепов имел место и у скифов, и у саков. Например, в ровиках вокруг кургана иногда хоронили конские черепа. Во рву Толстой Могилы обнаружено до 50 конских черепов [39, с.130].

Вообще яркие пережитки обычая сопровождения покойника на конях среди современных тюркоязычных и индоарийских народов Евразии сохранились среди казахов и у осетин [40]. Думается, такая устойчивость этой древней традиции именно у этих народов исторически объяснима. Ибо, на мой взгляд, именно казахи среди тюркоязычных народов и осетины в среде индоевропейских этносов, в силу объективных исторических причин, в большей степени сохранили культууроформирующие элементы древней сако-скифской историко-культурной общности.

По сообщениям Геродота, спустя год после похорон царствующей особы вновь совершают погребальные обряды [41, IV, 71, 72]. На

самом деле, это были уже обряды, связанные с поминовением умершего. По мнению профессионального этнографа и археолога С.И. Руденко, поминки у скифов в память об отце устраивал лично сын.

По Геродоту, у скифов простых людей возят таким образом по округе сорок дней, а затем передают погребению [41, IV, 71, 72]. Вообще, универсальный для многих тюркских, славянских и других народов обычай устраивать поминки на сороковой день и в годовщину смерти, по всей вероятности, своими корнями восходит к обычаям сако-скифских племен Евразии.

В сакской традиции известны факты отправления вместе с покойником в мир иной выпавших при жизни зубов и постриженных, выпавших волос. Например, во многих Уландрыкских курганах в сумочках, уложенных рядом с покойником, содержались выпавшие зубы, обрезанные пряди волос и ногти [5, с.90, с.129]. Аналогичные сумочки со срезанными волосами и ногтями при жизни встречаются в больших Пазырыкских курганах [12, с.91-98]. С.И. Руденко сообщает о миниатюрных шелковых кошельках, привязанных у верхних концов кос похороненных женщин, в некоторых из них были обнаружены срезанные ногти [14, с.90, таб.1, 1-4]. Вообще, традиция специального хранения выпавших при жизни зубов и волос и ногтей дошла до поздних казахов. Например, казахи очень бережно относились к постриженным в сороковой день внутриутробным волосам и ногтям ребенка. Их заворачивали в чистую белую материю и хоронили на дне сундука. Традиционно воспитанные казахи также не обращались как попало с постриженными или выпавшими при жизни волосами, ногтями и зубами. Волосы и ногти после стрижки заворачивали в зеленую траву и помещали где-нибудь высоко – в щели на стене или на потолке хозяйственных построек. По рассказам наших старейших информаторов 80-х годов прошлого века, некоторые казахские женщины имели обыкновение собирать выпавшие при жизни волосы. Большую прядь или комок таких кос (волос) при похоронах, согласно предсмертному завещанию умершей, укладывали ей под голову.

Традиционно казахи также поступали с постриженными ногтями и выпавшими зубами. Известны факты, когда постриженные ногти и волосы каждый раз предавали огню. В народе существует много объяснений этих обычаев. Большинство из них связывают с вредоносной магией, когда через постриженные волосы и ногти можно нанести вред человеку. Примерно такие представления существуют у многих народов мира, о них в свое время писали известные исследователи первобытных религий, как Фрезер, Тэйлор, позже Токарев и др. Несколько моих старейших информаторов дали одинаковые или очень близкие по смыслу объяснения обычаю казахов сбора прижизненных волос, ногтей и зубов.

Суть этих разъяснений сводится к следующему: при отправлении в мир иной перед Всевышним взвешиваются грехи и добрые дела каждого человека. Сам человек с его добрыми делами помещается на одной стороне весов, на другую сторону весов загружаются его грехи с неблагоприятными делами при жизни. В случае перевешивания грехов Всевышний требует принести отделившиеся при жизни от него части тела, к которым относятся зубы, волосы и ногти человека. Тогда эти материалы также помещают на ту сторону весов, где находится человек с его добрыми делами. Вот для этих целей нужно собирать прижизненные волосы, ногти и зубы – объяснили нам старейшие информаторы. Несомненно, это казахское, хотя и архаичное, представление не может до конца объяснить суть и содержание обычая оставлять в мешочках собранные при жизни личные волосы, ногти и зубы пазырыкских и уландрыкских саков. Казахская легенда, в конечном счете, происхождение этого обычая связывает с представлениями о возможной греховности, отдаленно связанные с понятиями рая и ада, что на мой взгляд, возможно и имело место в мировоззрении и верованиях сако-скифских племен. Одно несомненно: существует хотя и отдаленная связь, преемственность в обычаях собирания прижизненных волос, ногтей и выпавших зубов для последующего отправления вместе с покойником в могилу у саков Евразии и современных тюркоязычных народов Центральной Азии. Объяснения у каждого последующего поколения народов могли меняться, но суть выполнения обычая и их внутреннее содержание оставались неизменными.

У древних сако-скифских племен, населявших территорию Казахстана и сопредельные районы, существовал обычай в знак траура срезать косы у женщин. Косы были срезаны, а головы сбриты у женщин из курганов Пазырыка [12, с.128-129]. Свыше 120 обрезанных кос было извлечено из трех курганов гунских шаньюев в Ноин-Уле. Рядом с женщиной в пятом Пазырыкском кургане была найдена ее отрезанная коса. С.А. Теплоухов в свое время высказывал, на наш взгляд, правильное предположение, что они являлись знаками траура [42, с.20]. Данный обычай в несколько измененной форме встречается у тюркских народов Средней Азии, в частности, у казахов. Казахские женщины в знак тяжелой потери и траура царапали себе лицо, рвали волосы. Обычай наряжать «тұл» в траурный период у казахов в какой-то мере дает ответ на вопрос наличия в стародавние времена обычая срезания кос у женщины-вдовы. Я предполагаю, что слово тұл некогда имело связь с понятием «укоротиться» или «резать». Ведь одним из внешних признаков «тұла коня» является срезание, укорочение гривы и хвоста [29, с.6]. У казахов до сих пор существуют понятия «тұлымшак», «тұлым», которые обозначают коротко постриженные косы в области щеки. Мне кажется, в этих понятиях заложена тайна обычаев былых времен, когда и у «тұл катын»-женщины по обычаю срезали косы. Между прочим, обычай сре-

зания косы у вдовы существовал у осетин [40, с.3], похоронно-поминальные обряды которых во многом сходны с казахскими.

В пятом Пазырыкском кургане было найдено решетчатое устройство, которое М.П. Грязновым было определено как деталь крыши юрты. В одном из уландрыкских курганов В.Д. Кубаревым был обнаружен решетчатый настил под покойным, очень напоминающий решетчатый остов юрты – кереге [5, с.127]. Алтайцы и казахи в этнографической современности иногда покойника переносили до могилы на кереге – решетчатом остове юрты. Великого казахского поэта Абая после смерти из летовки Шақпақтас перевозили на зимовку Жидебай, уложив (поместив) его на кереге.

Обнаруженная в пятом Пазырыкском кургане решетчатая деталь части крыши юрты (шанырак), как мне кажется, имеет очень близкую параллель в этнографии поздних кочевников в лице казахов. В середине 70-х годов прошлого столетия во время этнографической экспедиции по Восточно-Казахстанской области нами был обнаружен перед входом в могилу разбитый шанырак – круг верхней куполообразной крыши юрты. Местные старейшие информаторы объясняли это тем, что в случае смерти последнего представителя семьи у его гроба или могилы оставляют специально разбитый в этом случае шанырак или казан (котел). Тут уместно вспомнить, что все бронзовые котлы усуньского времени Семиречья были также деформированы и частично повреждены. Мы считаем, этот обычай далекой реминисценцией обычая саков.

Очень интересна параллель факта, что иногда тело покойника в Пазырыке и Уландрыке устанавливали на решетчатом остове юрты, что напоминает обычай казахов «әлікті керегеге салу», т.е. «уложить покойника на решетчатый остов юрты». Теленгиты снимали с юрты один-два шеста и оставляли их в могиле умершего для того, чтобы тот мог построить себе жилище в потустороннем мире [43, с.132].

Вообще, традиция устройства могил по подобию жилищ характерна для многих народов мира. Человек сначала строил жилище, крышу для себя. Потом по подобию жилища живых стали строить дом для мертвых. Несомненно, купольные мавзолеи XVIII-XIX вв. по своей внешней форме напоминают юрту. В этом ряду этнографических параллелей можно усмотреть присутствие главных узловых частей юрты в похоронном обряде прототюрков – саков, древних тюрков и тюркоязычных народов нового времени. Нельзя не вспомнить и о современной традиции казахов строить могилу по подобию каркаса юрты из железных прутьев, арматуры и лент.

В Чертомлыке в одной из камер были обнаружены останки бронзовых похоронных носилок. Там лежала женщина [20, с.96]. Вообще, обычай переноса тела умершего в могилу на специальных носилках имел место в этнографический период у казахов и у многих тюркоязычных

народов Средней Азии. Что поразительно, у казахов и у части узбеков носилки в таких случаях именуется «ағаш ат» - «деревянная лошадь», т.е. в контексте смысловой нагрузки обрядности он означает «деревянный конь», переправляющий покойника в иной мир.

По сообщению Геродота, ливийские племена насамоны, обычаи которых сходны с массагетскими, при клятвах и гаданиях произносят клятвы, упоминая самых справедливых и доблестных мужей древности, и при этом возлагают руки на их могилы. Для гадания они также приходят к могилам предков и, помолившись, ложатся спать на могиле. И всякому сновидению гадающий верит» (Гер., IV, 172). Такой обычай мы наблюдаем в этнографии древних и поздних тюрков. Аналогичные обряды при даче клятвы известны у казахов и у других тюркоязычных народов. Для гадания и обращения за помощью казахи также ночевали в могиле своих священных родовитых предков, и сон во время ночлега у могилы святого считался вещим сном и по поверью обязательно исполнялся.

Сако-скифские и казахские параллели также обнаруживаются в предметах материальной культуры, обнаруженных в их захоронениях.

В кургане 2 Уландрык 1 обнаружены кусок засохшего мяса и небольшие «лепешки», приготовленные из плохо протертых зерен дикорастущего волоснеца. «Они по форме и размерам напоминают баурсаки современных казахов», - пишет В.Д. Кубарев [5, с.30]. У саков была традиция обвивать рукоять плети золотой или бронзовой лентой [39, с.117]. Золотой человек из иссыкского кургана также был снабжен такой плетью. Вообще, такие же обвитые медной лентой плети были широко распространены в традиционном казахском быту.

По сако-скифской традиции кафтан у пазырыкцев запахивался справа налево [3, с.92]. Также и древние тюрки и казахи верхнюю одежду запахивали справа налево.

По данным В.С. Ольховского, саки и скифы вместе с покойным в могилу иногда помещали овальные подносы для жертвенного мяса [39, с.157]. По форме, материалу, технологии изготовления и функциональному назначению эти овальные подносы точно повторяют казахские деревянные овальные блюда-подносы для мяса – астау, ет астау.

Скифы иногда в погребальную камеру помещали повозку, причем их обязательно ломали [56]. По обычаю казахов, в безнадежных ситуациях, связанных с продолжающейся смертью очередных детей при трагической кончине всех членов семьи на кладбище относили и оставляли там навсегда частично разломанные колыбель (бесік), казан и шаңырак.

В сакском памятнике Ак-Алахе (Ақ ылақ) был найден войлочный чулок [4, с.40], один в один напоминающий казахский байпак. Кожаная обувь, цельная, с твердой подошвой, с невысоким каблуком, с высоким,

выше колен, расширяющимся кверху голенищем была найдена в алтайских курганах Башадаре, Уландрыке, Ак-Алаха, Пазырыке [44, с.95, рис.46, 28-31, 32]. В таких же сапогах с длинным, расширяющимся кверху голенищем изображены саки в персепольских рельефных рисунках, на пластине из Амударьинского клада [45, с.26]. На золотых пластинах из Амударьинского клада саки одеты точно в такую обувь [46, с.54, рис.59]. Обувь с длинными голенищами найдена в каракольском кургане на Алтае, а в Пазырыкском кургане – длинные войлочные чулки с орнаментированным верхом [12, с. 111-112]. Внутри таких кожаных сапог надевали войлочные чулки такой же конфигурации. Обычно края войлочных чулок чуть выступали за голенище. Эту обувь по форме, составу и по функциональному назначению с поразительной точностью повторяет казахская всесезонная обувь с высоким голенищем и чулками кошмы внутри - так называемая саптама.

У большинства сако-скифских племен был достаточно развит культ востока. Об этом свидетельствуют такие факты, как сооружение дромоса с восточной стороны гробницы [47, с.204-212]. Двери склепа также были сооружены с восточной стороны. «Двери-проходы» в кольцевых глубоких ямах вокруг курганов также оставались с восточной стороны. Они в принципе известны в материалах раннесакского и сакского времени Средней Азии, Казахстана, Арало-Уральского степного региона. Культ востока также продолжал иметь место у древнетюркских племен и, позднее, у многих тюркоязычных народов. Все тенгрианские обряды они совершали лицом на восток. Тюркские балбалы и казахские каменные стелы устанавливались с восточной стороны каменных оград и могил. Устанавливать каменные гряды от курганов в сторону востока также считается исконно древнетюркским обычаем. Древние тюрки и казахи двери юрты направляли в сторону восхода солнца.

Мой опыт многолетних исследований сакской культуры все больше убеждает в том, что сакская культура по своим главным культуроформирующим, узловым, стержневым характеристикам в большей степени является протюркской, тюркской, нежели индо-иранской. Мы уверены, что культурогенетическая связь между саками и последующей древней, средневековой тюркской цивилизацией прослеживается не эпизодически, а системно. В исследовании этой проблемы я прогнозирую два возможных пути развития. Или будет доказана в большей степени тюрко-язычность саков и тюрко-профильность сако-скифской культуры. Или же, мы придем к более близкой к исторической действительности истине, выводам и заключениям, о том, что сако-скифский язык и культура сформировалась из естественно-исторического скрещивания, взаимодействия, симбиоза, с одной стороны, тюркского, с другой, индо-арийского (индо-иранского) языков и культуры.

РАНЕСАКСКАЯ ШИЛИКТИНСКАЯ КУЛЬТУРА

(культурно-хронологический аспект)

Для истории древних народов «великого пояса евразийских степей» материалы могильников представляют основной и в большинстве случаев единственный источник определения их культурной принадлежности, хронологии и периодизации.

Установление времени сооружения шиликтинских памятников представляет определенную трудность, сопряженный с недостаточной разработанностью хронологии тарбагатайских памятников раннего железного века и курганов сопредельных районов.

Памятники сакского периода Восточного Казахстана в районе Тарбагатайских гор изучены в целом неплохо. Правда, артефактов не так уж много. Большинство элитарных памятников сильно ограблено, а отдельные датирующие материалы типа конской сбруи там вообще отсутствуют в силу специфических особенностей их традиции. В тарбагатайских памятниках, особенно в элитарных, достаточно хорошо представлены материалы по устройству курганов, по артефактам, представляющим предметы древнего искусства.

Материалы раскопанных в Шиликтинской долине памятников свидетельствуют о том, что могильники сакской эпохи в этом культурном микрорайоне существуют в течение не менее шестисот-семисот лет, примерно с IX-VIII вв. до н. э. по III в. до н.э.

Археологические данные раннесакского периода Шиликтинской долины дают нам определенную возможность на выделение их в особую раннесакскую шиликтиинскую культуру. В свое время М.П. Грязнов заключал: «Возможно, в Казахстане и Средней Азии со временем будет установлено несколько отдельных близких и родственных культур, составляющих одну обширную культурную общность. Возможно, степи Казахстана и Средней Азии представляли собой в рассматриваемое время большой этнокультурный регион, отличный от северо-кавказского и степного причерноморского регионов» [1, с.8]. Указывая на определенные культурные сходства в памятниках раннескифского времени Семиречья, Центрального Казахстана, Бухтармы и Кулундинской степи (погребения с подбоями, дромосами), П.И. Шульга допускает предположение о существовании на юге Алтайского края, в Восточном Казахстане и Джунгарской впадине особой культурной общности раннескифского времени [2, с. 49].

Исследователь А.А. Тишкин, касаясь выделяющейся специфики культуры ранних саков Шиликты и других знаковых комплексов территории Алтайско-Саянской горной страны, допускает наличие в них специфических культур [3, с.80-81].

По правильному утверждению С.С. Черникова, «такая долина, как Чиликтинская, с её необычайно благоприятными условиями для зимнего выпаса, вероятно, уже очень рано стала «заповедным пастбищем» аристократической верхушки какого-то могущественного племени или даже союза племён. Здесь, в постепенно нараставшей цепочке величественных курганов, и хоронили его наиболее знатных представителей, власть которых, очевидно, распространялась на очень большие территории. Рядовых же погребений этого времени в Чиликтинских могильниках почти нет» [4, с.132-137].

Вообще, проблема определения культурной принадлежности группы или отдельно взятого памятника — одна из главных задач собственно исследовательского процесса в области археологии. Исследователям не часто удается заявлять об открытии новой культуры, ибо это очень ответственная и сложная задача, сопряженная поисками достаточного количества фактологического материала, серьезными аналитическими раскладками.

Нами давно предпринималась попытка выяснения специфических черт шиликтинских памятников, характерных только для этой культурно-исторической общности. Вообще, для выделения определенных групп памятников в особую культуру нужны достаточно веские основания. Во-первых, выделяемая культура должна иметь такие индивидуальные особенности, которые не имеют прямых аналогов в других группах памятников. Или же аналоги, встречающиеся в других группах, должны быть моложе выделяемой культуры.

Анализ полученных на сегодняшний день материалов по элитарным курганам Шиликтинской долины, в определенной мере позволяет размышлять о существовании в раннесакский период (конец XI — VI в. до н.э.) особой, самостоятельной, с выделяющейся спецификой шиликтинской культуры. По нашим исследованиям, в Шиликтинской долине известны и памятники саков V — конца III вв. до н.э. Но полученные на сегодняшнем этапе исследования материалы не позволяют достаточно уверенно проследить их культурогенетическое единство и преемственность с раннесакскими памятниками этой же долины. Поэтому наш анализ ограничивался в основном материалами ранних саков, и выделяемая культура названа раннесакской.

В последние десятилетия в отечественной и зарубежной археологии есть определенные достижения в вопросах культурной классификации памятников, определения и уточнения хронологических рамок

начала скифо-сакской эпохи, датировки отдельно взятых памятников этой большой культурно-исторической общности.

Вероятно, предгорья Тарбагатая, в частности, Шиликтинская долина на заре раннего железного века представляли собой особый культууроформирующий район, который дал для сако-скифского мира очень много инноваций, отдельные образцы и прототипы которых в дальнейшем вошли в состав последующих локальных, региональных культур большой сакской историко-этнографической общности.

Одна из особенностей раннесакских шиликтинских курганов заключается в их сложной внутренней структуре. В целом курган состоит из трех строительных слоев. Это – деревянно-каменная гробница, каменные наброски сверху них и, наконец, дерново-земляной покров.

Стены усыпальницы были построены из двух рядов параллельно уложенных толстых бревен. Причем бревна положены друг на друга без всяких креплений и вырубков. Открытое пространство между бревнами были заполнены битым камнем. Таким образом, это строение хотя и сооружалось по принципу скрещивания бревен на углах стыка, но оно не было срубом, а являлось клеточным строением из бревен.

По мнению ученых, вообще бревенчатые камеры-срубы часто встречаются в царских погребениях скифо-гунской культуры. Они известны в Пазырыке, Башадаре, Туэктинских, Берельских курганах Алтая. В этих курганах гробницы-срубы опущены в большие квадратные ямы. Гуннские погребения (Ноинулинские курганы Северной Монголии) по форме и технике постройки повторяют горноалтайские [5]. Вообще, район распространения строительства могильных камер из бревчатого сруба очень широкий, его пределы на востоке – Северная Монголия, на западе – Венгрия. Большинство погребальных камер подземные. К.А. Акишев отмечает два случая, когда деревянное строение наземное или почти наземное. Это - раскопанный Бобринским на Киевщине Жаботинский курган и шатровый деревянный навес у Ульского аула на Прикубанье [6].

В VIII-IV вв до н.э. деревянные погребальные сооружения широко применялись в погребальных обрядах многих культур евразийской степи и лесостепи: в Казахстане, Туве, на Алтае, в Семиречье, в Низовьях Сырдарьи, в Волго-Камье, Южном Приуралье, на Кавказе, в Прикубанье [7, с.88]; шатрообразные обкладки встречаются значительно реже [8, с.11].

Деревянные конструкции степных и лесостепных гробниц делятся на следующие: срубные (бревна лежат горизонтально прямоугольником); каркасные (бревна вкопаны неплотную друг к другу, вертикально, облицовки нет или она легкая – из плетня, плашек); срубно-каркасные (лежащие бревна или плахи облицовки зажаты между

вертикальными столбами и стенкой ямы, либо между двумя рядами столбов). Все три типа гробниц могут находиться на дневной поверхности или в яме [7, с.84].

Вопрос об истоках традиции погребения в деревянных гробницах сложен. В ряде районов, в том числе и в Причерноморье, деревянные погребальные конструкции появляются в эпоху бронзы: в ямно-катакомбное время – карскасные, вероятно, тогда же – срубные и столбовые, в срубную эпоху намечается их связь с обрядом сожжения [9].

Деревянные гробницы в ямах и на горизонте были распространены в конца VII-VI вв. до н.э. на значительной части причерноморской лесостепи [7, с.88].

Кроме Причерноморья, с рубежа VII-VI вв. до н.э. и позже деревянные гробницы встречаются на значительной части лесостепного (в меньшей степени и степного) пояса Евразии и вне его [10, с.19]: на горном и центральном Алтае (Пазырык, Башадар, Туэкта, Башадар, Катанда и др.), в Казахстане и Туве (Чиликта, Аржан, Исыкский курган и др.), в Семиречье (Бесшатыр), в низовьях Сырдарьи (Тагискен, Уйгарак), в Прикубанье и на Кавказе (Келермесские, Ульский, Костромской, Гойтинские курганы и др.), в южном Приуралье (Пятимары I, Мечетсай), встречены они в Малой и Передней Азии (Гордион, Хасанлу и др.), в Венгрии (Кархозот). В.С. Ольховский далее отмечает, что, «несмотря на принадлежность к разным культурам, некоторые из них сближаются между собой и с причерноморскими гробницами раннескифского времени рядом элементов: сожжением гробниц (Костромской курган, Пятимары I, Тагискен, Уйгарак, Бесшатыр и др.), заваливанием погребального сооружения камнями (Пазырык, Чиликта, Бесшатыр, Туэкта, Аржан, Гордион и т.д.), устройством дромосов (Бесшатыр, Чиликты, Тагискен и др.)» [7, с.88].

Гробницы VII-V вв. до н.э. – большинство их устраивались на древнем горизонте и сжигались [7, с.86].

Общий вид восточной стены деревянного сооружения напоминает пирамидальное сооружение, ступенями суживающееся кверху. Пирамидальный вид восточной стены усыпальницы был придан специально и с помощью каменных кладок и заполнений из битой глины. Видимо, строители усыпальницы в соответствии с их мировоззрением, связанным с культом востока, особо подчеркивали архитектуру восточного фасада усыпальницы. Следует отметить, что такая пирамидальность не наблюдается в других сторонах деревянного мавзолея. Нами установлено, что именно эта конструкция надгробного сооружения оказалась наиболее исторически стойкой и в почти неизменном виде дошла до середины XX века. Во время пребывания среди казахов Китайского Алтая мы были свидетелями бытования таких, только в несколько упро-

щенной форме деревянных надгробных сооружений [рис.3]. Уландрыкские срубы, как и шиликтинские, имеют пирамидальный характер кладки бревен – в виде усеченной пирамиды [11].

Одним из конструктивных частей элитарных курганов северных предгорий Тарбагатай являются дромосы. Дромосы – это подземные или наземные ходы, связывающие гробницу с внешним миром. Через дромос время от времени проникали в гробницу для совершения обряда поклонения умершему и ритуального кормления. Через дромос также осуществлялись подзахоронения в гробницу очередных умерших членов семьи или близких людей.

Дромос-коридор встречается и в Бешатырских курганах, но он уже не длинный и не подземный, сооружен с восточной стороны гробницы в форме узкого коридора и является как бы продолжением погребальной камеры [12].

Могильная яма с дромосом, под насыпью крупного кургана № 1 могильника Кенес (VI–V вв. до н.э.) и кургане № 6 могильника Берлик, относящегося к IV–II вв. до н.э., известны в Северном Казахстане [13].

Коридорообразные длинные дромосы известны в Нижней Сырдарье курганах VII–V вв до н.э. Во второй половине 1-тысячелетия до н.э. погребальные камеры с дромосами, предназначенные для коллективного захоронения, широко распространились в восточном степном регионе [14].

В целом, дромосы как конструктивный элемент погребальных сооружений известны в материалах раннесакских и сакских памятников Восточного, Северного Казахстана, Семиречья, Нижней Сырдарьи и Арало-Уральского степного региона. Изученные материалы дают основание для предварительных выводов о том, что из всех известных нам памятников раннего железного века Казахстана и сопредельных регионов Евразии, самыми ранними курганами с дромосом являются Шиликтинские царские курганы. Дромосы в курганах под номером 1 группы Шиликты-3 и Шиликты-2 представляют собой сложную конструкцию, имеющие как функционально-практическое, так и ритуально-мировоззренческое значение. Традиция сооружения входных коридоров с восточной стороны мавзолея, на мой взгляд, берет свое начало с бегазинских некрополей эпохи поздней бронзы [15]. Эти и многие другие вопросы, связанные с дромосами в памятниках сако-скифского мира, представляют определенный интерес в плане изучения генезиса архитектурно-конструктивных особенностей курганов раннего железного века евразийских степей и их идеолого-мировоззренческих основ. Коридор-дромос имел место в Куль-обе и в группе курганов «Пять братьев» [16].

Вообще, происхождение традиции сооружения дромоса исследо-

ватели связывают с центральнo-казахстанской традицией эпохи поздней бронзы [17, с.69-71].

В Центральном Казахстане курганы раннего железного века с дромосами изучены в могильниках Нуркен-2, Назар, Копа-1, Талды-2, Шерубай-1, Карашоқы и Акбеит. По мнению А. Бейсенова, эти факты заставляют по-новому рассматривать проблему позднебронзового (бегазинского) субстрата в формировании культуры ранних саков [18, с.15].

Шиликтинские кольца-крепиды возводились из довольно крупных камней. Их практическое назначение – препятствие оплыванию насыпи. В то же время, возможно, эта традиция свои истоки берет с обычая племен эпохи бронзы, которые вокруг своих погребальных сооружений возводили круглые ограды. Во время раскопок эти каменные кольца лежали под земляной насыпью. Несомненно, это объясняется тем, что со временем расплывшаяся насыпь с центральных высотных частей кургана перекрывала эту крепиду. Такие каменные кольца-крепиды широко встречаются в скифских памятниках европейской части.

Погребения на древнем горизонте также являются одним из характерных черт раннесакской шиликтинской культуры.

Погребения на древнем горизонте наиболее распространены на Уйгараке, но их мало на Тагискене. Хоронили внутри легкой деревянной каркасной постройки, от которой сохранились столбовые ямки с остатками сгнивших или сгоревших столбов. По мнению авторов статьи, захоронения на древнем горизонте являются признаками памятников VII-V вв. до н.э. [19, с.197].

Погребения на древнем горизонте известны в элитарных захоронениях и других территориях Казахстана. Например, они наиболее распространены на Уйгараке [19], встречаются на Тагискене. В раннесакских могильниках Уйгарак погребений на древнем горизонте намного больше [20, с.33]. Захоронения на древнем горизонте или в неглубоких могильных ямах (не более 0,5м) нередко встречаются в памятниках VIII-V вв. до н.э. Северного Казахстана [21, с.20]. По мнению некоторых исследователей, истоки обряда погребения на поверхности горизонта следует искать, очевидно, в степных могильниках эпохи поздней бронзы, где такие захоронения встречаются в комплексах карасукской культуры [22], а также и на западе степного региона – у срубников [23]. По мнению Л.Р. Кызласова [24], погребение на горизонте появляется в Западной и Южной Сибири, в Казахстане и Средней Азии в конце бронзового века, но особенно характерно для переходного (VIII-VII вв.) этапа и раннескифского (VII-VI вв.). [20].

Обычай сооружать усыпальницу прямо над землей в шиликтинских элитарных памятниках, по нашему предположению, имеет две возможные пути объяснения. Во-первых, возможно, это было связано со

специфическими мировоззренческими, идеологическими представлениями сако-скифских племен, по которому персон с особо высоким социальным статусом полагалось хоронить над землей. Вторая причина могла быть связана с близостью грунтовых вод в здешних местах, по причине которой они были вынуждены хоронить над землей.

В кургане Байгетобе обнаружена хорошо обработанная каменная стела длиной 2,8 м (рис.7, 7а). Она разломана на две половины во время раскопа и была обнаружена внутри гробницы. Стела без изображения. В.Д. Кубарев отмечает поминальный характер таких жертвенных стел [25]. По данным исследователей, вообще традиция установления каменных стел, иногда даже с признаками антропоморфности, в сако-скифских памятниках встречается с VII в. до н.э. [26]. Для памятников степного и предгорного Крыма обычай установки изваяния на вершине кургана в IV-III вв до н.э. получает незначительное развитие [27]. По нашему мнению, шиликтинский материал позволяет говорить о более ранней традиции установления памятных стел в сако-скифской культуре.

В целом обычай установки изваяния, стелы или камня-менгира на погребальных или поминальных комплексах в эпоху раннего железа практикуются также населением Предкавказья, Южной Сибири и Монголии [28].

Каменная стела представляет собой достаточно хорошо обработанное четырехгранное надгробие. Оно должно было быть установлено на вершине погребального сооружения. Что касается его обнаружения внутри погребальной камеры, по всей вероятности, это объясняется его падением туда через грабительскую яму. Думается, стела была разломана в результате падения с не менее пятиметровой высоты.

Одним из устойчивых признаков погребального обряда населения Алтая скифо-сакского времени являются сопроводительные захоронения коней. Как нам известно, в раннесакских памятниках шиликтинской долины отсутствуют захоронения коней и конской сбруи.

Действительно, вопрос отсутствия сопроводительного захоронения коней в Шиликтинской долине вызывает у исследователей очень много вопросов. В отдельных памятниках пазырыкской культуры Алтая и в Уландрыке также встречаются погребения без коня. Отмечая эти особенности, В.Д. Кубарев допускает предположение о возможной связи такого обычая с половозрастными особенностями или социальным положением погребенных. Мне кажется, определенную ясность в этом вопросе также вносит следующее замечание В.Д. Кубарева. По его данным, в курганах с западной ориентацией погребенных так же нет коней. Аналогичные сочетания описанных однотипных погребений в одной курганной группе встречается в соседней Туве: из всей серии раскопан-

ных здесь курганов известно только одно погребение с конем (Саглы). Описывая эти особенности погребального обычая, В.Д. Кубарев объясняет их разноэтничностью погребенных там людей [25, с.15-16]. Следует отметить, что почти все нами изученные шиликтинские раннесакские захоронения имеют западную ориентацию, чем, возможно, и объясняется здешняя традиция отсутствия конских захоронений рядом с умершим.

У шиликтинских саков был достаточно развит культ востока. Об этом свидетельствуют такие факты, как сооружение дромоса с восточной стороны гробницы, придание восточной стороне гробницы особого вида – формы усеченной пирамиды.

Вся поверхность земляной насыпи кургана Байгетобе была обложена панцирным покрытием из мелкой гальки. Такие панцирные обкладки насыпи существовали у ранних скифов степного и предгорного Крыма до V в. [29, с. 62, 99.].

В кургане Байгетобе группы Шиликты-3 перед гробницей на полу тамбура, на площади около 1,5 кв.м обнаружены следы огня. Вообще, следы огня или специального сожжения встречаются в гробницах VII-V вв. [29, с.41-42].

Обычай захоронения покойника в золотом облачении является свидетельством очень высокого его социального положения, вероятно, царственности данной особы и в то же время является этнокультурным, хронологическим признаком. По моему мнению, только сако-скифы имели обычай облачать своих умерших достойных соплеменников в золотое одеяние. Ни до, ни после саков и скифов такой обычай не прослеживается. Правда, и в эпоху бронзы, и после саков одежда богатых людей местами была украшена такими драгоценными металлами, как золото и серебро. Но это уже не «золотая одежда».

Такие предметы ювелирного искусства ранних саков, предназначенные для украшения одежды и изготовленные методом литья или из толстого листового золота, как бляшка-архар, маска кошачьего животного (барса), беркут (орел-грифон), волчонок-медвежонок, олени, пятиконечная звезда, рифленное трубчатое украшение, трубчатый бисер, подвески в форме бубенчиков, миниатюрные полушаровидные бляшки, миниатюрные подвески полушаровидной формы, круглый бисер являются исконно, изначально шиликтинскими. В других памятниках раннесакского времени и ранних скифо-сибирских культур точные аналогии многих этих вещей не встречаются. Такие золотые шиликтинские бляшки, как олень с поджатыми ногами, пантера, сложенная в круг, также являются наиболее ранними среди известных скифо-сибирских звериных сюжетов.

Изначально шиликтинскими являются следующие сюжеты зве-

ринового стиля: ажурные литые выпукло-вогнутые золотые бляшки, так называемые «маска барса», «маска кошачьего». Бляшки этого вида, но менее искусные в исполнении, были найдены в памятнике Талды, который по своей хронологии создан несколько позже, чем шиликтинские.

Шиликтинскими считаются бляшки-беркут (орел-грифон), со свернувшейся головой на правый и левый бок; аналогичные бляшки позднее найдены в составе украшений в могильнике Талды в Карагандинской области. А также бляшки-олени, составленные из изображения зеркально противоположно расположенных шейно-головной части двух оленей, направленных лицом в разные стороны, рогами в виде мировой горы или дерева; точной аналогии этого сюжета нигде не встречено. Правда, очень близкий вид и общую философию с этой шиликтинской бляшкой имеют украшения из Жалаулинского клада, которые несомненно намного позднее, чем первые.

Бляшки в виде «волчонка-медвежонка». Прямых, сильно схожих аналогий не имеется. При тщательном изучении эти украшения как бы отражают внутриутробное состояние или вид только что родившегося детеныша дикого зверя, частями напоминающего волка и медведя. Некоторые исследователи этот сюжет Шиликты сближают с аржанскими и тагискенскими миниатюрными бляшками. Если даже они в чем-то схожи и генетически связаны, то опять шиликтинские бляшки, несомненно, стояли у истоков этих сюжетов. Первичными по отношению к другим аналогам из сако-скифских памятников Евразии являются также подвески в форме бубенчиков, миниатюрные полусферовидные бляшки, миниатюрные подвески полусферовидной формы.

До сих пор нигде в сако-скифских памятниках и вообще в памятниках древней Евразии не обнаружена бляшка в форме пятиконечной звезды.

Таким образом, если подытожить, инновации, характерные для шиликтинской культуры, следующие: клеточное строение (гробница или склеп) из двурядных бревен, сооруженное без всяких креплений и вырубок. Эти строения иногда с торца представляют собой пирамидальное сооружение, ступенями суживающееся кверху; трехслойная структура погребального сооружения – деревянный склеп или гробница, над ними каменные наброски и сверху земляной покров; сооружение деревянной усыпальницы прямо над землей или в незначительном углублении в материке; погребение на древнем горизонте, строительство дромоса с восточной стороны гробницы и колец-крепид у основания кургана; традиция западной ориентировки покойника, устройство (водружение) над курганом каменной стелы; обычай обложения всей поверхности земляной насыпи панцирным покрытием из мелкой гальки; обычай специального частичного сжигания или обжигания деревян-

ной конструкции; отсутствие коллективных захоронений; отсутствие захоронений коней и конской сбруи; особый культ золота, что ярко и системно проявляется в захоронениях наиболее уважаемых представителей рода, племени в золотом одеянии или в богатом золотом одеянии; наконечники стрел, ассиметрично-ромбовидной формы с слегка выступающей выпуклой втулкой; культ востока, обычай покрывать верх кургана панцирным покрытием из мелкой гальки, использование краски; изначально специфически шиликтинские сюжеты звериного стиля.

Культурно-хронологической классификацией сако-скифских памятников Алтая и Восточного Казахстана до нас занимались многие исследователи. В 30-е годы XX столетия М.П. Грязнов объединял все скифо-сакские памятники с VII в. до н.э. по I в. н.э. в одну пазырыкскую культуру, состоящую из майэмирского, пазырыкского и шибинского этапов. Эта классификация до сих пор поддерживается отдельными исследователями [30, С.131].

Относительно этнической принадлежности чиликтинских племен С. Черников высказывает мысль, что они резко отличаются от близлежащего населения, оставившего пазырыкские курганы. По его мнению, отличия следующие: ни в одном из раскопанных шиликтинских курганов нет захоронений лошадей, нет керамики, глубоких могильных ям, гробов-колод, деревянных столиков. Зато сами курганы гораздо выше и величественнее; сделаны из битой глины или дерна; могильные ямы имеют дромос, идущий в восточном направлении; одежды, по-видимому, имели большое количество золотых бляшек и украшений. «Следовательно, это две этнически различные группы населения, каждая со своими традициями и особенностями, хотя они и имели много общего между собой во всем облике их материальной культуры» [31, с.65-66]. По мнению С. Черникова, граница между этими группами, судя по могильнику Усть-Буконь, проходила где-то в самых верховьях Иртыша [31, с.66]. В могильнике Усть-Буконь, несомненно, лежат рядовые соплеменники тех вождей, которые похоронены в Шиликтинской долине [32]. Вторую точку этой границы С. Черников видит по верхнему течению реки Нарым в майэмирских памятниках. Об этом, по его мнению, свидетельствуют обнаруженные там золотые «пантеры», как и в Усть-Букони обычай перекрывать ямы деревянным накатом и сооружать дромос. Здесь так же, как и в шиликтинских, захоронений вместе с покойником лошадей и керамики нет [32, с.66].

На материале погребальных сооружений для периода VII-IV вв. до н.э. в Восточном Казахстане С. Черников выделяет две группы памятников – северную и южную, которые, наряду с общескифскими характеристиками, различаются между собой по некоторым существенным признакам и главное, занимают разные территории. Северная груп-

па – долину верхнего Иртыша с притоками. Для неё характерны курганы с насыпью из земли с камнем, деревянными срубам и захоронениями заседанных и занузанных лошадей между срубом и северной стенкой могильной ямы. Их он относит к курганам пазырыкского типа [33].

По локализации С.Черникова, южная группа заселяла районы озера Зайсан и хребта Тарбагатай. Памятники южной группы характеризуются земляными курганами, где присутствует могильная яма с деревянными перекрытиями или клетка из брёвен; к яме, обычно с восточной стороны, примыкает дромос. Устройство насыпи богатых курганов более сложное. Применялись битая глина и дёрн, а у основания кургана выкладывалось кольцо из камней. Отсутствуют керамика и погребения рабов и лошадей. К этой группе, по мнению С. Черникова, относятся курганы в урочище Майэмир (раскопки А.В. Адрианова в 1916 г.), в Чиликтинской долине и у посёлков Усть-Буконь, Славянка и Юпитер [34]. Видимо, это наиболее северные курганы сакского племенного союза. Здесь также можно отметить более ранние (Майэмир, Чиликты, курган 5) и более поздние (Усть-Буконь, Чиликты, курган №7) памятники [33].

Деление С. Черниковым сако-скифских памятников юго-восточной части Восточного Казахстана на такие две локальные группы было достаточно прозорливым для того времени и находит свое дальнейшее подтверждение в современных материалах и исследованиях.

На мой взгляд, С. Черников также правильно определяет этнокультурное направление, куда больше тяготеют чиликтинские традиции. Это юг – курганы на реке Или. По его мнению, общие сходства в курганных могильниках чиликтинской и илийской долины следующие: в обеих – огромная насыпь, клеточный сруб, дромос на восток, отсутствие лошади и керамики. С. Черников прослеживает путь распространения аналогичных памятников далее на юг и юго-запад. Это Бесшатыр на берегу реки Или, Бегазы в Карагандинской области, могильник Тагискен в низовьях Сырдарьи [35].

По некоторым культурным параметрам элитарные памятники Шиликты находят прямые аналогии с памятниками Алтая, по другим и не менее важным характеристикам они обнаруживают связи с аналогичными культурами саков Жетысу, Приаралья, Центрального и Северного Казахстана, которые считаются несколько поздними, чем самые ранние памятники Шиликтинской долины.

По нашим материалам, шиликтинская культура, имевшая место в раннесакский период в предгорьях Тарбагатай, нашла свое дальнейшее распространение, по крайней мере, в нескольких направлениях. Одно и, пожалуй, главное направление распространения раннесакской шиликтинской культуры связано с юго-западным вектором. Этот вектор ведет

через Алакульскую впадину в предгорья и степи Жетысуского и Заилийского Алатау (Бесшатыр, Биже, Иссык, Боралдай). Второй, также не менее важный вектор распространения раннесакской шиликтинской культуры связан с Центральным и Северным Казахстаном. Это памятники тасмолинской культуры, Талды, в степях Северного Казахстана (Кенес и др). Одним из направлений распространения шиликтинских культурных традиций является Приаралье и, конечно же, Алтай.

В этой схеме распространения шиликтинской культуры несколько непонятен маршрут зарождения уйгаракско-тагискенских раннесакских культур. По нашему мнению, есть возможные два варианта путей продвижения шиликтинской культуры в этом направлении. Во-первых, и это наиболее вероятный вариант, это продвижение ранних шиликтинских саков через Центральный Казахстан в районы Сырдарьи, Жанадарьи и Куандарьи. Мы знаем, что такие культурные контакты между Центральным Казахстаном и средней Сырдарьей существовали уже в конце эпохи бронзы (например, бегазинско-дандыбайские и уйгаракско-тагискенские параллели). Второй, также немаловажный путь – это через Жетысу – Каратау – Сыдарью в Приаралье.

В плане выяснения этнокультурных связей ранних саков Шиликтинской долины с различными ранними региональными сакскими культурами перед нами стояла задача выяснения их культурно-хронологических параллелей и аналогий.

На наш взгляд, это связано с первичностью культуры саков шиликтинской долины относительно сакских культур всех названных регионов. Видимо, в IX–VIII вв. до н.э. раннесакская культура сначала сформировалась в Шиликтинской долине и ее окрестностях, а затем расширение этой культуры шло в направлении Алтая, Алатау, Сырдарьи, Сары-Арки, Приишимья и Среднего Прииртышья.

По мнению С. Черникова, в казахских степях «предсакский» период совпадает с последним этапом развития андроновской культуры. На мой взгляд, предсакские и доскифские традиции в регионе степей Великого пояса достаточно хорошо прослеживаются в памятниках эпохи бронзы Казахстана, особенно его культурно-исторического центра – Центрального Казахстана. Правда, отдельные исследователи (в частности, Л.Т. Яблонский) возражают против аналогичного направления и исхода культурно-исторических процессов. И все-таки, на мой взгляд, фактологические материалы достаточно ясно свидетельствуют о преемственности культур эпохи бронзы и раннего железного века на территории Казахстана и в сопредельных районах.

Раннесакская бронза из Семиречья подтверждает, что вторая половина VIII - начало VII в. до н. э. в Семиречье необходимо считать временем уже сложившейся сакской культуры. Формирование же всех

элементов культуры корнями уходит в эпоху бронзы [36].

В настоящее время большинство исследователей согласно с фактом первичности зарождения сако-скифской культуры на азиатской части континента.

Вопрос о выделении раннесакской шиликтинской культуры в определенной степени связан также с проблемой первичности культуры азиатских саков или европейских скифов. Долгое время в исторической, точнее, в археологической литературе существовали споры вокруг этого вопроса. Раньше исследователи решали этот вопрос то в пользу скифов, то в пользу саков. На современном уровне культурно-хронологических обобщений фактологических материалов чаша весов в этом вопросе окончательно склоняется в пользу азиатского региона. В этом вопросе надежным хронологическим репером может выступать комплекс кургана Аржан. Из этого памятника получена значительная серия радиоуглеродных и дендрохронологических дат. Датировка его рубежом IX-VIII вв. до н.э., то есть предскифским временем по европейской хронологической шкале, сейчас может считаться установленной [37].

Исследователи еще с середины прошлого столетия высказывали мысль о том, что раннескифские памятники должны иметь место и в азиатской части Евразии. М.П. Грязнов указывал на важность открытия раннескифских или предскифских, как выражались тогда исследователи, групп памятников в азиатской части распространения скифов. По мнению автора, «тогда нельзя будет связывать происхождение скифов, скифской культуры и скифо-сибирского звериного стиля с Передней Азией, так как «скифская триада» (оружие, сбруя, звериный стиль) в Саяно-Алтае сложилась, оказывается, задолго до легендарных походов скифов в Переднюю. В Причерноморье еще нет звериного стиля (хотя, возможно, памятники его не дошли до нас), преобладают уздечки кавказских и переднеазиатских форм, а не скифских, подобных аржанским. В Саяно-Алтае же скифо-сибирский стиль уже вполне сложился и имеет предшественников в изображениях на так называемых оленых камнях и в торевтике карасукского времени» [38, с.12].

Еще С. Черников, указывая на поразительные связи на обширной территории Евразии эпохи раннего железного века, [39, с.105-107] задается вопросом: откуда преимущественно шли эти связи — с востока на запад или с запада на восток. На основе таких фактов, как изображение свернувшихся «пантер», трактовка их морды, зувская бляшка, наконечники стрел и верблюды, он приходит к выводу, что движение было с востока на запад. По его мнению, об этом также свидетельствуют бронзовые удила со стремечковидными окончаниями (VII-VI вв. до н.э.), которые, скорее всего, распространились в Скифии с востока [40]. То же можно предположить относительно раннескифских кинжалов [41]. В конце

раздела книги С. Черников пишет: «Да, Геродот был прав. Скифы действительно пришли с востока» [39, с.108].

М.П. Грязнов указывает на то, что до недавнего времени в Средней Азии, Казахстане и в Южной Сибири о древнейших памятниках эпохи ранних кочевников было известно мало. В результате у исследователей создавалось представление о северопричерноморских степях как о некоем центре скифской культуры, а об азиатских как о периферии или второстепенном районе распространения культур скифского или скифо-сибирского типа, куда достижения культур скифских племен проникали с запозданием и в измененном виде. По мнению М.П. Грязнова, удревнению возраста азиатских саков способствовали исследования в 60-х годах XX века шиликтинских (Тарбагатай), уйгаракских, тагискенских могильников (низовья Сырдарьи) [38, с.11].

Далее автор статьи указывает: «Существовало мнение, что в степях нет и не будет найдено богатых царских курганов раннескифского времени, так как там вдали от центров древней цивилизации процесс социального расслоения протекал якобы иначе, чем, например, у скифов Причерноморья...<...> процесс общественного развития в большей мере зависел от закономерностей внутреннего развития общества, чем от внешних причин...». [38, с.10].

Очень правильно на этот факт в свое время указывал Ю.А. Заднепровский. Он пишет: «Исторически сложилось так, что изучение курганов раньше было начато в южнорусских степях и в Южном Приуралье, а также в Южной Сибири. Выработанные там приемы исследования, в том числе датировок, были затем распространены на памятники Средней Азии и Казахстана... Именно эти методы, со всеми присущими им достоинствами и недостатками, в частности, преувеличенным вниманием к художественным и привозным предметам и недооценкой значения развития форм погребальных сооружений, обряда и т.д. были использованы в развернувшихся в этот период в археологических исследованиях памятников среднеазиатских кочевников» [42, с.13].

В свое время М.П. Грязнов отмечал, что «на обширных просторах степной полосы Евразии с VIII в. до н.э. синхронно возникают и развиваются сходные в общих чертах культуры скифо-сибирского типа, но самобытные, оригинальные в связи с различными особыми условиями существования» [43]. Вероятно, это, в первую очередь, объясняется мобильностью культуры кочевых этносов и соответственно активной диффузией этнокультурных инноваций на таком огромном пространстве. Об этнокультурных перемещениях сакских и скифских племен в разное время и в различных направлениях писали многие исследователи.

Распространение сакской культуры Шиликтинской долины в

направлении Южной Сибири объясняется многими параллелями и сходствами в области материальной культуры. Некоторые исследователи это объясняют их общим андроновским происхождением.

С.И. Руденко еще в 50-е годы прошлого века высказывал очень прозорливое предположение, что в конце VIII - нач. VII вв. до н.э. какая-то часть скифских племен, возможно, с верховий Иртыша и Зайсанской котловины или предгорий Тарбагатай, распространилась и на Алтай, ассимилировав там незначительное до того времени коренное население этой области. По его мнению, заселение Алтая происходило и с юга, и с запада, причем различными племенами, пришедшими туда с уже вполне сложившейся культурой скифского облика [44].

По правильному утверждению С. Черникова, примерно в это же время, вероятно не позже VI в. до н.э., произошло передвижение какой-то части южной [сакской] группы племён на Средний Енисей, о чем говорит преемственность особенностей звериного стиля, форм оружия и конской упряжи, которая наблюдается на ранних этапах развития тагарской культуры. По его мнению, в Минусинскую котловину пришла какая-то часть именно сакских племён, о чём свидетельствует стилистическое сходство тагарских оленей, орлов и «пантер» с чиликтинскими, а не пазырыкскими образцами [33].

По мнению некоторых ученых, в конце VII-VI вв. до н.э. какая-то часть населения из Восточного Казахстана мигрировала в Минусинскую котловину. Об этой миграции, ее причинах и роли в расширении межплеменных связей достаточно хорошо излагается в работе Н.Л. Членовой [45]. На преемственность казахстанского варианта сакской и тагарской культуры Южной Сибири от андроновской культуры в свое время указывал ряд исследователей [46].

Послекарасукское развитие культуры алтайских племен во многом совпадает с тагарским на Енисее. Ее первые шаги удалось проследить благодаря раскопкам, приведенным А.В. Адриановым в Майэмирской степи у истоков Нарыма, а также в верховьях Бухтармы, под Солнечным Белком и у села Черновая [47].

Вскоре после публикации материалов кургана Аржан Л.Р. Кызласов связал происхождение комплекса тувинского кургана с миграцией сакских племен с территории Казахстана [48]. Исследователь К.В. Чугунов, указывая на чрезвычайную значимость замеченных Л.Р. Кызласовым близости погребальных традиций в элитных памятниках Семиречья и Восточного Казахстана, выразившуюся в сходстве планировки захоронения в Чиликте и устройства наземных гробниц в Бешатырских курганах, наличии дромоса, втульчатых двухлопастных стрел заключает: учитывая все эти сходства, «можно предположить, что хронологическая позиция этого памятника (Шиликты 3, курган 1 – А.Т.) должна распола-

гаться на хронологической шкале между тувинскими курганами Аржан (рубеж IX-VIII вв. до н.э.) и Аржан-2 (середица – вторая половина VII в. до н.э.)» [17].

С целью поиска возможных направлений генезиса и заимствования изображений свернувшегося в кольцо хищника кошачьей породы из Восточного Казахстана, датируемых в пределах второй половины VIII-VI вв. до н.э., исследователь С.А. Зинченко проводит сравнительный анализ их иконографических типов. В результате приходит к выводу, что майэмирские, измайловская и чистоярская «пантеры» принадлежат к одному варианту, которые, в свою очередь, схожи с аналогичными сюжетами из тагарской культуры, из Сибирской коллекции Петра I и могильника Уйгарак.

По мнению исследователя, шиликтинские «пантеры» и изображение на навершии ножа близ Усть-Каменогорска представляют другой иконографический вариант и сближаются с изображениями «пантер» на детали золотой пластины из кургана № 1 Келермесского могильника, а также с изображениями из кургана Аржан [49].

Заимствование ряда художественных образов в тагарском искусстве с территории Восточного Казахстана, в особенности, с памятников шиликтинской долины, в свое время отмечали Н.Л. Членова [50], С.С. Черников [39], М.И. Артамонов [51]. Причем С.В. Киселев, Н.Л. Членова, М.И. Артамонов указывали на то, что близкие восточно-казахстанским образы оленей с поджатыми ногами появляются на территории Южной Сибири не ранее V в. до н.э. [52]. В обобщающем издании по Археологии СССР отмечается, что в конце VI-V в. до н.э. в Минусинской котловине появляется новый, «алтайский звериный стиль» [53].

Исследователь С.А. Зинченко, в целом признавая факт такого заимствования, для выяснения обстоятельств прямого или косвенного влияния, делает попытку скрупулезного анализа некоторых стилистических характеристик чиликтинских (олени из Чиликтинского кургана № 5) и тагарских образов (из Малой Ини, из погребения в Верхней Кое, из Малого Телека, Минусинской степи). В результате она приходит к выводу, что, «...несмотря на то, что на первый взгляд минусинские образцы содержат в себе ряд художественных черт, сходных с чиликтинскими, разбор по стилистическим элементам выявляет обратное. Различаются передача формы петель рогов и их расположение по отношению к туловищу; передача формы коленного сустава и расположения ног по отношению к туловищу; проработка как отдельных деталей (копыта, губы, ноздри, ухо), так и объемного решения в целом... В случае с восточно-казахстанскими образцами, скорее всего, может идти о возможности косвенного цитирования.... Тем самым появление в тагарском искусстве художественной схемы образа, близкой к чиликтинской, свя-

зано не с ориентацией на некий конкретный образец, а, возможно, лишь с воспоминанием о нём». В конце своей статьи С.А. Зинченко отмечает факт большей стилистической схожести тагарских оленей с образами оленей из Аржана-2 [54].

Дальнейшее продвижение элементов шиликтинской культуры через Жетысу шло в направлении Сырдарьи и далее в Приаралье. Возможен и второй путь проникновения элементов шиликтинской культуры в эти края. Как и в период позднего бронзового века (близкие аналогии Бегазы-дандыбаевских – Тугискенских, Уйгаракских мавзолеев), вероятно, и в начале раннего железного века существовала прямая этнокультурная связь между Центральным Казахстаном и Сыр-Дарьей через степи Бетпакадалы и поймы реки Сарысу.

О тождественности уздечного комплекта типа Биже I с раннесакскими из курганов Тагискена и Уйгарака в Приаралье писали Акишевы [55]. Кроме Приаралья, удила с прямым стремечком и напускными пластинчатыми псалиями известны из клада в Тюпе (северный берег Иссык-Куля), а также из могильника Джувантобе (Чиликский район Алма-Атинской области) [56]. Уздечный набор типа комплекта Биже I встречаются в ранних погребениях тасмолинской культуры Центрального Казахстана [57]. Акишевы подчеркивают заимствование тасмолинскими племенами конструкции у сакских племен Приаралья и Семиречья [55]. Аналогии с раннесакской шиликтинской культурой в элитарных памятниках низовьев Сырдарьи прослеживаются также немало. В Тагискене очень четко выделяется группа богатых захоронений V в. до н.э. [58], для конструкции которых характерно наличие дромоса, ориентированного на юго-восток, длиной 5-12 м. Могильная яма довольно глубокая - 2-2,3 м. Ориентировка покойника иная, т.е. на восток-северо-восток. Яма ориентирована углами по странам света, а не сторонами, как в более ранних курганах. Могильная яма и дромос имели плоское перекрытие, были случаи, когда перекрытие поджигали, в потом насыпали курган. В одном случае курган представлял собой наземное сооружение с дромосом. Этот тип некоторые исследователи сближают с Бешатырским погребением [19, с.199].

По мнению исследователя К.В. Чугунова, «уточнение хронологической позиции комплексов Северного Тагискена и сакских могильников Приаралья является исключительно важным для реконструкции культурно-генетических связей в начале раннескифского периода. Датировка мавзолеев Тагискена периодом с X по VIII вв. до н.э. [59], отмечаемые черты сходства в погребальном обряде и параллели в материальном комплексе между памятником эпохи поздней бронзы и некрополями ранних номадов [60], говорят о преемственности и возможном сосуществовании некоторое время на этой территории обеих традиций. Уже не

раз указывалось на типологическое соответствие золотых серег из Аржана серьгам из Северного Тагискена [61]. Отметим также стремевидные пряжки, найденные в Северном Тагискене, и известные в бегазы-дандыбаевских материалах, аналогичные обнаруженным в комплексе Аржана. Углубление датировки некоторых сакских комплексов до рубежа IX – VIII вв. до н.э. [62] весьма вероятно, хотя и требует дополнительных исследований керамических импортов» [17].

В Семиречье и в Приаралье отмечается как взаимное сходство культур сакской эпохи обоих регионов, так и поразительный «консерватизм» культур и не менее удивительная традиционность, существование наряду с более поздними реалиями архаичных элементов, уходящих своими корнями в эпоху бронзы. Именно поэтому трудно определить «начало» сакской эпохи в этих регионах, если пользоваться для этого только характеристиками сложившейся «триады»: вооружение, конское снаряжение и «звериный» стиль. Мало помогает и анализ керамики, формы которой в Семиречье были неизменны в течение веков. Только в связи с соответствующим хозяйственным укладом археологические артефакты дают основание говорить о культуре.

История исследования культурно-хронологических общностей Алтая берет начало от М.П. Грязнова. В 1930 году вышла его статья, в которой дал предварительный очерк смены на Алтае культурных общностей [63], а в работе, изданной в 1939 году, он разделил памятники раннего железного века Алтая на три хронологические группы: майэмирскую [VII-V вв. до н.э.], пазырыкскую [V-III вв. до н.э.] и шибинскую [II в. до н.э.] [64, с.9]. Позднее в 1956 году, учитывая материалы большевиченской культуры Алтая, сузил дату майэмирского этапа до VII-VI вв. до н.э. [65].

В 1947 году С.В. Киселев в своей статье также затронул вопрос периодизации алтайских памятников эпохи раннего железа, где выделил майэмирскую культуру с двумя последовательными стадиями: ранняя [VII-VI вв. до н.э.] и поздняя [V-IV вв. до н.э.] [66].

В своей монографии, изданной в 1960 году, С. Руденко вообще отказался от выделения каких-либо периодов в пределах скифского времени, хронологические рамки которого определил в пределах VII-IV вв. до н.э. [67]. По его мнению, скифские племена генетически не связаны с более ранним населением Алтая, а сформировались отчасти из переселившихся на Горный Алтай в конце VIII – начале VII вв. до н.э. группы племен с верховий Иртыша из Зайсанской котловины или предгорий Тарбагатай [67]. С начала 80-х годов прошлого столетия вопросами культурно-хронологического исследования памятников Горного Алтая занимается А.С. Суразаков [68]. В Горном Алтае он выделил новую кара-кобинскую культуру, объединил памятники скифского времени

Северо-Западной Монголии, Тувы, Восточного Казахстана и Горного Алтая в единую саяно-горноалтайскую культурно-историческую общность [69].

В этот же период вопросам культурно-хронологического исследования памятников Алтая посвятил специальные работы В.А. Могильников [70]. Майэмирскую культуру он разделил на два этапа: куртуский – VIII-VII вв. до н.э. и майэмирский – VII – VI вв. до н.э. По его мнению, эта культура занимала два локальных района. Это куртусско-катонский (южный) и усть-куюмский (северный). В свою очередь, позднее на основе усть-куюмского варианта сформировалась кара-кобинская культура V-III вв. до н.э., а пазырыкская культура с конца VI в. до н.э. сложилась в результате взаимодействия местного населения и племен, пришедших из степей Казахстана [71]. Мнения исследователей по такому решению вопроса разделились, некоторые возражали ему [72], а некоторые поддерживали его точку зрения [73].

Исследователь Л.С. Марсадалов разделил памятники Алтая также на два этапа: майэмирский (VIII-VII вв. до н.э., возможно, первая четверть VI в. до н.э.) и пазырыкский (VI-IV вв. до н.э.). В отличие от своих предшественников, культурно-исторические процессы среди племен Алтая в указанные периоды он связывает с историческими событиями в странах Передней Азии [74].

Исследователи скифо-сакской культуры Алтая и сопредельных с ним районов до недавнего времени пользовались вышеперечисленными культурно-хронологическими и периодизационными схемами. По устойчивейшей в археологии с 50-х по 80-е годы традиции, начало скифо-сакской культуры отсчитывалось не ранее VII в. до н.э. Хотя в разные времена были отдельные попытки удревнения, уточнения времени начала скифо-сакской культуры.

Н.А. Боковенко по материалам конского снаряжения датировал начальный этап кочевников Саяно-Алтая VIII-VII вв. до н.э. [75], а затем выделил пять вариантов погребального обряда всадников в конкретных территориально-хронологических границах в пределах раннескифского времени (IX-VI вв. до н.э.) [75].

В дальнейшем различным аспектам культуры населения раннескифского времени Горного Алтая значительное внимание уделил А.А. Тишкин. Учитывая развитие комплекса элементов конского снаряжения, он выделил в рамках раннескифского периода три хронологических отрезка: ранний (конец IX-VIII вв. до н.э.), средний (середина VIII-начало или середина VII вв. до н.э.), поздний (середина VII-вторая или третья четверть VI вв. до н.э.) [76]. По мнению исследователя, наибольшее сходство данная культура имеет с памятниками соседних регионов, особенно с Тувой, а истоки ее, вероятнее всего, следует

искать в Северо-Западной Монголии и в ближайших районах Китая [76]. Необходимо отметить, что начальная дата, IX в. до н.э. в периодизации скифской архаики, предложенная еще С.С. Сорокиным после раскопок могильника Курту II [76], принимается в настоящий момент не всеми учеными [77].

В предвоенные годы Н.Т. Бернштам разработал хронологическую классификацию памятников раннего железного века Семиречья и Тянь-Шаня. Он еще в те годы начало раннесакского периода отсчитывал с VIII в. до н.э. и завершал ранний период VI в. до н.э. По его мнению, V-III вв. до н.э. — позднесакский период, II в. до н.э. - I в. н.э. — усуньский, I в. до н.э. - II в. н.э. — гуннский период. По Н. Бернштаму, для раннесакского времени типичны стремевидные удила и сочетание втульчатых и черешковых бронзовых наконечников стрел. Следует отметить, что относительно материалов указанного культурного региона многие исследователи до сих пор придерживаются этой классификации [78; 79, с.14].

Разработкой хронологии уйгаракских могильников с начала 70-х годов занималась О.А. Вишневская. Она на основе типологии бронзовых наконечников стрел, удил, псалиев, бронзовых зеркал и отдельных предметов звериного стиля приходит к выводу, что захоронения в могильнике производились с конца VII в. до н.э. и затем преимущественно на протяжении VI в. до н.э. [80].

Хронологические периоды раннего железного века на основе археологических материалов Восточного Казахстана были разработаны С.С. Черниковым. В своей статье он относит к более ранним изделиям: кинжалы с брусковидным навершием, узкие прямые ножи с отверстием или протомой хищника на рукоятке, наконечники стрел втульчатые, листовидные или ромбовидные и трёхпёрые с черешком, удила со стремевидными кольцами, трёхдырчатые псалии; из украшений - «летающий» олень с поджатыми ногами, свернувшийся в кольцо барс, орёл, кабан, горный козёл, рыба [81].

По С. Черникову, к более поздним формам принадлежат кинжалы с плоским дугообразным навершием и бабочковидным перекрестьем, железные прямые однолезвийные ножи без отверстия, втульчатые трёхгранные с оттянутыми жальцами и короткими черешками наконечники стрел; удила с круглыми кольцами - бронзовые и железные, двухдырчатые псалии; усложненные и менее реалистичные образы звериного стиля — грифоны и другие фантастические звери и сцены терзания животных [81].

По данным С. Черникова, железные изделия в верховья Иртыша проникают лишь с V в. до н.э. Основная же масса орудий и оружия ещё долгое время изготовлялась из бронзы (могильник Усть-Буконь, Чилик-

ты, курган 7, Пазырык, курган 1). То же было и западнее на соседней степной территории. Указывая на факт перехода к железу в Восточном Казахстане по крайней мере на три века позднее, чем в Причерноморской Скифии, С. Черников очень правильно констатирует: «Объяснить это можно только наличием крупного металлургического центра бронзы с его выработанными производственными традициями, так как в это время ни о какой культурной или экономической отсталости восточно-казахстанских и алтайских кочевых племён говорить не приходится» [81].

Древнейшими памятниками раннего железного века северной части Восточного Казахстана, Горного Алтая и прилегающих степей С. Черников считает курганы у деревни Черновой, Славянка и Юпитер в верховьях Бухтармы, датированные VII-VI вв. до н.э. [81].

Рассматривая проблемы этнокультурного развития кочевников Горного Алтая в раннем железном веке, необходимо отметить сложение двух противоположных тенденций в современной скифологии в связи с изучением скифской архаики в целом. С одной стороны, ряд исследователей пытается «удревнить» начало сложения сако-скифской культуры на целое столетие, а то и больше, используя для этого во многих случаях, кроме традиционных археологических источников, данные дендрохронологического и радиоуглеродного анализа [82]. С другой стороны, вторая группа ученых, опираясь на анализ предметов вещевого комплекса и письменные источники, настаивает на необходимости «омоложения» скифских памятников Евразии, в т.ч. пазырыкских курганов [83].

Новая, удрежденная дата начала скифской культуры в азиатской части впервые была заявлена и достаточно аргументирована М.П. Грязновым на материалах кургана Аржан [107]. По его мнению, фигура свернутого в круг тигра, втульчатые с ромбическим пером и жальцем наконечники стрел, удила со стремевидными кольцами, трехдырчатые псалии, фигура кабана с повисшим вниз ногами на рукояти кинжала, трехжелобчатые бляшки из зеленого антигорита, белого аргилита, деревянные с позолотой и некоторые другие предметы – все это характерно для раннескифского времени Сибири, Казахстана и южнорусских степей. В некоторых материалах из кургана Аржан М.П. Грязнов видит близкую аналогию с данными группы памятников Причерноморья предскифских времен, которые украинскими исследователями датируются VIII - началом VII в. до н.э. [84, с.10-11].

Свой анализ материала по этому вопросу М.П. Грязнов заканчивает следующими мыслями: «... не следует ли считать, что VIII-VII вв. до н.э. были начальным этапом в развитии скифской культуры в широком понимании этого слова не только в Северном Причерноморье, как это предполагал А.А. Иессен, но и в Саяно-Алтае» [84, с.12].

Н.Л. Членова в своей работе «Центральная Азия и скифы. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира» [М., 1997], по-новому анализируя и сопоставляя материал кургана Аржан с памятниками тагарской культуры, памятниками Алтая и Чиликты, приходит к выводу, что М.П. Грязнов и Л.С. Марсадолов хронологическую дату кургана Аржан искусственно удрежняли до VIII и даже IX в. до н.э. [85, с.3-39].

В этой работе Н.Л. Членова критикует провозглашенный М.П. Грязновым концепцию существования аржано-черногорской фазы развития скифо-сибирских культур уже в IX-VIII вв. до н.э. от Дуная до Китая. Следует отметить, что идею об одновременности и схожести аржанских памятников с памятниками черногоровской ступени впервые высказывал А.И. Треножкин [86].

В конце раздела книги, посвященной аржано-черногоровским проблемам Н.Л. Членова заключает: «... аржано-черногоровская фаза - искусственное образование из разнотипных памятников скифского и предскифского круга» [85].

В заключительной части этой работы, на мой взгляд, с заранее тенденциозными подходами к памятникам скифов Азии, Н.Л. Членова делает следующий вывод: «... выводить скифов Причерноморья из Центральной Азии [Туву], где единственный представительный памятник – Аржан – совершенно неправомерно. Аржан – это памятник Саяно-Алтайского культурного региона VII-VI вв. до н.э.» [85, с.37].

Для нас особый интерес представляет IV раздел книги, где сравниваются материалы из курганов Аржан и Шиликты. В этой главе Н.Л. Членова сравнивает двулопастные втульчатые, с короткой втулкой и листовидным ромбическим пером наконечники стрел из Шиликты с одним из схожих аржанских типов стрел и приходит к выводу, что они не идентичны [85, с.29].

Далее Н.Л. Членова сравнивает аржано-шиликтинские сюжеты кабанов, стоящих «на цыпочках», технику бирюзовой инкрустации в украшениях, маленькие, разных геометрических форм тонкие золотые листки с пунсонным орнаментом, мельчайшие полушарные бляшки и заключает, что все это датируется в пределах VII-VI вв. до н.э. , а вещи с бирюзовой инкрустацией – импорт из стран Ближнего Востока или Средней Азии, украшения зернью и перегородочной инкрустацией – возможно, иранского происхождения [85, с.30].

Относительно времени сооружения кургана №5 Шиликтинского могильника, Н.Л. Членова считает, что он имеет две линии синхронизации: 1) наконечники стрел, изображения оленей с подогнутыми ногами, изображения свернувшихся хищников, техника перегородочной инкрустации находят параллели в архаических памятниках скифов Причерно-

морья и Северного Кавказа. 2) Изображения орлов из Чиликты с головой, повернутой назад и помещенной вонутрь изображенного контуром туловища, находит очень точную параллель в Зуевском могильнике на Каме (ананьинская культура) [85, с.32].

В заключении своей работы Н.Л. Членова приходит к таким выводам: «Из районов западнее Алтая (Казахстан, тасмолинская культура, Уйгарак, Тагискен) имеются лишь немногие точные параллели инвентарю из кургана Аржан... Что касается еще западных памятников – Причерноморья и Северного Кавказа, то они ни с черноморскими и новочеркасскими, ни со скифскими памятниками VII-VI вв. до н.э. никакого специфического сходства Аржан не обнаруживает. В Аржане нет железных вещей; нет акинаков с бабочковидным перекрестьем; нет копий и топорилов. Псалии – другого типа и другие предметы узды. Аржанский звериный стиль («пантера», кабан) имеет отличительные саяно-алтайские черты. Сходство с Северным Причерноморьем ограничивается теми компонентами «скифской триады», которые почти одинаковы в пределах всех культур «скифского мира»: двулопастные втульчатые наконечники стрел и стремевидные удила» [85, с.37].

Раннесакская бронза из Семиречья подтверждает, что вторая половина VIII - начало VII в. до н. э. в Семиречье необходимо считать временем уже сложившейся сакской культуры. Формирование же всех элементов культуры корнями уходит в эпоху бронзы. Их истоки - во времени распространения в Евразии индоиранских племен, частью которых, вероятно, были и андроновцы и карасукцы.

В свое время М.И. Ростовцев считал самих скифов иранцами, а их культуру и искусство смешанными, где иранский [преимущественно], а затем греческие элементы сыграли решающую роль. Впоследствии М.И. Ростовцев был склонен видеть корни звериного стиля в «срединной Азии, где он возник, по его мнению, в иранской среде и оттуда распространился в Скифию, а позднее и на восток» [87].

Вообще, в вопросе происхождения искусства звериного стиля и техники изготовления предметов звериного искусства из металла С. Черников приходит к самому правильному, на мой взгляд, мнению: «Звериный стиль в тех формах, в каких мы его знаем, быстрее и ярче всего мог оформиться там, где были для этого наиболее благоприятные условия. К ним можно отнести следующее – золотая, медная, оловянная руда и технические сооружения по ее добыче, обогащению, плавке, материалы – готовые металлы и набор необходимых приспособлений для отливки сложных матриц, плющения золота, вставки инкрустаций, зерни и т.п., мастера – в достаточной степени специализированные, с необходимым для такой тонкой работы навыками и опытом» [88]. И такими наиболее благоприятными районами для изготовления шедевров кочевнической

торевтики он считал Северо-Кавказский и Восточно-Казахстанский [88, с.138-139]. В то же время С. Черников не отрицает вероятности заимствования приемов изготовления таких сложных матриц кочевниками в странах Передней Азии [88, с.136]. Непоследовательность мыслей С. Черникова относительно генезиса скифской культуры можно заметить и в его утверждениях о том, что «в прямом смысле этого слова скифская культура [неотъемлемой частью которой является звериный стиль] складывается в начале VI в. до н.э. после походов в Переднюю Азию» [88, с.114]. Вообще-то трудно в этом винить ученых того времени, ибо большинство из них были приверженцами господствовавшей в то время теории миграционизма, по которой все передовые традиции и инновации древних культур каким-то образом увязывались или приписывались цивилизациям Древнего Востока и античного мира или же соседствующим оседло-земледельческим народам.

Много загадок связано со звериным стилем. Он возникает как-то вдруг на огромной территории и в таких законченных формах. По мнению С. Черникова, «ни в Причерноморье, ни на Кавказе, ни в Казахстане в памятниках предшествующих веков почти что их нет. Есть они, правда, в Минусинской котловине, но дело осложняется тем, что настоящий скифский звериный стиль появляется там позднее, чем на западе, и, по всей вероятности, заимствован из Восточного Казахстана» [88, с.111].

С. Черников считает, что многие образы животных и орнаментальные мотивы звериного стиля заимствованы со стран Передней Азии, куда уже в VIII-VII вв. до н.э. киммерийцы и скифы совершали походы. Далее он утверждает: «Можно даже сказать, что «скифский» звериный стиль окончательно сложился только после этих походов, но выводить его целиком из Передней Азии было бы неправильно» [88, с.111]. Быстрое распространение звериного стиля по всей Евразии С. Черников связывает с зарождением кочевничества, где изобретения распространялись очень быстро [88, с.112].

Тальгрэн считал, что родина звериного стиля находится где-то в высокогорной области к северу и северо-востоку от Передней Азии, никак не уточняя ее географически. В последнее время к этой гипотезе присоединилась Н.Л. Членова, которая видит ее «между Курдистаном и озером Зайсан», одновременно она связывает его происхождение и с древневосточным искусством [89].

По мнению С. Черникова, в казахских степях звериный стиль появляется несколько раньше, чем в Причерноморье [88, с.116].

Находки в Зивие дали повод некоторым ученым о том, что скифский звериный стиль зародился где-то в Северо-Западном Иране на основе «маннейско-мидийского искусства» [90].

Находки в Зивие в Северо-Западном Иране он относит к одному из самых ранних скифских предметов. Эти вещи были изготовлены ассирийскими мастерами, но специально для скифских царей и для их вкуса [88, с.117].

Б.В. Форммаковский выдвинул гипотезу о происхождении основных элементов скифского звериного стиля от архаического искусства Ионии, не отрицая при этом и воздействия Передней Азии. Эту мысль чрезмерно развил К. Шефольд. По его мнению, скифы, принеся кое-что с «северо-иранской родины», всеми достижениями своего искусства были обязаны, однако, исключительно Древней Греции [91].

О происхождении скифского звериного стиля из Фракии, страны на Балканском полуострове, высказывала предположение А.П. Манцевич [92]. По мнению С.С. Черникова, ее аргументация очень обоснованная. Но он также задается вопросом о том, как быть тогда с таким ранним Чиликтинским курганом и всеми другими памятниками Казахстана и Алтая? Фракия от них слишком далеко [88].

Мысль о местных корнях впервые обосновал Г.О. Боровка. Рассматривая скифские памятники на фоне широкого археологического материала, он ввел в науку правильное понятие «скифо-сибирский звериный стиль» [88, с.122]. Например, Л.Т. Яблонский считает этот термин не очень удачным [60, с.90]. Но и он не отрицал сильного переднеазиатского и греческого влияния. Тот факт, что в карасукской культуре эпохи бронзы на Енисее [XIII-VIII вв. до н.э.] известны изображения животных на металле, схожие с последующим звериным стилем, дал повод Г.О. Боровке, вслед за ним Э. Миннзу предполагать, что там и находится один из важнейших центров его происхождения [93, с.122]. Черников, как бы возражая против такой постановки вопроса, пишет: «Все это было бы вполне убедительно, если бы на Енисее не прослеживалось явное заимствование основных образов скифо-сибирского звериного стиля с запада. Мы уже видели это на примере «летащего» оленя, орла и «пантеры». Далее он утверждает, что карасукские бронзы все же какую-то роль здесь сыграли, так как сходство стилистических приемов очевидное, а влияние карасукской металлургии на позднеандроновскую совершенно неоспоримо [94, с.121-122].

Гипотеза о местных корнях «скифского искусства» была далее развита Д.И. Эдинггом на уральском материале. Его положения были поддержаны В.В. Гольмстен, С.В. Киселевым и В.Н. Чернецовым [95].

Сравнивая изображения «летащих» оленей из Чиликтинской долины, Минусинского музея, Костромского, Мельгуновского, Келермесского курганов и Зивие, С. Черников замечает, что среди них «наиболее «классическим» и близким к натуре является чиликтинский олень и прямым подражанием ему являются изображения оленей из Минусинского музея» [96, с.122].

синской котловины. Отсюда, по его мнению, этот образ оленя не мог быть заимствован ни из ассирийского, ни из урартского, ни из гипотетического маннейско-мидийского искусства. Продолжая свою мысль в этом направлении он утверждает, что то же можно сказать и относительно других основных сюжетов скифо-сибирского звериного стиля [94].

С. Черников очень правильно замечает, что шиликтинские олени более реалистичны и соответственно старше своих аналогов [94, с.54-55]. С. Черников останавливается также на датировке оленя из 7 кургана Шиликтинской долины [Таб. XXIII, на стр.63]. Рога и хвост этого оленя сильно стилизованы, что характерно для V-IV вв. до н.э.

Далее С. Черников сравнивает шиликтинского орла с раннескифскими орлами из Зивие, который датируется VII-VI вв. до н.э. Также, на наш взгляд, он правильно замечает, что в этом сюжете изображен именно орел, а не грифон, что, в свою очередь, является еще одним признаком его ранности [94, с.58].

По мнению С. Черникова, майэмирские пантеры более ранние, чем чиликтинские. Они примитивнее и гораздо менее стилизованы, наиболее вероятная их датировка – вторая половина VII в. до н.э. [рис.9,1] [94, с.59]. С. Черников относит примерно к этому времени и две большие бронзовые бляхи в виде пантеры из могильника Уйгарак, обнаруженные в 1962 году Хорезмской экспедицией. Анализ этих изображений из ранних тагарских памятников на Енисее [VII в. до н.э.] делал С.В. Киселев [96, с.244-247]. В свое время С. Киселев, затем С. Черников заметили, что кольчатость лап и хвоста, какую мы видим на чиликтинских фигурках, отсутствуют на древнейших тагарских [96, с.247; 94, с.61].

С. Черников правильно замечает, что у причерноморских сходство с чиликтинскими еще большее, но на Алтае и Енисее мотив свернувшегося хищника древнее [121, с.61]. Он также обращает внимание на особенности трактовки морды у восточно-казахстанских «пантер»: «ноздра, глаз и ухо изображены в виде круглых углублений, расположенных на прямой линии» [94, с.61]. Аналогичный прием встречаем на бронзовых бляхах из могильника Уйгарак, в памятниках Причерноморья и Поднепровья [97]. Датируются эти памятники, за редким исключением, не позднее первой половины VI в. до н.э.

Здесь нужно заметить, что большинство рассмотренных С. Черниковым и другими авторами изображений свернувшихся зверей являются украшениями конского снаряжения, в то время как шиликтинские являются бляшками-украшениями одежды человека.

По мнению С. Черникова, курган №5 Шиликты, который датируется рубежом VII-VI вв. до н.э., и найденные там звериные образы являются одним из самых ранних памятников скифо-сибирского звери-

ного стиля. Более древним являются только майэмирские «пантеры», нож из деревни Славянка и некоторые предметы в курганах Уйгарака на Сырдарье [94, с.113].

Рассматривая изделия, изготовленные в мотиве свернувшейся пантеры из Уйгарака и Тагискена, О.А. Вишневецкая и М.А. Итина отмечают их схожесть с бляхами из коллекции Петра I и из курганных комплексов Шиликты и датируют все казахстанско-сибирские аналогии VII-VI вв. до н.э. По их мнению, свернувшаяся пантера из Майэмирского клада – более ранняя [98].

До сих пор многие исследователи считали картину свернувшейся пантеры одним из самых ранних сюжетов скифско-сибирского звериного стиля. По материалам Шиликтинских могильников бляшки формы свернувшейся пантеры встречаются в курганах №5, 7, 16 [группы Шиликты-1], датируемых в пределах VIII-VII вв. до н.э. Курган Байгетобе [курган №1 Шиликты-3], в котором не встречается этот сравнительно поздний и широко распространенный, на мой взгляд, сюжет в сако-скифском мире, с большой вероятностью, датируется временем намного ранее, чем вышеперечисленные памятники группы Шиликты-1.

К.В. Чугунов, сравнивая иконографию кургана №2 в Талды-2 и кургана Байгетобе [Шиликты-3] и указывая на отсутствие у второго памятника бляшки в виде свернувшегося кольцом кошачьего хищника, делает, на мой взгляд, достаточно неубедительное заключение: «Возвращаясь к иконографии свернувшегося хищника, можно предположить, что наличие в комплексе предметов, декорированных таким образом, говорит о дате памятника не позже середины VII в. до н.э. Исходя из этого, хронологическая позиция кургана №2 Талды-2 наиболее вероятно располагается в пределах конца VIII – первой половины VII в. до н.э. Курган Байгетобе, скорее всего, сооружен несколько позднее, но раньше, чем Аржан-2... То есть датировка «царского» кургана №1 могильника Шиликты-3 может быть ограничена первой половиной VII в. до н.э. [99].

На мой взгляд, на основе отсутствия только одного сюжета – свернувшейся «пантеры», не совсем корректно «омолаживать» Шиликтинский курган Байгетобе. По-моему, как раз-таки образ свернувшегося кошачьего хищника в азиатском пространстве зародился несколько позднее, чем захоронение в кургана №1 могильника Шиликты-3 (Байгетобе). На всех раскопанных и по многим параметрам поздних, чем Байгетобе, курганах Шиликтинской долины (курганы №5, 7, 16) присутствует мотив свернувшегося хищника. Мне думается, отсутствие сравнительно позднего сюжета – свернувшегося хищника кошачьей породы в кургане Байгетобе как раз и свидетельствует о его раннем происхожде-

нии по сравнению с другими изученными элитарными курганами Шиликтинской долины. Как мне кажется, при датировке конкретного памятника или в целом могильника нужен комплексный подход, где должны быть учтены все датирующие характеристики памятника. Например, такие специфические хронологические черты, как локализация кургана в общей топографии могильника, конструкции кургана, обряд и обычай захоронения, состав сопровождаемого покойника инвентаря, их место в хронологической шкале синхронных памятников этой или близкородственной культуры и т.п. По нашему анализу всего этого комплекса хронологических характеристик, курган Байгетобе является самым старшим из всех изученных в Шиликтинской долине памятников. Анализ предметов искусства древних кочевников Казахстана и Тывы показывает их близость в сложных орнаментальных мотивах и в особенностях проработки и моделировки фигур зверей, в использовании техники грануляции. Исследование техники исполнения изделий натолкнуло на предположение о том, что мастерские, обслуживавшие кочевнических вождей, возможно, следует искать на юге — на городищах архаического Хорезма. А также не исключено, что контакты строителей комплекса Аржан-2 в Тыве с Северной Индией и Пакистаном происходили при посредничестве племен Казахстана [100].

Центры культурных общностей ранних кочевников: Забайкалье-Монголия, Саяно-Алтай, Казахстан (Сарыарка, Восточный Казахстан, Жетысу, Приаралье), Средняя Азия, Северное Причерноморье.... Эти локальные центры в раннесакское время прослеживаются по таким памятникам, как Аржан, Шиликты, Тагискен, Жалаулы, Келермес... Теперь к ним добавился Талды-2 [101, с.19].

По А. Бейсенову, датировка этих центров представляется следующим образом: «Наиболее ранний памятник Аржан-1 в Тыве (рубеж 9-8 вв. до н.э.), Шиликты, курган №5 (8-начало 7 вв. до н.э.), Шиликты / Байгетобе, Тагискен (7 в.до н.э.), Талды-2, курган №2 (середина - вторая половина 7 в. до н.э.), Аржан-2, Жалаулы (конец 7 в. до н.э.), Талды-2, курган №5, Карашоки, курган №1 (рубеж 7-6 вв.до н.э.)» [101, с.19].

Мне кажется, здесь трудно согласиться с датировкой кургана №1 Шиликты-3 (Байгетобе), хронология которого до сих не была предметом специального исследования. В настоящей монографии Нами была сделана первая попытка его более или менее точной датировки, относительной хронологии, по результатам исследований мы время сооружения кургана Байгетобе (группа Шиликты-3) предварительно определяем концом IX - началом VIII в. до н.э.

По материалам кургана №5 С. Черников приходит к такому общему выводу: «Итак, после анализа всех имеющихся в нашем распоряжении материалов необходимо прийти к выводу, что наиболее вероят-

ная дата сооружения кургана 5 Чиликтинской долины – рубеж VII-VI вв. до н.э.» [94, с.65].

По мнению С. Черникова, техника зерни, встречающаяся среди украшений кургана № 5, дает основание для датировки памятника. Техника зерни широко была распространена на Переднем Востоке, в Греции и Этрурии именно в VII-VI вв. до н.э. [94, с.65]. Зернью украшены многие предметы из Сибирской коллекции Петра I и из ранних курганов европейской части Скифии [94, с.65]. Далее С. Черников, вслед за другими исследователями, утверждает, что эта техника явно заимствована с Переднего Востока [94, с.65].

Мы совершенно не согласны с утверждением С. Черникова: «У нас есть все основания предполагать, что кочевые воины с верховий Иртыша совершали дальние походы в страны Передней Азии, а их культурные связи с древними цивилизациями Переднего Востока, после раскопок больших курганов и чиликтинского, и пазырыкского типов, не вызывают теперь никаких сомнений» [94]. На мой взгляд, во времена ранних шиликтинцев культурных связей с цивилизациями Переднего Востока не было вообще. Также нельзя преувеличивать влияние переднеазиатских стран на культуру саков и скифов даже после их переднеазиатских походов. В этом смысле мысли С. Черникова пропитаны неверным и несправедливым подходом многих исследователей 50-70-х годов прошлого столетия приписывать все передовые достижения азиатских кочевников в области материального производства, хозяйственной и социально-политической жизни к влиянию Передней Азии и античного мира.

Датировка элитарных курганов Шиликтинской долины в основном производилась традиционным методом - сравнительно-типологическим сопоставлением архитектуры, структуры и конструкции наземных и подземных сооружений, обряда захоронения, сопроводительного инвентаря и т.п. С древесных материалов кургана Байгетобе получены две пробы дендрохронологического анализа [один из которых был сделан 2003 году в киевской лаборатории, а второй в 2015 году в лаборатории г. Новосибирска]. Оба эти анализа определяют возраст кургана №1 группы Шиликты-3 (Байгетобе) в пределах VII в. до н.э. Следует отметить, что данные наших сравнительно-типологических анализов указывают на возраст этого памятника не позднее VIII в. до н.э. Вообще, сейчас среди археологов складывается мнение, что естественнонаучные методы не всегда дают правильную датировку артефактов. Немало встречается ошибок, связанных с несовершенством методики анализа, квалификации научных работников, неточностью измерительных приборов и оборудования и т.п. Поэтому, по признанию многих специалистов, самое правильное решение в этом вопросе – это согласование, коорди-

нация, корреляция полученных естественнонаучных результатов датировки с данными традиционных методов установления хронологии памятника. Процесс исследования элитарных памятников Шиликтинской долины показал, что курганы эти разновременные, часто с разницей возраста в 25, 50, 100 и более лет.

Поэтому хронологические показатели как бы эталонного, мультидисциплинарно изученного кургана Байгетобе оказались не совсем приемлемыми для определения возраста аналогичных больших курганов данной местности. Кроме того, курганы отличаются друг от друга большой вариабильностью внутренней структуры и содержимого материала, что, вероятно, свидетельствует о неодновременности их сооружения. На мой взгляд, могильники Шиликтинской долины достаточно продолжительное время были своеобразным Геросом большой группы или объединения сакских племен предгорий Тарбагатая и сопредельных территорий.

Шиликтинские стрелы черниковских находок, по обоснованной классификации К.Ф. Смирнова, должны быть отнесены к ассиметрично-ромбическим. По мнению С. Черникова, такие стрелы его современниками-специалистами датируются в пределах VII-VI вв. до н.э. [102, с.46]. Судя по выработанной и изящной форме, С. Черников определяет окончательное время их изготовления рубежом VII-VI вв. до н.э. [101, с.51].

Вообще, происхождение таких двуперых наконечников стрел, как шиликтинские, специалисты связывают с ранним этапом андроновской культуры [101, с.79].

Относительно двулопастной втульчатой листовидной и ассиметрично-ромбической формы наконечника стрелы, найденной в раннесакских курганах Шиликты, нет сомнения, что они относятся к самой ранней группе форм этих типов вооружений. По мнению многих исследователей, эти формы теснейшим образом связаны с более ранними андроновскими прототипами середины II тысячелетия до н.э. По мнению М.К. Кадырбаева, материалы памятников Боровской, Желамбет, Семипалатинские дюны, Малокрасноярка, Канай, Атасу, Степняк, Алеп-аул, Дандыбай, Бегазы показывают, что северная полоса казахстанских степей, состоящая из центральных, северных и восточных районов, была одним из центров возникновения указанной формы наконечников [103].

В Шиликты профессором С. Черниковым всего было раскопано 3 больших кургана. Мною также раскопано четыре крупных элитарных памятника. Все эти памятники расположены в центре шиликтинской долины. Расстояние между самыми дальними из них составляет не более 5-6 километров. По общим культуроопределяющим (культуропрояв-

ляющим) характеристикам они едины. Все они датируются в пределах раннесакской эпохи. Но в то же время каждый из этих памятников имеет свои индивидуальные особенности, отличительные черты и в части внутренней структуры кургана, и в составе строительных материалов, и в размерах и формах гробницы или погребальной камеры, и в составе артефактов и т.п.

Среди изученных в Шиликты памятников по многим характеристикам, культурным параметрам очень близкими между собой являются курган №1, Шиликты-3 (Байгетобе) и курган №5 группы Шиликты-1. Что общего между этими курганами? Во-первых, оба кургана состоят из трех строительных уровней (частей): деревянно-каменная гробница, сверху нее каменный курган, поверх всего этого земляно-гравийный слой вперемешку с дерновыми закрепительными от сползания материалами. Гробницы и пристроенные к ней дромосы у обоих одинаковые по форме и близки по размерам. Оба имеют каменные крепиды у основания кургана, являются общими для них такие сюжеты звериного стиля, как бляшки в виде орлов, миниатюрные подвески биконической формы, миниатюрные подвески полушаровидной формы, миниатюрные подвески в виде шарика с ушком, гантелеобразное украшение, бисер из свернутого листа, кольцеобразный бисер. Очень показательным, что в только в этих курганах были найдены однотипные бронзовые наконечники стрел (в кургане №5 Шиликты-1 с колчаном их всего 13 штук, в кургане №1 Шиликты-3 - один и единственный наконечник) двуперые, ассиметрично-ромбической формы, с слегка выступающей выпуклой втулкой.

Как известно, именно наконечники стрел являются датирующими материалами. Анализируя проблему датировки двулопастных наконечников стрел Саяно-Алтая, исследователь К.В. Чугунов делает, на мой взгляд, очень правильный вывод: «Наборы, включающие только такие стрелы, едва ли могут появляться позже VIII в. до н.э. Именно так должна быть ограничена дата комплекса кургана № 5 могильника Шиликты в Восточном Казахстане с его типологически «монолитным» набором стрел типа Енджа и полным отсутствием в колчане черешковых наконечников» [99, С.72]. Таким образом, на сегодняшний день курган № 5 могильника Шиликты-1 мы можем уверенно датировать не позже VIII в. до н.э.

Как исследователь, посвятивший пятнадцатилетний отрезок своей научной жизни шиликтинским памятникам и достаточно хорошо знакомый с этими материалами изнутри, я все больше убеждаюсь, что курган № 1 Шиликты-3 (Байгетобе) является самым ранним во всей этой группе изученных шиликтинских элитарных памятников. По моим соображениям, курган Байгетобе старше даже кургана № 5 группы

Шиликты-1. На это есть несколько веских оснований. Во-первых, по совокупной оценке сюжеты звериного стиля кургана Байгетобе более натуралистичны, более реалистичны, чем формы из того же кургана № 5. Во-вторых, орлы с повернутой в одну сторону головой из кургана Байгетобе имеют только одностороннюю направленность: с повернутой головой вправо, а вот орлы из кургана №5 головой направлены и вправо, и влево. В остальном они полностью идентичны. Вероятно, шиликтинцы сначала изобрели эту форму с направлением головы только вправо, позднее мастерам пришла идея изготовления этого сюжета с разным разворотом головы орла. Вообще, в отличие от бляшек с кургана №5 (и от других золотых украшений в изученных царских курганах Шиликты), почти все крупные формы из кургана Байгетобе изготовлены способом литья, в то время, как аналогичные бляшки из кургана №5 выбиты плоским барельефом на бронзовой матрице из золотого листа.

Шиликтинские золотые изделия в основном изготовлены способом литья, они толстые, весомые. Мы считаем, что эта особенность шиликтинского золота указывает на его раннее происхождение. По очень правильной, на мой взгляд, оценке С.В. Кисилева, толщина золотой пластинки также служит показателем древности. По его мнению, позднее, в эпоху господства торевтики, на Алтае будут пользоваться гораздо более тонкими листками золота. То же наблюдается в Минусинской котловине: бронзовые бляшки из древнетагарских курганов обложены массивными золотыми пластинками, а позднейшие тагарские украшения из глины, дерева или кожи покрыты тончайшими золотыми листками [96, с.291].

Как известно, в среднесакский и позднесакский периоды для похорон элитарных членов рода уже использовались специально изготовленные для этого случая позолоченные фольгой оружие и одежда, украшенная бляшками из тонкого пластинчатого или фольгированного золота; большинство раннесакских золотых украшений изготовлены способом литья или же из толстой пластины, что также является хронологическим признаком.

Таким образом, по моим убеждениям, курган №1 из группы Шиликты-3 (Байгетобе) является самым ранним из всех изученных в Шиликтинской долине элитарных памятников и датируется не позднее конца IX в. до н.э. или начала VIII в. до н.э. В этом смысле я считаю наиболее близкой к истине шкалу дат 810-764 гг. до н.э. из дендрохронологического исследования сердцевины бревна из сруба усыпальницы Байгетобе, осуществленной в киевской лаборатории дендрохронологом Н. Ковалюхом и археологом В. Скрипкиным.

Присутствующий всеобщий натурализм и реализм в искусстве шиликтинского кургана Байгетобе (курган №1, Шиликты-3) по сравнению с сюжетами Аржана-1 и другие характеристики наталкивают на мысль пересмотра их взаимного старшинства. Ведь курган Аржана-1 признан многими исследователями самым ранним царским курганом скифского времени во всем пространстве Евразии, и самая нижняя дата его определяется IX в. до н.э.

В настоящее время в культурно-хронологической классификации скифо-сибирских памятников Евразии существует определение-термин «аржано-черногорский тип», который отражает культурную общность и хронологическую синхронность аржанских и черногорских памятников. Этот термин был введен М.П. Грязновым. По этому поводу он писал: «На всем степном, частью и лесостепном, пространстве от Дуная до Китайской стены к IX-VIII вв до н.э. сформировались разные варианты скифо-сибирских культур аржано-черногорского типа» [104].

Причем исследователи считают, что в аржанское время, т.е. уже в начале I тысячелетия до н.э. в Евразийских степях существовали меридиональные культурные трансляции [99, С. 69 – 71].

Мне кажется, выделение в качестве самого раннего этапа скифской культуры аржано-черногорского этапа (периода) не совсем правильно. Ибо между этими памятниками расстояние исчисляется более десятка тысяч километров. В настоящее время большинство серьезных ученых в скифологии первоначальным регионом зарождения и развития скифской культуры и этноса признают центральную часть степного пояса Азии. В таком случае приход и складывание скифской культуры в Восточную Европу произошло не ранее полутора или двух веков. Даже если допустить их продвижение галопом по Евразии, для освоения новых земель и территорий было необходимо не меньше столетия.

Вслед за отдельными исследователями мы полагаем, что, хотя по материалам конской сбруи и по другим характеристикам эти два памятника очень близки, но одновременными они фактически быть не могут даже только по той причине, что сако-скифская культура сначала зародилась и формировалась в азиатской части Евразии, потом постепенно распространилась в европейскую часть. По этому вопросу мы

согласны с мнением В.А. Ильинской и А.И. Тереножкина, которые утверждают, что скифо-сибирская общность на заре раннего железного века охватывает огромную территорию степей, полупустынь и горных районов от Дуная до Монголии, культура в глубинах Азии появляется на 100-150 лет раньше, нежели на территории Европейской части СССР» [105, с.356].

В современной сако-скифской археологии немало нерешенных и спорных проблем. Некоторые из них носят общеисторический, этнолингвистический характер. Вообще, до сих пор некоторые стороны этнической истории саков представляются достаточно загадочными. По мнению С. Черникова, по некоторым текстам Гатов, которые являются древней частью книги Ясна, для ариев важнейшей проблемой была защита своих стад и поселений именно от кочевников, которые конкретно называются «туры». А туры, по мнению лингвистов, означают то же, что и саки-массагеты [106].

По моему мнению, еще во времена зарождения зороастрийской религии и ее священнописаний на пограничных территориях среднеазиатского Окса-Яксартского междуречья уже существовали арийские и турецкие племена. Исконными и постоянными территориями ариев в древности, в раннее и позднее средневековье были земли Передней, позднее частично Южной Азии и Европы. Исконными территориями формирования, дальнейшего освоения и заселения турецких племен античности были земли севернее среднеазиатского междуречья, к которым относятся вся территория Средней Азии, Западной и Южной Сибири, Алтая и Саянов. Уже тогда сформировались культурно-этнические и лингвистические территории Ариан (Иран) и Туран. Индо-иранские и турецкие (туры) племена очень долгое время (по крайней мере, начиная с эпохи бронзы) жили бок о бок, время от времени сильно перемешивались и находились в постоянном контакте. Не исключено, что в отдельные периоды их истории, особенно в их контактных зонах, формировалась тюрко-иранская лингвистическая общность. По всей вероятности, священная книга зороастризма Авеста была написана на тюрко-иранском симбиозе языков. Этим, наверное, объясняются непонятные для иранистов строки и разделы из Авесты, которые якобы раскрывают свое смысловое содержание при переводе тюркологов.

До сих пор в науке превалирует мнение об ираноязычности саков. На мой взгляд, неправилен подход разъяснения, расшифровки сакских, скифских традиций через индо-иранскую культуру, что было характерно и для многих маститых ученых сакологов и скифологов прошлого столетия. Наши материалы склоняют к мысли, что культура саков была зарождена на местной основе, она имела андропо-бегазинские корни и турецкое продолжение. По нашим материалам, большинство обычаев,

обрядов и похоронных ритуалов саков и скифов находят много параллелей в этнографической действительности древних тюрков и последующих тюркоязычных народов Центральной Азии. Многие, казалось бы, «непонятные, необъяснимые» обычаи и обряды сакских, скифских племен раскрывают свои секреты и внутреннее содержание часто в сравнении с обычаями и обрядами древних тюрков и современных тюркских народов. Это, на мой взгляд, говорит о преимущественной тюркохарактерности основных элементов культуры саков и скифов.

Среди вопросов, имеющих прямое отношение к проблеме этногенеза, интерес представляет гипотеза К.А. Акишева о ранней монголизации сако-усуньских племен, начавшейся задолго до середины I тысячелетия до н. э. С этой проблемой связан и вопрос о языковой принадлежности носителей сакской и усуньской культур [107, с.19-20].

В свете этих данных стоит, очевидно, вновь вернуться к гипотезе Н.А. Аристова, о тюркоязычии некоторых сакских племен Семиречья и Южного Казахстана, поддержанной затем А.Н. Бернштамом, А.Х. Маргуланом, В.Ф. Шахматовым и А. Абдрахмановым. Во всяком случае эта точка зрения не является столь парадоксальной, как это считает Л.Н. Гумилев [108, с.183-184].

По мнению замечательного исследователя погребально-поминальной обрядности скифов В.С. Ольховского, обрядность архаического времени отличается от более поздней главным образом следующим: чаще устраивали впускные захоронения; погребальные сооружения с деревянными конструкциями часто сжигали или обжигали. Кольцевые ровики и каменные крепиды использовали реже. Для слуг и коней отдельных сооружений не устраивали; конских захоронений вообще нет; нет ассинхронных и коллективных захоронений; погребальные пиры устраивали реже, они были значительно менее пышными; установка каменного антропоморфного изваяния, устройство каменных гряд, жертвенников в архаических комплексах степного Причерноморья пока не отмечены, но они более чем вероятны [7, с.178].

Наши исследования последних пятнадцати лет в Шиликтинской долине, а также в северных предгорьях Тарбагатая дали оригинальный в своем роде фактологический материал, который позволяет делать достаточно репрезентативные аналитические, обобщающие выводы относительно специфических черт раннесакских памятников этого культурно-исторического микрорайона. Правда, многие исконно шиликтинские культурные явления имеют очень близкие, иногда точные аналогии в пространстве Казахстана и сопредельных районов. Но это объясняется первичностью шиликтинских культурных инноваций относительно близких параллелей в других локальных культурных микрорайонах.

Случайные находки

Archaeological Library of Kazakhstan

ПРИЛОЖЕНИЕ

Archaeological Library of Kazakhstan

1. Технология и некоторые вопросы техники изготовления золотых украшений из кургана Байгетобе некрополя Шиликты (к.и.н. Минасян Р.С. г.Москва)

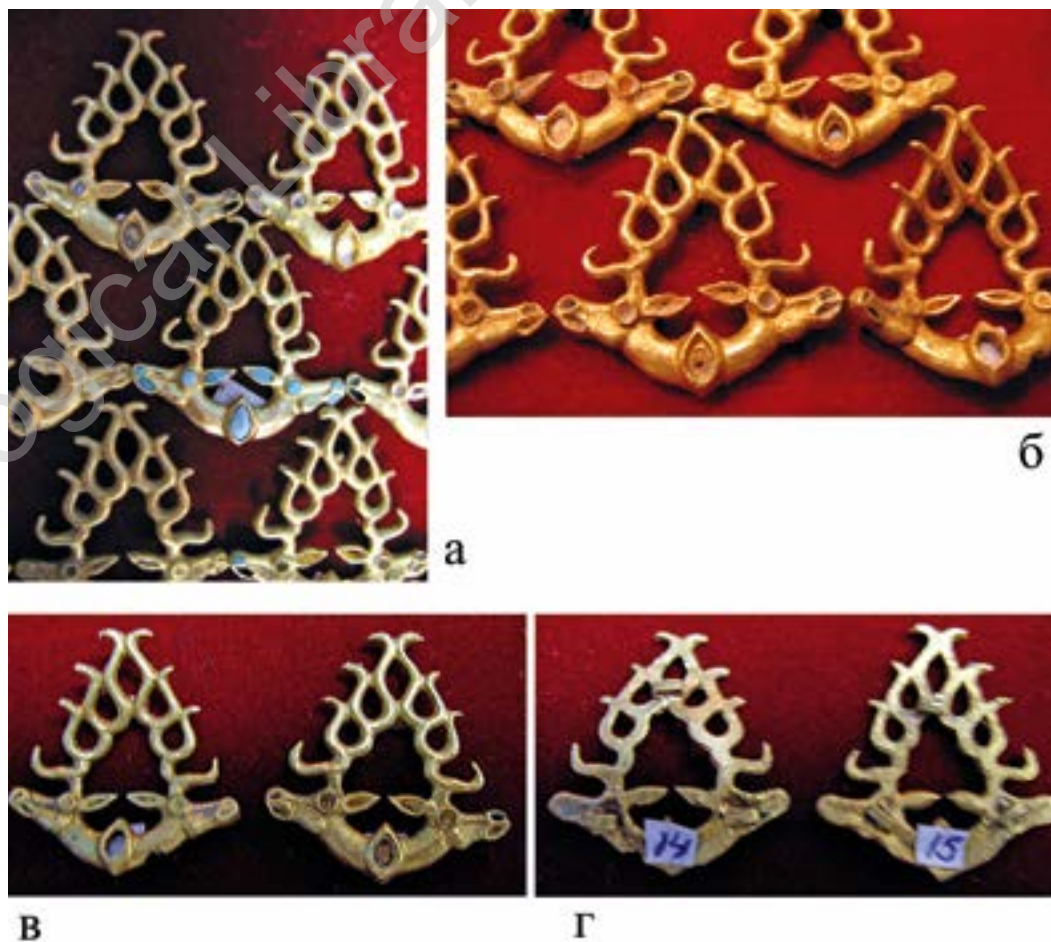
Один из шиликтинских курганов прежде был исследован С.С. Черниковым. Технологию производства найденных в кургане золотых вещей, среди которых были мелкие украшения, аналогичные найденным в кургане Шиликты-3, изучал С.А. Семенов [1]. На самом же деле в его работе речь шла не о технологии, а о технике производства. В производстве под термином техника (от греч. τεχνη — искусство, мастерство) подразумевается совокупность приемов и методов, применяемых в каком-то деле. А технология — наука или совокупность сведений о различных физических, механических, химических способах обработки сырья, полуфабрикатов, изделий, сопровождаемая детальным описанием технологического процесса, при котором происходит качественное изменение обрабатываемого объекта [2]. Когда речь идет о способах изготовления вещей, в археологической литературе обычно вместо термина «техника» употребляют термин «технология», что неверно.

Литье золотых украшений из кургана Шиликты-3 представляет процесс определенных последовательных операций: способ изготовления моделей, с помощью которых осуществлялось тиражирование одинаковых бляшек, изготовление литейных форм, способ заливки металла в формы, механическая обработка отливок, способ формирования гнезд под вставки. Лучше всего техника литья реконструируется на основании данных самой многочисленной группы украшений — «масок барса». Для того, чтобы отлить серию одинаковых предметов, необходимо предварительно сделать оригинальную модель. Модели делались по-разному. Для мелких предметов литейщики-кочевники предпочитали вырезать модели из твердого материала. Техника резьбы моделей отчетливо прослеживается на вещах VIII-V в. до н. э. Впрочем, этот способ оставался доминирующим у кочевников и в последующие времена [3]. Особенности формы бляшек рассматриваемого вида, также и других украшений из Шиликты-3, говорят о том, что модели, наверняка, вырезались из очень твердого материала: кости или камня. Об этом свидетельствует один существенный признак.

Бляшки-предметы миниатюрные. Фальшивые гнезда на мордах козлов, оставшиеся без вставок, имеют очень тонкие стенки, бугорки на

рогах — крошечные. Такую мелкую работу очень трудно выполнить в пластичном воске или в дереве. Кочевники были великолепными резчиками и имели большую практику резьбы по кости и камню. Не берусь утверждать, имеются ли в Восточном Казахстане месторождения агальматолита, но в Туве такие месторождения есть, а Тува не так далеко от Шиликтинской долины. Агальматолит, мыльный камень (разновидности стеатита) — самые мягкие и самые жаропрочные породы камня. Они легко режутся и из них в древние времена в Сибири делали створки литейных форм. Модели для отливок бляшек из Шиликты-2, наверняка, вырезались из кости или агальматолита.

Рельеф на модели, из какого бы материала модель ни делалась, всегда вырезается только на лицевой стороне, а все бляшки — выпукло-вогнутые. При отсутствии полости на оборотной стороне модели ее формировали литьем «навыплеск». Это производилось следующим образом. Отпечатком модели изготавливалась лицевая створка глиняной формы. В обожженную створку заливался расплавленный воск и через несколько секунд расплав из формы сливался. В форме оставалась застывшая корочка воска — полая восковая модель, у которой на обороте естественным образом формировался негативный рельеф, соответствующий позитивному рельефу на лицевой стороне. При таком способе

изготовления модели толщина и рельеф ее оборотной стороны зависят от продолжительности нахождения расплавленного воска в форме. Способом частичного слива модельного материала можно изготавливать легкие модели разнообразного профиля. Что касается особенностей оборотной стороны таких моделей, то помимо модельного литья «навыплеск», такая конфигурация вогнутости на оборотной стороне отливок, формирующаяся естественным путем, не может быть получена никакими иными способами. На изготовленную таким образом восковую модель, лежащую в лицевой створке, накладывалась новая порция глины. Так делалась оборотная створка литейной формы.

Как известно, кочевники отливали различные украшения, убранство конского снаряжения, оружие и другие вещи большими сериями. Это является одной из характерных особенностей их литейного производства. В раскопанном К.В. Чугуновым в Туве кургане Аржан-2 [4] были найдены вещи, отлитые так же, как и найденные в кургане Шиликты-3 [5]. Когда аржанские материалы экспонировались в Германии, по поводу их изготовления было высказано предположение, что их отливали не поштучно, а одновременно помногу. Восковые модели якобы собирались в так называемый «куст», который формовался в одну литейную форму [6]. Прежде такое же суждение высказывалось по поводу литья скифских бронзовых стрел [7; 8]. Это - фантазия, навеянная скрупулезным изучением современной технической литературы, а не археологического материала. Известно уже много незачищенных отливок бронзовых стрел и каменных форм для их отливок, но каждая стрела имеет персональный литник, а не отломанный литник от веток «куста». Стрел же лили в гораздо большем количестве, нежели украшений.

О литье в двусторонних формах свидетельствуют следы литейных швов, сохранившиеся на внешней кромке некоторых предметов. Первая отливка, наверняка, зачищалась и использовалась в качестве новой модели, с которой и тиражировались одинаковые вещи. Каждый предмет отливался в персональной форме – глина не выдерживает повторной заливки.

Все отливки очень легкие и тонкие. Зачистка отливок, по сути, ограничивалась соскабливанием литейной поверхности на лицевой стороне, срезанием литейного шва и литникового канала. Местоположение литника, несмотря на большое количество отливок, визуально не просматривается. Местоположение литников также не улавливается на многочисленных литых украшениях из кургана Аржан-2. Здесь речь идет о миниатюрных тонких вещах, сделанных с большой точностью и минимально зачищенных, на которых нет места для широкого литникового канала. Канал для заливки расплавленного металла не мог быть толще

отливок, в противном случае его ликвидация неизбежно отразилась бы на конфигурации предметов, а место зачистки определялось бы точно. Судя по отливкам, литниковые каналы должны были иметь диаметр 1-2 мм. Среди бляшек в виде «масок барсов» есть много, у которых зачищена только крошечная площадка под клювом птицы. На таких бляшках литник мог находиться только здесь. Но сквозь столь узкий канал физически невозможно залить в форму незначительную порцию расплава методом свободного литья и при этом еще изготовить точную отливку. Это не позволит осуществить ни воздушная подушка внутри формы, которая значительно выше атмосферного давления, ни последствия

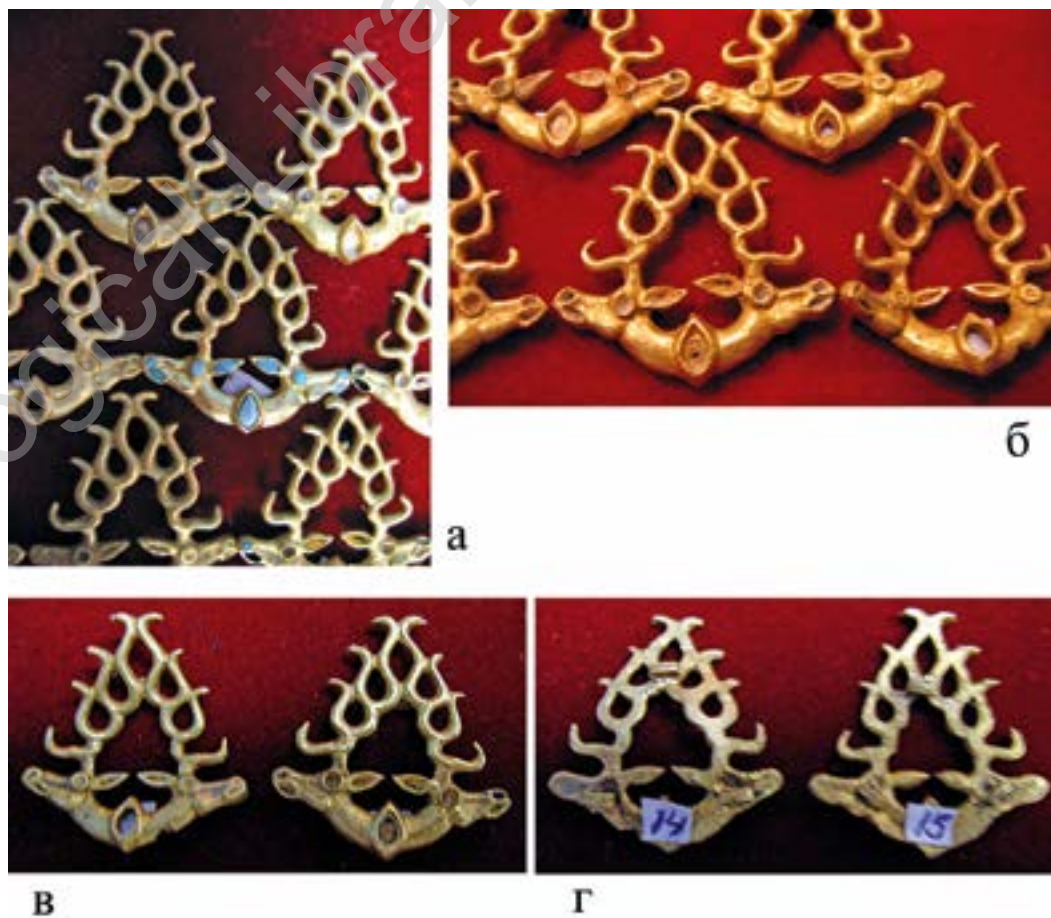
усадки расплава в процессе кристаллизации. Как это неожиданно не прозвучит, но можно констатировать, что маленькие украшения из курганов Шиликты-2 и Аржан-2 отливались методом точного литья, с помощью искусственно созданного давления. В том, что это было именно так, можно легко убедиться, проделав соответствующие эксперименты. Это тема для следующего разговора.

Изготовление листового металла и изделий из него. По мнению С.А. Семенова, листовой металл для изделий из Шиликтинского кургана отковывался из литых палочек и стержней. Из полос резались квадраты, которые складывали пачками и снова отбивали на полированных гранитных наковальнях. Эта реконструкция частично умозрительная, частично заимствованная из трактата Теофила (XI-XII вв.) [9]. Чтобы утверждать, что кочевники изготавливали металлические листы в VIII-VII вв. до н. Так же, как ювелиры средневековой Германии или Древней Греции, фактических доказательств нет. К тому же, среди скифских вещей есть не только изделия, сделанные из узких пластин. Из крупных листов золота делали обкладки горитов и ножен для акинаков, украшения крупных размеров и другие вещи. Разнообразные бляшки, сделанные из листового металла, выдавливались не по одной. Их оттисками заполнялся металлический лист, а уже потом из него вырезался каждый предмет. Наконец, на двух шиликтинских полосках видны продольные полосы, свидетельствующие о том, что были листы, на последнем этапе которых золото разглаживалось каменными или металлическими полировальниками (Рис.28).

Пайка. О методах пайки, практиковавшихся кочевниками, кроме С.А. Семенова, как будто никто больше не писал [1]. Свои же рассуждения по этому поводу он согласовывал с ювелиром, работавшем на заводе «Русские самоцветы». Это ошибочный метод изучения археологическо-

го материала. Современное ювелирное мастерство и инструменты далеко не такие, какими были в древние времена. Ныне живущие практики историю металлообработки не знают и воспринимают древние способы изготовления вещей, исходя из собственных знаний и умения. Спаивать (припаять) столь малые детали с помощью смолы и порошка-припоя, причем неопределенного рецепта, да еще в горне, как предполагает С.А. Семенов, невозможно. Секрет древней микропайки ищут ювелиры уже полтора столетия. К настоящему времени уже известно около десятка способов, заявленных исследователями и ювелирами, якобы соответствующих древнему способу. В их числе фигурирует и припой из опилок. По моим данным, в древности применялся не один, а несколько способов пайки. Поэтому я пока не берусь точно определять состав припоя, каким паяли рассмотренные здесь крошечные предметы.

Изготовление вставок и способ их закрепки в гнездах. У некоторых бляшек в гнездах на месте глаз, ушей, ноздрей, копыт сохранились маленькие бирюзовые вставки ярко-голубого цвета. Вставки, несмотря на наличие гнезд, имели не все бляшки. В гнездах у бляшек, у которых вставки выпали, остался белый налет – переродившийся клей. Для определения состава клея следует сделать химический анализ, если это возможно. Помимо вставок, находящихся в гнездах некоторых вещей,

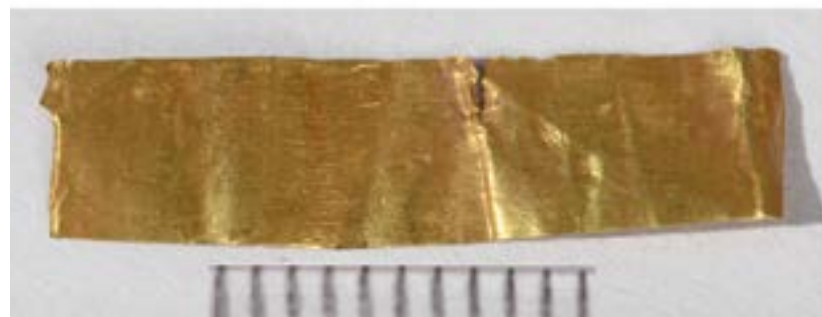
сохранилось еще несколько выпавших из гнезд камней (инв. 26878/1-22). Вставки имеют конусообразную форму или форму усеченного конуса. Размеры только наружной грани камней более или менее соответствуют размерам и конфигурации гнезд. Стенки же и основания камней под конфигурацию гнезд не подгонялись (Рис.24). Камни вставляли в чашеобразные гнезда вершиной конуса. Поскольку стенки и дно камней и гнезд друг к другу не были подогнаны, а других приемов закрепки камней на вещах нет, они удерживались в гнездах только клеем. После того, как клей потерял клеящие свойства, вставки выпали. Бирюза имеет одну особенность: в процессе употребления она впитывает жир и меняет свой цвет. Бирюза же, найденная в кургане, имеет естественный цвет.

Стилистические особенности скифо-сибирского звериного стиля анализировались неоднократно, и по этому поводу высказывались различные точки зрения, даже противоположные. 1. В характерных особенностях оформления скульптурных объемов скифских художественных предметов усматривалось влияние техники резьбы по дереву и кости. 2. В приемах моделировки глаз, ноздрей, частей тела животных усматривалась связь с техникой резьбы по мягкому камню стеатиту. 3. Высказывалось предположение, что в сходстве черт, прослеживающихся на раннем этапе скифской истории между культурами Северного Причерноморья и Южной Сибири, усматривается общность про-

исхождения кочевого населения степей Евразии с населением Северной Месопотамии и Ирана. 4. Согласно другой версии, наоборот, в культурах Средней Азии, Сибири и Северного Причерноморья отсутствует детализация при трактовке образов, характерных для их древневосточных прототипов. Несмотря на близость форм изображаемых животных в искусстве кочевого населения Средней Азии и Сибири, у них нет признаков, восходящих к технике резьбы по кости и дереву – звериный стиль к кочевникам проник, минуя технику резьбы. Искусство скифов оформилось в процессе отбора и переработки древневосточных элементов. 5. Высказывалось также мнение о том, что скифы продвигались на восток с уже сложившейся культурой, отличной от восточных культур [10]. 6. М.П. Грязнов выделил на территории Сибири раннюю группу памятников VIII-VII вв. до н.э. В это время, по его мнению, произошел переход населения к кочевому образу жизни по всему поясу евразийских степей. На местной черногоровско-аржанской основе развивался в общих чертах единый и синхронный процесс скифо-сибирских культур, в том числе и звериного стиля [11]. 7. Есть мнение даже о том, что скифские племена до появления у них художественной металлообработки искусства не знали [12]. Это заблуждение. Все древние общества уже в предшествующие металлу эпохи имели богатую практику художественной обработки камня, кости, дерева, глины. Люди не только умели ткать, плести, шить одежду и обувь, но и украшали свои творения. Древняя художественная металлообработка основывалась на предшествующих

a

мировоззренческих представлениях и технических достижениях, являясь их логическим продолжением.

За последнее время археологи исследовали новые погребальные памятники, в которых было найдено множество художественных предметов. В начале изучения скифских древностей мне приходилось оперировать единичными художественными предметами VIII-VII вв. до н.э., теперь же они представлены в большом количестве, позволяющем говорить с большей уверенностью о происхождении и эпицентре, или, по крайней мере, одного из эпицентров формирования скифского звериного стиля.

Прежде всего, следует хотя бы кратко охарактеризовать картину развития металлообработки в предшествующие времена. Ко времени появления скифского металла на Древнем Востоке металлические вещи, в том числе и художественные, делали уже несколько тысяч лет. Там лили прекрасного качества тяжелые предметы и отменно обрабатывали отливки. Там способами холодной обработки изготавливали разнообразных форм металлическую посуду, чего кочевники никогда не делали. Чтобы не обременять текст бесконечным перечнем изделий восточного производства, напомним лишь некоторые. В Ниневии была найдена бронзовая голова от статуи, предположительно, Саргона Великого. В царских гробницах Ура найдены многочисленные золотые украшения, среди которых был замечательной работы золотой шлем Мескаламдуга. При Моисее была сооружена скиния собраний, а при царе Соломоне построен Храм Господний. Из меди, серебра и золота для них делалось богатое оформление и литургические аксессуары. Здесь речь идет не об

единичных шедеврах литья и холодной обработки металлов — их множество. Для восточного литейного производства характерны пластичные формы, что достигалось за счет применения оригинального исполнения утрачиваемых восковых моделей, предшественниками которых была богатая практика изготовления изделий из глины. Мастерство обработки металла холодными способами совершенствовалось поколениями ремесленников, пользовавшихся большим набором инструментов, приемов и способов обработки металлов.

В Древнем Китае в эпоху поздней бронзы литейное производство достигло высокого уровня. Из бронзы отливали орудия, оружие, утварь, украшения, другие предметы. Отдельные отливки были весом до одной тонны. Особое место в бронзолитейном деле занимает литье ритуальных сосудов разнообразных форм. В большом количестве их находят в богатых могилах династий Шан (1600-1050 гг. до н.э.), Западная Чжоу (1050-771 гг. до н.э.) и Восточная Чжоу (771-221 гг. до н.э.). Все они отливались с помощью сложно изготовленных утрачиваемых моделей и имеют богатый декор. Отличительной особенностью китайского литья является отменное качество металла и, там где это требовалось, прекрасная механическая обработка отливок. Характеризуя китайскую металлообработку во времена династий Шан — Чжоу, можно аттестовать ее превосходной степенью при абсолютной независимости от производств Переднего Востока [13]. В публикациях китайских древностей фигурируют изделия, родственные предметам, найденным в Центральной Азии, наверняка, отсюда в Китай и попавшие. Это тема для особого разговора.

Совсем иначе обстоит дело на территории степного пояса Евра-

зии. Здесь никогда не было высокоразвитой культуры обработки глины. Кочевники – мобильное население, и им нужен минимум глиняной посуды. В своем обиходе они применяли прочные материалы: камень, кожу, дерево, кость, металл. А материал диктует выбор производственных приемов и влияет на формирование особенностей изобразительного искусства. Поэтому именно у кочевников мы встречаем иную иконографию образов животных, отличную от восточного искусства.

Чтобы найти истоки художественного металла ранних кочевников, нельзя ограничиваться только рамками звериного стиля, точнее сказать, что существенно, звериных стилей. Наряду с искусством существует производство и другие институты, обеспечивающие человеческое существование и уход людей в загробный мир. Обработка металлов у кочевников степей Евразии коренным образом отличалась от металлообработки, практиковавшейся в странах Переднего Востока и Китая.

Кочевники с VIII в. до н.э. отличным от других способом отливали бронзовые удила [14]. Бронзовые котлы у кочевников имеют не только особую форму, но и в подавляющем большинстве отлиты с литейным браком. Из-за нарушения режима плавки металл у котлов пористый, многие из них имеют сквозные литейные раковины. Починку бракованных котлов и изношенных удил кочевники осуществляли доливкой новых порций расплавленного металла на готовые изделия. Такой метод ремонта, как правило, нигде не практиковался [15]. Много литых котлов находят в окрестностях озера Иссык-Куль. Как отмечает арабский ученый Ал-Бируни (973-1050 или 1051 гг.), еще при его жизни «в Барсхане, расположенном на берегу Исси-куля», продолжали отливать очень грубые котлы и сосуды. По его мнению, грубая работа зависит только от

искусства там проживавших мастеров. В отличие от них, как он говорит, в Китае из такого же металла делали вещи «крайне изящно и тонко» [16].

Посмотрим, как дело обстоит с изготовлением художественных предметов. Рассмотрим, прежде всего, круглую литую бронзовую бляху с изображением пантеры из кургана Аржан-1, датируемого VIII в. до н.э. Пока это самое раннее изображение свернувшегося хищника. Судя по публикации [Грязнов, 1980, рис. 15], на этой бляхе четко прослеживается одна любопытная деталь. На внутренних краях тела и ног зверя видны остатки облоя – литейного шва. Промежуток в центре бляхи между ногами заполнен пленкой затвердевшего металла, которая также является облоем, наличие которого свидетельствует о литье в двусторонней глиняной форме. Чтобы сделать оттиск литейной полости в форме, требуется аналог бляхи. Характерной особенностью аржанской бляхи является графическая точность тонких линий, обрамляющих глаз, ухо, пасть, хвост, абрис ног, когти. Наличие этих линий указывает на то, что модель этого предмета делалась не лепкой, а резьбой по твердому материалу (дереву, вернее, кости или камню). Доводы в пользу такого заключения мною были уже изложены [3].

Резьба по дереву и кости широко представлена в скифских древностях, и именно она оказывала влияние на выбор конструктивных решений при изготовлении моделей. С помощью вырезанных моделей изготавливались различного рода литые украшения, бронзовое оружие и другие вещи, а также деревянные и костяные предметы, используемые в разных целях. Деревянные же и костяные изделия должны были резаться достаточно прочными, способными выдерживать значительные нагрузки, как при использовании их в качестве инстру-

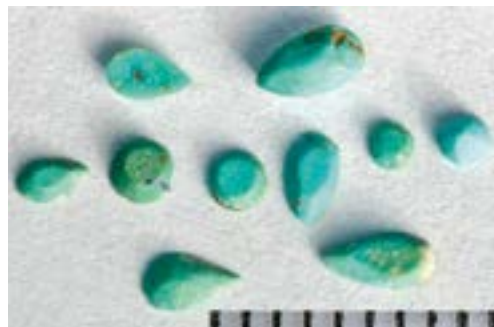
ментов в металлообработке, так и при эксплуатации вещей. В лице скифских мастеров по обработке металлов встречается довольно редкое сочетание резчика, литейщика и ювелира одновременно, но не лепщика. Исходя из особенностей скифской металлообработки, можно заключить, что техника резьбы по дереву и кости оказала значительное влияние на формирование звериного стиля уже в VIII-VII вв. до н.э., а, скорее всего, и несколько ранее. Техника резьбы проявилась в особенностях скифского звериного стиля, отличающегося не только особым почерком изображения животных, но и конструктивной прочностью изготавливаемых предметов. Если до этого времени кочевники степей Евразии уже занимались художественным литьем, это неминуемо отразилось бы на конструкции моделей, используемых в литейном производстве. Судя по археологическим данным, косторезное ремесло и резьба по дереву, но не лепка, как на Востоке, перешли в металл вместе со своей конструктивностью и уже с канонизированным звериным стилем. Такие проявления ни в производстве, ни в искусстве не возникают в одночасье.

Требуется внимания еще один интересный сюжет, связанный с традицией формирования золотых комплексов для умерших вождей кочевников. На шиликтинском золоте нет следов изношенности или случайных механических повреждений. Это новые вещи. То, что на многих украшениях гнезда для вставок остались незачищенными, можно объяснить вынужденной спешкой изготовителей этих вещей. Закрепка клеем плохо подогнанных к гнездам камней тоже может быть объяснена этой же причиной. Данное обстоятельство не ставит шиликтинское золото в особое положение. Основная часть золотых вещей кургана Аржан-2 тоже являются не ношенными изделиями. То же можно сказать и о золоте кургана Иссык, раскопанного К.А. Акишевым [17]. На украшениях одежды погребенного в этом кургане человека, часть из которых экспо-

нировалась на выставке в Государственном Эрмитаже, я не усмотрел следов изношенности. Вероятнее всего, найденные в так называемых «золотых курганах» вещи, по крайней мере, какая-то их часть изготавливалась только в процессе подготовки к погребальной церемонии. Только этим можно объяснить нахождение в могилах кочевников золотых украшений от одежды с отверстиями для пришивания, имеющими острые, рваные края. Такие опасные вещи уместно носить только мертвым, но не живым людям. Этим же можно объяснить попадание в погребальные комплексы котлов, отлитых с браком, не позволяющим использовать их в быту по своему назначению. Еще никто не определял, какие из вещей, найденных в могилах, являются новыми, какие побывавшими в употреблении, но сделать это необходимо, т.к. традиция формирования погребальных комплексов является одним из элементов культуры древних обществ.

Об относительно позднем развитии художественной металлообработки у скифов свидетельствует также довольно бедный ассортимент производственных приемов, связанных с холодной обработкой металлов. Все это говорит о своеобразии техники обработки металлов у скифо-сибирских племен. С технической стороны, это производство и иконография изображаемых животных уже с VIII в. до н.э. являются самобытными, отличными от культур Переднего Востока, Китая, Кавказа и Средиземноморья. В наиболее рафинированном виде это явление наблюдается в регионах Центральной Азии, где оно, по моему мнению, и зародилось и уже отсюда распространялось по всему поясу степей Евразии. С восточным производством, какие бы там не наблюдались локальные и хронологические отличия, производство кочевников не имеет ничего общего.

Тем не менее, есть ряд вопросов, на которые пока сложно дать точные ответы. Остается загадкой, каким образом, люди, прежде не проявлявшие себя в изготовлении вещей методом точного литья и владением совершенного способа пайки, научились это делать. Надеюсь, что дальнейшее изучение археологических материалов позволит кому-нибудь ответить и на эти вопросы.

2. Результаты антропологических исследований костных останков из кургана Байгетобе (к.и.н. Исмагулова А.О.)

1. Происхождение остеологического материала.

Остеологический материал добыт в раскопках археологической экспедиции под руководством А.Т. Толеубаева на территории Восточно-Казахстанской области в 2003 г. Костные материалы происходят из кургана Байгетобе Шиликтинского могильника. Костные останки из основного погребения представлены почти в полном составе и принадлежат мужчине, так называемого шиликтинскому «золотому человеку», по черепу которого была выполнена антропологической скульптурная реконструкция с целью восстановления его прижизненного внешнего облика.

2. Содержание выполненных работ и примененных методов.

- 1) Первичный визуальный осмотр костей скелета для оценки его состояния (состава, целостности и сохранности);
- 2) Определение принадлежности костей одному и тому же индивидууму и исключение наличия отдельных костей от других индивидуумов;
- 3) Очистка сухим способом костей, а также их фрагментов от посторонних органических и неорганических остатков и от грунта;
- 4) Иксация клеем поврежденных участков костей для предотвращения их от дальнейшего разрушения;
- 5) Классификация, сортировка и маркировка костей и их фрагментов согласно их анатомической принадлежности и сторонам симметрии (левая и правая), включая кластеризацию зубов по квадрантам;
- 6) Общая фотофиксация черепа и скелетных костей по группам, а также съемка отдельных костей более крупным планом и макросъемка участков с выявленными патологическими изменениями или другими (возрастными, индивидуальными) особенностями;
- 7) Описание состава и состояния сохранившихся костных останков;
- 8) Визуальный осмотр костей для выявления каких-либо индивидуальных особенностей и на предмет наличия следов деформаций и манипуляций над телом (прижизненных, либо посмертных), патологий и других изменений с определением их точного места расположения,

степени проявления и распространения, общих размеров;

9) Восстановление целостности разрушенных костей и фрагментов путем склеивания с помощью специально приготовленной мастики;

10) Оценка измерительных, описательных и балловых признаков на черепе, включая нижнюю челюсть, и на скелетных костях;

11) Определение биологического возраста и половой принадлежности по костным останкам (на основе балловых, описательных и измерительных признаков без внутригруппового сопоставления масштабов возрастной изменчивости и половой дифференциации);

12) Общее определение индивидуальных и типологических особенностей костей (на основе описания и определения пропорций головы, лица и тела с вычислением углов, указателей и индексов) с выводом о расовой принадлежности изученного индивидуума на основе всего комплекса показателей;

3. Антропологическое исследование костных останков шиликтинского «золотого человека»

А) Состав и сохранность костей.

Череп. Череп, нижняя челюсть и большинство зубов вполне сохранились (Рис.1-7). Только на верхнем крае затылочной кости обнаружены повреждения и нижняя челюсть разломана на две половины. Кроме того, слегка повреждено основание черепа. Однако эти части вполне восстановимы и на возможность измерений и оценку морфологических признаков данное обстоятельство сильно не повлияло. Из верхних зубов сохранились оба клыка, первая и третья пары, а также второй правый коренной зуб. На нижней челюсти - правый латеральный резец, левый первый и оба вторых премоляра и все три пары моляров. Остальные зубы были утеряны посмертно. Лишь в лунках левого латерального резца и обоих премоляров на правой стороне верхней челюсти видны фрагменты корней. Эмаль на всех зубах в довольно хорошем состоянии без трещин и сколов. Стертость коронок зубов носит естественный характер. Отложения зубного камня на них не обнаруживаются.

Посткраниальный скелет. Представлены все длинные кости, большинство из которых хорошо сохранилось, лишь отмечены легкие поверхностные повреждения на нижнем эпифизе большой бедренной кости и верхнем эпифизе большеберцовой кости с правой стороны, а также правая малоберцовая кость разломана на три фрагмента (Рис.8-16). Остальные скелетные кости сохранились по-разному. Кости таза, лопатки и ключицы, тело грудины, большинство позвонков (кроме шести шейных), часть ребер и несколько костей стоп (обе пяточные и медиальные клиновидные, левая таранная) сохранились неплохо. Боль-

шая часть ребер повреждена. Рукоятка грудины, кости кистей рук и остальные кости стоп не сохранились, как и сторона дуги, в остальном его состояние вполне удовлетворительное. Из указанных поврежденных скелетных костей (правая малоберцовая кость и ребра) лишь некоторые были реставрированы, остальные из-за отсутствия недостающих фрагментов восстановлению не подлежали.

Б) Описание антропологических определений и основных особенностей.

Череп рассматриваемого индивидуума характеризуется заметной массивностью, сравнительно большими высотными и продольными и средними широтными размерами, т.е. черепная коробка довольно высокая, относительно длинная и неширокая, долихокранная по черепному указателю. Поверхностный рельеф в местах прикрепления мышц и сухожилий выражен выше среднего значения, хотя несколько больше в затылочной области. Лоб широкий, средневысокий, средненаклонный, выпуклый. Лобные бугры развиты, а теменные – выступают умеренно. Поэтому форма черепа (вид сверху) овоидная. Надбровные дуги и надпереносье умеренно развиты. Затылок среднеширокий, выпуклый, округлый, слабо выступает. Сосцевидные отростки больше среднего размера.

Лицо узкое, средней высоты, слабо профилированное в горизонтальной плоскости в верхней части лица и гораздо более профилированное в его средней части (клыковые ямки довольно глубокие). Вертикальная профилировка лица тоже примечательна большой степенью прогнатности, особенно в альвеолярной части. Форма лица в анфас – овальная. Переносье узкое, невысокое, нос средних размеров, носовые кости выступают заметно, а скуловые – слабо. Нижний край грушевидного отверстия имеет небольшие предносые углубления. Орбиты средней высоты и ширины, подпрямоугольной формы, слабонаклонные. Альвеолярный край большой по ширине. Костное небо также широкое, но неглубокое. Нижняя челюсть немного более массивная, профилированная и относительно больших размеров. Ее ветви относительно широкие и высокие, но при этом сильно наклонные, углы сглажены, округлые и даже немного завернуты внутрь. Подбородок очень мало выступает вперед и имеет овальную форму. Высота тела нижней челюсти больше средних величин и относительно утолщенная. Форма обеих челюстей параболоидная. Зубной ряд на них ровный, без диастемы и краудинга. Форма прикуса псидодонтная, т.е. верхние резцы немного прикрывают нижний ряд, так что при смыкании обеих челюстей лингвальные поверхности верхнего ряда зубов касаются вестибулярных поверхностей нижнего ряда. На верхней челюсти моляры имеют четырехбугорковую форму, на нижней – только вторая пара, а первая и тре-

тья пары моляров пятибугорковые.

Облитерация черепных швов имеет заметную степень: венечный шов зарос на 2/3, сагиттальный – наполовину, затылочный – на 1/3, и только височные швы еще не заросли. В данном случае констатируется преждевременная облитерация черепных швов, поскольку других возрастных изменений на всем скелете не замечено. Тем более, что стертость зубов характеризуется небольшой степенью и находится в пределах 1-3 баллов. На основании данного факта, а также других морфологических особенностей (состояние, структура и вес костей, гладкость их поверхности, еще заметная граница срастания эпифизов длинных костей с их диафизами, отсутствие возрастных патологических изменений, включая и строение таза по мужскому типу) сделан вывод о принадлежности данных костных останков молодому мужчине 30-35 лет. Остальные возрастные особенности, за исключением едва заметного остеопороза на отдельных участках, почти незаметны на костях данного скелета.

Основные краниометрические показатели черепа представлены в табл. 1.

№ по Марши. у	Краниологический признак	мм, градус
1	2	3
<i>Мозговая коробка</i>		
1	Продольный диаметр	178
8	Поперечный диаметр	133
17	Высота черепной коробки (базиион-брегма)	132
20	Высота черепной коробки (иорион-брегма-иорион)	113,6
5	Длина основания черепа	106
8-1	Черепной указатель	76,2
9	Наименьшая ширина лба	97
10	Наибольшая ширина лба	123
9,10	Широтный лобный указатель	75,0
9,8	Лобно-поперечный указатель	65,1
11	Ширина основания черепа	117
12	Ширина затылка	111
23	Горизонтальная окружность через глабеллу	510
24	Поперечная дуга (иорион-брегма-иорион)	322
25	Сагиттальная дуга	348
26	Лобная дуга	127
27	Теменная дуга	111
28	Затылочная дуга	110
29	Лобная хорда	114
30	Теменная хорда	104
31	Затылочная хорда	86
	Высота ямки лобной кости	26,6
	Высота ямки затылочной кости	28,4

29:26	Указатель изгиба лба	87,7
30:27	Указатель изгиба затылка	91,2
31:28	Указатель изгиба затылка	80,4
7	Длина затылочного отверстия	33,3
16	Ширина затылочного отверстия	21,1
16:7	Указатель затылочного отверстия	63,7
32	Профиль лба от лобовина	77°
GM:ГП	Профиль лба от глабеллы	73°
33(1)	Лямбдо-инициальный угол	77°

продолжение 1 табл. 1

1	2	3
33(2)	Глабелло-брегматический угол	37°
33(1)	Угол перетгиба затылка	114°
34	Угол затылочного отверстия	5°
	Надбровные дуги (по Мартину 1-6)	2
	Плотность надбровной дуги (1-3)	2
	Степень развития затылочного валика (1-5)	1
	Сосцевидный отросток (1-3)	2
	Форма мозговой коробки (в вертикальной плоскости)	Ovoides
	<i>Датирован отдел</i>	
45	Скуловой диаметр	124
40	Длина основания лица	94
48	Верхняя высота лица	73
47	Полая высота лица	120
43	Верхняя ширина лица	104
46	Средняя ширина лица	102
60	Длина альвеолярной дуги	63
61	Ширина альвеолярной дуги	54
61:60	Челюстно-альвеолярный указатель	59
62	Длина неба	49
63	Ширина неба	39
55	Высота носа	60
54	Ширина носа	33
54:55	Носовой указатель	43,8
51	Ширина орбиты (от m)	43
51a	Ширина орбиты (от d)	41
52	Высота орбиты	33
52:51	Орбитный указатель (от m)	79,2
52:51a	Орбитный указатель (от d)	84,4
50	Максиллофронтальная ширина	20
MS	Максиллофронтальная высота	4,5
MS:50	Максиллофронтальная указатель	37,5
	Максиллофронтальная бимаярная хорда	106,6
	Высота бимаярной хорды от назиона	19,2
	Указатель бимаярной хорды	18,0
L-77	Назо-максиллярный угол	140,4°
	Зигма-максиллярная хорда	103,0
	Высота зигма-максиллярной хорды (от z)	21,9
	Указатель зигма-максиллярной хорды	22,1
zm ¹	Зигма-максиллярный угол	130,3°
SC	Симметрическая ширина	6,4
SS	Симметрическая высота	3,3
SS:SC	Симметрический указатель	47,1

DC	Дакриальная ширина	16,0
DS	Дакриальная высота	7,0
DS, DC	Дакриальный указатель	39,9
	Ширина изгиба скуловой кости	565
	Высота изгиба скуловой кости	10,1
	Указатель изгиба скуловой кости	18,7
	Общий лицевой угол	93°
<i>продолжение 2 табл. 2</i>		
1	2	3
	Средний лицевой угол	94°
	Угол альвеолярной части	87°
72	Угол выступающего носса	26°
73	Глубина клыковой ямы (11-4, мм)	3
75	Нижний край треугольного отверстия	Н.т
75(1)	Выступание нижнего края носовой кости (1-5) <i>Илистая черкось</i>	1
65	Мышелювая ширина	110
66	Ушловая ширина	95
68	Высота ветви	61
70	Наименьшая ширина ветви	35
71a	Угол выступания подбородка	76°
79(1)	Передняя ширина	45
67	Высота симфиза	27
69	Высота тела	24
69(1)	Толщина тела	13

Приведенные краниологические данные изученного черепа свидетельствуют о том, что абсолютные и относительные размеры черепной коробки и лицевого отдела несколько отличаются от основных краниометрических характеристик, хотя и не выходят за пределы вариаций аналогичных серий раннего железного века рассматриваемого региона Алтая. Здесь скорее сказывается индивидуальная изменчивость и обнаруженные морфологические особенности отражают не столько типологические черты, сколько некоторые индивидуальные вариации в сторону долихоморфных и несколько более грацильных краниологических форм. Общая краниологическая тенденция, обнаруженная на черепе шиликтинского «золотого человека» в сочетании с другими важнейшими морфологическими признаками мозговой коробки и лицевого отдела, тем не менее, вполне определенно вписывается в круг антропологических типов протоевропеоидной расы, распространенных среди племен раннего железного века, включая и вкрапления монголоидных элементов, на территории как Восточного Казахстана, так и сопредельных с ним регионов.

Далее остеологическому изучению подверглись все сохранившиеся кости посткраниального скелета: трубчатые кости, тазовые кости, ключицы, лопатки, грудина (тело), отдельные ребра, позвонки и кости стоп. После реставрации некоторых поврежденных костей и фотофиксации всех костей в разных нормах (вид спереди и сзади) и планах (общий и крупный) были определены как измерительные (остеометрические) параметры, так и балловые описательные (остеоскопические) признаки, характеризующие конституциональные особенности размеров, пропорций, морфологических форм тела и отдельных его сегментов.

Основные остеометрические показатели изученного скелета приведены в табл. 2.

Таблица 2

№ по Мартину у	Остеометрический признак	Правый (мм)	Левый (мм)
1	2	3	4
	<i>Плечевая кость (Humerus)</i>		
1	Наибольшая длина плечевой кости	350	354
2	Общая длина плечевой кости	343	345
3	Верхняя эпифизарная ширина	55	56
4	Нижняя эпифизарная ширина	65	64
5	Наибольший диаметр середины диафиза	23	24
6	Наименьший диаметр середины диафиза	17	17
7	Наименьшая окружность диафиза	63	66
7а	Окружность середины диафиза	70	71
9	Наибольшая ширина головки плечевой кости	46	46
10	Вертикальный диаметр головки плечевой кости	50	52
18	Угол скрученности	175°	170°
16	Угол блока плечевой кости	108°	105°
17	Угол хрящевого края	50°	50°
	<i>Лучевая кость (Radius)</i>		
1	Наибольшая длина	259	260
2	Физиологическая длина	241	242
4	Поперечный диаметр диафиза	17	17
5	Сактительный диаметр диафиза	11	11
3	Наименьшая окружность диафиза	43	44
6	Изогнутость	7	7
	<i>Локтевая кость (Ulna)</i>		
1	Наибольшая длина	275	279
2	Физиологическая длина	242	245
11	Сактительный диаметр диафиза	13	12
12	Ширина диафиза	20	21
13	Верхняя ширина диафиза	22	22
14	Верхний сактительный диаметр	25	25
3	Наименьшая окружность диафиза	36	36
15	Локте-суставной угол	100	102
4	Изогнутость	7	8

<i>Лопатка (Scapula)</i>			
1	Морфологическая высота	174	174
2	Морфологическая ширина	104	107
3	Длина латерального края	140	145
4	Длина верхнего края	90	94
5a	Морфологическая ширина подостной ямки	126	128
5a	Морфологическая ширина подостной ямки	61	63
7	Длина лопаточной ости	141	133
	Форма верхнего края	3	3
	Форма лопаточной ости	3	-
	Форма лопаточной вырезки	3	3
	Форма суставной впадины лопатки	2	2
<i>Ключица (Clavicula)</i>			
1	Наибольшая длина ключицы	167	168
6	Окружность ключицы	36	36
<i>Грудина (Sternum)</i>			
1	Общая длина грудины	-	-
3	Длина рукоятки	-	-
4	Длина тела	106	-
5	Наибольшая ширина тела	33	-
7	Толщина рукоятки	-	-
<i>Бедренная кость (Femur)</i>			
1	Наибольшая длина	478	475
3	Длина в естественном положении	475?	473
21	Мыщелковая ширина	85?	84
6	Сакиттальный диаметр середины диафиза	32	32
7	Поперечный диаметр середины диафиза	28	29
9	Верхний поперечный диаметр диафиза	27	26
10	Верхний сакиттальный диаметр диафиза	31	31
8	Окружность середины диафиза	90	91
18	Вертикальный диаметр головки бедренной кости	50	50
19	Сакиттальный диаметр головки бедренной кости	50	50
29	Угол шейки бедра	60	60°
28	Угол тазобедренного сустава	15°	18°
30	Угол мыщелков	16°	16°
	Форма поперечного сечения	3	3
<i>Большая берцовая кость (Tibia)</i>			
1	Полная длина	385	386
2	Мыщелково-таранная длина	-	365
1a	Наибольшая длина	-	390
5	Наибольшая ширина верхнего эпифиза	75	76
6	Наибольшая ширина нижнего эпифиза	51	48
8	Сакиттальный диаметр середины диафиза	29	29
8a	Сакиттальный диаметр диафиза на уровне лямбда-отверстия	32	33
9	Поперечный диаметр середины диафиза	22	22
9a	Поперечный диаметр диафиза на уровне лямбда-отверстия	24	24
10	Окружность середины диафиза	82	82
10b	Наименьшая окружность диафиза	74	75
12	Угол ретроверсии верхнего эпифиза	-	15°
13	Угол наклона медиального мыщелка	-	10°

14	Угол тазобедренного сустава	30°	30°
	Форма поперечного сечения	4	4
	Положение латерального мыщелка	1	1
	<i>Малая берцовая кость (Fibula)</i>		
1	Наибольшая длина малой берцовой кости	-	381
3	Наибольшая ширина середины диафиза малой берцовой кости	14	14
	<i>Тазовая кость (Os Ilium)</i>		
1	Высота таза	220	223
9	Высота подвздошной кости	137	137
10	Высота крыла подвздошной кости	108	108
12	Ширина подвздошной кости	163	161
15	Высота седалищной кости	84	85
17	Длина лобковой кости	91	89
		102	
		115	
		130	

продолжение 3 табл. 2

1	2	3	4
2	Наибольшая ширина таза	271	
7	Суставная ширина таза	125	
	<i>Крестцовая кость (Os sacrum)</i>		
1	Длина латеральной поверхности	160	
2	Передняя высота	145	
5	Верхняя ширина	118	
22	Угол промонтажура	63°	
	Направление боковых частей	гомобазальное	
	<i>Позвонок (Vertebra)</i>		
	Передняя прямая длина поясничного отдела	160	
	Передняя дуговая длина поясничного отдела	161	
	<i>Ребра (Costae) (средний отдел)</i>		
1	Ширина ребра	18	18
2	Толщина ребра	5	5
3	Длина наружной поверхности ребра	333	350
4	Прямая длина ребра	212	180
	<i>Плечевая кость (Humerus)</i>		
1	Наибольшая длина	90	92
1a	Длина	83	83
2	Средняя ширина	44	44
4	Высота	39	39
9	Наибольшая длина латеральной суставной поверхности	31	30
10	Наибольшая ширина задней суставной поверхности	21	21
	<i>Таранная кость (Talus)</i>		
1	Длина	-	58
3	Ширина	-	41
4	Высота	-	37
5	Длина блока	-	32
6	Ширина блока	-	11
12	Высота блока	-	32
13	Длина суставной поверхности	-	24

14	Ширина суставной поверхности	-	7
	Глубина суставной поверхности		
2	<i>Медиальная клиновидная часть (On symphyse mediale)</i>	27	27
7		33	33
6	Средняя длина	29	28
	Передняя высота		
	Задняя высота		

Продольные размеры длинных костей находятся в пределах больших значений. Согласно высчитанным показателям индексов, скелет тяготеет в сторону долихоморфных массивных форм (Рис.8-11). Довольно асимметричное соотношение размеров костей рук и ног на правой и левой сторонах свидетельствуют о том, что левая сторона в верхнем и отчасти нижнем (на уровне голени) поясах конечностей несколько больше и, соответственно, можно констатировать ведущую роль левой руки и левой ноги. Широтные размеры длинных костей, включая толщину, в целом также сравнительно велики, хотя и не достигают максимальных величин. Это относится как к диафизам, так и к эпифизам длинных костей. При этом обращают на себя внимание большие размеры головок плечевых и бедренных костей, овальной формы на первых и круглой формы на вторых. Данные особенности позволяют констатировать хорошее физическое развитие не только на уровне костных структур, но и соответствующую высокую степень развития мускулатуры, о чем будет сказано ниже при обсуждении остеоскопических признаков.

Тазовые кости тоже большие по продольным размерам и довольно массивные (см. рис. 12). Их пропорции (общие высота, длина и ширина, а также подвздошных костей, крестца, вертлужных впадин) и целый ряд морфологических особенностей (расположение крыльев подвздошных костей, формы крестца и суставной поверхности крестцово-подвздошного сочленения, а также полости малого таза и входа в него, запирающего отверстия, углов большой седалищной вырезки, промоториума и схождения нижних ветвей лобковых костей) указывают на строение таза типично мужского типа. Предполагаемая прижизненная ширина его таза с учетом мягких тканей - 26-28 см.

Общие величины лопаток и ключиц, а также их массивность (Рис.13), и несколько забегаая вперед, высокая степень развития поверхностного рельефа, включая и на плечевых костях, свидетельствуют не просто о крупных размерах, но и физической (мускульной) силе в области плечевого пояса. В пользу этого также говорят формы края лопатки, ее выемки, протяженность хребта, а также величина суставной впадины,

размеры и степень выраженности лопаточной ости. По основным измерительным показателям различия между правым и левым лопатками невелики, т.е. как таковая, асимметричность между ними незначительна (Рис. 27). Реконструируемая ширина плеч шиликтинского «золотого человека» с учетом толщины мягких тканей составляла около 40-42 см, длина рук – 66-67 см.

Продольные размеры тела грудины и ребер довольно большие (Рис. 14), тогда как их широтные параметры несколько превышают средние значения. Сказанное отнюдь не противоречит большой степени физического развития данного индивидуума, тем более, что общие размеры грудной клетки довольно велики (предполагаемый прижизненный поперечный диаметр грудной клетки – 32-34 см, ее передне-задний диаметр – 26-28 см)

Общие размеры позвонков достаточно большие (Рис.15). Предполагаемая прижизненная длина корпуса тела – 80-82 см.

В антропологии на основании измерения длинных костей скелета условно можно определить и рост человека при его жизни. Данная методика основана, прежде всего, на конституциональных особенностях, на закономерностях пропорций тела и их изменчивости среди различных расовых образований, и применяется главным образом для групповой, т.е. для популяционной характеристики представителей той или иной расы, т.е. у представителей различных расовых типов условные показатели длины тела человека, определяемые по размерам скелетных костей вычисляются различными методами. Для этой цели в антропологии приняты специально составленные таблицы и формулы, предложенные специалистами в различное время. Так к ним относятся таблицы Л. Мануврие (Manouvrier L.), для европеоидно-негроидов - формулы М. Троттера и Г. Глезера (Trotter M., Gleser G.), для европеоидов - формулы К. Пирсона и А. Ли (Pearson K., Li A.) и Ж. Оливье (Oliveir G., Pineau H.), для восточных европеоидов - формулы В. Бунака и для европеоидо-монголоидов - формулы Г. Дебеца. Нами были использованы несколько формул для расчета прижизненного роста шиликтинского «золотого» человека по продольным размерам его длинных костей с целью их взаимной верификации, а затем вычислено среднее значение, которое составило 177-179 см. Следует иметь в виду, что для отдельного индивидуума данный вычисленный усредненный рост является условной величиной, принятой без каких-либо коэффициентов поправки. Тем не менее, этот показатель в определенной мере служит важным ориентиром для количественной оценки прижизненной длины тела. Указанная величина в рубриках длины тела человека находится на верхней границе значений с учетом расовой принадлежности изученного индивидуума, о чем еще будет сказано ниже.

При рассмотрении степени развития не только скелета, но особенно мышечной составляющей, и конституциональных особенностей изучаемых костных материалов, отдельное внимание уделяется описанию остеоскопических параметров на длинных костях скелета. Для этого используется методика оценки (в баллах) степени развития поверхностного рельефа в местах прикрепления мышц и сухожилий на костях, которая позволяет не просто описать те или иные морфологические особенности костных структур, но и наиболее точно определить, насколько была развита скелетная мускулатура при жизни на момент смерти. Разумеется, этот вывод делается с учетом пола, возраста, патологий, физической тренированности, генетической предрасположенности и расовой принадлежности индивидуума.

Так, при определении половой принадлежности скелета в первую очередь обращается на строение таза, который обладает ярко выраженным половым диморфизмом, затем на общие размеры и массивность костей скелета. И, наконец, важное значение имеет характер поверхностного рельефа – шероховатости и бугристость на местах прикрепления к костям мышц, а также углубления либо выросты на местах прикрепления сухожилий и мышечных фасций. Именно степень их выраженности, размеры и массивность этих образований позволяют судить о прижизненной развитости скелетной мускулатуры на теле. Особенности поверхностного рельефа костей (гладкость либо шероховатость), как и состояние костных слоев (толщина, плотность, вес), также принимаются во внимание при оценке антропологических типологических характеристик, возрастных особенностей и изменений, величины прижизненной физической нагрузки на те или иные части тела, что, в свою очередь, позволяет реконструировать вид деятельности активности, образа жизни и питания при жизни.

В остеоскопической системе признаков «балл 1» означает слабую выраженность рельефа костей на наружной поверхности, которые могут обнаруживаться в виде небольших шероховатостей, очень мелких бугорков, возвышений или углублений. Этим баллом также оцениваются трубчатые кости, которые обладают совершенно гладкой поверхностью. Средне выраженный поверхностный рельеф на длинных костях оценивается «баллом 2». «Балл 3» ставится тем костям, на которых выявлена максимальная выраженность рельефа в виде мощных шероховатых гребней, бугров, наростов и ямок в местах прикрепления мышц и сухожилий. Итак, остеоскопическому описанию всего подлежат 6 длинных костей конечностей – плечевая, лучевая и локтевая кости, а также бедренная кость, большеберцовая и малоберцовая кости. Согласно принятой остеоскопической программе, каждая из этих длинных костей характеризуется несколькими показателями. Так, плечевая и лучевая

кости характеризуются по 4 параметрам, локтевая кость оценивается по 3, бедренная кость – по 5, а большеберцовая кость – по 4 показателям, и лишь на малоберцовой кости определяется 1 показатель. Всего по длинным костям насчитывается 22 оценочных параметра.

По данной методике на изученном скелете были получены остеоскопические показатели на костях верхних и нижних конечностей, приведенные в табл. 3.

		Таблица 3.	
№	Наименование кости	Баллы 1-3	
		правая	левая
1	2	3	4
<i>Плечевая кость (Humerus)</i>			
1	Гребешки больших и малых бугорков на передней поверхности диафиза (место прикрепления <i>m. teres major</i> , <i>m. coracobrachialis</i>)	3	3
2	Дельтовидная бугристая (место прикрепления <i>m. deltoideus</i> , <i>m. brachialis</i>)	3	3
3	Большой и малый бугорки (место прикрепления <i>m. supraspinatus</i> , <i>m. infraspinatus</i>)	3	3
<i>Продолжение 1 табл. 3</i>			
1	2	3	4
<i>Плечевая кость (Humerus)</i>			
1	Гребешки больших и малых бугорков на передней поверхности диафиза (место прикрепления <i>m. teres major</i> , <i>m. coracobrachialis</i>)	3	3
2	Дельтовидная бугристая (место прикрепления <i>m. deltoideus</i> , <i>m. brachialis</i>)	3	3
3	Большой и малый бугорки (место прикрепления <i>m. supraspinatus</i> , <i>m. infraspinatus</i>)	3	3
4	Внутренние, наружные края и надмышечки (начало мышцы <i>m. Pector digitorum superficialis</i>)	2*	2*
<i>Локтевая кость (Radius)</i>			
1	Бугристая лунка (место прикрепления сухожилий <i>m. biceps brachii</i>)	3	3
2	Межкостный край (место прикрепления <i>m. pollicis longus</i>)	2	2
3	Кородки для сухожилий разгибателей на задней поверхности нижнего эпифиза (место прикрепления <i>m. pronator quadratus</i>)	3	3
4	Шиловидный отросток (место прикрепления <i>m. brachioradialis</i>)	3	3
<i>Локтевая кость (Ulna)</i>			
1	Межкостные и задние края (место прикрепления <i>m. Pector digitorum profundus</i>)	3	3
2	Гребешок супинатора (место прикрепления мышцы <i>m. anconeus</i> , <i>m. Supinator</i>)	3	3
3	Бугристая (место прикрепления <i>m. brachialis</i>)	3	3

2	<i>Бедренная кость (Femur)</i>	3	3
3	Большой вертел (место прикрепления <i>m. glutei minimus, medialis et lateralis</i>)	3	3
4	Малый вертел (место прикрепления <i>m. Gluteus</i>)	2	2
5	Ягодичная бугристая (место прикрепления <i>m. gluteus maximus</i>)	3	3
1	Шероховатая линия (начало и место прикрепления <i>m. quadriceps femoris, m. adductor magnus</i>)	3	3
2	Латеральный мыщелок (место прикрепления <i>m. epicondili</i>)	2	2
3	<i>Нарывобертывающая кость (Tibia)</i>	2	2
4	Бугристая (места прикрепления <i>m. tuberositas tibiae</i>)		
<hr/>			
	Передний и межкостный край (места прикрепления <i>m. margo anterior</i>)	2	2
1	Линия камбаловидной мышцы (места прикрепления <i>m. margo interossea</i>)	2	2
	Нарывы для сухожилий разгибателей на нижнем эпифизе (места прикрепления <i>m. volens</i>)		
	<i>Малобертывающая кость (Fibula)</i>		
	Разгибатель края		
	*Здесь и далее балл 2 у данного индивидуума означает различные рельефы выше среднего значения		

Остеоскопические особенности скелета позволяют отнести его безоговорочно к мужскому полу и указывают на сильное развитие скелетной мускулатуры в области плечевого пояса и костях предплечья на уровне локтей и кистей рук (Рис. 17-19), а также на верхнем уровне бедер (область тазо-бедренных суставов (Рис. 20) и седалища (Рис. 21), где ямки и бугры очень большие по размерам). При этом мускулатура голени развита больше среднего значения, а на уровне голеностопных суставов — чуть менее.

Особых патологий на костях скелета не обнаружено. Заметны лишь умеренные изменения на телах поясничных (Рис. 22) и нижнего отдела грудных (Рис. 23) позвонков в виде небольших углублений и наростов, да небольшое искривление копчика (Рис. 24), что свидетельствует не о болезни или возрастных изменениях, а скорее об усиленной физической нагрузке на поясничную область позвоночника, таз и бедра. В данном случае вполне определенно реконструируется преимущественное длительное сидячее положение тела, но при активном задействовании нижних конечностей в области тазобедренных суставов, что наиболее соответствует всадничеству, как основному виду деятельности активности. Если при этом принять во внимание упомянутое выше выраженное развитие мускулатуры рук от плеча до кисти означает значительную тренированность и физическую нагрузку на них, а это, наря-

ду со всадничеством позволяет предположить хорошее владение оружием и в целом военную деятельность шиликтинского «золотого человека».

Прекрасное состояние костных структур, зубов и зубной эмали, отсутствие каких-либо заметных патологий роста и сдвигов в развитии, а также последствий заболеваний, травм и ранений дают основания заключить о хорошем состоянии здоровья изученного индивидуума, благополучном образе жизни и полноценном питании. Исключение составляет несколько преждевременное зарастание швов на черепе, что отчасти может быть обусловлено наследственными факторами, а также индивидуальными особенностями обменных процессов в организме, в частности обмена минеральных веществ (кальция, фосфора и др.), преобладанием в пище мясо-молочных продуктов по сравнению с растительными (овощами, злаками и фруктами). Перечисленные констатируемые факты достаточного уровня жизнеобеспечения и образа жизни на рассматриваемом скелете указывают на то, что данный индивидуум занимал довольно высокий социальный статус в обществе. Поскольку на его скелете не обнаруживаются следы насильственной смерти, тем не менее, среди причин его смерти, несмотря на столь молодой возраст и общее здоровье, могут быть не только внутренние причины, (отравления, инфекции, болезни внутренних органов, не отражающиеся на костных структурах), но и внешние факторы, например, разные способы лишения жизни, не оставляющие следов на костях. Иными словами, в данном случае приходится довольствоваться только предположениями, но не зафиксированными фактами.

В целом полученные результаты остеометрических и остеоскопических изысканий свидетельствуют, что изученный скелет из кургана Байгетобе несомненно принадлежал молодому мужчине, общий конституциональный тип которого характеризуется хорошим физическим развитием, достаточно крупным и высокорослым телосложением, с мезоморфными пропорциями с тенденцией к долихоморфии, в частности, с удлинненными проксимальными сегментами конечностей по сравнению с дистальными, длинным корпусом, длинными верхними и нижними конечностями, длина которых превышает средние величины для европеоидной расы.

Расовые признаки рассматриваемого индивидуума дают основание для отнесения его к европеоидному антропологическому типу с легкой монголоидной примесью, насколько позволяет судить весь комплекс морфологических особенностей, выраженный достаточно четко. Таким образом, антропологический тип изученного индивидуума вполне четко определен как смешанный европеоидно-монголоидный со значительным преобладанием европеоидных элементов, что вполне согласуется с антропологическими особенностями населения раннего

железного века на обширной территории Казахстана и Южной Сибири. Определить, как внешне выглядел шиликтинский «золотой человек» при жизни, позволяет объективный научный метод восстановления лица по черепу, разработанный антропологом М.М. Герасимовым и усовершенствованный его учениками из лаборатории антропологической реконструкции Института этнологии и антропологии РАН в г. Москве.

Archaeological Library of Kazakhstan

Фото 12

Фото 13

Фото 14

Фото 15

Фото16

Фото 17

Φoto18

Φoto 19

Φoto 20

3. Микроскопические и физико-химические исследования пробы из погребального комплекса Байгетобе (к.в.н. Кашкинбаев К.А.)

Изучение макроскопических и микроскопических проб из могильника Шиликты

Реконструкция «Золотого человека», представителя шиликтинского общества, в то же время золотого человека современного, когда мы хотим представить его социальный статус, этнический и духовно-культурный сектор, пролонгированный через многие века, решение данной проблемы требует тщательного изучения с использованием объективных данных. Однако не зависящие от нас многочисленные факторы оказывают обратное влияние на результативность и закономерность полученных данных. Одними из причин являются очень большой промежуток времени, неблагоприятный макро- и микроклимат и археологическая среда в кургане, которые действуют не в пользу изучающих эту проблему ученых и историков. В этой связи представить реставрацию и реконструкцию золотого человека высокого ранга, без его внешнего вида, без определения общего с его духовностью и культурой, этносом, жизненной позицией и взглядами на окружающий мир и среду не представляется возможным.

Нельзя не отметить и другое: колоссально большое количество золотых украшений и других сопроводительных находок, а также особый силуэт среди сотни археологических памятников в Шиликтинском регионе, отличающихся неповторимым архитектурным комплексным сооружением, сохранившемся невредимым до наших дней, и не имеющим аналогов по всей Средней Азии и Евразии.

Внешний вид, состоящий из головного убора, одежды и обуви, представленный окружением его близких и родных, для последующего поколения, цивилизации более высокой ступени общественной формации, изучается впервые в Шиликтинском погребении. Останки их являются отражением всего объективно-реального комплекса рассматриваемого периода.

В соответствии с календарным планом отдела по изучаемой теме на 2008 год поставлена задача: провести технико-технологические исследования и технологический анализ останков, тканей и кожи из погре-

бального комплекса кургана 1 Шиликты-2. Результаты исследований, полученные после изучения архитектурных особенностей погребальной камеры указанного выше кургана и отдельных драгоценных металлов для украшения одежды, других находок, обнаруженных в ходе раскопок, нашли свое отражение в отчетах, представленных в научную часть соответствующей инстанции.

Для реконструкции одежды «золотого человека» и некоторых находок из погребального комплекса нами проведены, согласно поставленным задачам, макрокопические, микрокопические, а в отдельных случаях и некоторые физико-химические исследования проб, полученных во время раскопок и хранящихся затем в отделе по изучению древней культуры северных склонов Тарбагатай и Чингизтау, института археологии им. А.Х. Маргулана и отделах лаборатории геологического института.

Материалом для макро- и микрокопических исследований послужили 26 проб, взятых из различных участков погребенной ямы после грабительского лаза с целью извлечения золотых изделий, где первоначальное расположение скелета и сопроводительного инвентаря было нарушено. Несмотря на антропогенную и спонтанную дезинтеграцию уникальных драгоценностей того сравнительно далекого периода и на фоне сегодняшнего, современного уровня развития социально-экономической формации, мы попытались сопоставить эти параллели в сравнительном аспекте.

При исследовании нами были предусмотрены не только просмотр и анализ разнообразных микро-морфоструктурных единиц, в то же время мы считали целесообразным рассмотреть физико-химические свойства изучаемых объектов «инвитро» и под оптической визуализацией и морфометрией для объективизации и аргументации результатов собственных исследований. Такой подход к изучению является наиболее приемлемым и кратчайшим способом (приемом) для достижения цели.

Для проведения исследований использовались современные микроскопы научных центров г. Алматы, обычные и цифровые микроскопы марки Leica DM 4000 B и Leica MZFLIII с программным обеспечением.

При проведении НИР комплектующих компонентов погребальной камеры шиликтинского «золотого человека» нами учтены имеющийся инвентарь, кости животных, костные останки правителя, остатки органических веществ и артефакты, которые имели прямые отношения к погребенному человеку.

В наших исследованиях представлены результаты исследований, касающихся растений, небольшой костной коллекции лошади, отдельные фрагменты человеческой кости, краски и фрагменты кувшина и

элементный состав палеопочвы из различных участков погребальной камеры.

К числу наиболее необходимых для реконструкции вещей относятся личные вещи знати, которые носили при жизни: одежда, головной убор, верхняя рубашка и нижняя — брюки и другие, изготовленные из тканевого материала. Не менее важное значение имеют особенности их красочного колорита и соразмерность композиционного комплекса, сочетаемость друг с другом, украшенные различными золотыми изделиями, изготовленными мастерами искусств с высокой осмысленностью, глубоко идеализируя реальность, эмоционального, психологического аспекта человеческого разума, той далекой цивилизации, периода конца эпохи бронзы. К сожалению, время и другие факторы, сыгравшие определенную роль в сохранении их интактными через многие века становились вне разума предков людей того, рассматриваемого исторического периода в результате которых, отсутствуют в исходном, первоизданном виде вещи которые сопровождали покойного.

Мы являемся очевидцами факта, когда реально существовавшие вещи превращаются в пылевидное и в порошкообразное состояние. В Шиликтинском погребении произошло именно так. В ходе научно-исследовательской работы данная ситуация ставит ученых в некоторое затруднительное положение, хотя решение вопроса представляется возможным.

Однако из-за множества перечисленных выше факторов, отрицательно влияющих на состояние тканей материала, входящего в комплекс верхней одежды «золотого человека», мы не обнаружили их видимых макроскопических фрагментов, что диктовало проведение микроструктурных исследований их элементов в остатках органических веществ в составе грунта из погребальной камеры.

Для контроля из числа обследованных проб методом рентгено-спектрального микрозондирования отобраны 3 пробы палеопочвы с отсутствием органических веществ и артефактов (22, 24, 25) погребальной камеры и на определенном удалении от последней.

Проба 1. Макроскопически она была серо-коричневого цвета, легкая, однородная, сыпучая, с плотными крупинками. Микроскопически последние при увеличении микроскопом 10X10 характеризовались полиморфностью структуры, чаще состояли из мелких, иногда порошкообразных компонентов. Среди таких структур можно найти клетки листовой пластинки высохшего растения. В горизонтальном положении они представлены в продолговатой формах, с четкими контурами, чаще в состоянии различной степени распада и набухания (Рис.32). Вместе с тем имеют место фрагменты прозрачных веществ, фибриллярной структуры, бордово-коричневого цвета, вероятно, они являются детритами красного шелка в различной стадии распада.

Проба 2. Она состоит из порошкообразной однородной массы. Микроскопия показала идентичность её структуры и цвета с первой пробой. Местами можно найти клетки с аналогичной морфоструктурной характеристикой клеток растения, что было описано в пробе 1.

Проба 3. Обгоревшая кость. Макроскопически небольшой фрагмент плоской кости, по-видимому, относится к подвздошной кости таза. Имеет с двух сторон гладкую поверхность. Со стороны матово-светлосерый цвет, при надавливании пальцами кость крошится, середина обугленная темно-черного цвета, губчатой структуры. Вероятно, грабительский лаз сопровождался возникновением пожара. Причиной последнего является огонь, использованный, вероятно, с целью освещения интерьера кургана во время сбора золота и других ценностей у покойного.

Проба 4. В пакете имеется около 1,5 грамма в основном однородного серо-белого-дымчатого цвета, хлопьевидное, мелко-зернистое вещество. Местами встречаются мелкие крупинки темного цвета, несколько плотной консистенции, при надавливании пальцами превращаются в порошок. Микроскопически состоит только из мелких хлопьевидных веществ. Установление исходной формы и структуры вещества микроскопией не представляется возможным.

Проба 5. Она содержит остатки органических веществ растительного происхождения. Макроскопически плотные, полиморфные (плоские, округлые) от темно-коричневого до черного цвета, находятся на различной стадии распада. Они сильно фрагментированы, среди которых встречаются с идентичной характеристикой контуров и цитоплазмы клеток растения, описанного нами в пробах 1 и 2 (Рис. 33; 34).

Проба 6. Она содержит сыпучее вещество от светло-коричневого до темно-коричневого цвета, напоминая как бы присутствие в составе вещества глины. Резко отличается по цвету от пробы 5, в последней преобладали крупинки, а у описываемой пробы 6 доминируют более мелкие. Микроскопия: основное вещество пробы светло-желтого цвета, достаточно хорошо преломляет проходящий свет, в то же время оно обладает склонностью к блеску. Среди них можно найти остатки клеток, сходных с растением, представленным в предыдущих пробах 1, 2, 5. Кроме того, визуализируется сравнительно расплывчатость и фрагментарность контуров структурных элементов различной формы. Как правило, такие образования имеют на поверхности нитевидные фигуры, отходящие от осевой линии короткие веточки, что напоминает структуру тканевой нашивки одежды.

Проба 7. Изучаемый объект предстает сложным по составу. Он содержал продолговатой формы камень (галечник), размером 30x13 мм, темно-серого цвета, с наслоением на него белого цвета отложений, размером 20x20 мм, глиноподобную массу. Комок в трех местах содержит

красно-бордовую краску размером 2x2 мм; 1x1 мм, 1x1,5 мм. В составе комка местами имеются песок и рыхло расположенные в центре комка остатки органического матрикса, вероятно, растительного и человеческого происхождения, образованные на ранних этапах после погребения золотого человека.

Проба 8. Остатки органического вещества в пробе рыхлые, мелкие, легкие, сильно крошатся. Микроскопией установлены характерные клетки как у раннее описанного аналогичного растения.

Проба 9. Она состояла из сгнившего, плотного органического вещества, с ориентированными прослойками со слабой пористостью, темно-коричневого цвета размером 1x1 см. Микроскопически визуализируется подобный по морфроструктуре древесины рисунок с длинными, параллельно идущими прожилками.

Проба 10. Она в основном состоит из большого количества (90%) вещества растительной природы, которая обнаружена в области позвоночника человека. Макроскопически темно-бурого цвета уплотненный большой комок, местами отчетливо видны обгорелые участки темно-чёрного цвета размером 1,5x6 см.

В сухом виде и в 0,85%-ом растворе NaCl в мазках микроскопически выявляются структурные элементы групп клеток с четко выраженными продолговатыми контурами известного нам растения. Обгорелость, вероятно, вызвана пожаром во время грабежа через лаз. Плохая сохранность растения, вероятно, объясняется влажностью микроклимата в погребальной камере вызванной множеством осадков в районе расположения кургана и близостью подземных вод и грабительского лаза.

Проба 11. Образец взят в районе позвоночника человека в стадии разложения. Он очень похож на 10 пробу по содержанию структурных компонентов органического вещества и окраске.

Макро- и микроскопические исследования указывают на присутствие в пробе более крупных фрагментов растения, описанных нами во многих предыдущих пробах.

Проба 12. Она макроскопически отличается от других проб светло-серым, иногда сероватым цветом, в виде крупных комков небольших размеров. Проба получена на уровне дневной поверхности погребальной камеры и состоит из органического вещества в состоянии разложения и распада. При микроскопировании мазков в физрастворе, так и в сухом виде наблюдали присутствие структурных компонентов коллагенных, в виде коротких, иногда длинных волоконцев – органической природы, вероятно, ткани человека с сохраненным их очертаний и следов соединительно-тканых прожилков. Встречаются округлые простейшие подобные образования.

Проба 13. Изучаемый объект плотный на ощупь, состоит из многослойных фрагментов обломков керамики:

1. Наружный-темно-красный, тонкий, имеет какие-то рисунки.

2. Плотный слой темного цвета.

3. Третий слой является основным толстым слоем и состоит из темного или темно-черного однородного плотного вещества - керамики.

4. Третий слой переходит на светло-серую массу с незначительной примесью красной охры подобного вещества, что на первом наружном слое. Последний слой, вероятно, является высохшим веществом, внутри кувшина, который использовался при погребении человека.

Проба 14. В пакете пробы 14 насчитывается около 30 мелких фрагментов, высохшей пластинки листьев растения, известного нам по морфоструктурной характеристике клеток. Величина их колебалась от 0,5x0,5 см до сравнительно крупных размеров с 3,8x1,6 см. Среди них встречались лоскуты листьев более крупные (17 фрагментов), размером от 9x1,5 мм до 38x16 мм. Лицевая сторона фрагментов чистого листка однотонная, серовато-желтого цвета, а у многих фрагментов (30) на ней плотно прилегает глинистая тонкая масса, одинаковой толщины (0,01 мм) с серовато-грязновато-желтым оттенком. Форма фрагментов, чаще в виде полосок и квадратов со склонностью к обломкам в продольном направлении с ровными краями излома, что указывает на опережающий рост в длину, чем в ширину листа растения (Рис. 35).

В отдельных случаях прослеживается появление роста микроколони грибка нижней (обратной) стороны. Нижняя сторона листовой пластинки фрагментов резко отличалась от лицевой по цвету, где отмечен интенсивный рост микроколони грибка округлой формы, в виде длинных цепочек, окрашивающих её в темно-черный цвет. Среди таких образований встречаются очень мелкие, однородные сверкающие вещества на фоне глиноподобного вещества на поверхности растения толщиной около 0,1 мм (рис. 36,37).

При макроскопическом исследовании внутренней структуры фрагментов нами отмечена склонность к расслоению листовой пластинки на поверхностный, тонкий первый слой, вторые и третьи слои занимают всю толщину растения, где клетки принимают продольно-перпендикулярные положения. Микроскопия также показала многослойность высохшей матовой пластинки, разделенной по горизонтальной плоскости листа.

Уцелевшее небольшое количество фрагментов листьев растения, обнаруженные в погребальной камере, вероятно, длинные, как у камыша, в то же время мясистые, и со склонностью к расслоению при высушивании.

При изучении характера повреждений возможными химически-

ми композициями сложного состава листа в период погребения покойного установлено, что на одном из фрагментов листовой пластинки обнаружен углубленный желобок, на поверхность которого было светло-голубого цвета вещество, подобное окиси меди в бронзе. Однако попытки выявления химических соединений, имевших место в погребальной камере, на поверхности исследуемого биообъекта не увенчались успехом. Тем не менее, отсутствие химического соединения на поверхности растения связано с окислением и испарением за столь большой срок около трехтысячелетнего периода захоронения человека, тем более на открытой поверхности растения.

Следует также отметить, что плохая сохранность значительного количества растений, вероятно, связана с губительным действием в случае прямого контакта со сложным химическим составом в больших концентрациях в пробах 4, 6, 7, 12, 17, таких, как, Ag_2O (71%), PbO (4.7%), Cu (1.09 %).

Обнаруженные темно-черные образования на фрагментах листовой пластинки являются плесневыми грибами, которые при определенной влажности (в период распада и разложения) тела погребенного достаточно бурно росли, а затем высыхали.

Можно предположительно констатировать, что листья одного вида растения были занесены в свежем виде в погребальную камеру, затем ими обкладывали тело золотого человека.

После погребения на других участках сооружения была продолжена легкая строительная работа, при которой пыль грунта оседала на поверхности листьев обнаруженного нами растения. По-видимому, использованное растение при погребении элиты того периода обладало особым защитным свойством, в целях пролонгации процесса сохранения тела от разложения и распада.

В ходе экспедиционно-полевых работ отчетного года в июне и июле нами были продолжены поисковые работы по сбору морфологически идентичных растений согласно предварительных прогностических предположений по их идентификации. В результате поисковых работ отобраны дикорастущие и культурные растения в районе Северо-Восточной части Джунгарского Алатау для морфологических исследований листовых пластинок: разновидности и семейств касатиковых (ириса), аира болотного, дикорастущих луков и их семянодержателей. Кроме того, просмотрена и проанализирована многочисленная специальная литература о растительности Казахстана.

Районы Лепсы (Ойжайлау) и Чиликтинской долины и окружающих гор богаты разнообразным травостоем, поэтому мы неоднократно проводили сбор и изучение состава листьев, фазы цветения и характер их роста.

Проба 15. Разложившееся органическое вещество взято в области тазовой кости «золотого человека» у восточной стены на глубине 167 см от материка. Она состоит из листьев растения черного цвета, местами серая в виде комков, порой рыхлая и бесформенная.

При микроскопировании легко выявляются фрагменты растения с характерными, ранее описанными нами пробах 3, 6, 8, 9, 10, 11, 14 клетками.

Проба 16. Органическое вещество в стадии разложения, обнаружено на глубине 180 мм погребальной камеры. Оно золотистое, иногда хлопковидное, консистенция рыхлая и бесформенная. Под микроскопом оно однородное гомогенное, хлопьевидное. Среди фрагментов прослеживаются семена каких-то растений вытянутой формы с острыми концами и двухконтурной оболочкой и мелкозернистой структурой в центре.

Проба 17. Охра красно-бордового цвета, на поверхности с уплотненной глиной. Охра наслоена на глину тонким слоем с однородным составом.

Проба 18. Макроскопически очень маленького размера фрагмент ткани имел характер двойной расцветки: одна сторона от светло-синего до темно-синего, вторая - красно-бордового цвета, и резко отличается от других проб особым блеском. Найденная находка привлекала своим мерцанием, несмотря на мизерное количество порошкообразного и сыпучего вещества с небольшими крупинками. Фрагмент с макроскопическим размером 1,5x0,6 мм подвергнут тщательному и всестороннему изучению с двух сторон. Из числа обследованных образцов из погребальной камеры у двух (№ 118 и 19) нами выявлены микрофрагменты одежды «золотого» человека.

Светло-синий, несколько уплотненный и плоский образец описываемый находки обнаружен у южной стены домика из деревянных брусьев, сооруженного вокруг погребального комплекса, такой цвет материала иногда напоминает цвет окиси меди от бронзы (Рис. 38; 39; 40; 41).

Просмотр и анализ материала проводился на исследовательских микроскопах, на световых и цифровых тринокулярах с программным обеспечением швейцарского производства. Визуализацию изучаемого объекта осуществляли при проходящем свете и в темном поле.

Объект имел разную окраску. При просмотре материала одна сторона окрашена в темно-красно-бордовый цвет в виде равномерно распределенного по всей поверхности изучаемого материала, строго в мелкосетчатой форме просвета, которые имели двойные нити фибройда шелка. Тем не менее, значительная часть просвета сеточки была несколько увеличенной, подвергалась деструкции. Как правило, переплетение

было простое, однотипно-нитьевое, которое формировало четырехугольные квадраты. Крайне редко встречаются участки в исходной сохраненной структуре. Мы имели возможность наблюдать, что у большинства сеточки были в виде строгого квадратика с равными сторонами, с четко просвечивающимися гнездами или же с равномерной красной краской. Как видно из рисунка, местами постепенно исчезали сеточки и их следы просвечивающихся из-за нарастающего беловато-гомогенного мерцающего вещества в состоянии дезинтеграции под действием неблагоприятных факторов. К бордово-красному слою наслаивается затемненное вещество второго слоя светло-синего цвета. По всей плоскости отмечено простое переплетение однопитевого тонкого, диаметром от 4,09 мм до 4,16 мм с перекрещивающимися волокнами на одинаковом расстоянии. Вместе с тем мы считаем целесообразным отметить прямолинейность линии излома материала, несмотря на очень маленький размер. Мы не раз встречали свидетельства о том, что некоторые воины использовали шелка в качестве брони, защищающей от стрелы, проникающей в тело человека [18]. Стереоскопические и стереометрические исследования волокон и уцелевших фрагментов показали призматическую структуру шелка, вызывающую мерцания на темном поле при сканировании их на тринокулярном микроскопе.

При микроскопическом исследовании микроструктуры найденного материала шелка мы сопоставляли свои результаты с данными Интернета [19]. Представленные сведения о микроскопической характеристике вполне соответствовали результатам наших исследований. К сожалению, у пробы 18 мы не могли изучить физико-химические свойства, растворимость краски шелка в воде и 96° спирте и сделать элементный анализ этой пробы из-за маленьких размеров образца.

Кроме того, из-за скудости взятой пробы 18 мы дополнительно, в качестве контроля проводили исследования образцов современных разновидностей шелка, чтобы определить расцветку и особенности технологии переплетения.

Образцы шелка, поступившие из разных стран (Китай, Индия, Корея, Италия) по торговой сети в Казахстан подбирались согласно товарным знакам. По микроскопической структуре они резко отличались в основном по технологии переплетения нитей (по сравнению с пробой 18). Как правило, при макроскопическом исследовании натурального шелка из торговых сетей г. Алматы обращали на их физико-химические свойства, в частности, на хорошую сгораемость и быструю обугливаемость при надавливании, сравнительную растворимость их красок в 96%-ом спирте, нежели в воде и физиологическим растворе (Рис. 46).

Микроскопическая характеристика современного натурального

шелка в сравнении с образцом 18 выявила особенности технологии переплетения в виде пучков. Они состояли из 12-13 и более волоконцев в каждом в различных вариациях плотности и направлений, что позволяет формировать сложную сеть шелкового материала разной толщины, расцветки и качества (16; 17).

Исследование образца 18, найденного в погребальной камере шиликтинского «золотого человека», с использованием современных микроскопов при проходящем свете и на темном поле является эффективным способом идентификации и обнаружения волокон шелка. Сопоставляя древнего шелка с современными образцами шелка, следует сказать, что обнаруженная находка является тканевым элементом натурального шелка, вероятно, с двойным слоем, окрашенным соответственно в красно-бордовый и темно-синие цвета, простого, однонитевого (квадрата) переплетения.

Выцветшие фрагменты волокон в уцелевших сеточках (квадратиках) переплетения на темном поле микроскопа отличались своеобразным и характерным для шелка мерцанием.

Подтверждением полученных нами результатов являются сведения об использовании в V - IV веках до н.э. в китайской технологии красок красного, темно-синего (голубого) и зеленого цветов (см.: Н.В. Полосьмак. «Тайна «Царских» пазырыкских курганов о развитии шелководстве в Китае с давностью 3 тысяча лет до нашей эры») [18].

Проба 19. Макроскопически образец серо-черного цвета, обладает сверкающим свойством. Некоторые крупинки составных элементов пробы являются темно-зеленоватым веществом. Порошок пробы местами похож на золу. Он состоит из крупных (1,5x2 см) размеров средних, мелких и мельчайших однородных структур.

Микроскопия сыпучего порошкообразного вещества на темном поле показала однородность бесцветных и белых структур в виде мелко-го сахароподобного кристалла и крупных, а иногда агрегированных образований с своеобразным мерцанием.

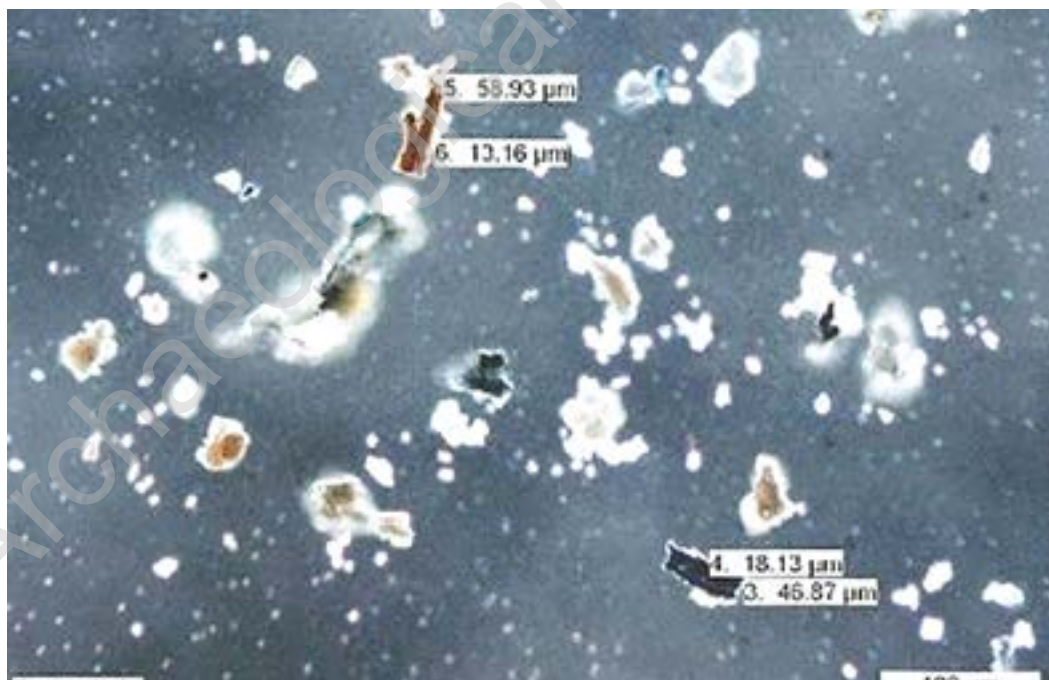
В поле зрения отчетливо попадают красно-бордовые и в большом количестве темно-синие нити шелка. Как правило, нити ориентированные, короткие, иногда с распадом и расслоением их пучков. Эти остатки микрофрагментов являются уцелевшими тканевыми материалами одежды «золотого человека», выполненные из двух расцветок ткани. Скучное количество красно-бордовой нити шелка, по-видимому, указывает на разноцветность или же наличие нашивки на фоне темно-синей расцветки верхней одежды (Рис.44). также в пробе имеют место полиморфные фрагменты, трудно распознаваемые переходные формы с темно-синего в серо-синеватый, а красно-бордовые с переходом на светло-коричневые, серые и белые цвета. Такая трансформация материала свидетель-

ствуует о глубокой дезинтеграции шелка и об обесцвечивании, разложении их исходного сверкающего состояния (Рис. 42; 43; 44; 45).

Сравнительное и микроскопическое исследование двух фрагментов из разных проб (18 и 19) показало сходство темно-синего шелка с зеленоватым оттенком и некоторых отличий их между собой. В пробе 19 цвет шелка однородный от темно-синего до темно-черного с зеленоватым и однослойным оттенком, в пробе 18 шелк двухслойный, приблизительно аналогичного цвета от светло-зеленого, местами с более ярким просветлением, а на участках, где отсутствовали их дезинтегрированные остатки, прослеживается темно-бордовая окраска, с сохраненной структурой шелка, что и на лицевой стороне двойного шелка.

У обеих проб 18 и 19 на поверхности уцелевшего шелка обнаружены их измененные распадающиеся остатки в разной форме, от белого до светло-зеленого и светло-коричневого цветов. Остатки красно-бордового и темно-сине-зеленого расцветок тканевого материала при тотальном прицельном осмотре их рельефа сохранили характерный для шелка блеск. Последние более светлые, мерцающие частицы под микроскопом у обеих проб являются высветшими фрагментами шелка.

Считаю необходимым учесть тот факт, что правитель - «шиликтинский золотой человек» является суперэлитой той общественной формации, поскольку его курган отличался величиной и сложностью конструкции, наличием большого количества золотых изделий, и одежда была сшита погребенному из дорогостоящего в то время, чем золото, материала - шелка разных расцветок, имеющего особую композицию.

Результаты физико-химических исследований проб (образцов), полученных из Шиликтинского погребения

При спектральном анализе проб (образцов) 4 на рентгено-микроскопическом анализаторе обнаружено всего 14 ингредиентов в составе пробы: химические соединения были в нижеследующем со средним показателем Na₂O - 0,32% с максимальным уровнем показателя – 0,61 %, MgO соответственно 0,73 % и 1,12%; Al₂O₃ - 3,38 % и 5,91 %; SiO₂ – 10,42 % и 17,40 %; SO₃ - 43,32 % и 51,80 %; SiO₂ – 0,79% и 1,35 %; K₂O – 0,77 % и 1,62 %; CaO – 28,12 % и 34,98 %; TiO₂ – 0,18 % и 0,04 %; FeO – 1,95 % и 3,52 %; CuO – 3,19 % и 4,79 %, аналогичны контрольной пробе 22, где большинство показателей их совпадали. Кроме того, в отличие от контрольной пробы 22, кроме перечисленных химических компонентов в составе испытуемой пробы грунта наблюдается появление новых химических элементов средних и максимальных показателей, полученных из трех спектров одной пробы: селена 0,42 % и 0,71 %, небольшое количество окиси серебра, соответственно 1,7 % и 2,51 % и окиси свинца в довольно больших процентах – 4,7 % и 6,63 % (Рис.60; 61; 62; 63).

В сыпучем образце, от светло-коричневого до темно-коричневого цвета грунта 6 и погребальной камеры по сравнению с контрольным образцом 2 отмечены выше указанные два элемента, за исключением селена и появление марганца по сравнению с пробой 4. Наряду с этим нельзя не отметить резкое отклонение уровня некоторых ингредиентов в составе образца 6, например, кремния до 52,06 %, что на 20% выше, чем у контрольной пробы 4 (41,65%).

При исследовании химических элементов в составе соединений образца 7, полученного из одной точки, выявлено 16 элементов, что больше на 4 – селена (0,16%), Ag₂O (1,81%), HgO (1,31%), PbO(4,06%), чем у контрольной пробы грунта обследуемой камеры, где обнаружены костные останки «золотого человека».

Однако, следует отметить значительный уровень содержания компонентов тяжелых металлов (PbO (4,7%) Ag₂O (1,71%)) у пробы 4 за исключением ртути.

Изучение количественных и качественных параметров химических элементов в составе грунта пробы 12 в чистом виде и вперемешку с последним показало также, как в предыдущих образцах, загрязненности грунта, по сравнению с контрольным образцом грунта 22 из погребальной камеры.

В пробе 17 насчитывалось 15 элементов, как и в пробе 7, и их показатели процентного соотношения близки между собой. В составе

обеих проб отмечено красное высохшее, подобное охре вещество. При этом присутствовали соли тяжелых металлов: ртути, свинца, серебра, меди и железа.

Следует отметить, что наличие среднего значения показателей обеих проб (7 и 17) ртути несколько больше: на 0,47 %, а показателей PbO меньше у пробы 17, по сравнению с пробой 7 - 4,06 % до 0,96 %. Аналогичное снижение мы наблюдаем у Ag₂O - с 18 % до 0,34%. Вместе с тем, сравнивая две пробы 7 и 17, мы не исключаем присутствие во многих образцах некоторых элементов не только в составе краски, но и в свободном виде: Ag₂O (2,5%), PbO (5,86%), CuO (4,5%), FeO (7,09%) в максимальных значениях, что выше у контрольной пробы 22. Указывая целесообразность при такой ситуации аналитического подхода к выделению особенностей количественного и качественного состава ингредиентов в изучаемых образцах 7 и 17, отмечаем присутствие Na₂O (1,97 %), Mg (3,25 %), Al₂O₃ (16,09 %), TiO (0,86 %), FeO (7,86 %) с повышением среднего и максимального их значения показателей, а при сопоставлении таких же показателей с контрольным образцом, где отсутствовали ртуть, свинец и серебро, можно отметить повышение элементов и иногда снижение по сравнению с пробами 7 и 17.

Исходя из вышеизложенного, мы предполагаем присутствие в погребальной камере краски красного цвета (охра) и значительного количества химических соединений в составе грунта с максимальными показателями ртути (3,60%), свинца (6,65%) и серебра (2,53%).

Три пробы грунта, взятые из погребальной камеры «Золотого человека», включают контрольный образец, о котором говорили выше, из них загрязненными были две пробы 20 и 23 с PbO и Ag₂O в небольших максимальных дозах, соответственно 0,79 % и 2,11 %.

Все три контрольные образцы состояли из одинакового количества элементов с незначительными колебаниями их показателей.

Трехкратное исследование спектров образца 19 показало, что в составе пробы почти полностью доминирует органическое вещество, их фрагменты обнаруживаются только под микроскопом, при помощи специальных методов - химические элементы (в процентах масс).

Анализируя данные путем сопоставления показателей опытных проб и контрольного образца, мы наблюдаем преимущественно совпадение их значений или же небольшие колебания в сторону плюс или минус.

Вместе с тем, по количественному составу проба 19 несколько уступала контрольной пробе 22, где было больше на два элемента (MnO и P₂O₅), что указывает на однородность и чистоту составных органических веществ за исключением железа и титана; подтверждены чистота и безвредность биологических объектов в изучаемом составе образца 19,

также наблюдается отсутствие в темной и красной краске материала таких элементов, как HgO, PbO, Ag₂O, P₂O₅, которые были обнаружены в некоторых пробах.

Что касается растворимости красок материала в 96°-ом спирте - незначительная, за пять часов выдержки образца в спиртовом растворе проба приобрела однородную и в тоже время долинирующую над красной стойкую окраску светло-голубоватого цвета. Краски в физрастворе и воде практически не растворяются, вероятно, они растительного происхождения, безвредные для организма. Элементный анализ методом рентгеноспектрального микрозондирования показал, что в составе образца порошок темно-синего цвета материале выявлен при использовании темного поля микроскопа, что отрицает наличие солей тяжелых металлов.

Содержание красно-бордового шелка на фоне дезинтегрированной сахароподобной субстанции, вероятно, незначительное (10 %).

Результаты макроскопических и микроскопических исследований различных по составу и структуре материалов и биообъектов, полученных из различных участков погребальной камеры на уровне дневной поверхности кургана «Байгетобе» курган Шиликты-2, базировались на анализе 18 проб, в которых были преимущественно органические материалы. Из этого числа 1 проба состояла из слоя керамики с высохшим каким-то веществом на дне посуды и одна проба с грунта погребальной камеры. Кроме того, одна проба из трех была более сложной по структуре и составу, что требовало дополнительных исследований.

Из 18 обследованных нами микроскопическим методом проб у 13 был установлен один вид растения в различной стадии дезинтеграции.

Наличие растения только одного вида и их фрагментов в погребальной камере, двухслойность и мясистость листовой пластинки, отсутствие стержней и краев в поле зрения микроскопа, а также присутствие темно-черного клейкого вещества на одной из сторон свидетельствует о смешанном их использовании в свежем виде в качестве средства для бальзамирования тела покойного. По-видимому, использование только одного вида растения в погребальной камере вероятно связано с антибактериальными, противогнилостными свойствами, что также является косвенным доказательством в пользу констатируемых фактов. Темно-черная субстанция на одной из сторон листовой пластинки в пробах 14, 15, 10, 11 является плесневым грибком, образованным после обкладывания растениями тела покойного в зеленой массе.

Попытки обнаружить производные кожного покрова лошади: волос, лоскутов и их гистрофрагментов - не увенчались успехом, хотя в камере погребального комплекса обнаружены 3 путовые кости, 3 фаланги 2 и 3 копытцевидных костей, при отсутствии костей других отделов

скелета лошади (рис. 54). При этом предполагалось присутствие кожи лошади вместе с перечисленными костями задних конечностей, которая была бы использована для подстилки.

Кроме того, обнаружены сильно фрагментированные кости (28 экземпляров) мелкого рогатого скота из надземной части кургана (Рис.55).

Обгорелость некоторых костных фрагментов органических веществ растения (проба 3) указывает на возникновение пожара в погребальной камере, устроенного, вероятно, грабителями.

Уникальная находка была обнаружена в пробе 18: изучение микроструктуры и микрорельефа фрагмента позволило охарактеризовать цветовую гамму тканевого материала, как шелк, и определить использование его представителями богатой элиты Шиликтинского региона три тысячи лет назад. При изучении проб 1, 6, 9 среди структурных элементов под микроскопом мы обнаружили идентичную, зачастую соответствующую морфологии волокна по контрастности, толщине структуру, и интерпретировали ее показатели при описании микроструктуры пробы 18. Особо была отмечена частота обнаружения темной черной массы, подробно описанной выше, перечисление элементов проб, которые нашли на одной из сторон листа растения. Наряду с этим, целесообразно учесть присутствие в иной форме стереотипной субстанции с примесью органических матриц, где доминирует буро-черная окраска и порошкообразный состав структуры.

Спектральный элементный анализ десяти образцов из 25 взятых дифференцировано показал, что фрагменты, взятые из различных участков погребальной камеры на наличие органических и неорганических веществ в составе грунта в основном относятся к культурному слою палеопочвы. Тем не менее, в отдельных случаях в их составе дополнительно выявлены некоторые химические соединения, такие, как ртуть, свинец, серебро и селен, что указывает на присутствие в погребальной камере других веществ со сложной композицией изготовления, использованных для проведения погребально-поминальных обрядов. Неоднородность составных элементов и повышенное содержание их во многих исследуемых образцах, по-видимому, обусловлены антропогенным влиянием во время ограбления курганного комплекса. Мы не исключаем возможность бальзамирования тела «золотого человека», о чем свидетельствуют резкие колебания уровня солей тяжелых металлов, и это подтверждается данными из научной литературы по этой теме. В полученных нами результатах имеют место серебро, алюминий, медь, свинец и ртуть. Однако, отсутствие данных, касающихся непосредственно исследований кожи или мягкой ткани, не позволили нам получить прямые аргументированные результаты по элементному анализу ткани. Что

касается селена, он очень редко встречается в наших исследованиях, следует сказать, что вещество обнаружено лишь в двух случаях (пробы 4 и 7). Как видно из соответствующих спектров проб, что к числу постоянных относится 11 элементов, кроме селена, окиси серебра, окиси свинца и окиси ртути, что соответствует качественному составу грунта (материка) в районе Шиликтинского погребения «Байгетобе».

Рентгеноспектральный анализ микрозондирования взятых 10 проб из различных участков грунта погребальной камеры свидетельствует о небольшой концентрации окиси серебра (78,4%), свинца, в двух случаях ртути (22,2%). Средний показатель серебра у некоторых проб достиг 1,81% массы, а максимальный – 2,53% окиси свинца, в отдельных случаях - соответственно 4,7%, 6,65% массы. Эти данные спектрального анализа свидетельствуют о присутствии и контаминации в грунте погребальной камеры вероятно, каких-то работ, связанных, в первую очередь, с жидкой или вязкой массой, в составе которой имеют место упомянутые вещества. Следовательно, мы можем говорить о процессе бальзамирования тела человека. Контаминация грунта химическими элементами могла произойти после сооружения грабительского лаза, спонтанного распада имеющихся веществ, подвергшихся нарушению первоначальной их целостности и распада скелета погребенного.

Что касается проб с наличием органических веществ, растений и остатков одежды, эти остатки не содержали солей и тяжелых металлов. Содержание меди в соединениях % масс из числа всех обследованных образцов лишь в двух случаях достигло высоких показателей при средних уровнях спектров: в пределах от 3,19% до 3,21%, а максимальном - от 4,51% до 4,79%, что, по-видимому, позволяет предположить наличие в погребальной камере меди и бронзы или же какой-то другой композиции. У оставшихся 6 проб среднее содержание её колебалось в низких уровнях от 0,59% до 1,09%, что характерно составу нормального грунта местности Шиликты.

Масса железа в перечисленных металлах оставалась достаточно высокой, у многих проб средний показатель от 1,95% до 7,86%, а максимальный достиг - 3,52 % до 9,79 %.

Наличие P_2O_5 объясняется присутствием скелета человека и животного, он был зафиксирован в одном случае спектра при рентгеномикрозондировании.

Что касается других химических соединений, таких, как Na_2O , MgO , Al_2O_3 , SiO_2 , SO_5 , CaO , TiO , MnO , они являются постоянными и основными элементами с вариацией уровня показателей, отмеченных в исследуемых образцах проб из погребальной камеры «золотого человека».

Вместе с тем считаем целесообразным отметить в виде исключе-

ний попадание в грунт погребальной камеры указанных соединений свинца, серебра, меди, железа в превышающих норму дозах ртути при изготовлении многих, особенно золотых, серебряных и других украшений, находящихся в погребальной камере.

Учитывая скудость других, кроме золотых украшений, наконечника металлической стрелы, находок, мы не исключаем наличие других металлических предметов из одеяния и вооружения воина, которые, вероятно, были унесены грабителями. На наш взгляд, окисление не оказало существенного влияния на наличие существующих в погребальной камере химических элементов в период их исследования.

Приведенные результаты физико-химических исследований с иллюстрационными таблицами о спектральных данных и их диаграммы и данные морфоструктурных исследований свидетельствуют об использовании одних и тех же листовых пластинок растения, которые, вероятно, обладали антибактериальными и противогрибковыми свойствами, необходимыми для сохранения тела умершего древнего человека.

Об использовании натурального шелка шиликтинцами также свидетельствуют обнаруженные макрофрагменты ткани на костных останках скелетов, погребенных в дочернем кургане №2, расположенного на одной линии курганных комплексов Шиликты-3, с небольшой разницей в сроках погребения сакского периода.

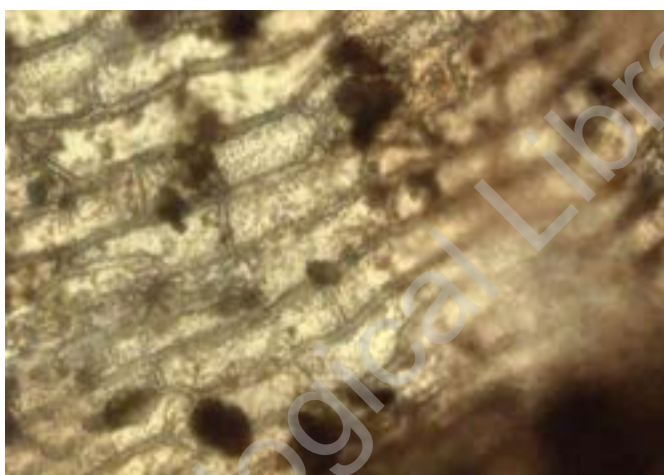
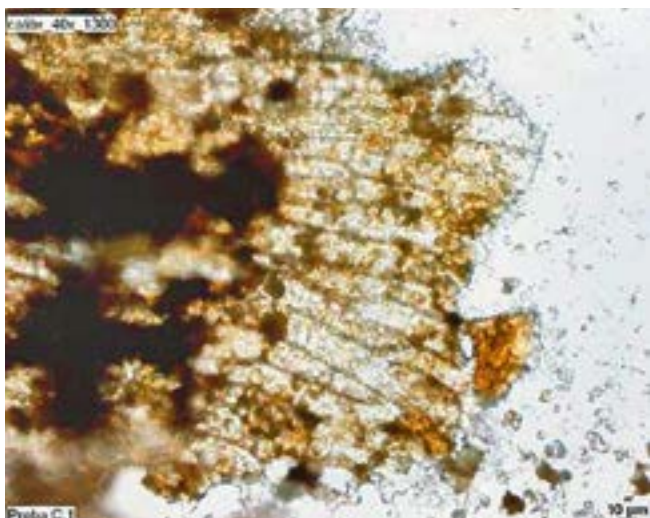
На основании макро- и микроструктурных, физико-химических и спектрально-элементного анализов методом микрозондирования образцов палеопочвы из погребальной камеры третьего шиликтинского золотого человека впервые установлены микрофрагменты его одежды из красно-бордового и темно-синего натурального шелка на юго-восточном регионе Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан. Полученные данные свидетельствуют о возможности использования шиликтинцами и дальнейшего распространения в глубь территории Казахстана очень ценного и дорогостоящего в то время шелка, что открывало новые возможности развития шелководства на сопредельных с Китаем территориях уже в VIII веке до н.э.

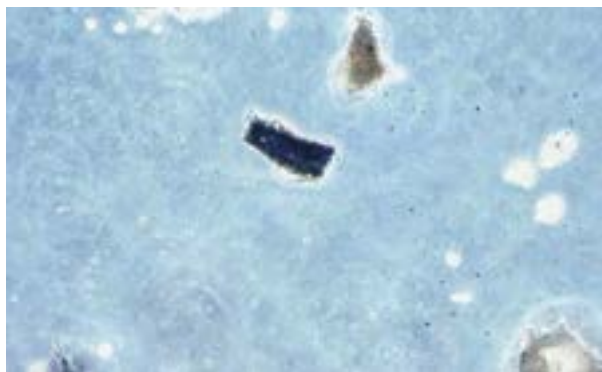
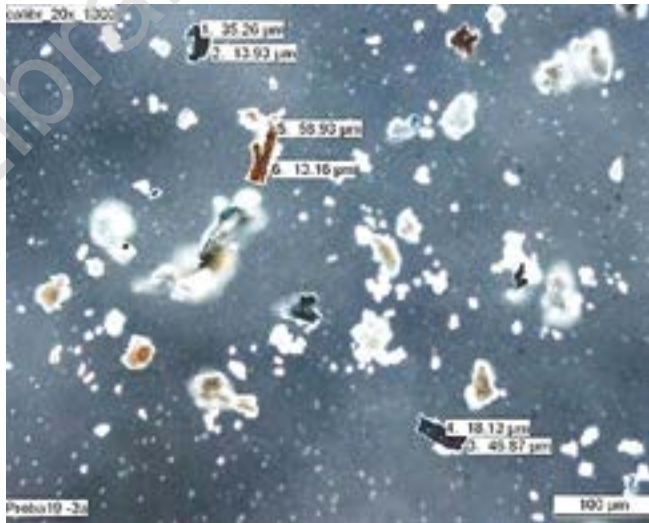
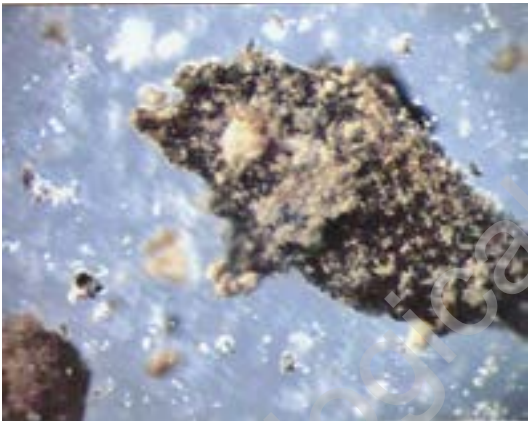
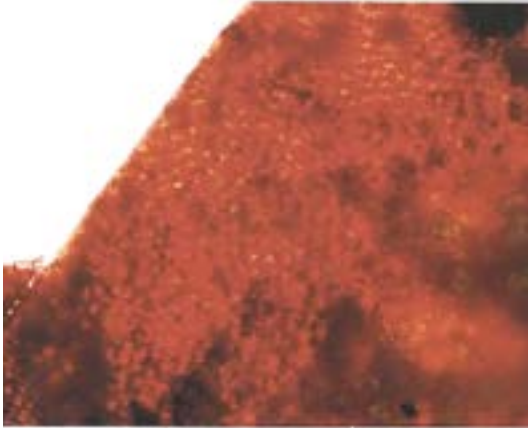
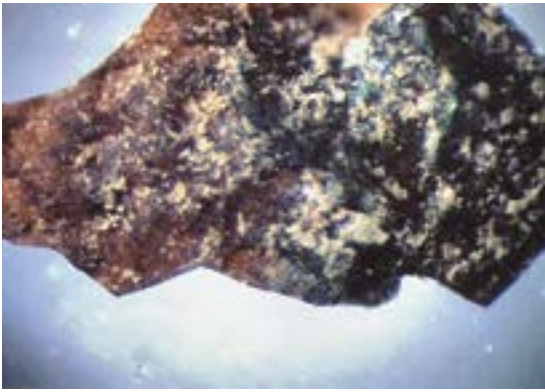
Выявленные отдельные элементы металлов, как серебро, свинец, медь и другие, в составе палеопочвы на уровне дневной поверхности погребального комплекса золотого человека указывают на использование их в составе сложных химических соединений с целью длительного сохранения тела усопшего.

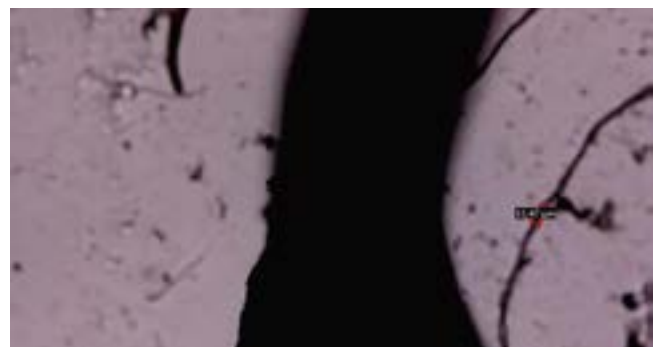
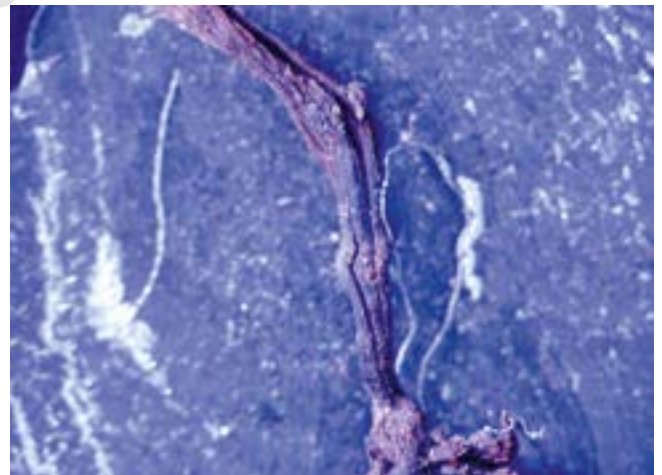
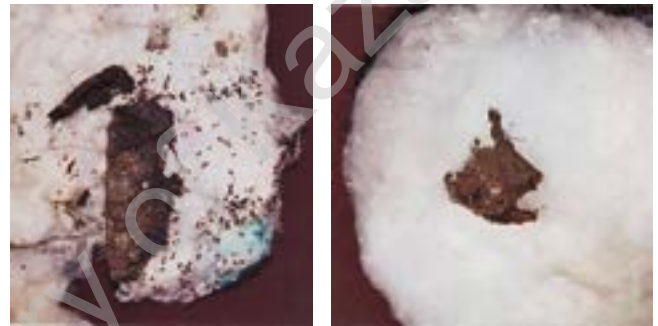
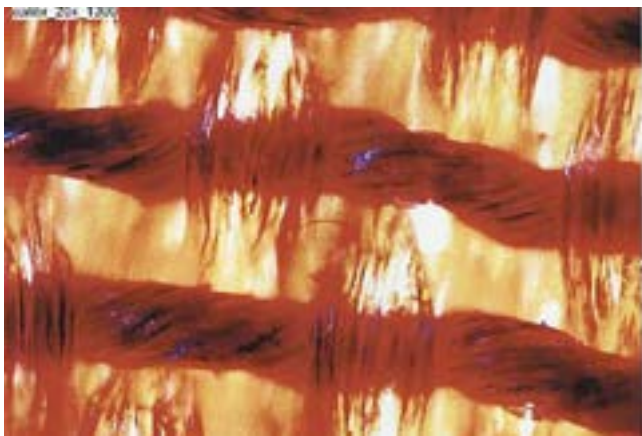
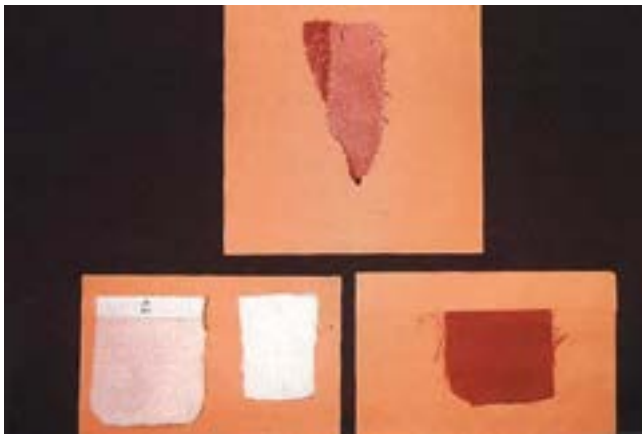
Отсутствие сведений об ареале распространения и об использовании шелка на нынешней территории республики в VIII веке до н.э. определяет научную новизну и актуальность проведенных исследований.

Полученные нами результаты комплексных исследований позволяют прогнозировать возможность реконструкции одежды на основе

установления микроструктуры сохранившихся фрагментов и окраски ткани древнего шелка с учетом технико-технологических особенностей изготовления в условиях археологической среды Шиликтинского погребения.

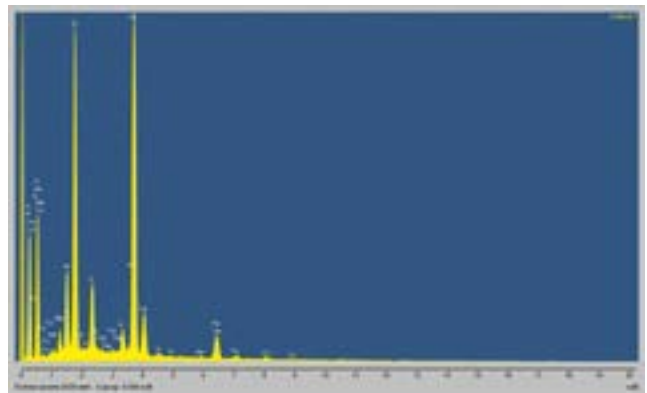
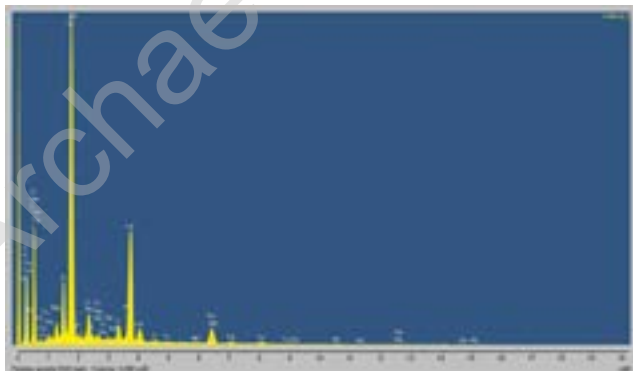
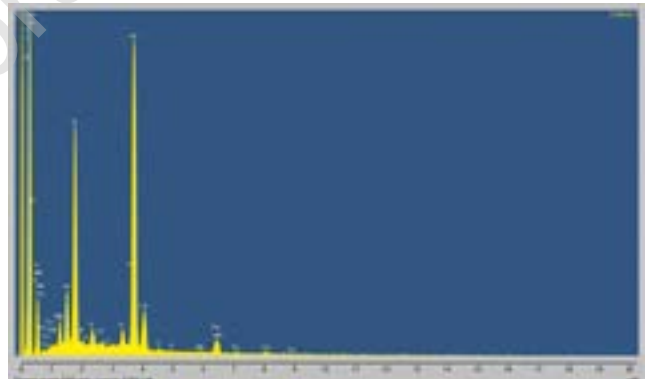
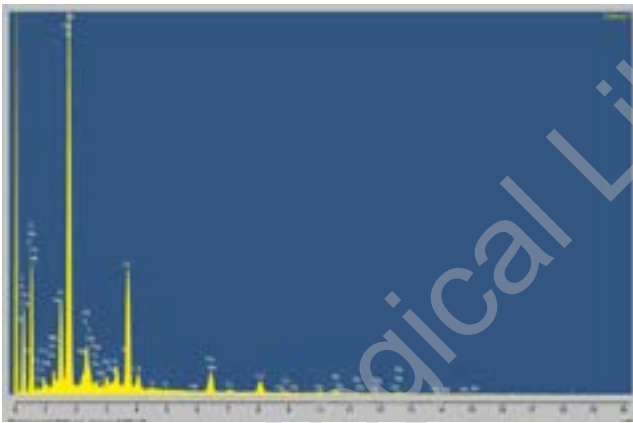
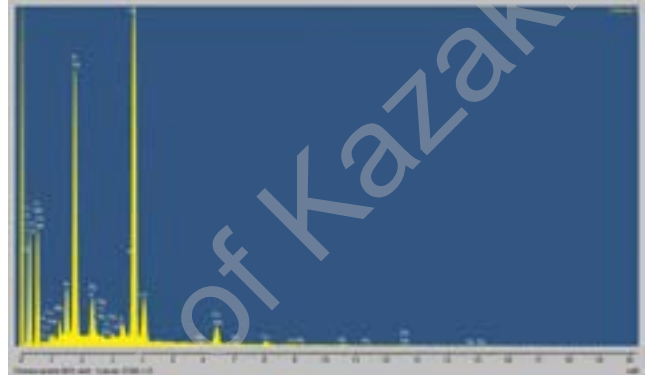
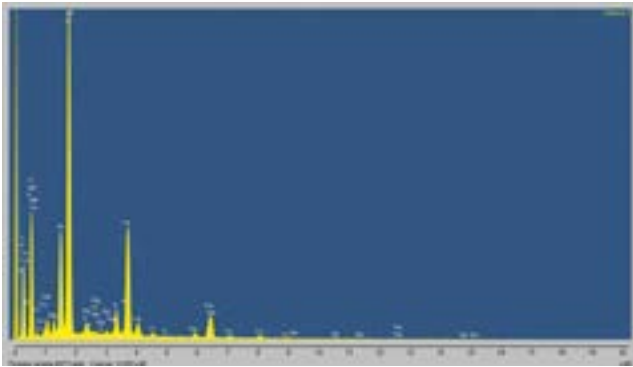
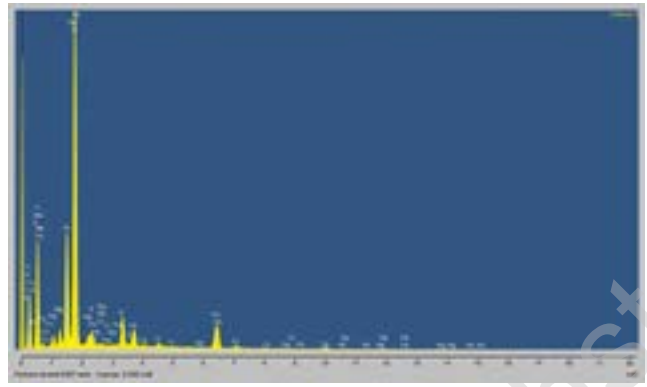
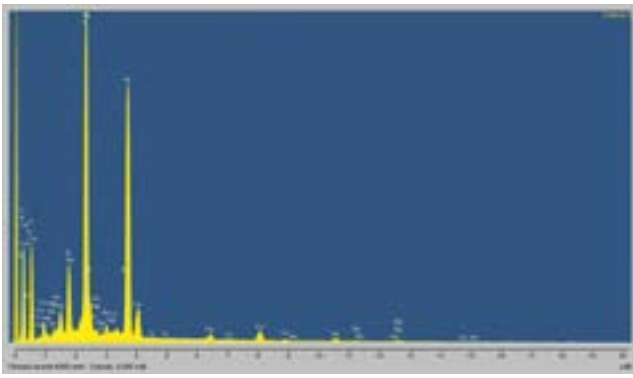
Archaeological Library of Kazakhstan

1. Шилоктыны қолданылуы. Шилоктыны қолданылуы туралы мәліметтер біздің қолымыздағы археологиялық деректерден алынады. Шилоктыны қолданылуы туралы мәліметтер біздің қолымыздағы археологиялық деректерден алынады.

2. Шилоктыны қолданылуы. Шилоктыны қолданылуы туралы мәліметтер біздің қолымыздағы археологиялық деректерден алынады. Шилоктыны қолданылуы туралы мәліметтер біздің қолымыздағы археологиялық деректерден алынады.

3. Шилоктыны қолданылуы. Шилоктыны қолданылуы туралы мәліметтер біздің қолымыздағы археологиялық деректерден алынады. Шилоктыны қолданылуы туралы мәліметтер біздің қолымыздағы археологиялық деректерден алынады.

Archaeological Library of Kazakhstan

4. Результаты исследования костных останков животных из кургана №36 (к.в.н. Кашкинбаев К.А.)

Шығыс Қазақстан облысының Зайсан ауданындағы Шілікті I №36 обасынан табылған жануарлар сүйектеріне жүргізілген остеологиялық және остеметриялық зерттеулерінің қорытындылары

2009 жылда жүргізілген ғылыми зерттеу жұмысы барысында Шілікті I №36 обасының жер бетінде үйілген шымдар мен сары топырақ, тас араласқан топырақ қабаттарынан тұратын күрделі архитектуралық салалық негізде өсімдік тамырлары қабатынан мал сүйек топтамалары табылды. Жануарлар сүйектерін, олардың 90 пайызы адамдардың өздері бөлшектеп, белгілі бір мақсатты ескере отырып сындырған. Сонымен қатар, сүйек топтамалары жерленген адамға арналып, сойылған деген болжам айтқымыз келеді. Оған сүйектердің өте жақсы сақталғаны, май және ұлпа қалдықтарының сүйек бетіндегі дақтарының және ашық аспан астында күн инсоляциясы белгілерінің болмауы дәлел бола алады. Остеологиялық зерттеу кезінде тағы бір айтатынымыз жіліктердің құрылымдық ерекшеліктеріне байланысы прокисмалді бөліктерінің бұзылуына оларды остеметриялық зерттеу мүмкіншілігінен айырғандығы болып отыр.

Жүргізілген қысқаша сүйек сипаттамасы негізінде жануарлардың бірнеше түрлері бары анықталды. Олардың ішінде жылқы, ірі қара малдары, бұғылардың ұсақ түрлері, ұсақ мүйізді малдардың, осылармен бірге осы қорғанды ұзақ жылдар бойы ін жасап, сол індерде өлген қарсақ және суыр сүйек топтамаларының табылғанын да айтып кеткіміз келеді.

Жылқы сүйек топтамасы – 51 сүйектерден құралады. Атап айтқанда, жылқының бас сүйек фрагменттері, алдыңғы және артқы жіліктері, жақ сүйек тістері, жамбас сүйегінің сынықтары, мойын, төс, сегізкөз, омыртқаларының қалдықтары, толық сақталған тұяқ ішкі сүйегі, бақай мен аздаған қабырғалардың сынықтарының табылды.

5 ұсақ ірі қара малы сүйектерінің қалдықтарының саны 86 жеткенмен оларда қатты ұсатылып, дистальді және проксималді тұстары қатты мүжілген. Ұсақ мал сүйегі топтамасын жіліктер, жауырындар, бас сүйек, аздаған тістерден мойын және бел омыртқа, қабырға қалдықта-

рынан құрылған. Жалғыз ақ 2 асықтың орташа деңгейде сақталғанын атап айтқан жөн.

Жоғарыда айтып кеткендей, үй жануарларымен бірге жабайы аңдар сүйектерінің бар болғандығын болжап отырмыз, бұғы, құлан, сонымен бірге тағы еліктер жатады. Аңдардың жауырын, асықтар, тұяқтың ішкі сүйегі, кейбір мойын омыртқалардың мүжілген қалдықтарын айтуға болады.

Жыртқыштар мен кеміргіштер тобына жататын қарсақ пен суырдың сүйектерінің саны 55-ке жетті. Бұлардың басқа жануарлардан ерекшелігі олар өте жақсы сақталған. Олардың сүйектерінің анатомиялық элементтері бұзылмаған. Солардың ішінде жіліктер, бас сүйектері, тістері, омыртқалары табылды.

Обаның сыртқы бөлігінен табылған жануарлар жануарлар сүйектерінің ішінен қолмен өңделген бірнеше тұрмыстық сүйек заттар табылды. Осы заттардың сипаттамасы төмендегідей:

1. Ұсақ жануарлар асығы. Оның барлық жақтары, жоғары жағымен қарама-қарсы жағының аумағы (19x28,5 мм.) және бүйірлері (44x24мм.) эллипсті түрде үлкен ұқыптылықпен жылтыратып өңдеуден өткізілген. Асықтың өңделуі қандай мақсатқа жасалғаны белгісіз болып отыр.

2. Сүйектен жасалған ұршық. Бұл тұрмыстық зат екі бөлшектен тұрғаны жүргізілген остеологиялық зерттеудің нәтижесінде анықталды.

Сүйек ұршықтың бірінші бөлігі дөңгелек жұқа тесігі бар табақша. Табақшаның ортасындағы тесігінің диаметрі – 8,5 мм., қалыңдығы – 6 мм., ал табақша диаметрі – 39x41мм. Ұршықтың осы бөлігіне жылқының төменгі дақсүйегінің жартысының жатық бөлігі алынған. Шілік-тіліктер ұршықтың осы бөлігіне пайдаланар кезінде төменгі жақсүйектің анатомиялық және физикалық ерекшеліктерін ескере отырып алынғанын аңғару байқалады: Біріншіден оның тегістігі әрі жалпақтылығы; екіншіден қалыңдылығы; үшіншіден – мықтылығы. Соңғы қасиеті төменгі жақсүйектің жылқының ұзақ мерзімде қозғалыста болатыны ескерілсе керек.

Жұқа сүйек табағы ұршықтың қосымша бөлігі болып табылады. Себебі жұқа сүйек табағының ортасындағы тесігінің екінші ұршық бөлшегімен бірдей, яғни 8,5 мм. Жұқа сүйек табағының жоғарғы беті ерекше тегіс өңделмеген.

Үшінші табылған тұрмыстық зат ретінде айтатынымыз жоғарыда айтылған тесігі бар жұқа сүйек табағының екінші құрамдас, ұршық бөлігінің негізгісі. Бұның біріншіден айырмашылығы өте қалың (40мм.) жұмыр және жатық өңделмеген, ортасында 8,5 диаметрлі тесігі бар. Ұршықтың беттеріндегі өрнектерге ұқсаған дақтар белгілері өсімдіктің тамырының қалдырған іздері екені басқа да жануарлар сүйектерінен де табылғаны оған айғақ болады. Сонымен бірге оба үйіндісінің жер бетін-

дегі бөлігінің жоғарғы қабатындағы жануарлар сүйегімен бірге тасталғаны өлген адамның осы ұршықты жасағаны дәлел бола ма деген ойдамыз.

Төртінші тұрмыстық зат ұсақ үй жануарының сирақ сүйегінен (кәрі жілік) жасалған «Шүмек». Қуыс сүйек – проксимальді жағында антропогенді өңдеуден өткен. Ал ішкі жағы басынан бастап аяғына дейін ұқыпты түрде тазаланған, оның ішіндегі қызыл сүйек кемігінен арылып әбден тегістелген, аумағы 6,5 мм x 1,0 см., сопақша формалы. Тесіктің төменгі жағы қиғаштанып егілген. Тесіктің қарама – қарсы жағы мүжіліп сынған. Сондықтан да оның орны бүтін бе, жоқ па белгісіз. Кәрі жіліктің дистальді бөлігі кесілген. Сүйек бетінде өсімдіктер тамырының қалдырған дақтары және жартылай жанған, қап – кара түсті ағаш күлінің белгілері бар, бірақ та сүйектер күймеген. Соңғы айтылған дәлелдер жағылған оттың басқа бір мақсатта қолданылғанын айта кетуіміз керек. Бұл жайында ағаш күлдері құрылыс мақсатында немесе басқа мақсатта да пайдалануы мүмкін. Ал төртінші тұрмыстық зат ер баланың бесікке бөлегендегі «шүмегі» ретінде пайдалануы мүмкін.

Шілікті 1 №36 қорғаннан табылған кейбір мал сүйектерінің сараптамалары

Төрт түрлі жануарлардың бар болғаны анықталды. Жылқы, ұсақ мүйізді малдар. Ін жасап мекендеген қарсақ, суырлар болды. Қарсақ пен суыр топамалары болды. Жануарлардың сүйектеріне қар 51 сүйектен құралады. Атап айтқанда бас сүйек фрагменттері, алдыңғы және артқы жіліктері, басқа да аңдардың бар жоғы қазіргі кезде идентификация жұмыстарын жүргізілуде.

Сипаттама жасалған жануарлар сүйектері арасынан сол кездегі қол өнердің қарқынды орын алғандығын, тұрмыстық заттардың бар болғандығын анықтадық. Сүйектерден жасалған сүйек ұршық, сонымен бірге өңделген ұсақ малдың асықтары бұған дәлел бола алады. Айта кетсек тоқыма өнері, малдың жүнін иіріп киімдер тоқу нақты негіз болады дейміз. Бұл жайындағы толық мағлұматтар остеологиялық, остеметриялық, трисиологиялық зерттеулер қорытындылары дәйекті түрде сипатталады.

Қорытындылай келе айтқанда №36 қорған соңғы жылдарда қазылған қорғандар сияқты жануарлар жақсы сақталған сүйек топтамасы шымдар мен құм топырақтарының беткі қабаттары арасынан табылды. Жануарлар түрлері үй жануарлары – ұсақ малдар (қой) мен жылқы, сиыр және жабайы аңдар сүйектерінен құралғаны анықталды.

Аталмыш үй-тұрмыстық зат – сүйек ұршық екі түрлі мал сүйектерінен жасалған. Жерленген адамның осы затты жасауға қатысы бар деген болжам айтқымыз келеді. Дегенменде, Шілікті қорғандарынан өте сирек табылып жүрген тоқыма киім фрагменттеріне қарамастан №36 оба қазба жұмысындағы маңызды мәселесі ретінде ауыз толтырып айтатын осы сүйек ұршық десек болады.

118-сурет. №36 оба. Үй жануарларының тұяқтары

119-сурет. №36 оба. Ұсақ малдың мойын омыртқа сүйектері

120-сурет. №36 об. Ұсақ малдың жілік сүйегінен жасалған екі басы ашық түтікше тәрізді өңделген сүйек

121-сурет. №36 об. Ұсақ малдың сүйектері

5

122-сурет. №36 об. Ұсақ малдың сүйектері

123-сурет. №36 об. Ұсақ малдың жан сүйектері

6

124-сурет. №36 об. Махланың тістері

7

125-сурет. №36 об. Махлардың (қой, қабан т.б.) асық сүйектері

126-сурет. №36 об. Ұсақ малдың омыртқа сүйектері

5. Геология и золотоносность Шиликтинской долины (д.г-м.н. Жаутиков Т.М.)

Шиликтинская долина – уникальнейшее творение природы, издавна служившая превосходным ландшафтом для древних кочевников. Мягкие зимы, слабый снежный покров, хороший разнообразный травостой и достаточная орошаемость ценились кочевниками уже в глубокой древности, о чем свидетельствуют огромные, величественные курганы, являющиеся наиболее характерной чертой здешнего пейзажа.

В морфологическом плане Шиликтинская долина (Рис.2) занимает территорию одноименной межгорной впадины, сформировавшейся в период кайнозойской (позднеальпийской) тектонической активности, и ограниченная по бортам системой региональных субширотных и северо-западных разломов, а на западе северо-восточного направления – уступом. Длина ее с юго-востока на северо-запад составляет 60 – 70 км, ширина 28 – 30 км. Естественными ограничениями ее являются на севере и северо-востоке хребты Манрак и Саур, а на юге – отроги хребта Восточный Тарбагатай, горные вершины которых достигают абсолютной отметки 2500 – 2900 м. В отличие от высокогорий Алтая и Тянь-Шаня, на упомянутых горных системах отсутствует типичный альпийский рельеф в связи с молодостью поднятий и незначительностью оледенений.

Поверхность долины имеет непрерывный наклон (1-20) с юго-востока на северо-запад, начинаясь с абсолютной отметки 1500 м и заканчиваясь на отметке 1000 – 1050 м (Рис.3). Геологическое строение рыхлых отложений долины (Рис.4), представленной внизу мощной толщей палеоген-неогеновых глин (водоупор), а в верхней части – обводненными грубообломочными аллювиальными, пролювиально-делювиальными (реже плювогляциальными) отложениями (галечник, гравий, песок и глины), создающими благоприятные условия формированию больших запасов грунтовых вод. Одной из уникальных особенностей долины является наличие резкого уступа (перегиба) ее поверхности на меридиане с. Шиликты, обусловившего образование заболоченной местности (отсюда и происходит название Шиликты), площадью 120 кв.км, и многочисленных родников. Выше места разгрузки подземных вод располагаются объекты археологических исследований – величественные сакские курганы, обозначающие следы зимовьев древних кочевников. В пробуренных в период 1950-1970 гг. гидрогеологических

скважинах до настоящего времени круглогодично происходит самоизлияние подземных вод, а в некоторых из них наблюдается поднятие столба воды до 4-5 м от поверхности земли. По данным гидрогеологов, эти подземные воды приурочены к мел-неогеновым и четвертичным пролювиально-делювиальным отложениям и имеют величину водонапора от 20 до 60 м. Залегают эти воды на глубинах от 0 до 100 м и характеризуются водопритоком 0,5 - 3,5 л/сек.

Целью наших (Т.М. Жаутиков, Ж.Б. Бейсембаева) полевых геологических исследований являлось установление в данной местности месторождений золота, а прежде всего россыпного золота, которое могло бы послужить источником сырья для изготовления различных изделий, найденных в сакских курганах. В этой связи остановимся на 3 вопросах, имеющих важное значение для решения различных аспектов археологических проблем.

1 Наличие вблизи стоянок ранних кочевников месторождений золота.

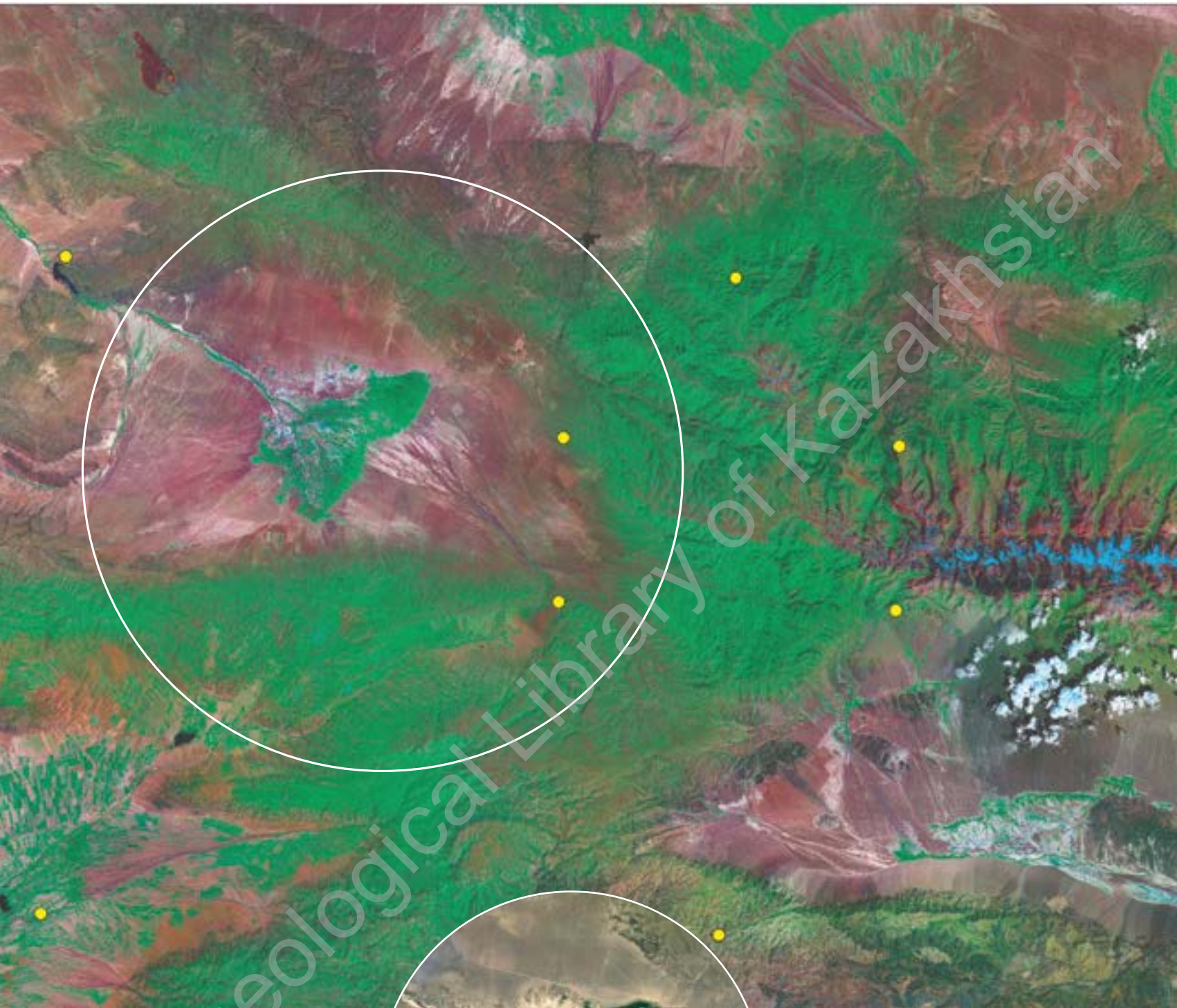
2 Значение Рудного и Южного Алтая и Калбы (Восточный Казахстан в развитии древней металлургии и горного дела по добыче золота, меди и олова.

3 Краткие сведения о домонетной истории золотодобычи в мире.

Проявления золота в восточной части Шиликтинской долины и в верховьях р. Шаганоба

В восточной части Шиликтинской долины в урочище Чаганоба (террасированная долина одноименной речки) расположены 3 кургана и одна яма с многочисленными шлаками древнего металлургического производства (Рис.5). В самом большом из этих курганов в 1909-1910 гг. семипалатинским гидротехником Г.Н. Бокием были произведены раскопки, которые были остановлены из-за сильного обвала стенок выработки. Позднее на этом участке раскопки не производились.

В 300 м севернее от этого кургана расположена яма со шлаками металлургического производства (Рис.6). Раскопки в 2006 году нами не производились, они намечены на сезон 2007 г. Предварительно следует отметить, что здесь обнаружены в разной степени обожженные, спекшиеся и в разной степени отшлакованные породы различного состава (гранит, слоистые осадочные породы, порфириды и др.), имеющие окатанную поверхность, т.е. это были речные валуны. Похоже, что все стенки выработки были отложены этими валунами. Остатков или каких-либо следов руд золота и меди не обнаружены. Скорее всего, обнаруженная яма являлась плавильной печью для выплавки шлихового золота. Само устройство печи сходно с медеплавильными, т.е. округлой формы пла-

Archaeological Library of Kazakhstan

вильная печь с диаметром не менее 5,5 - 6 м, к которой с востока подходит широкая (2,8 м) и длинная (21 м) канавка для обслуживания, а с запада — канавка шириной 2,2 м и длиной 9,3 м, послужившая, вероятно, для размещения устройства продувки. Описываемый район также богат каменными и бурыми углями, горючими сланцами (Кендерлыкское месторождение), а в непосредственной близости (в 3-5 км восточнее) имеются проявления бурых углей. Так что проблем с топливом для плавильной печи не было.

Выше от отмеченных курганов по речке Чаганоба наблюдаются хорошо выраженные террасы высотой 50 - 70 м, 12 - 17 м, 5 - 7 м и пойма (Рис.5). Нами в 2006 году взяты 5 шлиховых проб весом до 40 - 50 кг, которые были промыты тут же, на речке. Одной пробой были охарактеризованы косовые отложения поймы реки, а остальные взяты из базальных слоев отложений террас. Во всех пробах установлены знаки золота различной величины.

Однако «промышленная» добыча золота древними рудокопами производилась, вероятнее всего, выше по р. Шагоноба (в 14 км от Кургана на восток), в ее правом притоке — на р. Алтынказган. Здесь золотосодержащие россыпи установлены в отложениях ее первой и второй надпойменных террас. Длина россыпи порядка 5 - 6 км. Кроме того, богатые россыпи установлены в водораздельной части хребта Саур. Здесь в пробе весом 15 кг из щебнисто-галечных аллювиально-деллювиальных отложений установлены до 35 знаков золота.

Эти данные указывают, что добыча золота производилась здесь же и здесь же плавилась.

Восточный Казахстан – центр древнего горнорудного и металлургического производства

Несомненно, Восточный Казахстан с его уникальными по запасам и качеству руд месторождениями, размещенными в отчетливо выраженных металлогенических поясах, как Cu - Pb - Zn – Au - Ag Рудный Алтай, редкометальный (Sn, W, Mo) Калба-Нарымский и золоторудный — Западно-Калбинский, является одним из важнейших центров древнего горнорудного и металлургического производства. Об этом свидетельствуют многочисленные археологические находки, выявленные на этой территории (Рис.8).

Наиболее представительные археологические находки были обнаружены на оловянных месторождениях Мыншункур, Урунхай, Каракаин, Шалшы, Баймырза, Кырыкшурук, Чердоjak, Карасу и др. Найденные древние выработки полностью отражают строение и параметры разраба-

тываемых рудных тел. В пологозалегающих крупных рудных телах проходили открытые разрезы с дудками и целиками. На крутопадающих жилах на склонах гор находились штольни шириной 2,5 м и высотой 2 м. Иногда древние выработки представляли собой цепочки ям вдоль простираения рудного тела, где выборочно разрабатывались наиболее богатые участки.

Во многих из этих выработок найдены каменные орудия горного дела (кайла, кирка, молот и др.), сделанные из крепких и вязких пород (диабазы), легкие кайла и клинья из костей животных, а также орудия из бронзы.

Древние выработки золота встречены на месторождениях Казаншункур, Акжал, Боко, Жумба и др. Множество следов древних разработок находили на россыпных месторождениях золота по рекам Былкылдак, Агыныкатты, Шар, Буконь, Кулуджун и др. С.С. Черников (1949 г.) отмечает, что наиболее интересные коллекции археологических предметов собраны с древних стоянок Семипалатинска и Мало-Красноярки. Следует отметить что косовые отложения и береговые отмели близ Семипалатинска промывались на золото в 40-х годах прошлого столетия и до сих пор в государственном кадастре имеется много россыпных проявлений золота, приуроченных к аллювиальным отложениям реки Иртыш.

Несмотря на длительную отработку древними рудокопами россыпей Восточного Казахстана, эти месторождения все еще остаются богатыми и до сих пор представляют промышленный интерес в связи с усовершенствованием техники промывки песков и методов извлечения золота. Так, по первым статистическим данным В.А. Обручева (1911 г.) в 1891-1907 гг. на Южном Алтае было добыто 4600 кг золота, а количество приисков доходило до 144. Это были весьма богатые россыпи, в которых часто встречались самородки массой 0,9 – 2 кг с высокой (905 - 948) пробностью. Здесь же были выявлены самые крупные самородки Казахстана. В 1912 году на Касаткинском ключе прииска Жумба был найден самородок массой 6,5 кг, а в 1914 году на ручье Карооткель (Курчумский хребет) – самородок «Конская голова» весом 16,8 кг, в последующем подаренный императору России Николаю II хозяином приисков золото-промышленником Меновщиковым.

Все эти данные показывают, что золото из курганов древних кочевников, вероятнее всего, имеет местное происхождение. Несомненно, следует произвести тонкие аналитические исследования образцов золотых изделий с целью уточнения морфологии их внутренней структуры и элементного состава примесей для последующей идентификации их микро- и макроэлементным составом руд ближайших к Шиликтинской долине месторождений золота. Кроме того, археологические наход-

ки пока что ограничиваются эпохой андроновской культуры, хотя возможна золотодобыча и в более ранние периоды. Установление их следов должна стать одним из задач последующих археологических исследований.

Домонетная добыча золота начиналась в палеолите

Древнейшим известным человеку металлом считают золото. Металлическая масса, бросающаяся в глаза солнечно-желтая окраска должна была привлечь внимание самого нецивилизованного человека, в то время как другие вещества, также попадающиеся на пути, ничем не могли возбудить его едва проснувшейся способности наблюдения. Русский ученый академик В.И. Вернадский считает, что 6 - 7 тысяч лет назад уже шла кустарная добыча золота и в историческом плане, домонетный период добычи золота был более длительным, чем монетный. В Древнем Египте существовали рудники, разработки которых, судя по записям в папирусах и надписям на камнях, длились тысячелетия. Находки древнейшего золота относятся к неолитическим погребениям четвертого тысячелетия до нашей эры. На территории Египта обнаружен каменный нож, рукоятка которого отделена золотом. Также найдены золотые ожерелья, владелец которых был похоронен между 4100 и 3900 годами до н.э. Анализируя находки древнего золота в разных странах мира (Египет, Болгария, Пакистан и др.), ученые приходят к выводу, что человек знаком с золотом более шести тысяч лет.

В Казахстане наиболее древние изделия из золота, датируемые X IV-XII веками до н.э., найдены в могильниках Аксу-Аюлы (серьги в полтора оборота) и Айшрак (обоймы) в Центральном Казахстане. В то же время добыча золота на рудниках Алтая (Казаншункур, Боко, Акжал) и Центрального Казахстана (Степняк, Аксу) велась примерно 4500 лет назад, где обнаружены небольшие шахты и большее количество каменных орудий труда.

Пожалуй, одним из самых интересных находок в историческом плане является находка египетской «Карты золотых рудников», возраст которой около 3300 лет. Это самая древняя из известных в мире карт золоторудных месторождений, а также карт рудных месторождений вообще.

Все приведенные данные говорят о том, что в пределах Шиликтинской долины могут быть обнаружены более древние археологические находки (типа стоянок палеолита, более древние разработки месторождений и изделия из них, примитивные каменные орудия труда). При этом необходимо учесть, что Шиликтинская долина, сформировавшаяся в неогене (15 - 20 млн. лет назад), и получившая современное морфо-

логическое выражение в верхнем плейстоцене (0,3 - 0,5 млн. лет назад), служила пристанищем для многих поколений человечества (в том числе и для палеолита). Необходимы более фундаментальные и масштабные историко-геологические и археологические исследования Шиликтинской долины как эпохи древних кочевников, так и досакского периода останков (признаков) жизнедеятельности неолита и палеолита.

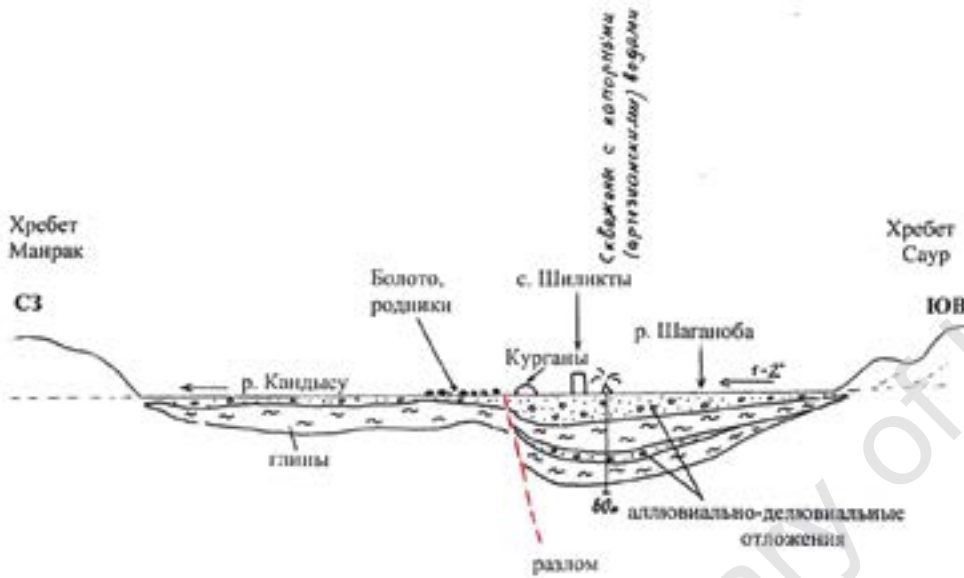

Рисунок 3. Продольная проекция Шиликтинской долины

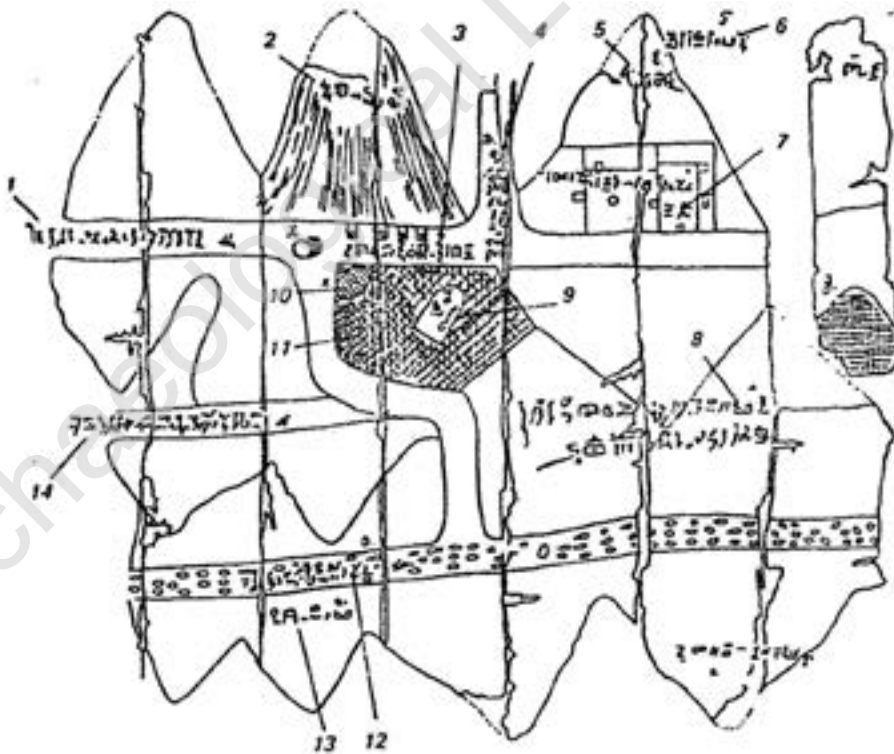

Рисунок 4. Стратиграфическая колонка рыхлых отложений Шиликтин долины.

Рисунок 5. Поперечный разрез долины р. Шаганоба с указанием мест расположения курганов и золотоплавильной печи.

Рисунок 6. Примерный план золотоплавильной печи вблизи кургана Шаганоба

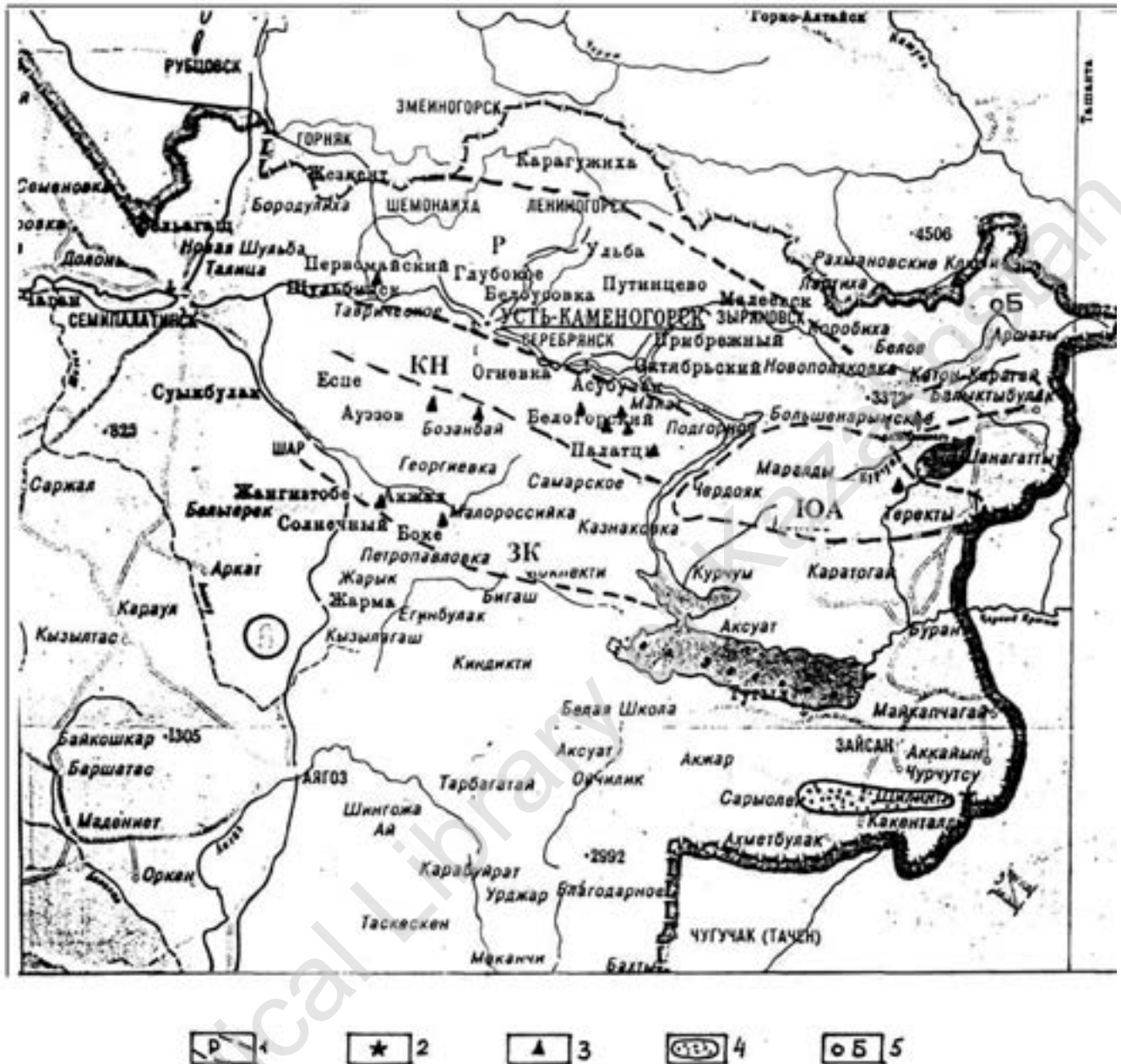

Рисунок 8. Обзорная карта Восточного Казахстана. Масштаб 1:3500000.

1-Важнейшие рудные районы Восточного Казахстана: Р - Рудно-Алтайский полиметаллический (Сu, Pb, Zn, Au, Ag); КН - Калба-Нарымский редкометальный (Sn, W, Mo); 3 - Западно-Калбинский золоторудный; ЮА - Южно-Алтайский золотороссыпной; 2-отдельные месторождения россыпного золота; 3 - древние выработки на месторождениях Au, Sn и Cu; 4 - Шиликтинская долина; 5 - Курган Берель.

6. Результаты металлографических исследований (Институт Геологии)

Область 1-Берар
Все результаты в пробах в %

Спектр	Cu	Ag	Au	Плат
Спектр 1	1,77	8,69	84,81	100,00
Спектр 2	1,49	4,44	84,39	100,00
Спектр 3	1,57	4,67	83,95	100,00
Среднее	1,54	4,56	84,22	100,00
Станд. отклонение	0,21	0,66	0,34	
Макс.	1,77	4,67	84,81	
Мин.	1,57	3,82	83,95	

Область 2-Блакка
Все результаты в пробах в %

Спектр	Cu	Ag	Au	Плат
Спектр 1	0,88	2,18	83,28	100,00
Спектр 2	1,21	2,06	83,72	100,00
Спектр 3	0,73	1,48	83,49	100,00
Среднее	0,93	2,01	83,35	100,00
Станд. отклонение	0,25	0,28	0,39	
Макс.	1,21	2,18	83,49	
Мин.	0,73	1,48	83,72	

Область 3-Блакка
Все результаты в пробах в %

Спектр	Ag	Au	Мин
Спектр 1	0,18	87,82	100,00
Спектр 2	0,24	83,88	100,00
Спектр 3	2,80	87,10	100,00
Среднее	0,27	87,18	100,00
Станд. отклонение	0,20	0,06	
Макс.	2,84	87,82	
Мин.	0,18	83,88	

Область 4-Блакка
Все результаты в пробах в %

Спектр	Cu	Ag	Au	Плат
Спектр 1	0,89	3,00	86,70	100,00
Спектр 2	0,12	3,88	88,17	100,00
Спектр 3	0,17	1,21	86,90	100,00
Среднее	0,35	3,41	86,81	100,00
Станд. отклонение	0,08	0,3	0,28	
Макс.	0,89	4,27	88,10	
Мин.	0,17	3,69	86,86	

Область 5-Блакка
Все результаты в пробах в %

Спектр	Cu	Ag	Au	Плат
Спектр 1	1,10	6,32	97,77	100,00
Спектр 2	1,00	4,39	99,85	100,00
Спектр 3	2,17	7,71	96,67	100,00
Среднее	1,39	6,40	98,26	100,00
Макс.	2,17	7,71	97,77	
Мин.	1,00	4,39	96,67	

Область 6-Блакка
Все результаты в пробах в %

Спектр	Cu	Ag	Au	Плат
Спектр 1	0,21	3,45	87,15	100,00
Спектр 2	1,58	5,27	82,80	100,00
Спектр 3	0,85	6,01	83,88	100,00
Среднее	1,04	6,44	82,92	100,00
Станд. отклонение	0,71	0,77	0,67	
Макс.	1,58	6,01	83,88	
Мин.	0,85	5,07	82,18	

Область 7-Блакка
Все результаты в пробах в %

Спектр	Fe	Cu	Ag	Au	Мин
Спектр 1	0,11	0,3	3,27	26,47	100,00
Спектр 2	0,00	0,45	0,12	82,73	100,00
Спектр 3	0,7	0,27	1,20	81,65	100,00
Среднее	0,27	0,27	1,54	83,63	100,00
Станд. отклонение	0,17	0,14	2,48	2,32	
Макс.	0,7	0,45	1,20	82,47	
Мин.	0,11	0,3	3,27	21,65	

Область 8-Блакка
Все результаты в пробах в %

Спектр	Fe	Ag	Au	Плат
Спектр 1	0,00	1,82	87,7	100,00
Спектр 2	0,24	0,19	86,81	100,00
Спектр 3	0,30	4,41	86,90	100,00
Среднее	0,17	2,23	86,92	100,00
Станд. отклонение	0,17	1,27	1,10	
Макс.	0,30	4,41	87,7	
Мин.	0,00	1,82	87,7	

Образец 14002
Всe результаты в промилле ‰

Спектр	В	Fe	Ca	Ag	Au	Пгб
Спектр 1	0,44	0,20	0,24	0,38	90,16	100,00
Спектр 2	0,02	0,08	0,09	0,14	80,07	100,00
Спектр 3	0,11	0,12	0,10	0,30	80,01	100,00
Среднее	0,17	0,10	0,11	0,28	84,48	100,00
Сред. стандартное откл.	0,07	0,08	0,03	0,08	1,44	0,00
Макс.	0,11	0,40	0,40	4,30	90,30	
Мин.	0,40	0,00	0,00	0,00	92,07	

Образец 14003
Всe результаты в промилле ‰

Спектр	В	Fe	Ca	Ag	Au	Пгб
Спектр 1	0,62	0,20	0,31	0,50	90,36	100,00
Спектр 2	0,12	0,20	0,31	0,36	80,17	100,00
Спектр 3	0,62	0,17	0,15	4,37	84,30	100,00
Среднее	0,44	0,17	0,28	4,90	84,90	100,00
Сред. стандартное откл.	0,14	0,08	0,03	1,07	1,48	0,00
Макс.	0,67	0,20	0,40	0,66	90,36	
Мин.	0,40	0,17	0,31	0,36	84,47	

Образец 14004
Всe результаты в промилле ‰

Спектр	В	Fe	Ca	Ag	Au	Пгб
Спектр 1	0,95	0,40	4,48	94,11	100,00	
Спектр 2	0,62	0,38	4,63	94,17	100,00	
Спектр 3	0,35	0,07	0,32	92,99	100,00	
Среднее	0,64	0,28	5,11	94,09	100,00	
Сред. стандартное откл.	0,29	0,17	1,03	0,94	0,00	
Макс.	0,95	0,47	5,12	94,17		
Мин.	0,35	0,38	4,49	92,99		

Образец 14005
Всe результаты в промилле ‰

Спектр	В	Fe	Ca	Ag	Au	Пгб
Спектр 1	0,95	0,10	0,40	4,17	94,71	100,00
Спектр 2	0,40	0,17	0,69	4,90	94,00	100,00
Спектр 3	0,61	0,27	0,45	7,03	91,01	100,00
Среднее	0,64	0,10	0,51	4,38	94,58	100,00
Сред. стандартное откл.	0,19	0,08	0,18	0,38	0,41	0,00
Макс.	0,67	0,27	0,69	7,38	91,01	
Мин.	0,40	0,10	0,40	4,17	94,71	

Образец 14006
Всe результаты в промилле ‰

Спектр	В	Fe	Ca	Ag	Au	Пгб
Спектр 1	0,01	0,30	5,11	0,11	84,88	100,00
Спектр 2	0,27	0,30	8,29	1,14	95,18	100,00
Спектр 3	0,03	0,38	4,09	0,00	95,27	100,00
Среднее	0,10	0,33	4,51	0,07	91,88	100,00
Макс.	0,01	0,30	5,11	1,14	95,18	
Мин.	0,03	0,38	4,09	0,00	95,27	

Образец 14007
Всe результаты в промилле ‰

Спектр	В	Fe	Ca	Ag	Au	Пгб
Спектр 1	0,64	0,00	0,48	4,90	94,21	100,00
Спектр 2	0,63	0,02	0,17	2,90	97,01	100,00
Спектр 3	0,02	0,20	0,29	2,78	91,69	100,00
Среднее	0,43	0,07	0,31	5,11	94,30	100,00
Сред. стандартное откл.	0,17	0,07	0,13	1,30	1,51	0,00
Макс.	0,64	0,02	0,40	4,90	97,01	
Мин.	0,02	0,00	0,17	2,30	94,00	

Образец 14002
Всe результаты в промилле ‰

Спектр	Ag	Au	Пгб
Спектр 1	8,50	19,41	100,00
Спектр 2	0,34	50,10	100,00
Спектр 3	0,78	49,31	100,00
Среднее	1,04	39,58	100,00
Сред. стандартное откл.	1,48	1,48	0,00
Макс.	8,50	59,81	
Мин.	0,34	59,41	

Образец 14003
Всe результаты в промилле ‰

Спектр	Fe	Ca	Ag	Au	Пгб
Спектр 1	0,78	0,40	4,11	94,09	100,00
Спектр 2	0,12	0,20	0,30	80,17	100,00
Спектр 3	0,28	0,23	0,78	88,88	100,00
Среднее	0,18	0,20	1,64	86,06	100,00
Сред. стандартное откл.	0,10	0,07	0,30	0,13	0,00
Макс.	0,78	0,40	4,47	94,88	
Мин.	0,12	0,20	0,78	84,90	

Образец 14004
Всe результаты в промилле ‰

Спектр	Fe	Ca	Ag	Au	Пгб
Спектр 1	0,15	0,20	5,12	81,00	100,00
Спектр 2	0,07	0,30	5,11	85,00	100,00
Спектр 3	0,00	0,37	5,10	87,11	100,00
Среднее	0,08	0,28	5,12	84,38	100,00
Сред. стандартное откл.	0,05	0,07	0,21	0,22	0,00
Макс.	0,15	0,30	5,11	87,00	
Мин.	0,07	0,20	5,12	85,00	

Образец 14005
Всe результаты в промилле ‰

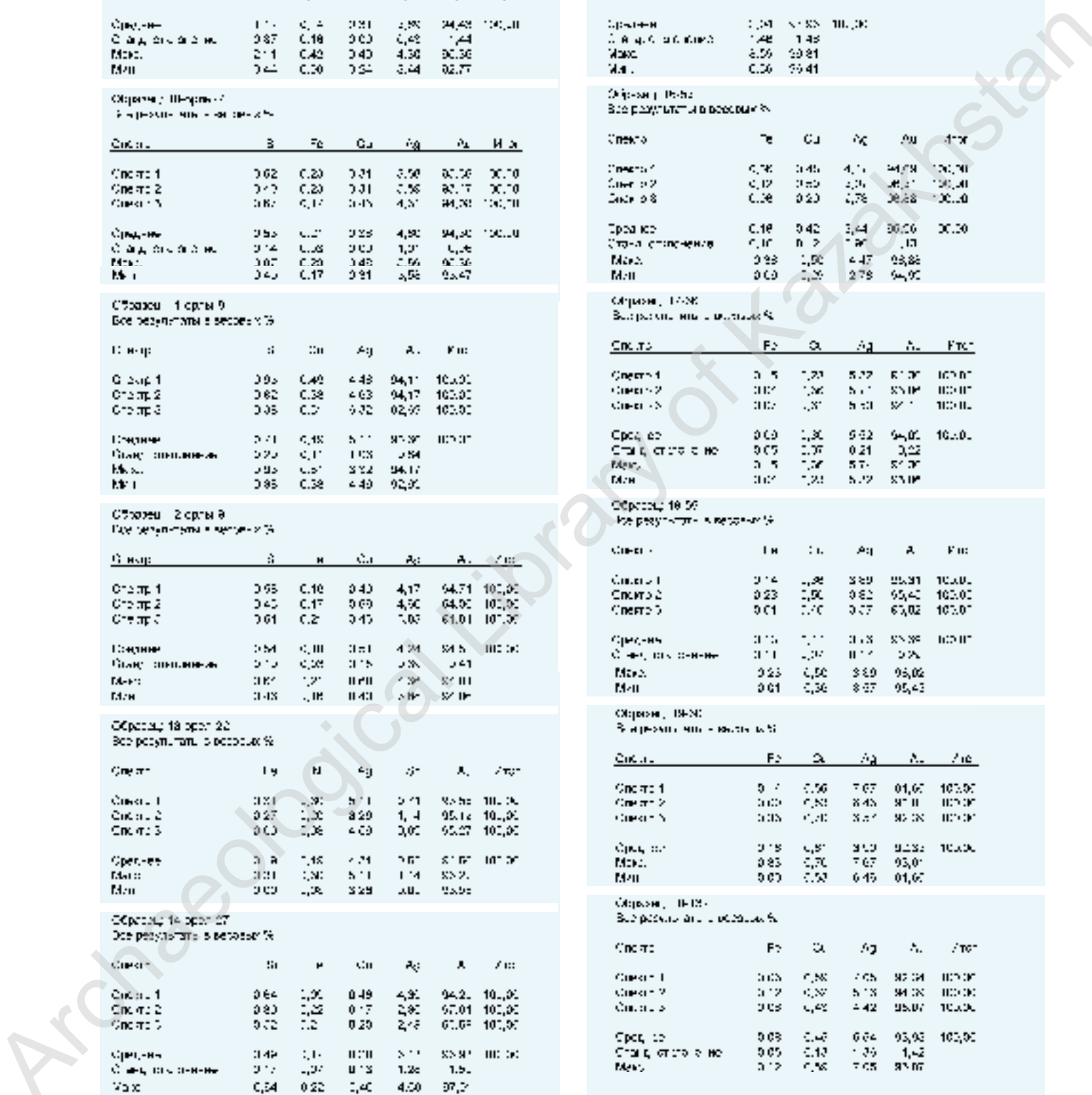
Спектр	Fe	Ca	Ag	Au	Пгб
Спектр 1	0,14	0,28	3,89	85,31	100,00
Спектр 2	0,23	0,30	0,62	95,40	100,00
Спектр 3	0,01	0,30	0,07	85,02	100,00
Среднее	0,13	0,27	0,18	88,58	100,00
Сред. стандартное откл.	0,11	0,07	0,17	0,28	0,00
Макс.	0,23	0,30	0,69	95,40	
Мин.	0,01	0,30	0,07	85,43	

Образец 14006
Всe результаты в промилле ‰

Спектр	Fe	Ca	Ag	Au	Пгб
Спектр 1	0,17	0,36	7,67	81,60	100,00
Спектр 2	0,00	0,30	8,45	87,11	100,00
Спектр 3	0,05	0,30	3,17	80,38	100,00
Среднее	0,18	0,30	3,10	82,88	100,00
Макс.	0,00	0,30	7,67	93,00	
Мин.	0,05	0,30	6,45	81,60	

Образец 14007
Всe результаты в промилле ‰

Спектр	Fe	Ca	Ag	Au	Пгб
Спектр 1	0,05	0,38	7,65	80,38	100,00
Спектр 2	0,12	0,30	5,13	84,38	100,00
Спектр 3	0,08	0,40	4,42	85,00	100,00
Среднее	0,08	0,38	6,04	83,93	100,00
Сред. стандартное откл.	0,05	0,10	1,30	1,42	0,00
Макс.	0,12	0,40	7,65	87,00	

Образец 21-162

Все результаты в весовых %

Спектр	Fe	Cu	Ag	Au	Плат
Спектр 1	0,10	0,10	2,11	97,98	100,00
Спектр 2	1,95	0,09	1,94	97,14	100,00
Спектр 3	0,17	0,29	1,67	98,17	100,00
Среднее	0,69	0,17	1,67	97,91	99,99
Станд. отклонение	0,85	0,10	0,47	0,29	
Макс.	1,95	0,11	2,11	98,17	
Мин.	0,10	0,09	1,64	97,14	

Образец 22-Блашко-1

Все результаты в весовых %

Спектр	Fe	Cu	Ag	Au	Плат
Спектр 1	0,11	0,18	0,65	92,73	99,99

Образец 23-Буба-1-2

Все результаты в весовых %

Спектр	Cu	Ag	Au	Плат
Спектр 1	0,0	4,27	34,78	100,00

Образец 24-Буба-1

Все результаты в весовых %

Спектр	Cu	Ag	Au	Плат
Спектр 1	0,41	0,12	30,17	100,00
Спектр 2	0,24	1,0	96,10	100,00
Спектр 3	0,21	5,0	94,93	100,00
Среднее	0,41	5,17	34,43	100,00
Станд. отклонение	0,10	0,91	0,87	
Макс.	0,21	0,12	30,10	
Мин.	0,21	1,0	94,47	

Образец 25-Блашко-9

Все результаты в весовых %

Спектр	Cu	Ag	Au	Плат
Спектр 1	0,69	4,0	36,18	100,00
Спектр 2	0,48	0,90	38,72	100,00
Спектр 3	0,74	0,90	34,29	100,00
Среднее	0,64	1,97	34,78	100,00
Станд. отклонение	0,10	0,90	0,17	
Макс.	0,74	0,90	36,18	
Мин.	0,48	1,00	34,72	

Образец 26-Буба-1

Все результаты в весовых %

Спектр	Cu	Ag	Au	Плат
Спектр 1	0,41	1,00	96,10	100,00
Спектр 2	0,21	1,00	98,40	100,00
Спектр 3	0,20	1,97	98,69	100,00
Среднее	0,28	0,99	96,72	100,00
Станд. отклонение	0,12	0,77	0,32	
Макс.	0,41	1,00	98,40	
Мин.	0,20	1,00	96,03	

Образец 27-Блашко-9

Все результаты в весовых %

Спектр	Cu	Ag	Au	Плат
Спектр 1	0,85	0,36	19,72	100,00
Спектр 2	0,45	0,20	34,22	100,00
Спектр 3	0,75	0,20	36,0	100,00
Среднее	0,68	0,26	30,03	100,00
Станд. отклонение	0,11	0,07	0,1	
Макс.	0,45	0,38	19,18	
Мин.	0,70	0,27	34,22	

Образец 28-Блашко-1

Все результаты в весовых %

Спектр	Cu	Ag	Au	Плат
Спектр 1	0,28	5,81	34,41	100,00
Спектр 2	0,38	3,83	36,79	100,00
Спектр 3	0,27	0,77	30,70	100,00
Среднее	0,31	1,90	34,00	100,00
Станд. отклонение	0,07	1,70	1,70	
Макс.	0,38	5,81	36,38	
Мин.	0,24	0,77	34,41	

Образец 29-Буба-1-4

Все результаты в весовых %

Спектр	Cu	Ag	Au	Плат
Спектр 1	0,11	1,11	34,70	100,00
Спектр 2	0,11	5,11	34,96	100,00
Спектр 3	0,24	4,3	34,38	100,00
Среднее	0,12	4,97	34,71	100,00
Станд. отклонение	0,07	0,87	0,27	
Макс.	0,11	5,11	34,98	
Мин.	0,01	1,07	34,00	

Образец 30-Буба-1-7

Все результаты в весовых %

Спектр	Cu	Ag	Au	Плат
Спектр 1	0,12	0,38	33,67	100,00
Спектр 2	0,26	4,37	33,31	100,00
Спектр 3	0,42	9,58	33,55	100,00
Среднее	0,26	0,70	34,32	100,00
Станд. отклонение	0,11	1,8	1,41	
Макс.	0,42	6,57	33,55	
Мин.	0,26	1,38	33,31	

Образец 31-Буба-1

Все результаты в весовых %

Спектр	Fe	Cu	Ag	Au	Плат
1	0,00	0,16	0,65	95,90	100,00
2	0,71	0,1	1,89	97,07	100,00
3	0,80	0,47	0,77	95,30	100,00
4	1,55	0,40	0,41	95,31	100,00
5	0,00	0,8	0,82	96,40	100,00
6	0,81	1,10	0,12	95,85	100,00
7	0,81	0,20	0,87	95,90	100,00

Образец 32-Буба-1-7

Все результаты в весовых %

Спектр	Fe	Cu	Ag	Au	Плат
Спектр 1	0,01	0,20	2,67	97,11	100,00
Спектр 2	0,21	0,10	1,12	95,51	100,00
Спектр 3	0,1	0,10	2,70	96,14	100,00
Среднее	0,04	0,14	1,99	96,46	100,00
Станд. отклонение	0,00	0,07	0,83	0,78	
Макс.	0,01	0,20	1,7	97,07	
Мин.	0,12	0,10	2,67	95,51	

Образец 33-Буба-1-5

Все результаты в весовых %

Спектр	Fe	Cu	Ag	Au	Плат
Спектр 1	0,42	0,31	4,72	94,53	100,00
Спектр 2	0,01	0,54	0,65	95,21	100,00
Спектр 3	0,01	0,50	0,03	94,24	100,00
Среднее	0,01	0,28	1,83	94,31	100,00
Станд. отклонение	0,11	0,18	0,83	0,4	
Макс.	0,41	0,54	5,03	94,21	
Мин.	0,01	0,01	0,03	94,24	

Образец 24-проход 47

Газотурбулентный анализ (%)

Образец	Fe	Cu	Ag	Au	Итого
Спектр 1	0,00	0,44	0,69	90,00	100,00
Спектр 2	0,00	0,50	0,69	90,40	100,00
Спектр 3	0,00	0,30	0,69	90,00	100,00
Среднее	0,00	0,41	0,69	90,00	100,00
Станд. отклонение	0,00	0,10	0,00	0,40	
Макс.	0,00	0,50	0,69	90,00	
Мин.	0,00	0,34	0,69	90,00	

Образец 25-проход 47

Всё результаты в проходе (%)

Образец	Fe	Cu	Ag	Au	Итого
Образец 1	0,00	0,39	0,69	90,90	100,00
Образец 2	0,00	0,58	0,69	90,20	100,00
Образец 3	0,04	0,50	0,77	90,20	100,00
Среднее	0,04	0,49	0,74	90,30	100,00
Станд. отклонение	0,02	0,10	0,00	0,10	
Макс.	0,04	0,69	0,77	90,20	
Мин.	0,00	0,30	0,69	90,10	

Образец 27-проход 47

Газотурбулентный анализ (%)

Образец	Fe	Cu	Ag	Au	Итого
Спектр 1	0,00	0,79	0,10	90,40	100,00
Спектр 2	0,00	0,70	0,10	90,20	100,00
Спектр 3	0,00	0,60	0,10	90,30	100,00
Среднее	0,00	0,69	0,10	90,00	100,00
Станд. отклонение	0,00	0,00	0,00	0,10	
Макс.	0,00	0,70	0,10	90,20	
Мин.	0,00	0,60	0,10	90,40	

Образец 37-проход 47

Газотурбулентный анализ (%)

Образец	Fe	Cu	Ag	Au	Итого
Спектр 1	0,38	0,67	0,00	10,40	100,00
Спектр 2	0,47	0,77	0,48	90,00	100,00
Спектр 3	0,67	1,14	0,69	90,00	100,00
Среднее	0,50	0,80	0,60	90,00	100,00
Станд. отклонение	0,11	0,20	0,40	0,00	
Макс.	0,60	1,14	0,60	90,00	
Мин.	0,00	0,30	0,60	90,00	

Образец 39-проход 49

Всё результаты в проходе (%)

Образец	Fe	Cu	Ag	Au	Итого
Образец 1	0,00	0,30	0,69	90,00	100,00
Образец 2	0,00	0,30	0,69	90,00	100,00
Образец 3	0,00	0,30	0,69	90,00	100,00
Среднее	0,00	0,30	0,69	90,00	100,00
Станд. отклонение	0,00	0,00	0,00	0,00	
Макс.	0,00	0,30	0,69	90,00	
Мин.	0,00	0,30	0,69	90,00	

Образец 29-проход 47

Всё результаты в проходе (%)

Образец	Fe	Cu	Ag	Au	Итого
Спектр 1	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
Спектр 2	0,00	0,70	0,00	90,00	100,00
Спектр 3	0,00	0,60	0,00	90,00	100,00
Среднее	0,00	0,65	0,00	90,00	100,00
Станд. отклонение	0,00	0,00	0,00	0,00	
Макс.	0,00	0,70	0,00	90,00	
Мин.	0,00	0,00	0,00	90,00	

Образец 30-проход 47

Всё результаты в проходе (%)

Образец	Fe	Cu	Ag	Au	Итого
Спектр 1	0,00	0,69	0,00	90,00	100,00
Спектр 2	0,00	0,60	0,00	90,00	100,00
Спектр 3	0,00	0,60	0,00	90,00	100,00
Среднее	0,00	0,60	0,00	90,00	100,00
Станд. отклонение	0,00	0,00	0,00	0,00	
Макс.	0,00	0,60	0,00	90,00	
Мин.	0,00	0,60	0,00	90,00	

Образец 41-проход 47

Всё результаты в проходе (%)

Образец	Fe	Cu	Ag	Au	Итого
Спектр 1	0,00	0,10	0,00	90,00	100,00
Спектр 2	0,00	0,10	0,00	90,00	100,00
Спектр 3	0,00	0,10	0,00	90,00	100,00
Среднее	0,00	0,10	0,00	90,00	100,00
Станд. отклонение	0,00	0,00	0,00	0,00	
Макс.	0,00	0,10	0,00	90,00	
Мин.	0,00	0,10	0,00	90,00	

Образец 42-проход 47

Всё результаты в проходе (%)

Образец	Fe	Cu	Ag	Au	Итого
Спектр 1	0,00	0,00	0,00	90,00	100,00
Спектр 2	0,00	0,00	0,00	90,00	100,00
Спектр 3	0,00	0,00	0,00	90,00	100,00
Среднее	0,00	0,00	0,00	90,00	100,00
Станд. отклонение	0,00	0,00	0,00	0,00	
Макс.	0,00	0,00	0,00	90,00	
Мин.	0,00	0,00	0,00	90,00	

Образец 40-проход 47

Всё результаты в проходе (%)

Образец	Fe	Cu	Ag	Au	Итого
Образец 1	0,00	0,00	0,00	90,00	100,00
Образец 2	0,00	0,00	0,00	90,00	100,00
Образец 3	0,00	0,00	0,00	90,00	100,00
Среднее	0,00	0,00	0,00	90,00	100,00
Макс.	0,00	0,00	0,00	90,00	
Мин.	0,00	0,00	0,00	90,00	

Образец 41-Филин-2¹

Все результаты в промилле ‰

Спектр	В	Na	Al	Si	Ca	Fe	Ag	Au	HgBr
Спектр 1	0,46	0,93	0,31	0,67	0,85	0,93	2,17	0,041	100,00

Образец 41-Филин-3

Все результаты в промилле ‰

Спектр	Fe	Ag	Au	HgBr
Спектр 1	0,7	2,94	96,93	100,00
Спектр 2	0,57	2,25	97,96	100,00
Спектр 3	0,42	2,18	97,40	100,00
Среднее	0,56	2,25	97,24	100,00

Образец 44-Филин-2

Все результаты в промилле ‰

Макс. 0,71 2,84 97,46

Мин. 0,37 2,73 96,96

Образец 44-Филин-2¹

Все результаты в промилле ‰

Спектр	В	Na	Kg	A	S	K	Cl	Fe	Ag	Au	HgBr
Спектр 1	0,45	0,87	0,18	0,47	1,15	0,07	0,04	0,45	2,40	91,43	100,00

Образец 40-Филин-2

Все результаты в промилле ‰

Спектр	Fe	Cl	Ag	A	HgBr
Спектр 1	0,29	0,81	0,10	1,871	100,00
Спектр 2	0,46	0,92	4,08	64,25	100,00
Спектр 3	0,20	3,97	4,14	65,83	100,00
Среднее	0,32	2,07	2,77	47,29	100,00
Макс. в спектре	0,46	0,94	0,28	1,02	
Мин.	0,20	3,82	4,14	63,81	

Образец 16-Филин-1

Все результаты в промилле ‰

Спектр	Fe	Cl	Ag	A	HgBr
Спектр 1	0,1	0,15	0,07	83,80	100,00
Спектр 2	0,3	0,47	4,68	84,74	100,00
Спектр 3	0,2	0,58	8,79	95,61	100,00
Среднее	0,18	0,30	4,73	87,61	100,00
Макс. в спектре	0,3	0,47	4,68	84,74	
Мин.	0,1	0,15	0,07	83,80	

Образец 46-Филин-2

Все результаты в промилле ‰

Спектр	Fe	Ag	Au	HgBr
Спектр 1	0,18	2,38	96,44	100,00
Спектр 2	0,27	2,42	97,31	100,00
Спектр 3	0,23	2,57	97,20	100,00
Среднее	0,23	2,45	96,96	100,00
Макс. в спектре	0,27	2,50	97,31	
Мин.	0,20	2,38	96,44	

Образец 47-Филин-1

Все результаты в промилле ‰

Спектр	Ag	A	HgBr
Спектр 1	3,00	87,02	100,00
Спектр 2	2,97	87,28	100,00
Спектр 3	2,95	87,31	100,00
Среднее	2,97	87,20	100,00
Макс. в спектре	0,79	1,76	
Мин.	2,70	86,97	
Мин.	2,75	87,42	

Образец 50-Филин-2

Все результаты в промилле ‰

Спектр	Ag	A	HgBr
Спектр 1	0,11	83,74	100,00
Спектр 2	2,19	82,14	100,00
Спектр 3	2,13	81,97	100,00
Среднее	0,90	82,61	100,00
Макс. в спектре	0,09	0,90	
Мин.	0,11	82,77	
Мин.	2,19	82,14	

Образец 48-Филин-2

Все результаты в промилле ‰

Спектр	Ag	A	HgBr
Спектр 1	0,10	87,17	100,00
Спектр 2	0,11	87,47	100,00
Спектр 3	0,10	87,14	100,00
Среднее	0,09	87,24	100,00
Макс. в спектре	0,09	0,88	
Мин.	0,13	86,96	
Мин.	0,04	84,47	

Образец 51-Филин-2

Все результаты в промилле ‰

Спектр	Cl	Ag	Au	HgBr
Спектр 1	0,49	8,00	91,49	100,00
Спектр 2	0,60	5,77	88,62	100,00
Спектр 3	0,40	4,90	84,70	100,00
Среднее	0,50	6,57	84,95	100,00
Макс. в спектре	0,08	0,07	0,03	
Мин.	0,03	0,11	41,48	
Мин.	0,45	4,54	86,67	

Образец 44-образец-1
Примесные элементы

Спектр	Fe	Cu	Ag	Au	Итого
Спектр 1	0,12	0,27	1,78	84,37	100,00
Спектр 2	0,07	0,29	8,25	81,37	100,00
Спектр 3	0,35	0,28	4,82	84,55	100,00
Среднее	0,18	0,27	4,92	93,18	100,00
Станд. отклонение	0,14	0,06	3,83	1,37	
Макс.	0,37	0,27	8,25	84,37	
Мин.	0,07	0,27	1,69	81,37	

Образец 63-образец-11
Все результаты в пробе № 5

Спектр	Fe	Cu	Ag	Au	Итого
Спектр 1	0,05	0,58	3,83	95,54	100,00
Спектр 2	0,21	0,56	3,63	95,50	100,00
Спектр 3	0,11	0,74	1,47	81,67	100,00
Среднее	0,12	0,60	3,81	95,47	100,00
Станд. отклонение	0,08	0,18	0,87	0,81	
Макс.	0,21	0,74	4,48	95,50	
Мин.	0,05	0,56	3,83	94,37	

Образец 45-образец-1
Все результаты в пробе № 5

Спектр	Fe	Cu	Ag	Au	Итого
Спектр 1	0,25	0,74	0,55	80,46	100,00
Спектр 2	0,29	0,39	1,07	84,27	100,00
Спектр 3	0,05	0,76	0,01	84,98	100,00
Среднее	0,18	0,50	0,81	93,42	100,00
Станд. отклонение	0,13	0,29	0,95	1,36	
Макс.	0,29	0,76	1,07	84,27	
Мин.	0,05	0,35	0,01	84,27	

Образец 15-образец-1
Все результаты в пробе № 5

Спектр	Fe	Cu	Ag	Au	Итого
Спектр 1	0,11	0,62	4,13	95,14	100,00
Спектр 2	0,14	0,44	4,23	94,19	100,00
Спектр 3	0,15	0,50	4,13	94,18	100,00
Среднее	0,12	0,50	4,13	94,50	100,00
Станд. отклонение	0,03	0,09	0,05	0,28	
Макс.	0,15	0,44	4,23	94,19	
Мин.	0,11	0,52	4,13	94,19	

Образец 18-образец-1
Все результаты в пробе № 5

Спектр	Fe	Cu	Ag	Au	Итого
Спектр 1	0,17	0,73	4,13	84,97	100,00
Спектр 2	0,18	0,53	5,17	74,12	100,00
Спектр 3	0,36	0,73	0,72	10,00	100,00
Среднее	0,18	0,52	1,52	80,72	100,00
Станд. отклонение	0,10	0,09	0,77	0,75	
Макс.	0,36	0,73	5,17	84,97	
Мин.	0,18	0,73	0,72	10,00	

Образец 57-образец-10
Все результаты в пробе № 5

Спектр	Fe	Cu	Ag	Au	Итого
Спектр 1	0,37	0,23	1,36	87,75	100,00
Спектр 2	0,10	0,29	2,5	86,77	100,00
Спектр 3	0,34	0,17	1,06	87,63	100,00
Среднее	0,27	0,25	1,61	87,19	100,00
Станд. отклонение	0,27	0,05	0,25	0,21	
Макс.	0,37	0,29	2,5	87,75	
Мин.	0,10	0,23	1,36	86,77	

Образец 58-образец-20
Все результаты в пробе № 5.

Спектр	Fe	Cu	Ag	Au	Итого
Спектр 1	0,15	0,28	0,64	84,93	100,00
Спектр 2	0,20	0,29	1,90	87,82	100,00
Спектр 3	0,11	0,25	0,01	84,97	100,00
Среднее	0,15	0,27	0,55	85,95	100,00
Станд. отклонение	0,05	0,02	1,08	1,57	
Макс.	0,20	0,29	0,64	87,82	
Мин.	0,11	0,25	1,90	84,97	

Образец 59-образец-02
Примесные элементы

Спектр	Fe	Cu	Ag	Au	Итого
Спектр 1	0,19	0,47	0,18	84,36	100,00
Спектр 2	0,10	0,46	0,47	84,97	100,00
Спектр 3	0,00	0,00	0,16	82,75	100,00
Среднее	0,10	0,46	0,17	84,01	100,00
Станд. отклонение	0,08	0,11	0,45	0,10	
Макс.	0,19	0,46	0,47	84,36	

Образец 10-образец-01
Примесные элементы

Спектр	Fe	Cu	Ag	Au	Итого
Спектр 1	0,11	0,31	1,27	84,27	100,00
Спектр 2	0,17	0,45	1,17	84,17	100,00
Спектр 3	0,14	0,12	1,19	84,57	100,00
Среднее	0,12	0,29	1,24	84,30	100,00
Станд. отклонение	0,02	0,11	0,05	0,14	
Макс.	0,14	0,45	1,25	84,20	
Мин.	0,10	0,22	1,19	84,17	

Образец 11-образец-01
Все результаты в пробе № 5

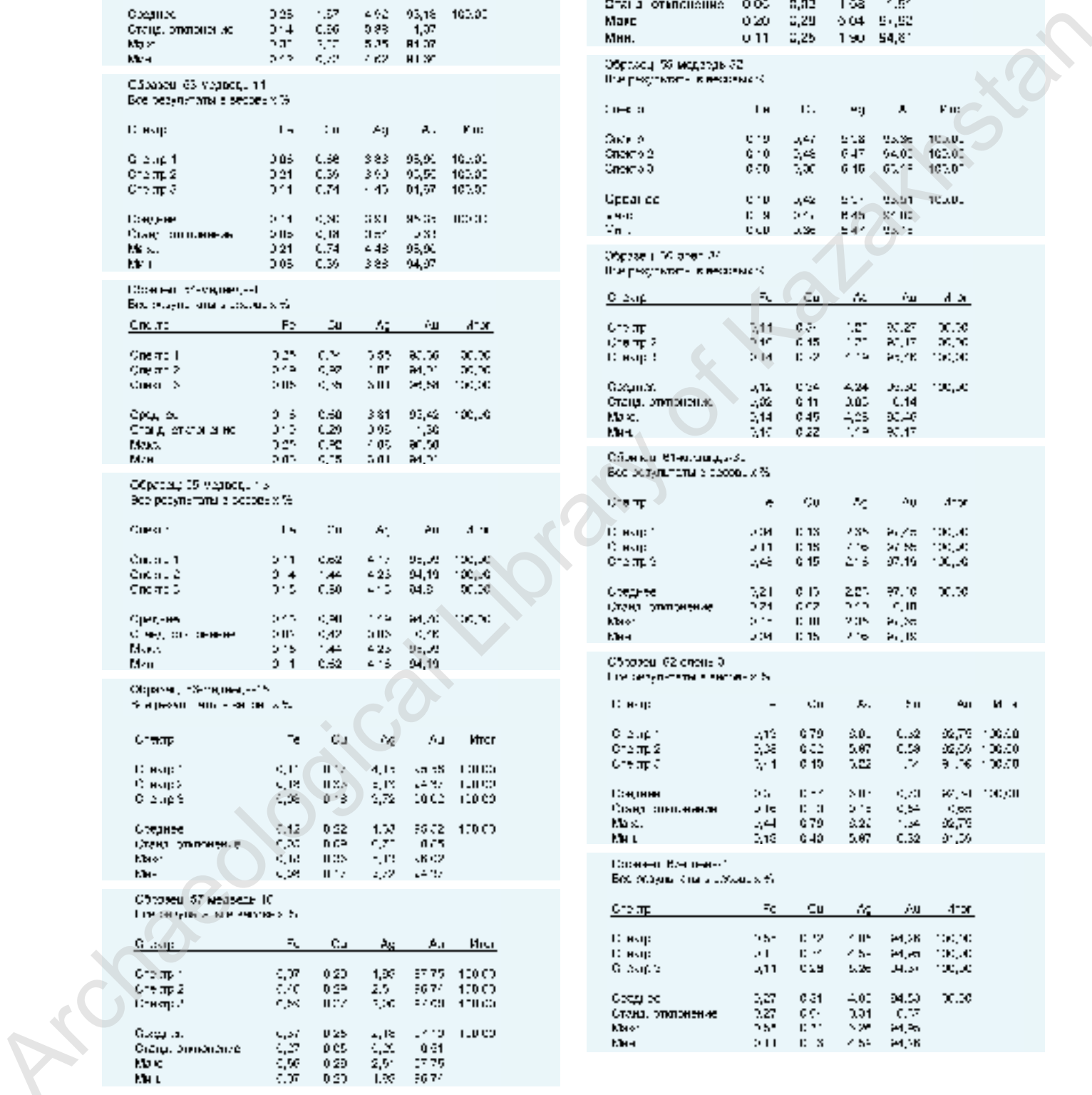
Спектр	Fe	Cu	Ag	Au	Итого
Спектр 1	0,04	0,18	0,35	84,75	100,00
Спектр 2	0,11	0,18	1,16	84,56	100,00
Спектр 3	0,46	0,15	2,13	87,19	100,00
Среднее	0,21	0,15	2,07	87,10	100,00
Станд. отклонение	0,24	0,07	0,73	0,10	
Макс.	0,46	0,18	2,13	84,56	
Мин.	0,04	0,15	1,16	84,18	

Образец 62-образец-0
Все результаты в пробе № 5

Спектр	Fe	Cu	Ag	Au	Итого	
Спектр 1	0,15	0,79	0,01	0,52	96,75	100,00
Спектр 2	0,38	0,02	0,87	0,59	96,26	100,00
Спектр 3	0,1	0,19	0,22	1,7	91,76	100,00
Среднее	0,21	0,27	0,37	0,71	96,24	100,00
Станд. отклонение	0,16	0,1	0,13	0,34	0,68	
Макс.	0,38	0,79	0,21	1,34	96,75	
Мин.	0,1	0,19	0,87	0,52	91,26	

Образец 48-образец-1
Все результаты в пробе № 5

Спектр	Fe	Cu	Ag	Au	Итого
Спектр 1	0,57	0,12	1,07	84,26	100,00
Спектр 2	0,1	0,17	1,57	84,16	100,00
Спектр 3	0,11	0,28	0,26	84,35	100,00
Среднее	0,27	0,21	1,01	84,50	100,00
Станд. отклонение	0,27	0,07	0,31	0,17	
Макс.	0,57	0,17	1,57	84,26	
Мин.	0,11	0,12	1,07	84,16	

Сборки 64 спел. 6
 Вос. результаты в сборке х%

С. сорт	И	Сп	Аз	Аи	Мн
С. сорт 1	0,27	0,21	3,24	18,48	10,00
С. сорт 2	0,26	0,03	3,07	18,69	10,00
С. сорт 3	0,10	0,05	3,0	16,0	10,00
Среднее	0,21	0,13	3,24	18,48	10,00
Сред. отклонен.	0,1	0,09	1,2	0,33	
Мак.	0,27	0,21	3,27	18,68	
Мин.	0,06	0,03	3,04	16,14	

Сборки 65 спел. 10

Вос. результаты в сборке х%

С. сорт	Fe	Ca	Ag	Au	Нтор
С. сорт	0,1	0,05	1,92	14,33	10,00
С. сорт 1	0,06	0,05	1,20	14,43	10,00
С. сорт 2	0,15	0,05	4,4	14,15	10,00
Среднее	0,16	0,02	2,37	14,43	10,00
Сред. отклонен.	0,06	0,07	1,54	0,28	
Мак.	0,27	0,07	1,92	14,78	
Мин.	0,1	0,05	1,1	14,33	

Сборки 66 спел. 16

Вос. результаты в сборке х%

С. сорт	Fe	Ca	Ag	Au	Нтор
С. сорт	0,17	0,32	1,32	16,21	10,00
С. сорт 1	0,17	0,26	1,17	16,67	10,00
С. сорт 2	0,17	0,05	4,86	14,02	10,00
Среднее	0,16	0,23	2,75	16,23	10,00
Сред. отклонен.	0,06	0,13	1,97	0,81	
Мак.	0,17	0,33	1,96	16,21	
Мин.	0,15	0,05	1,01	14,62	

Сборки 67 спел. 16

Вос. результаты в сборке х%

С. сорт	И	Сп	Аз	Аи	Мн
С. сорт 1	0,26	0,41	4,12	14,63	10,00
С. сорт 2	0,47	0,41	6,12	18,10	10,00
С. сорт 3	0,20	0,24	3,77	16,74	10,00
Среднее	0,31	0,35	4,6	14,43	10,00
Сред. отклонен.	0,13	0,1	1,16	1,36	
Мак.	0,47	0,41	6,12	18,74	
Мин.	0,23	0,24	3,77	16,10	

Сборки 68 спел. 11

Вос. результаты в сборке х%

С. сорт	Fe	Ca	Ag	Au	Нтор
С. сорт 1	0,07	0,04	0,07	0,54	10,00
С. сорт 2	0,21	0,23	2,05	10,30	10,00
С. сорт 3	0,19	0,08	0,05	11,21	10,00
Среднее	0,21	0,18	0,07	11,48	10,00
Сред. отклонен.	0,06	0,12	0,21	0,26	
Мак.	0,21	0,23	0,23	11,36	
Мин.	0,15	0,04	0,05	10,30	

Сборки 69 спел. 02

Вос. результаты в сборке х%

С. сорт	Ca	Ag	Au	Нтор
С. сорт 1	0,81	1,10	11,00	110,00
С. сорт 2	0,07	0,07	1,09	110,00
С. сорт 3	0,25	4,04	15,73	110,00
Среднее	0,38	0,57	14,03	110,00
Сред. отклонен.	0,32	1,74	1,69	
Мак.	0,61	7,10	15,73	
Мин.	0,07	4,04	11,00	

Сборки 70 спел. 71

Вос. результаты в сборке х%

С. сорт	И	Сп	Аз	Аи	Мн
С. сорт 1	0,24	0,23	3,44	18,82	10,00
С. сорт 2	0,18	0,03	3,16	14,18	10,00
С. сорт 3	0,32	0,27	3,36	14,35	10,00
Среднее	0,25	0,41	3,32	14,12	10,00
Сред. отклонен.	0,11	0,15	1,13	0,36	
Мак.	0,24	0,23	3,44	18,82	
Мин.	0,06	0,24	3,16	14,82	

Сборки 71 спел. 02

Вос. результаты в сборке х%

С. сорт	Fe	Ca	Ag	Au	Нтор
С. сорт	0,30	0,1	0,27	11,05	10,00
С. сорт 1	0,26	0,07	0,10	12,17	10,00
С. сорт 2	0,34	0,25	1,84	16,1	10,00
Среднее	0,3	0,12	0,58	11,89	10,00
Мак.	0,36	0,27	0,36	16,21	
Мин.	0,26	0,1	0,4	11,05	

Сборки 72 спел. 74

Вос. результаты в сборке х%

С. сорт	е	Ca	Ag	Au	Нтор
С. сорт 1	0,36	0,22	0,63	11,57	10,00
С. сорт 2	0,15	0,46	7,13	12,21	10,00
С. сорт 3	0,04	0,49	0,91	12,62	10,00
Среднее	0,17	0,38	2,73	11,8	10,00
Сред. отклонен.	0,15	0,26	3,03	0,31	
Мак.	0,34	0,75	1,13	11,57	
Мин.	0,04	0,22	0,63	11,21	

Сборки 73 спел. 11

Вос. результаты в сборке х%

С. сорт	Fe	Ca	Ag	Au	Нтор
С. сорт 1	0,03	0,48	4,23	12,36	10,00
С. сорт 2	0,05	0,27	4,34	12,32	10,00
С. сорт 3	0,15	0,20	3,33	11,27	10,00
Среднее	0,09	0,32	3,97	11,98	10,00
Сред. отклонен.	0,06	0,11	3,03	0,36	
Мак.	0,15	0,48	4,34	12,32	
Мин.	0,03	0,27	3,33	11,26	

Сборки 74 спел. 02

Вос. результаты в сборке х%

С. сорт	Ca	Ag	Au	Нтор
С. сорт 1	0,12	3,23	16,48	10,00
С. сорт 2	0,22	3,21	16,48	10,00
С. сорт 3	0,40	4,1	16,4	10,00
Среднее	0,25	3,47	16,17	10,00
Сред. отклонен.	0,11	0,47	0,27	
Мак.	0,48	4,1	16,48	
Мин.	0,12	3,21	16,47	

Сборки 75 спел. 11

Вос. результаты в сборке х%

С. сорт	Fe	Ca	Ag	Au	Нтор
С. сорт 1	0,21	3,87	0,22	14,13	10,00
С. сорт 2	0,70	3,41	4,70	14,21	10,00
С. сорт 3	0,77	3,45	5,30	13,63	10,00
Среднее	0,53	3,41	3,17	14,0	10,00
Сред. отклонен.	0,21	0,04	0,44	0,18	
Мак.	0,78	3,45	5,38	14,21	
Мин.	0,27	3,87	4,70	13,63	

Сборки 76 спел. 02

Вос. результаты в сборке х%

С. сорт	Fe	Ca	Ag	Au	Нтор
С. сорт 1	0,21	3,87	0,22	14,13	10,00
С. сорт 2	0,70	3,41	4,70	14,21	10,00
С. сорт 3	0,77	3,45	5,30	13,63	10,00
Среднее	0,53	3,41	3,17	14,0	10,00
Сред. отклонен.	0,21	0,04	0,44	0,18	
Мак.	0,78	3,45	5,38	14,21	
Мин.	0,27	3,87	4,70	13,63	

Спектр	Fe	Cu	Ag	Au	Плат
Спектр 1	0,09	0,17	1,47	84,38	100,00
Спектр 2	0,15	0,29	4,87	84,38	100,00
Спектр 3	0,13	0,28	4,85	85,08	100,00
Среднее	0,11	0,27	4,62	84,95	100,00
Станд. отклонение	0,07	0,16	3,22	0,00	
Макс.	0,15	0,29	1,87	84,38	
Мин.	0,09	0,17	1,47	84,38	

Образец 77 (образец 13)

Всё результаты в пробе XFS

Спектр	C	Ag	Au	Плат
Спектр 1	0,67	4,38	25,42	100,00
Спектр 2	0,67	4,58	24,68	100,00
Спектр 3	0,62	0,52	25,05	100,00
Среднее	0,67	4,04	25,03	100,00
Станд. отклонение	0,05	0,57	0,49	
Макс.	0,67	4,58	25,65	
Мин.	0,62	0,52	24,68	

Образец 78 (образец 14)

Всё результаты в пробе XFS

Спектр	C	Ag	Au	Плат
Спектр 1	0,25	5,63	94,28	100,00
Спектр 2	0,40	4,85	93,25	100,00
Спектр 3	0,25	7,42	90,78	100,00
Среднее	0,30	7,45	91,78	100,00
Станд. отклонение	0,10	1,15	1,00	
Макс.	0,40	5,63	94,28	
Мин.	0,25	3,42	94,28	

Образец 79 (образец 15)

Всё результаты в пробе XFS

Спектр	Cu	Ag	Au	Плат
Спектр 1	0,17	2,21	89,33	100,00
Спектр 2	0,15	2,04	87,73	100,00
Спектр 3	0,18	2,17	87,78	100,00
Среднее	0,15	2,14	89,26	100,00
Станд. отклонение	0,02	0,05	0,57	
Макс.	0,18	2,04	89,33	
Мин.	0,15	2,17	89,73	

Образец 80 (образец 16)

Всё результаты в пробе XFS

Спектр	Cu	Ag	Au	Плат	
Спектр 1	0,11	0,69	3,04	38,76	100,00
Спектр 2	0,12	0,17	0,57	58,50	100,00
Спектр 3	0,08	0,11	0,55	4,17	100,00
Среднее	0,11	0,33	1,05	34,22	100,00
Станд. отклонение	0,07	0,08	1,31	1,44	
Макс.	0,12	0,17	1,04	38,76	
Мин.	0,08	0,11	0,55	38,76	

Образец 81 (образец 17)

Всё результаты в пробе XFS

Спектр	Cu	Ag	Au	Плат	
Спектр 1	0,08	0,10	1,17	60,78	100,00
Спектр 2	0,09	0,11	0,10	58,57	100,00
Спектр 3	0,16	1,43	10,53	88,89	100,00
Среднее	0,11	0,24	1,08	66,55	100,00
Станд. отклонение	0,02	0,09	0,92	0,38	
Макс.	0,16	1,43	1,17	88,89	
Мин.	0,08	0,10	0,10	58,57	

Образец 82 (образец 18)

Всё результаты в пробе XFS

Спектр	Fe	Cu	Ag	Au	Плат
Спектр 1	1,07	0,77	5,93	82,76	100,00
Спектр 2	0,77	1,73	1,61	84,17	100,00
Среднее	0,92	0,67	3,77	84,47	100,00
Станд. отклонение	0,65	0,52	2,93	1,00	
Макс.	1,07	1,73	5,93	84,17	
Мин.	0,77	0,77	1,61	82,76	

Образец 83 (образец 19)

Всё результаты в пробе XFS

Спектр	C	Ag	Au	Плат
Спектр 1	1,42	7,68	14,85	100,00
Среднее	1,42	7,68	14,85	100,00
Станд. отклонение	0,00	0,00	0,00	
Макс.	1,42	7,68	14,85	
Мин.	1,42	7,68	14,85	

Образец 84 (образец 20)

Всё результаты в пробе XFS

Спектр	C	Ag	Au	Плат
Спектр 1	0,31	5,48	14,45	100,00
Спектр 2	0,42	0,90	28,68	100,00
Спектр 3	0,15	0,78	14,00	100,00
Среднее	0,29	2,32	17,71	100,00
Станд. отклонение	0,13	0,28	11,17	
Макс.	0,42	0,90	14,45	
Мин.	0,15	0,24	28,68	

Образец 85 (образец 21)

Всё результаты в пробе XFS

Спектр	Fe	Cu	Ag	Au	Плат
Спектр 1	0,02	0,4	0,80	65,74	100,00
Спектр 2	0,17	0,7	5,05	87,77	100,00
Спектр 3	0,09	0,27	1,31	83,07	100,00
Среднее	0,13	0,34	2,37	84,96	100,00
Станд. отклонение	0,03	0,17	0,65	1,04	
Макс.	0,17	0,7	6,05	87,74	
Мин.	0,02	0,27	1,31	83,07	

Образец 86 (образец 22)

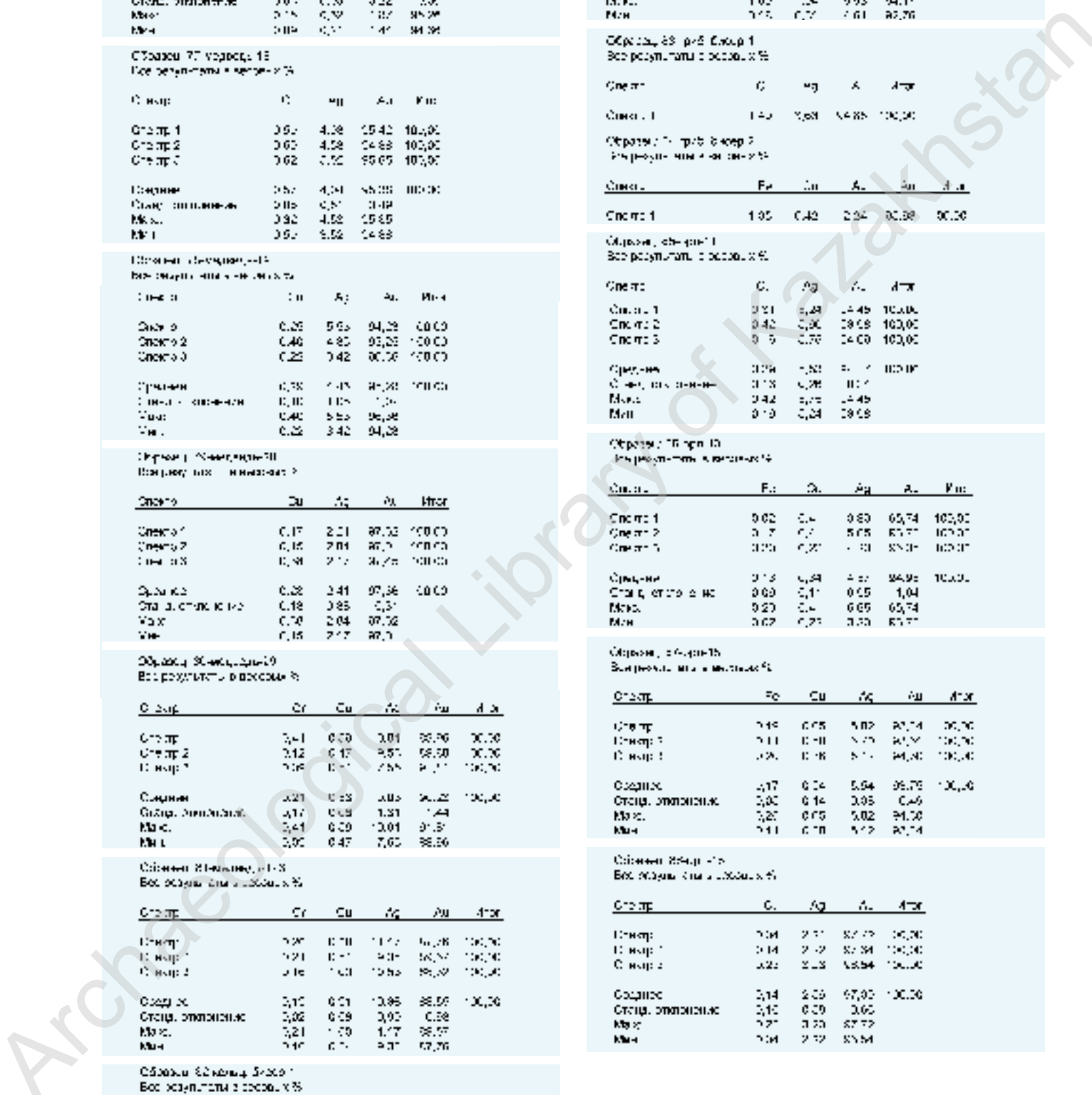
Всё результаты в пробе XFS

Спектр	Fe	Cu	Ag	Au	Плат
Спектр 1	0,18	0,05	5,02	87,74	100,00
Спектр 2	0,11	0,10	5,70	84,17	100,00
Спектр 3	0,28	0,18	5,17	84,10	100,00
Среднее	0,17	0,14	5,34	86,78	100,00
Станд. отклонение	0,03	0,14	0,65	0,46	
Макс.	0,28	0,18	5,02	84,10	
Мин.	0,11	0,10	5,17	84,14	

Образец 87 (образец 23)

Всё результаты в пробе XFS

Спектр	C	Ag	Au	Плат
Спектр 1	0,04	2,17	87,73	100,00
Спектр 2	0,14	2,12	87,84	100,00
Спектр 3	0,22	2,13	10,54	100,00
Среднее	0,14	2,09	67,80	100,00
Станд. отклонение	0,10	0,09	0,60	
Макс.	0,22	2,13	87,73	
Мин.	0,04	2,12	87,84	

Образец 14 (рис. 17)

Из результатов анализа > 5%

Спектр	Сu	Ag	Sn	Pb
Спектр 1	0,40	1,17	27,43	103,00
Спектр 2	0,14	2,74	27,12	103,00
Спектр 3	0,07	2,54	27,40	103,00
Среднее	0,20	2,15	27,32	103,00
Станд. отклонение	0,13	0,98	0,17	
Макс.	0,40	2,74	27,43	
Мин.	0,07	1,17	27,12	

Образец 15 (рис. 18)

Все результаты в процентах

Спектр	Сu	Ag	Sn	Pb
Спектр 1	0,19	2,35	28,23	103,00
Спектр 2	0,23	2,57	27,13	103,00
Спектр 3	0,20	2,32	27,42	103,00
Среднее	0,21	2,28	27,73	103,00
Станд. отклонение	0,02	0,10	0,14	
Макс.	0,23	2,57	27,42	
Мин.	0,19	2,32	27,13	

Образец 16 (рис. 18)

Из результатов анализа > 5%

Спектр	Fe	Sr	Ag	Au	Pb
Спектр 1	0,27	2,10	0,10	64,20	103,00
Спектр 2	0,17	1,30	1,00	67,00	103,00
Спектр 3	0,17	1,20	0,97	65,50	103,00
Среднее	0,18	1,40	0,99	65,60	103,00
Станд. отклонение	0,10	0,40	0,02	3,00	
Макс.	0,27	2,10	0,10	67,00	
Мин.	0,17	1,10	0,97	61,25	

Образец 17 (рис. 18)

Все результаты в процентах

Спектр	Сu	Ag	Au	Pb
Спектр 1	0,19	1,97	26,17	103,00
Спектр 2	0,25	2,20	26,53	103,00
Спектр 3	0,12	2,28	26,51	103,00
Среднее	0,19	2,10	26,40	103,00
Станд. отклонение	0,07	0,18	0,15	
Макс.	0,25	2,20	26,51	
Мин.	0,12	2,28	26,53	

Образец 18 (рис. 18)

Из результатов анализа > 5%

Спектр	Сu	Ag	Sn	Pb
Спектр 1	0,23	2,35	26,57	103,00
Спектр 2	0,23	2,25	26,64	103,00
Спектр 3	0,22	2,28	27,20	103,00
Среднее	0,23	2,29	26,77	103,00
Станд. отклонение	0,01	0,01	0,20	
Макс.	0,23	2,35	27,20	
Мин.	0,22	2,25	26,57	

Образец 19 (рис. 18)

Все результаты в процентах

Спектр	Ag	Au	Pb
Спектр 1	5,11	84,78	100,00
Спектр 2	7,15	85,25	100,00
Спектр 3	5,21	84,78	100,00
Среднее	5,82	84,93	100,00
Станд. отклонение	0,95	0,20	
Макс.	7,15	85,25	
Мин.	5,21	84,78	

Образец 20 (рис. 18)

Образец 21 (рис. 18)

Спектр	Сu	Ag	Au	Au
Спектр 1	0,45	4,54	64,65	100,00
Спектр 2	1,50	3,20	65,45	99,00
Спектр 3	0,09	4,72	67,29	100,00
Среднее	0,68	4,24	65,81	100,00
Станд. отклонение	0,21	0,50	0,60	
Макс.	1,50	4,54	67,45	
Мин.	0,09	3,20	64,29	

Образец 22 (рис. 18)

Все результаты в процентах

Спектр	Сu	Сu	Ag	Au	Au
Спектр 1	0,24	0,24	2,05	56,17	100,00
Спектр 2	0,24	0,23	2,02	56,54	100,00
Спектр 3	0,43	0,24	0,84	50,36	100,00
Среднее	0,31	0,25	1,64	54,36	100,00
Станд. отклонение	0,11	0,01	0,70	0,70	
Макс.	0,43	0,24	2,02	56,54	
Мин.	0,24	0,23	0,84	50,36	

Образец 23 (рис. 18)

Все результаты в процентах

Спектр	Fe	Сu	Ag	Au	Au
Спектр 1	0,11	0,17	5,80	54,50	100,00
Спектр 2	0,21	0,11	6,05	55,24	100,00
Спектр 3	0,11	0,60	5,25	55,27	100,00
Среднее	0,11	0,29	5,67	54,90	100,00
Станд. отклонение	0,05	0,24	0,40	0,26	
Макс.	0,21	0,60	6,05	55,24	
Мин.	0,11	0,11	5,25	54,50	

Образец 24 (рис. 18)

Из результатов анализа > 5%

Спектр	Fe	Сu	Ag	Au	Au
Спектр 1	0,20	0,20	2,17	57,00	100,00
Спектр 2	0,27	0,27	2,04	57,17	100,00
Спектр 3	0,17	0,17	2,15	56,70	100,00
Среднее	0,21	0,21	2,11	56,96	100,00
Станд. отклонение	0,05	0,15	0,05	0,10	
Макс.	0,27	0,27	2,17	57,17	
Мин.	0,17	0,17	2,04	56,70	

Образец 25 (рис. 18)

Из результатов анализа > 5%

Спектр	Fe	Сu	Ag	Au	Au
Спектр 1	0,27	0,27	2,10	54,00	100,00
Спектр 2	0,14	0,14	1,85	54,10	100,00
Спектр 3	0,24	0,24	2,21	53,28	100,00
Среднее	0,22	0,22	2,11	54,12	100,00
Станд. отклонение	0,10	0,10	0,25	0,44	
Макс.	0,27	0,27	2,21	54,10	
Мин.	0,14	0,14	1,85	53,28	

Образец 26 (рис. 18)

Все результаты в процентах

Спектр	Fe	Сu	Ag	Au	Au
Спектр 1	—	Сu <td>Ag <td>Au <td>Au</td> </td></td>	Ag <td>Au <td>Au</td> </td>	Au <td>Au</td>	Au
Спектр 2	0,20	0,20	5,05	55,34	100,00
Спектр 3	0,17	0,20	5,25	54,36	100,00
Спектр 4	0,15	0,25	3,67	52,56	100,00
Среднее	0,18	0,23	4,65	54,08	100,00
Станд. отклонение	0,02	0,03	0,71	0,20	
Макс.	0,20	0,25	5,25	54,36	
Мин.	0,15	0,20	3,67	52,56	

Образец 27 (рис. 18)

Образец 106 медаль 56
Все результаты в пробах %

Спектр	Fe	Cu	Ag	Au	Pt
Спектр 1	0,10	0,10	5,12	97,97	100,00
Спектр 2	0,10	0,10	5,09	97,97	100,00
Спектр 3	0,11	0,11	5,08	98,00	100,00
Среднее	0,10	0,10	5,10	97,98	100,00
Станд. отклонение	0,01	0,16	0,01	1,00	
Макс.	0,10	0,10	5,12	97,97	
Мин.	0,11	0,10	5,08	98,00	

Образец 107 медаль 57
Все результаты в пробах %

Спектр	Fe	Ag	Au	Pt
Спектр 1	0,03	4,34	10,62	100,00
Спектр 2	0,25	3,98	10,67	100,00
Спектр 3	0,07	1,36	10,30	100,00
Среднее	0,12	3,08	10,52	100,00
Станд. отклонение	0,12	0,90	0,17	
Макс.	0,25	4,34	10,69	
Мин.	0,03	1,36	10,67	

Образец 108 медаль 58
Все результаты в пробах %

Спектр	Fe	Cu	Ag	Au	Pt
Спектр 1	0,02	0,26	3,71	98,83	100,00
Спектр 2	0,07	0,26	3,45	98,06	100,00
Спектр 3	0,10	0,30	2,60	95,87	100,00
Среднее	0,07	0,27	3,26	97,47	100,00
Станд. отклонение	0,07	0,06	0,35	0,94	
Макс.	0,09	0,26	3,71	98,83	
Мин.	0,10	0,26	2,60	95,86	

Образец 109 медаль 59
Все результаты в пробах %

Спектр	Fe	Cu	Ag	Au	Pt
Спектр 1	0,10	0,46	4,32	95,07	100,00
Спектр 2	0,07	0,16	0,40	95,79	100,00
Спектр 3	0,11	0,11	1,30	96,25	100,00
Среднее	0,08	0,24	2,03	95,36	100,00
Станд. отклонение	0,01	0,14	0,49	1,31	
Макс.	0,11	0,46	4,32	95,07	
Мин.	0,10	0,16	0,40	95,79	

Образец 110 медаль 60
Все результаты в пробах %

Спектр	Cu	Ag	Au	Pt
Спектр 1	0,05	0,11	91,13	100,00
Спектр 2	0,09	0,28	89,63	100,00
Спектр 3	0,40	0,07	18,24	100,00
Среднее	0,07	0,15	90,00	100,00
Станд. отклонение	0,17	0,09	0,14	
Макс.	0,09	0,11	91,13	
Мин.	0,40	0,07	17,73	

Образец 111 медаль 61
Все результаты в пробах %

Спектр	Fe	Cu	Ag	Au	Pt
Спектр 1	0,05	0,56	96,06	100,00	
Спектр 2	0,07	0,60	96,12	100,00	
Спектр 3	0,05	0,86	96,11	100,00	
Среднее	0,06	0,61	96,08	100,00	
Станд. отклонение	0,03	0,12	0,20		
Макс.	0,07	0,86	96,11		
Мин.	0,05	0,56	96,12		

Образец 112 медаль 62
Все результаты в пробах %

Спектр	Fe	Ag	Au	Pt
Спектр 1	0,11	2,16	93,88	100,00
Спектр 2	0,05	2,47	97,18	100,00
Спектр 3	0,14	2,24	97,62	100,00
Среднее	0,10	2,29	97,25	100,00
Станд. отклонение	0,11	0,16	0,17	
Макс.	0,14	2,47	97,62	
Мин.	0,11	2,24	97,25	

Образец 113 медаль 63
Все результаты в пробах %

Спектр	Fe	Cu	Ag	Au	Pt
Спектр 1	0,10	0,48	9,62	92,40	100,00
Спектр 2	0,05	0,50	9,09	93,40	100,00
Спектр 3	0,09	0,30	9,15	91,00	100,00
Среднее	0,08	0,43	9,28	92,13	100,00
Станд. отклонение	0,03	0,12	0,23	1,84	
Макс.	0,10	0,48	9,62	93,40	
Мин.	0,05	0,30	9,09	92,40	

Образец 114 медаль 64
Все результаты в пробах %

Спектр	Fe	Cu	Ag	Au	Pt
Спектр 1	0,09	0,37	9,14	95,10	100,00
Спектр 2	0,15	0,4	9,88	93,58	100,00
Спектр 3	0,11	0,39	7,84	91,37	100,00
Среднее	0,12	0,38	8,95	93,32	100,00
Станд. отклонение	0,03	0,03	0,93	1,11	
Макс.	0,15	0,40	9,88	93,58	
Мин.	0,09	0,37	7,84	91,37	

Образец 115 медаль 65
Все результаты в пробах %

Спектр	Fe	Cu	Ag	Au	Pt
Спектр 1	0,07	0,26	2,05	90,40	100,00
Спектр 2	0,07	0,17	2,05	97,20	100,00
Спектр 3	0,10	0,10	2,15	96,30	100,00
Среднее	0,08	0,18	2,08	94,30	100,00
Станд. отклонение	0,02	0,03	0,05	0,40	
Макс.	0,07	0,17	2,05	97,20	
Мин.	0,10	0,17	2,15	96,28	

Образец 116 медаль 66
Все результаты в пробах %

Спектр	Fe	Cu	Ag	Au	Pt
Спектр 1	0,05	0,36	5,67	90,59	100,00
Спектр 2	0,05	0,12	5,01	91,36	100,00
Спектр 3	0,07	0,48	5,02	91,30	100,00
Среднее	0,06	0,31	5,37	91,08	100,00
Станд. отклонение	0,01	0,16	0,25	0,54	
Макс.	0,07	0,48	5,67	91,36	
Мин.	0,05	0,12	5,01	90,59	

Образец 117 медаль 67
Все результаты в пробах %

Спектр	Fe	Cu	Ag	Au	Pt
Спектр 1	0,11	1,16	1,40	96,30	100,00

Образец 118 медаль 68
Все результаты в пробах %

Спектр	Fe	Cu	Ag	Au	Pt
Спектр 1	0,09	0,38	9,19	94,00	100,00

Образец 119 медаль 69
Все результаты в пробах %

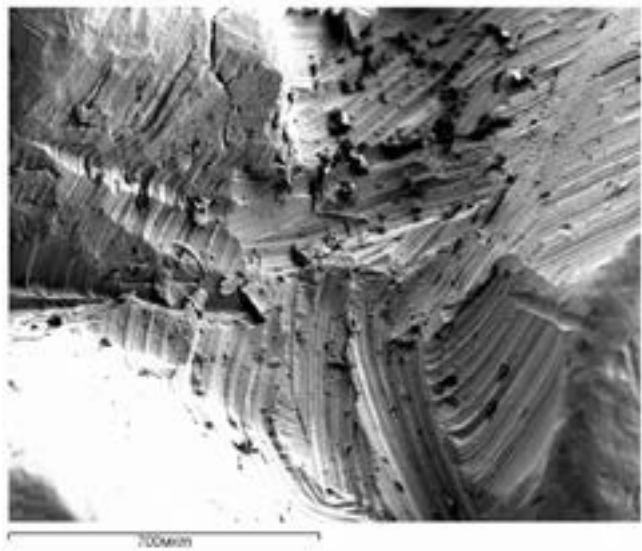
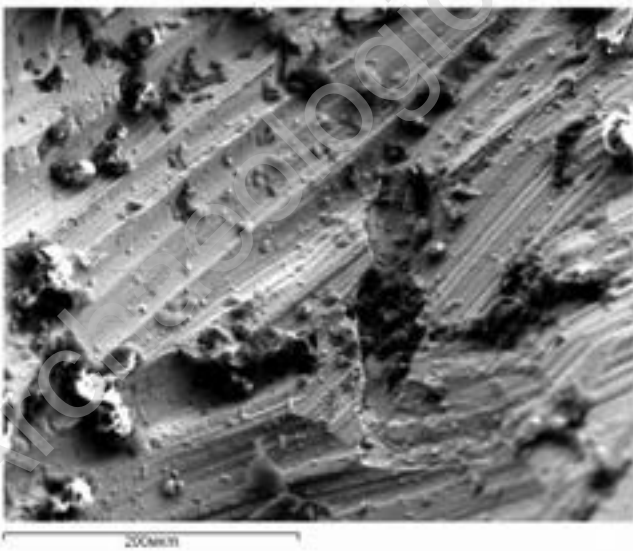
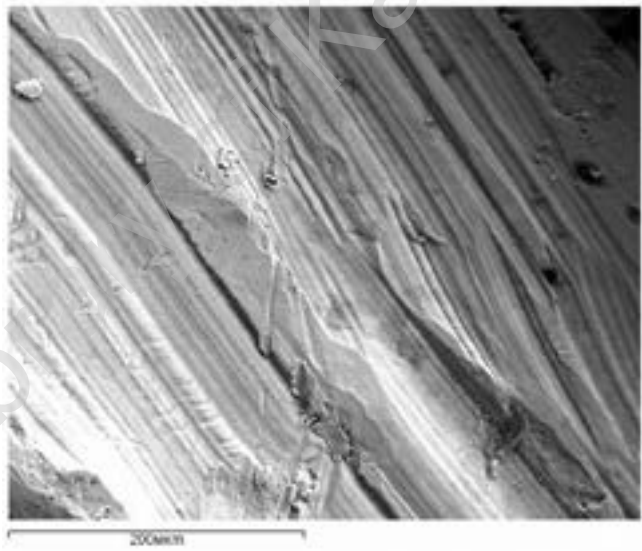
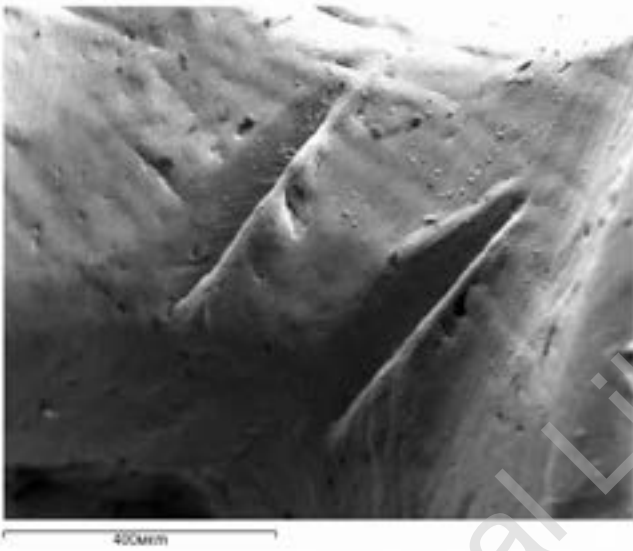
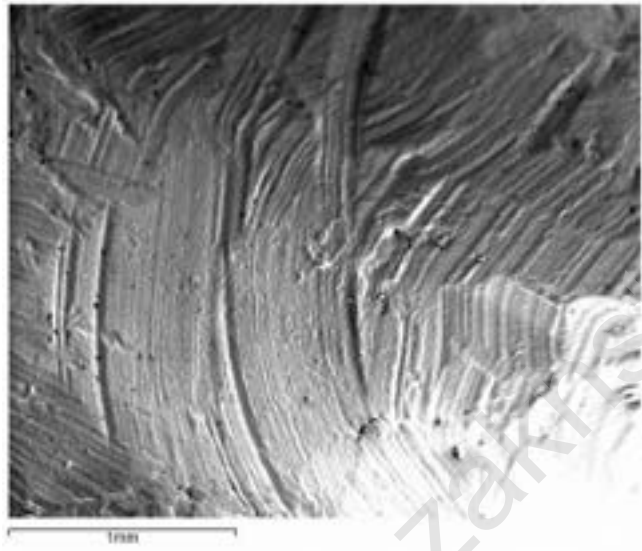
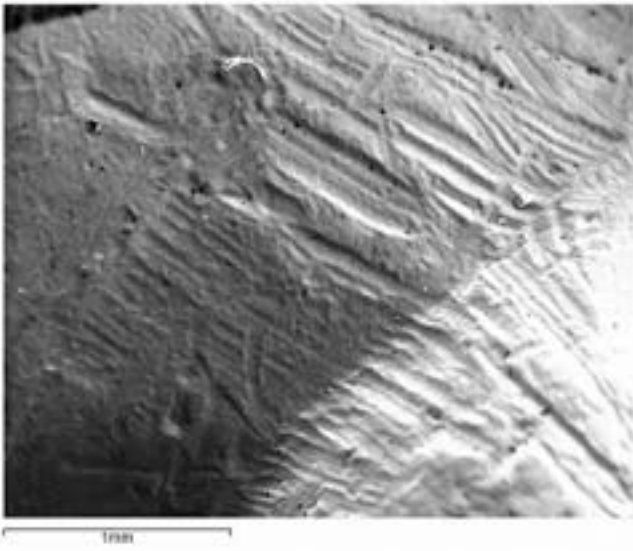
Спектр	Fe	Cu	Ag	Au	Pt
Спектр 1	0,07	0,34	4,77	94,50	100,00

Образец 120 медаль 70
Все результаты в пробах %

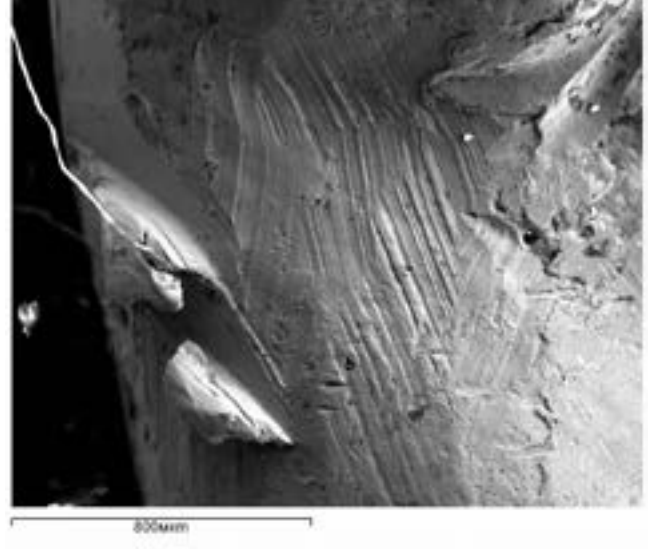
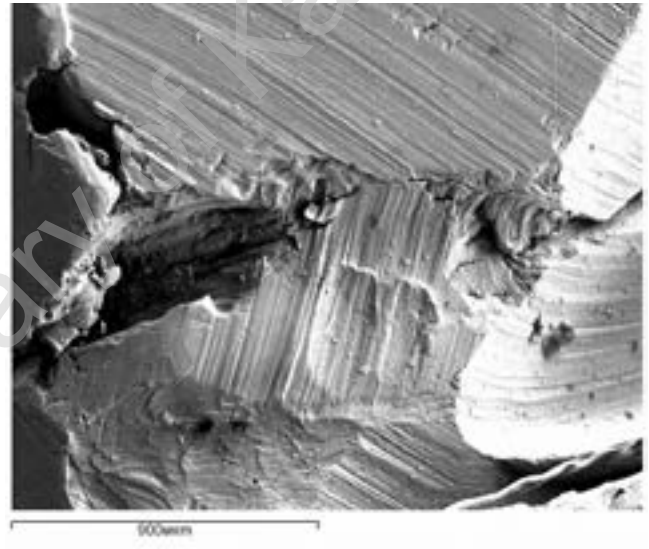
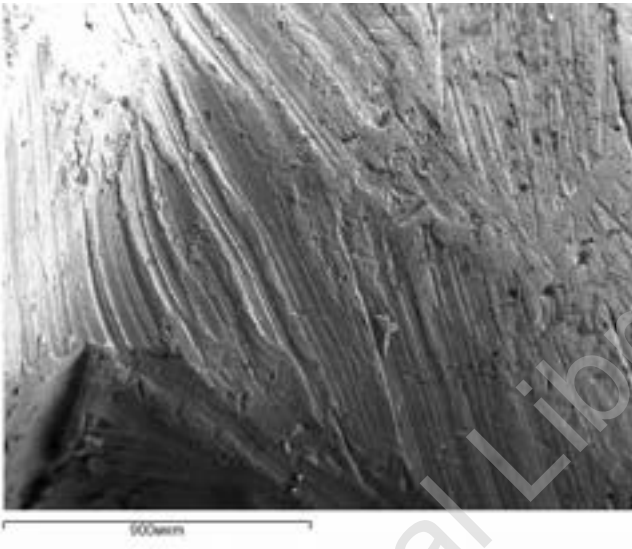
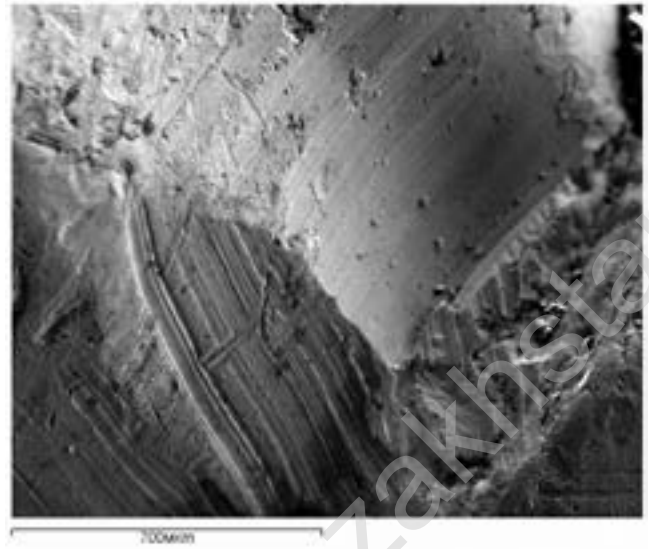
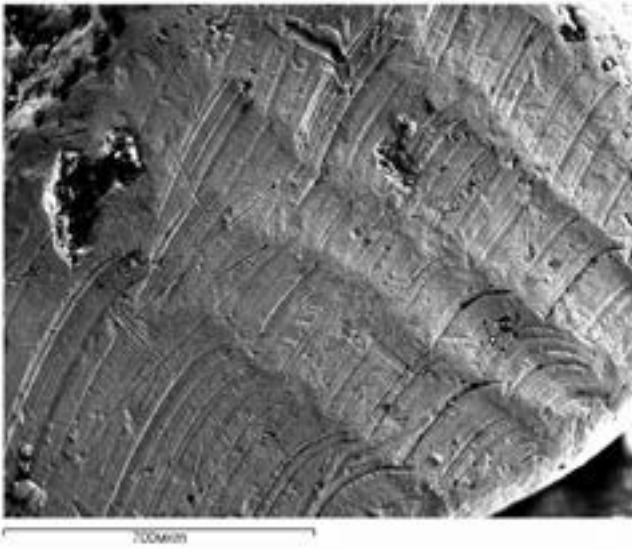
Спектр	Fe	Cu	Ag	Au	Pt
Спектр 1	0,18	0,09	1,30	98,48	100,00

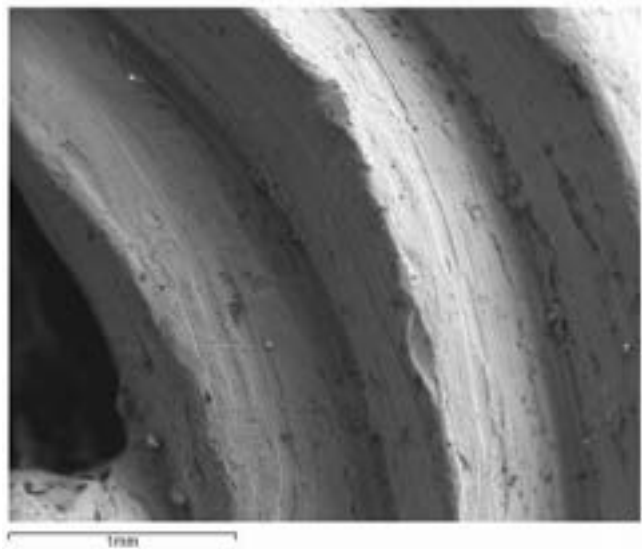
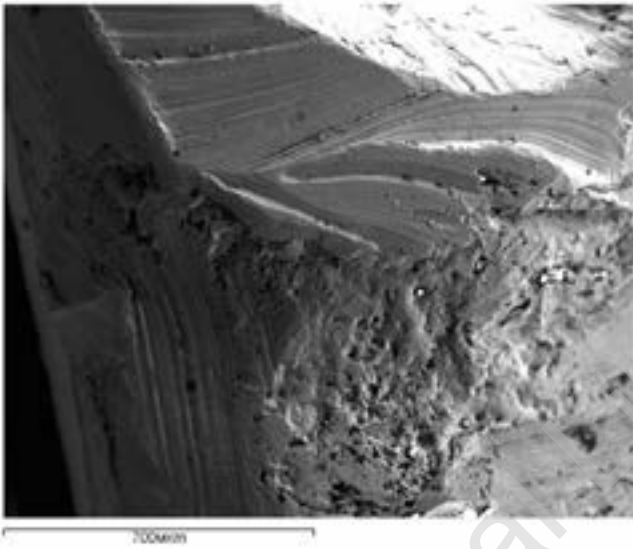
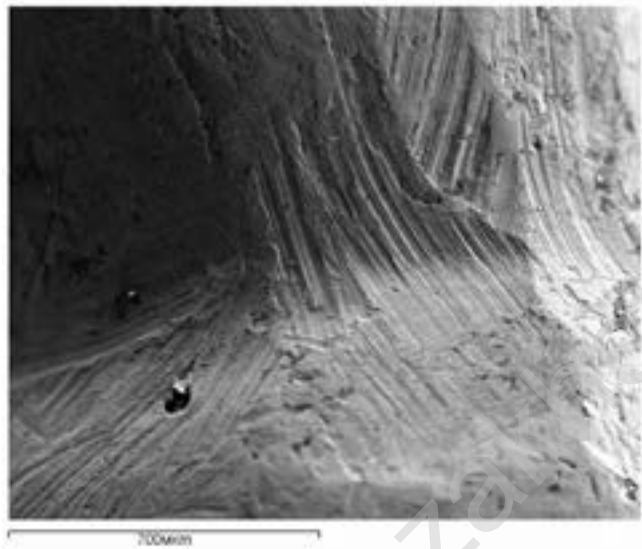
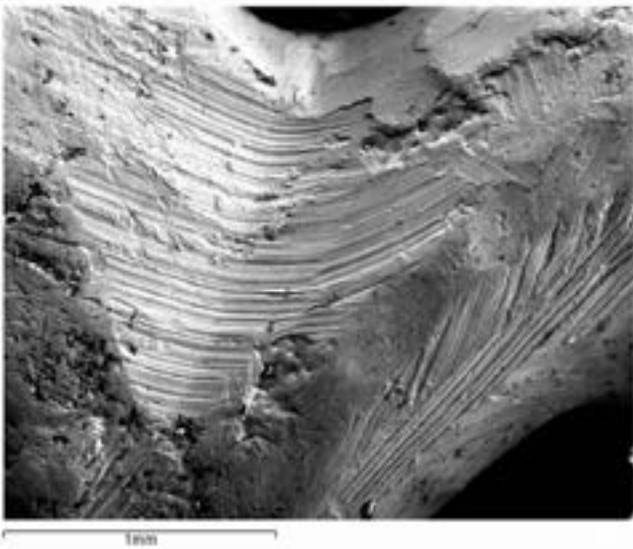
Образец 121 медаль 71
Все результаты в пробах %

Спектр	Ag	Au	Pt
Спектр 1	0,37	99,63	100,00

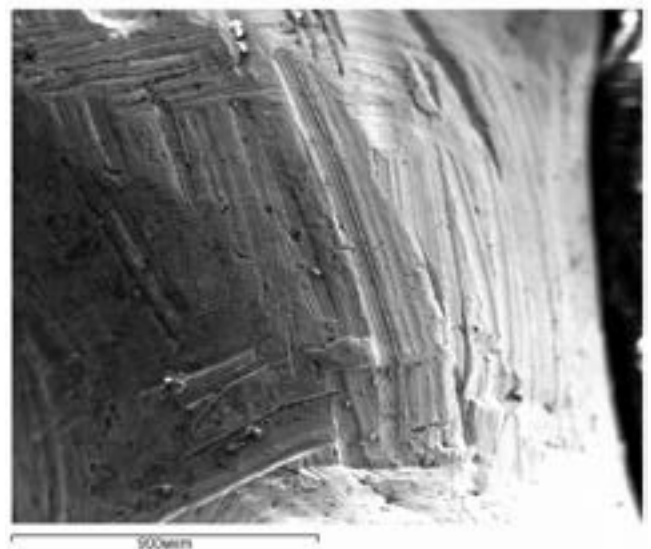
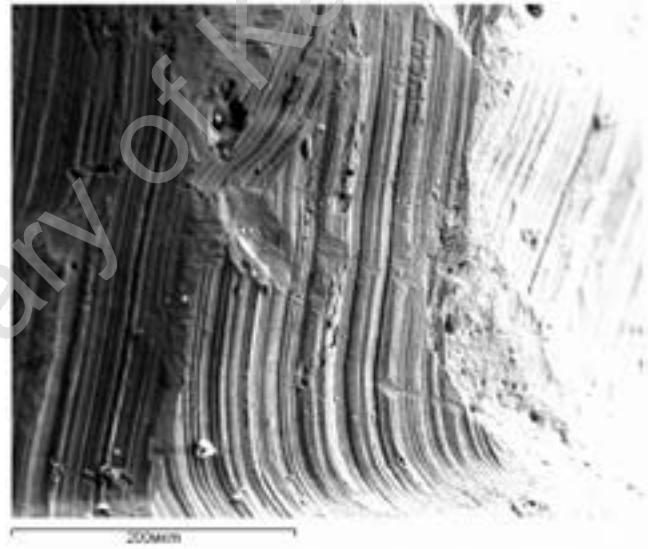
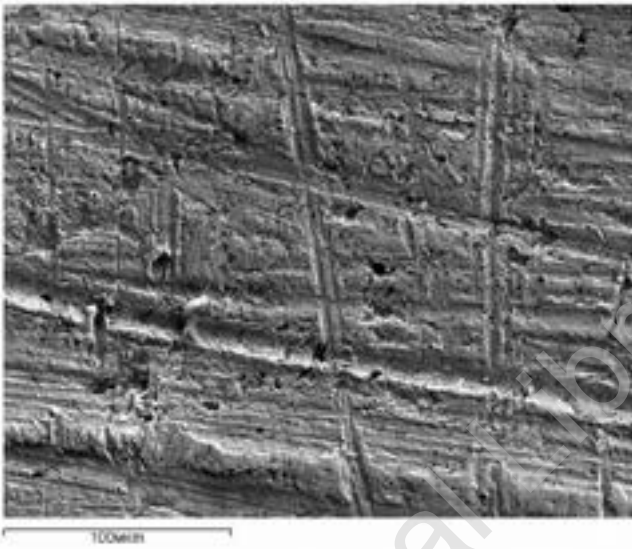
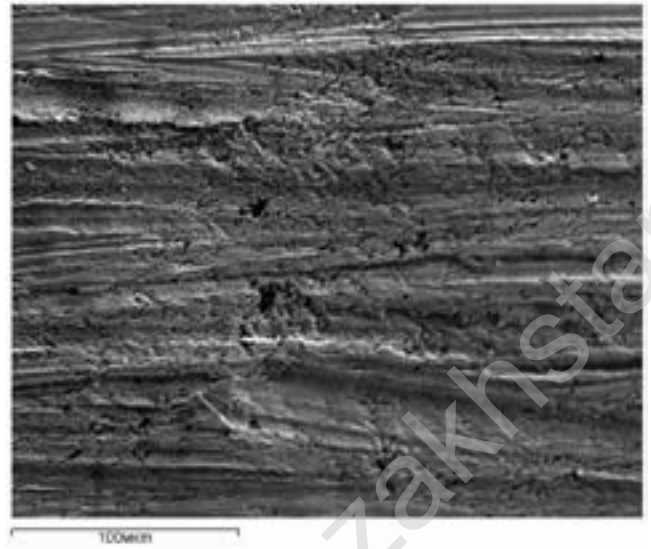
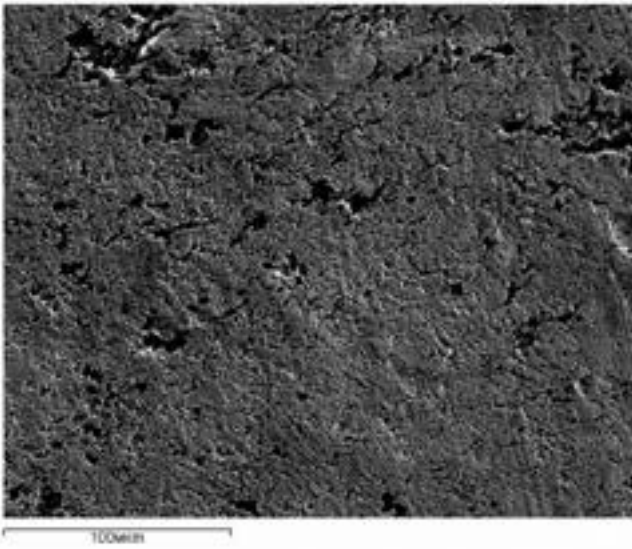

Макросъемка

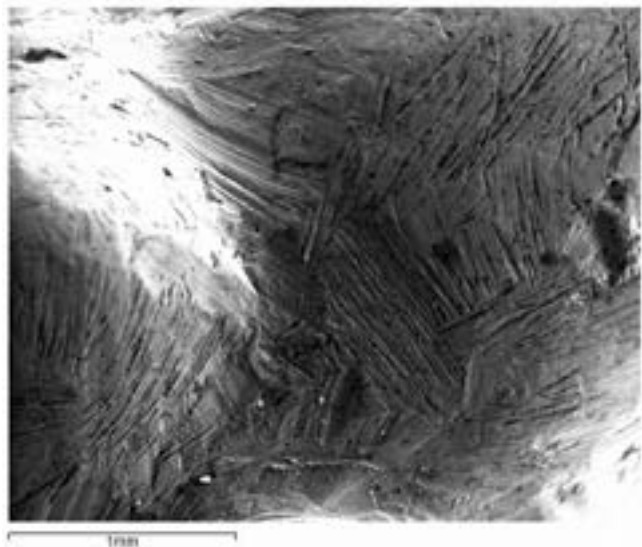
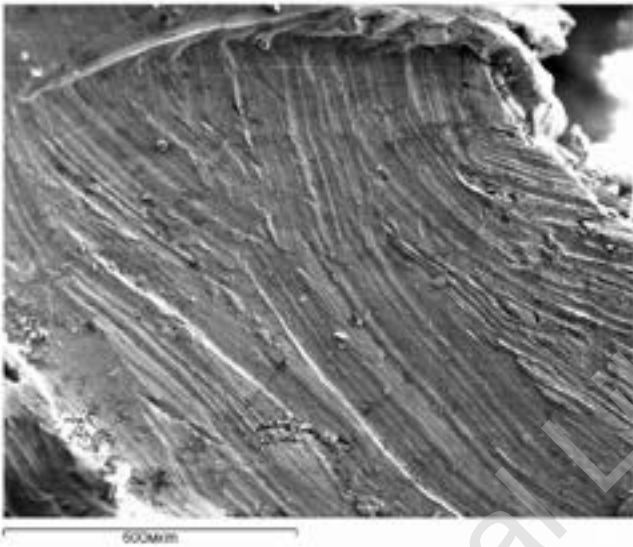
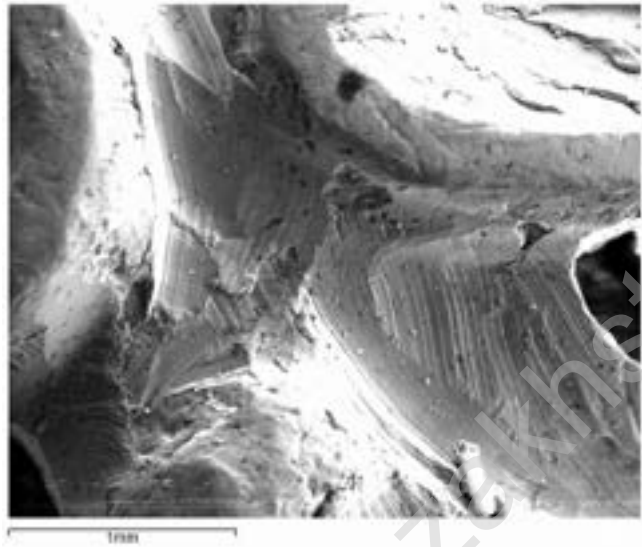
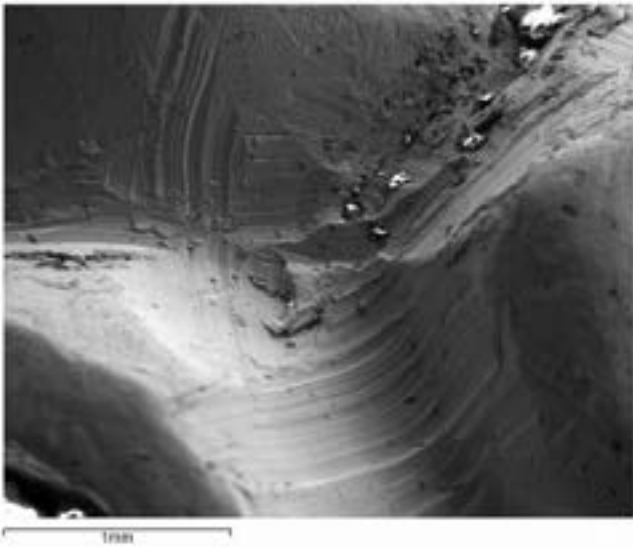

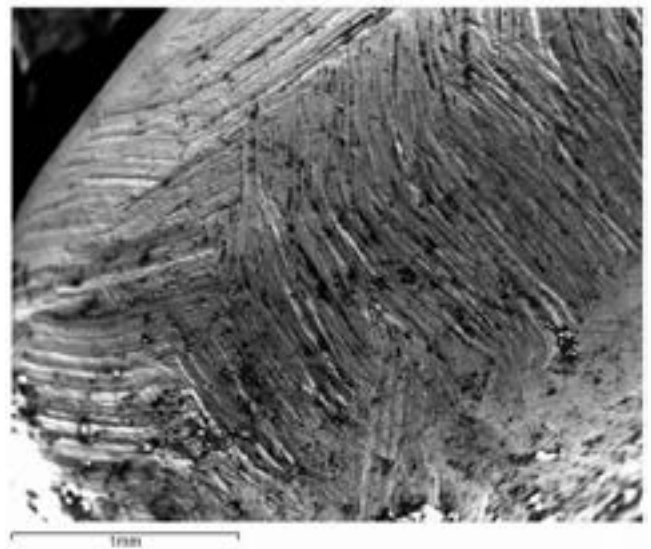
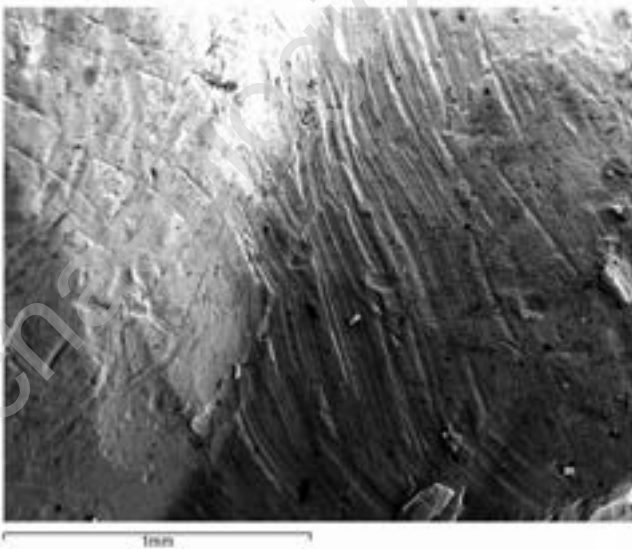
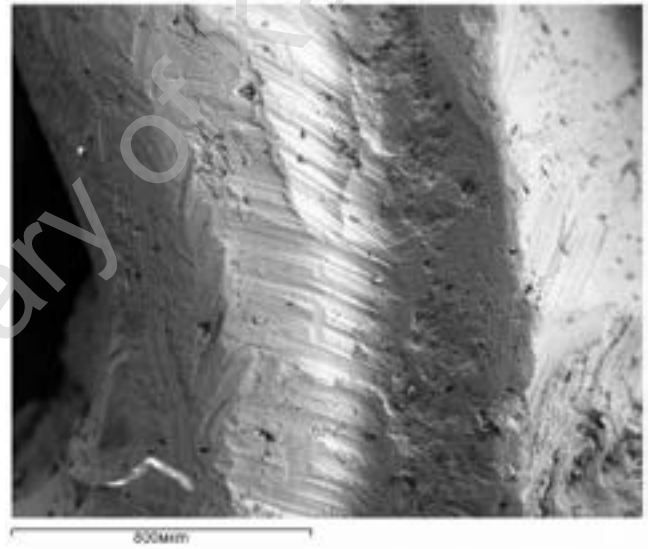
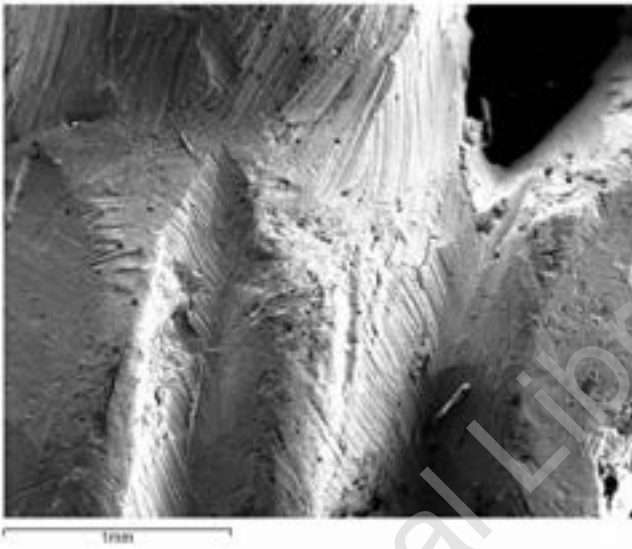
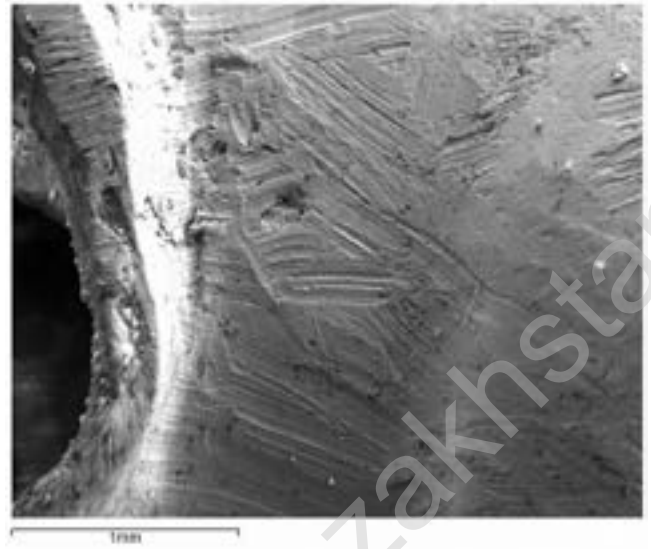
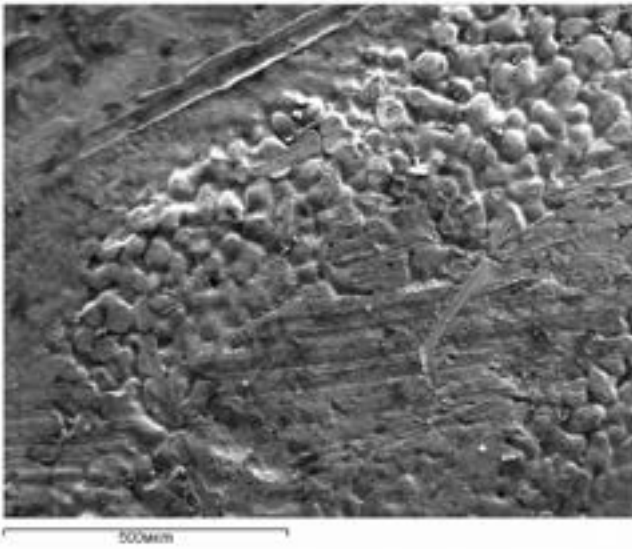

Archaeological Library of Kazakhstan

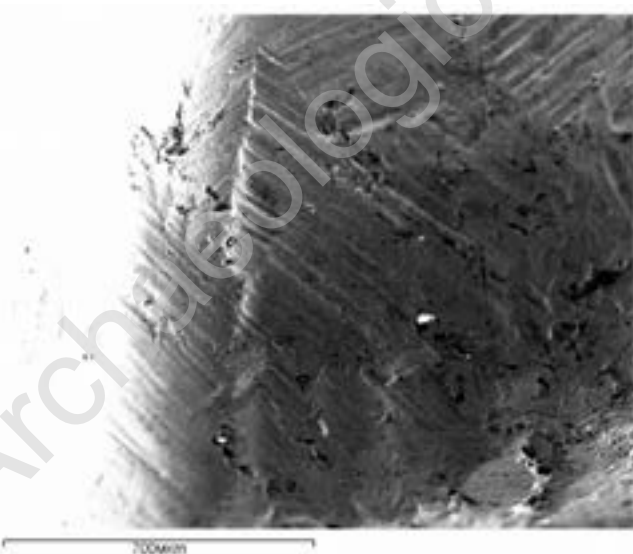
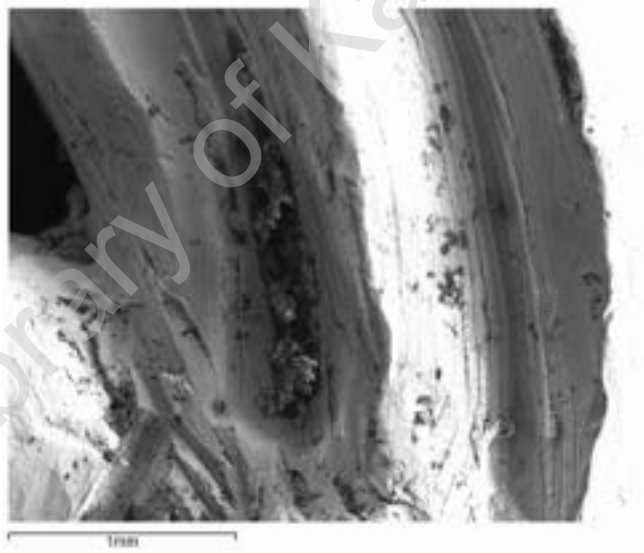
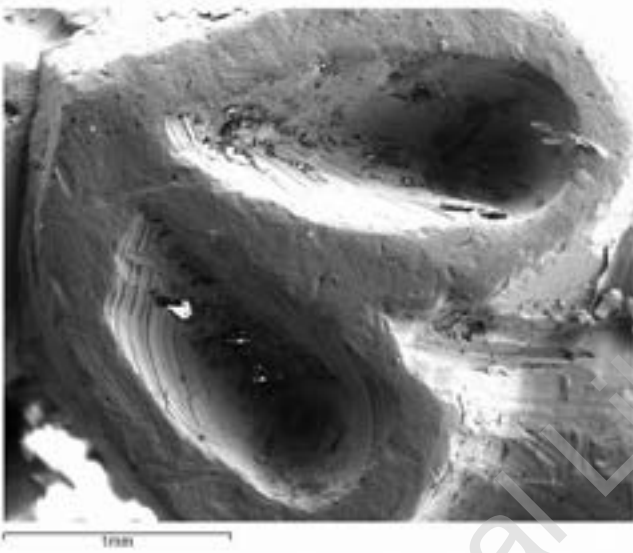
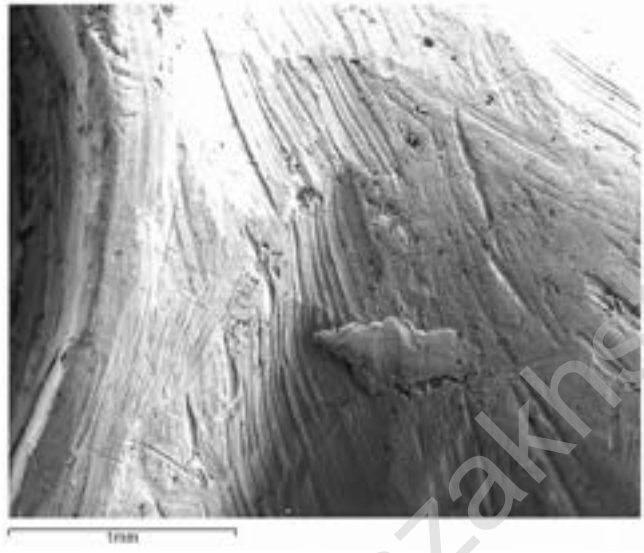
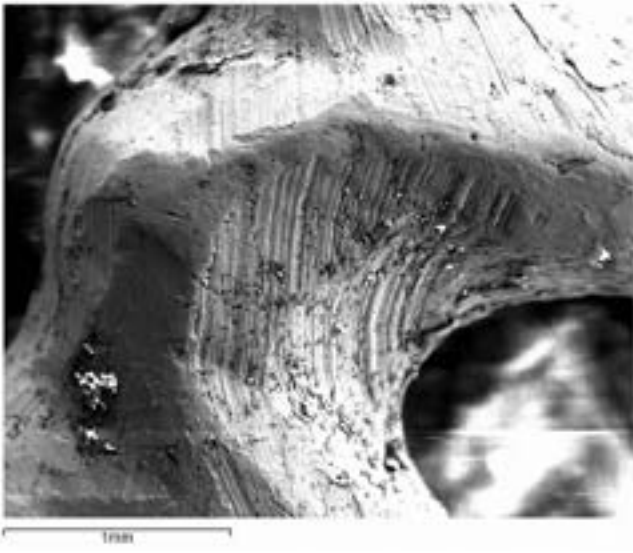

Archaeological Library of Kazakhstan

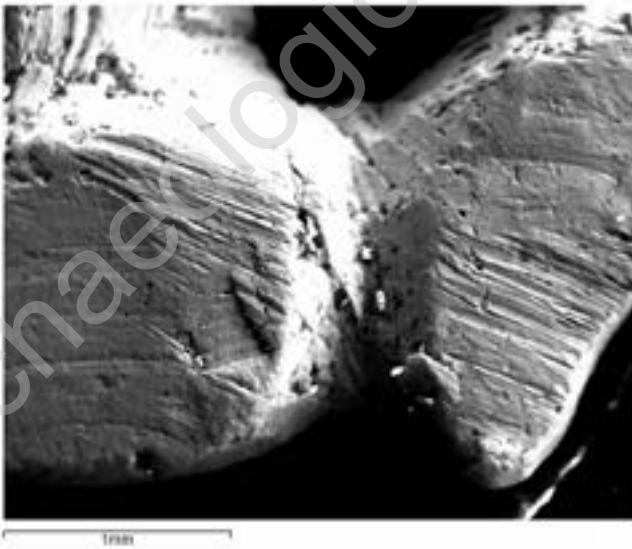
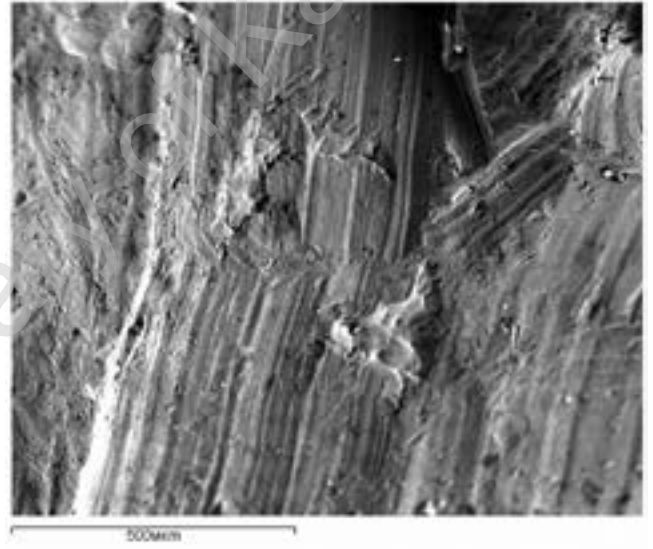
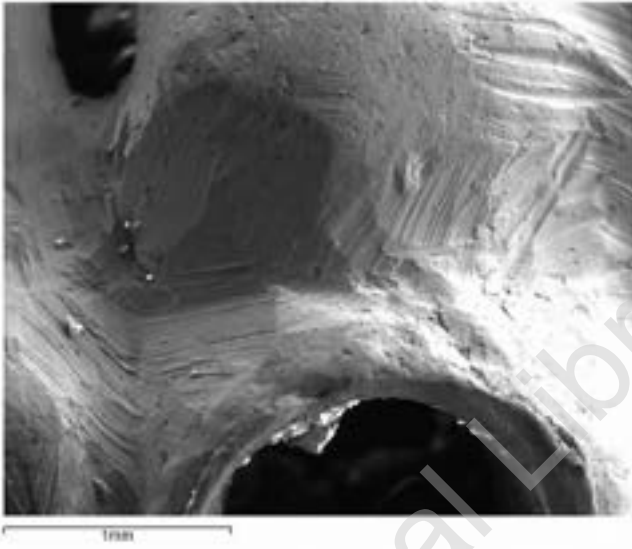
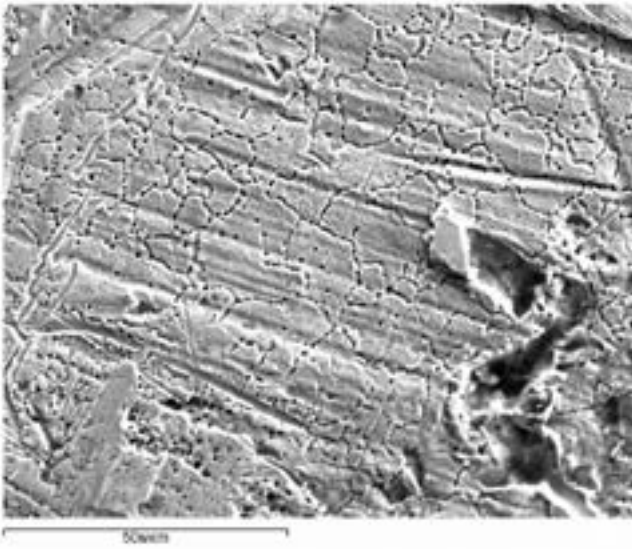

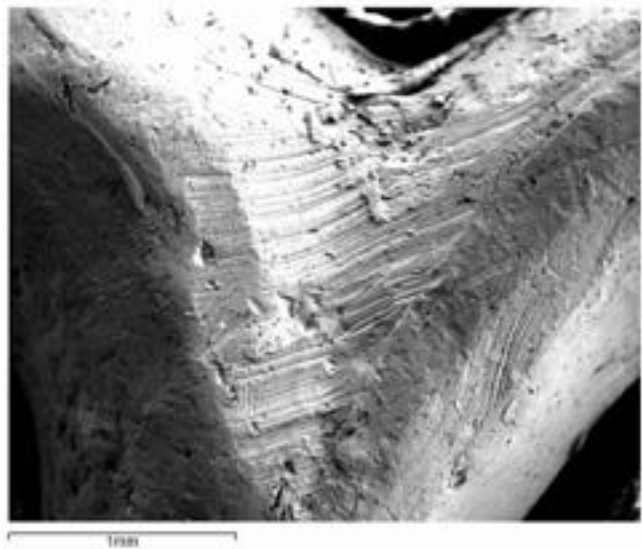
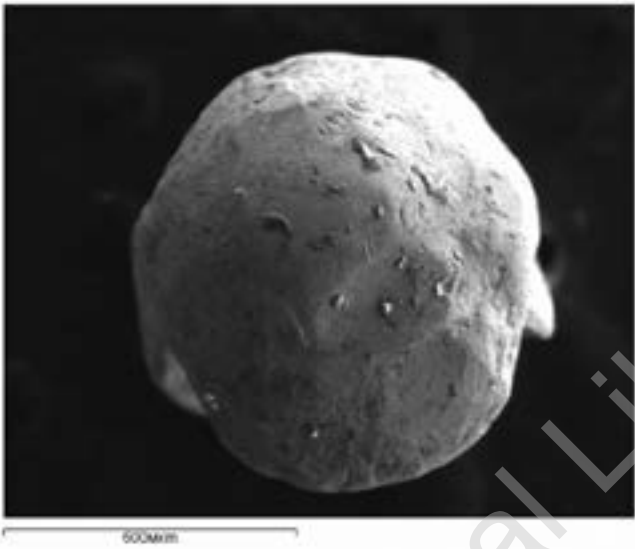
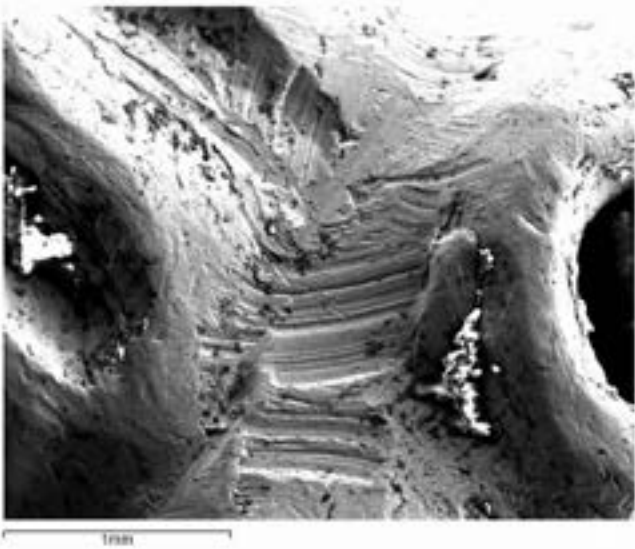
Archaeological Library of Kazakhstan

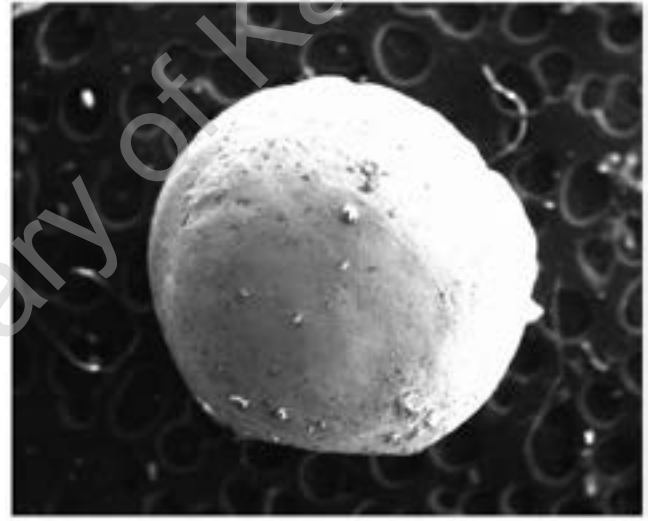
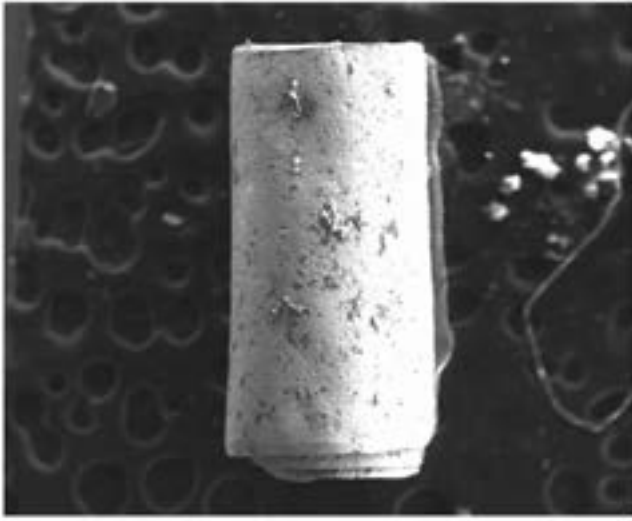

Archaeological Library of Kazakhstan

Archaeological Library of Kazakhstan

Archaeological Library of Kazanstan

7. Консервация дерева с живописью и исследование краски (Алтынбеков К.)

Проводилось по визуальным признакам и по срезам на микротоме. Установлено, что исследованные образцы принадлежат сосне сибирской (*Pinus sibirica* Du Tour), более широко известной под названием кедра сибирского или сосны кедровой.

Кедр распространён в Западной Сибири от 48 до 66° с. ш., в Восточной Сибири и на Урале. На запад от Урала распространяется лишь до Тиманского кряжа. В Центральном Алтае верхняя граница распространения кедрового леса лежит на высоте 1900—2000 метров над уровнем моря, а в южных районах она поднимается до высоты 2400 метров. Сибирский кедр растёт также и на территории Монголии и Северного Китая. Также встречается и в горах Сихотэ-Алинь (наряду с корейским кедром).

Кора ствола гладкая, серая, у старых деревьев серо-бурая, бороздчатая. Древесина сосны сибирской отличается меньшей плотностью и легкостью в обработке, легкая, мягкая, розовая - желтая, красивой текстуры, ароматная. Вероятно, фрагменты живописи расположены на лубяной части коры.

Можно заметить большое число выходов смолы, обнюхав уловить слабый сосновый аромат. Также для сосны сибирской характерно растрескивание древесины при высыхании. Косвенно на сосну указывает и то, что древесина очень легкая, пористая.

Археологическая коллекция фрагментированных деревянных предметов из кургана Шілікті - бэйгетөбе (VIII в.в. до н.э) поступила в лабораторию в 2003 г. Наличие росписей на части фрагментов имеет особую значимость: это единственная в мире находка живописи кочевников скифо-сакского времени. Благодаря тому, что рисунок вначале прорабатывался в технике плоско-выемчатой резьбы, а затем раскрашивался, выявляются изображения животных, элементы орнаментов. Живопись была полихромной, выявлено 4 цвета краски. Сохранность произведений древнего искусства в основном фрагментарная, древесина деградирована, краски часто обнаруживаются лишь в следах. Материал относится к сухому археологическому дереву с росписями, представляющими, видимо, зооморфный орнамент. Росписи выполнены краской красного, оранжевого и синего цвета. Древесина высокой степени деградации,

Таблица 5

Минералогический состав пигментов

Методы исследования: рентгеновская дифрактометрия, рентгенофлуоресцентный спектральный анализ

Цвет краски	Минерал, формула	Ориентировочное содержание, %
красный	Кварц SiO_2 Слюда, $2[\text{K}_2\text{Al}_4(\text{Si}_6\text{Al}_2\text{O}_{20})(\text{OH}, \text{F})_4]$ Киноварь, HgCl_2 Полевой шпат, $\text{NaAlSi}_3\text{O}_8$	~ 43 ~ 3 ~ 52 ~ 2
синий	Кварц SiO_2 Азурит, $2[\text{Cu}_3(\text{CO}_3)_2(\text{OH})_2]$ Полевой шпат, $\text{NaAlSi}_3\text{O}_8$ $\text{Fe}_2\text{S}_2\text{O}_9 \cdot 5\text{H}_2\text{O}$	~ 50 ~ 45 ~ 5 Возможная примесь
оранжевый	Кварц SiO_2 Слюда, $2[\text{K}_2\text{Al}_4(\text{Si}_6\text{Al}_2\text{O}_{20})(\text{OH}, \text{F})_4]$ Тремолит, $2[\text{Ca}_2\text{Mg}_5\text{Si}_8\text{O}_{22}(\text{OH}, \text{F})_2]$ Гипс, $8[\text{CaSO}_4 \cdot 2\text{H}_2\text{O}]$ Каолинит, $2[\text{Al}_2\text{Si}_2\text{O}_5(\text{OH})_4]$ Полевой шпат, $\text{NaAlSi}_3\text{O}_8$	~ 33 ~ 2 ~ 41 ~ 1 ~ 19 ~ 4
бежевый	Кварц SiO_2 Слюда, $2[\text{K}_2\text{Al}_4(\text{Si}_6\text{Al}_2\text{O}_{20})(\text{OH}, \text{F})_4]$ Тремолит, $2[\text{Ca}_2\text{Mg}_5\text{Si}_8\text{O}_{22}(\text{OH}, \text{F})_2]$ Гипс, $8[\text{CaSO}_4 \cdot 2\text{H}_2\text{O}]$ Каолинит, $2[\text{Al}_2\text{Si}_2\text{O}_5(\text{OH})_4]$ Полевой шпат, $\text{NaAlSi}_3\text{O}_8$ Кальцит, CaCO_3 Калиевый полевой шпат, KAlSi_3O_8	~ 44 ~ 4 ~ 19 ~ 2 ~ 22 ~ 2 ~ 4 ~ 3

Жирный шрифт - пигменты

Исследование связующего краски
Метод исследования – ИК-Фурье-спектроскопия

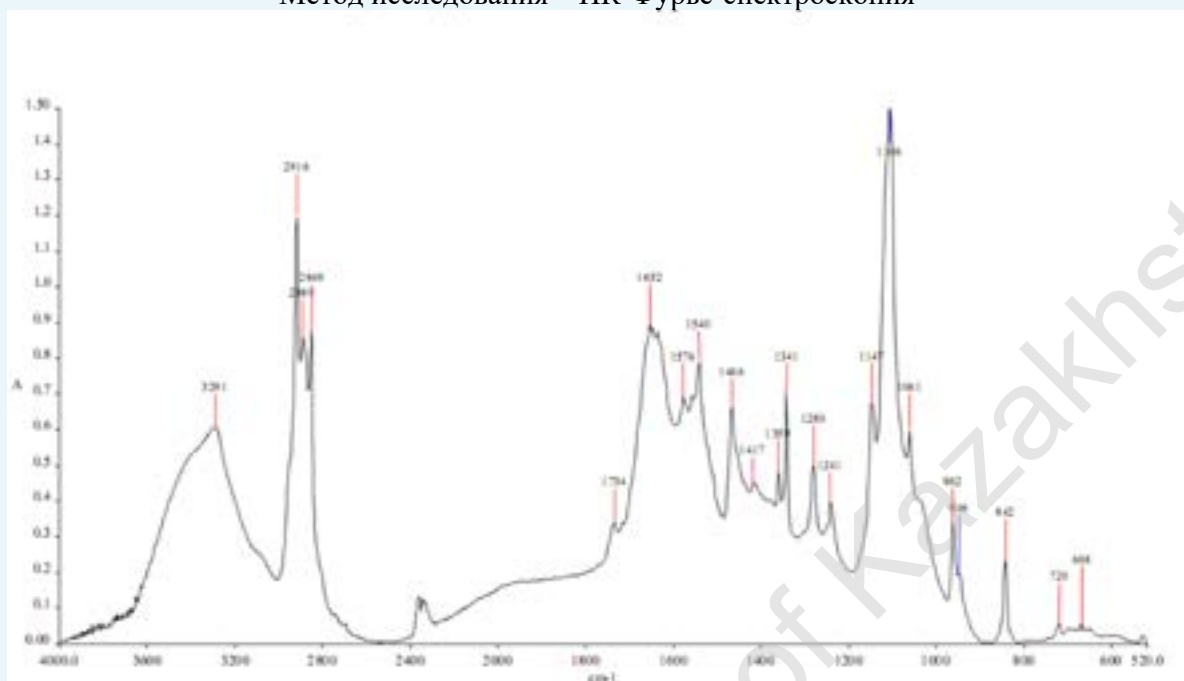

Фото 63. FTIR-спектр связующего краски

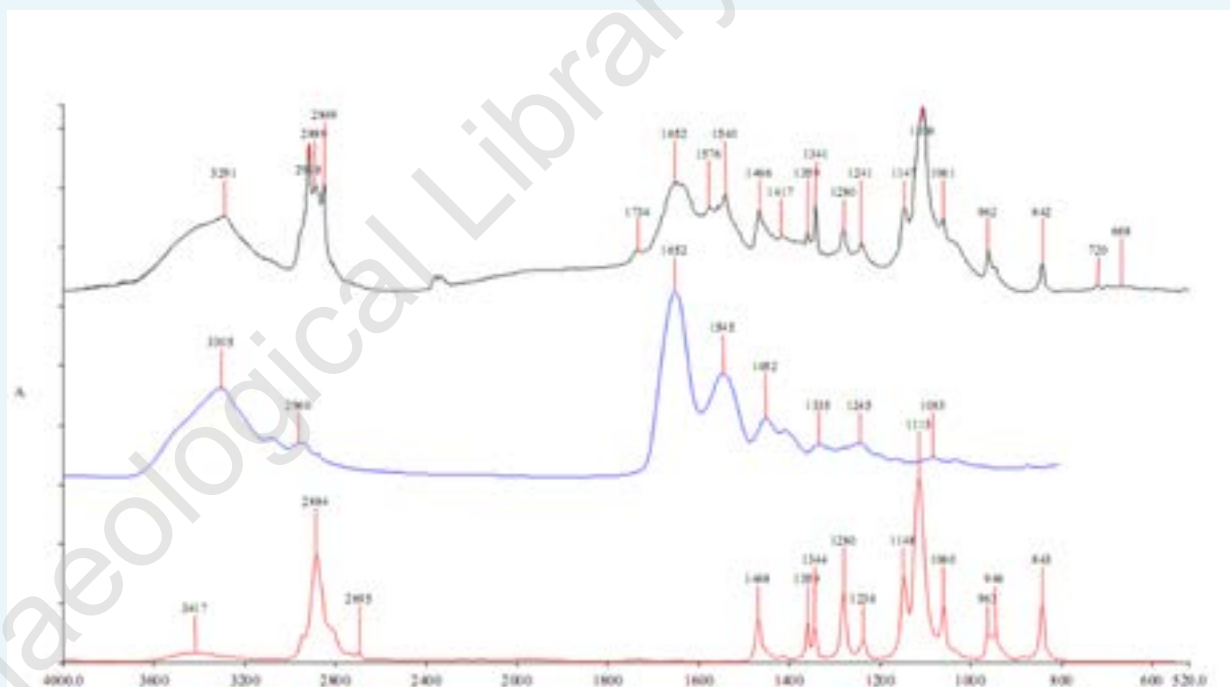

Фото 64. Сравнительный анализ FTIR -спектров:

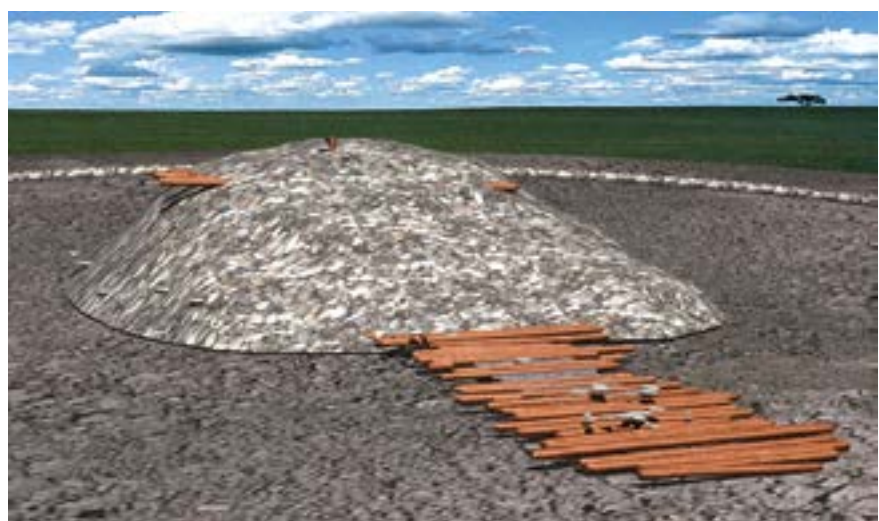
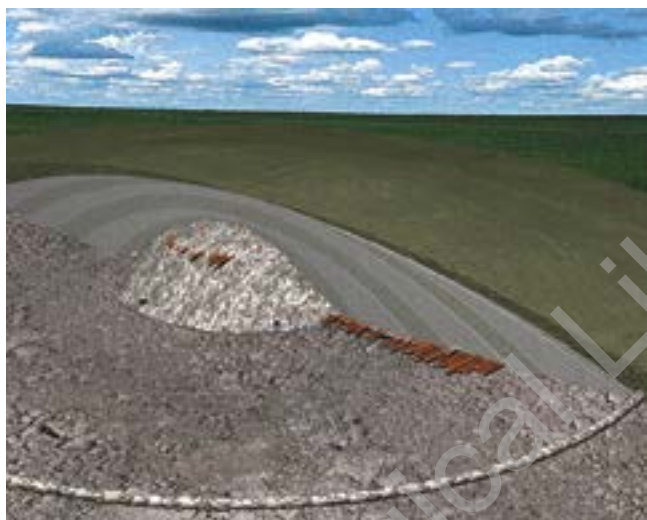
- связующее краски
- животный клей
- полиэтиленгликоль

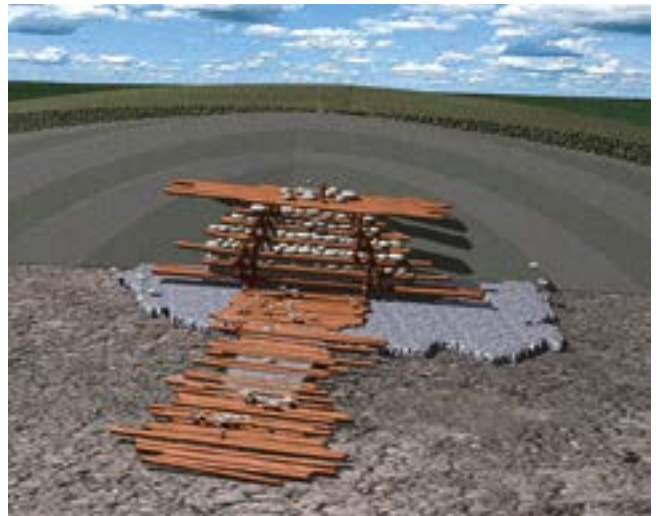
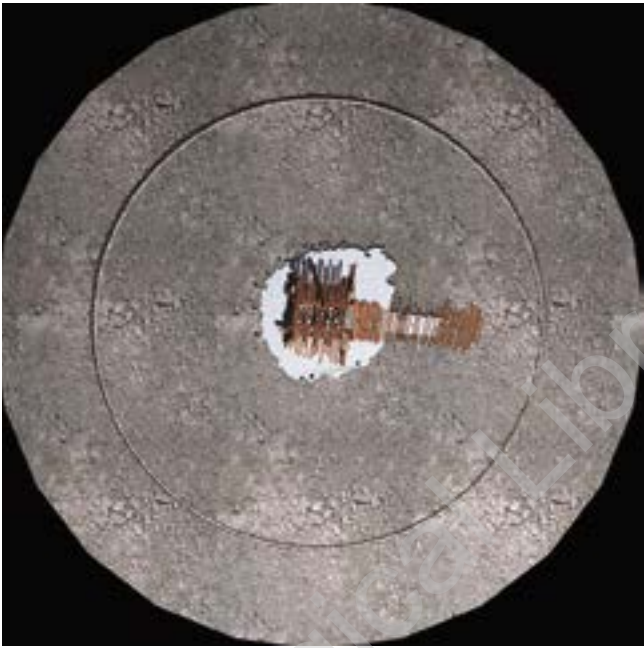
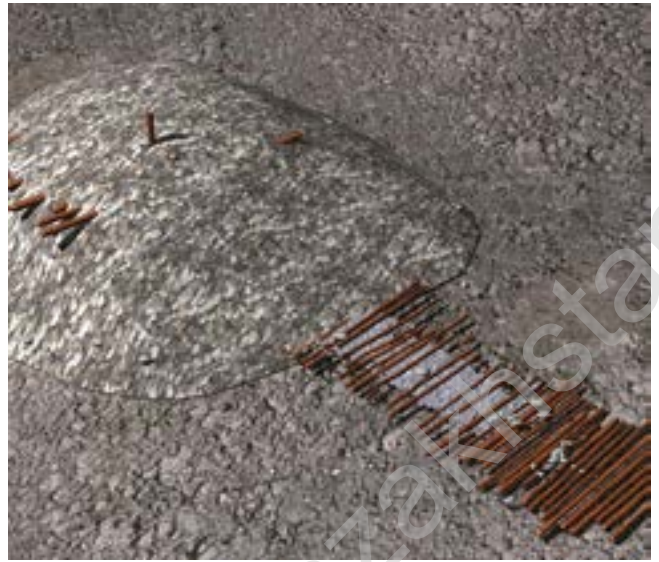
Заключение: связующее – животный клей, возможно, рыбий

8. Компьютерная реконструкция кургана (архитектор Шадьяров А.С.)

9. Результаты радиоуглеродных и дендрохронологических исследований (Слюсаренко И., Новосибирск, И. Панушкина, США)

Cambridge University Press

Radiocarbon, 2016, p. 1–11

DOI:10.1017/RDC.2015.15

© 2016 by the Arizona Board of Regents on behalf of the University of Arizona

CALENDAR AGE OF THE BAIGETOBE KURGAN FROM THE IRON AGE SAKA CEMETERY IN SHILIKTY VALLEY, KAZAKHSTAN

Irina P Panyushkina^{1*} • Igor Y Slyusarenko² • Renato Sala³ • Jean-Marc Deom³ •
Abdesh T Toleubayev⁴

¹Laboratory of Tree-Ring Research, University of Arizona, 1215 E. Lowell St., Tucson, AZ 85721, USA.

²Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, 17 Lavrentiev Ave., Novosibirsk 630090, Russia.

³Laboratory of Geoarchaeology, Al-Farabi Kazakh National University, 71 Al-Farabi Ave., Almaty 050038, Kazakhstan.

⁴Department of Archaeology and Ethnology, Al Farabi Kazakh National University, 71 Al-Farabi Ave., Almaty 050038, Kazakhstan.

ABSTRACT. This study addresses development of an absolute chronology for prominent burial sites of Inner Asian nomadic cultures. We investigate Saka archaeological wood from a well-known gold-filled Baigetobe kurgan (burial mound #1 of Shilikty-3 cemetery) to estimate its calendar age using tree-ring and ¹⁴C dating. The Saka was the southernmost tribal group of Asian Scythians, who roamed Central Asia during the 1st millennium BC (Iron Age). The Shilikty is a large burial site located in the Altai Mountains along the border between Kazakhstan and China. We present a new floating tree-ring chronology of larch and five new ¹⁴C dates from the construction timbers of the Baigetobe kurgan. The results of Bayesian modeling suggest the age of studied timbers is ~730–690 cal BC. This places the kurgan in early Scythian time and authenticates a previously suggested age of the Baigetobe gold collection between the 8th and 7th centuries BC derived from the typology of grave goods and burial rites. Chronologically and stylistically, the Scythian Animal Style gold from the Baigetobe kurgan is closer to Early Scythians in the North Caucasus and Tuva than to the local Saka occurrences in the Kazakh Altai. Our dating results indicate that the Baigetobe kurgan was nearly contemporaneous to the Arjan-2 kurgan (Tuva) and could be one of the earliest kurgans of the Saka-Scythian elite in Central Asia.

KEYWORDS: tree-ring dating, radiocarbon dating, chronology of Scythian antiquity, archaeological timbers, Eurasian Steppe, Chilikta, Altai Mountains.

INTRODUCTION

Recent international effort to map and survey burial sites of ancient nomadic cultures in Inner Asia, supported by UNESCO and other intergovernmental organizations, has fundamentally improved our knowledge about the spatial distribution and the size of the Siberian Scythian burial occurrences in the Altai-Sayan Mountains (Bourgeois and Gheyle 2008), a region of common borders of Kazakhstan, Russia, Mongolia, and China. However, the uncertainties arising from the ambiguities of the Siberian Scythian chronology prevent the chronological assignment of most prominent assemblages of archaeological sites. This considerably obviates our understanding of Inner Asia prehistory during the Iron Age and Scythian Antiquity in particular. Radiocarbon is the main dating method for estimation of absolute age of the scattered burials numbering in the many thousands, but the calibration of ¹⁴C dates for 800–400 BC lying on the Hallstatt plateau of the ¹⁴C calibration curve is exceedingly challenging (van der Plicht 2004).

The chronology of Siberian Scythian antiquity has been indisputably advanced over the last 2 decades by merging floating tree-ring records of burials with ¹⁴C tree-ring wiggle-matching. Archaeological timbers are often well preserved in the frozen tombs (or kurgans) of Siberian Scythians. With the availability of tree rings, the precision of calibrated dates and the age relationship of kurgan improves significantly (Zaitseva et al. 2005; Stark et al. 2012; Panyushkina et al. 2013). The most significant breakthrough in the absolute dating of Siberian Scythian kurgans occurred a few years ago in the Russian and Mongolian parts of Altai-Sayan region. Multinational efforts over the last 2 decades to bridge tree rings of archaeological and

*Corresponding author. Email: ipanyush@email.arizona.edu

2 *I P Panyushkina et al.*

remnant wood resulted in an overlap of a 2367-yr tree-ring record of remnant larch from the Tuva (360 BC–AD 2007) with Siberian Scythian tree-ring records of the Pazyryk culture from Mongolia and the Russian Altai (Mygland et al. 2012). This unprecedented dating success not only established the first absolute calendar dates of 35 kurgans from 11 burial fields, but most importantly demonstrated only a 1-yr deviation between the calendar dates derived from the tree-ring dating and from tree-ring ^{14}C wiggle-matching conducted on the same tree-ring materials.

Nevertheless, absolute dating of Asian Scythian burial sites in the Chinese and Kazakh sectors of the Altai Mountains, which still employs single ^{14}C dates, is presently lagging. Even for excavations reporting an abundant amount of kurgan timbers, it is extremely difficult to access these wooden artifacts. The first and only published case study of Saka tree rings in Kazakhstan presents successfully explored archaeological timbers of the Bes Shatyr necropolis (Panyushkina et al. 2013). In order to accurately define spatial-temporal correspondence of the Siberian, Asian, and European Scythians and to connect the Scythian archaeology to literary narratives of Eurasian history, a more energetic effort to obtain and analyze the Saka tree rings for absolute dating is needed.

In this study, we explore tree rings of Saka timbers from the Kazakh Altai in order to (1) determine calendar age of the Baigetobe kurgan at the Shilikty burial site using tree-ring dating and ^{14}C wiggle-matching, and (2) resolve chronological uncertainties of this prominent Saka site pending since 1965, when ^{14}C dating was applied to the Shilikty wood for the first time.

Archaeological Site

The Shilikty burial site, referred to in Russian literature as the Shilikty Valley with coordinates of $43^{\circ}33'\text{N}$ and $78^{\circ}17'\text{E}$, is located on floodplains of the Chilik River draining the Tarbagatay Range at the junction of state borders between China (Xinjiang) and Kazakhstan (Figure 1). The Tarbagatay Range is the headwaters of the Irtysh River—the main tributary of the Ob River flowing from south to north in western Siberia. This is one of the most important burial sites of Saka tribes, comparable to key burial assemblages of the Siberian Scythians from the Pazyryk Valley in the Russian Altai, the Uyuk Valley in Tuva, and the Salbyk Valley in Khakasia.

The Shilikty Valley has an enduring history of exploration that can be traced back to 1869 when Siberian newspapers reported to the public about monumental human-made “pyramids” scattered along the Chilik River. In 1902–1903, the Shilikty Valley was surveyed and 72 clusters

Figure 1 Location of the Shilikty burial site in the Altai Mountains of southeastern Kazakhstan (left map) and view of the Baigetobe kurgan during excavation with wooden chamber in the middle of kurgan (right photo).

of large kurgans recorded. The first excavation endeavor at the Shilikty site took place in 1909–1910 (Chernikov 1965) but was not successful. Much later, in 1949, the East Kazakhstan Expedition (EKE) of Saint Petersburg’s Institute of Archaeology (Leningrad at the time) launched the first research program directed by S S Chernikov to study the burial valley scientifically (Chernikov 1951).

Archaeological surveys of Shilikty Valley carried out by the EKE documented over 200 early nomadic burials organized in five large cemeteries comprising mostly large and mid-size kurgans. The largest kurgans are ~100 m in diameter and 8–10 m in height. A total of 45 large kurgans, designated as elite kurgans, were located in the central part of the Shilikty Valley. Along with 75 other kurgans associated with the Saka culture, these burial assemblages form the core of the site. The most common size of kurgans is 20–60 m in diameter and 2–5 m height. It is interesting that the Shilikty Valley has no small kurgans, which are usually categorized by diameters of 10–15 m and recognized as the typical kurgan size of burial sites in the Tarbagatay Range and adjacent areas, including the Semirechye (or Jitasu), which is another significant burial location of the ancient nomadic landscape. The largest Shilikty burial, cemetery-1, encompasses 57 kurgans organized within an 8-km-long and 1-km-wide zone. Other cemeteries comprise 30–40 kurgans. Such a high density of elite kurgans is a very rare phenomenon, not only for Inner Asia but the entire Scythian world.

Kurgan excavations at the Shilikty Valley between 1949 and 1971 represent the fundamental research of this site (Chernikov 1951, 1964, 1965). It is during this time that the typological chronology of Saka burials was established and the burial rites of early Saka nomads were defined, which is now considered the classical description of the Saka tradition in Central Asia. In some respect, the most striking feature of the nomadic burial rite at the Shilikty site is that there were no horses and ceramics inside the kurgans. The large kurgans had no grave pit, but rather the human bodies were placed in a roughly made two-log-high wooden chamber standing at ground-level surface and covered with crushed rocks and clay. Numerous additional logs were used to shape and enforce the pyramid-like profile above the chamber, which was finally covered with regolith and rocks and shaped in a rounded kurgan (Figure 1). With regard to dating, the Saka archaeological chronology relies on typology of Animal Style gold and bronze arrowheads (Chernikov 1965). The first sensational finding of golden art at the Shilikty Valley occurred in 1960 during excavations of kurgan #5 (cemetery-1), which comprised 524 golden pieces with a total mass of 100 g. The archaeological age of the Shilikty Valley of 700–600 BC proposed by Chernikov (1964) has yet to be challenged.

Baigetobe Kurgan

The second extraordinary discovery of Scythian golden art in the Shilikty Valley was made more recently. In 2003, the Shilikty Expedition of Al Faraby Kazakh National University directed by A T Toleubayev excavated 4303 golden pieces decorating a postmortem costume of a buried body from kurgan #1 of the Shilikty-3 cemetery (Toleubayev 2013). This was the largest elite kurgan of Shilikty-3 cemetery, with dimensions of 99 m in diameter and 7.9 m high (equivalent to a 3-story building). Back then, the kurgan was called Chilikta #1 but was later renamed after its local name, the Baigetobe, which translates from the Kazakh language as the Hill of Horse Racing. Additionally, the spelling of the cemetery and site has been changed from *Chilikta* to the now widely accepted spelling *Shilikty*. The content of the burial mound was robbed in antiquity as were many other elite and large kurgans in the valley. But even the scant remaining contents demonstrate the exquisite artistry of Saka culture and far-reaching value of the burial goods (Figure 2). The Baigetobe gold collection stands out for its high gold purity

Figure 2 Example of gold and turquoise plaques decorating a Saka funeral costume from the Baigetobe kurgan. Left: a standing argali, mountain goat. Right: two mirrored heads of argali holding a bird.

(fineness of 93–97%) and cast metal, which differed from the golden foil mounted over carved wood or bone common in the Pazyryk culture (Siberian Scythians) (Toleubayev 2011). In part, the designs of Animal Style gold from the Baigetobe have no equivalents in the Saka-Scythian realm, highlighting the early state of this nomadic culture and some degree of its segregation. Most archaeologists agree that the golden pieces found decorating a dress were likely worn during the owner's life and added for the burial function (Toleubayev 2011), and it is very unusual. In contrast to gold relics, the kurgan architecture and construction materials are found to be identical to other elite kurgans of the Shilikty Valley and other parts of Kazakhstan. The importance of the Baigetobe kurgan is currently unmatched in the Saka archeology and its burial characteristics have no local and Central Asian prototypes, but rather are more closely linked to the rest of the Scythian world.

METHODS AND MATERIALS

Burial construction timbers from the Baigetobe kurgan (Shilikty-3 cemetery, kurgan #1) were collected in 2003 from ongoing excavations led by A Toleubayev. Later, in 2013, more samples of the kurgan timbers were cut from logs archived at the Al Farabi Kazakh National University in Almaty. In this study, we used a total of seven cross-sections cut from long logs 25–35 cm in diameter (Table 1). The timber logs were part of inner-wall structure of the barrow supporting a pyramid-like mound of crushed rocks and clay (Figure 1).

Wood samples were prepared and analyzed at the Laboratory of Tree-Ring Research (LTRR) and ^{14}C measured at the NSF-AMS Facility of the University of Arizona. Tree-ring widths from sanded cross-sections were measured on a LINTAB measurement system (0.01 mm precision) and crossdated visually with TSAP software (Rinn 2003). Crossdating results were checked with correlation analysis using the COFECHA program (Holmes 1983). Ten-year groups of crossdated tree rings from two cross-sections were subsampled for ^{14}C dating. The wood samples were ground and cleaned using conventional methods to remove possible contamination, and α -cellulose was extracted by sodium chlorite bleaching at pH 3 at the LTRR (Leavitt and Danzer 1993). Combustion of the cellulose to CO_2 and production of graphite powder were done using standard procedures routinely applied at the University of Arizona AMS laboratory (Jull et al. 2008). $^{14}\text{C}/^{13}\text{C}$ ratios were measured with a standard deviation of $\sim 0.5\%$ on an IONEX 2.5MV AMS machine. The OxCal v 4.2 program (Bronk Ramsey 2009) and IntCal13 calibration curve (Reimer et al. 2013) were used for modeling the calendar ages of ^{14}C measurements from the tree rings.

Table 1 Summary of archaeological wood samples used in the tree-ring study of the Baigetobe kurgan.

Collection	Sample lab ID	Nr of rings	Radius, cm	Missing rings	Mean sensitivity	Correlation coefficient with master chronology
2005	CH1	125	10	#102, 114, 139	0.38	0.59
	CH2	108	10	#92, 102, 114, 149	0.39	0.42
	CH3	159	13	#114	0.38	0.80
	CH4	178	16	#14, 102, 139, 149	0.43	0.66
	CH5	175	13	#114	0.28	0.78
2013	CH6	159	15	#114	0.33	0.80
	CH7	158	14	#114	0.36	0.85

RESULTS

Tree-Ring Dating of Baigetobe Timbers

Wood anatomy analysis indicates that burial timbers are larch (*Larix sibirica*). The preservation of archaeological wood varies greatly. Although each sample has pith and sapwood, inner rings decayed in many places (so-called “cheese wood”). Some samples have completely lost the outer rings but others retain them. Seven tree-ring width series were developed from seven cross-sections with lengths ranging from 108 to 178 yr (Table 1). The series overlap into a 178-yr tree-ring floating chronology with an intercorrelation coefficient of 0.7 (Figure 3). The wood tree-ring dating is not easy even though the tree-ring width variance is high and average sensitivity is above 0.3. The series have a few missing rings, which are partly the result of wood decay. The chronology has 15 absent rings, which is 1.4% of the total number of crossdated rings. Ring #114 was found in only one tree sample (CH4), and the rest of the missing rings are present in at least four samples (about 60%).

The crossdating results suggest that the studied timbers were most likely harvested in a single year but over the course of the entire growing season. Five out of seven trees have the same cutting dates. The cutting dates of the other two trees are missing because of wood rot and weathering, and their outer rings date 21 and 22 yr prior the date of the five other trees. The outermost rings associated with the cutting date have earlywood only, or either incomplete latewood or complete rings, which suggests wood harvesting throughout the larch growth season (May–September). Overall, the developed 178-yr chronology could be used for cross-dating of other larch timbers from the burial site, although we would recommend collecting as much wood as possible for tree-ring dating.

Radiocarbon Dating of Baigetobe Timbers

We measured five ^{14}C ages of crossdated tree rings from two tree samples: CH3 and CH5 (Table 2). The ^{14}C date of outer rings from sample CH5 calibrates between 1830 and 1660 cal BC (95.4%), which appears to be too old. Surprisingly, this date falls near the same interval of the Bronze Age as the anomalous Chernikov ^{14}C date run on wood of Saka kurgan #35 from the same cemetery back in 1965 (Dolukhanov et al. 1970). This date is very baffling because the correlation coefficient between the tree-ring width series CH3 and CH5 is significant and very high ($R_{159} = 0.85$). It is unlikely that the much older ^{14}C age of sample CH5 could be attributed to contamination rather than to the reservoir effect.

Four other ^{14}C dates of sample CH3 calibrated individually between 860 and 400 cal BC (95.4%) regardless of the precision of ^{14}C measurements and tree-ring crossdated position,

6 I P Panyushkina et al.

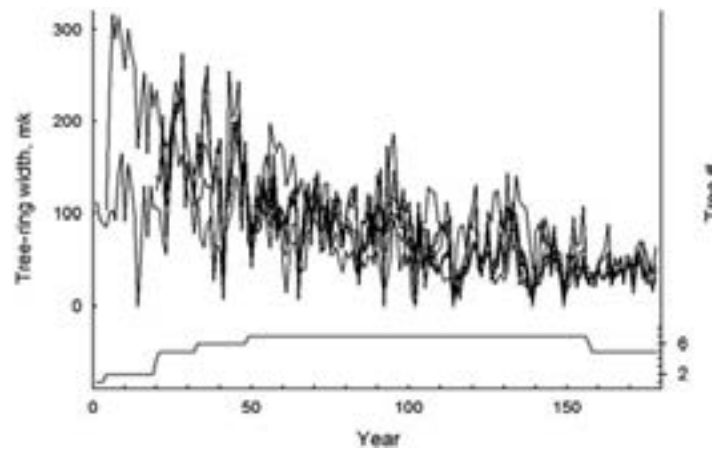

Figure 3 Cross-dated tree-ring width series (top) and number of tree samples (bottom) developed from the Baigetobe kurgan timbers.

which make the kurgan age estimation problematic (Figure 4). Once again, the Hallstatt plateau of the calibration curve confounds the ^{14}C dates during the 1st millennium BC and obscures the ^{14}C dating of Saka kurgans in the Altai Mountains (van der Plicht 2004; Panyushkina et al. 2013). Nevertheless, because these four dates are from sequential crossdated tree rings over a ~ 90 -yr interval (Table 2), we employ Bayesian modeling to improve the interpretation of the calibration results. ^{14}C wiggle-matching (Bronk Ramsey et al. 2001) of the four CH3 dates yields high agreement indexes (>89 – 110%) for most of the dates (Figure 5). Only one date (3CH3) has poor correspondence with the sequenced group (agreement index 1.2%), but elimination of this one does not change the calibration results much. The Bayesian modeling estimates the calibrated age of sample CH3 between 840–770 cal BC (95.4%) and 730–690 cal BC (2.7%) or 840–770 cal BC (95.4%) and 600–400 cal BC (89.9%). Careful consideration of the 90-yr tree-ring range of ^{14}C wiggles and the range of ^{14}C measurements with the highest agreement index (1CH3 and 4CH3) suggest the most probable age of Baigetobe kurgan is about 730–690 cal BC (Figure 6). This calibration result convincingly demonstrates that a single ^{14}C date from a piece of Saka archaeological wood is not reliable for estimating calendar age of the Asian Scythia monuments.

DISCUSSION

Chronology of the Shilikty Valley

Archaeological dating assigns the age of the Baigetobe kurgan between the early 8th and mid-7th centuries BC based on the typology of grave goods (Toleubayev 2011). Earlier ^{14}C dating of the Baigetobe wood dates the kurgan to the interval 770–430 cal BC (Toleubayev 2011; Table 2). Our ^{14}C dating results refine and focus the suggested date to ~ 730 – 690 BC. At the Shilikty Valley, there is no other reasonable radiometric dating result to suggest the relative span of the burial site construction. The only other ^{14}C date for the Shilikty Valley chronology comes from kurgan #5 cemetery-1 excavated by Chernikov (in Dolukhanov et al. 1970). The date was rejected and the kurgan age is estimated between the 7th and 6th centuries with the arrowhead and Animal Style art typology (Chernikov 1965). Middle-sized kurgan #7 from Chernikov's excavations at cemetery-1 is dated to the late 5th century BC from the burial goods (Chernikov 1951). The rest of the excavated kurgans have a much lower number of diagnostic burial goods, but the funeral tradition certainly resembles the Early Saka. Currently there are no archaeological data to determine the age of four other cemeteries (2, 4–6) or the final age of

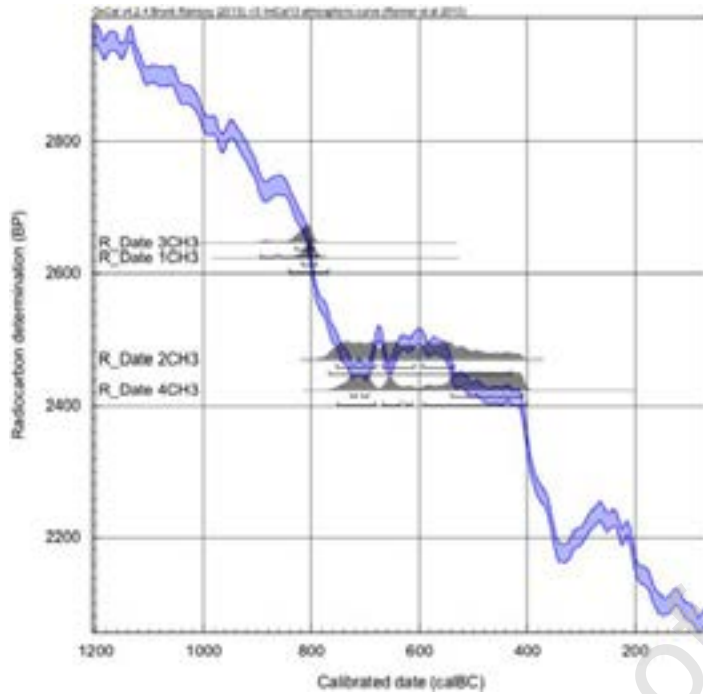

Figure 4 Results of individual calibrated ¹⁴C dates measured on the tree rings of tree CH3. Probability distribution (shaded area) is plotted against the IntCal13 calibration curve (Reimer et al. 2013). The bars under the probability distribution show the ranges at 68.2% and 95.4%.

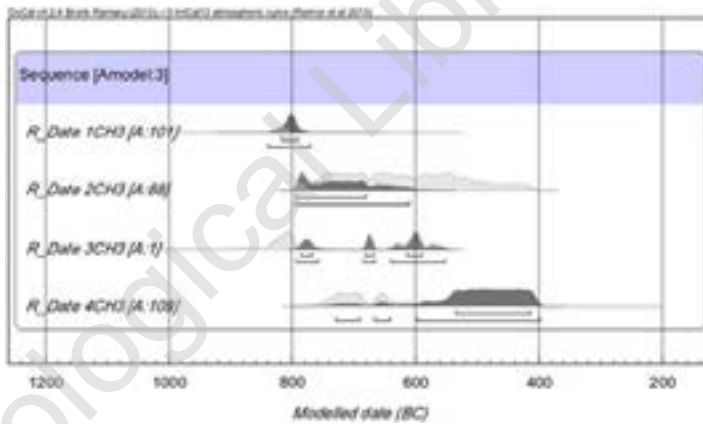

Figure 5 Calibration results of ¹⁴C wiggle-matching of four-point sequence from the CH3 tree rings. The gray-shaded probability distributions represent individual calibrated dates and the black-shaded probability distributions show the modeled calibrated dates using the Bayesian method. The bars under the probability distribution show 95.4% range. "A" is the agreement index.

Table 2 Summary of ¹⁴C measurements on the Shilikty timbers. * Date published in Dolukhanov et al. (1970) from excavations of Chernikov (1965). ** Date published in Toleubayev (2011) and measured in the Radiocarbon Laboratory of Kiev State University, Ukraine.

Cemetery, kurgan	Tree-ring lab ID	AMS lab ID	$\delta^{13}\text{C}$ (‰) 1 σ	¹⁴ C age BP with error	cal yr BC, 2 σ
Cemetery-1, Kurgan 35	n/a	*LE-535	n/a	3360 ± 130	1980–1390
Cemetery-3, Baigetobe kurgan	CH5: Ring #165–174	AA69234	-23 ± 0.6	3442 ± 35	1830–1660
	** Inner rings	n/a	n/a	2590 ± 40	830–750
	** Outer rings	n/a	n/a	2470 ± 45	770–430
	1CH3 Ring #61–70	AA103444	-22.2 ± 0.7	2624 ± 33	840–770
	2CH3 Ring #71–80	AA103445	-24.3 ± 0.7	2470 ± 34	770–470
	3CH3 Ring #81–90	AA103446	-22.5 ± 0.7	2647 ± 34	860–790
	4CH3 Ring #149–158	AA69235	-21.5 ± 0.7	2424 ± 39	590–400

the cemetery's construction. Seemingly, the age of excavated kurgans at the Shilikty Valley ranges between 730 and 500 BC, bracketing the Early Saka in the region. Possibly, our dating results establish the onset of cemetery-3 or the entire Shilikty Valley development because the Baigetobe is one of the largest and most important kurgans in the group and so far at the site. Cemetery-1 could be a century younger or contemporaneous.

215
216
217
218

Q1

Calendar Age of the Baigetobe Kurgan from the Iron Age Saka Cemetery 9

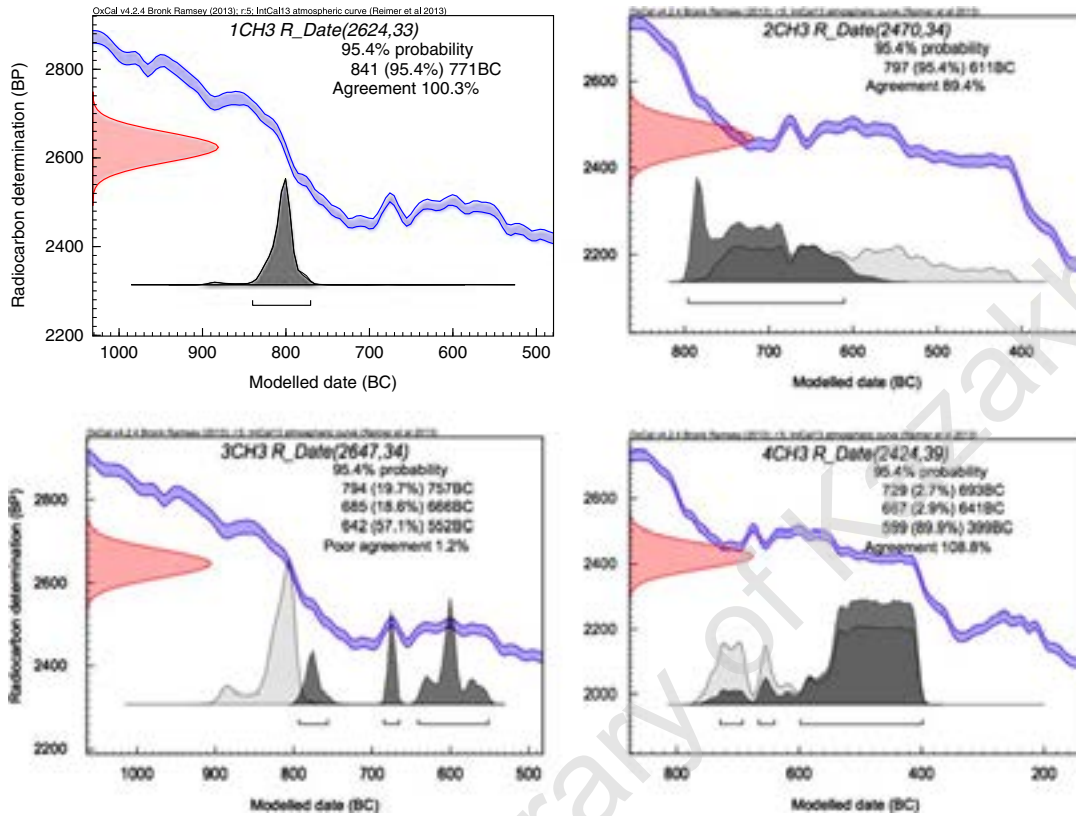

Figure 6 Modeled probability distributions of individual dates from the tree-ring sample CH3, which are about 90 yr apart (Table 2), suggesting the most probable date of the CH3 outer rings is ~730–690 cal BC (see light-gray shaded area 4CH3 plot).

Age Correspondence of the Baigetobe Kurgan with other Scythian Monuments

The Asian Scythian sites scattered across Central Asia belong to various chronological and cultural phases of the Iron Age. With the current state of absolute Scythian chronology, the temporal-spatial patterns of the ethno-cultural landscape in the Scythian Antiquity are far from being clear. The regional radiometric chronology of Saka kurgans in southern Kazakhstan published by Dolukhanov et al. (1970) and later updated by Zaitzeva et al. (2005) indicates an extremely low number of ¹⁴C dates in comparison with the number of ¹⁴C dates for the European and Siberian Scythians. Material dating is the most common means of age estimation for thousands of burial occurrences in Central Asia. As mentioned earlier, the gold collection of Shilikty is quite unique; the closest analogue of the Animal Style designs emanates from the European Scythian kurgans including the Kelermes, the Kostromskoy, the Tomakovskiy and other early Iron Age kurgans dated to the 7th–6th centuries BC in the North Caucasus region (Chernikov 1964; Meyer 2013). Additionally, some technical characteristics and few stylistic images of the Shilikty gold (e.g. boar and fish) are similar to gold collection of the Arjan-2 kurgan, the legendary intact kurgan of Early Siberian Scythians to the northeast of the Altai-Sayan region in Tuva, Russia (Čugunov et al. 2010).

The architecture and construction technology of the Baigetobe kurgan appear more comparable at the local (Shilikty Valley) and regional (Central Asia) scales. Large kurgans from the Shilikty Valley (cemetery-1; Chernikov 1965), the Ili River Valley at the Semirachye (Bes Shatyr site; Akishev and Kushaev 1963) and the Syr Darya Delta near the Aral Sea

219
220
221
222
223
224
225
226
227
228
229
230
231
232
233
234
235
236
237

10 I P Panyushkina et al.

(Tagisken kurgan; Tolstov 1962) have a number of principal similarities in the kurgan construction, including the dimensions of outer and inner surface elements of burial mound, funeral chamber, east-facing underground moat (called in Russian literature a *dromos*), and building materials. The age of this kurgan sequence ranges from about 700 to 500 BC. Based on our dating results of the Baigetobe kurgan implemented with ^{14}C wiggle-matching and tree-ring analysis, it is likely that this kurgan was one of the earliest kurgans from known Saka elite kurgans and the predecessor of the majority of burial occurrences in Central Asia. Moreover, the correlation of burial rites and absolute ages between the Baigetobe kurgan and the early European and Early Siberian Scythians suggests the importance and impact of this kurgan to the onset of Saka nomadic culture in Central Asia.

CONCLUSIONS

The Bayesian modeling probability distribution of sequenced ^{14}C dates has resolved the calibration uncertainties caused by the Hallstatt plateau of the calibration curve and estimated the absolute age of the Baigetobe kurgan (kurgan#1 of Shilikty cemetery-3) at $\sim 730\text{--}690$ BC. This derived age is close to the archaeological dating designated by the burial typology of Early Saka between the early 8th and mid-7th Century BC.

Our dating results indicate that the Baigetobe kurgan was nearly contemporaneous to the Arjan-2 kurgan (Tuva) and could be one of the earliest kurgans of the Saka-Scythian elite in Central Asia, but very few of the hundreds of large kurgans have been excavated and dated. More dating results will help to build a more complete picture and add to the chronology of the region.

ACKNOWLEDGMENTS

This work was funded through NSF BCS #0207654 and #1122398 awards to I Panyushkina and RFFI #14-50-00036 to I Slyusarenko. We thank Dr Alex Wiedenhoef at the USDA Forest Product Lab (Madison, WI, USA) for wood identification.

REFERENCES

- Q3 Akishev KA, Kushaev GA. 1963. *Drevnyaya kultura Sakov i Usuney dolini r. Ili*. Almaty: ■. 287
- Bourgeois J, Gheyle W. 2008. UNESCO-Sponsored Field Campaigns in the Russian and Kazakh Altai. In: *Preservation of Frozen Tombs of the Altai Mountains*. Available online at <http://whc.unesco.org/uploads/news/documents/news-433-1.pdf>. Paris: UNESCO. p 55–60. 288
- Bronk Ramsey C. 2009. Bayesian analysis of radiocarbon dates. *Radiocarbon* 51(1):337–60. 290
- Bronk Ramsey C, van der Plicht J, Weninger B. 2001. ‘Wiggle matching’ radiocarbon dates. *Radiocarbon* 43(2A):381–9. 293
- Chernikov SS. 1951. Vostochnokazakhstanskaya ekspeditsiya. *Bulletin Institute of Material Culture* XXXVII:144–50. 296
- Chernikov SS. 1964. Zolotoy kurgan Chiliktinskoy dolini (k voprosu o proiskhojdenii “skifskogo iskusstva”). *Bulletin of USSRAS Institute of Archaeology* 98:29–32. 297
- Chernikov SS. 1965. *Zagadka zolotogo kurgana. Gde i kogda zarodilos’ “skifskoye iskusstvo.”* Moscow: Nauka. 298
- Čugunov KV, Parzinger H, Nagler A. 2010. *Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva*. Archäologie in Eurasien Band 26. Steppenvölker Eurasiens Band 3. Mainz: Verlag Philipp von Zabern. 300
- Dolukhanov PM, Romanova YeN, Semyontsov AA. 1970. Radiocarbon dates of the Institute of Archaeology II. *Radiocarbon* 12(1):130–55. 302
- Holmes RL. 1983. Computer-assisted quality control in tree-ring dating and measurement. *Tree-Ring Bulletin* 44:69–75. 304
- Jull AJT, Burr GS, Beck JW, Hodgins GWL, Biddulph DL, McHargue LR, Lange TE. 2008. Accelerator mass spectrometry of long-lived light radionuclides. In: Povinec P, editor. *Analysis of Environmental Radionuclides*. Radioactivity in the Environment 11. Amsterdam: Elsevier. p 241–62. 305
- Leavitt SW, Danzer SR. 1993. Method for batch processing small wood samples to holocellulose for stable-carbon isotope analysis. *Analytical Chemistry* 65(1):87–9. 307
- Meyer H. 2013. *Greco-Scythian Art and the Birth of Eurasia: From Classical Antiquity to* 308

Q1

Calendar Age of the Baigetobe Kurgan from the Iron Age Saka Cemetery 11

- Russian Modernity*. New York: Oxford University Press.
- Myglan VS, Slyuserenko IY, Heußner K-U. 2012. Dendrochronologicheskyy analiz drevesini iz Pazyrykskikh kurganov Severo-Zapadnoy Mongolii. In: Molodin VI, Parzinger H, Tseveendorž D, *Zamerzshiyе pogrebalnye kompleksi pazirykskoy kulturi na yujnikh sklonakh Sayljugema*. Moscow: Triumph Print. p 507–23.
- Panyushkina IP, Grigoriev F, Lange T, Alimbay N. 2013. Radiocarbon and tree-ring dates of the Bes-Shatyr #3 Saka kurgan in the Semirechiye, Kazakhstan. *Radiocarbon* 55(3–4):1297–303.
- Reimer PJ, Bard E, Bayliss A, Beck JW, Blackwell PG, Bronk Ramsey C, Buck CE, Cheng H, Edwards RL, Friedrich M, Grootes PM, Guilderson TP, Haffidason H, Hajdas I, Hatté C, Heaton TJ, Hoffmann DL, Hogg AG, Hughen KA, Kaiser KF, Kromer B, Manning SW, Niu M, Reimer RW, Richards DA, Scott EM, Southon JR, Staff RA, Turney CSM, van der Plicht J. 2013. IntCal13 and Marine13 radiocarbon age calibration curves 0–50,000 years cal BP. *Radiocarbon* 55(4):1869–87.
- Rinn F. 2003. Time series analysis and presentation software (TSAP-Win), user reference (Ver. 0.53), RinnTech, Heidelberg, Germany (www.rinntech.com).
- Stark S, Rubinson KS, Samashev Z, Chi YJ, editors. 2012. *Nomads and Networks: The Ancient Art and Culture of Kazakhstan*. Princeton: Princeton University Press. 330
338
339
340
- Toleubayev AT. 2011. Nekotorye rezultaty issledovaniy i istoricheskikh rekonstruktsiyi gruppi uchenikh KazNU im. Al-Farabi po izucheniuy epokhi bronzi i rannego jelezного veka Kazakhstana. *Proceedings of International Conference “Archaeology of Kazakhstan during the Independence”* Volume 2. Almaty: ■. p 23–9. Q44
343
346
347
348
349
320
- Toleubayev A. 2013. *Die Königsnekropolen des Šilikty-Tals. Unbekanntes Kasachstan: Archäologie im Herzen Asiens*. Band II. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum Bochum. p 573–84. 328
322
330
334
- Tolstov SP. 1962. *Po drevnim deltam Oxa i Yaksarta*. Moscow: ■. Q523
336
- van der Plicht J. 2004. Radiocarbon, the calibration curve and Scythian chronology. In: Scott EM, Alekseev A, Zaitseva G, editors. *Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia*. Proceedings of the NATO Advanced Research Workshop, St. Petersburg, 15–18 November 2003. Berlin: Springer. p 45–61. 337
328
330
338
339
360
- Zaitseva GI, Bokovenko NA, Alekseev AY, Chugunov KV, Scott EM, editors. 2005. *Eurasia v Skifskuyu Epokhu*. St. Petersburg: Thesa. 364
363
366

10. Результаты дендрохронологического анализа (Скрипкин В., Ковалюх Н., г.Киев)

Было очень приятно познакомиться с вами и с богатейшими памятниками скифской эпохи, расположенными на территории Казахстана.

Мы продатировали образец древесного спила, который Вы нам передали.

Первая дата получена для внешних колец и составляет 2470 + 45 ВР.

После калибрации получается большой интервал :

1 сигма (68 % вероятности попадания календарной даты в интервал) – 762 – 670, 668 – 628, 596 – 576, 558 – 508, 494 – 492, 444 – 418 ВС

2 сигмы (94,5 % вероятности) 766 – 614, 608 – 412 ВС

Стало ясно, что при обычном датировании мы не сможем определить календарный возраст точнее, чем + 170 лет.

Затем мы взяли сердцевину спила (примерно 4-5 годичных колец) и также продатировали.

Мы получили возраст 2590+ 40 ВР. После калибрации мы получили следующие интервалы:

1 сигма: 810 – 764, 616 – 608 ВС,

2 сигмы: 820 – 758, 680 – 652, 642 -546 ВС

Однозначного интервала также нет. После анализа вероятности попадания календарного возраста в каждый из интервалов (оксфордская программа) мы сделали вывод, что сердцевина имеет возраст в интервале 810 – 764 ВС.

Однако возраст дерева, рассчитанный по количеству годичных колец составил примерно 120 лет и следовательно от возраста 810 – 764 следует отнять 120 лет и тогда мы получаем наиболее вероятную дату срезания (рубки) дерева: 690 – 644 ВС.

Возможно, это объяснение покажется Вам немного сложным, поэтому мы пересылаем в приложении фрагменты из наших статей по суб-калибрационному датированию скифских памятников Украины. Будем рады ответить на все вопросы.

Поздравляем Вас с Новым годом и надеемся на плодотворное и длительное сотрудничество.

Вадим Скрипкин и Николай Ковалюх

Archaeological Library of Kazakhstan

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Шиликтинская долина и окружающие ее предгорья – уникальный культурный микрорайон, который, начиная с эпохи верхнего палеолита, постепенно заселялся и обживался древнейшими людьми, древними и средневековыми племенами. В последние годы благодаря исследованиям профессора Ж.К. Таймагамбетова в предгорьях Саур были обнаружены стоянки людей верхнего палеолита.

Долина особо богата памятниками сако-скифского периода. Здесь сосредоточены величественные царские курганы саков. Очевидно, очень благоприятная для жизни человека и, особенно, для скота долина была на протяжении I тысячелетия до н.э. заселена какой-то аристократической частью сакских племен. Возможно, здесь располагался административный центр раннего государства какой-то одной группы саков или союза племен.

Наши многолетние исследования памятников этой долины показали:

- эти царские курганы являются самыми ранними или одними из самых ранних сако-скифских памятников на всем пространстве Евразии;
- на примере материала кургана Байгетобе (курган №1, Шиликты-3) и других раскопанных в этой долине элитарных курганов мы можем уверенно констатировать: раннесакские шиликтинские памятники имеют свои специфические культурные черты и особенности;
- сказанное выше позволяет нам выделять эти памятники в качестве самостоятельной раннесакской шиликтинской культуры;
- эти особенности и специфические черты раннесакской шиликтинской культуры позднее были распространены в разные регионы Казахстана – в центральный и северный Казахстан, Жетысу, Каратау и Приаралье.

Курган Байгетобе из группы Шиликты-3 представлял собой сложное и грандиозное архитектурное строение, что соответствовало социально-культурным и естественно-охраным целям. Размеры кургана как социальный знак не представляют никакого сомнения. Кроме того захоронение в таком огромном кургане одного единственного человека указывает на его особый, избранный социальный статус.

В структурном отношении курган Байгетобе состоит из трех уровней. Как и большинство других «царских» курганов, это захоронение было разграблено еще в древности.

Тем не менее, в кургане Байгетобе могильника Шиликты-3 найдено 4303 экземпляра золотых изделий. Золотые изделия из Шиликтинского могильника, все без исключения, являются украшениями для одежды, большинство изготовлены методом литья, из золота очень высокой пробы (940 - 970).

Иссыкские, аржанские находки людей «в золотом одеянии» были обнаружены не в центральных захоронениях, а в дополнительных - впускных могилах, несколько в стороне от центрального погребения. Поэтому они оставались нетронутыми, и все золото археологами было зафиксировано в условиях *in situ*.

Одним из важных результатов наших продолжительных исследований шиликтинских царских курганов мы считаем научную реконструкцию костюма шиликтинского золотого человека. В кургане Байгетобе, ограбленном, по всей вероятности, еще соплеменниками захороненного человека, были найдены кости человека и золотые бляшки в восточной половине гробницы, на площади около 8 кв.м, на разных уровнях, в толще земли на высоте 180 см от пола. К тому же, большая часть крупных бляшек, позолоченное оружие и другие аксессуары были унесены грабителями. Поэтому для восстановления одежды и других нарядов шиликтинского царя из кургана Байгетобе нам пришлось пересмотреть и изучить огромное количество литературы о одежде скифов, гуннов, тюрков и других кочевых народов Азии. Были проведены консультации со специалистами разных областей – технологами, дизайнерами и т.п. Научная реконструкция одежды шиликтинского «золотого человека» и подготовка ее эскизного варианта заняла по времени около пяти лет. Наш опыт научной реконструкции «золотой» одежды шиликтинского царя достаточно полно описан в 3-м параграфе III главы настоящей работы.

В отличие от большинства золотых украшений сако-скифского мира шиликтинское художественное золото цельнолитое. По всей видимости, оно украшало прижизненную одежду сакского царя. Одежду, украшенную этими золотыми бляхами, сакский правитель, видимо, надевал во время важных народных празднеств, встреч и торжеств. В

отличие от ритуально-похоронной «золотой» одежды и другого позолоченного наряда сравнительно поздних сако-скифов, которые представляют собой явную бутафорию, шиликтинская одежда была предназначена для ношения при жизни, и сакского царя после смерти похоронили в этом наряде.

Мы сейчас можем утверждать, что шиликтинские саки уже в VIII веке до н.э. были знакомы с техникой микропайки, что является высоким достижением ювелирного искусства. Кроме того, пайка ушка на такой еле различимый простым глазом предмет практически невозможно без использования увеличительного стекла. Таким образом, эти миниатюрные золотые изделия указывают на новые культурно-технические достижения сакского общества.

Можно без ложной скромности полагать, что шиликтинские золотые изделия, как и золотые украшения из иссыкского кургана и других, будучи шедеврами древнего искусства не имеют себе равных в искусстве последующих культур, культур усуней, кангюй, древнетюркских и средневековых племен и народов Евразии.

Особую историко-культурную ценность для сако-скифского искусства представляют деревянные дощечки, на которых масляной краской были нанесены рисунки. На двух из них отчетливо видны изображения оленя и косули. Этот артефакт также относится к разряду редчайших на всем пространстве сако-скифского мира.

В данной работе предпринята попытка поиска культурно-генетических связей сако-скифской культуры с культурными традициями этносов последующих эпох. В частности, мы через сакско-тюркские, сако-скифские и казахские параллели постарались проследить близкие сходства, общие моменты в культуре этих далеких друг от друга, казалось бы, этнокультурных общностей. Таких сходств оказалось очень много, и они имеют не эпизодический, а системный характер. О чем это говорит? Мы уверены в том, что это является явным свидетельством того, что культура древних саков и скифов по своему содержанию и смыслу была близка прототюркским и тюркским традициям, нежели иранским или индоиранским. В процессе сравнительно-сопоставительного анализа культуры сако-скифов с архаичными, доисламскими обычаями и обрядами современных тюркоязычных народов я все больше убеждался в их смысловой, содержательной общности и генетическом родстве.

В результате наших исследований мы пришли к выводу, что социально-экономический уровень развития кочевых обществ, в том числе и сакского, был искусственно, возможно, и преднамеренно, принижен представителями марксистско-ленинской исторической науки. Также незаслуженно принижали уровень экономико-социального и политического развития сакских племен и европоцентристки настроен-

ные наши зарубежные коллеги. По их оценке, саки и другие раннекочевнические общества стояли на стадии развитой родовой общины, в лучшем случае, к середине I тысячелетия до н.э. у них только начинался процесс распада первобытного общества и формирования классов.

Я полагаю, что уже в эпоху средней и поздней бронзы, тем более в раннесакское время на территории Казахстана существовали устоявшиеся классовые общества и раннегосударственные образования. Об этом свидетельствует глубокое социальное неравенство, которое ярко отражается в погребальных сооружениях бегазы-дандыбаевцев, чуть позднее у таких групп саков, живших в Шиликтинской долине. Сам факт строительства величественных сооружений с богатым инвентарем, с одной стороны, и незначительно возвышающихся над землей, с бедным инвентарем, или вообще не имеющих такового, с другой, - признак глубокого экономического и социального неравенства. Европейская в своей основе теоретическая концепция складывания, развития и функционирования государства была построена на анализе оседло-земледельческих общин и культур. Я, как и многие исследователи социально-экономического устройства конно-кочевых скотоводов, считаю, что при оценке социально-экономических отношений в кочевом обществе, политического устройства развитых кочевых общин должны быть свои критерии, свои особые подходы и оценки. К тому же надо помнить, что рыхлые в своей основе потестарно-политические объединения в форме кочевых империй кочевые государства, занимавшие огромные пространства, частенько были недолговечны. Но процесс распада таких государственных образований у кочевников быстро сменялся созданием новых потестарно-политических организмов.

Вопросы социальной стратификации сакского общества Жетысу детально проанализированы К.А. Акишевым на примере «царских» и рядовых курганов, который считал, что именно кочевое скотоводство, являясь для сакского времени наиболее прогрессивной формой хозяйства, способствовало, с другой стороны, развитию имущественного неравенства и резкой дифференциации в обществе [1, с.101]. Еще в начале 60-х годов прошлого века он отмечал, что захороненные под насыпями Бешатырских курганов принадлежали к трем социальным слоям. Так, большие курганы интерпретируются как могилы сакских царей - верховных военачальников [2, с.86].

Следует заметить, что раннегосударственные образования, по мнению А.И. Мартынова, существовали на рубеже VI-V вв. до н.э. «как островки скотоводческой цивилизации в степях и горных долинах евразийской зоны» [3, с.291].

Таким образом, раннесакские шиликтинские элитарные курганы - это памятники не вождей, не жрецов, а курганы, возведенные в честь

правителей сакских племенных раннегосударственных образований. При этом надо всегда помнить, что ранние, но и развитые формы государственности у кочевников-скотоводов, в частности саков, не представляли собой полную идентификацию государственности в современном его содержании и понимании.

Шиликтинская долина была зимовкой саков. По мнению исследователей сако-скифских традиций, погребениями родных на зимних пастбищах древние саки как бы закрепляли за собой территорию, которую покидали на лето. У казахов этнографического времени могилы предков играли роль пограничных знаков. При земельных спорах, если одна из сторон сумела доказать местонахождение (расположение) в том или ином районе могилы своих предков, то он непременно выигрывал процесс. Вообще, этот вопрос своими корнями уходит в проблему прав собственности на землю у кочевников. На мой взгляд, у кочевников (у ранних и поздних) вопрос собственности на землю рода, родового подразделения имел всегда первостепенное и жизненно важное значение. Поэтому у казахов (как и у многих тюркских народов) существовали только два предмета споров и судебных тяжб. Это споры вокруг земельных вопросов и споры, связанные с женщинами, уже принадлежащими по обычаю какому-то роду - «жер дауы, жесір дауы». Земля в качестве пастбища имела высокую ценность и для кочевников древности. Вспомним, безоговорочное решение гунского шаньюй Моде непременно начать войну против китайского князя, когда он попросил на некоторое время выделить им пустующие, не занятые гуннами в то время земли. Ведь это время было очень неудобным для начала войны. Поэтому шаньюй Моде выполнил два предыдущих требования-просьбы китайского князя для того, чтобы выиграть время. Но когда вопрос коснулся земли, он сразу решился начать войну. Мы также знаем, что у древних тюрков главными божествами-святынями после верховного бога Тенгри являлись Жер-Су. Мы считаем, что Шиликтинская долина была Геросом для ранних саков, где они хоронили своих самых почитаемых предков.

Шиликтинские золотые украшения, будучи более ранними по сравнению с аналогичными золотыми изделиями из скифо-сакского мира (Тилля-Тепе, Амударийнский клад, скифские сокровища Причерноморья) дают пищу для размышления по вопросу о первичной прародине скифо-сакского звериного стиля.

Результаты остеологических исследований показали, что все найденные в гробнице кости принадлежат одному и тому же индивидууму мужского пола примерно 35-40 лет. Антропологический тип изученного индивидуума определен как смешанный европеоидно-монголоидный со значительным преобладанием европеоидных элементов, что вполне

согласуется с антропологическими особенностями населения раннего железного века на обширной территории Казахстана и Южной Сибири. Конкретные фактологические материалы, полученные из элитарных памятников Шиликтинской долины, убедительно свидетельствуют о возможности выделения их в качестве самостоятельной культуры.

Таким образом можно констатировать, что в настоящее время материал из шиликтинского золотого кургана изучен мультидисциплинарно, т.е. с привлечением высококвалифицированных специалистов многих отраслей наук. Перечислим их:

- для выявления материала, из которого сшита одежда, были произведены макро- и микроскопические и физико-химические исследования органических проб, полученных из предметов внутри гробницы;

- проведено полное исследование остеологического материала и реконструкция антропологического облика «золотого человека»;

- для установления места происхождения сырья шиликтинского золота были привлечены специалисты отдела цветных металлов Института Геологии РК во главе с д.г.-м.н., профессором Т. Жаутиковым. Ими были взяты пробы с бывшей золоторудной шахты «Алтынказган» и из реки Кандысу, что подтвердило местное происхождение сырья байгетобинского золота;

- произведена аэрофотосъемка памятников центральной части Шиликтинской долины. Аэрофотосъемку производили итальянские специалисты, геоархеолог-фотограф Жан Марк Деом, геоархеолог-картограф Ринато Сало. Документированный комплекс-могильник раннего железного века Шиликты представлен на 37 снимках с разной высоты в перспективном и ортогональном видах, составлена карта;

- для уточнения и выверки наших культурно-исторических датировок кургана Байгетобе было произведено дендрохронологическое исследование спила бревен гробницы из Байгетобе. Дендрохронологические анализы были проведены в двух научных центрах. Один анализ - в киевской лаборатории при содействии коллег В. Скрипкина и Н. Ковалюха, второй - в лаборатории университета Аризона (США), при участии И.П. Панушкиной и И.Ю. Слюсаренко;

- с привлечением специалистов-архитекторов нами была проведена работа по реконструкции внутренней структуры кургана Байгетобе. Тщательная фиксация результатов обмерных работ различных пластов земляного слоя, каменных и деревянных строений дали возможность с высокой степенью точности восстановить их первоначальное положение. Компьютерную реконструкцию внутренней структуры кургана Байгетобе выполнил архитектор А.С. Шадьяров;

- металлографический анализ более 300 золотых украшений на состав золота (пробность) сделаны в лаборатории Отдела цветных метал-

лов Института геологии им. К.И. Сатпаева. По результатам анализа, золотые изделия из кургана Байгетобе изготовлены из золота пробы в пределах 930 - 970;

- известным специалистом по древнему золоту, старшим научным сотрудником Государственного Эрмитажа Российской Федерации Р.С. Минасян была изучена техника и технология изготовления шиликтинских золотых украшений;

- кости животных, найденные в процессе раскопок из кургана №36 группы Шиликты-1, были изучены палеозоологами и зоологами.

Изложенные выше результаты представляют собой плод многолетних совместных междисциплинарных исследований археологов и представителей естественных и точных наук. Мы убеждены, что такой комплексный, мультидисциплинарный подход к изучению археологических памятников несомненно дает положительные и более достоверные результаты.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ВВЕДЕНИЕ

1. Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. -Т.3, вып.2. - Л.,1927. – С.57-112.
2. Грязнов М.П. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане // Казаки. Антропологические очерки. - Вып. II. - Л., 1927.
3. Черников С.С. Загадка золотого кургана. М.: Наука, 1965. – 188 с.
4. Чугунов К.В. Синхронизация культур начала раннескифского времени Центральной Азии, Южной Сибири и Казахстана // Современные проблемы археологии России: Материалы Всероссийского археологического съезда. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – Том II. - 2006. – С.70.
5. Бейсенов А.З. Талды-2 и памятники раннесакского времени степной Евразии // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. – Караганда, 2011. – С.14-21.
6. Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. - Алма-Ата, 1966. - С.303-433.
7. Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. - М.: Искусство, 1978. – 132 с.; Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. – Алма-Ата, 1963. – 320 с.; Акишев К.А., Акишев А.К.. Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана. – Алма-Ата, 1979. - С.38-63; Акишев К.А. Древние и средневековые государства на территории Казахстана (этюды и исследования). - Алматы, 2013. – 188 с.
8. Акишев А.К. Искусство и мифология саков. - А.: Наука, 1984. – 176 с.
9. Самашев З., Фаизов К. Ш., Базарбаева Г. А. Археологические памятники и поле почвы Казахского Алтая. – Алматы, 2001. – 108 с.; Самашев З., Ахметкалиев Р., Алтынбеков К. Консервация и реставрация деградированной древесины берельского кургана № 11. – Алматы: 2004. – 96 с.; Самашев З., Мыльников В. П. Деревообработка у древних скотоводов Казахского Алтая (материалы комплексного анализа деревянных предметов из кургана 11 могильника Берел). – Алматы: ОФ «Берел», 2004. – 312 с.; Горбунов А. П., Самашев З., Северский Э. В. Сокровища мерзлых курганов Казахского Алтая (по материалам могильника Берел). – Алматы: ТОО Ильтех-Кітап, 2005. – 114 с.; Самашев З. Берел. – Алматы: Издательский дом «Таймас», 2011. – 236 с.; Кашкинбаев К., Самашев З. Лошади древних кочевников Казахского Алтая. – Алматы, 2005. – 129 с.
10. Хабдуллина М.Г. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. – Алма-Ата, 1994; Ее же. Поселения раннесакского времени на р.Селеты // Степная цивилизация Восточной Евразии. - Т.1. Древние эпохи. - Астана, 2003. - С.189-214.
11. Бейсенов А.З. Талды-2 и памятники раннесакского времени степной Евразии // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. – Караганда, 2011. - С.14-20; Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. - Алматы, 2008. – 264 с.; Бейсенов А.З. К вопросу о сложении раннесакского звериного стиля (по материалам кургана Талды-2) // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. – Караганда, 2011. - С.32-35.
12. Боковенко Н.А. Некоторые особенности формирования погребального обряда ранних кочевников Саяно-Алтая // Скифская эпоха Алтая. - Барнаул. - 1986. - С.46-48; Его же Проблемы генезиса погребального обряда раннекочевнической знати Центральной Азии // Элитарные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. - СПб., 1994. - С.41-48.
13. Шульга П.И. Этнокультурная ситуация в Горном Алтае и северо-западных предгорьях в VII-III вв. до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 1999. - С.245-250.
14. Омаров Ғ. Шығыс Қазақстанның ерте темір дәуірі. - Алматы, 2014. - 256 с.

15. Бедельбаева М.В. История изучения сакской культуры Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. – Караганда, 2011. – С.134-138.
16. Брашинский И.Б. Сокровища скифских царей. Поиски и находки. – М.: Наука, 1967. – 127 с.

III. ШИЛИКТИНСКОЕ ЗОЛОТО И КОСТЮМ «ЗОЛОТОГО ЧЕЛОВЕКА»

3.1 Характеристика золотых украшений

1. Руденко С.И. Сокровища Пазырыкских курганов // По следам древних культур. – М., 1951. – с. 139; Древнее искусство Алтая. – Л., 1958. – Рис. 36.
2. Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири. – М., 1951. – С. 231. Табл. 20. Рис. 3, 13. Табл. 22. Рис. 5, 6.
3. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев Т.К., Оразбаев А.Т. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1966.
4. Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. – Л.: Наука, 1980. – 64 с.
5. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1989. – С. 346. рис. 19.
6. Черненко Е.В. Скифский доспех. – Киев: Наукова думка, 1968. – 190 с.
7. Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири. – М., 1951. – С.406. – Табл. 38. Рис. 20.
8. Бейсенов А.З. Талды-2 и памятники раннего времени степной Евразии // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. – Караганда, 2011. С.14-20; Бейсенов А.З., Таиров А.Д., Зайков В.В., Блинов И.А. Состав золотых изделий из могильника Талды-2 (Центральный Казахстан) // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. – Караганда, 2011. – С.21-25.
9. Черников С.С. Загадка Золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство». – М.: Наука, 1965. – С. 32-33.
10. Там же. С. 57-58.
11. Семенов А.С. Технология ювелирного производства у ранних кочевников Казахстана (по данным микроанализа) // Черников С.С. Загадка золотого кургана. – М., 1965. – Приложение 1. – С.156-175.

3.2 Золотоносность шиликтинской долины

1. Маргулан А.Х. Горное дело в Центральном Казахстане в древние и средние века // Поиски и раскопки в Казахстане. – Алма-Ата, 1972. С.3.-31
2. Локерман А.А. Лев Иванович Брусицын. – М.: Наука, 1982. – 72 с.
3. Марфунин А.С. История золота. М.: Наука, 1987. – 245 с.
4. Там же. С.14.
5. Там же. С.23
6. Там же. С.142,163
7. Данилевский В.В. Русское золото. М.: ГосНТИ, 1959. – 380 с.; Максимов М.М. Очерк о золоте. М.: Недра, 1977. – 128 с.
8. Черников С.С. Древнее горное дело в районе г. Степняк // Известия АН КазССР. Сер. археология. Вып.1. – Алма-Ата, 1948. – С.13-32.
9. Марфунин А.С. История золота. – М., 1987. – С.19, 20, 28.
10. Маргулан А.Х. Бегазы-Дандыбаевская культура Центрального Казахстана.-Алма-Ата: Гылым, 1998. – Т.1.- 432 с.; Данилевский В.В. Русское золото. – М., 1959.
11. Кузнецова Е.Ф., Мадина С.Ш. Исследование древнего золота Казахстана // Советская археология. – 1990. -№ 2. – С.136-148.

12. Маргулан А.Х. Казахское народное прикладное искусство. – Алма-Ата: Өнер, 1983. – 256 с.
13. Грязнов М.П. Золото Восточного Казахстана и Алтая // Академия Наук на новостройках в 1932-1933 гг. - М., 1935. - С.192-193.
14. Малышев В.М., Румянцев Д.В. Золото. - М.: Металлургия, 1979. – 288 с.
15. Черников С.С. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. - Алма-Ата, 1949.
16. Там же. С.67-68.
17. Там же. С.70. См.: Примечание ответственного редактора А.Х. Маргулана.
18. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. - Т.1. - Алматы, 1996.
19. Маргулан А.Х. Горное дело в Центральном Казахстане в древние и средние века. - С. 26-27.
20. Жаутиков Т. Золотоносность Шиликтинской долины // Научные исследования и реконструкция шиликтинского золотого человека. Отчет. - Алматы, 2007. - С.103.
21. Там же, с.103-105.
22. Там же.
23. Спасский Г.О. О существовании золотосодержащих песков и самих месторождений золота в Киргиз-Кайсацкой степи // Горный журнал. - 1827. - №2. - С.60.
24. Аубакирова Қ.Ш. Шығыс Қазақстанның алтын өнеркәсібіндегі кәсіпкерліктің қалыптасуы және дамуы (XIX ғасырдың 30-жылдары – 1917 жылға дейін). Тарих ғылымдарының кандидаты ғылыми дәрежесіналу үшін дайындалған диссертация. - Қарағанды, 2008. - С.30.
25. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч.II. Кн.II. - СПб., 1786. - С.282.
26. Экспедиции Академии Наук в XVIII и XIX веках. - М.-Л., 1940. - С.37.
27. Левшин А.И. Описание киргиз-казацких или киргиз-кайсацких орд и степей. А., 1996. - С.91.
28. Коцовский В.Д. Отчет по стат-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Семипалатинской и Семиреченской областей. Районы правых притоков Иртыша. Часть.1. - СПб., 1904. - С.9.
29. Аубакирова Қ.Ш. Шығыс Қазақстанның алтын өнеркәсібіндегі... С.31
30. ЦГА РК, ф.345, оп.1, д.2440, с.190-194.
31. Атлас золотых приисков и рудников Устькаменогорского и Зайсанского уездов Семипалатинской области. - Семипалатинск, 1909. - С.22-29.
32. Аубакирова Қ.Ш. Шығыс Қазақстанның алтын өнеркәсібіндегі... С.33.
33. Там же. С.33-34.
34. Черников С.С.. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. - С.6.
35. Нехорошев В.П. История исследования территории Большого Алтая // Большой Алтай. - Л., 1934. - С.17-19.
36. Нечаев А. Геологические исследования Семипалатинской области // Известия геологического комитета. - Т.33. - 1914. - С.108.
37. Татаринов А. Отчет о действии поисковых партии в Алтайском горном округе в 1850 г. // Горный журнал. Ч.III. - Книжка 5.- 1851. - С.81.
38. Коцовский В.Д. Отчет по стат-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Семипалатинской и Семиреченской областей. Районы правых притоков Иртыша. Часть.1. - СПб., 1904. - С.32.
39. Кузнецова Е.Ф., Мадина С.Ш. Исследование древнего золота Казахстана // Советская археология. – 1990. - № 2. - С.136 - 148.
40. Там же. С.140.
41. Коцовский В.Д. Отчет по стат-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Семипалатинской и Семиреченской областей. С.33,64,72,103; Аубакирова Қ.Ш. Шығыс Қазақстанның алтын өнеркәсібіндегі... С.38
42. Аубакирова Қ. Ш. Шығыс Қазақстанның алтын өнеркәсібіндегі... С.94.
43. Сборовский А. Материалы к изучению горного дела в степных областях Западной Сибири // Записки Западно-Сибирского отделения Императорского русского географического общества. Кн. XIX. -

Омск, 1896. - С.107; Аубакирова К.Ш. Шығыс Қазақстанның алтын өнеркәсібіндегі... С.87.

44. Жаутиков Т. Золотоносность Шиликтинской долины. С.107-108.

45. Там же.

3.3 Костюм шиликтинского «золотого человека» в контексте одежды сако-скифского мира

1. Манас // Уәлиханов Ш. Таңдамалы шығармалар. – Алма-Ата: Жазушы, 1985. - 558 с.

2. Геродот. История: Перевод и примечания Г.А. Стратановского. - М.: АСТ, 2006.

3. Яценко С.А. Костюм древней Евразии (ирано-язычные народы). – М.: Восточная литература, 2006. - 662 с.; Его же. Костюм и покровы кочевой аристократии из некрополя Тилля-Тепе (Афганистан) // Ученые записки Комиссии по изучению памятников цивилизации древнего и среднего Востока. - Ч.1. - М., 1989. - С.259-293.

4. Горелик М.В. Опыт реконструкции скифских доспехов по памятнику скифского изобразительного искусства – золотой пластинке из геремесова кургана // Советская археология. – Алма-Ата. - 1971. - №3. - С.236-245; Его же. К этнической идентификации персонажей, изображенных на предметах Амударьинского клада // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. - Л., 1985. - С.36-46.

5. Майтдинова Г.М. История таджикского костюма. генезис костюма таджиков: древность и ранее средневековье - Т.1. – Душанбе, 2004. - 278 с.; Ее же. Древний костюм из могильников Синьцзяна // Проблемы древней и средневековой истории и культуры Средней Азии. – Душанбе, 2001. - С.70-87.

6. Лобачева Н.П. О некоторых чертах региональной общности в традиционном костюме народов Средней Азии и Казахстана // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. - М., 1989. - С.5-38; Ее же. Особенности костюма народов среднеазиатско-казахстанского региона // Среднеазиатский этнографический сборник. - Вып.4. - М., 2001. - С.67-97.

7. Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. - М.: Искусство, 1978. – 125 с.

8. Акишев К.А., Акишев А.К. Присхождение и семантика иссыкского головного убора // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. – Алма-Ата, 1980.

9. Акишев А.К. Искусство и мифология саков. – Алма-Ата: Наука, 1984. - 176 с.

10. Кузьмина Е.Е. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. - Новосибирск, 1988. - С.17.

11. Му Шун Иинг, Ван Минг Дже. Памятники культуры древних народов Синьцзяна (на кит. языке). - Пекин, 1985. - с.20. - фото19; Ходжа Абдукаюм. Западный край: древняя культура (на уйгурском языке). - Урумчи, 1995. - С.47.

12. Памятники культуры Синьцзяна (на уйгурском языке) - Урумчи, 1994.- №3-4. - С.14-31.

13. Горелик М.В. К этнической идентификации персонажей, изображенных на предметах Амударьинского клада // Художественные памятники и проблемы Востока. - Л.: Искусство, 1985. – С.38-39.

14. Вишневская О.А. Культура сакских племен низовья Сырдарьи. - М.: Наука, 1973. - 160 с.

15. Сарианиди В.И. Храм и некрополь Тилля-Тепе. - М.: Наука, 1989. - С.84-91.

16. Аскарлов А.А. Сапаллитепа. – Ташкент: Фан, 1973. - С.133-134; Он же. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы Узбекистана. - Ташкент, 1977. С.101-126.

17. Руденко С.И. Одежда саков // Горноалтайские находки и скифы. Итоги и проблемы современной науки. - М.-Л.- 1952. - 268 с.

18. Лубо-Лесниченко Е. Древние китайские шёлковые ткани и вышивки V в. до н.э. - III в. н.э. в собрании Государственного Эрмитажа. - Л.: Изд-во ГЭ, 1961.

19. Саем Гани. Краткий очерк об археологических памятниках древней культуры Баингулина (на уйгурском языке) // Памятники культуры Синьцзяна. - Урумчи, 1993. - №3-4. - С.19.
20. Грязнов М.П. Аржан – царский курган раннескифского времени. - Л., 1980. - С.19.
21. Сабурова М.А. Реконструкция женского убора по материалам клада Щербинского городища // КСИА. - 1967. - Вып.112. - С.104-106.
22. Щеглова О.А. О некоторых возможностях реконструкции женской одежды по материалам наборов украшений из кладов «древностей антов»: источники, аналоги, результаты // Культура степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии): тезисы докладов. - Самара, 2000. - С.136-141.
23. Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы. Итоги и проблемы современной науки. - М.-Л., 1952.- С.112.
24. Виданова Е.С. Катандинский халат (по материалам реставрационной мастерской ГИМ) // Труды ГИМ. - Вып. III. - Л., 1938. - С.169-178. - Рис.12, 34-35.
25. Руденко С.И. Культура населения горного Алтая. - М.-Л., 1953. - С.268-269.
26. Сычев Л.В. Из истории плечевой одежды народов Центральной и Восточной Азии (К проблеме классификации) // Советская этнография. – 1977. - №37. - С.35-36.
27. Саем Гани. Краткий очерк об археологических памятниках древней культуры Баингулина (на уйгурском языке) // Памятники культуры Синьцзяна. - Урумчи, 1993. - №3-4. - С.22.
28. Дьяконова Н.В. К истории одежды в Восточном Туркестане II-VII вв. // Страны и народы Востока. - М., 1980.- С.193.
29. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. - Новосибирск, 1991. - С.92-93. Рис. 51-23, 55-30;
30. Руденко С.И. Культура населения горного Алтая в скифское время. – М.-Л., 1953. - С.106-107. - Рис.65; табл. ХСII,1,2; ХСIV,1,2; СIII.
31. Райс Тамара. Скифы. Строители степных пирамид. - М.: Центрполиграф, 2004. - С.61.
32. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. - 150 с.
33. Черников С.С. Загадка золотого кургана. М.: Наука, 1965. - С.64, табл.23-6, 29.
34. Грязнов М.П. Первый пазырыкский курган. - Л., 1950. Рис.10, табл.11; Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. - М.-Л., 1960. - С.261, рис.134, а-д; Сорокин С.С. Большой Берельский курган (Полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // Труды Гос. Эрмитажа. - Л., 1969. - Т.Х. - С.222, рис.17; Самашев З. Берел. - Алматы, 2011. - С.172., Рис.406; Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы» (Акалахинские курганы). – Новосибирск, 1994. - С.45.
35. Спицын А.А. Скифо-сарматские курганы Крымской степи // Известия таврической ученой архивной комиссии. - Симферополь, 1918. – Вып. 65.- С.174.
36. Завитухина М.И. Золотая фигурка конного лучника V-IV вв. до н. э. – художественное произведение круга Сибирской коллекции Петра I // Сборник Гос. Эрмитажа. – Л., 1990. - Вып.54. - Рис.1,б; 4.
37. Руденко С.И. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани. – М., 1968. - С.68-73.
38. Полосьмак Н.В., Кундо Л.П. Пазырыкцы в поисках красного цвета // Центральная Азия: источники, история, культура. – М., 2005. - С.590-592.
39. Елкина А.К., Левина Л.М. Одежда, ткани и кожа из джетыясарских могильников // Низовья Сырдарьи в древности. Джетыясарская культура. - Ч.5. - М., 1995. - Вып.5. - С.41-60.
40. Дьяконова Н.В. К истории одежды в Восточном Туркестане II-VII вв. // Страны и народы Востока. – М., 1980. – С.191.
41. Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Очерки искусства Средней Азии. Древность и средневековье. - М.: Искусство, 1982. - С.259.
42. Елкина А.К., Левина Л.М. Одежда, ткани и кожа из джетыясарских могильников. // Низовья Сырдарьи в древности. Джетыясарская культура. - Ч.5. - М., 1995. - Вып.5. - С.39-41.
43. Кузьмина Е.Е. В стране Кавата и Афрасиаба. - М., 1977. - С.93-94.

44. Отчет по реконструкции.
45. Шильц В.В. По поводу персидского кандиза // Городская культура Бактрии - Тохаристана и Согда. Античность, раннее средневековье: материалы Советско-французского коллоквиума. - Ташкент, 1987. - С.161.
46. Полосьмак Н.В. Пазырыкская культура: реконструкция мировоззрения и мифологических представлений. - Новосибирск, 1997. - С.10-19.
47. Полосьмак Н.В. Некоторые исторические и этнографические аспекты изучения древнего текстиля и одежды // Scriptaethnologica. Сборник в честь 70-летия академика Г.М. Бонград-Левина. - М., 2003. - С.145.
48. Майтдинова Г.М. Древний костюм из могильников Синьцзяна // Проблемы древней и средневековой истории и культуры Центральной Азии. - Душанбе, 2001. - Рис. 2.
49. Руденко С.И. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани. - М., 1968. - С.23, рис.9.
50. Акишев А. Костюм золотого человека и проблема катафрактария // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. - Новосибирск, 1981. - С.59.
51. Кузьмина Е.Е. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. - Новосибирск, 1988. - С.17.
52. Руденко С.И. Гоноалтайские находки с скифы. - С.90-91. Рис.34.
53. Полосьмак Н.В. Стережущие золото грифы. - Новосибирск: Наука, 1994. - С.38.
54. Захаров А.А. Материалы по археологии Сибири. Раскопки акад. В.В. Радлова в 1865 г. // Труды ГИМ. - Вып. 1. Разряд археологический. - 1926.- С.80.
55. Доклад о раскопках первого могильника Субеши из Пичана // Памятники культуры из Синьцзяна. - Урумчи, 1994. - №3-4. - С.17-18 (на уйгурском языке).
56. Мирошина Т.В. Об одном типе скифских головных уборов // Совесткая археология. - 1977. - № 3. - С.80.
57. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура андроновской общности и происхождение индоиранцев. - М.: Восточная литература, 1994. - 464 с.
58. Акишев К.А., Акишев А.К. Присхождение и семантика иссыкского головного убора // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. - Алма-Ата, 1980. - С.25; Акишев А.К. Искусство и мифология саков. - Алма-Ата: Наука, 1984. - С.23-25. табл.5.
59. Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. - М.: Искусство, 1978. - С.5.
60. Жумабекова Г.С., Базарбаева Г.А., Онгар А. Иссык. - Алматы, 2011. - С.193.
61. Акишев А.К. Искусство и мифология саков. - С.23-25. табл.5
62. Сарияниди В.И. Афганистан: сокровища безымянных царей. - М.: Наука, 1983. - Рис. 42-44.
63. Руденко С.И. Культура населения горного Алтая. - М.-Л.: АН СССР, 1953. - с.112.
64. Черников С.С. Загадка золотого кургана. М.: Наука, 1965. - С.63, рис.1. 144.
65. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. - Новосибирск: Наука, 1991. - табл. XXI, 11.
66. Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. - Новосибирск: Наука, 1979. - С.55.
67. Грач А.Д. Древние кочевники в Центре Азии. - М.: Наука, 1980. - С.36.
68. Артамонов М.И. Сокровища саков. М.: Искусство, 1973. - С.10.
69. Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории Геродота». - М.: Наука. - С.93-163.
70. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. - М.-Л., 1955. - С.292, рис.143; С.296, рис.148,3; Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. - Л., 1980. - С.64, рис.9; С.69, рис.12, 4, 5, 9; Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. - Новосибирск, 1988. - С.160, табл.1X, 7,8; С.164, табл. XIII, 6; С.167, табл. XV1, 3,6; С.155, рис.5,1.
71. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура андроновской общности и происхождение индоиранцев. - М., 1994. - С.158-159.
72. Вишневская О.А. Культура сакских племен низо-

- вьев Сырдарьи. - М.: Наука, 1973. - С.82, 151, табл. XIX, 9.
73. Членова Л.Н. Памятники переходного карасук-тагарского времени в минусинской котловине // Совесткая археология. - 1963. - №3. - С.56, табл. I; Грязнов М.П. История древних племен верхней Оби по раскопкам близ с.Большая речка // МИА. - 1956. - №48.
74. Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I // САИ. ДЗ-9. - М.-Л., 1962. - С.22, рис.19и.
- 75 Сорокин С.С. Цепочка курганов времени ранних кочевников на правом берегу р. Кок-су (Южный Алтай) // Археологический сборник Государственного Эрми тажа. - Л., 1974. - Вып.16. - С.72-73, рис. 7, 11.
76. Акишев А.К. Семантика и функции искусства «звериного стиля» саков Семиречья // Тезисы докладов конференции «Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана». - Л., 1975. - С.59.
77. Клочко Л.С. Скифская обувь // Советская археология. С. 26-33.
78. Зеймап Е.В. Амударьинский клад. - Л.: Наука, 1979. - С.54, рис.69.
79. Руденко С.И. Культура населения горного Алтая в скифское время. - М. Л.: АН СССР, 1953. - С.111-112.
80. Левина Л.М. Могильники Алтынасар-4 // Низовья Сырдарьи в древности. Джетыясарская культура. - Ч.3-4. - М., 1994. - Вып.4. - С.70-73.
81. Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. - Горно-Алтайск: Алт.кн.изд-во, 1988. - С.71.
82. Суразаков А.С. О социальной стратификации пазырыкцев // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. - Горно-Алтайск, 1983. - С.86.
83. Беленицкий А.М., Распопова В.И. Согдийские «золотые пояса» // Страны и народы Востока. - М., 1980. - Вып.22. - С.217.
84. Тохтабаева Ш.Ж. Серебряный путь казахских мастеров. - Алматы, 2005. - С.185-186.

IV ШИЛИКТИНСКИЕ ЭЛИТАРНЫЕ ПАМЯТНИКИ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ САКО-СКИФСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

4.1. Вопросы, связанные с погребальными сооружениями шиликтинских саков

1. Руденко С.И. Горно-алтайские находки и скифы. - М.-Л.: АН СССР, 1952. - С.9.
2. Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. - М.: Наука, 1989. - С.139.
3. Сапожников В. В. Монгольский Алтай в истоках Иртыша и Кобдо: Путешествия 1905-1909 гг. - Томск: Типо-Литография Т-ва Печатного Дела, 1911. - 408 с.
4. Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. - Новосибирск: Наука, 1992. - С.26.
5. Акишев К.А., Г.А.Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. - Алма-Ата: АН КазССР, 1963. - С.86.
6. Терехова Н.Н. Погребальные конструкции эпохи Хань в Китае // Советская археология. - 1959. - №3 - С.44.
7. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. - Новосибирск, 1987. - С.123.
8. Там же.
9. Вяткин К. Монголы Монгольской Народной Республики // Восточно-Азиатский этнографический сборник. - М.-Л., 1960. - Т.10. - С.182; Сорокин С.С. К вопросу о толковании внекурганных памятников // АСГЭ.- Л., 1981. - Вып.22. - С.30.
10. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. - С.123.
11. Руденко С.И. Горно-алтайские находки и скифы. - М.: OZON, 2012. - С.250.
12. Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н.э.). - М.: Наука, 1991. - С.62-99.
13. Там же. С.121-122.
14. Полосмак Н.В. Стережущие золото грифы. - Новосибирск: Наука, 1994. - С.13.

15. Акишев К.А., Г.А.Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. – Алма-Ата, 1963. - С.79-80.
16. Там же. С.80; См.также: Известия Археологической комиссии. - 1916. - Вып.60. - С.1-6.
17. Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии. - С.120.
18. Толеубаев А.Т. Проблемы эпохи бронзы и раннего железного века Казахстана // Толеубаев А.Т. Избранные труды и статьи. Т.1. - Алматы: Service Press, 2013. - С.204.
19. Вишневская О.А., Итина М.А. Ранние саки Приаралья // Проблемы скифской археологии - М.: 1971. - №177. - С.197-208.
20. Итина М. А., Яблонский Л. Т. Саки Нижней Сырдарьи. (По материалам могильника Южный Тагискен). - М.: Роспэн, 1997. - С.33.
21. Хабдуллина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. - Алматы: Ракурс, 1994. - С.20.
22. Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки нижней Сырдарьи. - С.34.
23. Черников С.С. Загадка золотого кургана. - С.17, 18, 186.
24. Акишев К.А., Кушаев Г. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. - С.76.
25. Хабдуллина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. - С.22-24.
26. Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи. - С.31, 36, 37, 70, 144, 146, 150, 152, 160.
27. Маргулан А.Х. Сочинения. - Т.1. - С.152-179.
28. Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии. -С.47-48.
29. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка.- С.130; Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. - С.12; Полосьмак Н.В. Стерегищие золото грифы. - Новосибирск: Наука, 1994. - С.17.
30. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск, 1987. - С.125.
31. Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии. - С.75.
32. Там же. С.123.
33. Там же. С.162.
34. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. - С.20.
35. Там же. С.124.
36. Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии. -С.104-105.

4.2 Похоронно-поминальные обряды шиликтинцев в свете традиций сако-скифов

1. Райс Т. Скифы. Строители степных пирамид. - М.: Центрполиграф, 2004. - С.90.
2. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. - М.-Л.: АН СССР, 1953. - С.326; Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. - С.128.
3. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. - М.-Л.: АН СССР, 1950. - Т.1. - С.230.
4. Райс Т. Скифы. Строители степных пирамид. - С.90.
5. Полосьмак Н.В. Стерегищие золото грифы (Ак-ахлахинские курганы). – Новосибирск: Наука, 1994.- С.44.
6. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. - М.: АН СССР, 1951. - С.225.
7. Райс Т. Скифы. Строители степных пирамид. - С.91.
8. Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII-IV вв до н.э.- Киев, 1983. - С.315.
9. Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н.э.). - М., 1991. - С.177.
10. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. - С.244.
11. Литература на эту тему обширная: см.: Кузьмина Е.Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. – Киев, 1977. - С.37-43; Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье. - М., 1977. - С.28-54; Толеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обряд-

- ности казахов. – Алма-Ата; Ғылым, 1991. – С.137-149. и др.
12. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск, 1987. – С.14-15.
13. Там же. С.15-16.
14. Толеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов. – С.137-149.
15. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. – С.130.
16. Грязнов М.П. Аржан - царский курган раннескифского времени. - Л.: Наука, 1980. - С.46.
17. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. - С.128-129.
18. Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I. - М.-Л.: АН СССР, 1962. - С.90.
19. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. С.246-247.
20. Там же. С.114.
21. Теплоухов С.А. Раскопки курганов в горах Ноин-Улы // Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К.Козлова. - Л.: Изд-во АН СССР, 1925. - С.20.
22. Толеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов. С.108-111; Толеубаев А.Т. Пережитки анимистических представлений казахов // Проблемы этнографии казахов - Алматы, 2013. - С.17-19.
23. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. - С.358.
24. Полосьмак Н.В. «Стерегущие золото грифы» (Ак-алахинские курганы). - С.9.
25. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. - С.336.
26. Райс Т. Скифы. Строители степных пирамид. - С.103.
27. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. - С.127.
28. Толеубаев А.Т. Жилище в представлениях, верованиях и обрядах казахов // Проблемы этнографии казахов. - Алматы, 2013. - С.320-334.
29. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. - С.20.
30. Тошакоева Е.М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX- начало XX в. – Новосибирск: Наука, 1978. - С.132.
31. Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии. - С.72.
32. Там же. С.157.
33. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. - С.30.
34. Райс Т. Скифы. Строители степных пирамид. - С.98.
35. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. - С.21.
36. Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии. - С.104-105.
37. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. 1991. - С.34.
38. Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар I, VIII – памятник пазырыкской культуры Алтая // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. - Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. - С.25.
39. Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар II-V и некоторые вопросы состава населения Алтая во второй половине I тысячелетия до н.э. // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. - Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. - С.61.
40. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. - С.124.
41. Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии. -С.75.
42. Там же. С.123.
43. Там же. С.162.
- 44.Абетеков А.К. О погребении собаки в усуньском кургане Чуйской долины // КСИА. - М.: Наука, 1978. - Вып.154. - С.59-65.
45. Викторова Л.Л. Монголы: Происхождение народа и истоки культуры. - М.: Наука, 1980. - С.125.
46. Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. - М.: Наука, 1961. - С.136.
47. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. - С.149.
48. Руденко С.И.. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. - М.-Л.: Наука, 1962. - С.25.
49. Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии. -С.178.
50. Вишневская О.А., Итина М.А.. Ранние саки Приаралья // Проблемы скифской археологии.- М., 1971. - С.199.

51. Толстов С.П., Итина М.А. Саки низовьев Сырдарьи // Советская археология. 1966. - № 2. - С.151-175.

52. Вишневская О.А., Итина М.А. Ранние саки Приаралья // Проблемы скифской археологии. - М., 1971. - С.199.

4.3 Некоторые историко-культурные выводы и культурогенетические параллели по геродотовским рассказам о скифах

1. Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От скифии до Индии. - М., 1983.
2. Толеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов. -Алма-Ата, Гылым, 1991.
3. Руденко С.И. Горно-алтайские находки и скифы. - М.-Л.,1952.
4. Полосьмак Н.В. Стережущие золото грифы (Ак-алахинские курганы). - Новосибирск, 1994.
5. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. - Новосибирск, 1987.
6. Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. - М., 1989.
- 7.Сапожников В.В. Монгольский Алтай в истоках Иртыша и Кобдо: Путешествия 1905-1909 гг. - Томск, 1911.
8. Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. -Алма-Ата: Изд-во АН

Казахской ССР, 1963.

9. Толеубаев А.Т. Результаты многолетних мультидисциплинарных исследований царских некрополей Шиликтинской долины // Толеубаев А.Т. Проблемы эпохи бронзы раннего железного века Казахстана. Избранные труды и статьи. Т.1.
10. Толеубаев А. Шілікті жазығы – сақтардың алғашқы мемлекетінің ту тіккен ордасы // Қазақ әдебиеті. - №26. - 2007.
11. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда – Новосибирск, 1991.
12. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. - М.-Л., 1953.
13. Кенин-Лопсан М.Б. Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. - Новосибирск, 1987.
14. Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. - М.-Л., 1962.

4.4 Сако-скифские и казахские параллели в похоронно-поминальных обычаях

1. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. - М.-Л., 1953.
2. Толеубаев А.Т. Юрта в представлениях, верованиях и обрядах казахов // Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстан. – М., 2000.
3. Вяткин К. Монголы Монгольской Народной Республики // Восточно-Азиатский этнографический сборник. - М.-Л., 1960. - Т.10. – С.9.
4. Полосьмак Н.В. Стережущие золото грифы (Ак-алахинские курганы). - Новосибирск, 1994. – 125 с.
5. Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. – Новосибирск, 1992. – С.124.
6. Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. - М., 1989. – 749 с.

7. Сапожников В.В. Монгольский Алтай в истоках Иртыша и Кобдо: Путешествия 1905-1909гг. - Томск, 1911.
8. Руденко С.И. Культура Хуннов и Ноинулинские курганы. М.-Л. , 1962. - 205 с.
9. Толеубаев А.Т. Результаты многолетних мультидисциплинарных исследований царских некрополей Шиликтинской долины // Толеубаев А.Т. Проблемы эпохи бронзы раннего железного века Казахстана. Избранные труды и статьи. -Т.1. -519 с.
10. Толеубаев А. Шілікті жазығы – сақтардың алғашқы мемлекетінің ту тіккен ордасы // Қазақ әдебиеті. - №26. - 2007.
11. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. - М.-Л., 1953.

13. Кенин-Лопсан М.Б. Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. - Новосибирск, 1987.
14. Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. - М.-Л., 1962.
15. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. - М.-Л., 1953.
16. Толеубаев А.Т. Жилище в представлениях, верованиях и обрядах казахов // Толеубаев А.Т. Проблемы этнографии казахов. Избранные труды и статьи. - Т.2.
17. Вяткин К. Монголы Монгольской Народной Республики // Восточно-Азиатский этнографический сборник. - М.-Л., 1960. - Т.10.
18. Сорокин С.С. К вопросу о толковании внекурганных памятников // АСГЭ. -Л., 1981. - Вып.22.
19. Геродот. IV. - С.73.
20. Райс Т. Скифы. Строители степных пирамид. - М., 2004.
21. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. - М.-Л., 1951.
22. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. - М.-Л., 1950. - Т.1.
23. Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. - Новосибирск, 1992.
24. Эти вопросы достаточно хорошо отражены в трудах М.П. Грязнова, Руденко С.И., Киселева С.В., Кубарева В.Д., Молодина В.И., Тишкина А.А., Полосьмак Н.В., Самашева З.С. и др.
25. Грязнов М.П. Аржан - царский курган раннескифского времени. - Л., 1980.
26. Ковалевская В.Е. Конь и всадник. - М., 1977.
27. Витт В.О. Лошади пазырыкских курганов // Советская археология. - 1952. - №16.
28. Толеубаев А.Т. Происхождение и сущность казахского обычая посвящения умершему коня // Изв. АН КазССР. Сер. общ. наук. - 1984. - № 2.
29. Диваев А. Древнекиргизские похоронные обычаи. Отд. оттиск из т. XV Известий общества арх., ист. и этногр. при Казанском ун-те за 1889 г.
30. Рычков И. Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в киргиз-кайсацкую степь в 1771 г. - СПб., 1772.
31. Ауэзов М. О. Путь Абая. - Алма-Ата, 1960. - Т.1.
32. Полевые записки автора: 1977 г. Семипалатинская обл., 1978 г.; Восточно-Казахстанская и Павлодарская обл., 1979 г.; Тургайская и Кустанайская обл., 1980 г.
33. Кармышева Б. Х. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана. - Вып. 1: Историко-этнографические очерки животноводства в дореволюционный период. - ТИИАЭ АН ТаджССР, 1954. - Т. 28.
34. Кастанье И. А. Надгробные сооружения киргизских степей. // Труды Оренбургской учебно-архивной комиссии. - 1911. - Вып. 26.
35. Кастанье И. А. О погребальных обрядах тюркских племен с древнейших времен до наших дней // Известия об-ва арх., ист. и этногр. при Казанском ун-те. - 1894. - Т. 12. - Вып. 2.
36. Хадырев П. Из киргизских поверий. Б. м., б. г.
37. Полевые записки автора, 1976 г. (№ 36, 41), 1977 г. (№ 23, 54).
38. Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и Степей. - СПб., 1832. - Ч.3.
39. Ольховский В. С. Погребальные обряды населения степной Скифии (VII-V вв. до н. э.). - М.: МГУ, 1978.
40. Калоев Б.А. Обряд посвящения коня у осетин // VII международный конгресс антропологических и этнографических наук. - М., 1964.
41. Геродот - IV. - С.71, 72.
42. Теплоухов С.А. Раскопки курганов в горах Ноин-Улы // Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова. - Л., 1925.
43. Тошакова Е.М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX - начало XX в.). - Новосибирск, 1978.
44. Яценко С.А. Костюм древней Евразии. - М., 2006.
45. Ключко Л.С. Скифская обувь // Советская археология, 1992. - №1.
46. Зеймаль Е.В. Амударьинский клад. - Л., 1979.
47. Толеубаев А.Т. Дромосы элитарных курганов предгорий Тарбагатай // Толеубаев А.Т. Проблемы эпохи бронзы и раннего железного века Казахстана. Избранные труды и статьи. - Т.1.

V. РАНЕСАКСКАЯ ШИЛИКТИНСКАЯ КУЛЬТУРА (культурно-хронологический аспект)

1. Грязнов М.П. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. - Кемерово, 1983. - С.3-18.
2. Шульга П.И. Этнокультурная ситуация в Горном Алтае и северо-западных предгорьях в VII-III вв. до н.э. — 1997.
3. Тишкин А.А. Этнокультурная ситуация на территории Алтае-Саянской горной страны и некоторых сопредельных регионов в аржпано-майэмирское время // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этно-социокультурных процессов степной Евразии. - Караганда, 2011. — С.80-81.
4. Черников С.С. К вопросу о хронологических периодах // Первобытная археология Сибири. - Л., 1975. - С.132-137.
5. Акишев К.А., Г.А.Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. - С.79-80.
6. Известия Археологической комиссии. -1916. -Вып.60. - С.1-6.
7. Ольховский В.С. Погребельные обряды населения степной Скифии (УП-III вв до н.э.): автореф... дис. канд. ист. наук. - М.,1978. - С.88.
8. Отчет Археологической комиссии за 1897 г. - СПб,1900. - С.11.
9. Ольховский В.С. Раннескифские погребельные сооружения по Геродоту и археологическим данным // Советская археология. — 1978. - №4. - С.84.
10. Смирнов К.Ф. О погребениях с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье // Советская археология. - XXVII. - 1957. - С.209-221.
11. Отрощенко В.В. Погребения с трупосожжением у племен срубной культуры Нижнего Поднепровья // Энеолит и бронзовый век Украины. - Киев, 1976. - С.172-190.
12. Тереножкин А.И. Скифская культура // Материалы и исследования по археологии СССР. - 1971. — С.19.
13. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. — Новосибирск: Наука, 1987. - С.123
14. Хабдуллина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. - Алматы,1994. - С.20.
15. Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). - М., 1997. - С.31, 36, 37, 70, 144, 146, 150, 152, 160.
16. Маргулан А.Х. Соч. Т.1. - Алматы, 1998. - С.152-179.
17. Брашинский И. Сокровища скифских царей. Поиски и находки. - М.: Наука, 1967. - С.32, 113-116.
18. Чугунов К.В. Синхронизация культур начала раннескифского времени Центральной Азии, Южной Сибири и Казахстана // Современные проблемы археологии России: Материалы Всероссийского археологического съезда. -Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН. — Том II. - 2006. — С.70.
19. Бейсенов А.З. Талды-2 и памятники раннесакского времени степной Евразии //Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. — Караганда, 2011. — С.14-21.
20. Вишневская О.А., Итина М.А. Ранние саки Приаралья //Проблемы скифской археологии. - М., 1971. — С. 197-208.
21. Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен).// М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). - 1997. - 187 с.
- 22.Хабдуллина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. - Алма-Ата,1994. - С.20.
23. Мартынов А.И. Новый район карасукской культуры / А.И. Мартынов // Советская археология. — 1964. — №2, с. 122-123.
24. Членова Н.Л. Карасукские находки на Урале и в Восточной Европе // Советская археология, 1973.- №2. - С.191-204.
25. Кызласов Л.Р. // Археология Северной и Центральной Азии. — Новосибирск, 1975.
26. Кызласов Л. Р. Уюкский курган Аржан и вопрос о происхождении сакской культуры // Советская археология. — 1977. - № 2.
27. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. - Новосибирск,1987. - С.125.

28. Черников С.С. Загадка золотого кургана. - М., 1965. - 188 с.
29. Черников С.С. Работы Восточно-Казахстанской археологической экспедиции 1956 года // КСИИМК. - Вып. 73. - М., 1959.
30. Черников С.С. Раскопки ВКАЭ в 1949, 1956, 1960-1963 гг. - Черников, 1951а, 1951в, 1959, 1965.
31. Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII - III вв. до н.э.) /; АН СССР, Ин-т археологии. - Москва: Наука, 1991. - 253 с.
32. Акишев К.А., Кушаев Г. Древняя культура саков и усуней долины реки Или - Алма-Ата: Наука, 1963. - 320 с.
33. Кызласов Л.Р., Маргулан А.Х.. Плиточные ограды могильника Бегазы // КСИИМК. - Вып. 32. - М.-Л., 1950.
34. Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта // М., 1962. - 322 с.
35. Акишев К.А., Акишев А.К. Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана. - Алма-Ата, 1979. - С.38-63.
36. Алексеев А.Ю., Боковенко Н.А., Васильев С.С. Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология // СПб.: Теза, 2005. - 290 с.
37. Грязнов М.П.. К хронологии древнейших памятников эпохи ранних кочевников // Успехи среднеазиатской археологии. - Вып. 3. - Л., 1975. - С.9-12.
38. Иессен А.А. Некоторые памятники VIII-VII вв. до н.э. на Северном Кавказе // Вопросы скифо-сарматской археологии. - М., 1954. - Рис.8.
39. Шкурко А.И. Скифский кинжал из Днепропетровского музея // Историко-археологический сборник в честь А.В.Арциховского. - М.: Изд. МГУ. - 1962.
40. Заднепровский Ю.А. Вопросы хронологии и периодизации памятников ранних кочевников Средней Азии // Успехи среднеазиатской археологии. - Вып. 3. - Л., 1975. - С.13-17.
41. Грязнов М.П. К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан // Краткие сообщения Института археологии. - М., 1978. - №154. - С.17.
42. Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы. - М., 1952. - 266 с.
43. Членова Н.В. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. - М., 1967. - С.219.
44. Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. - Алма-Ата, 1963. - С.133-135; Кадырбаев М.К. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана // Новое в археологии Казахстана. - Алма-Ата, 1968. - С.32-33; Членова Н.Л. Памятники переходного карасукско-тагарского времени в Минусинской котловине // Советская археология. - 1963. - №3. - С.62; Кузьмина Е.Е. Семиреченский вариант культуры эпохи поздней бронзы // Краткие сообщения Института археологии. - Вып.122. - М., 1970. - С.48.
45. Адрианов А.В. К археологии Западного (из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г.) // Известия Императорской Археологической Комиссии. - Вып.62. - Петроград, 1916. - 94 с.; Руденко С.И. К палеоантропологии Южного Алтая // Казаки. - Л., 1930. - С.137-148; Грязнов М.П. Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири. - Вып.2. - Новосибирск, 1930. - С.6-7; Киселев С.В. Алтай в скифское время (майэмирская культура) // Вестник древней истории. - 1947. - №2 (20). - С.157-172.
46. Кызласов Л.Р. Древняя история Тувы (от палеолита до IX в.). - М.: Наука, 1979. - 207 с., 156 ил.
47. Зинченко С.А. Иконография хищника породы кошачьих, свернувшегося в кольцо: варианты и модификации (на примере памятников Восточного Казахстана) // Сборник Всероссийской археологической конференции «Современные проблемы археологии России». - Т.2. - Новосибирск: изд-во ИАЭ СО АН, 2006.
48. Членова Н.Л. Скифский олень // Материалы и исследования по археологии СССР. - 1962. - №1157. - С.170.
49. Артамонов М.И. Сокровища саков. - М., 1973. - 217 с.
50. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. - М., 1951. - 642 с.; Членова Н.Л. Скифский олень. - С.168, 170; Членова Н.Л. О степени сходства компонентов материальной культуры в пределах «скифского мира» // Петербургский археологический вестник. - №7. - СПб., 1993. - С.9; Артамонов М.И. Сокровища саков. - С.110.
51. Археология СССР. Степная полоса азиатской

части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – 493 с.

52. Зинченко С.А. Вопрос о формах заимствования восточно-казахстанских образов в искусстве тагарской культуры // Сборник докладов международной научной конференции «Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия», посвященной 100-летию рождения С.В. Киселёва. - Красноярск: изд-во КГПУ им. В.П. Астафьева, 2005. - С.162-164.

53. Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайракумов. - Душанбе, 1962. - табл. 40 (11); Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. - Алма-Ата, 1966. - С.386; Максимова А.Г. Курганы сакского времени могильника Джувантобе // Краткие сообщения Института материальной культуры. М., 1960. - Вып. 80. - С. 60-64. Рис. 11.

54. Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры. С. 312-314. Рис. 7 (2,5); 8 (1, 7, 8); С. 323. Рис. 15; С. 324-325. Рис. 26 (6,7); С. 401-402.

55. Толстов С.П., Итина М.А.. Саки низовьев Сырдарьи (по материалам Тагискена) // Советская археология. – 1966. - №2.

56. Чугунов К.В. Серьги раннескифского времени Саяно-Алтая (происхождение традиции и типологическое развитие) // Исторический опыт хозяйственного освоения Западной Сибири. - Книга 1. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – С.386-395.

57. Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени // М.: Палеограф, 2001. - 324 с.

58. Грязнов М.П. Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири. - Вып.2. - Новосибирск: Общество по изучению Сибири. 1930. - С.3-11 и табл.1.

59. Грязнов М.П. Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана // История СССР с древнейших времён до образования древнерусского государства (макет издания АН СССР).-Т.2. - Гл.6. - М.-Л., 1939. – 531 с.

60. Грязнов М.П. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // Краткие сообщения Института материальной культуры. - Вып. XVIII. - М.-Л., 1947. - С.9-17.

61. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с.Большая речка // Материа-

лы и исследования по археологии СССР. - №48. - М.-Л., 1956. - С.11.

62. Киселев С.В. Алтай в скифское время (Майэмирская культура) // Вестник древней истории. - №2. - 1947.- С.157-172; Его же. Древняя история Южной Сибири. - М., 1951. - С.288-293.

63. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. - М.-Л., 1960. - С.164.

64. Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы. - М.-Л., 1952. - С.250;

65. Дашковский П.К. Некоторые проблемы и направления изучения скифской культуры// Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. - №4. - Горно-Алтайск, 1999.- С.66-74.

66. Суразаков А.С. Об этногенезе населения горного Алтая эпохи бронзы и скифского времени // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. – Барнаул, 1988. - С.168-171; Его же. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. - Горно-Алтайск. 1988.- 215 с.

67. Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар II-V и некоторые вопросы состава населения Алтая во вт. пол. I тыс. до н.э. // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. - Горно-Алтайск. 1983. – С.40-71.

68. Могильников В.А. Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке // Материалы по археологии Горного Алтая. -Горно-Алтайск, 1986. - С.35-67.

69. Могильников В.А. Курганы Кер-Кечу // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. - Горно-Алтайск, 1988. - С.60-107.

70. Тишкин А.А. Некоторые аспекты культурно-хронологического решения проблемы изучения скифской эпохи Горного Алтая // Археология Горного Алтая. – Барнаул, 1994. - С.124-127.

71. Марсадолов Л.С. Хронология курганов Алтая (VII-IX вв до н.э): автореф. дис. ...канд. ист. наук. - Л., 1985. - 24 с.

72. Боковенко Н.А. Начальный этап культуры кочевников Саяно-Алтая (по материалам конского снаря-

- жения): автореф. дис. ...канд. ист. наук.. - Л., 1986. - с.13.
73. Боковенко Н.А. Некоторые особенности формирования погребального обряда ранних кочевников Саяно-Алтая // Скифская эпоха Алтая. - Барнаул, 1986. - С.46-48.
74. Тишкин А.А. Культура населения Центрального и Северо-Западного Алтая в раннескифское время: автореф. дис... к.и.н. - Барнаул, 1996. - 28 с.
75. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Культура населения в раннескифское время. - Барнаул, 1997. - Ч.1. - 232 с.
76. Сорокин С.С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // АСГЭ -1966. - №8. - С.39-60.
77. Акишев К.А. Саки азиатские и скифы европейские (общее и особенное в культуре) // Археологические исследования в Казахстане. - Алма-Ата, 1973. - с. 208.
78. Вишневецкая О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н.э. (по материалам Уйгарака). - М.: Наука, 1973. - С.120-127.
79. Марсадолов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII-IV вв. до н.э. (от истоков до нач. 80-х гг.). - СПб., 1996. -100 с.
80. Марсадолов Л.С., Зайцева Г.И., Лебедева Л. М. Корреляция дендрохронологических и радиоуглеродных определений для больших курганов Саяно-Алтая // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. - СПб., 1994. - С.141-156.
81. Марсадолов Л.С., Зайцева Г.И., Семенцова А.А., Лебедева Л.М. Возможности радиоуглеродного датирования для привязки плавающей шкалы больших курганов Саяно-Алтая к календарному времени // Радиоуглерод и археология. - Вып. 1. - СПб., 1994.
82. Зайцева Г.И. Васильев С.С., Марсадолов Л.С., Ван дер Плихт Х., Семенов А.А., Дергачёв В.А., Лебедева Л.М. Радиоуглерод и дендрохронология ключевых памятников Саяно-Алтая: статистический анализ // Радиоуглерод и археология. - СПб., 1997. - С.36-44.
83. Погребова М.Н. О принципах датировки скифской архаики // - Российская археология. -1993. - №2.
84. Раевский Д.С. О логике построения раннескифской хронологии // Российская археология. -1993 - №2.
85. Тохтасьев С.Р. К хронологии и этнической атрибуции памятников скифского типа на Ближнем Востоке и в Малой Азии // Российская археология. -1993 - №3.
86. Чугунов К.В. Датировка больших пазырыкских курганов - новый виток старой дискуссии // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. - Барнаул, 1993. - Ч.1.
87. Грантовский Э.А. О хронологии пребывания киммерийцев и скифов в Передней Азии // Российская археология. - 1993 - №3.
88. Раев Б.А. Пазырык и «Хохлач»: некоторые параллели // Скифо-сибирский мир. - Кемерово, 1984. - С.134-135.
89. Раев Б.А. Аланы в евразийских степях: восток-запад // Скифия и Боспор.-Новочеркасск, 1989. - С.116-117.
90. Членова Н.Л. Центральная Азия и скифы. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. - М., 1997. - 98 с.
91. Грязнов М.П. Некоторые вопросы хронологии ранних кочевников в связи с материалами кургана Аржан // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. - С.6-10.
92. Треножкин А.И. Киммерийцы. - Киев: Наукова думка, 1976. - С.209-210.
93. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. // Л. - 1925.
94. Работа Тальгрена на ин.яз.; Членова Н.Л. Скифский олень // Памятники скифо-сарматской культуры. Материалы и исследования по археологии СССР. - № 115. - М., 1962. -С.167-203.
95. Артамонов М.И. К вопросу о происхождении скифского искусства // Сообщения Государственного Эрмитажа. - XXII. - Л., 1962. - С. 30-35. Литература на ин.яз.: см. ссылку 15 на с.152.
96. Фармаковский Б.В. Архаический период в России. Памятники греческого архаического и древнего

- восточного искусства, найденные в греческих колониях по северному берегу Чёрного моря, в курганах Скифии и на Кавказе // *Материалы археологии России* - №34. –СПг., 1914. -С.17-78.
97. Манцевич А.П. К вопросу о торевтике в скифскую эпоху // *ВДИ*. - 1949. - №2. - С. 196-220.
98. Яблонский Л.Т. Саки Приаралья: общее и особенное // *Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этно-социокультурных процессов степной Евразии*. – Караганда, 2011. - С.218
99. Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // *МИА*. – Т.88. - М.-Л.,1960.
100. Эдинг Д.Н. Резная скульптура Урала. Из истории звериного стиля // *Труды ГИМ*. - Вып.Х. - М.,1940; Гольмстен В.В. По поводу книги Д.Н. Эдинга «Резная скульптура Урала (вместо рецензии)» // *КСИИМК*. - вып.ХII. - М.-Л.,1946; Киселев С.В., Чернецов В.Н., Эдинг Д.Н. Резная скульптура Урала (рецензия) // *КСИИМК*. - Вып.ХII. - М.-Л.,1946.
101. Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири - М., 1951. - 644 с.
102. Граков Б. Скифы. – Киев, 1947. - С.81; Фармаковский Б.В. Архаический период в России. - табл. XII; Руденко С.И. Искусство Алтая и Передней Азии (середина I тыс. до н.э.) - М.,1961; Древности Поднепровья. - Т.III. - табл.XIV.
103. Чугунов К.В. Синхронизация археологических культур раннесакского времени Казахстана и Тывы // *Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии*. – Караганда, 2011. - с.74.
104. Чугунов. К.В. Культурные связи населения Тывы в раннесакское время (по материалам кургана Аржан-2) // *Маргулановские чтения-2011*. -Материалы междунар. арх.конфер. – Астана. 2011. - С.177-180.
105. Бейсенов А.З. Талды-2 и памятники раннесакского времени степной Евразии // *Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии*. - Караганда, 2011.
106. Кадырбаев М.К. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана // *Новое в археологии Казахстана* // *Алма-Ата*, 1968. - С.21-36.
107. Грязнов М.П. Некоторые вопросы сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири // *КСИЭ*. - Т.24. – Алма-Ата, 1955. - С.17.
108. Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII-IV вв до н.э. - Киев,1983. - С. 380.
109. Абаев В.И. Скифский быт и реформа Зороастра // *Arch. Orient. – Praha*, 1956. – №1. – sv.XXIV. – №1.
110. Топонимика Востока. - М., 1962.
111. Ольховский В. С. Погребальные обряды населения степной Скифии (VII-V вв. до н. э.). - М.: МГУ, 1978.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Акишев К.А. Древние и средневековые государства на территории Казахстана (Этюды исследования). – Алматы, 2013. 192 с.
2. Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. – Алма-Ата: Ан КазССР, 1963. – 320 с.
3. Мартынов А.И. О степной скотоводческой цивилизации I тыс. до н.э.//*Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций*. А., 1989. - С.284-292.

Абдеш Ташкенович Толеубаев

РАНЕСАКСКАЯ ШИЛИКТИНСКАЯ КУЛЬТУРА

Ответ. редактор – *д.и.н., профессор Зайнолла Самашев*

Дизайн и художественное оформление – *Александр Садвакасов*

Редактор – *Энкар Какильбаева*

Корректор – *Энкар Какильбаева*

Компьютерная верстка, ретушь, графика – *Павел Садвакасов*

Художественное фото золотых изделий – *Олег Билялов*

Фотографии – *архив автора*

Подписано в печать 14.12.2018.

Объем 33 печ.л.

Тираж 1000 экз. Заказ № 4186.

ИП «Садвакасов А.К.»

050009, г. Алматы, пр. Абая, 143

E-mail: as_design@list.ru

«Все права защищены»

Издательство не несет ответственности
за авторство фотографий, представленных
автором.

Отпечатано с файлов заказчика в

ТОО «Полиграфкомбинат» Республики Казахстан,

050002, г. Алматы, ул. Макатаева, 41.